

СТИВЕН КИНГ

Институт

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН КИНГ

Институт

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44
К41

Серия «Темная башня»

Stephen King
THE INSTITUTE

Перевод с английского *Е. Романовой, Е. Доброхотовой-Майковой*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Фото автора на обложке: *Shane Leonard*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Институт: [роман] / Стивен Кинг; [перевод с английского Е. Романовой, Е. Доброхотовой-Майковой]. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 608 с. — (Темная башня).

ISBN 978-5-17-120968-1

Еще недавно у двенадцатилетнего Люка Эллиса была вполне привычная жизнь: школа, обеды с родителями в любимой пиццерии, вечера в компании лучшего друга... Пока одним июньским утром он не просыпается в собственной комнате, вот только в ней нет окон и находится она в тщательно укрытом от всего мира месте под названием «Институт».

Здесь над похищенными из разных городов детьми, обладающими даром телепатии или телекинеза, проводят жестокие эксперименты с целью максимально развить их паранормальные способности.

Бежать невозможно. Будущее предопределено, и это будущее — загадочная Дальняя половина Института, откуда не возвращался еще никто...

Однако Люк не намерен сдаваться. Он уверен: в любой системе есть слабое место и он дождется часа, когда сможет вновь оказаться на свободе...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 2019
© Jacket Design by Will Staehle / Unusual Corporation
© Jacket Artwork: Train by Ayrat A / Shutterstock;
Boy by Kosmos111 / Shutterstock; Room by
Koksharov Dmitry / Shutterstock; Tracks by Karin
Claus / Shutterstock
Школа перевода В. Баканова, 2020
© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Содержание

Ночной обходчик	9
Умный мальчик	51
Приколись — уколись!	89
Морин и Авери	138
Побег	227
Ад ждет	307
Ад	385
Большой телефон	511
Шепелявый	573
От автора	601

Посвящаю внукам: Итану, Эйдану и Райану

И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои...

И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержден был дом, упершись в них, в один правую рукою своею, а в другой левую.

И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся [всею] силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил [Самсон] при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей.

Книга Судей, глава 16

...а кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.

От Матфея, глава 18

Согласно данным Национального центра по проблемам пропавших без вести и подвергающихся эксплуатации детей, ежегодно в США пропадает 800 000 детей. Большинство находятся. Тысячи — нет.

НОЧНОЙ ОБХОДЧИК

1

Самолет, на котором Тим Джемисон должен был полчаса назад вылететь навстречу ярким огням и небоскрегам Нью-Йорка, все еще стоял у гейта. Когда в забитый салон эконом-класса вошли сотрудник авиакомпании «Дельта» и блондинка с бейджиком службы безопасности на шее, среди пассажиров поднялся недовольный ропот.

— Прошу минутку вашего внимания! — обратился к ним сотрудник авиакомпании.

— Надолго рейс задержат? — спросил кто-то. — Только говорите как есть, без прикрас.

— Ненадолго. Капитан самолета просил вас заверить, что мы прибудем практически вовремя. Но кому-то придется освободить одно место для сотрудника правоохранительных органов, который должен срочно вылететь в Нью-Йорк.

Все дружно застонали, и Тим увидел, как несколько человек вооружились мобильниками — мало ли какие неприятности возникнут.

— Авиакомпания «Дельта» предлагает добровольцу бесплатный билет до Нью-Йорка на рейс в шесть сорок пять утра...

Пассажиры снова застонали. Кто-то сказал:

— Да лучше сразу пристрелите...

Сотрудник авиакомпании как ни в чем не бывало продолжал:

— Также мы предоставляем бесплатный отель и денежную компенсацию в размере четырехсот долларов. Очень выгодное предложение! Желающие есть?

Желающих не было. Блондинка молча осмотрела многолюдный эконом-класс внимательным, но безжизненным взглядом.

— Восемьсот долларов, — сказал сотрудник «Дельты». — Плюс отель и бесплатный билет.

— Прямо телевикторина какая-то, — проворчал сидевший перед Тимом мужчина.

Желающих все равно не нашлось.

— Тысяча четыреста?..

По-прежнему никого. Интересно, но в целом неудивительно. Дело было даже не в том, что на рейс в 6:45 утра вставать пришлось бы в несусветную рань. Просто в салоне с Тимом оказались главным образом семьи, летевшие домой после посещения флоридских достопримечательностей, обгоревшие на солнце парочки — любители пляжного отдыха — да мясистые, недовольные дядьки с багровыми физиономиями, которые точно не стали бы жертвовать своими делами в Нью-Йорке ради тысячи баксов.

В самом хвосте самолета кто-то крикнул:

— За «мустанг» с откидным верхом и два билета на Арубку хоть оба наших места забирайте!

В салоне засмеялись — не слишком дружелюбно.

Сотрудник авиакомпании поглядел на блондинку с бейджиком, но ждать от нее помощи не приходилось. Женщина продолжала молча скользить взглядом по салону. Он вздохнул и выкрикнул:

— Тысяча шестьсот долларов!

Тим Джемисон вдруг подумал: сойти бы с этого самолета да двинуть на север автостопом. И хоть такая

мысль пришла ему на ум впервые, он почему-то сразу представил себе это путешествие, причем в подробностях. Вот он стоит на шоссе 301 где-нибудь в округе Эрнандо, подняв большой палец. На улице жара, кругом роятся мухи, за спиной здоровенный щит с рекламой частного адвоката-разводилы, а из бумбокса на ступеньке ближайшего трейлера орет «Беги со всех ног» группы «REO Speedwagon». Рано или поздно Тима подберет фермер Джон на грузовике с дощатым кузовом, полным дынь, и фигуркой Иисуса на приборной панели. Самое приятное во всей этой ситуации — даже не наличка в кармане; самое приятное — стоять в одиночестве на дороге, за много миль от этой летающей консервной банки, пропахшей духами, потом и лаком для волос.

К тому же всегда приятно срубить денег с государства.

Тим встал во весь свой средний рост (около пяти футов десяти дюймов), поправил очки на переносице и поднял руку.

— Две тысячи плюс наличные за билет, сэр, — и место ваше.

2

Бесплатный отель оказался клоповником в конце самой загруженной взлетно-посадочной полосы международного аэропорта Тампы. Тим заснул под рев самолетов и проснулся под него же. Спустился в столовую, позавтракал вареным яйцом и двумя резиновыми оладьями — не бог весть что, но ел с аппетитом. Затем вернулся в комнату и там просидел до девяти утра, дожидаясь открытия банков.

Обналичить чек не составило труда: в банке уже знали о его приходе и заранее одобрили операцию. Спрятав в левый передний карман две тысячи, выданные купюрами по двадцать и пятьдесят долларов, Тим

получил на посту охраны свою сумку, вызвал «убер» и отправился в Эллентон. Там он расплатился с водителем, дошел до ближайшего указателя на трассу 301-N и начал «голосовать». Спустя пятнадцать минут его подобрал дедок на пикапе — правда, без дынь и дощатого кузова, но в общем и целом вчерашнее видение было весьма точным.

— Куда путь держишь, друг? — спросил старикан.

— Да вот, в Нью-Йорк собрался, — ответил Тим.

Дед харкнул в окно черной табачной слюной.

— Кто ж в своем уме туда едет, а?

— Не знаю, — ответил Тим, хотя сам-то, конечно, знал: бывший коллега ему рассказал, что в Большом Яблоке всегда есть спрос на частную охрану. Тима там с руками оторвут — многие компании по достоинству оценят его огромный опыт и не станут придавать большого значения той заварушке в духе Руба Голдберга*, что загубила карьеру Тима во флоридской полиции. — Сегодня мне бы хоть до Джорджии доехать. Может, там и останусь.

— Вот это я понимаю! Джорджия — другое дело, особливо для тех, кто любит персики. Я-то персики не очень, понос у меня от них. Ничего, что я музыку включу?

— Ничего, конечно.

— Только сразу предупреждаю: я на всю громкость слушаю. Туговат на ухо, знаешь ли.

— Да мне лишь бы ехать.

Вместо «REO Speedwagon» из колонок зазвучал Уэйлон Дженнингс, но Тим не возражал. После Уэйлона пели Шутер Дженнингс и Марти Стюарт. Двое в заляпанном грязью «додж-рэме» молча слушали музыку и смотрели

* Руб Голдберг (1883–1970) — американский карикатурист, инженер и изобретатель. Прославился серией карикатур, в которых фигурируют затейливые и громоздкие устройства, действующие главным образом по принципу «домино» и выполняющие элементарные функции. Такие устройства получили название «машин Руба Голдберга». — *Здесь и далее примеч. пер.*

на шоссе. Через семьдесят миль старикан съехал на обочину, высадил Тима и козырнул: «Ну, бывай!»

В тот вечер Тим так и не добрался до Джорджии. Ночь он провел в очередном клоповнике рядом с придорожным ларьком, где торговали апельсиновым соком. А вот на следующий день Тима занесло в Брансуик (там изобрели какое-то особое, очень вкусное мясное рагу), и он на две недели устроился рабочим на завод по переработке мусора — так же запросто, как сошел с самолета в Тампе. Деньги ему были без надобности, а вот время не помешало бы: перемены ведь не случаются в одночасье. К тому же прямо рядом с закусочной «Денниз» оказался неплохой боулинг. Ну как устоишь перед таким соблазном?

3

Добавив к своему неожиданному богатству двухнедельную зарплату, Тим вышел на брансуикскую обочину трассы I-95 с чувством приятной уверенности в ближайшем будущем, какое нечасто посещает скитальцев. Он простоял на солнцепеке больше часа и уже думал вернуться в «Денниз» за стаканчиком холодного сладкого чая, когда рядом остановился универсал «вольво». Заднее сиденье и багажник машины были забиты картонными коробками. Пожилая дама за рулем опустила стекло и уставилась на Тима сквозь толстые стекла очков.

— Не здоровяк, но мышцы вроде крепкие, — сказала она. — Вы, часом, не маньяк? Не психбольной?

— Нет, мэм, — ответил Тим, а сам подумал: неужели я бы признался?

— Хотя, конечно, вы бы мне не признались. До Южной Каролины со мной доедете? Судя по размеру вашей сумки — да.

Другая машина, громко сигналив, обогнула «вольво» и помчалась дальше. Старушка не обратила на это никакого внимания и продолжила разглядывать Тима.

— Доеду, мэм. Хоть до самого Нью-Йорка.

— Я вас довезу до Южной Каролины — не вглубь, а до окраины сего дремучего штата, — но при условии, что вы мне немного подсобите. Услуга за услугу, если вы понимаете, о чем я.

— Рука руку моет, — ухмыльнулся Тим.

— Мыть мы ничего не будем, но залезайте.

Тим сел в машину. Старушку звали Марджори Келлерман, она заведовала библиотекой Брансуика и была членом некоего Юго-Восточного библиотечного общества — совершенно нищего, потому что «Трамп и его приспешники все заграбастали. В культуре они смыслят ровно столько же, сколько осел — в алгебре».

Через шестьдесят пять миль, еще в пределах Джорджии, она остановилась возле убогой хибары — местной библиотеки. Тим выгрузил коробки с книгами и на тележке отвез их внутрь, а оттуда привез еще дюжину коробок. Марджори Келлерман сказала, что их необходимо доставить в публичную библиотеку города Йемасси, Южная Каролина, до которого ехать миль сорок на север. Однако вскоре после Хардивилла они встали в пробке: обе полосы были забиты машинами.

— Ох, как я этого не люблю! — воскликнула Марджори. — И это вечно случается в Южной Каролине, где местные власти зажали денег на расширение шоссе. Где-то впереди авария, а на двух полосах машинам не разъехаться. Проторчу здесь полдня, это как пить дать. Мистер Джемисон, я освобождаю вас от обязанностей. На вашем месте я бы покинула эту машину, вернулась пешком до съезда на Хардивилл и попытала счастья на семнадцатом шоссе.

— А как же коробки?

— О, не беспокойтесь, я подыщу себе другого крепкого грузчика. — Она улыбнулась. — Буду с вами откровенна: увидев вас на обочине, под палящим солнцем, я решила, что пора немного поискушать судьбу.

— Ну, раз вам точно не нужна помощь... — В пробке у Тима вдруг разыгралась клаустрофобия, прямо как в том самолете «Дельты». — А если все-таки нужна, я останусь. Мне спешить особо некуда.

— Ничего, я справлюсь, — ответила Марджори. — Приятно было познакомиться, мистер Джеемисон.

— Взаимно, миссис Келлерман.

— Может, помочь вам деньгами? Уж долларов десять у меня найдется...

Тим был тронут и удивлен — причем не впервые — добротой и щедростью простых людей, особенно тех, у кого за душой почти ничего нет. Все-таки Америка — по-прежнему славная страна, что бы там ни говорили некоторые (а порой и он сам).

— Нет-нет, что вы! Но спасибо за щедрое предложение.

Тим пожал ей руку, вышел из машины и отправился пешком по обочине к съезду на Хардивилл. Там удача ему не улыбнулась, и он прошагал еще пару миль до перекрестка с внутриштатной магистралью 92, где стоял указатель на ближайший городок под названием Дюпрей. Дело шло к вечеру, и Тим решил не ехать дальше, а поискать ночлег. В этих краях, конечно, рассчитывать на приличную гостиницу не приходилось, но лучше уж спать в клоповнике, чем укрыться в каком-нибудь амбаре или кормить комаров под открытым небом. Так Тим задумал посетить славный город Дюпрей.

Великие дела начинаются с малого.

4

Час спустя он сидел на камне у переезда и ждал, когда откроют дорогу: мимо шел бесконечный на вид товарняк. Поезд направлялся в сторону Дюпрея размеренно и величаво, на скорости тридцать миль в час: крытые товарные вагоны, автомобилевозы (груженные разбитыми, а не новыми машинами), цистерны, платформы и по-

лувагоны с неизвестно какими ядовитыми веществами на борту (в случае крушения поезда они наверняка могли вызвать лесной пожар или отравить население Дюпрея зловонными и даже смертоносными испарениями). Наконец мимо проехал оранжевый тормозной вагон: сидевший на раскладном стуле мужчина в комбинезоне читал книжку в бумажной обложке и курил. Он оторвался от книги и помахал Тиму. Тим помахал в ответ.

До городка, стоявшего на пересечении внутриштатной магистрали 92 (в пределах населенного пункта именуемой Мэйн-стрит) и двух других улиц, оставалось еще две мили. Дюпрей, судя по всему, благополучно избежал засилья крупных сетевых магазинов: Тиму попался только «Вестерн ауто», да и тот давно стоял заколоченный. Зато имелись продуктовая лавка, аптека, хозяйственный (где торговали всем понемножку) и два салона красоты. Еще Тим заметил кинотеатр с табличкой «ПРОДАЕТСЯ» на козырьке, магазин автозапчастей с гордой вывеской «Автомир Дюпрея» и закусочную «У Беверли». Три церкви — одна методистская, две неопознанных конфессий, все из разряда «приди-к-Иисусу». На парковках в центре Тим насчитал от силы десятка два машин, включая фермерские пикапы. Людей на улицах почти не было.

Пройдя три квартала и еще одну церковь, он заметил впереди «Мотель Дюпрея». Сразу за ним — там, где Мэйн-стрит, вероятно, вновь превращалась в магистраль 92, — маячили второй переезд, депо и вереница построек с поблескивавшими на солнце металлическими крышами. За ними опять начинался густой сосновый лес. В общем, Дюпрей напомнил Тиму городок из какой-нибудь ностальгической кантри-песни Алана Джексона или Джорджа Стрейта. Вывеска на мотеле была древней и ржавой — он вполне мог быть закрыт, как и кинотеатр. Но поскольку другой ночлег Тиму явно не светил, он все же направился к мотелю.

Тим прошел мимо местной администрации и остановился возле кирпичного здания с заросшими плющом

стенами. На аккуратно подстриженной лужайке красовалась табличка: «Управление шерифа округа Фэрли». Округ — судя по окружному центру — был совсем нищий.

У входа стояли две полицейские машины. Одна — довольно новый седан, вторая — старенький, заляпанный грязью «фораннер» с проблесковым маячком на приборной панели. Тим глянул на вход в управление — мимолетным взглядом путника с тугой стопкой наличных в кармане — и зашагал было дальше... Потом вдруг замер и подошел поближе к двойным дверям, по бокам от которых висели доски для объявлений. Тима заинтересовало одно объявление, и он решил убедиться, что ему не померещилось.

В наш-то век... Такого просто быть не может!

Однако вот же, рядом с плакатом «ЕСЛИ ТЫ ДУМАЛ, ЧТО В ЮЖНОЙ КАРОЛИНЕ ЛЕГАЛИЗОВАНА МАРИХУАНА, ПОДУМАЙ ЕЩЕ РАЗ», черным по белому написано: «ТРЕБУЕТСЯ НОЧНОЙ ОБХОДЧИК. ОБРАЩАТЬСЯ К ШЕРИФУ».

Ого, подумал Тим, вот так привет из прошлого!

Он собрался продолжить путь, но снова замер на месте и задумался. Как раз в эту секунду двери участка распахнулись, и оттуда, поправляя фуражку, вышел длинный и тощий рыжеволосый коп. Лучи заходящего солнца сверкнули на его значке. Он окинул взглядом рабочие ботинки Тима, пропыленные джинсы и голубую хлопчатобумажную рубашку. Присмотрелся к сумке, висевшей у Тима на плече, затем поднял глаза к его лицу.

— Чем могу помочь, сэр?

Тим вдруг ощутил ту же внезапную решимость, что посетила его недавно на борту самолета.

— Наверное, ничем, но мало ли.

5

Рыжий коп — помощник шерифа по имени Тэггарт Фарадей — пригласил Тима в участок, где в нос сразу ударил привычный запах хлорки и аммиака, доносив-

шийся из четырех камер для задержанных. Познакомив Тима с Вероникой Гибсон, женщиной среднего возраста, которая в тот день дежурила на телефоне, Фарадей попросил у Тима водительские права и еще какой-нибудь документ, удостоверяющий личность. Тим тут же достал права и удостоверение сотрудника полиции Сарасоты — даже не пытаясь скрывать, что срок его действия истек девять месяцев назад. Как только полицейские увидели карточку, их отношение к гостю сразу изменилось.

— Вы, стало быть, не местный, — сказала Ронни Гибсон.

— Не местный. Однако собираюсь им стать — если возьмете меня обходчиком.

— Зарплата крошечная, — сказал Фарадей. — Да мы тут ничего и не решаем: нанимает и увольняет сотрудников шериф Эшворт.

Ронни Гибсон добавила:

— Наш прежний обходчик, Эд Уитлок, вышел на пенсию и уехал в Джорджию. У него боковой склероз, как у Лу Герига*. Славный малый. Не повезло бедняге!.. Ничего, в Джорджии за ним присмотрят.

— Хорошим людям больше всех достается, — сказал Тэг Фарадей. — Дай-ка ему анкету, Ронни. Мистер Джемисон, у нас контора небольшая, всего семь человек, из них двое на полставки. Больше местные налогоплательщики себе позволить не могут. Шериф Джон сейчас на дежурстве. Если к пяти или половине шестого не вернется, значит, поехал домой ужинать. Тогда уж только завтра его увидите.

— Ладно, вечером я все равно буду здесь. Если мотель работает.

— Норберт наверняка найдет для вас свободный номерок, — сказала Ронни Гибсон. Они с Фарадеем переглянулись и засмеялись.

* Лу Гериг (1903–1941) — легендарный американский бейсболист, игравший за «Нью-Йорк янкиз». В США и Канаде боковой амиотрофический склероз часто называют «болезнью Лу Герига».

— Видать, мотель у вас не пятизвездочный, — заметил Тим.

— Без комментариев, — ответила Ронни. — Я бы на вашем месте проверила, нет ли в кровати маленьких кровопийц. А почему вы ушли из полиции Сарасоты, мистер Джемисон? На пенсию-то вам вроде рановато.

— Это я намерен обсудить с вашим начальником — если, конечно, он пригласит меня на собеседование.

Полицейские снова переглянулись — уже куда более многозначительно, — после чего Тэг Фарадей сказал:

— Ну, выдай ему анкету, Ронни, пусть заполняет. Приятно было познакомиться, сэр, и добро пожаловать в Дюпрей. Ведите себя хорошо — и мы поладим. — С этими словами он удалился, оставив вопрос альтернативы хорошему поведению открытым. Сквозь решетку на окне Тим увидел, как «фораннер» выехал с парковки и пока- тил по короткой главной улице Дюпрея.

Ему выдали анкету на планшете с зажимом. Тим устроился на одном из трех стульев у левой стены, поставил сумку между ног и начал отвечать на вопросы.

Ночной обходчик, подумал он. Чтоб меня!

6

Шериф Эшворт — а для большинства горожан и кол- лег просто шериф Джон — оказался пузатым, нетороп- ливым толстяком. У него были щеки как у бассета и коп- на седых волос. На форменной рубашке виднелось пят- но от кетчупа. Он носил «глок» в кобуре и рубиновый перстень на мизинце, говорил с ядреным акцентом, под- черкнуто благодушно, по-свойски, однако его глаза, глу- боко засевшие в заплывших жиром глазницах, были умны и проницательны. Словом, он бы запросто прошел ка- стинг на роль шерифа в каком-нибудь штампованном южном боевичке вроде «Широко шагая», если бы не черный цвет кожи. И еще кое-что: на стене в его каби-

нете, рядом с портретом президента Трампа, висел в рамочке диплом Академии ФБР в Куантико. Такие штуки за упаковки от кукурузных хлопьев не высылают.

— Ну что ж, — сказал шериф Джон, покачиваясь в своем офисном кресле, — времени у нас в обрез. Марселла с меня шкуру сдерет, если я опоздаю к ужину без веской причины.

— Понял.

— Так что давайте сразу к делу. Почему вы ушли из полиции Сарасоты и что делаете в наших краях? Южная Каролина туристов не манит, а уж Дюпрей и подавно.

Эшворт вряд ли стал бы звонить сегодня в Сарасоту, но утром наверняка позвонит, так что Тим решил ничего не приукрашивать. А смысл? Если не возьмут обходчиком, перекантуется в Дюпрее одну ночь и отправится дальше, с частыми остановками до Нью-Йорка. То был в представлении Тима необходимый переходный период между случившимся однажды вечером в «Вестфилд-молле» Сарасоты и тем, что ждало его впереди. Да и в конце концов, честность — лучшая политика, хотя бы по той причине, что в наш век все тайное рано или поздно становится явным. Особенно если в твоём распоряжении есть компьютер и вайфай.

— Мне предложили добровольно уйти в отставку, я и ушел. Никому от этого легче не стало, тем более мне — я свою работу любил, и мне нравилось жить на северном побережье залива, — и все же это было самое разумное решение. Так хотя бы пенсию назначили — не полноценную, конечно, но лучше, чем ничего. Половину я отдаю бывшей жене.

— Так что стряслось-то? И давайте поживей, а то у меня ужин дома стынет.

— История недолгая. Однажды вечером, после смены, я заглянул в «Вестфилд-молл» за новыми ботинками — на свадьбу собирался. Я был в форме, чтобы вы понимали.

— Понимаю.

— Выхожу я из обувного, и тут ко мне подлетает женщина: мол, какой-то подросток размахивает пистолетом у входа в кинотеатр. Я бегом туда, понятное дело.

— И сразу выхватили пушку?

— Нет, сэр, не сразу. Сперва оценил обстановку. Один паренек валялся на полу, а другой — не то пьяный, не то под кайфом — его пинал. И целился в него из пистолета.

— Прямо как в кливлендском деле. Коп пристрелил чернокожего парня, который размахивал пневматикой.

— Вот и я ту историю вспомнил. Да только коп, пристреливший Тамира Райса, божился, что пушка показалась ему настоящей. А я сразу подумал, что парень размахивает игрушкой. Но знать наверняка не мог — вы, конечно, понимаете почему.

Шериф Джон Эшворт и думать забыл о стынущем ужине.

— Потому что парень грозил пистолетом другому парню. Какой смысл наставлять на противника игрушку? Хотя... тот ведь мог и не знать, что это игрушка.

— Потом преступник утверждал, что ничего не *наставлял*, а просто размахивал игрушечным пистолетом, приговаривая: «Это мое, гад, слышишь? Мое не трожь!» Но я-то этого не видел. Мне показалось, что он наставляет на парня пушку. Я заорал, мол, бросай оружие, руки вверх. То ли он меня не услышал, то ли внимания не обратил... так или иначе, парня он пинать не перестал. И все грозил ему пушкой. Или размахивал ею. В общем, тут я и выхватил табельное оружие. — Тим умолк. — Если это важно, оба парня были белые.

— Мне все равно. Дети подрались, один лежал, второй его бил. У второго в руках не то пушка, не то игрушка — поди разбери. И что? Пристрелили вы его? Только не говорите, что...

— Никто никого не пристрелил. Там все иначе вышло. Видали, как вокруг дерущихся обычно собирается толпа народу? А когда кто-нибудь достает пушку, все разбегаются?

- Конечно. У кого мозги на месте, те сразу дают деру.
- Вот и тут все испарились. Кроме нескольких зевак.
- А, снимали происходящее на телефон?

Тим кивнул.

— Спилберги недоделанные. Короче, я направил ствол вверх и пальнул в потолок — вроде как предупредил этого идиота. Зря, конечно, я так сделал, но мне тогда ничего другого на ум не пришло. В той части торгового центра с потолка свисали светильники. Пуля угодила в такой светильник, и он свалился на голову одному из зевак. А паренек сразу бросил пушку — и по тому, как она отскочила от пола, я понял, что это водяной пистолет, похожий на настоящий. Паренек на полу отделался парой синяков и царапин, даже швы накладывать не пришлось. А вот зевака потерял сознание на три часа. Сотрясение мозга заработал. Его адвокат в суде уверял, что у бедняги амнезия и страшные головные боли.

— Он подал в суд?

— Да. Тяжбы идут до сих пор. В конце концов он что-нибудь да получит.

Шериф Джон задумался.

— Ну, он сам виноват — решил поснимать на телефон, вместо того чтобы ноги делать. Вряд ли ему это сойдет с рук. А начальство, небось, на вас все повесило, да? В неосторожном обращении с табельным оружием обвинили?

Да, подумал Тим, и хорошо бы только в этом. Увы. Хоть шериф Джон с виду эдакий афроамериканский босс Хогг, как в фильме «Придурки из Хаззарда», на дурака он не тянет. На его месте почти любой коп вошел бы в положение Тима — однако завтра он наверняка позвонит в Сарасоту и разузнает, что к чему. Так что лучше пусть сразу все услышит из первых уст.

— Перед тем как отправиться в обувной, я заглянул в «Бичкомберс» и пропустил там пару кружек. Полицейские, которые в итоге задержали парня, учуяли запах и велели мне дыхнуть в трубку. Надышал я шесть десятых

промилле — не криминал. Но то, что я в легком подпитии отправил человека в больницу, чести мне не делало.

— А вы вообще-то пьете, мистер Джемисон?

— Пил несколько месяцев сразу после развода, но это было пару лет назад. Сейчас уже не пью.

А если бы пил — так и не признался бы, подумал Тим.

— Понял, понял... Ладно, теперь я говорю — а вы меня поправьте, если что. Значит, вы были не при исполнении. Если бы не форма, вас бы вообще никто не стал просить о помощи.

— Да, но я бы слышал шум и все равно подбежал бы. Коп всегда на службе, вы же знаете.

— Ну да, ну да... А пушку вы тоже всегда с собой носите?

— Нет. Она у меня в бардачке лежит.

Тут Эшворт загнул второй палец, а потом сразу и третий.

— Значит, пистолет у паренька был наверняка липовый, хотя мог оказаться настоящим. Издалека вы не разглядели.

— Точно.

Шериф загнул четвертый палец.

— Незадолго до стычки вы успели принять две порции спиртного.

— Да. Причем пил я тоже в форме.

— Вот это вы зря, конечно. Не самый разумный поступок — опрометчивый, прямо скажем. Но мне все равно кажется, что вам просто страшно не повезло. — Шериф Джон забарабанил пальцами по столу. Рубиновый перстень на мизинце отмечал каждое движение кисти негромким щелчком. — История уж больно бредовая — нарочно не придумаешь. Завтра я для порядка позвоню в ваш участок и все проверю. Заодно еще разок эту байку послушаю, она того стоит.

Тим улыбнулся.

— Шеф полиции Сарасоты — Бернадетта Дипино. И бегите уже домой, а то жена заругает.

— Ну да, ну да. С Марси я сам как-нибудь разберусь. — Шериф подался вперед, перегнувшись через собственное брюхо. Его глаза горели ярче, чем прежде. — А вот если я вас попрошу дыхнуть в трубку прямо сейчас, а? Трезвый вы будете — или не очень?

— Так давайте и узнаем, чего зря гадать?

— Да ладно, думаю, в этом нет нужды. Никакой. — Шериф выпрямился, и многострадальное кресло под ним громко взвизгнуло. — Лучше скажите, зачем вам работать обходчиком, да еще в таком захудалом городишке. Зарплата смешная — сто баксов в неделю. С воскресенья по четверг у нас спокойно, а вот по пятницам и субботам бывает жарко. Стрип-клуб в Пенли закрыли еще в прошлом году, но рядом есть пара злчных местечек.

— Мой дед служил ночным обходчиком в городе Хиббинг, Миннесота. Там еще Боб Дилан родился, слыхали? Ну вот, дед там работал на пенсии, а в молодости тоже был копом. Глядя на него, я и захотел стать полицейским. А как ваше объявление увидел, так сразу подумал... — Тим умолк. А что он, собственно, подумал? Вроде и мыслей-то особых не было, равно как и две недели назад, когда он нанимался рабочим на перерабатывающий завод. Совершенно пустая голова. Тим рассудил, что это запросто может быть признаком некоего внутреннего кризиса.

— Пошли по стопам деда, стало быть. Ну-ну. — Шериф Джон сцепил руки над своим внушительным брюхом и уставился на Тима; его пронизательные глазки поблескивали в сальных карманах глазниц. — Небось, решили, что уже вышли на покой? Коротаєте последние деньки? Не рановато ли вам, а?

— Ну, с полицией я точно покончил. Назад пути нет. Один приятель обещал устроить меня охранником в Нью-Йорке, а мне давно хотелось сменить обстановку. Но для этого ведь необязательно ехать в Нью-Йорк. — На самом деле Тиму хотелось сменить не обстановку, а свой на-строй. Работа ночным обходчиком вряд ли поможет это сделать, хотя как знать...

— Разведены, говорите?

— Да.

— Дети есть?

— Нет. Жена хотела детей, а я не хотел. Не созрел еще.

Шериф Джон пробежал глазами по анкете Тима.

— Тут написано, что вам сорок два. Уж к сорока-то годам обычно созревают, а если нет... — Он умолк и в лучших полицейских традициях стал ждать, когда Тим закончит предложение за него. Не тут-то было. — В общем, когда-нибудь вы и поедете в Нью-Йорк, а пока что решили плыть по течению и никуда не торопиться, я правильно понял?

Да, шериф понял все правильно.

— Если я дам вам работу, откуда мне знать, что через две недели или через месяц вы дальше не поплывете? Дюпрей — не самый интересный городишко в мире и даже в Южной Каролине. Я это к чему... рассчитывать-то на вас можно? Или не стоит?

— Никуда я не поплыву, не бойтесь, — пока работа есть. Вы ведь всегда можете меня уволить, так? А я, если решу плыть дальше, предупрежу вас заранее. Даю слово.

— На такую зарплату не проживете.

Тим пожал плечами.

— Подыщу еще что-нибудь. Думаю, я тут буду не единственный, кто на двух работах крутится. И потом, я подкопил немного — для начала хватит.

Шериф Джон посидел с минуту, подумал, затем встал — на удивление быстро и ловко для человека его комплекции.

— Приходите завтра утром, и мы все решим. Часиков в десять будет нормально.

А вы тем временем успеете позвонить в полицию Сарасоты, подумал Тим, и проверить мою историю. А заодно узнать, нет ли на моей репутации еще каких пятен.

Он тоже встал и протянул шерифу руку. Тот пожал ее — крепко и уверенно.

- Где вы сегодня ночуете, мистер Джемисон?
- В том мотеле, если там есть свободные номера.
- У Норберта номеров хоть завались, — сказал шериф. — И дурить он вас не станет: вы еще немного похожи на копа. Если нормально переносите жареное — советую заглянуть к Беверли, там с семи вечера кормят. Лично я предпочитаю печенку с луком.
- Спасибо за совет. И за собеседование.
- Не за что. Славно поболтали. Когда придете заселяться в мотель, скажите Норберту, что шериф Джон велел вас не обижать. Пусть выдаст вам хорошую комнату.
- Так и скажу.
- Но койку все же осмотрите, перед тем как лечь. Тим улыбнулся.
- Да, меня ваши коллеги уже предупредили.

7

Тим поужинал в закусочной «У Беверли» — жареная курица, зеленые бобы и персиковый пирог. Недурно. С мотелем все обстояло куда хуже: по сравнению с ним предыдущие клоповники показались Тиму прямо-таки дворцами. Кондиционер под окном усердно грохотал, но воздух почти не охлаждал. Из проржавевшей душевой лейки капала вода, и Тиму не удалось ее починить. (В конце концов он положил на дно ванны полотенце, чтобы заглушить надоедливый звук.) Абажур светильника над кроватью был в сигаретных прожогах. Единственная картина — корабль с кровожадно ухмылявшимися чернокожими матросами на борту — висела на стене криво. Тим пытался ее поправить, но она тут же опять скособочилась.

На лужайке перед мотелем стояло раскладное садовое кресло с продавленным сиденьем и ржавыми, как душевая лейка, ножками. Впрочем, сесть Тиму все же удалось:

он вытянул ноги и, отбиваясь от мошкары, смотрел на закатное солнце. Оранжевый печной свет пробивался сквозь ветви деревьев, и от этого зрелища Тиму стало тепло и в то же время грустно на душе. В четверть девятого из-за поворота появился очередной товарняк и, одолев переезд, начал уходить за склады на окраине города.

— Чертов «Джорджия саузерн» вечно опаздывает.

Тим обернулся и увидел хозяина — и единственного ночного сотрудника — сего славного заведения. Он был тощий как жердь. Огромная узорчатая жилетка висела на нем, словно на вешалке. Подвернутые снизу штаны защитного цвета обнажали белые носки и древние кеды. Он носил старомодную стрижку под «битлов», которая обрамляла его лицо, отдаленно напомилавшее крысину морду.

— Да вы что? — сказал Тим.

— А, плевать! — Норберт пожал плечами. — Вечерний поезд все равно мимо чешет. Да и ночной мимо, разве что иной раз дизель для заправки привезет или фрукты с овощами для продуктового. Вон там у нас развязка. — Для наглядности он скрестил два указательных пальца. — Один путь уходит на Атланту, Бирмингем, Хантсвилл и так далее, а второй, из Джексонвилла, — на Чарлстон, Уилмингтон, Ньюпорт-Ньюс. Товарняки здесь днем останавливаются. Грузчиком не думали наняться? На складах обычно требуются люди. Только спина нужна крепкая, не то что у меня.

Тим поглядел на него. Норберт шаркнул ногой и ухмыльнулся, обнажив зубы; Тим подумал, что они явно скоро покинут своего владельца.

— Машина-то ваша где?

Тим продолжал молча смотреть на Норберта.

— Коп, что ли?

— В данный момент я просто человек, который смотрит на закат. И предпочитает делать это в одиночестве.

— Понял, понял, — забормотал Норберт и отбыл, лишь раз покосившись на Тима через плечо.

Товарняк наконец проехал мимо. Красный сигнал на переезде погас. Шлагбаум поднялся. Две-три машины завелись и тронулись с места. Тим смотрел, как алеет опускающееся за горизонт солнце. Вспомнилась любимая поговорка деда, ночного обходчика: «Если небо красно к вечеру — моряку бояться нечего». От сосен вдоль магистралей поползли, сливаясь друг с другом, длинные тени. Тим был почти уверен, что работу не получит. Может, оно и к лучшему: Дюпрей — не просто провинция, а самая настоящая глушь. Если бы не те четыре склада на окраине, город давно бы сгинул. Да и в чем смысл его существования? Служить временным пристанищем телевизоров, что везут с какого-нибудь северного порта вроде Уилмингтона или Норфолка в Атланту и Мариетту? Или компьютерных запчастей, которые переправляют из Атланты в Уилмингтон, Норфолк и Джексонвилл? А то и удобрений, опасных химикатов — раз в здешних краях это не запрещено законом? Все по кругу и по кругу, а ходя по кругу, далеко не уйдешь, это каждый дурак знает.

Тим вернулся в мотель, запер дверь (глупо: хлипкую картонку можно было снести одним пинком), разделся до нижнего белья и лег в постель — продавленную, зато, насколько он сумел разглядеть, без клопов. Закинув руки за голову, уставился на чернокожий и белозубый экипаж фрегата, или как там называют такие посудины. Куда они плывут? И кто они — пираты? С виду вроде пираты. Как бы то ни было, в следующем порту им разгружаться и загружаться. Может, рано или поздно это ждет всех. Он сам недавно выгрузился с самолета на Нью-Йорк. Потом загружал бутылки и банки в сортировочную машину. Сегодня грузил книги для старушки библиотечарши, а потом выгружал. Да и в Дюпрей он попал только потому, что трасса оказалась загружена под завязку: машины и фуры ждали приезда эвакуатора, который должен был увести автомобиль какого-то бедолаги. После того как скорая погрузит в салон водителя и выгрузит его в ближайшей больнице.

А вот ночной обходчик ничего не грузит и не разгружает, подумал Тим. Знай себе ходит да стучит. И в этом, как сказал бы дедушка, есть своя прелесть.

Он уснул и проснулся только около полуночи, когда мимо с грохотом проносился очередной товарняк. Сходил в туалет и, прежде чем снова лечь, снял со стены ухмылявшихся чернокожих матросов.

От этой картины мороз шел по коже.

8

Когда на следующее утро в номере зазвонил телефон, Тим уже принял душ и опять сидел в кресле на лужайке, наблюдая, как тени, накрывшие вчера дорогу, вновь исчезают в лесу. Звонил шериф Джон. Времени он не терял.

— Я подумал, что ваша начальница так рано на работу не приезжает, и решил пока порыться в Интернете, мистер Джемисон. Смотрю, вы кое-чего не упомянули в анкете. Да и на собеседовании тоже. В две тысячи семнадцатом вас представили к награде за спасение жизни, а в восемнадцатом вы у себя в Сарасоте заслужили титул «Полицейский года». Неужто запамятовали?

— Нет, — ответил Тим. — Просто я без подготовки к вам пришел. Будь у меня время подумать, я бы заполнял анкету повнимательней.

— Расскажите-ка эту историю про аллигатора. Сам я рос на берегу болота Литл-Пи-Ди — люблю, знаете ли, крокодилы байки.

— Байка не слишком занятная, потому что аллигатор был не слишком большой. И того мальчишку я не спас, его жизни ничто не угрожало. Но пару забавных моментов могу рассказать.

— Валяйте.

— Вызов поступил из «Хайлендса» — это такой частный гольф-клуб. Я как раз был неподалеку и сразу приехал. Мальчишка — лет одиннадцати-двенадцати — сидел

на дереве рядом с водной преградой и орал почем зря. Ну, а в воде, понятно, сидел аллигатор.

— Прямо «Маленький черный Самбо». Только там были не аллигаторы, а тигры. И судя по тому, что у вас дело происходило на поле для гольфа, мальчонка вряд ли был черный.

— Верно. И аллигатор, в общем-то, спал, — сказал Тим. — Совсем небольшой — футов пять в длину. Может, шесть. Я попросил клюшку, «пятерку», у отца мальчонки — этот самый папаша потом и предложил представить меня к награде — и врезал ему пару раз.

— Надеюсь, аллигатору, а не папаше?

Тим засмеялся.

— Ну да. Аллигатор скрылся в воде, мальчишка слез с дерева — вот и все. — Он помолчал. — Но меня зачем-то показали в местных новостях. Как я махал клюшкой, значит. Ведущий пошутил, как лихо я «загнал» этого аллигатора в воду. Шуточка для гольфистов...

— Ну-ну. А «Полицейского года» вам тоже просто так дали?

— Я никогда не опаздывал, никогда не брал больничные... Надо же кому-то награду вручить.

В трубке на пару секунд воцарилась тишина. Наконец шериф Джон сказал:

— Уж не знаю, как это теперь называется — ложной скромностью или низкой самооценкой, — но мне оно не по душе, так и знайте. Вы простите, я привык без обиняков. Без ножа режу, говорят местные. Моя жена, например.

Тим посмотрел на дорогу, на железнодорожные пути, на убывающие тени деревьев. На водонапорную башню, что возвышалась над городом, словно робот-захватчик из фантастического боевика. День будет жаркий, рассудил он. И еще рассудил, что может либо получить работу, либо потерять ее прямо здесь и сейчас. Все зависит от того, что он скажет. И вот вопрос: так ли нужна ему должность обходчика? Может, он просто скучает по душешке Тому?

— Мистер Джемисон? Алло?

— Я заслужил награду. Она могла достаться другим полицейским, у меня было немало прекрасных коллег, однако заслужил ее именно я. Из Сарасоты я уезжал на легке, но похвальную грамоту все же с собой захватил. Она у меня в сумке. Могу показать, если хотите.

— Хочу, — ответил шериф Джон, — и не потому, что не верю вам на слово. Просто неплохо бы на нее взглянуть. Вы чересчур хороши для этой работы, но если еще не перегорели, можете начинать сегодня в одиннадцать вечера. С одиннадцати вечера до шести утра, такая у вас рабочая смена.

— Не перегорел, — сказал Тим.

— Вот и славно.

— Так запросто?

— Помимо прочего, я привык доверять своим инстинктам. К тому же вы ночным обходчиком устраиваетесь, а не в «Бринкс»* охранником, так что да, вот так запросто. В десять ко мне можете не приходить, лучше выпитесь как следует. И заглядывайте к полудню. Сержант Галликсон проведет вам инструктаж. Короткий. Небось, не ракету строить будете. Хотя субботними ночами по Мэйн-стрит такие ракеты носятся — ух!..

— Понял вас. Спасибо.

— Вы сперва до первого выходного дотяните, а потом уж будете благодарить. Да, и еще кое-что. Вы — не помощник шерифа, табельное оружие вам не полагается. Если попадете в передрягу, сразу зовите нас, не лезьте на рожон. Договорились?

— Да.

— Очень на это надеюсь, мистер Джемисон. Не дай бог узнаю, что у вас с собой оружие — придется вам уносить отсюда ноги.

— Понял.

* «Бринкс» — крупная американская частная охранная организация, насчитывает около 134 000 сотрудников.

— Ну, отдыхайте. С сегодняшнего вечера начнете переходить на ночной образ жизни.

Как граф Дракула, подумал Тим. Он нажал «отбой», повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ», задернул тонкую облезлую занавеску, убрал телефон и снова лег спать.

9

Венди Галликсон (помощник шерифа на полставки) была лет на десять младше Ронни Гибсон и красотка, каких поискать. Ее не портила даже строгая прическа — она стягивала белокурые волосы на затылке в очень тугий пучок, на который и смотреть-то было больно. Тим сразу бросил попытки ее обаять: вокруг Венди словно висело защитное поле, отражавшее любые улыбки и заигрывания. Возможно, она держала на примете другого кандидата на должность обходчика — брата или бойфренда.

Венди вручила Тиму карту убогого центра города, портативную рацию и поясные табельные часы. Батареек на часах нет, объяснила она, их нужно заводить вручную каждый раз, когда заступаешь на смену.

— Такие часы, наверное, считались последним словом техники году эдак в сорок шестом, — сказал Тим. — А вообще они мне нравятся. Ретро.

Галликсон даже не улыбнулась.

— Вам нужно нажать кнопку у центра по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз», а потом — в железнодорожном депо на западном конце Мэйн-стрит. Это одна целая шесть десятых миль в одну сторону. Эд Уитлок успевал намотать за смену четыре таких круга.

То есть почти тринадцать миль.

— Здорово! Про диеты и тренировки можно забыть.

И опять ни намека на улыбку.

— Мы с Ронни Гибсон составим вам график. На неделе у вас будет два выходных, скорее всего по понедель-

никам и вторникам. После уик-энда обычно тихо, но иногда мы будем просить вас выйти на работу во внеурочное время. Если вы тут задержитесь, конечно.

Тим положил руки на колени и улыбнулся уголком рта.

— Я вам чем-то не угодил, помощник шерифа Галликсон? Если да, так и скажите. Или не рычите.

Кожа у нее была светлая, северного типа, и оттого щеки моментально залились ярким румянцем — очаровательным. Впрочем, вряд ли она ему обрадовалась.

— Я пока не знаю, угодили вы мне или нет. Время покажет. Коллектив у нас хороший, хоть и маленький. Мы давно вместе. А вы пришли с улицы и сразу получили работу. Хотя местные над обходчиками вечно посмеиваются, Эд держался молодцом, близко к сердцу шуточки не принимал: дело-то важное, особенно в таком городке, как наш, где полицейских по пальцам пересчитать можно.

— Профилактика обходится дешевле лечения, — сказал Тим. — Так мой дед говорил. Тоже ночным обходчиком работал, офицер Галликсон. Потому я и вызвался на эту должность.

Кажется, она немного оттаяла.

— Часы в самом деле древние. Что я могу сказать? Привыкайте, делать нечего. Ночной обходчик — аналоговая должность в цифровом веке. По крайней мере, в Дюпрее.

10

Тим очень скоро понял, что она имела в виду. Он стал, в сущности, патрульным полицейским образца 1954 года, только без пистолета и дубинки. Задерживать правонарушителей не входило в его полномочия. Несколько городских контор были оборудованы сигнализацией, но большинство заведений не могли себе этого позволить. Обходя магазины вроде «Тысячи мелочей»

и «Аптеки Оберга», Тим проверял, горят ли зеленые огоньки сигнализации и нет ли на дверях следов взлома. В заведениях поменьше он тряс дверные ручки, заглядывал в окна и трижды стучал — по традиции. Порой изнутри отвечали — жестом или голосом, — но обычно ответа не было, и Тима это устраивало. Он оставлял мелом отметку и шел дальше, всякий раз вспоминая старый ирландский анекдот: *Коли придешь первым, Пэдди, оставь метку на двери. А коли первым приду я, так я ее сотру.* Никакого практического смысла в этих отметках не было, просто так уж повелось у обходчиков — вероятно, еще со времен Реконструкции.

Один помощник шерифа помог Тиму с жильем. У матери Джорджа Баркетта была небольшая меблированная квартирка над гаражом, и она готова была ее сдать.

— Всего две комнаты, зато чисто и уютно. Мой брат жил там пару лет, пока не уехал во Флориду: вовремя понял, что тематический парк студии «Юниверсал» — дельце выгодное. Сейчас прилично зарабатывает.

— Молодец.

— Да, но жизнь во Флориде ух какая дорогая!.. Должен предупредить, Тим, если ты снимешь у мамы эту квартиру, музыку ночью слушать нельзя. Она музыку не любит. Даже когда Флойд на банджо играл — а играл он знатно, — она на него так злилась, просто ужас.

— Да меня по ночам и дома-то не бывает.

Помощник шерифа Баркетт — лет двадцати пяти, добродушный и веселый, не слишком обремененный интеллектом — тут же просиял.

— А, ну да! Запомню, извини. В общем, там стоит небольшой «Кэрриер» — воздух слегка охлаждает, спать можно. Флойд спал и не жаловался. Ну как, будешь снимать?

Тим согласился, и хотя кондиционер его действительно не впечатлил, кровать оказалась удобной, гостиная — уютной, а душ не капал. На кухне кроме микроволновки и плитки ничего не было, но Тим почти всегда

ел в закусочной «У Беверли». Да и деньги хозяйка просила смешные: семьдесят баксов в неделю. Джордж выставил свою мать эдакой драконшей, но та оказалась милой старушкой с густым южным акцентом (Тим обычно не понимал и половины ею сказанного). Порой она оставляла у него под дверью ломтик кукурузного хлеба или кекса в вощенной бумаге. Не хозяйка, а добрый домовой.

Норберт Холлистер, крысомордый хозяин мотеля, оказался прав насчет «Складов и хранилищ Дюпрея»: им действительно всегда требовались грузчики. Тим рассудил, что там, где за тяжелый физический труд платят по минимальной ставке (в Южной Каролине она составляла семь долларов двадцать пять центов за час), текучка всегда большая. Он побеседовал с бригадиром — Вэлом Джарретом, — и тот предложил ему три часа в день, начиная с восьми утра: Тим как раз успевал умыться и перекусить после смены. Так что теперь он не просто обходил город, а снова грузил и разгружал.

Так устроен мир, говорил он себе. Так устроен мир. И вообще — это временно.

11

Жизнь Тима Джемисона в маленьком южном городке постепенно входила в приятный размеренный ритм. Он не собирался торчать в Дюпрее всю жизнь, но вполне мог остаться до Рождества (и даже поставить крошечную елочку в своей квартире над гаражом), а то и до лета. Да, насыщенной культурной жизнью городок похвастаться не мог, и ясно было, почему молодежь рвалась прочь из этой монохромной тоски, однако Тим жизнью наслаждался. Со временем он, конечно, заскучал бы, а пока его все устраивало.

Вставал он в шесть вечера. Ужинал в закусочной «У Беверли» — то один, то в компании помощников ше-

рифа; потом семь часов подряд обходил город; завтракал в той же закусочной; работал на вилочном погрузчике на складе до одиннадцати; съедал сэндвич с колой или сладким чаем в тенечке у железнодорожного депо; возвращался к миссис Баркетт и спал до шести, а по выходным мог продрыхнуть двенадцать часов подряд. В свободное время читал юридические триллеры Джона Гришэма, а еще проглотил всю «Песнь Льда и Пламени» — и особенно проникся личностью Тириона Ланнистера. Тим знал, что по циклу есть сериал, но смотреть его не хотел: драконы и сами прекрасно оживали в его воображении.

Работая полицейским, он успел хорошо узнать ночную жизнь Сарасоты — она так же разительно отличалась от курортной пляжно-серферской идиллии, как мистер Хайд — от доктора Джекила. Ночная личина города нередко внушала омерзение, а порой и ужас. Хотя Тим никогда не использовал в речи гнусную полицейскую аббревиатуру, обозначающую мертвых наркоманов и подвергшихся насилию проституток — ЧЖН (человеческих жертв нет), — спустя десять лет службы он стал тем еще циником. Иногда он приносил эту горечь домой (*часто*, мысленно добавлял Тим, когда хотел быть с собою честен), и она стала составляющей той кислоты, что в конечном итоге развела его брак. Из-за этой горечи, судя по всему, он не хотел иметь детей. Слишком уж страшен мир, слишком многое может пойти не так. И аллигатор на поле для гольфа — меньшая из бед.

Устраиваясь ночным обходчиком, Тим ни за что бы не поверил, что в городишке с населением чуть больше пяти тысяч человек (значительная часть которых жила на фермах за пределами города) вообще может быть какая-то ночная жизнь. Тем не менее у Дюпрея она была, и Тим с удивлением обнаружил, что она ему нравится. Люди, которых он встречал ночью, стали самой приятной частью его работы.

Например, он познакомился с миссис Гулсби — та почти каждую ночь махала ему рукой или тихо здорова-

лась, мерно покачиваясь в кресле на крылечке и потягивая что-то из кружки (виски, газировку с сиропом или ромашковый чай — бог ее знает). Порой она засиживалась допоздна и снова махала Тиму, когда тот нарезал уже второй круг за смену. Фрэнк Поттер, еще один помощник шерифа, с которым Тим иногда ужинал в закусочной, рассказал, что миссис Гулсби в прошлом году овдовела. Фура Венделла Гулсби попала в снежную бурю и съехала со склона холма в Висконсине.

— Ей еще и пятидесяти нет, но Вен и Эдди были женаты целую вечность, — сказал Фрэнк. — Поженились почти детьми, когда им еще голосовать и покупать спиртное было нельзя. Как в песне Чака Берри, про свадьбу двух подростков. Обычно молодежи надолго не хватает, но это не про них.

Позже Тим познакомился с Сироткой Энни, бездомной, что почти каждую ночь спала на надувном матрасе в проулке между полицейским участком и «Тысячей мелочей». В поле за железнодорожным депо у нее была палатка, и в дождливые ночи она перебиралась туда.

— Звать ее Энни Леду, — сказал Билл Уиклоу, отвечая на вопрос Тима. Билл был самым старшим из помощников шерифа, работал на полставки и, похоже, лично знал всех жителей Дюпрея. — Обосновалась в этом проулке сто лет назад. Почему-то он ей больше по душе, чем палатка.

— А что она делает, когда наступают холода? — спросил Тим.

— Уезжает в Йемасси. Ронни Гибсон обычно ее возит — они вроде как дальние родственницы. Там есть ночлежка для бездомных. Энни говорит, что ночует в этом месте только в случае крайней нужды — мол, не хочет спать среди психов. На это я ей отвечаю: кто бы говорил, подруга!

Тим каждую ночь проходил мимо ее логова в проулке, а однажды после смены на складе заглянул и в палатку — просто из любопытства. На бамбуковых жердях

у входа висели три флага: звезды с широкими полосами, звезды с узкими полосами и один, которого Тим раньше не видел.

— Это флаг Гвианы. Нашла его на помойке возле «Зоунис». Симпатичный, да?

Энни сидела на раскладном стуле, накрытом куском прозрачного полиэтилена, и вязала длиннющий шарф — такой мог бы подойти какому-нибудь великану из книжек Джорджа Мартина. Вообще-то она была дружелюбной (ни намек на то, что давний коллега Тима называл «параноидным психозом бомжа»), любила слушать ночные ток-шоу по радио и порой несла околесицу про летающие тарелки, приходящих* и одержимых дьяволом.

Как-то ночью Тим застал ее в проулке за прослушиванием радио и спросил, почему она не спит в палатке за депо — палатка-то вроде отличная. Энни посмотрела на него как на сумасшедшего и ответила:

— Здесь у меня полиция под боком. А что там за депо, вы хоть знаете, мистер Джей?

— Леса?

— Леса и болота. Целые мили валежника да трясин — аж до самой Джорджии. Тьма всякой *живности*! И людей плохих тоже хватает. Когда с неба льет, я себя уговариваю: мол, никто из лесу не выйдет в такую погоду. Но спится там все равно не очень. Нож-то у меня под рукой, да что от него толку, если в палатку забредет какая-нибудь болотная крыса?

Худая до истощения, Энни жадно набрасывалась на маленькие гостинцы, которые Тим приносил ей из закуской перед сменой на складе — вареный арахис или шкварки «Макс крэклинс», пирожные с маршмэллоу, вишневые корзиночки. Однажды он подарил ей банку маринованных огурчиков «Уиклз»: Энни прижала ее к своей впалой груди и засмеялась от удовольствия.

* Приходящий (walk-in — пришелец, подселенец) — душа, вселяющаяся в человека вместо его собственной души. Понятие из философии нью-эйджа.

— «Уиклз»! Мои любимые! Сто лет их не ела!.. Почему вы так ко мне добры, мистер Джей?

— Не знаю, — ответил Тим. — Просто вы славная, Энни. Можно попробовать?

Она протянула ему банку.

— Спрашиваете! Вам и открыть их придется, у меня ж руки больные. Артрит, будь он неладен. — Энни показала ему свои пальцы — скрюченные и похожие на лесные коряги. — Шить и вязать я пока могу, но бог знает, когда руки совсем откажут...

Тим открыл банку и поморщился от уксусного запаха, ударившего в нос. Выудил одно маринованное огуречное колечко. С него стекала ядреная жидкость, которая запросто могла оказаться формальдегидом.

— Дай сюда, дай сюда!

Он вернул ей банку и съел один «уикл».

— Господи, Энни! Похоже, мне навсегда свело рот оскоминой!

Она засмеялась, обнажив немногочисленные уцелевшие зубы.

— Их лучше класть на ломоть хлеба с маслом и запивать холодненькой газировкой. Или пивом. Жаль, я больше не пью.

— А что это вы вяжете? Шарф?

— Господь не придет в Своем облачении. Ну, ступайте, мистер Джей, долг зовет. И остерегайтесь типов на черных машинах. Джордж Оллмен по радио вечно про них рассказывает. А знаете, откуда *они* появляются? — Энни бросила на него многозначительный взгляд. Не поймешь, шутила она или нет.

Еще одним ярким персонажем ночной жизни Дюпрея был Корбетт Дентон, городской цирюльник. Местные прозвали его Барабанщиком — за какую-то юношескую выходку, про которую никто толком не мог рассказать. Известно было лишь то, что за нее Дентона на месяц отстранили от занятий в школе. Если в юности он и был хулиганом, то те дни остались в прошлом.

Теперь Барабанщик постарел, порядком облысел, страдал ожирением и плохо спал по ночам. Когда ему не удавалось заснуть, он садился на ступеньку крыльца своей парикмахерской и смотрел на безлюдную Мэйн-стрит. Безлюдную, если не считать Тима. Они обменивались бессмысленными светскими замечаниями, принятыми у едва знакомых людей — о погоде, бейсболе, ежегодной летней уличной распродаже, — но как-то раз Дентон позволил себе весьма странную реплику, которая насторожила Тима.

— Знаете, Джемисон, наша жизнь — она ведь ненастоящая. Это просто театр теней, и лично я буду рад, когда погасят свет. В темноте все тени исчезают.

Тим присел на ступеньку крыльца, под выключенным на ночь столбиком парикмахерской, снял очки, протер их платком и снова надел.

— Разрешите высказаться, сэр?

Барабанщик Дентон щелчком отправил окуроч в канаву, где от него брызнуло в стороны несколько ярких искр.

— Валяйте. Между полночью и четырьмя часами утра каждый имеет право высказаться. По крайней мере, я так думаю.

— Судя по тому, что вы говорите, у вас депрессия.

Барабанщик засмеялся.

— К гадалке не ходи!

— К гадалке, может, и не надо, а вот к доку Роуперу не помешает. Есть таблетки, которые помогают поднять настроение. Моя бывшая их принимает. Хотя развод, пожалуй, поднял ей настроение куда быстрее. — Тим улыбнулся, давая понять, что это шутка, однако Барабанщик Дентон не стал улыбаться в ответ.

Он встал.

— Знаю я про эти ваши таблетки, Джемисон. Они вроде спиртного или травки. Или вроде экстази — дети его жрут на рейвах, или как там это нынче называется.

От таких таблеток человек на какое-то время начинает верить, что все это взаправду. Что все имеет смысл. А смысла-то и нет.

— Да бросьте, — попытался образумить его Тим. — Не дело так думать.

— А по мне, только так и надо, — ответил цирюльник и неторопливо, вразвалку направился к лестнице, что вела в квартиру над парикмахерской.

Тим с тревогой смотрел ему вслед. Барабанщик Дентон был из тех людей, что одной дождливой ночью запросто могут свести счеты с жизнью. И, точно какой-нибудь египетский фараон, собаку с собой прихватить — если она у него, конечно, есть. Тим решил поговорить об этом с шерифом Джоном, а потом вспомнил про Венди Галликсон, которая до сих пор к нему не потеплела. Еще не хватало, чтобы она или другие помощники шерифа подумали, будто он много на себя берет. Тим больше не страж порядка, а простой обходчик. Нет, лучше никому ничего не говорить. И будь что будет.

Однако с тех пор мысли о Барабанщике часто его посещали.

12

Однажды ночью в конце июня Тим заметил на Мэйн-стрит двух ребят с рюкзаками. В руках они несли коробки для завтрака — ни дать ни взять, в школу собрались, но не в два же часа ночи? Любители ночных прогулок оказались братьями Билсон. Близнецы решили сбежать, потому что родители отказались брать их с собой на сельскохозяйственную выставку в Даннинге — в наказание за плохие отметки.

— Мы трояков нахватили... Но ни одной двойки, и в следующий класс нас перевели! — сказал Роберт Билсон. — Разве это честно?

— Нечестно! — подхватил Роланд. — Мы решили прийти на ярмарку к самому открытию и поискать работу. Говорят, там всегда нужны ровнорабочие.

Тим хотел его поправить — мол, правильно говорить «разнорабочие», — потом передумал. Что толку?

— Слушайте, парни, не хочу вас расстраивать, но сколько вам лет? Одиннадцать?

— Двенадцать! — хором отозвались мальчики.

— Ладно, двенадцать. Потихе, кругом люди спят. Никто вам работы не даст, даже не надейтесь. Скорее посадят вас в какую-нибудь клетку до приезда мамы с папой — людям на смех. Пока родители не приедут, народ будет на вас глазеть да бросать вам орешки или свиные шкварки.

Близнецы Билсон уставились на него со смятением (и даже некоторым облегчением).

— Ступайте вы лучше домой, а я за вами прослежу — на всякий случай. А то как бы в вашем коллективном сознании еще какие глупости не родились.

— Что такое «коллективное сознание»? — спросил Роберт.

— А такая штука, которая якобы есть у близнецов. Вы в дверь вышли или через окно?

— Через окно, — буркнул Роланд.

— Значит, через окно и возвращайтесь. Если повезет, родители ничего не заметят.

Роберт:

— Вы им не расскажете?

— Не расскажу — при условии, что вы больше таких номеров выкидывать не станете. А если станете, то сдам вас с потрохами, да еще добавлю, будто вы мне дерзили.

Роланд, в шоке:

— Мы же не дерзили!

— Значит, совру. А врать я умею.

Он проводил мальчиков до дома. Роберт Билсон подставил руки Роланду и помог тому забраться в открытое окно, после чего Тим точно так же помог Роберту. Он

немного подождал: если загорится свет, значит, неудавшихся беглецов застали врасплох. Но свет не загорелся, и Тим продолжил ночной обход.

13

По пятницам и субботам на улицах было больше народу, чем в будние дни, — по крайней мере, до полуночи. В основном гуляли влюбленные парочки, однако иногда в город врывались те самые «ракеты», о которых говорил шериф Джон, — идиоты на тюнингованных легковушках и пикапах, что проносились по Мэйн-стрит на скорости шестьдесят-семьдесят миль в час, обгоняя друг друга и будя народ оглушительным ревом прямоточных глушителей. Порой кто-нибудь их тормозил и штрафовал (или арестовывал — если «трубка» показывала больше 0,9 промилле), но даже когда по ночам на смену выходили все четыре помощника шерифа, аресты случались редко. Обычно «ракета» удавалось улизнуть.

Тим отправился навестить Сиротку Энни. Она сидела возле палатки и вязала тапочки. Несмотря на артрит, спицы в ее руках мелькали со скоростью света. Тим спросил, не хочет ли она заработать двадцатку. Энни ответила, что никогда не прочь разжиться деньгами, но все зависит от того, что надо делать. Он объяснил, и Сиротка захохотала.

— Да с удовольствием, мистер Джей! Только добавьте к вашей двадцатке пару банок «Уиклз».

Энни, явно жившая по принципу «чем больше, тем лучше», смастерила здоровенную растяжку — тридцать футов в длину и семь в ширину. Тим намотал ее на валик, который сварил сам из труб, купленных в центре по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз». Объяснив шерифу Джону замысел и получив официальное «добро» на его воплощение, Тим и Тэг Фарадей повесили валик на тропе прямо над перекрестком Мэйн-

стрит; с одной стороны трос закрепили на декоративном фасаде «Аптеки Оберга», а с другой — на вывеске закрытого кинотеатра.

По пятницам и субботам, в час закрытия баров, Тим дергал специальный шнур, и плакат разворачивался, словно ролл-штора. Энни нарисовала на нем старомодные камеры со вспышкой и написала такой текст: **«СБАВЬ СКОРОСТЬ, ДЕБИЛ! МЫ СФОТОГРАФИРОВАЛИ ТВОЙ НОМЕР!»**

Разумеется, никто ничего не фотографировал (хотя Тим действительно записывал номера лихачей, когда успевал их рассмотреть); тем не менее баннер Энни, судя по всему, работал. Да, он был не идеален, но что в мире идеально?

В начале июля шериф Джон вызвал Тима к себе в кабинет — на разговор. Тим тут же спросил:

— У меня неприятности?

— Ровно наоборот! Ты молодец. Сперва затея с плакатом казалась мне безумной, но теперь должен признать: я ошибался, а ты был прав. Вообще меня больше волнуют не сами полуночные гонки и даже не жалобы населения — мол, когда вы начнете делать свою работу и все такое. Те же самые люди, между прочим, из года в год голосуют против увеличения нашей зарплаты. Меня больше волнуют аварии, которые нам приходится разгребать, когда какой-нибудь гонщик со всей дури въезжает в столб или дерево. Одни-то сразу отдают концы — и бог с ними. А другие по собственной глупости на всю жизнь остаются калеками... Мне порой кажется, что это страшнее. И знаешь, в этом году июнь выдался на диво спокойный. Конечно, бывают исключения из правил, но тут, думается, все же сработал плакат. Передай Энни, что она спасла немало жизней — и с наступлением холодов может спать в свободной камере. Хоть каждую ночь.

— Обязательно передам, — сказал Тим. — Если затаитесь огурчиками «Уиклз», она у вас точно станет частым гостем.

Шериф Джон откинулся на спинку кресла — то взвизгнуло еще отчаянней, чем прежде.

— Когда я говорил, что ты слишком хорош для работы ночного обходчика, то сам не понимал, насколько прав. Нам будет тебя не хватать — ну, когда ты отчалишь в Нью-Йорк.

— А я никуда не тороплюсь, — ответил Тим.

14

Единственным круглосуточным заведением в Дюпрее был супермаркет «Зоунис» рядом со складским комплексом. Помимо пива, содовой и чипсов там торговали бензином собственной марки «Автосок». В супермаркете работали два красивых брата-сомалийца, Абсимил и Гутаале Добира. На ночную смену с полуночи до восьми они выходили по очереди. Однажды знойной июльской ночью Тим шел по западному концу Мэйн-стрит и, проходя мимо «Зоунис», услышал выстрел. Звук был не слишком громкий, но Тим ни с чем бы его не перепутал. Тут же раздался вопль — не то боли, не то ярости — и звон бьющегося стекла.

Тим бросился бежать — табельные часы колотились о бедро, рука машинально нащупывала на поясе пистолет, которого не было. Он увидел возле бензоколонок припаркованную машину. Вдруг из магазина выскочили два парня, один держал что-то в руке (видимо, пачку наличных). Тим тут же присел на одно колено и стал смотреть, как они уезжают — визжа шинами и поднимая клубы голубого дыма от заляпанного бензином и маслом асфальта.

Он снял с пояса рацию.

— Прием, прием, это Тим. Есть кто живой? Ответьте! Ответила сонная и злая Венди Галликсон:

— Чего тебе?

— Код два-одиннадцать, «Зоунис». Слышал выстрел.

Венди тут же проснулась.

— Господи! Ограбление?! Немедленно вые...

— Нет, сначала выслушай. Злоумышленника было два, оба мужского пола, белые, подростки или двадцатилетние. Компактный автомобиль — «шеви-круз» или вроде того, цвет было не разобрать из-за освещения... Какая-то новая модель, номер Северной Каролины, начинается на Дабл-ю-ти-би-девять, последние три цифры не увидел. Первым делом доложи все это патрульным и полиции штата. *Первым делом, поняла?*

— Что...

Он нажал «отбой», повесил рацию обратно на пояс и побежал к «Зоунис». Стекло витрина была разбита вдребезги, за прилавком стояла открытая касса. В растущей луже крови, жадно глотая ртом воздух, лежал один из братьев Добира. Тим подскочил к нему и присел рядом.

— Мне надо положить вас на спину, мистер Добира.

— Нет... не надо... очень больно.

Тим понимал, что тот действительно страдает, но в первую очередь должен был оценить тяжесть ранения. Пуля вошла Добире в правый бок, в районе груди, и его синий форменный фартук уже стал грязно-фиолетовым от крови. Кровь лилась и изо рта, впитываясь в бороду. Добира кашлянул. Лицо и очки Тима покрылись мелкими алыми каплями.

Тим снова выхватил рацию и с облегчением услышал голос Галликсон. Все-таки она не покинула пост.

— Срочно скорую, Венди. Звони в Даннинг — пусть выезжают немедленно! Один из братьев Добира ранен, пуля, судя по всему, попала в легкое.

Она ответила, что поняла, и хотела задать какой-то вопрос, однако Тим снова отключил рацию, бросил ее на пол, стянул с себя футболку и прижал ее к пулевому отверстию на груди.

— Можете пару секунд подержать, мистер Добира?

— Дышать... не могу дышать...

— Понимаю. Прижмите к ране мою футболку. Это поможет.

Добира прижал к ране комок. Тим понимал, что долго он его не продержит, а скорая прибудет минут через двадцать, и то — если очень повезет.

В магазинчиках на заправках обычно хватает всяких закусок, а вот со средствами для оказания первой помощи бывает туго. Но Тим нашел хотя бы вазелин, а в следующем проходе — пачку «Хаггис». Схватив их с полки, он побежал обратно к Добире, на ходу раздирая упаковку. Аккуратно убрав пропитанные кровью футболку и фартук, начал расстегивать рубашку.

— Нет, нет, нет!.. — застонал Добира. — Больно, не трогайте, пожалуйста!

— Придется. — Тим услышал, как к магазину подъехала машина. В осколках стекла на полу затанцевали голубые огоньки. Оглядываться он не стал. — Держитесь, мистер Добира.

Он зачерпнул вазелина из банки и затолкнул его в рану. Добира сперва вскрикнул от боли, потом удивленно вытаращил глаза на Тима.

— Могу... дышать... Стало лучше...

— Это ненадолго. Но раз вам стало лучше, значит, легкое не спалось, — сказал Тим, а сам подумал: *По крайней мере, не полностью.*

Шериф Джон опустился на колено рядом с Тимом. На нем была пижамная рубашка размером с парус и форменные брюки. Волосы торчали во все стороны.

— Быстро вы, — сказал Тим.

— Да я не спал. Не смог уснуть и как раз делал себе сэндвич, когда позвонила Венди. Сэр, вы Гутаале или Абсимил?

— Абсимил, сэр. — Хотя раненый по-прежнему сипел, голос у него стал тверже и громче. Тим взял подгузник и, не разворачивая, прижал его к ране. — Ох, больно!

— Пуля прошла навывлет или внутри засела? — спросил шериф.

— Не знаю. Ему полегчало, так что предлагаю его не переворачивать до приезда скорой.

Тут затрещала рация Тима. Шериф осторожно достал ее из груды битого стекла.

— Тим? — Это была Венди. — Билл Уиклоу засек этих гадов на Дип-Мидоу-роуд и дал им прикурить.

— Это Джон. Скажи Биллу, чтобы соблюдал осторожность — они вооружены.

— Да он их уже обезвредил! — Если десять минут назад Венди была сонной, то теперь говорила бодро и радостно. — Они попытались скрыться и бросили машину. У одного рука сломана, второй прикован наручниками к бамперу машины Билла. Полиция уже подъезжает. Передай Тиму, что он оказался прав насчет модели авто, это «круз». Как Добира?

— Нормально, с ним все будет хорошо! — ответил шериф.

Тим не был в этом уверен, но ему хватило ума понять, что шериф обращается не столько к Венди, сколько к самому пострадавшему.

— Я отдал им все деньги из кассы, — выдавил Добира. — Нас так учили. — Ему явно было стыдно в этом признаваться.

— И правильно сделали, — кивнул Тим.

— Но тот, у которого был пистолет, все равно в меня выстрелил. А второй разбил прилавок и забрал... — Он закашлялся.

— Помолчите-ка, — попытался утихомирить его шериф.

— ...забрал лотерейные билеты, — продолжал Абсिमил Добира. — Те, у которых стирается защитный слой. Надо их вернуть, слышите? Пока их никто не купил, они являются собственностью... — он едва слышно кашлянул, — штата Южная Каролина...

— Да заткнитесь уже, мистер Добира! Плевать на билеты, будь они неладны, лучше поберегите силы!

Мистер Добира закрыл глаза.

15

На следующий день, когда Тим обедал на крыльце железнодорожного депо, рядом остановился личный автомобиль шерифа Джона.

Шериф поднялся на крыльцо и посмотрел на продавленное сиденье свободного раскладного стула.

— Как думаешь, выдержит?

— Есть только один способ узнать.

Шериф с опаской сел.

— Врачи сказали, Добира поправится. Его брат — Гу-таале — сейчас с ним и говорит, что пару раз уже видел тех типов.

— Видать, прощупывали почву.

— Ну. Я отправил Тэга Фарадея брать у них показания. Тэг, кстати, мой лучший сотрудник, если я еще не говорил.

— Гибсон и Баркетт тоже ничего.

Шериф Джон вздохнул.

— Ни тот ни другой на твоём месте не среагировали бы так же оперативно и так же решительно. А бедняжка Венди вообще стояла бы, разинув рот, — если бы сразу не грохнулась в обморок.

— Зато она хороший диспетчер, — сказал Тим. — Прямо рождена для этого дела! По-моему...

— Ну-ну, ну-ну. В бумажках она тоже знает толк — в прошлом году все наши документы в порядок привела и перевела в цифровой вид. Одна беда: на выезде от нее никакого проку. Зато любит работать в команде. А ты не хотел бы присоединиться к нашей команде, Тим?

— Не знал, что вы можете себе позволить еще одного копа. Неужто всем сразу подняли зарплату?

— Если бы! В конце года Билл Уиклоу сдает свой значок. Я подумал, может, вам поменяется обязанностями? Он будет ходить да стучать, а ты наденешь форму и получишь табельное оружие. Билла я уже спросил — он

сказал, что не прочь поработать ночным обходчиком. По крайней мере, какое-то время.

— А подумать можно?

— Почему нет, подумать всегда можно. — Шериф Джон встал. — До конца года еще пять месяцев. Мы все будем рады, если ты согласишься.

— Даже помощник шерифа Галликсон?

Шериф Джон заулыбался.

— Венди непросто покорить, но вчера ты здорово продвинулся в этом деле.

— Правда? А если я приглашу ее на ужин — как думаете, что она скажет?

— Не исключено, что и согласится. Только не води ее в закусочную «У Беверли». Такая красotka достойна хотя бы «Раундапа» в Даннинге. Или мексиканского рестораника в Хардивилле.

— Спасибо за совет.

— Не за что. А про работу подумай.

— Обязательно.

Тим стал думать. И все еще думал, когда одной жаркой летней ночью в Дюпрее разверзся ад.

УМНЫЙ МАЛЬЧИК

1

Прекрасным апрельским утром в Миннеаполисе — за несколько месяцев до того, как Тим Джемисон прибыл в Дюпрей, — Герберта и Айлин Эллис пригласили в кабинет Джима Грира, одного из трех школьных психологов Бродерикской школы для одаренных детей.

— Люк что-то натворил? — спросила Айлин, как только они сели. — Если натворил, то нам он ничего не рассказывал. Мы не в курсе.

— Нет-нет, — успокоил ее Грир. Ему было за тридцать: редкие каштановые волосы, интеллигентное лицо, рубашка поло с расстегнутым воротником и выглаженные джинсы. — Послушайте, вы ведь знаете, как устроена наша школа, верно? Как она *должна быть* устроена — учитывая выдающиеся умственные способности наших учеников. У нас нет классов как таковых, это технически неосуществимо. Одни ребята с легкими расстройствами аутического спектра уже занимаются математикой по программе старших классов, но едва умеют читать. Другие свободно владеют четырьмя языками, но с трудом умножают дроби. Мы преподаем им все предметы, и девяносто процентов учащихся здесь живут, поскольку приехали с разных концов США, а де-

сять — из других стран. Однако основное внимание мы уделяем развитию сильных сторон учеников. Потому традиционная школьная система — где дети постепенно продвигаются от младших классов к старшим — здесь совершенно бесполезна и неприменима.

— Мы это понимаем, — сказал Герб. — И, конечно, мы знаем, что Люк — умный мальчик. Поэтому он и здесь.

Про скромный достаток своей семьи он умолчал (поскольку Грир и так, разумеется, был в курсе): Эллисы никогда не смогли бы позволить себе подобную школу. Герб работал бригадиром на заводе по производству картонных коробок, Айлин — школьной учительницей. Их сын Люк стал одним из немногих учеников интерната, не проживающих постоянно на его территории, и чуть ли не единственным, кто обучался здесь бесплатно.

— Умный мальчик? Хм, это не вполне точное определение.

Грир опустил взгляд на папку, раскрытую на совершенно пустом письменном столе. Айлин вдруг посетило дурное предчувствие: либо их сына попросят уйти из школы, либо ему откажут в стипендии, и тогда им все равно придется уйти. Год обучения в Бродерике стоил сорок тысяч долларов — примерно как в Гарварде. Грир сейчас наверняка скажет, что они ошиблись в Люке, переоценили его умственные способности: мальчик просто не по годам много читает и хорошо запоминает прочитанное. Айлин и сама где-то слышала, что эйдетическая память — не редкость среди маленьких детей. Десять-пятнадцать процентов самых обыкновенных младших школьников способны запоминать практически все прочитанное или увиденное. Соль в том, что к подростковому периоду они утрачивают эту способность — и Люк неумолимо приближался к данному рубежу.

Грир улыбнулся.

— Позвольте говорить с вами откровенно. Мы гордимся своими одаренными учениками, но такого учени-

ка, как Люк, у нас еще не было. Один из наших почетных педагогов — мистер Флинт, которому сейчас за восемьдесят, — решил лично преподавать Люку историю Балкан. Тема непростая, зато она проливает свет на современную геополитическую ситуацию. По крайней мере, Флинт так считает. Спустя неделю он пришел ко мне и сравнил опыт работы с вашим сыном с тем, что, должно быть, испытали иерусалимские книжники и фарисеи, когда Иисус стал не только наставлять их, но и обличать, говоря: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека»*.

— Признаться, я несколько растерян, — пробормотал Герб.

— Вот и Билли Флинт растерялся. О чем я вам и толкую. — Грир подался вперед. — Выслушайте меня внимательно. Люк за неделю проглотил сложнейший, очень объемный исторический материал — аспиранты осваивают такое за год — и сделал выводы, к которым Флинт хотел его подвести только после закладки фундамента, так сказать. Некоторые из этих выводов, весьма убедительно настаивал Люк, представляли собой «скорее устойчивый взгляд, нежели оригинальное суждение». Впрочем, говорил он это очень вежливо, почти виновато.

— Даже не знаю, что и сказать, — выдохнул Герб. — Учебу Люк с нами почти не обсуждает — говорит, мы все равно не поймем.

— И он прав, — добавила Айлин. — Может, когда-то я и знала, что такое бином Ньютона, но давно забыла.

— Дома Люк — совершенно обычный мальчик, — подхватил Герб. — Делает уроки, потом играет на приставке или бросает мяч во дворе со своим другом Рольфом. И кстати, до сих пор смотрит мультик «Губка Боб Квадратные Штаны». — Он задумался на секунду, потом добавил: — Правда, при этом у него на коленях всегда раскрыта какая-нибудь книга.

* Мф. 15:11.

Да, подумала Айлин. Недавно, например, мальчик проглотил «Основания социологии» Спенсера. А до этого — Уильяма Джеймса*. «Большую книгу “Анонимных Алкоголиков”». Полное собрание сочинений Кормака Маккарти. Он читал так, как пасутся коровы — постепенно перемещаясь с одного пастбища на другое, где трава сочнее и зеленее. Герб предпочел игнорировать эту особенность Люка, видимо, потому, что она его пугала. Айлин тоже становилось не по себе при мысли о кругозоре сына, и потому, наверное, Люк не особо распространялся дома об истории Балкан. Родители не спрашивали — вот он и помалкивал.

— У нас здесь есть вундеркинды, — сказал Грир. — На мой взгляд, более пятидесяти процентов учеников Бродерика — гении. Но они мыслят узко, а Люк... Люк мыслит глобально. Не заикливается на чем-то одном, а пытается охватить вообще все. Вряд ли он когда-нибудь станет профессиональным бейсболистом или баскетболистом...

— Если он пошел в меня, для баскетбола ему просто не хватит роста. — Герб заулыбался. — Хотя он может стать новым Спадом Уэббом**.

— Ш-ш, — осадила его Айлин.

— Однако играет он с энтузиазмом, — продолжал Грир. — Ему нравится спорт, и он не считает, что напрасно тратит время. Причем на поле парень держится уверенно, прекрасно ладит с игроками. Он не интроверт и не имеет никаких эмоциональных или психических проблем. Люк — рядовой американский подросток, носит майку с любимой рок-группой и бейсболку задом наперед. Возможно, в обычной школе ему пришлось бы чуть труднее — он бы там просто заскучал, — хотя вряд

* Уильям Джеймс (1842–1910) — американский философ и психолог, один из основателей прагматизма и функционализма. Брат писателя Генри Джеймса.

** Спад Уэбб — американский профессиональный баскетболист ростом 170 см.

ли он испытывал бы серьезные проблемы. Наверное, стал бы самостоятельно изучать то, что ему интересно. — Грир поспешно добавил: — Я не предлагаю проверить это на практике, не подумайте!

— Ну что вы, мы так рады, что он здесь учится, — сказала Айлин. — Очень рады! И мальчик он славный, добрый. Мы его безумно любим.

— А он любит вас. Дети с таким блестящим умом встречаются редко. Социализированные, психически здоровые вундеркинды, которые видят и воспринимают не только свой внутренний мир, но и окружающий, — просто огромная редкость.

— Если все хорошо, зачем вы нас пригласили? — спросил Герб. — Конечно, мне очень приятно слышать дифирамбы в адрес моего сына. И кстати, я до сих пор могу разделать его под орех в КОЗЛА* — хотя бросок крюком у него неплохой.

Грир откинулся на спинку стула. Он больше не улыбался.

— Мы вас пригласили, потому что не можем дать Люку ничего нового — и он это знает. Он интересуется уникальными темами, которые изучают только в университетах, да и то не во всех. Например, он мечтает поступить в Массачусетский технологический институт в Кембридже и учиться там на инженера. А параллельно изучать английский в Колледже Эмерсон, на другом берегу реки — в Бостоне.

* КОЗЕЛ (*англ.* HORSE — лошадь) — популярная игра с мячом для двоих игроков. Сначала бросок делает первый игрок (он может быть выполнен как угодно и из любой точки площадки). Если первый попал в корзину, второй игрок должен в точности его повторить, а в случае промаха — записать себе букву «К» (а далее — «О», «З», «Е», «Л»). Если же первый игрок промахнулся, второй может сделать любой бросок по своему желанию, и тогда уже первый должен его повторить. После каждого промаха игроки «награждаются» буквами, из которых постепенно складывается слово «КОЗЕЛ». Проигрывает тот, кто первым соберет слово.

— Что? — переспросила Айлин. — *Одновременно?*

— Да.

— А как же итоговая аттестация? — Ничего лучше Айлин не придумала.

— Люк сдает SATs* в следующем месяце, в мае. В школе «Норт комьюнити хай». И я вас уверяю: он получит максимальное количество баллов.

Надо будет собрать ему обед, подумала Айлин. По слухам, кормят в «Норт-коме» просто отвратительно.

На минуту в кабинете воцарилась гробовая тишина. Наконец Герб произнес:

— Мистер Грир, нашему мальчику всего *двенадцать*. В прошлом месяце исполнилось! Может, у него есть инсайдерская информация по Сербии, зато бороды нет... И расти она начнет года через три. Вы хоть... подумали...

— Я понимаю ваши чувства. Поверьте, мы с коллегами не стали бы даже поднимать эту тему, если бы не были полностью уверены в умственных, социальных и эмоциональных способностях Люка. Учеба в *двух* университетах ему вполне по зубам.

Айлин сказала:

— Не можем же мы отправить двенадцатилетнего ребенка на другой конец страны — жить среди студентов, которым официально разрешено потреблять спиртное и посещать ночные клубы! Будь у нас хотя бы родственники в тех краях...

Грир закивал.

— Понимаю, понимаю, вы совершенно правы: Люк пока не готов к самостоятельной жизни, пусть и под надзором старших. Он сам так считает. Однако его мучает жажда новых знаний, от этого он расстраивается и хандрит. Они нужны ему как воздух. Не представляю, что там происходит у него голове, как устроены все эти удивительные механизмы — никто из нас не представ-

* SAT — централизованный экзамен в средних учебных заведениях США, необходимый для поступления в университет.

ляет, если честно... Старик Флинт, пожалуй, привел очень меткое сравнение, говоря про Иисуса, поучающего книжников... Так вот, когда я пытаюсь мысленно вообразить это устройство, то вижу огромный, сложный, сверкающий аппарат, загруженный лишь на два процента своих возможностей. В лучшем случае — на пять процентов. А поскольку Люк все же человек, то он испытывает... *голод*.

— Расстраивается и хандрит, говорите? — переспросил Герб. — Никогда за ним такого не замечал.

Ая замечала, подумала Айлин. Хотя и не часто. Именно в такие мгновения рядом с Люком звенит посуда и хлопают двери.

Она представила себе описанную Гриром колоссальную машину — размером с три-четыре промышленных склада. И чем же занята эта машина? По сути, штампует пластиковые стаканчики и алюминиевые подносы для забегаловок. Как родители они обязаны дать сыну больше, но неужели *настолько* больше?

Грир вздохнул.

— Что ж, оставлять Люка в Бродерике — все равно что перевести его в обычную школу. Мы имеем дело с мальчиком, ум которого невозможно оценить по шкале IQ. Он знает, что хочет делать. Знает, что ему необходимо.

— Я пока не понимаю, как мы можем ему помочь, — сказала Айлин. — Даже если он будет учиться в обоих университетах бесплатно, у нас здесь *работа*. И мы далеко не богачи.

— А теперь давайте это обсудим, — сказал Грир.

2

Когда Герб и Айлин пришли забирать сына из школы, Люк и еще четверо ребят — две девочки и два мальчика — валялись дурака у входа, смеясь и о чем-то оживлен-

но болтая. Айлин показалось, что это самые обычные дети. Девчонки с только-только наметившейся грудью, в юбках и легинсах, мальчики в мешковатых вельветовых штанах и футболках (такая у парней была мода в том году). На груди Рольфа красовалась надпись: «ПИВО — ДЛЯ СЛАБАКОВ». Он держал перед собой виолончель в клетчатом чехле, которая служила ему шестом, исполнял вокруг нее откровенный танец и при этом пылко о чем-то разглагольствовал — может, о предстоящем весеннем бале, а может, о теореме Пифагора.

Люк увидел родителей, попрощался с Рольфом — у них был для этого свой ритуал, — взял рюкзак и сел на заднее сиденье «фораннера» Айлин.

— Ого, вас сразу двое! Чем обязан такой великой чести?

— Ты в самом деле хочешь учиться в Бостоне? — без обиняков спросил Герб.

Люк не растерялся. Он со смехом вскинул кулаки в воздух и воскликнул:

— Да! А можно?

Надо же, как будто отпрашивается ночевать к Рольфу, подивилась Айлин. Грир сказал, что Люк мыслит *глобально*. Меткое выражение. Люк — гений, но гениальность каким-то чудом не отразилась на его психике: он мог без задней мысли прыгнуть на скейтборд и помчаться с крутой горы, ничуть не боясь разбить свою светлую — уникальную, одну на миллион — голову.

— Давайте где-нибудь поужинаем и все обсудим, — сказала Айлин.

— «Рокет-пицца»! — воскликнул Люк. — Кто «за»? Если ты, конечно, захватил прилосек*, пап.

— Да уж, после сегодняшней встречи я без него никуда.

* Прилосек — лекарственный препарат от изжоги, нормализующий кислотность желудка.

3

Они заказали большую пеперони, и Люк моментально умял половину, запив ее тремя стаканами колы из кувшина. Родителям оставалось только молча дивиться здоровью его пищеварительного тракта и размерам мочевого пузыря — не говоря о выдающемся уме, разумеется. Люк рассказал, что уже обсудил все с мистером Гриром, «чтобы не пугать вас понапрасну и сперва зондировать почву».

— Закинуть удочку, — добавил Герб.

— Бросить пробный шар, так сказать. Разведать обстановку. Провести рекогносцировку на местности...

— Хватит. Он объяснил, что мы можем сделать, если хотим поехать с тобой.

— Вы *должны*, — убедительно произнес Люк. — Я еще слишком мал — никак не обойдусь без досточтимых *mater* и *pater**. К тому же... — мальчик посмотрел на них через стол с остатками пиццы, — я не смогу нормально работать. Мне будет слишком вас не хватать.

Айлин настрого запретила глазам наполняться слезами, но они все равно наполнились. Герб молча протянул ей салфетку.

— Мистер Грир... — начала она, — предложил нам... э-э... вариант переезда...

— Перебью, — сказал Люк. — Кто претендует на последний кусок?

— Никто, ешь, — ответил Герб. — Надеюсь, ты не лопнешь — тебе еще экзамены сдавать.

— *Ménage à college***, — рассмеялся Люк. — Он вам рассказал про богатеньких выпускников, да?

Айлин отложила салфетку.

* Мать и отец (*лат.*).

** Можно перевести как «в колледж всей семьей» (*фр.*), по аналогии с расхожим выражением *ménage à trois* — «шведская семья», любовь троим.

— Господи, Люк! Ты обсуждал наши финансы со школьным психологом? А кто в нашей семье вообще главный? У меня закрадываются сомнения на этот счет.

— Успокойся, *tamacita**, все нормально. Вообще-то сначала я подумал про целевой капитал школы — он у Бродерика просто огромный. Школьному правлению ничего не стоит переселить все наше семейство в Бостон, но они никогда не дадут «добро», хотя такой вариант видится мне вполне логичным.

— Неужели? — спросил Герб.

— Ну да! — Люк с аппетитом прожевал пиццу и глотнул колы. — Я для них вроде как инвестиция. Акция с большим потенциалом роста. Посеешь центы — пожнешь доллары, верно? Так устроена Америка. Правление это понимает, разумеется, однако им не по силам порвать шаблон — вырваться из когнитивной западни.

— Из когнитивной западни? — переспросил отец.

— Ага. Из западни потомственной диалектики. В этом есть что-то первобытное, племенное... Смешно, правда? Племя членов правления, ха! В общем, они рассуждают так: «Если мы поможем Люку, придется помогать и остальным». Такая вот когнитивная западня. Передается из поколения в поколение.

— Устоявшийся взгляд, — сказала Айлин.

— В точку, мам. Правление лучше свалит все на богатеньких выпускников школы, которые уже заработали мегабаксы на своем нешаблонном мышлении, но по-прежнему нежно любят старый добрый Бродерик. Переговорщиком назначат мистера Грира — ну, я на это надеюсь. Соль вот в чем: сейчас они помогут мне, а я потом буду помогать школе. Когда прославлюсь и сколочу состояние. Вообще-то мне не нужны ни деньги, ни слава, я же классический представитель среднего класса, но я вполне могу разбогатеть. Случайно. Если, конечно, не

* Мамочка (*исп.*).

подхватчу какую-нибудь жуткую заразу или не стану жертвой теракта.

— Не каркай, — сказала Айлин и перекрестилась над заваленным корками столом.

— Нельзя быть такой суеверной, мам! — снисходительно бросил Люк.

— Уж какая есть. Вытри-ка рот — ты весь перемазался томатным соусом. Выглядит так, будто у тебя десны кровоточат.

Люк послушно вытер губы.

Герб продолжал:

— Мистер Грир дал нам понять, что некие заинтересованные лица действительно готовы проспонсировать наш переезд и оказывать нам финансовую поддержку в течение шестнадцати месяцев.

— А он сказал, что те же самые лица помогут тебе найти новую работу? — У Люка загорелись глаза. — При чем крутую! Потому что один из бывших воспитанников Бродерика — Дуглас Финкель. Владелец «Американских бумажных товаров», на минуточку. То есть фактически хозяин золотой жилы. Воротила. Акула бизне...

— Фамилия «Финкель» действительно всплывала в нашем разговоре...

— Да, и кстати! — Люк повернулся к матери. — В Бостоне сейчас очень выгодно работать учителем. Средняя заработная плата школьного учителя с твоим опытом — около шестидесяти пяти тысяч в год...

— Сынок, откуда ты все это знаешь? — спросил Герб. Люк пожал плечами.

— Из «Википедии», например. Начинаю с нее, потом перехожу по ссылкам на цитируемые источники. Тут главное понимать обстановку. Знать свою среду. Моя среда — это Бродерик. Всех членов правления я знаю; выпускников-толстосумов пришлось поискать.

Айлин потянулась через стол, взяла у Люка кусок пиццы и положила его на алюминиевый подносик с корками.

— Люк, даже если все это действительно возможно... разве ты не будешь скучать по друзьям?

Он помрачнел.

— Да. Особенно по Рольфу. И по Майе. Хотя официально нам нельзя приглашать девочек на весенний бал, неофициально я пошел бы именно с ней. В общем — да. Я буду скучать. *Но.*

Родители молчали. Их сын, который обычно за словом в карман не лез, вдруг растерялся. Он открыл рот, потом закрыл, потом снова открыл.

— Даже не знаю, как сказать... *И стоит ли* вообще об этом говорить.

— Попробуйся. У нас впереди еще много важных разговоров, но этот пока — самый важный. Так что попробуйся.

У входа в ресторан Ричи Рокет начал свое ежечасное выступление — танец под песню «Мамбо номер пять». Айлин наблюдала, как человек в серебристом скафандре жестом приглашает людей за столиками к нему присоединиться. Несколько детей вышли на сцену и, смеясь, плясали буги, а их родители смотрели, хлопали и фотографировали. Не так давно — всего лишь пять лет минуло — Люк вот так же отплясывал с Ричи Рокетом. А теперь они обсуждают грядущие перемены — огромные, невероятные! Айлин не понимала, как у них с Гербертом — у самых обычных людей с обычными мечтами и ожиданиями — мог родиться такой ребенок. Порой ей хотелось, чтобы все сложилось иначе. Порой она всей душой ненавидела роль, которая досталась им с мужем, но она никогда не испытывала подобных чувств по отношению к Люку — и никогда не будет испытывать. Он ее малыш, ее единственный и горячо любимый сын.

— Люк, — очень тихо окликнул сына Герб. — Сын-нон?..

— Меня волнует то, что будет дальше, — наконец заговорил Люк, подняв голову и глядя прямо на родителей. В его глазах горел гений, выдающийся ум. Обычно

Люк скрывал от папы с мамой этот блеск, потому что знал: он пугает их куда сильнее, чем звон тарелок. — Понимаете? Будущее. Я хочу поехать в Бостон... учиться... а потом двигаться дальше. Все эти бродерики и университеты — они ведь не цель, а лишь ступеньки на пути к цели.

— А какая у тебя цель, сынок? — спросила Айлин.

— *Не знаю.* Мне столько надо выяснить. В голове засело такое... иногда оно подступает... порой мне удается его накормить, однако далеко не всегда. В такие моменты я чувствую себя маленьким и ужасно глупым...

— Милый, что ты! Глупый — это точно не про тебя. — Айлин потянулась к его руке. Люк отдернул ее и покачал головой. Алюминиевый поднос от пиццы задрожал, крошки в нем запрыгали.

— В общем, есть такая бездна, понимаете? Она мне порой снится. У нее нет дна, и она полна всяких неизвестных штук и тварей... Не знаю, как бездна может быть полна, это оксюморон, но говорю как есть. На краю этой бездны я чувствую себя ничтожным и глупым. Через нее перекинут мост, и мне хочется ступить на него, встать посередине, поднять руки и...

Айлин и Герб молча, немного испуганно слушали. Люк поднял руки к своему узкому напряженному лицу. Поднос от пиццы теперь не просто дрожал — он звенел на столе. Как иногда звенели тарелки в буфете.

— ...и тогда все эти штуки поднимутся из темноты. *Я точно знаю.*

Поднос поехал по столу и упал на пол. Герб и Айлин на него даже не взглянули. Такое порой случалось рядом с Люком, когда он сильно волновался. Нечасто. И все же случалось. Они привыкли.

— Понимаю, — сказал Герб.

— Ага, понимает он! — воскликнула Айлин. — Ни черта мы не понимаем. Но ты не обращай внимания — сдавай свои экзамены. Только знай, что всегда можешь передумать. Если не передумаешь, если действительно

задашься целью поступить... — она посмотрела на Герба. Тот кивнул, — мы попробуем все устроить.

Люк улыбнулся и поднял с пола поднос. Поглядел на Ричи Рокета.

— Помню, в детстве я тоже так плясал.

— Ага. — Айлин снова понадобилась салфетка. — Плясал.

— Ты ведь знаешь, что говорят про бездну? — спросил Герб.

Люк помотал головой — то ли в его обширных знаниях действительно обнаружился пробел, то ли он просто не хотел портить отцу удовольствие.

— Если долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя*.

— Точно! — ответил Люк. — Десерт закажем?

4

Экзамены длились четыре часа — вместе с сочинением, — однако посередине был милостиво предусмотрен перерыв. Люк сидел на скамейке в школьном вестибюле, уплетал мамины сэндвичи и мечтал о книге. Вообще-то он захватил с собой «Голый завтрак» Берроуза, но один из наблюдателей его изъяс (вместе с мобильником — и мобильниками остальных экзаменующихся), заверив Люка, что непременно вернет ему книгу. Перед этим он пролистал страницы, высматривая то ли порнографию, то ли шпаргалки.

Доедая печенье «Снэкималс», Люк вдруг обнаружил, что вокруг столпились люди: старшеклассники и старшеклассницы.

— Эй, мелкий! — обратился к нему один парень. — Ты чего тут забыл?

* Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла. Перевод Н. Полилова.

— Сдаю экзамен, — ответил Люк. — Как и вы.

Ребята призадумались.

— Гений, типа? — спросила его одна из девушек. — Как в кино?

— Нет, — с улыбкой сказал Люк. — Впрочем, ночевал я действительно в «Холидей-инн-экспресс»*.

Все засмеялись. Так, это хорошо. Один из парней дал ему «пять».

— Где учиться будешь? В каком универе?

— В Массачусетском технологическом. Если возьмут, конечно. — Тут он sluкавил: его заранее приняли в оба университета — при условии, что он не завалит SATs. С этим проблем не ожидалось, пока что все вопросы были элементарные. А вот старшие ребята его пугали. Осенью он окажется в аудитории с такими же парнями и девушками — вдвое больше его и намного старше. Все будут на него пялиться, решат, что он какой-нибудь фрик. Люк уже поднимал этот вопрос в разговорах с мистером Гриром.

«Не забывай: главное, кем себя считаешь *ты*. А если понадобится психологическая помощь, захочется с кем-то поговорить о своих чувствах, пожалуйста, не тани с этим, найди хорошего психолога. И мне всегда можешь написать».

Одна из девушек — симпатичная и рыжеволосая — спросила, понял ли он задачу про гостиницу из раздела математики.

— Которая про Аарона? — уточнил Люк. — Ну да, понял.

— А ответ, случайно, не помнишь?

Задача была такая: сколько Аарону надо заплатить за гостиницу, если он прожил в ней *x* ночей, а плата за одну

* Люк цитирует слоган из серии популярных рекламных роликов гостиничной сети «Холидей-инн-экспресс», выходивших на телевидении с 1998 г., в которых обычные люди открывают в себе неожиданные таланты и получают удивительные способности после одной ночи, проведенной в номере недорогой гостиницы.

ночь составляет 99,95 доллара плюс 8% налога. Кроме того, с каждого постояльца взимается дополнительный единоразовый платеж в размере 5 долларов. Правильный ответ Люк, конечно, запомнил, потому что задача оказалась с подвохом. Надо ответить *сколько*, но ответ представляет собой не число, а выражение.

— Вариант Б, — сказал Люк, вытащил ручку и нацарапал на бумажном пакете из-под сэндвичей: $1,08(99,95x)+5$.

— А ты уверен? — спросила девушка. — Я выбрала вариант А.

Она нагнулась, взяла у Люка пакет — обдав его восхитительно тонким ароматом сирени — и написала: $(99,95+0,08x)+5$.

— Отличный вариант, — сказал Люк, — но на таких задачках составители нас и срезают. — Он постучал пальцем по ее выражению. — Так можно узнать, сколько Аарон заплатит за одну ночь. И ты неправильно рассчитываешь налог.

Девушка застонала.

— Ничего, — попытался успокоить ее Люк. — Наверняка на остальные вопросы ты ответила правильно.

— А может, она и на этот ответила правильно, — сказал один парень — тот самый, который дал ему «пять». — Может, ты ошибаешься.

Девушка покачала головой:

— Нет, он прав. Гребаный налог! Вот я дура.

Она ушла, повесив голову. Один из парней догнал ее и обнял за талию. Люку стало завидно.

Другой парень — высокий, прекрасно сложенный и в дизайнерских очках — сел рядом с Люком и спросил:

— Странно, наверное, — быть тобой?

Люк задумался.

— Иногда бывает странно. А в целом — ничего особенного. Живу себе и живу.

Из кабинета высунулся наблюдатель и позвонил в колокольчик.

— Все, перерыв окончен, заходим.

Люк не без облегчения встал и закинул пакет из-под ланча в урну у входа в спортзал. Напоследок поглядел на рыжую. Когда он заходил в кабинет, урна задрожала и сдвинулась на три дюйма влево.

5

Вторая половина экзамена оказалась такой же элементарной, как и первая. Люк решил, что и с сочинением справился вполне достойно — по крайней мере, не написал слишком много. На выходе из школы он увидел, что рыжая девчонка сидит на скамейке и рыдает. Завалила, значит. Интересно, насколько все плохо? Ей придется выбрать универ попроще или здравствуй, местный двухгодичный колледж? Еще Люк задумался, каково живется людям с обычным мозгом, в котором нет ответов на все задачки. Может, подойти к рыжей и попытаться ее утешить? А станет ли она его слушать, мелочь пузатую? Вряд ли. Скорее пошлет на три буквы. Еще Люк вспомнил про урну — как она жутко сдвинулась сама по себе. Жизнь — один сплошной тест, только выбирать надо не из четырех-пяти вариантов, а из десятков и дюжин. Включая всякий бред вроде *иногда* и *может, да, а может, нет*.

Ему уже махала мама. Люк махнул в ответ и побежал к машине. Когда он сел и пристегнулся, мама спросила, как все прошло.

— Лучше не бывает. — Люк выдавил широченную улыбку, по-прежнему думая о рыжей. То, что она рыдала, — еще полбеды, а вот как она повесила голову, когда поняла свою ошибку, — словно цветок в засуху... Это было в сто раз хуже.

Люк попытался выбросить эти мысли из головы. Раумеется, не получилось. *Попробуйте задать себе задачу...* — писал Федор Достоевский, — *не вспоминать о бе-*

*лом медведе, и увидите, что он, проклятый, будет по-
нутно припоминаться.*

— Мам?

— Да?

— Как думаешь, память — это дар или проклятье?

Айлин ответила не задумываясь — бог знает, о чем она в тот момент вспоминала:

— И то и другое, сынок.

6

Июньской ночью, в два часа, когда Тим Джемисон обходил Мэйн-стрит города Дюпрей, черный внедорожник свернул на Уайлдерсмут-драйв — пригородную улицу в северной части Миннеаполиса. Название было ужасно нелепое. Люк с Рольфом в шутку называли свою улицу Уайлдерсмач-драйв — отчасти потому, что так получалось еще смешнее, а отчасти потому, что оба мечтали смачно поцеловать девчонку.

В салоне внедорожника сидели трое: мужчина и две женщины. Денни, Мишель и Робин. За рулем был Денни. Примерно на середине тихой извилистой улицы он вырубил фары, остановил машину у тротуара и заглушил мотор.

— Он точно не ТЛП? А то я не захватил свою шапочку из фольги.

— Ха-ха, — сухо откликнулась Робин, сидевшая на заднем сиденье.

— Нет, самый обычный ТЛК, — сказала Мишель. — Так что хватит мандражировать, пора за дело.

Денни открыл консоль между передними сиденьями и достал оттуда мобильный телефон, который выглядел как пережиток 90-х: массивный прямоугольный корпус, сверху — толстая антенна. Он вручил телефон Мишель и, пока та набирала номер, вытащил из тайника в двойном дне консоли тонкие латексные перчатки, два «гло-

ка-37» и баллончик с неким аэрозолем (якобы освежителем воздуха «Глейд»). Одну из пушек он передал Робин, одну оставил себе, а баллончик кинул Мишель.

— Рубины, вперед! — принялся скандировать Денни, натягивая перчатки. — Долг зовет, победа ждет!

— Завязывай со школьными речевками, — оборвала его Мишель. Прижав телефон ухом к плечу, она принялась натягивать перчатки и сказала: — Саймондс, прием.

— Прием.

— Это Рубиновая команда. Мы на месте. Вырубай систему.

Она стала молча ждать сигнала от Джерри Саймондса. В доме, где спали Люк и его родители, погасли оба дисплея сигнализации — в кухне и в коридоре. Мишель получила «добро», покосилась на свою команду и показала им два больших пальца.

— Готово!

Робин перекинула через плечо дежурный чемоданчик, больше похожий на дамскую сумочку средних размеров. Когда они выходили из машины (с номерными знаками полиции штата Миннесота), свет в доме не загорелся. Прокравшись гуськом между домом Эллисов и соседним домом Дестинов (где сладко спал Рольф — и во сне, быть может, смачно целовался с кем-нибудь), они вошли внутрь через кухню. Робин шла первой, потому что у нее был ключ.

Возле плиты они остановились. Робин вытащила из сумки два компактных глушителя и три пары легких очков на резинке. В очках все они стали похожи на насекомых, зато темную кухню как будто залило ярким светом. Денни и Робин прикрутили глушители, и Мишель двинулась через гостиную к коридору, а оттуда — на лестницу.

Шли медленно, но вполне уверенно, ведь шагов по резиновой дорожке было почти не слышно. Денни и Робин остановились у первой закрытой двери. Мишель

подошла ко второй. Она оглянулась на партнеров и, сунув аэрозоль под мышку, молча показала им ладони с растопыренными пальцами: *Дайте мне десять секунд*. Кивнув, Робин показала два больших пальца в ответ.

Мишель открыла дверь и вошла в спальню Люка. Петли тихонько скрипнули. Лежавший в постели мальчик (из-под одеяла торчал только клочок его волос) пошевелился и тут же затих. В два часа ночи ребенку полагается спать без задних ног — это фаза самого глубокого сна, — но он явно что-то слышал. Может, гениальные дети спят не так, как обычные, кто знает? Уж точно не Мишель Робертсон. На стене в спальне висели два постера — их было видно отчетливо, как днем. На одном — скейтбордист в полете: ноги полусогнуты, руки раскинуты в стороны. На втором панк-группа «Ramones», которую Мишель слушала еще в школе. Надо же, она думала, что все они давно померли и отправились на небесный Рокуэй-Бич из собственной песни.

Мишель пересекла комнату, мысленно считая: четыре... пять...

На шести она врезалась бедром в письменный стол и опрокинула какой-то призовой кубок. Мальчишка тотчас перевернулся на спину и открыл глаза.

— Мам?

— Ага, — ответила Мишель. — Как скажешь, детка.

В глазах мальчика успела вспыхнуть тревога, он открыл рот... Мишель задержала дыхание и брызнула аэрозолем ему в лицо. Парень отключился — мгновенно, как свет. Дети всегда быстро отключались, а спустя шесть-восемь часов приходили в себя без намека на отходняк. Видно, они лучше переносят химию, подумала Мишель и стала считать дальше: семь... восемь... девять.

На десять Робин и Денни вошли в спальню родителей. И сразу увидели, что дело плохо: Айлин не оказалось в кровати. Из ванной на пол падала трапеция света — нестерпимо яркая для очков. Робин и Денни тут же стя-

нули с себя очки и бросили их на отполированный паркет — раздался отчетливый двойной стук.

— Герб? — тихо спросила из ванной Айлин. — Опять стакан уронил?

Робин вытащила пистолет из-за пояса брюк и двинулась к кровати, а Денни тем временем рванул к ванной. Он даже не пытался соблюдать тишину — это было уже лишнее. Он вскинул «глок» и встал возле двери.

На подушке Айлин остался отпечаток ее головы. Робин схватила подушку, положила ее на лицо мужчине и выстрелила. «Глок» едва слышно кашлянул и оставил на чистой наволочке небольшое коричневое пятно.

Айлин вышла из ванной. Вид у нее был встревоженный.

— Герб? Все нор...

Тут она увидела Денни. Тот схватил ее за горло, приставил дуло «глока» к виску и нажал спусковой крючок. Снова раздался тихий кашель. Айлин сползла на пол.

Ноги Герба заматались под одеялом: оно заходило ходуном. Робин выстрелила в подушку еще два раза. Второй выстрел больше напоминал лай, чем кашель, а третий получился еще громче.

Денни убрал подушку.

— Ты чего, «Крестного отца» пересмотрела? Господи, Робин, ты же ему полбашки снесла! Тут никакая косметика для покойников не поможет!

— Главное — дело сделано.

Если честно, ей просто не нравилось смотреть на жертв в момент смерти — видеть, как гаснут их глаза.

— Возьми себя в руки, женщина. Третий выстрел был слишком громкий. Валим.

Они подняли с пола очки и прошли в комнату мальчика. Денни подхватил Люка на руки — без особого труда, тот весил от силы фунтов девяносто — и дернул подбородком: вы первые, а я следом. Выходили тоже через кухню. Свет в соседнем доме не горел (не таким уж и гром-

ким получился третий выстрел), стояла полная тишина, только стрекотали сверчки да где-то далеко — в Сент-Поле, может быть — выла полицейская сирена.

Мишель первая прокралась между домов, осмотрела улицу и жестом позвала за собой остальных. Эту часть операции Денни Уильямс не любил: если страдающий бессонницей сосед выглянет в окошко и увидит во дворе трех незнакомых типов, наверняка что-нибудь заподозрит. А если он заметит на руках у одного из типов нечто похожее на тело...

Однако все обитатели Уайлдерсмут-драйв — названной так в честь какого-то давно забытого местного воротилы — крепко спали. Робин открыла заднюю дверцу машины, села и протянула руки. Денни передал ей мальчика, она втянула его в салон — голова Люка безжизненно перекатилась ей на плечо — и принялась на ощупь искать ремень безопасности.

— Фу, слюну пустил, — поморщилась она.

— Ага, людям в отключке это свойственно. — Мишель захлопнула дверь и села вперед, а Денни прыгнул за руль.

Пока внедорожник медленно отъезжал от дома Эллисов, Мишель прятала пистолеты и аэрозоль на место. У первого же перекрестка Денни включил фары.

— Звони, — распорядился он.

Мишель набрала тот же номер.

— Рубиновая команда. Груз у нас. Будем в аэропорту через двадцать пять минут. Врубай систему, Джерри.

В доме Эллисов засветились оба экрана сигнализации. Когда на место наконец прибыли полицейские, они обнаружили двух убитых взрослых; ребенок бесследно исчез. Естественно, на него и легло подозрение: все-таки вундеркинд. Эти вундеркинды часто бывают малость ку-ку, так ведь? Копы были бы и рады допросить парня, но сперва его предстояло разыскать. Ничего, найдется. Такой сопляк — пусть хоть трижды гений — долго скрываться не сможет.

7

Люк пришел в себя и сразу вспомнил свой сон — не то чтобы кошмар, но приятного в нем было мало. Незнакомая женщина склонилась над кроватью; по обе стороны от ее лица свисали белокурые пряди. *Ага. Как скажешь, детка.* Похоже на порнушку, которую они иногда смотрели с Рольфом.

Он резко сел в кровати и поначалу решил, что опять видит сон. Комната вроде была его: те же голубые обои, те же постеры на стенах, письменный стол с кубком малой лиги. Но куда подевалось окно? Окно, выходившее на дом Рольфа, бесследно исчезло.

Люк зажмурился и распахнул глаза: все было по-прежнему. Комната без окон осталась комнатой без окон. Может, ущипнуть себя? Ну уж нет, так все делают — банально. Вместо этого Люк шелкнул себя по щеке. Ничего не изменилось.

Он выбрался из постели. Одежда лежала на стуле, куда мама сложила ее вчера вечером: белье, носки, футболка на сиденье, джинсы на спинке. Люк медленно оделся, глядя на стену без окна, затем присел обуться. Кеды на первый взгляд были его: инициалы Л.Э. на месте. Вот только горизонтальная палочка буквы Э длинновата...

Люк повертел кеды в руках. Новые! Ни следа грязи. Идеально белая подошва. Шнурки тоже слишком чистые. При этом сами кеды оказались впору, сели как влитые.

Он подошел к стене и потрогал ее: может, окно там, под обоями? Нет...

Спят ли, что ли? Слетел с катушек, как герой какого-нибудь жуткого фильма Шьямалана? Дети с выдающимися умственными способностями склонны к разного рода нервным срывам... Нет, не может быть. Он психически здоров — как был здоров вчера вечером. Спавшийся паренек из фильма *считал* бы себя нормальным (так Шьямалан бы закрутил сюжет), однако в учебниках

по психологии пишут, что сумасшедшие, как правило, в курсе, что сошли с ума. Значит, с ума он пока не сошел.

В детстве (то есть примерно в пятилетнем возрасте) Люк коллекционировал значки, которые политики распространяли во время избирательных кампаний. Отец с удовольствием помогал ему собирать коллекцию: к счастью, значки можно было недорого приобрести на «Ибей». Особенно Люка манили значки проигравших кандидатов в президенты США (почему — он и сам не понимал). В конце концов он перегорел, страсть угасла, и большая часть коллекции теперь хранилась где-то на чердаке или в подвале. Только один значок Люк оставил себе как талисман. На нем был изображен синий самолетик в окружении слов: «КРЫЛЬЯ ДЛЯ УИЛКИ». В 1940 году Уэнделл Уилки с позором проиграл Франклину Рузвельту: он взял всего лишь десять штатов, набрав в общей сложности восемьдесят два голоса выборщиков.

Обычно Люк держал значок в своей кубке малой лиги. Сейчас он сунул туда руку, но талисмана не обнаружил.

Тогда он подошел к постеру со скейтбордистом Тони Хоуком на доске фирмы «Бердхаус». У его постера был надорван левый уголок; этот оказался совершенно цел.

Кеды новые, постер тоже, значок Уилки исчез...

Нет, это не его комната.

В груди что-то задрожало, и Люк сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Затем взялся за дверную ручку с полной уверенностью, что дверь не откроется.

Однако ручка моментально поддалась. Вот только коридор за дверью был ничуть не похож на коридор в доме, где он прожил двенадцать с лишним лет. Шлакоблочные стены вместо деревянных панелей, выкрашенные в промышленный бледно-зеленый цвет, а прямо напротив двери — постер с тремя детьми примерно его возраста, бегущими сквозь высокую траву. Одного зацепило прямо в прыжке. На лицах всех троих застыли безумные — или безумно счастливые — ухмылки. Судя

по слогану, все же последнее. Крупная надпись внизу постера гласила: «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ».

Люк вышел из комнаты. Справа коридор заканчивался казенными двойными дверями с ручками во всю ширину. Слева, примерно в десяти футах от точно таких же двойных дверей, устроилась на полу девочка в клешах и футболке с рукавами-фонариками. Чернокожая. И эта самая девочка, ровесница Люка, курила сигарету.

8

Миссис Сигсби сидела за письменным столом и смотрела в экран компьютера. Стильный деловой костюм модельера Дианы фон Фюрстенберг не скрывал ее болезненной худобы. Седые волосы были идеально уложены. Рядом стоял доктор Хендрикс. Доброе утро, Страшила, подумал он, но вслух бы этого никогда не произнес.

— Что ж, — проговорила миссис Сигсби, — вот он. Наш новенький. Лукас Эллис. Первый и единственный раз в жизни летел на «Гольфстриме», но даже не догадывается об этом. Судя по всему, настоящий гений.

— Это ненадолго, — заметил доктор Хендрикс и выдал свой фирменный смешок, эдакое «И-а!»: сперва выдохнул, потом вдохнул. За исполинский рост — шесть футов семь дюймов — и крупные, торчащие вперед зубы лаборанты прозвали его Донки-Конгом*.

Она повернулась к нему и строго отчеканила:

— Плоские шуточки в адрес наших подопечных не приветствуются, Дэн.

— Простите. — Ему захотелось добавить: *Кого ты разыгрываешь, Сиггерс?* — но это прозвучало бы неучтиво. Да и вопрос, в общем-то, был риторический. Сиггерс никого не разыгрывала, а уж тем более — саму себя. Она

* Донки-Конг (досл. пер. Осел Конг) — персонаж из игровой вселенной «Нинтендо», глупая и упрямая горилла.

напоминала того безвестного идиота-нациста, который придумал разместить над воротами Освенцима лозунг *Arbeit macht frei* — «Труд освобождает».

Миссис Сигсби взяла в руки досье на нового мальчика. Хендрикс наклеил на правый верхний угол папки круглый розовый стикер.

— Есть какая-то польза от ваших розовых меток, Дэн? Хоть какая-нибудь?

— Вы же знаете, что есть. Сами видели результаты.

— А им можно верить?

Прежде чем добрый доктор успел ответить, в кабинет заглянула Розалинда.

— Надо подготовить несколько документов, миссис Сигсби. Скоро поступят пять новеньких — их привезут раньше, чем мы планировали.

Миссис Сигсби явно обрадовалась.

— Пять человек за день! Видимо, что-то в этой жизни я делаю как надо.

Конечно, подумал Хендрикс, ты же не могла сказать *делаю правильно*. Обязательно надо было намекнуть.

— Нет, сегодня только *двое*, — сказала Розалинда. — Их привезет Изумрудная группа. Завтра трое, их доставит Опаловая. Четверо ТЛК, один ТЛП — да какой! Уникум. Девяноста три нанограмма НФМ.

— Авери Диксон, верно? Из Солт-Лейк-Сити.

— Из Орема, — поправила ее Розалинда.

— Мормон из Орема! — опять заревел по-ослиному доктор Хендрикс.

Этот точно уникам, подумала миссис Сигсби. Розовых стикеров на папке Диксона не будет. Слишком он ценен. Никаких рискованных инъекций, вызывающих припадки, никаких попыток водой... Детей с НФМ выше 90 надо беречь.

— Прекрасная новость. Просто отличная. Неси сюда документы. На электронную почту скинула?

— Конечно, — улыбнулась Розалинда. Все документы пересылались по электронной почте, в современном

мире без этого никуда. Но обе знали, что миссис Сигсби предпочитает пикселям бумагу. В этом проявлялась ее старая закалка. — Сейчас же все принесу.

— И кофе, пожалуйста.

Миссис Сигсби повернулась к доктору Хендриксу. Такое брюхо при таком росте, надо же. Как врач должен бы понимать, что это опасно — сердечно-сосудистая система работает на износ. Впрочем, никто лучше медиков не умеет закрывать глаза на вопросы собственного здоровья.

Ни миссис Сигсби, ни Хендрикс не имели ТЛП-способностей, однако в тот момент им пришла в голову одна мысль: насколько все было бы проще, если бы их связывала взаимная приязнь, а не наоборот.

Когда они опять остались наедине, миссис Сигсби откинулась на спинку кресла и взглянула на врача.

— Я понимаю, что интеллект господина Эллиса не имеет никакого значения для деятельности Института. С тем же успехом его IQ мог быть семьдесят пять. Но именно из-за выдающихся умственных способностей нам пришлось с ним поторопиться. Он ведь поступил сразу в два престижных университета — Массачусетский технологический и Эмерсона.

Хендрикс заморгал.

— *В двенадцать?*

— Вот именно. Про убийство родителей и исчезновение их сына расскажут в местных новостях, однако вряд ли история просочится за пределы Городов-Близнецов*. Ну, Интернет еще пару недель покипит. Хорошо, что он не успел засветиться в Бостоне. Телевизионщики любят таких ребят — особенно разного рода сплетники. А что я всегда говорю, доктор?

— Что в нашем деле отсутствие новостей — хорошая новость.

— Именно. В идеальном мире мы бы отпустили этого мальчика. ТЛК нам пока хватает. — Она постучала

* Города-Близнецы — Сент-Пол и Миннеаполис.

пальцем по розовому стикеру на папке. — Судя по метке, НФМ у него не очень высокий. Хотя...

Заканчивать ей не пришлось. Все и так было ясно: добывать определенные виды товаров и сырья становилось все сложнее. Слоновьи бивни. Тигриные шкуры. Рога носорога. Редкие металлы. Даже нефть. Теперь к этому списку добавились особые дети, чьи удивительные способности не имели ничего общего с уровнем IQ. На этой неделе поступают пятеро, включая Диксона. Неплохой улов — но два года назад их могло быть тридцать.

— О, смотрите-ка, — сказала миссис Сигсби. На экране компьютера новый мальчик подходил к самой старшей обитательнице Ближней половины. — Сейчас он познакомится с нашей разумницей Бенсон. Чую, она его обрадует.

— Девчонка до сих пор на Ближней половине, — заметил Хендрикс. — Может, пора сделать ее лицом Института? Пусть встречает дорогих гостей.

Миссис Сигсби одарила его самой ледяной улыбкой из своего арсенала.

— Уж лучше она, чем вы, док.

Хендрикс посмотрел на нее сверху вниз и подумал: *Отсюда мне прекрасно видно, как стремительно редеют твои космы, Сиггерс. А все из-за вялотекущей, но долгоиграющей анорексии. Черепушка у тебя розовая, как глаз кролика-альбиноса.*

Он много чего хотел бы сказать главному администратору Института — гнусной безгрудой тетке с идеально поставленной речью, — однако смолчал. Это было бы неразумно.

В шлакоблочный коридор выходило множество дверей, а между ними на стенах висели постеры. На одном постере — под которым сидела юная курильщица — чер-

ный мальчик в шутку бодался с белой девчонкой. Оба улыбались, как идиоты. Слоган внизу гласил: «ВЫБИРАЮ СЧАСТЬЕ».

— Нравится? — спросила незнакомка. При ближайшем рассмотрении сигарета у нее в зубах оказалась жевательной конфетой. — Я бы давно переправила на «ВЫБИРАЮ ГОВНАСТЬЕ», но, боюсь, у меня отберут ручку. Что-то они готовы простить, а что-то нет — никогда не угадаешь.

— Где я? — спросил Люк. — Что это за место?

Ему хотелось плакать. Наверное, от растерянности.

— Добро пожаловать в Институт, — сказала девочка.

— Мы в Миннеаполисе?

Она засмеялась.

— О нет! И не в Канзасе, Тотошка. Мы в штате Мэн. Причем в самой глуши. Если, конечно, верить Морин...

— Штат Мэн?! — Он помотал головой, как будто его ударили в висок. — Правда, что ли?

— Ага. Как-то ты побелел, белокожий. Присядь-ка, пока не упал.

Одной рукой держась за стену, Люк опустился на пол — скорее шлепнулся, чем сел. Ноги вдруг перестали гнуться.

— Я же дома был... Лег спать, а очнулся здесь. В комнате, которая похожа на мою, но не моя.

— Угу. Шок, да? — Незнакомка порылась в кармане брюк и достала оттуда пачку. На ней был нарисован ковбой, крутящий лассо. «КОНФЕТКИ «СИГАРЕТКИ», — гласила надпись на пачке. — КУРИ КАК ПАПА!» — Хочешь? Может, сахар немного поднимет тебе настроение. Мне всегда поднимает.

Люк взял у нее пачку и откинул крышку. Внутри лежало шесть сигарет с красным кончиком — видимо, так производитель изобразил тлеющий уголек. Люк достал одну и откусил половину. Во рту стало сладко.

— Только не повторяй этот фокус с настоящей сигаретой, — сказала девочка. — Вкус тебя не порадует.

— Я и не знал, что такие штуки до сих пор продаются.

— Такие — точно нет. «Кури как папа»? Да они гонят! Конечно, это какое-то старье. Хотя в столовке еще не то бывает. Даже настоящие сигареты, прикинь? «Лаки страйк», «Честерфилд», «Кэмел», как в старых киношках на канале «Классика кинематографа». Я все хочу попробовать, но за них столько жетонов надо отдать!

— Настоящие сигареты? Детям?!

— А здесь кроме детей никого нет. Да и их немного — по крайней мере, на Ближней половине. Морин сказала, скоро новеньких привезут. Не знаю, откуда у нее инфа.

— Сигареты детям?! Что это за место — Остров Удовольствий? — Впрочем, никакого удовольствия Люк сейчас не испытывал.

Девчонка прыснула.

— Как в «Пиноккио»! Зачет! — Она дала ему «пять». Люку сразу стало немного лучше — он и сам не понял почему. — Тебя как зовут? Нельзя же все время называть тебя «белокожим». Это, типа, расистское оценочное суждение.

— Люк Эллис. А ты кто?

— Калиша Бенсон. — Девчонка подняла указательный палец. — А теперь внимание, Люк. Можешь звать меня Калиша, можешь — просто Ша. Но никогда не зови меня Умницей.

— Почему?

Люк по-прежнему пытался понять, что к чему — и ему это по-прежнему не удавалось. Он съел вторую половину сигареты — ту, что с угольком на конце.

— Потому что так говорят Хендрикс и его сучары-помощники перед тем, как сделать тебе укол или взять очередной анализ. «Сейчас я всажу тебе укол, это больно, но ты будь умницей». «Я возьму у тебя мазок из горла и воткну шпатель так глубоко, что тебя потянет плевать, но будь умницей — не дергайся». «Мы макнем тебя в бак,

а ты будь умницей — задержи дыхание». Вот почему Умницей называть меня нельзя. Ни в коем случае.

Люк почти не обратил внимания на ее слова про анализы — решил подумать об этом позже. Куда больше его заинтересовали «сучары». Конечно, многие его сверстники выражались (да и Люк с Рольфом тоже — когда их никто не слышал), и та рыжая громко выругалась на экзамене. Но чтобы сквернословила его ровесница, *девчонка*, — это что-то новенькое. Похоже, он действительно тепличный ребенок.

Калиша положила руку ему на колено (Люк ощутил какое-то странное покалывание) и посмотрела в глаза.

— Мой тебе совет: всегда будь умницей, как бы хреново тебе ни было, какую бы дрянь они ни совали тебе в горло или в зад. Про бак я ничего не знаю, меня саму ни разу не макали, я только от других слышала. Понимаешь, пока на тебе ставят опыты, ты живешь на Ближней половине. А что происходит на Дальней — я не знаю и знать не хочу. Это что-то вроде ловушки для тараканов — внутрь запросто, а назад уже никак. По крайней мере, сюда эти дети точно не возвращаются.

Люк посмотрел вглубь коридора, откуда пришел. На стенах висели постеры, а еще там были двери, много дверей — штук по восемь с каждой стороны.

— И сколько детей тут живет?

— Пока что пятеро — включая нас с тобой. На Ближней половине никогда не бывает много народу, а сейчас это вообще вымерший город. Дети приходят и уходят.

— Беседуя о Микеланджело, — пробормотал Люк себе под нос*.

— А?

— Да нет, это я так. Что...

* Люк перефразирует строчку из стихотворения Т. С. Элиота «Песнь любви Дж. Альфрерда Пруфрока»: «В гостиной разговаривают тети о Микеланджело Буонаротти» (перевод В. Топорова). Если же перевести дословно, строчка выглядит так: «Леди приходят и уходят, беседуя о Микеланджело».

Двойные двери в конце коридора распахнулись, и появилась женщина в коричневом костюме. Она подпирала дверь бедром, пытаясь что-то втащить. Калиша тут же бросилась ей помогать.

— Так, Морин, погоди! Давай-ка мы тебе поможем, родная.

Поскольку она сказала «мы», а не «я», Люк тоже встал и пошел за Калишей. Коричневый костюм оказался чем-то вроде формы, как у горничных в дорогой гостинице (ну ладно, умеренно дорогой — никаких рюшечек и прочего декора на форме не было). Женщина пыталась втащить в коридор тележку для белья. За дверью Люк разглядел просторный зал, что-то вроде комнаты отдыха: там стояли столы со стульями, в окна лился яркий солнечный свет. На стене висел здоровенный телевизор размером с киноэкран. Калиша открыла вторую створку двери, а Люк схватил тележку для белья с надписью «ДАН-ДАКС» на боку и помог женщине вкатить ее в коридор общежития (судя по всему, это было именно оно). В корзине лежали полотенца и постельное белье.

— Спасибо, сынок, — поблагодарила его женщина.

Она была пожилая, с заметной сединой в волосах, и выглядела усталой. На груди у нее был бейджик с именем «МОРИН». Окинув Люка взглядом, женщина сказала:

— Новенький! Люк, верно?

— Люк Эллис. А откуда вы знаете?

— У меня в обходном листе написано. — Она наполовину достала из кармана юбки сложенный вчетверо листок бумаги, затем спрятала его обратно.

Люк вежливо протянул руку, как его учили.

— Приятно познакомиться.

Морин показалась ему милой — да, наверное, ему действительно было приятно с ней познакомиться, — однако это место его пугало. Он боялся за себя и за родителей. Наверное, мама с папой уже его потеряли. Вряд ли они сразу решили, что он сбежал из дома, но если утром ребенка не оказалось в спальне, что еще можно

подумать? Какие тут могут быть варианты? Полиция скоро начнет его искать — или уже ищет. С другой стороны, если Калиша права, искать они будут совсем не там.

Ладонь Морин была сухой и теплой.

— Меня зовут Морин Алворсон. Я тут работаю по хозяйству. И твою комнату тоже буду прибирать.

— Смотри, не свинячь! — строго наказала ему Калиша. Морин улыбнулась:

— Да ты ж моя радость! По-моему, этот мальчик свинячить не станет — в отличие от Никки. Вот уж кто точно поросенок. Просто Свинуша*! Он, часом, не у себя? Что-то не заметила его на площадке с Джорджем и Айрис.

— Ты же знаешь Никки, — ответила Калиша. — Его раньше часу дня из кровати не вытащить.

— Ладно, тогда начну с других комнат. Но врачи велели ему прийти к часу. Если он до тех пор не встанет, они сами его поднимут. Рада знакомству, Люк. — С этими словами Морин покатила свою тележку дальше по коридору.

— Идем, — сказала Калиша, беря Люка за руку. И тот — несмотря на тревожные мысли о родителях — вновь ощутил странное покалывание.

Она потащила его в комнату отдыха. Люку хотелось как следует все изучить, особенно торговые автоматы (настоящие сигареты! разве такое возможно?!), но, как только за ними закрылись двери, Калиша подошла к нему вплотную и сурово заговорила:

— Не знаю, долго ты тут пробудешь или нет — и долго ли пробуду тут я, — однако пока мы оба никуда не исчезли, будь с Морин поласковой, понял? Здесь столько злобных тварей работает, а она — не такая. Она *хорошая*. И у нее проблемы.

* Свинуша (Pigpen) — персонаж популярных комиксов «Мелочь пузатая» Чарльза М. Шульца, выходявших со 2 октября 1950 г. по 13 февраля 2000 г.

— Какие? — спросил Люк (в основном из вежливости — его куда больше интересовала площадка под окнами, на которой он заметил двоих детей примерно его возраста или чуть старше).

— Во-первых, Морин больна, а к врачу не идет, потому что не может *позволить* себе болеть. Получает она около сорока тысяч в год, а счетов ей приходит на восемьдесят, если не больше. Муж набрал долгов и сбежал. И проценты копятся, понимаешь?

— Навар, ага. Так мой папа это называет. Словечко из воровского лексикона. Папа говорит, что все, кто выдает кредиты, — по сути ворюги. Процентные ставки там действительно немаленькие, в его словах есть доля...

— Доля чего? Правды?

— Ну да. — Он оторвал взгляд от ребят за окном — Джорджа и Айрис, судя по всему, — и посмотрел на Калишу. — Она тебе все это рассказала? Ребенку? Видимо, ты умеешь налаживать межличностные отношения.

Калиша сделала удивленное лицо и засмеялась — не просто хихикнула, а прямо загоготала, подбоченившись и запрокинув голову. Почему-то от этого она стала похожа на взрослую.

— Внутриличные отношения! Ну ты загнул, Люк!

— Не внутри-, а меж-, — поправил он ее. — Если, конечно, ты не общаешься с целой группой лиц. Консультируешь их по вопросам кредитования, например... — Он умолк. — Шутка.

Причем дурацкая. Так мог пошутить только ботаник.

Калиша оглядела его оценивающе — сверху вниз и снизу вверх. От этого он вновь ощутил приятное покалывание.

— Умный, что ли?

Люк смущенно пожал плечами. Обычно он не выпендривался — как ни крути, это худший способ завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*, — но

* «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей» — знаменитая книга Дейла Карнеги.

сейчас ему было тревожно, жутко и (проще уж сразу признать) офигеть как страшно. Не думать об этом странном опыте как о похищении становилось все сложнее. В конце концов, вчера он заснул у себя дома, а сегодня очнулся в тысячах миль от него — если верить Калише. Разве родители отпустили бы его черт знает куда по собственной воле? Маловероятно. Как бы там ни было, Люк очень надеялся, что родители не остановили похитителей лишь потому, что крепко спали.

— Прямо-таки суперум, я бы сказала. ТЛП или ТЛК? По-моему, ТЛК.

— Вообще не понимаю, о чем речь.

А может, понимает? Люк вспомнил, как в буфете иногда звенели тарелки, как дверь в его комнату открывалась и закрывалась сама по себе, а на днях в «Рокет-пицце» дрожал поднос. Да, и еще урна сдвинулась, когда он сдавал экзамены.

— ТЛП — телепатия. ТЛК...

— Телекинез.

Калиша улыбнулась и показала на него пальцем.

— Говорю ж, умный! Да, телекинез. Способности могут быть к чему-то одному. Все сразу никому не достается — по крайней мере, так говорят лаборанты. Я, например, — ТЛП. — Тут она слегка приосанилась.

— Ты читаешь мысли, — сказал Люк. — Ага. Как нефиг делать.

— Откуда, по-твоему, я в курсе про Морин? Она бы тут никому про свои беды говорить не стала, не такой она человек. И подробностей я не знаю — все только в общих чертах. — Калиша задумалась. — Еще там было что-то про ребенка. Младенца. Странно: однажды я ее спросила, есть ли у нее дети, и она ответила, что нет. — Калиша пожала плечами. — Я всегда умела читать мысли — не постоянно, но иногда получается. Это не какая-нибудь супергеройская способность. Иначе бы я уже давно отсюда сбежала.

— Ты серьезно?

— Да, и вот тебе первое испытание. Впереди таких уйма. Я загадала число от одного до пятидесяти. Угадаешь, какое?

— Понятия не имею.

— Правда? Не врешь?

— Не вру, честное слово. — Люк подошел к двери в дальнем конце комнаты. Мальчик на улице бросал мяч в корзину, а девочка прыгала на батуте — сложных трюков не выделявала, просто скакала, падала в положении сидя и изредка вращалась вокруг своей оси. Вид у обоих детей был скучающий: они явно не веселились, а коротали время. — Это Джордж и Айрис?

— Ага. — Калиша подошла к нему. — Джордж Айлз и Айрис Стэнхоуп. Оба ТЛК. ТЛП встречаются реже. Слушай, умник, а так вообще говорят — реже?

— Да. Но я бы говорил «более редко», а то «реже» звучит так, будто кого-то режут.

Она задумалась на секунду, потом рассмеялась и снова показала на него пальцем:

— Зачет!

— А можно нам выйти на улицу?

— Конечно. Дверь на площадку всегда открыта. Много времени там не проведешь — мошки живьем сожрут. В ванной висит аптечка, есть репеллент. Обязательно намажься, причем жирным слоем. Морин говорит, что их станет поменьше, когда выведутся стрекозы, но я пока ни одной не видела.

— Как тебе эти ребята?

— Джордж и Айрис? Ничего, нормальные. Мы не особо успели подружиться. С Джорджем я знакома всего неделю, Айрис привезли... ну, дней десять назад, где-то так. Ник здесь дольше всех — после меня. Ник Уилхолм. Ты, главное, не думай, что заведешь тут дружбу на века, умник. Как я уже говорила, у нас текучка — дети приходят и уходят. Однако на моей памяти никто из них не разговаривал про Микеланджело.

— Давно ты здесь, Калиша?

— Почти месяц. Старожил, ага.

— Тогда, может, расскажешь, что здесь происходит? — Он кивнул на улицу, на детей. — Или они мне расскажут?

— Мы тебе расскажем все, что знаем и что нам говорят зрители с лаборантами. Но есть у меня подозрение, что все это вранье. И Джордж так же думает. Ну, а Айрис... — Девочка рассмеялась. — Она типа как агент Малдер из «Секретных материалов». *Хочет* верить.

— Верить во что?

Калиша посмотрела на него умудренным и печальным взглядом, отчего опять стала похожа на взрослую.

— Ну, что все это — вынужденное лирическое отступление от основного курса ее жизни, и в конце концов все будет хорошо, как в «Скуби-Ду».

— Где твои родители? Как ты сюда попала?

Калиша снова превратилась в ребенка.

— Не готова сейчас об этом говорить.

— Ладно. — Пожалуй, он тоже не готов. Пока.

— Когда познакомишься с Никки, не удивляйся, если он начнет выступать. Он так, типа, пар выпускает. Иногда его треп даже... — она на секунду задумалась, — забавный.

— Как скажешь. Можно попросить тебя об одолжении?

— Попросить всегда можно.

— Перестань называть меня умником. У меня есть имя — Люк. Так и говори, хорошо?

— Заметано.

Он потянулся к дверной ручке, но Калиша положила руку ему на запястье.

— Да, и еще кое-что. Повернись, Люк.

Он развернулся. Калиша была где-то на дюйм выше его. Люк даже не подозревал, что она его поцелует, пока она это не сделала. Смачно, в засос. На сей раз Люк ощутил не просто поцелуй, его как следует потрянуло, будто он сунул палец в розетку. То был первый поцелуй в его жизни — и надо же, сразу в засос! Вот Рольф обяза-

видуется, подумал Люк (хотя думать в такой ситуации получалось плохо).

Калиша с довольным видом отстранилась.

— Губу не раскатывай, я в тебя не втюрилась. Любовь тут ни при чем. Даже не знаю, можно ли назвать это добрым делом... хотя, наверное, можно. Когда я только сюда попала, меня поместили в карантин. А тем, кто в карантине, уколы для прикола не положены.

Она кивнула на постер, что висел возле торгового автомата с конфетами. На нем был изображен мальчик, радостно показывающий пальцем на россыпь цветных точек на белой стене. Рядом стоял улыбчивый доктор (белый халат, стетоскоп на шее). Надпись в верхней части постера гласила: «ПРИКОЛИСЬ — УКОЛИСЬ!» — а внизу: «ЧЕМ БЫСТРЕЕ ТЫ УВИДИШЬ ТОЧКИ, ТЕМ БЫСТРЕЕ ВЕРНЕШЬСЯ ДОМОЙ!»

— Как это понимать?!

— Пока не важно. Предки у меня были антипрививочники, и через два дня после прибытия на Ближнюю половину я свалилась с ветрянкой. Кашель, температура, жуткие красные волдыри — с ног до головы обсыпало. Теперь-то я здорова, раз надо мной снова ставят опыты и разрешают мне выходить из комнаты... Но вдруг я еще немножко заразная? Если повезет, ты заразишься ветрянкой и пару недель будешь сок попивать да телик зырить — вместо уколов и МРТ.

Девочка на площадке заметила их и помахала. Калиша помахала в ответ и тут же — не дав Люку и слова вымолвить — толкнула дверь.

— Ну, идем. Сотри с лица офигевшее выражение и вперед — знакомиться с Факерами.

ПРИКОЛИСЬ — УКОЛИСЬ!

1

Выйдя за дверь помещения, которое служило столовой и комнатой отдыха, Калиша обняла Люка за плечи и притянула его к себе. Он сначала подумал — даже понадеялся, — что она снова хочет его поцеловать, но вместо этого она зашептала ему на ухо (от прикосновения ее губ по всему телу побежали мурашки):

— Говори что хочешь, только про Морин молчок, ясно? Мы думаем, что они изредка нас подслушивают, лучше соблюдать осторожность. Еще не хватало, чтобы у нее из-за нас были неприятности.

Кто такая Морин — уже понятно, она тут вроде горничной. А кто такие «они»? Люк никогда не чувствовал себя так одиноко, даже когда в четырехлетнем возрасте потерялся в «Американском молле» и на целых пятнадцать минут остался один.

Тем временем — как и предупреждала Калиша — его нашли мошки. Мелкие и черные, они облаком роились над его головой.

Большая часть площадки была засыпана гравийной крошкой. Зона вокруг баскетбольного кольца, где все еще бросал мяч мальчик по имени Джордж, имела резиновое покрытие, а на земле рядом с батутом — на случай если кто-нибудь с него свалится — лежали какие-то губ-

чатые маты. Еще там были корты для шаффлборда и для бадминтона, небольшой веревочный парк и несколько разноцветных цилиндров, которые соединялись в одну длинную трубу для малышей — впрочем, ползать по ней сейчас было некому. Также на площадке обнаружили качели, балансир и горка. По бокам длинного зеленого шкафа с надписями «ИГРЫ И ОБОРУДОВАНИЕ» и «ПОЖАЛУЙСТА, ПОСЛЕ ИГРЫ ВЕРНИТЕ ВСЕ НА МЕСТО» стояли столики для пикника.

Площадка была огорожена забором из сетки-рабицы не меньше десяти футов в высоту; в двух углах Люк приметил камеры — их давно не чистили, и они изрядно запылились. За забором рос густой лес, по большей части сосновый. Судя по толщине стволов, соснам было лет восемьдесят (несложную формулу для определения возраста деревьев Люк вычитал года два назад в книжке «Деревья Северной Америки»: нет никакой нужды считать годовые кольца, достаточно лишь измерить длину окружности ствола, разделить ее на число «пи» и таким образом вычислить диаметр, а уже его умножить на средний коэффициент прироста для североамериканских сосен, равный 4,5). Проще простого. Методом простой дедукции Люк пришел к выводу, что лесозаготовки в этих краях не велись довольно давно, на протяжении примерно двух поколений. А значит, загадочный Институт находился посреди старого леса, то есть черт знает где. Что же до детской площадки, она очень напоминала тюремный двор для детей от шести до шестнадцати.

Девочка — Айрис — увидела их и снова помахала. Дважды подскочила на батуте (убранные в хвост волосы задорно прыгали в воздухе), а затем, слегка согнув ноги в коленях, слетела прямо на маты вниз.

— Привет, Ша! Кто это с тобой?

— Люк Эллис, — ответила Калиша. — Новенький, сегодня утром поступил.

— Привет, Люк. — Айрис протянула ему руку. Она была худой, на пару дюймов выше Калиши, и очень хо-

рошенькой. На щеках и лбу блестел пот (и, наверное, репеллент). — Айрис Стэнхоуп.

Люк пожал ей руку, чувствуя, как его уже начали пробовать на вкус насекомые (мошкатня — так их называли в Миннесоте).

— Я, конечно, не рад, что тут оказался, но рад с тобой познакомиться. Наверное.

— Я из Абилина, штат Техас. А ты?

— Из Миннеаполиса. Это в...

— Знаю, знаю. Край тысячи озер или типа того, да?

— Джордж! — заорала Калиша. — Где твои манеры, молодой человек? А ну гребни сюда!

— Да, да, сейчас. Одно важное дело закончу. — Джордж встал на линию штрафного броска, прижал к груди баскетбольный мяч и заговорил низким, напряженным голосом: — Итак, дамы и господа, идет второй овертайм седьмого матча очень непростой серии, последние секунды. «Уизардс» уступают команде «Селтикс» одно очко. Джордж Айлз, только что вышедший со скамейки, встанет на линию штрафных. Если он забьет один из двух, снова будет ничья, и игра продолжится. Забьет оба — «Уизардс» победят, Айлз войдет в историю, и его портрет повесят в Зале славы баскетбола. Вероятно, он выиграет кабриолет «тесла»...

— Кабриолет? Сделанный по спецзаказу, не иначе. «Тесла» пока не производит кабриолеты.

Джордж пропустил слова Люка мимо ушей.

— Никто не ожидал, что Айлз окажется в таком положении, — и меньше всех сам Айлз. Зловещая тишина опустилась на стадион «Кэпитал уан арена»...

— И тут кто-то как перданет! — заорала Айрис, высунула язык и изобразила губами громкий, непристойный звук. — На весь стадион! Вонь жуткая!

— Айлз делает глубокий вдох... дважды ударяет мячом в пол — это его фишка...

— Джордж не только болтун, он еще и ведет очень активную вымышленную жизнь, — сообщила Айрис Люку. — Привыкай.

Джордж покосился на них.

— Айлз бросает злобный взгляд на одинокую фанатку «Селтикс», дразнящую его с центральной трибуны, — лицо у нее тупое и на редкость безобразное...

Айрис снова «перднула».

— Итак, Айлз поворачивается к корзине... Бросок!..

Мимо.

— Господи, Джордж! — воскликнула Калиша. — Это было ужасно. Давай, закругляйся — проигрывай или пусть уже будет ничья. Надо поговорить. Новенький еще не знает, куда попал.

— А мы будто знаем, — буркнула Айрис.

Джордж согнул ноги в коленях и снова бросил мяч. Тот покатался по ободку, подумал... и свалился в сторону.

— Победа «Селтикс»! Победа «Селтикс»! — завопила Айрис, сделала чирлидерский прыжок и потрясла в воздухе невидимыми помпонами. — Ну все, иди знакомиться с новеньким.

Джордж подошел, отмахиваясь от мошкары, — приземистый, крепкого телосложения. Люк подумал, что профессиональным баскетболистом он может стать только в своих фантазиях. Увидев его бледно-голубые глаза, Люк сразу вспомнил фильмы с Полом Ньюманом и Стивом Маккуином, которые они с Рольфом смотрели по каналу Ти-си-эм. От одной мысли о том, как они валялись на диване перед телевизором и лопали попкорн, ему стало нехорошо.

— Здóрово! Тебя как звать?

— Люк Эллис.

— А я Джордж Айлз. Девчонки тебе уже все рассказали, наверное. Они думают, я — бог.

Калиша стиснула руками голову, будто та нестерпимо заболела. Айрис оттопырила средний палец.

— Бог *любви*.

— Только Адонис, а не Купидон, — вставил Люк, пытаясь влиться в разговор. — Адонис — бог плодородия и красоты.

— Как скажешь... Ну, что думаешь об этом славном местечке? Жуть, да?

— А где мы, можете объяснить? Калиша называет это место Институтом...

— Еще можно называть его «Приютом миссис Сигсби для детей с паранормальными способностями», — добавила Айрис и сплюнула на землю.

Люку показалось, что он вошел в кинозал посреди сеанса. Точнее, что ему включили третий сезон сериала с запутанным сюжетом.

— Кто такая миссис Сигсби?

— Здешняя хозяйка, та еще сучильда. Скоро вы познакомитесь, и мой тебе совет: не дерзи ей. Дерзких она не любит.

— Ты ТЛП или ТЛК? — спросила Айрис.

— ТЛК, полагаю. — Хотя чего тут полагать, все же ясно. — Вокруг меня иногда двигаются предметы. Сами собой. Поскольку я не верю в полтергейст, видимо, это я их двигаю — силой мысли, типа. Но не могли же меня из-за такого пустяка...

Не могли же меня из-за такого пустяка сюда поместить, подумал Люк. Однако поместили.

— ТЛК-положительный? — уточнил Джордж, направляясь к одному из столиков.

Люк пошел следом, а за ним и девочки. Он мог рассчитывать примерный возраст деревьев вокруг, перечислить сотню названий разных бактерий, прочесть лекцию о творчестве Хемингуэя, Фолкнера и Вольтера, но что толку? Никогда в жизни Люк не был настолько не в теме.

— Еще бы понимать, что это значит.

Калиша пояснила:

— Положительными *они* — зрители, лаборанты и доктора — называют детей вроде меня и Джорджа. Вообще-то нам не положено это знать...

— Но мы знаем, — закончила за нее Айрис. — Это ни для кого не секрет. ТЛК- и ТЛП-положительные могут пользоваться своим даром, когда захотят — по собственной

воле. А остальные не могут. Например, предметы начинают двигаться вокруг меня, только если я злюсь, или очень рада, или просто напугана. Это происходит само собой, без моего ведома. Как чихание. Так что у меня средние способности. Детей со средними способностями называют «розовыми».

— Почему? — спросил Люк.

— Потому что им на документы в папочке наклеивают розовый стикер. Вообще-то подопечным не положено видеть содержимое папки, но я однажды заглянула в свою. Они иногда допускают небрежность...

— Ага. За их небрежность тебе же и прилетит. Советую не искать приключений на задницу, — вставила Калиша.

— Розовые чаще проходят испытания. И уколов им достается больше. Меня один раз макали. Стремно, конечно, но могло быть и хуже.

— Что значит мака...

Джордж его перебил:

— Я вот ТЛК-положительный, у меня в папке нет никаких розовых кружков. Этому парню розовое не наливать.

— Ты тоже видел свою папку? — спросил Люк.

— А мне не надо ее видеть, я суперкрут. Зацени.

Джордж даже не стал делать сосредоточенное лицо, как у йога, однако случилось удивительное (точнее, Люка это поразило, а вот девочек — нисколько): облако мошкати над головой Джорджа вдруг отлетело назад и стало похоже на хвост кометы. Их будто сдувало ветром, хотя никакого ветра не было и в помине.

— Видишь? ТЛК-положительный в действии. Жаль, ненадолго.

Мошкатня уже вернулась на место и не кусала парня только потому, что от него за милю несло репеллентом.

— А когда ты бросал мяч во второй раз, — сказал Люк, — разве ты не мог заставить его упасть в корзину?

Джордж с сожалением помотал головой.

— Вот бы нам сюда ТЛК-положительного с мощным даром! — сказала Айрис. От ее бывшего подъема не осталось и следа: выглядела она утомленно и намного старше своих лет (Люк решил, что ей около пятнадцати). — Он бы взял и всех нас отсюда телепортировал! — Она села за стол и прикрыла глаза рукой.

Калиша подсела рядом.

— Да ладно тебе, брось. Все будет хорошо.

— Не будет! Посмотри: меня всю истыкали, как игольницу! — Айрис показала ей руки: на левой было два пластыря, на правой — три. Затем она быстро смахнула слезы и сделала, по-видимому, деловое лицо. — А ты, случайно, не умеешь двигать предметы силой мысли, новенький?

Люк ни с кем и никогда не обсуждал управление материей силой мысли (этот феномен еще называли психокинезом), кроме родителей. Мама сказала, что люди могут испугаться и лучше никому про такое не рассказывать. А папа заявил, что это отнюдь не самое важное его умение и ценить его будут за другое. Люк, в общем-то, разделял их взгляды, только вот эти ребята явно ничего не боялись. В Институте детей ценили именно за такие умения.

— Нет. Я даже ушами шевелить не могу.

Все посмеялись, и Люка немного отпустило. Место было странное и страшное, зато народ нормальный...

— Просто вокруг меня иногда двигаются предметы, вот и все. Обычно это посуда или столовые приборы. Ну, дверь еще иногда сама захлопнется... Пару раз перевернулась настольная лампа. В общем, мелочь всякая. Я ведь толком и не знаю — может, виноват сквозняк или подземные толчки какие-нибудь...

Все дружно посмотрели на него как на дурака.

— Ладно, ладно. Знал я. И родители знали. Просто не обращали внимания на такую ерунду.

Может, они бы и обратили — если бы не его феноменальный ум. Двенадцатилетка поступил сразу в два университета! Допустим, семилетка играет на форте-

пиано, как Ван Клиберн, — разве кому-то будет дело, что он умеет показывать карточные фокусы? Или ушами шевелить? Но сказать так Джорджу, Айрис и Калише было нельзя. Они бы решили, что он выпендривается.

— Ты прав, это и есть ерунда! — воинственно заявила Калиша. — И нас из-за такой ерунды сунули сюда, будто мы люди Икс какие-нибудь. Или Лига справедливости.

— Нас похитили? — Вот бы сейчас все рассмеялись. Вот бы сказали хором: *Ты чего?!*

— Угу, типа того, — хмыкнул Джордж.

— Из-за таких пустяков? Потому что ты можешь на пару секунд разогнать мошкарю? Потому что... — Люк вспомнил, как в «Рокет-пицце» свалился на пол алюминиевый поднос. — Потому что за мной иногда сами собой закрываются двери?

— Ну, если бы людей помещали в Институт за красоту, Калиши и Айрис тут бы не было.

— Дубина, — бросила Калиша.

Джордж только улыбнулся.

— Какой изящный ответ! Примерно из той же оперы, что и «укуси мою пипиську».

— Иногда мне хочется, чтобы тебя скорей отправили на Дальнюю половину, — сказала Айрис. — Боженька меня накажет, но...

— Погодите, — перебил ее Люк. — Стоп, стоп. Давайте сначала.

— А это и есть начало, чувак, — произнес голос за его спиной. — Увы, скорее всего это же и конец.

2

Люк решил, что вновь прибывшему парню лет шестнадцать; позже он узнал, что разница в возрасте у них всего два года. Никки Уилхолм был высокий и голубо-

глазый, с копной нечесаных иссиня-черных волос, которые не мешало бы хорошенько отмыть — двойной порцией шампуня. Мятая рубашка, мятые шорты, полуспущенные спортивные белые носки и грязные кеды. Люк вспомнил, как Морин назвала этого мальчика Свиношей из комикса «Мелочь пузатая».

Остальные смотрели на него настороженно и вместе с тем уважительно. Люк сразу понял почему. Калиша, Айрис и Джордж были не рады, что очутились тут, однако старались не унывать. Да, Айрис в какой-то момент дала слабинку, но в целом все они дурашливо делали вид, что мужественно переносят несчастья. Этот парень держался иначе. Сейчас Никки не выглядел воинственным или озлобленным, но он явно с кем-то подрался, причем недавно: на его распухшей нижней губе заживала трещина, под глазом виднелась тень от фингала, на скуле красовался свежий кровоподтек.

Драчун, стало быть. Люку доводилось таких видеть — парочка подобных типов нашлась даже в Бродерике. Люк с Рольфом держались от них подальше, но здесь, в тюрьме (он начал подозревать, что это именно тюрьма), он вряд ли сможет держаться подальше от Никки Уилхолма. Впрочем, остальные ребята его не боялись — добрый знак. Возможно, Никки обозлился на Институт (какие бы цели ни преследовала организация со столь безликим именем), а с остальными «заключенными» он был просто напряжен. Сосредоточен. Однако следы побоев на его лице наводили на неприятные мысли. Неужели это дело рук взрослых? Если бы такое сделал учитель — любой школы, не только Бродерика, — его бы моментально уволили и засудили.

Люку вспомнились слова Калиши: *Ты уже не в Канзасе, Тотошка.*

— Привет, я Люк Эллис. — Не зная, чего ждать, он протянул руку Нику.

Проигнорировав ее, тот подошел к зеленому шкафу.

— В шахматы играешь, Эллис? Эти трое вообще не умеют. Донна Гибсон хоть как-то играла, но три дня назад ее отправили на Дальнюю половину.

— И больше мы ее не увидим, — скорбно произнес Джордж.

— Играю, — ответил Люк на вопрос Никки. — Только сейчас не в настроении. Хочу сперва разобраться, что тут к чему.

Ник достал из шкафа шахматную доску и коробку с фигурами. Стремительно расставил фигуры, глядя на них сквозь отросшую челку.

— Ты в Институте. Где-то в штате Мэн, в самой его глуши — рядом даже города нет. Есть только координаты: сто десятый сектор. Ша прочитала их в мыслях сотрудников, и Донна тоже. И еще Пит Литлджон, ТЛП, — он ушел на Дальнюю половину.

— Кажется, что Пити нет уже целую вечность, хотя прошла всего неделя... — с тоской проговорила Калиша. — Помнишь его прыщи? И как у него очки вечно сползали на нос?

Никки пропустил ее слова мимо ушей.

— Смотрители здешнего зоопарка даже не пытаются это скрывать или отрицать. Какой смысл? Здесь половина детей ТЛП! А все тайное и так останется тайным. Калиша глубоко копать не умеет, хотя она — одна из лучших.

— Стабильно отгадываю девяносто процентов колоды зереровских карт, — сказала Калиша. Без хвастовства, просто констатируя факт. — И имя твоей бабушки смогу отгадать, если ты о нем подумаешь — выставишь его на передний план. Дальше мне не пройти.

Мую бабушку зовут Ребекка, подумал Люк.

— Ребекка, — произнесла Калиша. Увидев изумленное лицо Люка, она безудержно захихикала и вновь стала похожа на ребенка.

— Ты играешь белыми, — заявил Никки. — Я всегда черными.

— Ник у нас вне закона, — заметил Джордж.

— И в доказательство предъявит следы побоев, — добавила Калиша. — От драк ему никакой пользы, но он, похоже, ничего не может с собой поделывать. И в комнате у него свинарник. Очередное бесполезное проявление детской мятежной души... а Морин от тебя лишние хлопоты!

Никки повернулся к чернокожей девочке и без намека на улыбку заметил:

— Будь Морин такой святой, как ты думаешь, она бы уже давно нас отсюда вытащила. Или копов бы свистнула.

Калиша помотала головой:

— Спустись на землю! Если ты здесь работаешь, ты — часть системы. И не важно, хороший ты или плохой.

— Добрый или злой, — мрачно добавил Джордж.

— К тому же местная полиция — шайка дебилов и взяточников. И до ближайшего участка много миль, — сказала Айрис. — Ну, раз уж ты заделался Главным Объясняльщиком, Ник, почему бы тебе не ввести новенького в курс дела? Или забыл, как это жутко — просыпаться в комнате, которая один в один похожа на твою?

Ник откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Люк заметил, какими глазами на него смотрит Калиша, и невольно подумал: вот уж кого она бы точно поцеловала не затем, чтобы заразить ветрянкой.

— Ладно, Эллис, расскажу тебе, что нам известно. Точнее, якобы известно. Много времени это не займет. Девчонки, если хотите — присоединяйтесь. А ты, Джордж, держи рот на замке, если почувствуешь приближение словесного поноса.

— Ну, спасибо, — ответил Джордж. — И это после того, как я разрешил тебе покататься на моем «порше»!

— Калиша пробыла здесь дольше всех — из-за ветрянки, — сказал Ник. — Сколько детей прошло через Ближнюю половину за это время?

Та задумалась.

— Около двадцати пяти. Или чуть больше.

Никки кивнул.

— Их — нас — свозят сюда со всех уголков страны. Ша, например, из Огайо, Айрис из Техаса, Джордж из Дыртауна, штат Монтана...

— А вот и нет, я из Биллингса, — встрял Джордж. — Приличный город, между прочим.

— Во-первых, нас тут чипируют, как перелетных птиц или скот какой-то... — Никки убрал волосы назад и отогнул мочку уха, продемонстрировав металлический кружок в два раза меньше десятицентовой монеты. — А еще нас осматривают, ставят над нами опыты, обкалывают какой-то дрянью, снова осматривают и снова ставят опыты... Розовым достается больше уколов и опытов, если что.

— Меня даже макали один раз, — добавила Айрис.

— Молодец, возьми с полки пирожок, — сказал ей Ник. — Положительных заставляют выделять всякие дебилы фокусы, как дрессированных собачек. Я и сам положительный, кстати. Но болтун Джордж покруче будет. И еще тут был один мальчик, все имя забываю, — он даже круче Джорджа.

— Бобби Вашингтон, — кивнула Калиша. — Черный паренек, мелкий совсем — лет девяти. Ему скинуть тарелку со стола — раз плюнуть. Забрали его... когда, Никки? Пару недель назад?

— Поменьше, — ответил Ник. — Уже при мне.

— За ужином еще с нами сидел, — сказала Калиша, — а утром отправился на Дальнюю половину. Оп — и нет его! Я, наверное, следующая... Надоело им опыты над мной ставить.

— Такая же фигня, — мрачно проговорил Никки. — Им, небось, не терпится от меня избавиться.

— «Небось» можно вычеркнуть, — вставил Джордж.

— Нам делают уколы, — сказала Айрис. — Иногда это больно, иногда нет, иногда от них плохо, иногда нет. У меня однажды поднялась температура, и голова раскалывалась. Я решила, что заразилась ветрянкой от Ка-

лиши, а на следующий день все как рукой сняло. Колоть будут, пока ты не увидишь точки и не услышишь гул.

— Ты еще легко отделалась, — сказала Калиша. — У двоих ребят... одного звали Морти... фамилию забыла...

— Ага, в носу еще ковырялся, — подхватила Айрис. — И с Бобби Вашингтоном дружил. Тоже не помню фамилию. Я здесь всего пару дней была, когда его отправили на Дальнюю половину.

— Или не отправили, — пожала плечами Калиша. — Он тут совсем недолго пробыл: после укола у него какие-то прыщи полезли по телу. Он мне сам признался — в столовой. И еще что сердце у него колотится как ненормальное. Может, ему плохо стало... — Она на секунду умолкла. — Может, он вообще умер.

Джордж вытарашил глаза.

— Ничего не имею против цинизма и подростковой тревоги, только не говори, что ты и правда так думаешь.

— Да я сама не рада! — заявила Калиша.

— Так, все заткнулись, — осадил их Ник и, склонившись над шахматной доской, посмотрел Люку прямо в глаза. — Да, нас похитили. Да, потому что у нас есть экстрасенсорные способности. Как они нас находят? Не знаю. Но тут все серьезно и по-крупному. Черт, здесь огромная территория — свои доктора, лаборанты и эти... зрителями себя называют. Короче, целая больница посреди леса.

— Да еще под охраной, — добавила Калиша.

— Ага. За безопасность отвечает лысый верзила по фамилии Стэкхаус.

— Бред какой-то... — пробормотал Люк. — В Америке?!

— А здесь не Америка, здесь — Королевство Института. Когда пойдем в столовку обедать, выгляни в окошко, Эллис. Там сплошь деревья, а за деревьями, если приглядеться, видно еще одно здание — из серого шлакоблока, как наше. Типа, с лесом сливается. Короче, это — Дальняя половина. Туда отправляют детей, над которыми провели все опыты.

— И что с ними делают?

Ответила Калиша:

— Мы не знаем.

Люк чуть было не спросил, неужели Морин не в курсе, но вовремя вспомнил, как Калиша прошептала ему на ухо: *Нас подслушивают.*

— Известно только то, что они сами нам говорят, — сказала Айрис. — А говорят они...

— Что все будет *Пр-р-росто отлич-ч-чно!*

Никки проорал это так громко и так неожиданно, что Люк вздрогнул и едва не свалился со скамейки. Черноволосый парень встал и с вызовом уставился в пыльный объектив одной из камер. Люк вспомнил еще одно предупреждение Калиши: *Когда познакомишься с Никки, не удивляйся, если он начнет выступать. Он так, типа, пар выпускает.*

— Они похожи на миссионеров, впаривающих сказочки про Иисуса индейцам, которые донельзя...

— Наивны? — предложил Люк.

— Да! В точку! — Никки все еще пялился в камеру. — Индейцы так наивны, что готовы поверить *во что угодно*: типа, если они отдадут свои земли за горсть бусин и пару вшивых одеял, то отправятся в рай, встретят там свою покойную родню и будут опупенно счастливы! Вот и мы, как индейцы, верим в их сладкие речи про гребаный **ХЕППИ-ЭНД, МАТЬ ВАШУ!**

Он резко повернулся к ребятам: глаза горят, волосы взлет, руки сжаты в кулаки. Люк заметил заживающие ссадины на его костяшках. Вряд ли Нику удалось всыпать обидчикам так же, как всыпали ему — все же они взрослые, а он ребенок, — но кому-то он *точно* всыпал.

— Уж конечно, когда Бобби Вашингтона уводили на Дальнюю половину, он свято верил, что его злоключениям пришел конец. И Пит Литлджон тоже! Господи, ну какие дураки. Кабы мозги были порохом, им бы носа было не высморкать.

Ник снова повернулся к пыльной камере наверху. Тот факт, что все его обличительные речи были обращены к бездушной технике, делал их немного нелепыми, однако Люк все равно восхитился. Вот уж кто точно не смирился со своим положением!

— Эй вы, слушайте сюда! Можете бить меня сколько влезет, можете увести меня на Дальнюю половину, но я буду бороться за свою жизнь до последнего! *Ник Уилхолм не продается за бусы и вшивые одеяла!*

Он сел, тяжело дыша, затем улыбнулся — на щеках сразу образовались ямочки, глаза потеплели. От мрачного и тревожного типа, каким Ник казался минуту назад, не осталось и следа. Люку парни вообще-то не нравились, но при виде этой улыбки он понял, почему Калиша и Айрис смотрят на Ника с таким обожанием. Как на солиста бой-бенда.

— Во мне явно умирает сотрудник Института. Я мог бы впаривать вам всякую хрень покруче Сигсби, Хендрикса и прочих докторов, вместе взятых. У меня есть дар убеждения.

— Да уж, — кивнул Люк. — Хотя я немного потерял нить, если честно.

— Да, что-то ты заговариваешься, Никки, — сказал Джордж.

Тот снова скрестил руки на груди.

— Значит, так, новенький. Прежде чем я тебя раздеваю в шахматы, позволь-ка еще раз обрисовать ситуацию. Нас сюда привозят, ставят над нами опыты, обкалывают какой-то дрянью, потом опять ставят опыты. Некоторых детей макают и всех без исключения заставляют проходить странный тест на зрение, от которого становится очень хреново: еще чуть-чуть, и грохнешься в обморок. Мы живем в комнатах, которые почти не отличить от тех, что были у нас дома — видимо, это должно как-то... ну, не знаю, успокаивать наши нежные нервы.

— Психологическая акклиматизация, — сказал Люк. — Наверное, это разумно.

— Кормят тут неплохо. Еду заказываешь по меню, пусть и не слишком богатому. Комнаты не запирают: если ночью не спится, можно выйти и перекусить. В столовой всегда есть печенье, орехи, яблоки, все такое. Или можно сходить в буфет. Автоматы принимают жетоны, но лично у меня жетонов нет. Их выдают только паинькам, а я не паинька. Если спросишь меня, что нужно делать с бойскаутом, я отвечу: приложить его башкой об пол...

— Опять загоняешься, — сказала Калиша. — Хватит, ладно?

— Ладно. — Никки одарил ее своей убийственной улыбкой и вновь переключился на Люка. — Вообще тут выгодно быть паиньками: в буфете куча всяких вкусностей и газировок, выбор огромный.

— «Крекер Джекс», — мечтательно проговорил Джордж. — «Хо-хос».

— Еще там продают сигареты и алкоголь, даже крепкий.

Айрис:

— На одной табличке написано: «ЕСЛИ ПЬЕШЬ — ЗНАЙ МЕРУ». Представляешь, даже десятилетка может нажать кнопку и получить «Голубые Гавайи» фирмы «Бунс фарм» или «Жесткий лимонад от Майка»! Зашибись, скажи?

— Да вы прикалываетесь, — усомнился Люк, но Калиша и Джордж усердно закивали.

— Ты реально можешь прибукнуть. Конечно, не напиться в хлам — слишком много нужно жетонов, — пояснил Никки.

— Это правда. Хотя некоторые тут практически не просыхают.

— То есть они алкоголики? Дети-алкоголики?! — Люк по-прежнему не верил своим ушам. — Да ну вас!

— Вот-вот. Есть такие ребята, которые на что угодно готовы ради бухла. Лишь бы их каждый день пускали

к автомату с алкоголем. Я тут не очень давно и не успел провести исследование, но старожилы всякое повидали...

— И еще, — добавила Айрис. — Многие реально курят.

Люк решил, что смысл в этом есть. Римский поэт-сатирик Ювенал говорил, что люди хотят только хлеба и зрелищ — тогда они счастливы и их легко держать в узде. Наверное, про сигареты и алкоголь можно сказать то же самое, особенно если предлагать их перепуганным детям, внезапно оказавшимся взаперти.

— А разве это не влияет на результаты тестов?

— Мы же не знаем, в чем их суть, — ответил Джордж. — От нас только хотят, чтобы мы увидели точки и услышали гул.

— Какие точки? Какой гул?

— Скоро поймешь. Это еще не самое ужасное... Самое ужасное — это стимуляция. Уколы. Терпеть их не могу!

Никки добавил:

— Три недели — столько времени в среднем проводят на Ближней половине. По крайней мере, так думает Ша, а она тут дольше всех. Затем детей отправляют на Дальнюю половину. Ну а после нам якобы стирают память. — Он воздел руки к небу и растопырил пальцы. — И тогда вы, дети мои, попадаете прямо в рай! Чистые и непорочные, пусть и с никотиновой зависимостью. Аллилуйя!

— Он имеет в виду, что нас отправляют домой, к родителям, — пояснила Айрис.

— Где нас, конечно же, встречают с распростертыми объятьями, — кивнул Никки. — Вопросов никто не задает, просто все радуются как ненормальные и идут отмечать это событие в развлекательный центр «Чак И. Чиз». Что скажешь, Эллис? Правдоподобно?

Нет, это было неправдоподобно.

— Но ведь наши родители живы, да? — Люк и сам услышал, как жалобно это прозвучало.

Никто не ответил, все только молча на него посмотрели. Ответ напрашивался сам собой.

3

В дверь кабинета миссис Сигсби постучали. Не отрываясь от монитора компьютера, она впустила посетителя. Вошел мужчина ростом почти с Хендрикса, лет на десять младше и в прекрасной форме: широкоплечий и мускулистый. У него был блестящий гладковыбритый череп; закатанные рукава голубой рубашки обнажали накачанные бицепсы. На бедре висела кобура, из которой торчал короткий металлический стержень.

— Прибыла Рубиновая команда — на случай если вы хотели обсудить с ними операцию по захвату Эллиса.

— Что-то срочное? Есть что обсудить, Тревор?

— Не особо, мэм. Если помешал, могу зайти позже.

— Нет, все нормально, только дайте мне минуту: наши подопечные вводят новенького в курс дела. Взгляните-ка. Очень любопытно послушать эту смесь из мифов и личных наблюдений — получилось прямо как в «Повелителях мух».

Тревор Стэкхаус обошел вокруг стола и увидел, что Уилхолм (тот еще говнюк) сидит за шахматной доской с расставленными фигурами и собирается начать игру. Новенький сидел напротив. Девочки стояли рядом, и почти все их внимание было обращено, естественно, на Уилхолма — красивого, мрачного бунтаря, эдакого Джеймса Дина наших дней. Ничего, скоро его здесь не будет — как только Хендрикс даст добро на перевод.

— И сколько народу тут работает, по-вашему? — спросил новенький.

Айрис с Калишей (девчонкой по прозвищу Ветрянка) переглянулись. Ответила Айрис:

— Человек пятьдесят? Не меньше. Врачи... лаборанты и смотрители... персонал столовой...

— Два или три уборщика, экономки, — добавил Уилхолм. — Морин сейчас одна, потому что нас только пятеро, а так их бывает больше. Может, они с Дальней половины приходят — точно не знаю.

— Не пойму, если здесь работает столько народу, как им удастся держать все в секрете? — спросил Эллис. — И где в таком случае стоят их машины?

— Любопытно, — заметил Стэкхаус. — Кажется, такого вопроса еще никто не задавал.

Миссис Сигсби кивнула.

— Этот умный. Судя по всему, не просто начитанный. Так, тихо, я хочу их послушать.

— ...где-то жить должны, — говорил Люк. — Логично? Они вроде как вахтовым методом тут работают. А значит, это правительственное учреждение. Вроде секретных тюрем, куда увозят допрашивать террористов.

— И не забываем про старые добрые пытки водой, — добавил Уилхолм. — Когда тебе на голову надевают мешок и инсценируют утопление. Я не слышал, чтобы тут такое практиковали с детьми, но с них станется.

— Бак с водой есть, — сказала Айрис. — Тебе надевают специальную шапочку, суют в воду с головой и смотрят, что будет. Вообще-то это поприятнее уколов... — Она умолкла. — Ну, для меня.

— Видимо, сотрудников привозят и вывозят группами, — рассуждал Эллис. Миссис Сигсби показалось, что он говорит сам с собой, а не с другими. Наверное, для него это было обычное дело. — По-другому никак.

Стэкхаус кивнул:

— Да, молодец парень, соображает! Сколько ему, двенадцать?

— А вы почитайте отчет, Тревор. — Она нажала клавишу на клавиатуре, и на экране появился скринсейвер: фотография ее дочерей-близняшек в коляске, сделанная за много лет до того, как у них появились дерзкие замашки, грудь и дружки-плохиши. А в случае Джуди — еще и наркозависимость. — Рубиновая уже отчиталась?

— Лично мне, — кивнул Стэкхаус. — Полиция найдет в истории браузера на компьютере Эллиса запросы о детях, которые убили своих родителей. Тут надо аккуратно,

запросов не должно быть слишком много — двух-трех достаточно.

— Иными словами, все строго по регламенту.

— Да, мэм. Не буди лихо, пока оно тихо. — Стэкхаус улыбнулся — почти как Уилхолм, когда парнишка врубал обаяние на полную катушку. И все же переплюнуть Уилхолма в этом деле было непросто: тот притягивал девочек как магнит. До поры до времени, конечно. — Хотите пообщаться с командой, или хватит оперативного отчета? Его составляет Денни Уильямс, так что будет хотя бы читаемо.

— Если все прошло гладко, достаточно отчета. Пусть Розалинда его принесет.

— Хорошо. А что слышно от Алворсон?

— Вы про то, не тискается ли Уилхолм с Калишей? — Сигсби приподняла бровь. — Какое отношение это имеет к безопасности, Тревор?

— Да пусть себе тискаются сколько влезет, мне чхать. Пусть даже девственность потеряют — если там еще есть, что терять, конечно. Тем не менее от Алворсон порой бывает толк. Помните тот их разговор с Вашингтоном?

Морин Алворсон, экономка, которая якобы любила и жалела всех юных подопечных Института, на самом деле работала осведомителем. (Миссис Сигсби считала, что те крохи действительно полезной информации, что поступали от Морин, не позволяли называть ее *шпионкой* — слишком много чести.) Ни Калиша, ни остальные ТЛП до сих пор ее не раскусили, потому что она мастерски скрывала свой дополнительный источник доходов.

Что делало ее особенно ценным сотрудником, так это аккуратно подкинутаая подопечным идея, будто некоторые зоны в Институте — южный угол столовой и небольшой закуток рядом с торговыми автоматами в буфете — не прослушиваются. Именно там Алворсон узнавала самые сокровенные мысли детей. Обычно эта информация не заслуживала никакого внимания, но время от времени среди руды попадались самородки.

Вашингтон, к примеру, однажды признался Морин, что планирует совершить самоубийство.

— Нет, в последнее время ничего стоящего не было, — сказала Сигсби. — Я вас непременно уведомя, если получу интересующие вас сведения, Тревор.

— Хорошо-хорошо. Я просто спросил.

— Понятно. Теперь уходите, пожалуйста. Мне нужно работать.

4

— Да пошло все на хрен, — сказал Никки, вновь усаживаясь на скамейку. Наконец-то он убрал челку с глаз. — Скоро прозвенит звонок, и меня ждет очередная проверка зрения — после обеда опять буду пялиться в белую стену... Ладно, посмотрим, какой ты шахматист, Эллис. Ходи.

Люку ужасно не хотелось играть в шахматы. У него в голове роились сотни вопросов — по большей части об уколах, — но, видимо, задавать их было рано. Есть ведь еще такая штука, как информационная перегрузка, в конце концов. Люк передвинул королевскую пешку на две клетки вперед. Никки сделал то же самое. Люк пошел королевским слоном так, чтобы тот угрожал черной королевской пешке. Помедлив секунду, Никки вывел ферзя на четыре клетки по диагонали — и тем самым подписал себе приговор. Люк вывел своего ферзя, подождал, пока Никки сделает уже не имеющий никакого значения ход, затем передвинул ферзя аккуратно к черному королю.

Никки нахмурился:

— Шах и мат за четыре хода? Ты серьезно?!

Люк пожал плечами:

— Это называется «детский мат» и работает, только если играешь белыми. Ничего, в следующий раз ты заранее проследишь задумку противника и сумеешь ему

помешать. Эффективнее всего — передвинуть ферзевую пешку на две клетки вперед или королевскую — на одну.

— А если я так сделаю, ты все равно мне задницу надерешь?

— Не исключено. — Дипломатичный ответ. Искренний прозвучал бы так: *Разумеется!*

— Ну ни фиги себе. — Никки изучал доску. — А ты крут! Где учился?

— Нигде, пару учебников по шахматам прочитал.

Никки поднял взгляд на Люка, словно увидел его впервые, и повторил вопрос Калишы:

— Умный, что ли?

— По крайней мере, ему хватило мозгов разделить тебя в шахматы, — сказала Айрис, избавив Люка от необходимости отвечать.

В этот момент прозвучал тихий звонок из двух нот: динь-дон.

— Все, обед, — сказала Калиша. — Умираю с голоду! Идем, Люк. Проигравший убирает игру на место.

Никки нацелил на нее палец и одними губами произнес: *Пиф-паф!* — Впрочем, с улыбкой. Люк встал и пошел за девочками. У входа в комнату отдыха его нагнал и схватил за локоть Джордж. Из учебников по социологии (и личного опыта) Люк знал, что дети в коллективах имеют тенденцию легко брать на себя определенные роли. Если в этой группе Ник Уилхолм — бунтарь, то Джордж — явно шут. Впрочем, сейчас вид у него был как нельзя более серьезный. Он заговорил тихо и быстро:

— Ник крутой, мне он нравится, а девчонки вообще от него без ума, и ты тоже скоро к нему проникнешься. Но будь осторожней: не пытайся ему подражать. Он никак не хочет смириться с тем, что нам отсюда не выбраться, а все остальные давно смирились. И тебе не советую лезть на рожон. Вот, например, точки — как увидишь их, сразу говори. Если не видишь — тоже говори. Не ври. *Им все известно.*

Тут их догнал Никки.

— О чем болтаете, Джорджи?

— Он хотел знать, откуда берутся дети, — нашелся Люк. — Я велел ему спросить тебя.

— Вот, черт, еще один клоун завелся. Только этого не хватало! — Никки схватил Люка за шею и сделал вид, что хочет его задушить. То был знак внимания? Или даже уважения?.. — Ладно, пошли есть.

5

То, что его новые друзья называли буфетом, было частью комнаты отдыха. Торговые автоматы располагались напротив большого настенного телевизора. Люк хотел поближе на них взглянуть, но остальные шли быстро, он и так еле за ними поспевал. И все же табличку с надписью «ЕСЛИ ПЬЕШЬ — ЗНАЙ МЕРУ» он разглядел. Так что, может, это и не розыгрыш: здесь действительно спаивают детей.

Да, это не Канзас и не Остров Удовольствий, подумал он. Это Страна Чудес. Кто-то пришел в мою комнату посреди ночи и спихнул меня в кроличью нору.

Столовая оказалась чуть меньше, чем в Бродерике, но почти полное безлюдье — на обед пришло всего пять человек — делало ее прямо-таки огромной. Среди небольших столиков на четверых стояло несколько длинных, и один из них был накрыт на пять персон. Женщина в розовой форменной блузке и розовых брюках подошла и налила им воды. На груди у нее висел бейджик с именем «НОРМА».

— Ну как вы, цыплятки? — спросила она.

— Просто отлично! — просиял Джордж. — А вы как?

— Хорошо.

— У вас, случайно, не найдется карточки «Побег из тюрьмы»?

Норма одарила его дежурной улыбкой и скрылась за дверью, которая вела, судя по всему, в кухню.

— Ради кого я стараюсь, спрашивается? — посетовал Джордж. — Лучшие фразы пропадают даром. Даром, ей-богу!

Он потянулся за стопкой меню в центре стола и раздал их присутствующим. Сверху стояла дата. Дальше значились: **ХОЛОДНЫЕ БЛЮДА И ЗАКУСКИ** (жареные куриные крылышки «буффало» или томатный суп), **ОСНОВНЫЕ БЛЮДА** (бургер с буйволятиной или рагу по-американски) и **ДЕСЕРТЫ** (яблочный пирог с мороженым или некий «волшебный заварной торт»). Также на выбор предлагалось несколько напитков.

— Еще есть молоко, но его не указывают в меню, — сказала Калиша. — Обычно дети хотят его только на завтрак с хлопьями.

— Здесь правда вкусно готовят? — спросил Люк. Этот прозаичный вопрос (словно они приехали на какой-нибудь курорт с питанием по системе «все включено» и обсуждают кухню) моментально вернул ему ощущение бредовости происходящего.

— Да, — ответила Айрис. — Еще нас иногда взвешивают. Я вот уже целых четыре фунта набрала.

— Раскармливают, как свиней перед забоем, — добавил Никки. — Как Гензеля и Гретель.

— В пятницу вечером и в воскресенье днем — шведский стол, — сказала Калиша. — Ешь сколько влезет.

— Как Гензеля и Гретель откармливают, суки, — повторил Никки и покосился на камеру в углу. — Возвращайся, Норма! Мы готовы сделать заказ.

Она моментально вернулась, отчего происходящее стало казаться Люку еще нереальнее. Впрочем, когда принесли крылышки и рагу, он набросился на них с аппетитом. Да, здесь было жутко, да, ему было очень страшно за себя и за родителей, но, в конце концов, он был ребенком.

Растущим организмом.

6

Видимо, за ними действительно наблюдали: не успел Люк отправить в рот последний кусочек торта с заварным кремом, как появилась еще одна женщина в розовой одежде, напоминающей форму. На ее бейджике значилось имя «ГЛЭДИС».

— Люк? Пойдем-ка со мной.

Он посмотрел на своих четырех друзей. Калиша и Айрис потупились, а Никки глядел на Глэдис — скрестив руки на груди и едва заметно улыбаясь.

— Может, заглянешь попозже, детка? Под Рождество, например. Я тебя затолкаю под омелу.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— Люк? Я жду. Пойдем, пожалуйста.

Джордж был единственный, кто отважился посмотреть ему в глаза. Увидев его лицо, Люк сразу вспомнил про «не лезь на рожон». И встал.

— Ладно, увидимся, ребят. Наверное.

Калиша одними губами сказала: *Уколы для прикола.*

Глэдис была миниатюрная и хорошенькая, но мало ли... Вдруг у нее черный пояс и она одним махом перекинет Люка через плечо, если он взбрыкнет? А даже если нет, за ними в самом деле наблюдают — подкрепление не заставит себя ждать. Впрочем, Люк был воспитанный, вежливый мальчик и привык слушаться взрослых. Подобные привычки дают о себе знать даже в таких ситуациях.

Глэдис повела его мимо окон, о которых рассказывал Никки. Люк посмотрел на улицу и действительно разглядел еще одно здание: его почти полностью скрывали деревья, однако оно совершенно точно там было. Дальняя половина.

Люк оглянулся. Вот бы кто-нибудь его подбодрил... Может, Калиша помашет или хотя бы улыбнется? Увы, никто не улыбался. Такие же лица у детей были на площадке, когда он спросил, живы ли их родители. И если

тогда они точного ответа дать не могли, то теперь-то наверняка знали, куда его ведут. Ведь они все это уже проходили.

7

— Какой славный денек, правда? — сказала Глэдис, ведя Люка по уже знакомому шлакоблочному коридору. Они прошли мимо его комнаты. Коридор уходил в другое крыло — там тоже были двери и комнаты, — но они свернули налево, в какую-то нишу, похожую на обычный лифтовый холл.

Люк, прекрасно умеющий вести светские разговоры, промолчал. Он был уверен, что в подобной ситуации Ник поступил бы именно так.

— Вот только мошки... ох! — Она отогнала рукой воображаемых насекомых и засмеялась. — Придется постоянно мазаться репеллентом, по крайней мере в июле.

— А потом выведутся стрекозы.

— Да! Точно! — Глэдис пронзительно захихикала.

— Куда мы идем?

— Увидишь. — Она подвигала бровями, как бы говоря: *Тебя ждет приятный сюрприз.*

Лифт открылся. Оттуда вышли два человека в голубых рубашках и брюках. Один был «ДЖО», второй — «ХАДАД». Оба держали в руках айпады.

— Привет! — радостно поздоровалась с ними Глэдис.

— Привет, детка, — сказал Хадад. — Как дела?

— Отлично! — прошептала девушка.

— А у тебя как дела, Люк? — обратился к нему Джо. — Обживаешься?

Он снова промолчал.

— Ни с кем не разговариваешь? — Хадад ухмылялся. — Ничего, пока можно. А вот потом — не советую. Видишь ли, Люк, у нас все просто: ты с нами по-хорошему — и мы с тобой по-хорошему.

— Тише едешь — дальше будешь, — добавил Джо. — Народная мудрость! Еще увидимся, Глэдис?

— Конечно! Ты угощаешь.

— Договорились!

Мужчины ушли, а Глэдис с Люком сели в лифт. Кнопка с цифрами на стене не было. Глэдис сказала: «Би», — вытащила из кармана брюк ключ-карту и помахала ею перед сенсором. Двери закрылись, и лифт поехал вниз — впрочем, ехал он недолго.

— Би, — проворковал женский голос из динамика наверху. — Уровень Би.

Глэдис снова махнула картой. Двери открылись в широкий вестибюль, ярко освещенный полупрозрачными потолочными панелями. Играла тихая музыка, какая обычно звучит в супермаркетах. Туда-сюда ходили люди с тележками, полными какого-то оборудования. Один нес в руках проволочную корзину с пробирками — анализами крови? Двери были помечены номерами, и перед каждым стоял префикс В.

Тут все по-крупному, говорил Никки. *У них огромная территория.* Видимо, он не соврал: раз есть подземный уровень В, то должен быть и С, логично? А может статья, и D, и E. Действительно похоже на правительственное учреждение, подумал Люк. Как можно сохранить такую здоровенную организацию в тайне? Мало того — деятельность Института незаконна и противоречит конституции США, его сотрудники похищают детей!

Они прошли мимо открытой двери, и Люк увидел очередную комнату отдыха, для сотрудников. Здесь тоже стояли торговые автоматы (впрочем, без табличек «ЕСЛИ ПЬЕШЬ — ЗНАЙ МЕРУ»). За одним из столиков сидели трое: мужчина и две женщины. Все они были в гражданском (джинсы, рубашки) и пили кофе. Одна из женщин — светловолосая — показалась Люку знакомой. Поначалу он растерялся, а потом вспомнил голос: *Как скажешь, детка.* Это было его последнее воспоминание

из прошлой жизни — до того, как он очнулся здесь, в Институте.

— Ты! — Он указал пальцем на женщину. — Это была ты!

Женщина невозмутимо посмотрела на него. И все еще смотрела, когда Глэдис закрывала дверь.

— Это была она! — воскликнул Люк. — Точно она!

— Мы уже почти пришли, — сообщила Глэдис. — Все пройдет быстро, обещаю. Потом вернешься в свою комнату. Ты, наверное, устал с непривычки.

— Вы меня слышите? Эта женщина проникла в мою комнату! И брызнула мне чем-то в лицо.

Опять нет ответа, только ослепительная улыбка. С каждым разом она казалась Люку все более неестественной и жуткой.

Они подошли к двери с номером В-31.

— Веди себя хорошо — и получишь пять жетончиков, — сказала Глэдис и достала из кармана горсть металлических кружков, похожих на монеты. С обеих сторон на них был отчеканен треугольник. — Видишь? Они у меня с собой.

Она постучала в дверь. Открыл мужчина в голубой форме с именем «ТОНИ» на груди: высокий, белокурый, красивый (если бы не легкий прищур). Люк решил, что он похож на злодея из фильмов про Джеймса Бонда — пожалуй, на того обходительного лыжного инструктора, который оказался убийцей.

— Входи, входи.

Видимо, приглашали только Люка. Глэдис легонько толкнула его в спину и закрыла за ним дверь.

Стоявшее посреди комнаты оборудование выглядело устрашающе: что-то вроде стоматологического кресла, только оснащенное ремнями для рук.

— Садись, приятель, — сказал Тони. *Ладно хоть не «умница»*, подумал Люк.

Тони подошел к столу, открыл какой-то ящик и начал в нем рыться, насвистывая. Когда он снова повер-

нулся к Люку, в руке у него было что-то вроде маленького паяльника. Тони с удивлением обнаружил, что Люк все еще стоит в дверях, и широко улыбнулся.

— Я же сказал: садись.

— Что вы будете со мной делать? Татуировку хотите набить? — Он вспомнил, что евреям при поступлении в Освенцим и Берген-Бельзен набивали номер на руке. Бред, конечно...

Тони снова удивился, потом хохотнул.

— Господи, что ты! Я просто тебя чипирую. Это не больно — как сережку в ухо вставить. Всем нашим гостям вживляют чипы.

— Я тут не гость, — сказал Люк, — а заключенный. И ничего вы мне в ухо не вставите.

— Еще как вставляю, — ответил Тони, по-прежнему широко улыбаясь и по-прежнему напоминая доброго дядю, который помогает детям вставать на лыжи — а в свободное время гоняется за Джеймсом Бондом с отравленным дротиком. — Слушай, это правда не больно, просто слегка ущипну ухо. Раз — и готово! Так что будь паинькой, сядь в кресло. Глэдис тебе сразу же выдаст жетончики. А если будешь сопротивляться, я тебя все равно чипирую, но жетонов тебе не видать как своих ушей. Что скажешь?

— Не сяду я в кресло, — ответил Люк, трясаясь всем телом. Впрочем, его ответ прозвучал довольно решительно.

Тони вздохнул. Аккуратно положил прибор для чипирования на стол, подошел к Люку и уперся руками в бедра. Вид у него был серьезный, почти скорбный.

— Уверен?

— Да.

Казалось, в ушах у Люка зазвенело от пощечины еще за миг до того, как Тони замахнулся. Люк попятился, потрясенно глядя на здоровяка широко распахнутыми глазами. Однажды, когда ему было четыре или пять, отец его отшлепал (несильно), застав за игрой со спичками,

но никто и никогда не бил Люка по лицу. Щека сразу вспыхнула; ему никак не верилось в случившееся.

— Это гораздо большее, чем чипирование, — сказал Тони. От его широкой улыбки не осталось и следа. — Хочешь еще раз? Я с удовольствием. Вы, дети, думаете, что вам все дозволено, что мир принадлежит вам. Ну-ну.

Только сейчас Люк заметил голубой синяк на подбородке Тони и небольшую ссадину на левой скуле. Сразу вспомнился свежий синяк на лице Ника Уилхолма. Вот бы и ему, Люку, хватило смелости врезать Тони... Увы, кишка тонка. Он и драться-то не умеет. Если попытается, Тони его мигом скрутит.

— Ну, готов сесть в кресло?

Люк сел.

— Будешь сидеть смирно — или пристегнуть тебя ремнями?

— Буду сидеть смирно.

Тони оказался прав: пощечина была куда большее чипирования. То ли Люк просто был к ней не готов, то ли установка чипа все же больше напоминала медицинскую процедуру, чем акт насилия. Когда дело было сделано, Тони подошел к стерилизатору и достал оттуда шприц.

— А теперь второй раунд, приятель.

— Что в шприце? — спросил Люк.

— Не твое собачье дело.

— Вы же *мне* это вкалываете! Значит, как раз мое.

Тони вздохнул.

— Пристегиваем или нет? Решай сам.

Люк вспомнил слова Джорджа: *Не лезь на рожон*.

— Не пристегиваем.

— Вот и молодец. Сейчас комарик укусит...

Укусил его явно не комарик, а как минимум оса. Боль была очень ошутимая. По руке до самого запястья разлился жар — как будто у него локально поднялась температура, — потом все неприятные ощущения пропали.

Тони заклеил место укола пластырем и развернул Люка лицом к белой стене.

— А теперь закрой глаза.

Люк послушался.

— Слышишь что-нибудь?

— Например?

— Перестань задавать вопросы и отвечай. Ты *что-нибудь* слышишь?

— Если бы вы помолчали, может, и услышал бы.

Тони умолк. Люк прислушался.

— Кто-то прошел по коридору. И еще кто-то засмеялся — Глэдис вроде.

— Больше ничего?

— Ничего.

— Что ж, прекрасно. Теперь сосчитай до двадцати и открывай глаза.

Люк сделал, как ему было велено.

— Что ты видишь?

— Стену.

— Больше ничего?

Люк подумал, что Тони имеет в виду те самые точки. *Как увидишь их, сразу говори. Если не видишь — тоже говори. Не ври. Им все известно.*

— Нет, больше ничего.

— Уверен?

— Да.

Тони хлопнул Люка по спине: тот от неожиданности подскочил на месте.

— Ладно, приятель, мы закончили. Сейчас дам тебе льда — приложишь к уху. Хорошего дня!

8

Глэдис поджидала его у двери в кабинет В-31. На ее лице сияла профессиональная улыбка.

— Ну как ты, Люк?

Тони ответил за него:

— Все прошло отлично. Парень — молодец.

— Моя школа, — почти пропела Глэдис. — Хорошего тебе дня, Тони.

— И тебе, Глэд.

Она повела Люка обратно к лифту и всю дорогу что-то щебетала. Он ее не слушал. Рука почти не болела, а вот к уху действительно пришлось приложить лед — оно неприятно пульсировало. Пощечина была в сто раз больнее. По множеству причин.

Глэдис сопровождала Люка по зеленому шлакоблочному коридору мимо постера, под которым сидела Калиша, и мимо постера «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ» в чужую комнату, которая выглядела точь-в-точь как его.

— А теперь — свободное время! — воскликнула Глэдис, словно объявляя суперприз.

Впрочем, перспектива остаться наконец в одиночестве действительно очень обрадовала Люка.

— Тебе сделали укол, да?

— Да.

— Если рука заболит или голова закружится, сразу скажи мне или другим зрителям, хорошо?

— Хорошо.

Он открыл дверь, но не успел войти: Глэдис схватила его за плечо и развернула к себе. Она все еще ослепительно улыбалась, однако пальцы неприятно впивались в кожу — Глэдис давала понять, что при необходимости может сделать ему больно.

— Сегодня без жетонов, — сказала она. — Тони не жаловался, но у тебя щека красная. Это все, что мне нужно знать.

Люк хотел ответить: *Да не нужны мне ваши вонючие жетоны*, — но смолчал. Он боялся не новой пощечины; ему было страшно, что от звука собственного голоса — слабого, дрожащего, испуганного шестилетки — он не выдержит и разрыдается прямо перед Глэдис.

— Позволь дать тебе один совет, — сказала она уже без намека на улыбку. — Ты должен понять: тебя привезли сюда на службу, Люк. А значит, нужно очень быстро повзрослеть. Смотреть на все по-взрослому. Тебе предстоят разные процедуры. Иногда — не самые приятные. Ты можешь быть паинькой и получать жетоны, а можешь капризничать и не получать. От этого ничего не изменится, процедуры все равно будут делать. Ну, что ты выбираешь? Ответ очевиден.

Люк не ответил. Улыбка все равно вернулась на лицо Глэдис — услужливая и профессиональная, как у администратора в ресторане: *Да, сэр, давайте я провожу вас к столику.*

— Очень скоро ты вернешься домой — еще лето не успеет закончиться — и забудешь все, что здесь происходило. В крайнем случае будешь думать, что тебе это приснилось. А пока это *не* сон, зачем усложнять себе жизнь? — Глэдис ослабила хватку и слегка его подтолкнула. — Теперь отдыхай. Приляг ненадолго. Точки видел?

— Нет.

— Скоро обязательно увидишь.

Она закрыла дверь — тихо и осторожно. Люк прошел по комнате к своей кровати — только это была не его кровать. Лег, положил голову на чужую подушку и усталвился в пустую стену. Ни окна, ни точек — ничего. *Господи, хочу к маме*, подумал он. *Как же я хочу к маме!*

Это стало последней каплей. Он уронил лед, закрыл глаза руками и заплакал. За ним наблюдают? Слушают его рыдания? Ну и что, какая разница?

Люк плакал, плакал и наконец уснул.

9

Когда он проснулся, на душе стало немного легче — свободней, что ли. Пока он обедал и встречался с замечательными новыми друзьями (Тони и Глэдис), ему

в комнату принесли две новые вещи. На столе стоял ноутбук — «Мак», как у него, только старая модель. А на тумбочке в углу обнаружился небольшой телевизор.

Сначала он подошел к компьютеру и включил его. От знакомого звона загрузившегося «Макинтоша» Люка охватила острая тоска по дому. Вместо ввода пароля его попросили показать жетончик. Люк пару раз нажал клавишу «ввод», понимая, что это бесполезно.

— Суки!

И тут, несмотря на ужас и абсурдность происходящего, у него вырвался смех — короткий и громкий. Разве он не почувствовал свое превосходство, когда услышал про детей, выпрашивающих жетоны на бухло и сигареты? Почувствовал, конечно. Разве не подумал: *Я бы никогда не стал так унижаться?* А то! Разумеется, подумал. Размышляя о пьющих и курящих подростках (не то чтобы он часто это делал — ему хватало и другой пищи для размышлений), он представлял себе жалких готов, которые слушают «Pantera» и рисуют на джинсовках кривенькие перевернутые пентаграммы — иными словами, дурачков, что добровольно заковали себя в цепи алкоголизма и наркомании, таким образом якобы выражая социальный протест. Ни бухать, ни бунтовать Люк не собирался, и что с того? Вот он сидит перед экраном ноутбука и отчаянно жмет «ввод», точь-в-точь как крыса в ящике Скиннера, жмущая на рычаг в надежде получить немного корма или крупицу кокаина.

Он захлопнул ноутбук и взял пульт от телевизора. Он бы не удивился, если бы на синем экране снова загорелась просьба показать жетон или несколько жетонов, но нет: телеведущий Стив Харви расспрашивал Дэвида Хассельхоффа про то, что тот надеется успеть перед смертью. Зрители в студии весело хохотали над ответами известного актера.

Люк нажал кнопку «меню» на пульте и увидел знакомый список «ДайрекТВ» — почти такой же, как дома. Именно почти, как в случае с комнатой и ноутбуком. На

выбор предлагалось множество фильмов и спортивных передач. И никаких сетевых либо новостных каналов. Люк вырубил телик, положил пульт на место и огляделся по сторонам.

Помимо двери, что вела в коридор, здесь было еще две. За одной оказалась гардеробная — джинсы, футболки (хорошо хоть не как дома — и на том спасибо), пара рубашек, две пары кед и одни тапочки. Ботинок не было.

За второй дверью обнаружилась небольшая, идеально опрятная ванная. На раковине лежали пара зубных щеток (еще в упаковке) и новый тюбик пасты «Крест», в хорошо укомплектованной аптечке — ополаскиватель для рта, бутылочка детского тайленола с четырьмя таблетками внутри, дезодорант, роликовый репеллент «Дит», пластыри и еще несколько предметов разной степени полезности. Ни одного опаснее кусачек для ногтей.

Люк захлопнул дверцу аптечки и посмотрел на себя в зеркало. Волосы взъерошены, под глазами темные круги (дрочильные круги, как выразился бы Рольф). Он показался себе одновременно и старше, и младше. Странно. На свербевшей красноватой мочке уха поблескивал металлический кружок. Какой-нибудь лаборант на уровне В (или С, или D) сидит сейчас за компьютером и отслеживает каждое его движение. Вот прямо сейчас, в этот самый миг. Лукас Дэвид Эллис, собиравшийся поступать в Массачусетский технологический институт и Колледж Эмерсон одновременно, превратился в мигающую точку на экране компьютера.

Он вернулся в свою комнату (просто — в комнату, сказал он себе, она ведь не его), огляделся и с ужасом осознал, что нет книг. Ни единой. И это было так же ужасно, как отсутствие компьютера, если не хуже. Люк подскочил к комоду и стал один за другим открывать ящики: может, найдется хотя бы Библия или Книга мормона, как в гостиницах... Нет, там были только аккуратно сложенные носки и трусы.

Что же ему остается? Смотреть, как Стив Харви берет интервью у Дэвида Хассельхоффа? Или снова и снова пересматривать «Самые смешные домашние видео Америки»?

Нет. Ни за что.

Он вышел из комнаты, надеясь найти в коридоре Калишу или еще кого-нибудь из детей. И наткнулся на Морин Алворсон: та еле-еле катила перед собой дандаксовскую тележку с грудami чистого белья и полотенец. Вид у нее был изможденный.

— Здравствуйте, мисс Алворсон. Вам помочь?

— Какой ты добрый, — с улыбкой сказала она. — У нас пять новеньких на подходе, двое сегодня и трое завтра. Надо подготовить для них комнаты. Они все вон там. — Она показала пальцем в противоположном от комнаты отдыха и площадки направлении.

Люк стал медленно толкать вперед тележку — потому что экономка медленно шла.

— Вы, случайно, не знаете, как мне заработать жетончик, мисс Алворсон? Хочу включить свой компьютер.

— А постели можешь заправить — под моим чутким руководством?

— Конечно. Дома я сам заправляю постель.

— И больничные уголки умеешь делать?

— Ну... нет.

— Ладно, я тебе покажу. Заправишь пять кроватей — дам три жетона. Больше нет, мне много не дают.

— Трех достаточно!

— Хорошо. Только перестань звать меня «мисс Алворсон», я для тебя Морин или просто Мо. Как и для остальных детей.

— Договорились, — ответил Люк.

Они прошли мимо лифта в соседнее крыло. Стены там тоже были увешаны мотивационными постерами, и, как в гостинице, там тоже стояли машины для льда.

Причем жетонов они вроде не требовали. Пройдя мимо такой машины, Морин вдруг взяла Люка за руку. Он остановился и вопросительно посмотрел на нее.

Она заговорила тихо, почти шепотом:

— Смотрю, тебя чипировали, а жетонов не дали...

— Ну...

— Здесь можно говорить, только негромко. На Ближней половине есть штук шесть мест, куда их вонючие микрофоны не достреливают... слепые зоны, понимаешь? Я их знаю все наперечет. Одна здесь, сразу за машиной для льда.

— О'кей...

— Кто тебя чипировал и ударил? Тони?

У Люка защипало в глазах. Отвечать вслух было страшно, поэтому он просто кивнул.

— Да, с него станется, — сказала Морин. — Зик тоже злобный, и Глэдис — ты ее улыбочкам не верь. Вообще тут много таких, которых хлебом не корми — дай поиздеваться над детьми... Но эти трое хуже всех.

— Тони влепил мне пощечину, — наконец выдавил Люк. — Было больно.

Морин взъерошила ему волосы, словно какому-нибудь малышу, но Люк не стал возражать. Он сейчас очень нуждался в ласке и тепле. Как никогда.

— Делай, что он говорит, — сказала Морин. — Не перечь ему, слышишь? С некоторыми здешними сотрудниками — даже с миссис Сигсби! — можно поспорить, хоть и без толку. Но Тони и Зик — плохие пчелки. И Глэдис тоже. Они *жалят*.

Морин двинулась дальше по коридору, однако Люк поймал ее за рукав коричневой блузки и оттащил обратно в безопасную зону.

— По-моему, Никки ударил Тони! — зашептал он. — У него губа разбита и фингал под глазом!

Экономка улыбнулась, обнажив зубы, которые давно следовало показать стоматологу.

— Молодец, Ник! Тони, поди, тоже ему всыпал, но все равно... молодец. Ладно, идем. С твоей помощью мы все комнаты в два счета подготовим!

В первой комнате, которую они посетили, на стенах висели постеры с Томми Пиклзом и Зуко — персонажами мультфильмов канала «Никелодеон», — а на столе разместился целый взвод солдатиков серии «Джи-Ай Джо» от «Хасбро». Люк с ходу узнал нескольких героев (он и сам не так давно увлекался их коллекционированием). На обоях был совсем детский рисунок — клоуны с воздушными шариками.

— Вот черт! — воскликнул Люк. — Сюда совсем мелочь поселят!

Морин бросила на него смешливый взгляд: мол, да ты и сам не Мафусаил.

— Верно. Мальчика зовут Авери Диксон. У меня тут написано, что ему всего десять лет. Ну, за работу. Ты все схватываешь на лету — небось, с первого раза запомнишь, как делать больничные уголки.

10

Вернувшись к себе, Люк показал веб-камере на ноутбуке один из жетонов. Чувствовал он себя при этом на редкость глупо, однако система тут же загрузилась и показала приветствие: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОННА!» Люк нахмурился, потом едва заметно улыбнулся. Раньше, до его прибытия в Институт, этот компьютер принадлежал (или был временно выдан) некоей Донне. Приветствие забыли поменять — значит, кто-то допустил промашку. Пусть крошечную и незначительную, но промашку. А где одна, там, как известно, и другая.

Приветствие сменилось стандартными обоями рабочего стола: безлюдный пляж на фоне рассветного неба. Панель внизу экрана имела привычный вид, с одним разительным (но ожидаемым) отличием: значка элек-

тронной почты здесь не было. Зато были иконки двух интернет-провайдеров. Это приятно удивило Люка. Он открыл браузер «Файерфокс» и напечатал: «AOL log-in». Снова появился синий экран, на сей раз с красным пульсирующим кружком посередине. Мягкий компьютерный голос произнес: «Извини, Дейв. Боюсь, я не могу этого сделать».

На секунду Люк решил, что это очередная промашка — сперва кто-то забыл стереть имя Донны, а теперь вот Дейва, — но вскоре до него дошло, что мягкий голос принадлежит бортовому компьютеру ЭАЛ-9000 из «Космической одиссеи 2001 года». Нет, то был не жестокий розыгрыш, а невинная шуточка местных компьютерщиков. Учитывая обстоятельства — ни разу не смешная.

Люк забил в «Гугл» имя «Герберт Эллис» и опять напоролся на ЭАЛа. Подумал с минуту, затем решил погуглить театр «Орфей» на Хеннепин-авеню — не потому, что его интересовала афиша этого заведения (да и любого другого заведения, если уж на то пошло), просто хотелось понять, к какой информации у него есть доступ. Что-то ведь должно быть разрешено, иначе зачем тут вообще Интернет?

Сайт «Орфа», как его называли родители Люка, для «гостей» Института оказался не под запретом. Люк узнал, что «по многочисленным просьбам» они возвращают на сцену постановку «Гамильтона» и в следующем месяце главную роль будет играть Питер Освальд («Вы животики надорвете!»). Сайт Бродерика тоже открылся без проблем. Тогда Люк попробовал загуглить мистера Грира, школьного психолога, — и опять встретил ЭАЛа. Теперь понятно, чего Дейв Боумен в кино так бесился...

Люк уже хотел закрыть крышку ноутбука, но в последний момент передумал и вбил в поисковую строку слова «Полиция штата Мэн». Занес палец над клавишей «ввод», почти нажал ее — и передумал. Извинения ЭАЛа ему ни к чему, только вряд ли дело этим ограничится. Возможно, где-нибудь под землей сработает тревога...

Вернее, она *точно* сработает. Пусть сотрудники Института прошляпили имя нового хозяина компьютера, о программе, которая будет уведомлять их о любых попытках связаться с органами, они забыть не могли. Такой проступок со стороны подопечного не останется безнаказанным, и пощечина — далеко не самое страшное наказание... Словом, от бывшего компьютера Донны толку ноль.

Люк сел и скрестил руки на тощей груди. Подумал про Морин. Она так ласково взъерошила ему волосы... даже этот бесхитростный, почти неосознанный добрый жест (и жетоны, конечно) заметно подсластил Люку пилюлю пощечины. Вроде бы Калиша говорила, что экономка вся в долгах? Задолжала банку сорок тысяч долларов? А скорее, вдвое больше...

То ли потому, что Морин была к нему добра, то ли потому, что Люку хотелось скоротать время, он решил вбить в поиск фразу «увяз в долгах пожалуйста помогите». «Гугл» тотчас предложил ему массу информации на эту тему, включая сайты сомнительных компаний, утверждающих, что избавиться от надоедливых счетов — проще простого: загнанному в угол должнику надо сделать один-единственный телефонный звонок. Люк сомневался, что все так просто, однако многие наверняка верили — и в конечном счете их обдирали как липку.

Морин Алворсон, впрочем, была не из таких простофиль (по крайней мере, если верить Калише). Муж экономки якобы набрал кредитов и сбежал. Может, это правда, а может, нет; в любом случае из этой ситуации должен быть какой-то выход. Выход есть всегда, надо только его найти — для этого и нужно учиться. Может, компьютер не так уж и бесполезен.

Люк стал искать наиболее заслуживающие доверия источники и вскоре с головой зарылся в тему погашения долгов. Им овладела старая добрая жажда *знаний*. Желание выделить и понять важнейшие аспекты. Каждая единица информации вела к еще трем (шести, двенадцати) единицам, и постепенно из них складывалась некая об-

шая картина, своеобразная карта местности. Самым интересным моментом (и ключевым, на котором все держалось) была простая, но ошеломляющая идея: долг есть *продукт*, товар потребления. Его продают и покупают. Это краеугольный камень американской и мировой экономики. Причем на самом деле долга не существует: он не материален в отличие от газа, золота и бриллиантов. Долг есть идея. Обещание возврата средств.

Вдруг раздался звон: Люку пришло сообщение в мессенджере. Он потряс головой, словно его разбудили. Если верить часам на компьютере, было почти пять часов дня. Он кликнул на всплывающее уведомление внизу экрана и прочитал следующее:

Миссис Сигсби: Привет, Люк. Я тут главная. Давай встретимся, познакомимся.

Он подумал с минуту и напечатал:

Люк: А у меня есть выбор?

Ответ последовал сразу же:

Миссис Сигсби: Нет ☺

— Засунь свой смайлик себе в...

В дверь постучали. Он открыл, ожидая увидеть на пороге Глэдис, однако пришел Хадад, парень из лифта.

— Прогуляемся, большой мальчик?

Люк вздохнул.

— Подождите минуту. Мне надо обуться.

— Без проблем.

Хадад провел его к выходу, расположенному сразу за лифтом, и открыл дверь своим ключом-картой. Они вместе пошли к административному корпусу, отмахиваясь от мошкеры.

11

Миссис Сигсби напомнила Люку старшую сестру отца: такая же худощавая и плоская, почти без бедер и груди. Только тетя Рода много улыбалась, у нее даже

были морщинки возле губ, и глаза всегда светились теплом. А еще она любила обниматься. Люк сразу понял, что бессмысленно ждать объятий от этой женщины, стоящей рядом с письменным столом в деловом костюме сливового цвета и туфлях на высоком каблуке. Что же до улыбок — может, раз в сто лет она и улыбалась... Сейчас взгляд у миссис Сигсби был внимательный, оценивающий и совершенно равнодушный.

— Спасибо, Хадад, дальше мы сами.

Санитар (Люк предположил, что такова должность Хадада) почтительно кивнул и удалился.

— Давай начнем с азов, — сказала миссис Сигсби. — Мы с тобой одни. Я провожу наедине с каждым новым подопечным порядка десяти минут. Некоторые подопечные — сбитые с толку, растерянные, агрессивные — пытаются на меня напасть. Я не держу на них зла. С чего бы? Самым старшим подопечным Института шестнадцать лет, средний возраст — одиннадцать с половиной. Иными словами, это просто дети. А дети, как известно, плохо умеют справляться с эмоциями и душевными порывами. Я всегда рассматриваю подобную агрессию как хороший повод преподать ребенку урок. Скажи, Люк, тебе нужен такой урок?

— Вряд ли, — ответил он. Интересно, Ник как раз из тех подопечных, что пытались поднять руку на эту сухую, миниатюрную женщину? Надо будет его расспросить.

— Вот и славно. Садись, пожалуйста.

Люк сел напротив письменного стола, сцепил ладони и спрятал их между колен. Миссис Сигсби тоже села и смерила Люка взглядом строгой директрисы, которая не терпит выкрутасов. На любые выкрутасы она ответит жестко и беспощадно. Люк прежде не встречал беспощадных взрослых... и вот пожалуйста, встретил. То была пугающая мысль, и сперва ему захотелось отогнать ее, счесть нелепой и смешной. Он взял себя в руки. Лучше думать, что ты тепличный ребенок. Лучше — безопаснее — считать миссис Сигсби именно такой, какой он ее

и счел (пока — и если — она не докажет обратного). Да, несомненно, он оказался в скверном положении, хуже не придумаешь. Обманывать себя нельзя ни в коем случае — это самая серьезная ошибка из возможных.

— Ты уже завел друзей, Люк. Молодец, хорошее начало! За время, что ты проведешь на Ближней половине, у тебя появится много новых знакомых. Только что поступили двое: мальчик по имени Авери Диксон и девочка, Хелен Симмс. Сейчас они спят, но скоро вы познакомитесь. Хелен, наверное, выйдет из комнаты еще до отбоя, он у нас в десять вечера. Авери, думаю, проспит всю ночь. Он еще совсем ребенок и наверняка будет в расстроенных чувствах, когда проснется. Надеюсь, ты возьмешь его под крыло. Такие же надежды я возлагаю на Калишу, Айрис и Джорджа, а может, и на Ника, хотя его реакцию предсказать невозможно... Если вы хорошо встретите Авери и поможете ему акклиматизироваться, то получите жетоны — а это, как ты понял, основное средство обращения в нашем Институте. Все в твоих руках. Но мы будем за вами присматривать.

Ясное дело, будете, подумал Люк. И подслушивать тоже будете. Только этот фокус не везде проходит (если, конечно, Морин права).

— Друзья поделились с тобой своими представлениями о том, что здесь происходит. В чем-то они правы, в чем-то — глубоко заблуждаются. Я сейчас буду говорить *чистую* правду, поэтому слушай внимательно. — Положив ладони на стол, она подалась вперед и посмотрела ему прямо в глаза. — Ты уяснил, Люк? А то я, как говорится, разжевывать не намерена.

— Да.

— Что «да»? — рявкнула миссис Сигсби с совершенно невозмутимым лицом.

— Я весь внимание.

— Отлично. Ты проведешь на Ближней половине определенное количество времени. Может быть, десять дней, может быть, две недели или даже целый месяц.

Впрочем, так надолго новобранцы у нас обычно не задерживаются.

— Новобранцы? Хотите сказать, мы в армии?

Она коротко кивнула:

— Именно. Идет война, и вы все будете служить Родине.

— Но почему? Да, я иногда могу силой мысли сдвинуть стакан или книгу, это же пустяк...

— *Заткни рот!* — Ее окрик ошарашил Люка почти так же, как пощечина Тони. — Когда я говорю, ты слушаешь и не перебиваешь. Ясно?

Люк не смог даже пикнуть, только кивнул.

— У нас гонка не вооружений, а *умов*. И если мы проиграем, последствия будут плачевные. Невообразимо ужасные. Да, тебе только двенадцать лет, но ты солдат на необъявленной войне. То же самое относится к Калише и всем остальным. Ты рад? Разумеется, нет. Призывники никогда не рады тому, что их призвали; тем не менее они обязаны исполнять приказы начальства. Им необходимо понять, что за неисполнение приказов следует кара. Насколько я понимаю, один урок на эту тему тебе уже преподали. Если ты действительно так умен, как говорится в досье, ты должен был хорошо его усвоить. Если же нет, тебе преподадут еще один. Здесь не дом и не школа, запомни. Ты не отделаешься *уборкой* или разговором с *директором*, тебя *не задержат после занятий*. Ты будешь наказан. Ясно?

— Да. — Жетоны для хороших мальчиков и девочек, затрешины для плохих. Или что-нибудь похуже затрещин. Концепция пугающая, но очень простая.

— Тебе будут делать уколы. На тебе будут ставить опыты. За твоим психическим и физическим состоянием будут постоянно наблюдать. В конце концов тебя переведут на Дальнюю половину, где ты начнешь исполнять свой долг — выполнять задания. Продолжительность пребывания на Дальней половине составляет в среднем около шести недель, некоторые задерживаются до полу-

года. Потом тебе сотрут память и отправят домой, к родителям.

— Они живы? Мои родители живы?!

Она засмеялась — на удивление весело.

— Конечно, живы! Мы не убийцы, Люк.

— В таком случае я хочу с ними поговорить. Дайте мне с ними поговорить — и я сделаю все, что вы скажете. — Эти слова вырвались у него прежде, чем он успел понять, какое дает опрометчивое обещание.

— Нет, Люк. Видимо, мы еще не до конца друг друга поняли. — Не убирая ладоней со стола, миссис Сигсби откинулась на спинку кресла. — У нас не переговоры. Ты просто будешь делать то, что тебе говорят, независимо ни от чего. Поверь, это избавит тебя от огромного количества мучений и боли. Никаких контактов с внешним миром, в том числе с родителями. Ты будешь исполнять все наши приказы. Подчиняться всем требованиям и следовать всем протоколам. Время пройдет быстро и незаметно; когда ты нас покинешь, когда одним прекрасным утром проснешься в своей прежней комнате, все произошедшее здесь будет казаться тебе сном. Это даже грустно — на мой взгляд, по крайней мере, — ведь ты забудешь, что имел честь служить Родине.

— Не понимаю, как такое возможно, — сказал Люк скорее себе, чем ей. Он порой так делал, когда что-то — задачка по физике, картина Мане, краткосрочные и долгосрочные долговые обязательства — полностью завладевало его вниманием. — Меня знает столько людей! Одноклассники... коллеги родителей... друзья... нельзя же всем стереть память!

На этот раз миссис Сигсби не засмеялась, но улыбнулась.

— Ты удивишься, на что мы способны. Разговор окончен. — Она встала, обошла стол и протянула ему руку. — Приятно было познакомиться.

Люк тоже встал, однако руки ей не пожал.

— Пожми мне руку, Люк.

Отчасти ему даже хотелось это сделать — привычки давали о себе знать, — но он воздержался.

— Пожми, не то пожалеешь. Повторять я не буду.

Люк понял, что она не шутит, и пожал ей руку. На секунду она удержала его ладонь в своей — не стиснула, но дала понять, что руки у нее сильные, — при этом буря его взглядом.

— Возможно, мы еще встретимся — в кампусе, так сказать. Очень надеюсь, что это твой последний визит в мой кабинет. Если тебя снова вызовут, гарантирую: наша беседа будет куда менее приятной. Ясно?

— Да.

— Хорошо. Я знаю, тебе сейчас нелегко и кажется, что наступили темные времена. Слушайся нас — и очень скоро ты выйдешь обратно на свет. Можешь мне верить. А теперь ступай.

Люк вышел, снова чувствуя себя как во сне — а точнее, как Алиса в кроличьей норе. Хадад болтал с секретаршей миссис Сигсби (или ассистенткой, или кем там она была).

— Пойдем, провожу тебя в комнату. Только держись поближе ко мне, хорошо? И не вздумай убежать в лес.

Они вышли на улицу и двинулись в сторону общежития. Люку вдруг стало дурно.

— Стойте! Погодите...

Он согнулся пополам и схватил себя за колени. Перед глазами поплыли цветные огоньки.

— В обморок не упадешь? — спросил Хадад. — Ты как?

— Вроде нормально... Дайте мне пару секунд.

— Не вопрос! Тебе сделали укол, да?

— Да.

Хадад кивнул:

— До некоторых не сразу доходит. Отложенное действие.

Люк думал, его спросят про цветные точки или пятна, но Хадад просто стоял, насвистывая и отмахиваясь от роящегося гнуса.

Почему-то Люку вспомнились холодные серые глаза миссис Сигсби и ее молчаливый отказ объяснять, как подобное учреждение может существовать без... какое слово тут подойдет? Чрезвычайная экстрадиция, может быть? Сигсби словно бросала ему вызов: давай, пораскинь мозгами и сделай выводы, ты же умный.

Слушайся нас — и очень скоро ты выйдешь обратно на свет. Можешь мне верить.

Пусть Люку было всего двенадцать и он еще не успел повидать жизнь, в одном он не сомневался: если человек говорит «можешь мне верить», то он почти наверняка врет.

— Полегчало? Идем дальше, сынок?

— Да. — Люк выпрямился. — Только я вам не сын.

Хадад ухмыльнулся, сверкнув золотым зубом.

— На данный момент — сын. Сын Института. На твоём месте я бы смирился и привыкал.

12

Когда они вошли в общежитие, Хадад вызвал лифт, сказал: «Чао-какао!» — и уехал. Люк пошел было в свою комнату, однако увидел Никки Уилхолма: тот сидел на полу напротив машины для льда и ел шоколадную конфету с арахисовым маслом. На стене висел постер с двумя улыбочивыми бурундучками. Бурундук слева говорил: «Живи той жизнью, которую любишь!» — а бурундук справа отвечал: «Люби ту жизнь, которой живешь!» Люк зачарованно уставился на надписи.

— Вот скажи мне, умник, как это назвать? — спросил Никки. — Такой постер в таком месте — это ирония, сарказм или наглое вранье?

— Все сразу, — ответил Люк и сел рядом.

В упаковке было две конфеты, и Никки протянул ему вторую:

— Будешь?

Люк принял угощение. Поблагодарив Ника, он разорвал хрустящий фантик и за один присест слопал его содержимое.

Никки насмешливо наблюдал за ним.

— Тебе первый укол сделали, да? После первого страшно хочется сладкого. Ужинать ты вряд ли станешь, а вот от десерта точно не откажешься. Гарантирую! Точки уже видел?

— Не-а.

Тут Люк вспомнил, как на улице у него закружилась голова.

— Хотя... может быть. А что из себя представляют эти точки?

— Лаборанты называют их Штази-огоньками. Это часть подготовительных процедур. Лично мне уколов почти не делали, странных опытов надо мной тоже не ставили, потому что я ТЛК-положительный. Как и Джордж. А Ша — ТЛП-положительная. Обычным детям достается больше... — Ник задумался. — Впрочем, будь вы обычными, вас бы тут не было... В общем, ты меня понял.

— Они пытаются усилить наши способности?

Никки пожал плечами.

— К чему нас хоть готовят?

— К тому, что происходит на Дальней половине. Этого никто не знает. Как прошла встреча с нашей Сучильдой? Она тебе уже втирала про служение Родине?

— Да. Сказала, что меня призвали на службу. Только, по-моему, не призвали, а принудительно завербовали. Как в семнадцатом-восемнадцатом веках, когда капитанам где-то нужно было брать матросов для кораблей...

— Я знаю, что такое принудительная вербовка, Люкки. Это в школе проходят. И ты во многом прав. — Он встал. — Ну, пошли на площадку. Поучишь меня играть в шахматы.

— Я бы лучше прилег...

— Да, рожа у тебя зеленая. Конфеты помогли? Признайся.

— Помогли, — кивнул Люк. — А за что тебе дали жетон?

— Ни за что. Морин тайком подсунула, когда уходила со смены. Калиша права насчет нее, — сказал Никки, неохотно признавая чужую правоту. — Если в этом военном дворце есть хоть один хороший человек, то это Морин.

Они подошли к комнате Люка. Никки протянул ему кулак, и Люк его стукнул.

— Увидимся после звонка, умник. И давай, держи пистюн пистолетом!

МОРИН И АВЕРИ

1

Люк погрузился в сон, состоявший из неприятных бессвязных фрагментов, и разбудил его только звонок к ужину. Очень хотелось есть (на этот счет Никки ошибся), а еще больше хотелось общения. Тем не менее перед столовой Люк заглянул в буфет — убедиться, что остальные его не разыгрывали. И действительно, в одном автомате можно было купить вкусняшки, а рядом стоял винтажный, загруженный под завязку автомат с сигаретами. На подсвеченной картинке в верхней его части были изображены мужчина и женщина в вечерних нарядах: они стояли на балконе, курили и весело смеялись. Рядом обнаружился автомат со спиртными напитками, разлитыми в мини-бутылочки (пьющие старшекласники Бродерика называли такие «самолетным выпивоном»). Пачку сигарет можно было приобрести за восемь жетонов, бутылочку ежевичного бренди «Леру» — за пять. Напротив стоял ярко-красный холодильник с кока-колой.

Вдруг кто-то схватил Люка за плечи и поднял в воздух. Люк от неожиданности завопил — и услышал смех Ника.

— Люкки-Пуки съел обед и описался в омлет!

— Отпусти!

Вместо этого Никки принялся трясти его из стороны в сторону.

— Люк-Пердук! Люк-Говнюк! Люк-в-Жопе-Крюк!

Наконец он поставил его на землю, развернул к себе, вскинул руки и принялся плясать под фоновую музыку, лившуюся из колонок под потолком. Калиша и Айрис наблюдали за происходящим с одинаковым выражением лица: *Ох уж эти парни.*

— Ну что, смахнемся? Люк, чего зыришь? В штаны напузыришь!

— Сунь нос мне в зад и задохнись! — со смехом ответил Люк. Ему подумалось, что Никки можно описать одним словом: *живой*. Причем он казался *живым* в любом настроении, плохом и хорошем.

— Неплохо, — заметил Джордж, расталкивая девчонку и подходя поближе к Люку. — Украду?

— Конечно, только не забудь иногда упоминать автора.

Никки прекратил танцевать.

— Ну все, я щас сдохну от голода. Пошли есть.

Люк приподнял крышку автомата с колой.

— Безалкогольные напитки дают бесплатно, как я понимаю? Жетоны нужны только для бухла, сигарет и всяких вкусняшек?

— Ага, сечешь, — кивнула Калиша.

— А это... — Люк показал на автомат с закусками. Большинство товаров можно было приобрести за жетончик, но одно кондитерское изделие стоило целых шесть, — это?..

— Ты пытаешься спросить, содержит ли «Улетный брауни» наркотические вещества? — уточнила Айрис. — Я сама не пробовала, но даже не сомневаюсь, что содержит.

— Ага, — кивнул Джордж. — Меня сперва накрыло, а потом крапивница вылезла. Оказывается, у меня аллергия. Ну все, идем есть.

Они сели за тот же длинный стол. Вместо «НОРМЫ» их теперь обслуживала «ШЕЛЛИ». Люк заказал жареные грибы в кляре, бифштекс с салатом и что-то под названием «Ванильный крем-брюлей». Наверное, в этом зловещем заведении имелись и умные сотрудники — миссис Сигсби точно не производила впечатления тупицы, — однако составитель меню явно не отличался умом и избретательностью. Или это было проявлением интеллектуального снобизма с его стороны?

Да какая разница.

Немного поговорили о школах — насколько Люк понял, его новые друзья учились в простых школах, не для одаренных детей, — обсудили любимые ТВ-программы и фильмы. В целом все шло хорошо, пока Люк не заметил, что Айрис то и дело вытирает рукой веснушчатую щеку. Она плакала — тихо и почти незаметно.

— Сегодня мне ничего не кололи, зато в жопе поко-вырялись, — сказала она.

Увидев озадаченное выражение Люка, Айрис улыбнулась — и по ее щеке скатилась еще одна слеза.

— У них тут ректальные термометры, — пояснила она. Остальные закивали.

— Понятия не имею почему, — добавил Джордж, — но это унизительно.

— Прошлый век! — воскликнула Калиша. — Наверняка есть какая-то причина, просто... — Она пожала плечами.

— Кому кофе? — спросил Ник. — Я могу принести...

— Привет.

Все обернулись и увидели в дверях девочку в джинсах и майке. Ее короткие, торчащие во все стороны волосы с одной стороны были выкрашены в зеленый, а с другой — в голубовато-фиолетовый. Несмотря на панковский прикид, она была похожа на заблудившееся в лесу дитя из сказки. Люк подумал, что она примерно его ровесница.

— Где я? Кто-нибудь знает, что это за место?

— Давай к нам, солнце, — ответил Никки и пустил в ход свою ослепительную улыбку. — Подтаскивай стул и распробуй местную кухню.

— Я не голодна, — ответила девочка. — Ответьте мне на один вопрос: кому надо отсосать, чтобы свалить отсюда?

Так они познакомились с Хелен Симмс.

2

После еды все вышли на площадку (Люк не забыл обмазаться репеллентом с ног до головы) и ввели Хелен в курс дела. Выяснилось, что она ТЛК-положительная, как Джордж и Никки. Чтобы это доказать, она сшибла с доски несколько шахматных фигур, когда Никки их расставил.

— Не просто положительная, а суперположительная! — восхитился Джордж. — Ну-ка, я попробую.

Ему удалось сбить пешку и слегка пошевелить черного короля — только и всего. Потом он сел и выдохнул.

— О'кей, ты победила, Хелен.

— А я думала, мы все проиграли, — ответила та.

Люк спросил Хелен, волнуется ли она за родителей.

— Не особо. Отец у меня алкаш, мама развелась с ним, когда мне было шесть, и вышла — сюрприз-сюрприз! — за такого же алкаша. А потом, видать, подумала, что клин клином вышибают, и тоже начала бухать. Вот по брату я скучаю. Как думаете, с ним все нормально?

— Конечно, — не слишком убедительно ответила Айрис, после чего сразу ушла на батут и начала прыгать. Если бы Люк попытался провернуть такой номер после еды, его бы затошнило.

— Давайте-ка еще раз, — сказала Хелен. — Вы не знаете, зачем нас тут держат; возможно, это имеет ка-

кое-то отношение к нашим жалким суперсилам, с которыми даже в «Америка ищет таланты» соваться бесполезно.

— Да что «Америка», нам и детское шоу талантов не светит, — добавил Джордж.

— Над нами ставят опыты. Мы должны увидеть цветные точки, зачем — неизвестно.

— Ага, — кивнула Калиша.

— Потом нас переведут в соседнее здание — на Дальнюю половину, — и вы понятия не имеете, что там происходит.

— Именно, — сказал Никки. — Ты в шахматы умеешь играть — или только фигуры раскидываешь?

Она пропустила его вопрос мимо ушей.

— А когда они с нами закончат, то сотрут нам память, как в каком-нибудь научно-фантастическом фильме, и мы будем жить-поживать да добра наживать.

— Так они говорят, — кивнул Люк.

Хелен задумалась на мгновение и наконец сказала:

— Ад какой-то.

— Видимо, поэтому боженька и дал нам бухло и «Улетные брауни».

Ну все, подумал Люк, еще чуть-чуть — и он снова расплачется. Слезы накатывали, как гроза. Может, для Айрис рыдать при всех и нормально (она же девчонка), а вот парни должны вести себя иначе. У Люка были на этот счет свои представления (устаревшие, но прочно обосновавшиеся где-то в подкорке). Парни должны вести себя — если в двух словах — как Ник.

Он вернулся в комнату, захлопнул дверь, лег на кровать и прикрыл рукой глаза. И вдруг ни с того ни с сего вспомнил Ричи Рокета в серебристом скафандре: так же лихо, как Никки Уилхолм в буфете, тот плясал под «Мамбо номер пять», а дети плясали вместе с ним, хохоча и подпевая. Словно все отлично, словно жизнь всегда будет полна невинных шалостей и смеха.

Слезы, конечно, не заставили себя ждать, ведь Люку было страшно и обидно, а еще он дико скучал по дому. Прежде он не понимал, что значит скучать по дому. Это тебе не летний лагерь и не турпоход, это — ночной кошмар. И Люку хотелось одного: чтобы кошмар поскорее закончился. Хотелось проснуться. А поскольку проснуться было нельзя, он уснул; его тощие плечи и грудь еще долго содрогались от рыданий.

3

Опять дурные сны.

Посреди одного из них (обезглавленная черная психона бежала за ним по Уайлдерсмут-драйв) Люк очнулся и на один чудесный миг подумал, что все это действительно ему приснилось и он наконец-то дома. А потом он посмотрел на новую пижаму и на стену без окна. Сходил в туалет. Спать больше не хотелось. Он включил ноутбук. Тот не потребовал жетонов: видимо, один жетон открывал доступ к компьютеру на двадцать четыре часа. Или (если повезет) на сорок восемь. Часы в верхней части экрана показывали четверть четвертого утра. Значит, до рассвета еще далеко. Вот что бывает, когда поспишь днем, а потом отрубишься рано вечером.

Люк подумал было открыть «Ютьюб» и найти там какие-нибудь старые мультики вроде «Моряка Полая», которые всегда поднимали ему настроение (они с Рольфом катались по полу от смеха и орали, как дураки: «Хде мой шпинат?!» и «Ак-ак-ак!»). Но от этого, чего доброго, он затоскует по дому еще сильнее. Что же остается? Лечь и ворочаться в постели до утра? Побродить по пустым коридорам? Заглянуть на площадку? Калиша говорила, что ее никогда не закрывают; в ночи там, наверное, жутко...

— А почему бы тебе просто не подумать, дурачина?

Он сказал это тихо, но все равно подскочил от звука собственного голоса и даже хотел прикрыть рот рукой. Потом встал и принялся нарезать круги по комнате, шлепая босыми ногами и хлопая широкими пижамными брюками. Хороший вопрос. Почему бы ему, в самом деле, не подумать? Разве не это он умеет лучше всего? Лукас Эллис, умница. Умник. Гений. Любит «Моряка Полая», игру «Колл оф дьюти» и бросать мяч на заднем дворе, при этом свободно изъясняется и пишет по-французски (хотя французские фильмы на «Нетфликсе» до сих пор смотрит с субтитрами, потому что они так быстро тараторят — ни фиги не разберешь). И эти идиомы безумные... *Boire comme un trou*, например. Почему «пить как дыра», ведь «пить как рыба» гораздо логичнее? Люк может написать доску математическими уравнениями, перечислить всех президентов США вплоть до Джорджа Вашингтона и научно объяснить, почему движение со сверхсветовой скоростью возможно только в кино.

Так с какой стати он сидит тут сложа руки и жалеет себя?

А что ему остается?

Люк попытался увидеть в этом вопросе пищу для размышлений, а не попытку выразить собственное отчаяние. Побег, скорее всего, невозможен, но вдруг получится что-то разузнать?

Он загуглил «Нью-Йорк таймс» — и, естественно, наткнулся на ЭАЛ-9000; новости для институтских детей были под запретом. Может, получится как-нибудь обойти запрет? Найти лазейку? Мало ли...

Посмотрим, посмотрим. Люк открыл «Файерфокс» и напечатал: #!cloakofGriffin!#.

Гриффином звали человека-невидимку из романа Герберта Уэллса, а сайт, о котором Люк узнал около года назад, помогал детям обойти родительский контроль — конечно, не даркнет, но почти. Люк иногда им пользовался, только не с целью посещать порносайты со школьных компьютеров (хотя Рольф пару раз так делал) или

смотреть, как боевики ИГ обезглавливают людей. Просто ему нравилась сама концепция, и он хотел узнать, работает ли она. Дома и в школе работала, а здесь? Надо выяснить. Люк ударил по клавише «ввода».

Институтский вайфай (довольно тормозной) подумал немного и вдруг, когда Люк уже хотел поставить крест на своей затее, открыл «Плащ Гриффина». В верхней части экрана был изображен человек-невидимка Уэллса с забинтованной головой и в крутецких очках-консервах, а под ним — вопрос (и одновременно приглашение): «С КАКОГО ЯЗЫКА ПЕРЕВОДИМ?» Вариантов оказалось очень много, от ассирийского до зулусского. Фишка сайта заключалась в том, что выбор языка не имел никакого значения — главное, что отображалось в истории поиска. Когда-то в «Гугле» была секретная дыра, помогавшая обойти родительский контроль, но мудрецы из города Маунтин-Вью в конце концов ее прикрыли. Так что теперь — только «Плащ Гриффина».

Люк наугад выбрал немецкий язык. Сайт попросил ввести пароль. Воспользовавшись тем, что его папа называл «феноменальной памятью», Люк напечатал: #x49ger194GbL4. Ноут опять немного покряхтел, затем выдал: «ПАРОЛЬ ПРИНЯТ».

Люк снова вбил в строку поиска «Нью-Йорк таймс» и нажал «ввод». На сей раз компьютер думал еще дольше. В конце концов на экране появился свежий выпуск означенной газеты. На английском. А вот в истории веб-поиска с этого момента начали отображаться случайные слова на немецком и их английские эквиваленты. Большая это победа или маленькая — говорить пока рано, да и какая разница? Главное — победа.

Скоро ли похитители сообразят, что он делает? Изменение истории веб-поиска ничего не даст, если они могут в режиме реального времени наблюдать за тем, что происходит на экране. Они сразу увидят газету и прикроют лавочку. Ладно, плевать на «Таймс» с громкими заголовками про Трампа и Северную Корею, надо спер-

ва глянуть миннесотскую «Стар трибьюн» — посмотреть, нет ли там новостей о родителях. Только он собрался это сделать, как из коридора донеслись крики.

— *Помогите! На помощь! Помогите! КТО-НИБУДЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОМОГИТЕ, Я ПОТЕРЯЛСЯ!*

4

Орал маленький мальчик в пижаме со «Звездными войнами». Он барабанил по всем дверям без разбора: кулачки ходили вверх-вниз, точно поршни. Десять? На вид Авери Диксону было лет шесть, от силы семь. Одна штанина и область паха на пижамных брюках намокли и липли к телу.

— *Помогите, Я ХОЧУ ДОМОЙ!*

Люк огляделся по сторонам — наверняка сюда уже спешит какой-нибудь сотрудник Института, а то и несколько, — но в коридоре было пусто. Позже Люк узнал, что оружие в коридоре дети здесь в порядке вещей, а пока ему очень хотелось прекратить как-нибудь эти жуткие вопли. Ребенок впал в истерику и вот-вот довел бы до истерики самого Люка.

Он подошел, присел и взял мальчика за плечи.

— Эй. Эй. Потихе, парень.

Этот самый «парень» поднял на него глаза — вокруг них белели круги, — однако взгляд у него был какой-то пустой, невидящий. Волосы слиплись от пота, слезы блестели на щеках, а под носом висела свежая сопля.

— *Где мама? Где папа?!*

Последнее слово прозвучало не как «папа», а как «ПА-А-А-А-А-А-ПА» — точно сигнал воздушной тревоги. Мальчишка затопал ногами и обрушил кулаки на Люка. Люк встал, попятился и потрясенно наблюдал, как Авери падает на пол и начинает биться в истерике.

Напротив постера с надписью «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ» открылась дверь. На пороге возникла Калиша

в «вареной» футболке и огромных баскетбольных шортах. Она подошла к Люку, уперлась руками в почти отсутствующие бедра и стала молча наблюдать за новеньким. Потом перевела взгляд на Люка.

— Вообще я немало истерик видала, но эта круче всех.

Открылась еще одна дверь, и в коридор вышла Хелен Симмс в коротенькой полупрозрачной сорочке (Люк решил, что такие называются «неглиже»). Вот у кого точно были бедра... и прочее любопытное оснащение.

— Чего вылупился, Люкки? — спросила Калиша. — Лучше бы помог. Он мне так мозги долбит, что мигрень вот-вот начнется. — Она опустила на колени рядом с дервишем (который уже не пытался говорить, а просто выл) и сразу отшатнулась: он заехал ей кулаком по предплечью. — Господи, да помоги ты мне! Держи ему руки.

Люк тоже встал на колени, с опаской потянулся к новенькому... Наконец, решив, что не хочет выставить себя слабаком и трусом перед прекрасным видением в розовом, схватил мальчишку за локти и прижал ему руки к бокам (сердце у бедняги колотилось раза в три быстрее положенного).

Калиша склонилась над мальчиком, обхватила ладонями его лицо, заглянула в глаза. Тот сразу перестал орать. Слышно было только его учащенное дыхание. Он зачарованно смотрел на Калишу, и Люк вдруг понял, что та имела в виду под долбежкой мозгов.

— Он тоже ТЛП, да? Как ты?

Калиша кивнула.

— Только намного сильнее меня и всех, с кем я успела тут познакомиться. Пойдем, оттащим его в мою комнату.

— Можно мне с вами? — спросила Хелен.

— Конечно, детка, — ответила Калиша. — Люк так точно порадует — вон, глаз от тебя оторвать не может.

Хелен покраснела.

— Пожалуй, я сначала переоденусь.

— Дело твое, — сказала Калиша и повернулась к новенькому. — Тебя как зовут?

— Авери, — осипшим от крика голосом ответил мальчик. — Авери Диксон.

— А я Калиша. Можешь называть меня Ша.

— Только не зови ее Умницей, — добавил Люк.

5

Комната Калиши оказалась куда более девчачьей, чем Люк ожидал (учитывая ее манеру общения). На кровати лежали пухлое розовое одеяло и подушки с рюшами. С письменного стола смотрел Мартин Лютер Кинг в рамочке.

Ша проследила за взглядом Люка и засмеялась.

— Вообще-то они точно повторяют интерьер детской комнаты, но тут, видно, решили, что мое фото на столе — это перебор. И поставили другое.

— А кто был у тебя?

— Элдридж Кливер*. Слыхал про такого?

— Конечно. «Душа во льду». Я пока не читал, но собираюсь.

Она приподняла брови.

— Ого! Да ты и впрямь крут. Пропадаешь тут зря.

Все еще хлюпая носом, Авери хотел залезть к ней в кровать, однако Калиша его остановила — мягко, но решительно:

— Не-а, в мокрых штанах не пушу.

* Элдридж Кливер (1935–1998) — политический деятель и революционер США, один из основателей Партии черных пантер (леворадикальной организации темнокожих, существовавшей в 1960–1970 гг.), автор книг, посвященных вопросам расового и социального неравенства в современном мире. «Душа во льду» — сборник писем из тюрьмы и очерков, в которых Кливер рассматривает актуальные вопросы культуры, политики, расовой дискриминации и т.д.

Она сделала вид, что хочет их снять, и Авери сразу попятился, стыдливо прикрыв руками пах.

Калиша переглянулась с Люком. Оба пожали плечами. Она села на корточки рядом с новеньким.

— Ты из какой комнаты?

Авери только потряс головой.

— Дверь открытой оставил?

Кивок.

— Я принесу тебе сухую одежду, — сказал Люк. — А ты побудь здесь с Калишей, хорошо?

Молчание. Ни кивков, ни мотаний головой. Мальчик лишь смотрел на них, растерянно и устало.

— Иди, — велела Калиша. — Я его успокою.

В дверях появилась Хелен, на сей раз в джинсах и свитере.

— Ему получше?

— Немного, — ответил Люк.

Он увидел на полу в коридоре мокрые следы, ведущие в том направлении, куда они с Морин ходили сегодня менять постельное белье.

— Остальных новеньких пока не слышно, — сказала Хелен. — Наверное, дрыхнут.

— Ага, — сказала Калиша. — Сходи-ка ты с Люком, Новенькая. У нас с Авери тут встреча умов.

6

— Парня зовут Авери Диксон, — сообщил Люк, когда они с Хелен Симмс стояли на пороге комнаты рядом с машиной для льда, которая тихо бормотала о чем-то своем. — Ему десять лет. На вид меньше, правда?

Она вытаращила глаза.

— Ты все-таки ТЛП?!

— Нет, — ответил Люк, разглядывая постер с Томми Пиклзом и коллекцию солдатиков на письменном столе. — Я сюда приходил с Морин, экономкой. Помогал

ей застилать постельное белье. Здесь, кроме постели, все уже было готово.

Хелен усмехнулась.

— А, вот ты кто — любимчик учителей!

Люк вспомнил, как Тони влепил ему пощечину, и невольно подумал, что Хелен скоро ждет та же участь.

— Морин не такая, как все. Будь с ней добра — и она будет добра с тобой.

— Давно ты здесь?

— Сегодня прибыл, незадолго до тебя.

— Тогда откуда ты знаешь, кто тут добрый, а кто нет?

— Я только говорю, что Морин хорошая. Ладно, давай искать одежду.

Хелен взяла из комода чистые трусы и штаны (не преминув обшарить все ящики), и они двинулись обратно. По дороге она спросила Люка, ставили над ним уже опыты, которые упоминал Джордж, или еще нет. Люк ответил, что нет, а потом показал чип в ухе.

— Лучше не сопротивляйся. Я вот заартачился — и по роже получил.

Хелен резко остановилась.

— Да ладно?!

Он повернул голову и показал ей ту щеку, на которой синели едва заметные кровоподтеки, оставленные пальцами Тони.

— *Меня* они точно не тронут, — сказала Хелен.

— Не советую проверять эту теорию на практике.

Она взъерошила свои разноцветные волосы.

— У меня уже есть пирсинг, так что плевать.

Калиша сидела на кровати рядом с Авери — она подстелила ему сложенное пополам полотенце — и гладила мальчика по слипшимся волосам. Он смотрел на нее ошалело-мечтательно, словно перед ним была принцесса Тиана во плоти. Хелен бросила Люку одежду. Тот не ожидал такого поворота и уронил на пол трусы с Человеком-Пауком, запечатленным в разных динамичных позах.

— Ладно, мне неинтересно смотреть на его писюлек. Пойду спать. Глядишь, проснусь опять в своей комнате — в своей *настоящей* комнате, — и все это окажется сном.

— Удачи, — пожала плечами Калиша.

Хелен ушла. Люк поднял с пола трусы Авери и заодно успел полюбоваться качанием ее бедер в потертых джинсах.

— Конфетка, да? — равнодушным тоном спросила Калиша.

Люк подал ей вещи, чувствуя, как щеки наливаются жаром.

— Типа того. Но по части характера есть над чем поработать.

Он думал, Калиша засмеется — у нее был приятный смех, — однако та помрачнела еще больше.

— Здесь с нее собьют спесь. Оглянуться не успеешь, как ее начнет потряхивать при виде людей в голубых рубашках. Прямо как нас. Авери, давай переодевайся. Мы с Люком не будем смотреть, обещаю.

Они отвернулись — к открытой двери и «райскому» постеру за ней. Пару минут сзади доносилось пыхтение и шмыганье. Наконец Авери сказал:

— Я оделся. Можете смотреть.

Они обернулись.

— Так, а теперь сходи повесь мокрые штаны на край ванны, — велела Калиша.

Авери безропотно поплелся в ванную и тут же вернулся.

— Я все сделал, Ша.

В его голосе не осталось и следа ярости. Он говорил понуро и устало.

— Молодчина. Теперь залезай обратно. Можешь прилечь, если хочешь.

Калиша села, уложила ноги Авери к себе на колени и похлопала по кровати рядом с собой. Люк присел и спросил новенького, все ли у него нормально.

— Наверное, да.

— Не «наверное», а нормально! — воскликнула Калиша и вновь начала гладить мальчишку по волосам. Люк чувствовал — может, он ошибался, а может, и нет, — что между ними что-то происходит. И это что-то доступно только им. Некий внутренний обмен.

— Ну давай. Расскажи ему свой гребаный анекдот, а потом сразу на боковую.

— Ты сказала плохое слово.

— Угу. Валяй.

Авери посмотрел на Люка.

— Охотник гулял по лесу и увидел голубые ели. Присмотревшись, он понял... Что он понял?

Люк хотел сообщить Авери, что анекдоты про голубых в приличном обществе больше не рассказывают... Впрочем, приличным обществом тут и не пахло.

— Сдаюсь.

— Он понял, что голубые не только ели, но и пили!

— Ага. Почему курица перешла дорогу?

— Чтобы попасть на другую сторону?

— Нет. Потому что дура. Все, спи давай.

Авери хотел сказать еще что-то — может, вспомнил очередной анекдот, — но Калиша тут же шикнула и принялась снова гладить его по волосам. Ее губы беззвучно двигались. Авери начал клевать носом. Глаза его осоловели, веки медленно закрылись, на секунду открылись, снова закрылись... И больше уже не поднимались.

— Ты что-то с ним сделала? — спросил Люк.

— Просто спела ему колыбельную. Мне мама такую пела. — Она говорила тихо, почти шепотом. — Вообще-то мне медведь на ухо наступил, но когда поешь мысленно, мелодия, похоже, не имеет значения...

— А мальчик, кажется, не слишком сообразительный, — заметил Люк.

Калиша уставилась на него долгим укоризненным взглядом — тем самым, от которого Люк моментально

заливался краской (как полчаса назад, когда она застала его за разглядыванием голых ног Хелен).

— Для тебя, умник, весь мир не слишком сообразительный.

— Нет, я не такой, — возразил Люк. — Просто...

— Ладно, расслабься. Я поняла, что ты хочешь сказать. Нет, у него с мозгами все в порядке. Тут другая проблема. Такие сильные ТЛП-способности ничего хорошего человеку не дают. Обычные люди, которые не умеют читать мысли, почти с рождения начинают...

— ...считывать намерения окружающих?

— Да. Без этого нам не выжить среди людей — нужно понимать, что означают выражения лиц, интонации. Одних слов мало. Чтобы пережевывать твердую пищу, нужны зубы. Здесь то же самое. Наш бедный дурик — как Топотун из диснеевского «Бэмби». Его зубами только траву и можно жевать. Сечешь?

Люк ответил утвердительно.

Калиша вздохнула.

— Институт — не самое лучшее место для таких топотунов. А с другой стороны, какая разница? В конечном счете мы все угодим на Дальнюю половину.

— Какой, говоришь, у него дар? Ну, по сравнению с твоим.

— Просто огромный. Он раз в сто круче меня. Здесь нам всем измеряют уровень НФМ — я один раз заглянула в ноутбук доктора Хендрикса, — и, похоже, это какая-то очень важная штука. Самая важная. Ты у нас эрудит, может, слышал, что это за фигня такая?

Люк не слышал, однако решил узнать. Если, конечно, у него не отберут компьютер.

— В общем, у парня этот показатель зашкаливает. Мы с ним разговаривали! Мысленно! Реальная телепатия, прикинь!

— Ты ведь и раньше общалась с ТЛП, хоть они и реже встречаются, чем ТЛК. Не в обычной жизни, так здесь, в Институте, уж точно.

— Ты не понимаешь. Наверное, просто не можешь понять. Это как слушать музыку, когда звук почти на минимуме. Или как пытаться разобрать разговоры гостей во дворе, когда сам стоишь на кухне и рядом гремит посудомойка. Иногда за шумом вообще ничего не различить. А тут... тут все было как в кино! Обещай, что позаботишься о нем, когда меня не будет. Да, черт, он Топотун, и что? Лично я понимаю, почему он ведет себя как дитя малое. Просто ему до сих пор все слишком легко давалось.

Люка зацепили слова *когда меня не будет*.

— А тебе... тебе что-то сказали про Дальнюю половину — типа, уже пора? Морин сказала?

— Зачем говорить? И так все ясно. Вчера надо мной не ставили опыты. И уколов тоже не делали. Это верный знак. Ника тоже забирают. Джордж и Айрис еще какое-то время здесь побудут, наверное.

Она ласково схватила Люка за затылок — он снова ощутил знакомое покалывание.

— Шас я буду с тобой откровенничать, Люк, так что слушай внимательно. Если в Панкушке тебе нравится только то, как она виляет бедрами, пусть так оно и будет. Не влюбляйся. Здесь нельзя привязываться к людям. Рано или поздно они уходят, а тебя начинает колбасить. Но об этой малявке ты просто обязан позаботиться. Я как подумаю, что Тони, Зик или сучка Вайнона начнут его лупить, мне плакать хочется.

— Сделаю, что могу, — ответил Люк. — Хотя, надеюсь, ты здесь еще надолго. Мне будет тебя не хватать.

— А вот этого не надо! Про что я тебе и говорю.

Они немного посидели в тишине. Люк подумал, что ему пора возвращаться к себе, но оставаться одному ужасно не хотелось.

— По-моему, я нашел способ помочь Морин, — тихо, почти не шевеля губами, произнес он. — Ну, с кредитом. Только мне сначала нужно с ней поговорить.

Калиша распахнула глаза и улыбнулась.

— Серьезно? Вот было бы круто! — Она приникла к его уху — Люка тут же прошибла дрожь, а по рукам, кажется, побежали мурашки — и зашептала: — Не тормози. У нее через пару дней смена заканчивается — она на неделю исчезнет. — Потом Калиша положила ладонь ему на ногу, поближе к паху — господи, даже его мама давно перестала так делать! — и сказала: — Когда Морин вернется, то недели три будет в другом месте. Ты, конечно, встретишь ее в коридоре или в комнате отдыха, но она ничего тебе не скажет. Даже в безопасной зоне. Видимо, она работает на Дальней половине.

Ша отстранилась и убрала руку. Люк стал гадать, нет ли у нее в запасе еще каких-нибудь секретов. Вот бы были!

— Все, иди к себе, — проворчала Калиша. По блеску в ее глазах он понял, что она отлично знает, какое действие оказывает на его неокрепшую психику. — Попробуй поспать.

7

Он спал крепко, без снов, и проснулся от громкого стука в дверь. Сел и стал ошалело озираться по сторонам: не проспал ли школу?

Дверь открылась, и в комнату заглянула улыбчивая Глэдис — та, что водила на чипирование и сообщила, что его привезли сюда служить Родине.

— Ку-ку! — заверещала она. — Проснись и пой! Завтрак ты пропустил, но я принесла апельсиновый сок. Можешь пить, пока мы болтаем. Свежевыжатый!

Люк заметил зеленый огонек на ноутбуке. Тот перешел в режим сна, но если Глэдис войдет и нажмет какую-нибудь кнопку — проверить, чем он занимался ночью (а она может, это точно), — на экране сразу появится

человек-невидимка Уэллса в бинтах и очках-консервах. Конечно, Глэдис не поймет, что это такое. Какой-нибудь сайт для любителей фантастики и мистики, да мало ли!.. Но она наверняка все докладывает наверх. Людям, которым приходится быть любопытными по долгу службы.

— Дадите мне минуту — штаны надеть?

— Тридцать секунд. И пей сок, пока холодный. — Она хулиганисто подмигнула и закрыла дверь.

Люк вскочил как ошпаренный, натянул джинсы, футболку и разбудил компьютер — посмотреть время. Девять часов! Обалдеть! Он *никогда* столько не спал. Может, в еду снотворное подмешали? Тогда бы он вряд ли проснулся среди ночи от криков Авери...

Это нервное, решил Люк. Организм — и мозг — все еще пытаются справиться с шоком.

Он вырубил комп, отдавая себе отчет, что любые попытки спрятать мистера Гриффина бессмысленны, если наверху внимательно следят за его изысканиями. В таком случае они уже в курсе, что он сумел открыть сайт «Нью-Йорк таймс». Ладно, так подумаешь — что-либо пробовать вообще бесполезно. И приспешники Сучильды наверняка хотят ему это внушить. Ему и остальным детям-заключенным Института.

Люк убедил себя, что у него бы давно отобрали компьютер — а раз не отобрали, значит, пока все нормально. Да они бы в самом начале это сделали, как только увидели на приветственном экране имя Донны, так?

Может, и так. А может, они нарочно предоставляют ему мнимую свободу действий. Бред, конечно. Паранойя. Но и ситуация, прямо скажем, бредовая.

Когда Глэдис вновь открыла дверь, Люк сидел на кровати и шнуровал кеды.

— Вот молодец! — крикнула она, словно он был трехлетней, впервые одевшимся самостоятельно.

Глэдис нравилась Люку все меньше и меньше, однако апельсиновый сок он проглотил за секунду.

8

На сей раз, махнув в лифте ключом-картой, она попросила отвезти их на уровень С.

— Ах, ну что за славный денек! — воскликнула Глэдис, когда лифт поехал вниз.

Люк посмотрел на ее руки.

— Смотрю, вы носите обручальное кольцо. А дети у вас есть, Глэдис?

Улыбка сразу стала настороженной.

— А это уже мое личное дело.

— Я просто подумал, хотели бы вы, чтобы ваших детей силой держали в таком месте?

— Си, — сказал мягкий женский голос. — Уровень Си.

Глэдис вывела Люка в коридор. Улыбка исчезла с ее лица, и руку она ему стискивала куда крепче, чем следовало.

— Еще мне было интересно, как вас совесть не заела. Ночью нормально спите? Конечно, это ваше личное дело...

— Хватит, Люк. Я принесла тебе сок, а могла не приносить.

— И что вы скажете своим детям, если вас рассекретят? Ну, по новостям начнут трезвонить... Как вы им все объясните?

Глэдис прибавила шагу и прямо-таки поволокла Люка за собой, однако злости на ее лице не было. Если бы злость была, он мог бы тешить себя мыслью, что смог до нее достучаться, задеть за живое. Но ничего живого в ней, видимо, не осталось. Только пустота. У Глэдис было лицо куклы.

Они остановились у кабинета С-17. Полки, забытые медицинским и компьютерным оборудованием. Мягкое кресло, похожее на сиденье в кинотеатре, а за ним, на железной стойке, — что-то вроде проектора. Ну хоть ремней на кресле нет.

Их уже поджидал лаборант — «ЗИК», судя по бейджику. Люк узнал это имя. Морин говорила, что он редкостная сволочь.

— Привет, Люк, — сказал лаборант. — Как настроение? Все спокойно?

Не зная, как отвечать на этот вопрос, Люк просто пожал плечами.

— Я это к чему. Обойдемся без выкрутасов?

— Да. Никаких выкрутасов.

— Приятно слышать.

Зик открыл бутылку с голубой жидкостью. Резко запахло спиртом, и Зик вытащил огромный термометр — почти в фут длиной. Ладно, не в фут, но все-таки очень длинный...

— Снимай штаны и перегнись через этот стул, Люк. Локти на сиденье.

— Только не...

Только не при Глэдис, хотел сказать он, однако дверь в кабинет уже была закрыта. Глэдис ушла. Может, из деликатности, а может, ее просто достало это дерьмо. Каламбур непременно повеселил бы Люка, если бы не ужас перед стеклянным штырем, которому в ближайшее время предстояло исследовать неизведанные глубины его организма. Таким термометром ветеринары, наверное, измеряют температуру лошадям.

— Только не что? — Зик помахал термометром в воздухе, словно мажоретка — жезлом. — Только не этой штукой? Извини, дружок, придется. Приказ начальства.

— Не проще обзавестись электронным? Всего за полтора бакса в любой аптеке. А с бонусной карточкой и того дешевле...

— Умничать будешь с друзьями, а тут — снимай штаны и нагибайся. Или я сам тебя нагну. Поверь на слово: тебе это не понравится.

Люк медленно подошел к стулу, расстегнул ширинку, спустил штаны и нагнулся.

— А вот и наша попка!

Зик встал перед ним. В одной руке он держал термометр, в другой — банку с вазелином. Он окунул градусник в банку, достал и показал Люку здоровенный шмат прозрачного желе на конце. Люк подумал, что так должен заканчиваться какой-нибудь пошлый анекдот.

— Видишь? Смазки предостаточно, больно не будет. Расслабь попку и помни: пока я придерживаю твой зад только *одной* рукой, твоей анальной целке ничто не угрожает.

Он обошел Люка сзади, обдав его мощной вонью прокисшего пота. Склонившийся над креслом Люк напомнил себе, что он не первый, кого в Институте подвергали этой процедуре. Стало немного легче... но не слишком. Комната была битком набита современной техникой, а этот лаборант собрался измерять ему температуру самым древним и примитивным способом. Зачем?!

Чтобы меня сломать, понял Люк. Чтобы я почувствовал себя подопытным кроликом, а подопытных кроликов не спрашивают, как им лучше измерить температуру. А может, им вообще не нужно знать температуру моего тела. Может, так они просто говорят нам: *Раз мы можем запихнуть тебе в зад эту штуку, то что еще мы можем туда запихнуть?* Ответ: *Что угодно.*

— Напряжение нарастает, да? — спросил Зик откуда-то сзади. И этот сукин сын почти смеялся.

9

После унижительной и довольно долгой возни с ректальным термометром Зик замерил Люку давление, рост и вес, надел ему на палец пульсоксиметр, заглянул в горло и нос. Все данные он тут же заносил в блокнот. К тому времени в кабинет вернулась Глэдис: она потягивала кофе из чашки с ромашками и гнусно улыбалась.

— А теперь укольчик, — сказал Зик. — Ты ведь не станешь сопротивляться, зайка?

Люк помотал головой. Больше всего на свете ему хотелось вернуться в свою комнату и стереть с задницы вазелин. Ничего позорного в том, что с ним случилось, не было, но почему-то он чувствовал себя опозоренным. Униженным.

Зик всадил ему укол. На сей раз никакого жара, да и боль быстро прошла.

Лаборант стал смотреть на часы и шевелить губами, отсчитывая секунды. Люк повторял за ним — только губами не шевелил — и успел досчитать до тридцати, когда Зик опустил руку и спросил:

— Не тошнит?

Люк помотал головой.

— Металлический привкус во рту есть?

Только привкус апельсинового сока.

— Нет.

— Хорошо. Теперь посмотри на стену. Видишь какие-нибудь точки? Или круги?

Люк помотал головой.

— Ты ведь говоришь мне правду, приятель?

— Да. Ни точек, ни кругов, ничего.

Зик несколько секунд смотрел ему в глаза (Люк едва не спросил, не видит ли он там точек, однако вовремя сдержался), потом встал, демонстративно отряхнул руки и повернулся к Глэдис.

— Ну все, уводи. Доктор Эванс просил Люка заскочить после обеда на проверку зрения. — Он показал пальцем на штуку, напоминающую проектор. — В четыре часа.

Люк хотел спросить, что это за проверка зрения такая. А потом передумал. Какая разница? Хотелось есть (голод никуда не девался, что бы с ним ни делали), а больше всего хотелось поскорее отмыться. Чувство было такое, словно его — почему-то напрашивалось литературное словцо — опустили.

— Не так и ужасно, правда? — спросила Глэдис в лифте. — Напугали тебя, а дело-то ерундовое.

Люк хотел предложить ей проверить это на собственной заднице. Никки точно предложил бы. Увы, он не Никки.

Она опять слащаво улыбнулась — ее улыбочка прямо-таки наводила ужас.

— С каждым днем ты ведешь себя все лучше, и это *замечательно!* Вот тебе жетончик. Нет, бери два. Я сегодня щедрая.

Люк взял.

Позже, стоя под душем — вода текла по его волосам и лицу, — он снова заплакал. У них с Хелен все-таки было что-то общее — желание, чтобы все это оказалось сном. Он бы все отдал, даже душу, чтобы проснуться утром у себя дома, когда солнечный свет лежит на кровати, словно второе покрывало, и учуять доносящийся с кухни запах жареного бекона. Слезы в конце концов высохли, и Люк вдруг ощутил в себе что-то помимо горя и смятения... что-то жесткое. Некую скальную породу, стержень, о существовании которого он раньше не догадывался. Ему стало немного легче.

Это не сон, все происходит на самом деле, и просто сбежать отсюда — мало. Скальная порода внутри его требовала большего. Она хотела вывести всю эту гнусную шайку похитителей и мучителей на чистую воду, включая миссис Сигсби, Глэдис с ее пластиковой улыбкой и Зика с его склизким ректальным термометром. Обрушить Институт им на головы, как Самсон обрушил храм Дагона на филистимлян. Люк сознавал, что это всего лишь фантазия обиженного и беспомощного двенадцатилетки, однако желание было искренним и отчетливым. Он обрушит храм, если это вообще возможно.

Как говорил его отец — хорошо иметь цель в жизни. Стремление к ней помогает пережить трудные времена.

10

Когда он пришел в столовую, там было уже пусто, только уборщик по имени «ФРЕД» подметал пол. До обеда оставалось еще много времени, однако на первом столе Люк заприметил большую миску с фруктами: апельсинами, яблоками, виноградом и бананами. Люк взял яблоко, затем отправился к автоматам и купил на один жетон пакетик попкорна. Завтрак чемпионов, подумал он. Мама бы поседела.

Люк отнес еду в комнату отдыха и выглянул в окно на площадку. За одним из столов Джордж и Айрис играли в шашки. Авери осторожно прыгал на батуте. Никки и Хелен нигде не было видно.

— Хуже сочетания не придумаешь. Яблоко и попкорн — кошмар! — сказала Калиша.

Люк подскочил, высыпав немного попкорна на пол.

— Черт, ты ко всем так подкрадываешься?!

— Извини. — Она присела на корточки, собрала с пола горсть кукурузных зерен и закинула их в рот.

— Что, прямо с пола?! Ну ты даешь.

— Правило пяти секунд. Или как там — что упало у студента...

— По данным Национальной службы здравоохранения — это в Англии, — правило пяти секунд — миф. Полное вранье.

— А гениям обязательно крушить чужие иллюзии?

— Нет, просто...

Она улыбнулась и встала.

— Забей, я прикалываюсь, Люк. Ветрянка над тобой прикалывается. Все норм?

— Угу.

— Тебе градусник впендюрили, да?

— Да. И я не готов об этом говорить.

— Понимаю. Сыграем в криббидж до обеда? Я тебя научу, если не умеешь.

— Умею, но не хочу. Пойду лучше посижу у себя.

— Обдумаешь сложившееся положение?

— Вроде того. Увидимся за обедом.

— Ага, когда прозвенит звонок, — сказала Калиша. — Считай, это свидание! Ну-ка, не кисни, маленький герой, дай мне пять.

Она подняла руку, и Люк увидел, что между большим и указательным пальцами она сжимает какой-то белый квадратик. Он прижал свою белую ладонь к ее коричневой, и сложенная бумажка оказалась у него.

— До скорого.

Калиша зашагала к выходу на площадку.

У себя в комнате Люк лег на кровать, отвернулся к стене и развернул бумажку. Калиша писала печатными буквами — очень мелко и аккуратно.

Встреться с Морин рядом с машиной для льда возле комнаты Авери. Записку смой.

Он смял бумажку, пошел в туалет и незаметно бросил ее в унитаз, когда спускал штаны. Эти шпионские игры, с одной стороны, казались ему нелепыми и смешными, а с другой — совсем не казались. Хотелось верить, что в этом *la maison du chier** нет видеонаблюдения, но верилось с трудом.

Машина для льда. Именно там они с Морин вчера разговаривали. Хм, любопытно. Если верить Калише, на Ближней половине есть несколько подобных мест — где их не слышат или слышат очень плохо, — однако Морин предпочитает именно это. Может, потому, что там нет видеонаблюдения, а может, потому, что шум льдогенератора создает некую стену, за которой Морин спокойнее. А может, рано еще делать выводы — надо сперва собрать побольше данных.

Перед встречей с Морин Люк решил сходить на сайт «Стар трибьюн» и сел за комп. Даже успел добратсья до мистера Гриффина... и вдруг замер. А он в самом деле

* Дом, где гадят (лом. *фр.*). По аналогии с *la maison du chien* — собачий приют, гостиница для собак.

хочет знать? Хочет выяснить, что эти сволочи, эти *монстры* лгут и его родители мертвы? За визит на сайт миннесотской газеты его могут наказать — неразумно спустать все нажитое непосильным трудом состояние за один поворот рулетки.

Пока рано, решил Люк. Может, он сделает это чуть позже, когда унижение после знакомства с термометром немного забудется, но точно не сейчас. Люк вырубил комп и отправился в соседнее крыло. Рядом с машиной для льда стояла тележка для белья, и слышно было, как Морин напевает что-то про капли дождя. Люк пошел на голос и обнаружил Морин в комнате, украшенной постерами Международной федерации реслинга — сплошь суровые качки в обтягивающих трико, которые, судя по виду, жевали гвозди, а выплевывали канцелярские скрепки.

— Привет, Морин, как дела?

— Хорошо. Спина побаливает, но ибупрофен при мне.

— Хотите, я вам помогу?

— Спасибо, Люк, это последняя комната, и я уже почти закончила. Вот-вот привезут двух девочек и одного мальчика. Это комната мальчика. — Она кивнула на постеры и засмеялась. — Хотя ты и сам уже понял.

— Ясно. Вообще-то мне нужен лед, а ведерка в комнате нет.

— Они стоят в шкафчике рядом с машиной. — Морин с трудом разогнулась, поставила руки на поясницу и поморщилась. Люк услышал, как затрещал ее позвоночник. — Вот, так-то лучше. Пойдем, я тебе покажу.

— Если вам нетрудно...

— Нет-нет. Пойдем. Можешь катить тележку, если хочешь.

Пока они шли по коридору, Люк думал о своих недавних изысканиях на тему кредитов. Особенно его поразила ужасающая статистика: американцы в общей

сложности должны банкам больше двенадцати триллионов долларов. Деньги уже потрачены, но при этом не заработаны, а лишь обещаны. Такой парадокс, наверное, может понравиться только бухгалтеру. Большую часть этих денег выдают людям на покупку домов и открытие бизнеса, однако немалая доля приходится на пластиковые прямоугольнички, что лежат у людей в кошельках и бумажниках, — опиум современного американского потребителя.

Морин открыла шкафчик, стоявший рядом с машиной для льда.

— Сам достанешь? Не хочу лишний раз нагибаться. Кто-то очень невнимательный и не думающий о других затолкал все ведра вглубь.

Люк нагнулся и тут же тихо заговорил:

— Калиша рассказала мне про ваши проблемы с кредитом. Кажется, я знаю, как их можно решить. Но все зависит от вашей регистрации.

— Моей регистра...

— В каком штате вы проживаете?

— Я... — Она воровато огляделась по сторонам. — Нам запрещено предоставлять подопечным какую-либо личную информацию. Меня уволят, если узнают. И не просто уволят — накажут. Я могу тебе доверять, Люк?

— Я никому не расскажу.

— Я живу в Вермонте. В Берлингтоне. Туда я уезжаю, когда мне дают неделю отпуска. — После этого признания Морин будто бы прорвало: — Когда выхожу с работы, первым делом удаляю десяток звонков из банка с голосовой почты. А дома сразу чищу автоответчик. Если автоответчик заполнен, они начинают слать письма — предупреждения, угрозы, — забивают ими почтовый ящик, бросают под дверь. Я в любой момент могу остаться без машины, это само по себе ужасно, а недавно начали поговаривать про мой дом! Ипотеку я выплатила, причем без помощи мужа. Когда я сюда устроилась, мне

сразу дали приличный бонус — тогда-то я кредит и закрыла. Теперь они грозятся отнять дом, и тогда прощай... как там ее...

— Рыночная стоимость? — шепотом подсказал Люк.

— Да, точно. — Землистые щеки Морин запылали — то ли от стыда, то ли от гнева, Люк не понял. — Потом они потребуют мои сбережения... А я не для себя эти деньги откладывала! Не для себя, но они все равно их заберут. Сами так говорят.

— Неужели он набрал столько кредитов? — поразился Люк.

— Да!

— Потихе. — Держа в одной руке пластмассовое ведро, Люк другой открыл дверцу машины для льда. — Вам повезло со штатом. Вермонт не признает совместную собственность супругов.

— Как это понимать?

Очень просто, подумал Люк. Только они не хотят, чтобы вы про это знали. Про это и про многое другое. Им выгодно, чтобы люди, засевшие в болоте, никогда больше оттуда не вылезли. Люк схватил пластмассовый совок и сделал вид, что разбивает глыбки льда.

— На кого были оформлены кредитные карточки?

— На него, конечно, но они звонят мне, потому что мы по-прежнему официально женаты и номера счетов у нас одинаковые!

Люк принялся наполнять пластмассовое ведро... очень медленно.

— Они утверждают, что могут так поступить, и это звучит правдоподобно, но на самом деле они ничего не могут. По закону — только не в Вермонте. И не в большинстве штатов. Если он пользовался *своими* карточками и на чеках стоит *его* подпись, значит, это *его* долг.

— Они говорят, он общий! Нас обоих!

— Врут, — мрачно произнес Люк. — А звонки с угрозами... После восьми вечера вам тоже звонят?

Морин яростно зашептала:

— Шутишь?! Они и в полночь могут позвонить! Платите по кредиту, или на следующей неделе банк вас выселит! Приедете домой — там все замки поменяны, а мебель на улице стоит!

Люк читал о таких методах. И похуже бывает. Коллекторы угрожают выдворить родителей должников из домов для престарелых. Пристают к их детям, которые только-только встали на ноги и обрели платежеспособность. Что угодно — лишь бы урвать свой кусок.

— Хорошо, что вас почти не бывает дома. А здесь мобильники запрещены, да?

— Конечно! Ты что! Телефон у меня в машине, на... Короче, не здесь. Однажды я поменяла номер мобильного, и банки сразу узнали новый! Как?!

Запросто, подумал Люк.

— Не удаляйте их звонки. Наоборот — берегите. Там указано, в котором часу вам звонили. Обзванивать клиентов после восьми вечера — да-да, вы для них клиент — противозаконно.

Он сделал вид, что уронил ведро, и снова начал наполнять его льдом — еще медленней, чем прежде. Морин глядела на него с потрясением и зарождающейся надеждой, но Люк ничего не замечал. Он был занят проблемой — мысленно распутывал нити и смотрел, откуда они выходят. Чтобы там их и перерезать.

— Вам нужен адвокат. Даже не думайте звонить в сомнительные конторы, которые по кабельному рекламируют. Они с вас сдерут все, что смогут, а потом обанкротят. На своей кредитной истории тогда можете ставить крест. Лучше найти нормального вермонтского адвоката, который специализируется на кредитных задолженностях, знает Закон о добросовестной практике взимания долгов и ненавидит этих кровопийц. Я еще пороюсь в Интернете, подыщу вам кого-нибудь.

— А ты разве можешь?

— Наверняка. — Если бы его спалили, то уже давно изъяли бы компьютер. — Адвокат должен узнать, какие

именно коллекторские агентства вами занимаются — кто вас запутывает среди ночи. Банки обычно не горят желанием выдавать такую информацию, но, пока Закон о добросовестной практике не отменили (а в Вашингтоне есть очень влиятельные люди, которые пытаются это проверить), хороший адвокат сможет вытащить из них эти сведения. Те, кто вам звонит, нарушают закон. Это жулики и негодяи из «котельных»*.

И тут такие же негодяи работают, подумал Люк.

— Что за котельные...

— Не важно. — Их разговор слишком затянулся. — Хороший кредитный юрист начнет ходить по банкам с сообщениями на вашем автоответчике и говорить, что у них только два варианта: либо они спишут задолженность, либо вы их засудите за недобросовестное ведение бизнеса. Банки очень не любят судиться. Не дай бог общественность узнает, кто за них делает грязную работу — ребятки вроде тех верзил-костоломов из фильмов Скорсезе.

— То есть мне даже платить не придется? — ошарашенно спросила Морин.

Люк посмотрел прямо в ее усталое, слишком бледное лицо.

— Это *ваш* долг?

Она помотала головой.

— Но это огромные деньги! Он обставил новую квартиру в Олбани, покупал туда стереосистемы, компьютеры, плоские телевизоры, еще у него есть любовница, которой он делает подарки, а сам он любит казино... И так уже много лет. Я, глупая и наивная, только недавно опомнилась, когда было уже поздно.

* «Котельные» — колл-центры, занимающиеся продажей контрафактной продукции, мошенничеством, коллекторской и другой (часто незаконной) деятельностью по телефону. Термин возник в связи с тем, что подобные конторы часто располагаются в подвалах, котельных и прочих не приспособленных для работы помещениях.

— Еще не поздно, поймите...

— Привет, Люк!

Он вздрогнул, обернулся и увидел Авери Диксона.

— О, здорово! Как батут?

— Сначала понравился. Потом надоел. Представляешь, мне сделали укол, а я даже не плакал.

— Молодец!

— Хочешь, посмотрим вместе телик в комнате отдыха? Айрис говорит, там есть «Никелодеон». «Губка Боб», «Расти-механик», «Мой шумный дом»...

— Не сейчас, — ответил Люк. — Но ты иди, смотри.

Авери поглядел на него, затем на Морин, наконец развернулся и ушел.

Люк вновь обратился к женщине:

— Еще не слишком поздно, вот что я пытаюсь сказать. Хотя действовать нужно быстро. Давайте встретимся завтра на этом же месте, я раздобуду для вас телефон адвоката — надежного, проверенного. Обещаю.

— Ох, сынок!.. Прямо не верится. Как-то все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Люку понравилось, что она назвала его «сынком». На душе сразу потеплело.

— Наоборот. То, что они творят, — слишком ужасно, чтобы быть правдой. Ну все, я побежал. Скоро обед.

— Спасибо тебе за все, я никогда этого не забуду. — Она стиснула его руку. — Если можешь...

Тут в дальнем конце коридора распахнулись двери. Люк почему-то решил, что за ним пришли зрители — Тони и Зик, например. Хотят отвести его на допрос и узнать, о чем он разговаривал с Морин. Если он не скажет, пустят в ход «усовершенствованные техники ведения допроса» и быстренько его расколют. Да, ему будет тяжело, но хуже всего придется Морин.

— Успокойся, Люк, — шепнула она. — Это новенькие.

В коридор вошли три зрителя в розовой форме. Они везли каталки: на первых двух лежали две белокурые девочки, на третьей — крупный рыжий мальчик. Навер-

ное, тот самый любитель реслинга. Все дети крепко спали. Когда они проезжали мимо, Люк присвистнул:

— Ого, да эти девчонки близняшки! Причем однояйцевые!

— Правильно. Их зовут Герда и Грета. Ну, ступай, тебе на обед пора. А я помогу разместить этих ребят.

11

Авери сидел на стуле в комнате отдыха, болтал ногами, грыз палочку вяленой говядины «Слим Джим» и с интересом наблюдал за происходящим в Бикини-Боттоме.

— Я не плакал, когда мне делали укол, и получил за это два жетона.

— Круто.

— Если хочешь, второй я дам тебе.

— Оставь, еще пригодится.

— О'кей. «Губка Боб» — это, конечно, хорошо, но я домой хочу. — На сей раз Авери не стал рыдать и биться в истерику, но по его щекам тихо потекли слезы.

— Да, я тоже. Перестань хлюпать.

Авери шмыгнул носом, и Люк присел рядом с ним. Им было тесно на одном стуле, но в тот момент на это никто не обращал внимания. Люк слегка обнял Авери, и он в ответ положил голову на плечо Люка, что тронуло его, и ему самому захотелось заплакать.

— Представляешь, у Морин есть ребенок, — сказал Авери.

— Да ладно?

— Ага. Раньше он был маленький, а теперь уже взрослый. Даже старше Никки.

— Понятно.

— Только это тайна. — Авери не отрывал взгляда от экрана, где мистер Крабс о чем-то спорил с Патриком. — Она копит для него деньги.

— Да? И откуда ты все это знаешь?

Авери покосился на Люка.

— Ниоткуда. Просто знаю. А твоего лучшего друга зовут Рольф, и вы живете на улице Уайлдерсмач-драйв.

Люк разинул рот.

— Ну ни фига себе!

— Я крут, да?

Хотя на его щеках еще не высохли слезы, Авери хихикнул.

12

После обеда Джордж предложил сразиться в бадминтон трое на трое: он, Никки и Хелен против Люка, Калиши и Айрис. Команда Джорджа готова была принять в качестве бонуса еще и Авери.

— Он не бонус, а обуза, — сказала Хелен, отмахиваясь от мошкары.

— Что такое «обуза»? — спросил Авери.

— А ты прочти мои мысли — и узнаешь, — ответила Хелен. — И вообще, бадминтон для слабаков, которые не умеют играть в теннис.

— Да ты прямо душа компании, я смотрю, — заметила Калиша.

Хелен зашагала к шкафчику с играми и по пути, не оглядываясь, показала ей через плечо средний палец. Айрис предложила разбиться на команды иначе: Джордж и Никки против Люка с Калишей, а она — судья. Авери вызвался ей помогать. На том и порешили. У команд было по десять очков, когда дверь распахнулась и на площадку вышел новенький — рыжий парень. Он слегка пошатывался (видимо, снотворное, или чем там его накачали, еще не до конца выветрилось), но при этом вид у него был злобный. Люк решил, что ему лет шестнадцать. Ростом он был около шести футов. Над ремнем висел довольно заметный живот, который с возрастом имел все шансы стать пивным, зато на загорелых руках

бугрились мускулы, и, судя по великолепным трапециевидным мышцам, парень явно качался. На щеках — россыпь прыщей и веснушек. Злые глаза налиты кровью. Рыжие волосы всклокочены после сна.

Все присутствующие невольно бросили дела и принялись рассматривать новенького.

Калиша зашептала, как заключенный на прогулке, не шевеля губами:

— Да это же Невероятный Хряк!

Новенький остановился у батута, обвел всех грозным взглядом и заговорил — медленно, отрывисто, словно считал присутствующих дебилами, не знающими английского. У него был южный акцент.

— Это... что за... *хрень*?

Авери подошел к нему первым.

— Это Институт. Привет, меня зовут Авери, а тебя?..

Новенький прижал кулак к его подбородку и толкнул — несильно и как бы невзначай, — однако Авери сразу шлепнулся на один из матов, лежавших вокруг батута. Он поднял на новенького обалдевший взгляд, но тот уже не обращал на Авери внимания. Казалось, ему вообще не было дела до Авери, бадминтонщиков и Хелен (та собралась разложить пасьянс и уже приготовила карты). Рыжий беседовал сам с собой.

— Это... что за... *хрень*? — Он раздраженно отмахнулся от мошек. Как и Люк в свой первый визит на площадку, новенький не намазался репеллентом, и насекомые уже не просто кружили над его головой — они пробовали на вкус его пот.

— Ну вот, — сказал Никки. — Зря ты Авестера обидел. Он просто познакомиться хотел.

Новенький наконец пришел в себя. И повернулся к Нику.

— А ты... что за... *хрен*?

— Ник Уилхолм. Помоги Авери встать.

— *Чего?!*

Ник терпеливо пояснил:

— Ты его толкнул — значит, помоги ему встать.

— Давайте лучше я! — Калиша подбежала к батуту и протянула руку Авери, но тут новенький толкнул и ее. Она пролетела мимо матов, упала на гравий и ссадила коленку.

Ник бросил ракетку и подошел к новенькому. Подбоченился.

— Теперь тебе придется помогать обоим. Я, конечно, понимаю, что ты здесь впервые и пока не вкуливаешь, что к чему, да только это не оправдание.

— А если не помогу?

Никки ухмыльнулся.

— Тогда я надеру тебе зад, жирдяй.

Хелен, сидевшая за столиком, с интересом наблюдала за происходящим. Джордж, по всей видимости, решил ретироваться. Держась подальше от новенького, он двинулся к двери в комнату отдыха.

— Ник, не лезь к нему, — сказала Калиша. — Хочет быть придурком — пусть будет. У нас все в порядке, да, Авери? — Она помогла Авери встать и попятилась.

— Ага! — пискнул Авери, и слезы вновь брызнули у него из глаз.

— Это ты кого, сука, придурком назвала?

Ему ответил Ник:

— Видимо, тебя. Других-то придурков здесь нет. — Он сделал шаг навстречу новенькому. Люк невольно подивился тому, какие они разные: новенький напоминал кувалду, а Никки — острый клинок. — Быстро извинись!

— В жопу извинения! — рявкнул новенький. — И сам пошел в жопу, понял? Понятия не имею, что это за место, но я тут не останусь. Вали отсюда, понял?

— Еще как останешься, — сказал Никки. — Ты здесь надолго застрял, как и мы.

— Все, хватит, — вмешалась Калиша. Она стояла, обняв Авери за плечи, и Люк прекрасно знал, о чем она думает, хоть и не умел читать мысли. Просто он сам думал о том же: новенький тяжелее Ника фунтов на шесть-

десять, а то и на восемьдесят. И пусть он может похвастаться увесистой трудовой мозолью на пузе, руки у него — сплошное железо.

— Последнее предупреждение, — сказал новенький. — Или ты успокоишься, или я тебя завалю нахрен.

Джордж, судя по всему, передумал уходить. Он уже неспешно направлялся к новенькому — не со спины, а немного сбоку. Со спины к нему подходила Хелен. Она тоже шла не торопясь, плавно покачивая бедрами — той самой походкой, что так завораживала Люка. При этом на ее лице играла еле заметная улыбочка.

Джордж сосредоточенно напрягся: губы поджаты, лоб нахмурен. Мошकारа, кружившая возле обоих противников, вдруг сбилась в один рой и устремилась на новенького — словно ее сдуло невидимым порывом ветра. Тот поднял руку к лицу и принялся отмахиваться от насекомых. Хелен упала на колени позади него, а Никки изо всех сил его толкнул. Новенький кубарем полетел на гравий и асфальт.

Хелен тут же отскочила в сторону, смеясь и дразнясь:

— Обманули дурака на четыре кулака!

В ярости заревев, новенький начал подниматься, но тут подскочил Ник и пнул его в бедро. Сильно. Рыжий заорал, схватил себя за ушибленную ногу и поджал колени к груди.

— Да хватит уже, а?! — закричала Айрис. — У нас мало других проблем, что ли?!

Прежний Люк, наверное, согласился бы, однако новый — институтский — не уступал.

— Он сам начал! Так ему и надо.

— Я вас всех перебью! — рыдал новенький. — Это нечестный бой, суки! Я вам покажу! — Его лицо наливалось жутким багровым цветом. Люк стал гадать, может ли шестнадцатилетнего парня с ожирением хватить удар... и с ужасом понял, что ему все равно.

Никки опустил на одно колено.

— Никого ты не убьешь, жирдяй. Значит так, слушай сюда. Твои враги — не мы. А вот эти гады.

Люк огляделся по сторонам и увидел, что у входной двери плечом к плечу стоят трое зрителей: Джо, Хадад и Глэдис. Дружелюбие Хадада как ветром сдуло, пластиковая улыбочка Глэдис исчезла. Зрители держали в руках какие-то черные устройства с торчащими наружу проводами и пока не вмешивались в происходящее, но явно были наготове: нельзя же допустить, чтобы подопытные кролики причинили друг другу вред. Это первое правило. Здоровье подопытных кроликов превыше всего.

Никки сказал:

— Помоги мне поднять этого козла, Люк!

Он закинул одну руку новенького себе на плечо, и Люк сделал то же самое с другой рукой. Кожа у рыжего была горячая, мокрая и маслянистая от пота. Крепко стиснув зубы, он тяжело и шумно дышал. Люк и Никки совместными усилиями поставили его на ноги.

— Никки, — крикнул Джо, — все нормально? Беспредел закончился?

— Ага, все отлично! — ответил Никки.

— Ну и славно, — сказал Хадад. Они с Глэдис ушли внутрь, а Джо остался на улице. В руках он по-прежнему держал загадочное черное устройство.

— У нас все просто супер! — заверила его Калиша. — Да и никакой это не беспредел, а так, маленькое...

— ...недопонимание, — подсказала Хелен.

— Он не хотел никому зла, — добавила Айрис, — просто слегка расстроился. — В ее голосе прозвучало такое искреннее сострадание, что Люку стало совестно: он ведь так ликовал, когда Никки пнул новенького по ляжке.

— Щас сблую, — объявил рыжий.

— Только не на батут, — отрезал Ник. — Мы на нем прыгаем. Давай, Люк, потащи его к забору.

Новенький начал издавать характерные звуки; солидный живот вздымался и опадал. Люк и Никки повели его

к забору, отделявшему площадку от леса, и еле успели: новенький припал лбом к сетке-рабице, и его вырвало. Остатки пищи, съеденной на воле — там, где он был Свободным Человеком, а не Новеньким, — вылетели наружу.

— Ф-фу, — сказала Хелен. — Кто-то ужинал кукурузной кашей. Гадость!

— Полегчало? — спросил Ник.

Новенький кивнул.

— Ты закончил?

Новенький помотал головой и блеванул еще раз — уже не так обильно.

— Вроде бы... — Он кашлянул: изо рта вылетело еще немного рвоты.

— Ну дела... — Никки вытер ладонью щеку. — А полотенце в этом душе дают?

— Кажется, я вырубаюсь.

— А вот и нет, — сказал Люк. Вообще-то он не знал этого наверняка, но решил настроиться на позитивный лад. — Иди-ка сюда, в тенек.

Они усадили новенького за стол. Калиша села рядом и велела ему опустить голову. Он послушался.

— Тебя как зовут? — спросил Никки.

— Гарри Кросс, — устало, смиренно и без намека на былую ярость ответил новенький. — Я из Сельмы. Это в Алабаме. Не знаю, как я сюда попал, что тут происходит — вообще ничего не знаю!

— Мы тебя введем в курс дела, — пообещал Люк. — Только сначала ты должен исправиться. Нам тут и так фигово — еще между собой драться не хватало.

— Ага, и перед Авери извинись, — сказал Джордж. Шутком он быть перестал.

— Да все хорошо, — махнул рукой Авери. — Мне не больно.

Калиша пропустила его слова мимо ушей.

— Давай, извиняйся.

Гарри Кросс поднял голову и отер рукой багровое неказистое лицо.

— Извини, мелкий, что я тебя толкнул. — Он поглядел на остальных. — Норм?

— Почти. — Люк показал на Калишу: — Перед ней тоже надо извиниться.

Гарри вздохнул.

— Извини, как там тебя...

— Калиша. Если мы подружмся — во что мне пока не очень верится, — можешь звать меня Ша.

— Только не зови ее Умницей, — добавил Люк.

Джордж со смехом хлопнул его по спине.

— Ясно, — пробормотал Гарри и вытер с подбородка остатки блевоты.

Тут заговорил Никки:

— Что ж, раз все самое волнительное закончилось, предлагаю вернуться к нашему бадмин...

— Привет, девчонки, — сказала Айрис. — Если хотите, давайте к нам.

Люк обернулся. Джо исчез, а на его месте стояли две белокурые девочки. Они держались за руки и глядели по сторонам в одинаковом смятении и ужасе. У них все было одинаковое, кроме футболок — у одной зеленая, у другой красная. Люку сразу вспомнились персонажи из книжки доктора Сьюза — Штучка Раз и Штучка Два.

— Идите сюда, — сказала Калиша. — Все плохое уже позади.

Ох, если бы, подумал Люк.

13

В пятнадцать минут четвертого Люк сидел у себя в комнате и читал про вермонтских адвокатов, специализирующихся на Законе о добросовестной практике взимания долгов. Пока что его не спрашивали, откуда у него такой интерес к этой теме. И про человека-невидимку Уэллса

тоже не спрашивали. Люк даже думал провести эксперимент, чтобы узнать, следят за ним или нет: погуглить способы покончить с жизнью, например. Но потом решил, что это бред. Зачем будить спящего медведя? Знание это не жизненно важное, можно обойтись.

Раздался короткий стук в дверь, и она тут же распахнулась. Пришла смотрительница — высокая, темноволосяя, с именем «ПРИСЦИЛЛА» на груди.

— Зрение проверять, да? — спросил Люк.

— Да. Идем. — Ни слащавых улыбок, ни жизнерадостного щебета — после Глэдис угрюмое выражение лица Присциллы было как бальзам на душу.

Они прошли по коридору к лифту и спустились на уровень С.

— Сколько тут подземных этажей? — спросил Люк.

Присцилла покосилась на него.

— Не твое дело.

— Да я просто так, разговор поддер...

— Не надо. Лучше помалкивай.

Люк замолчал.

Его снова привели в старый добрый С-17, но вместо Зика там сидели лаборант по имени «БРЭНДОН» и двое мужчин в деловых костюмах, один с айпадом, другой с планшетом-зажимом для бумаги. Именных бейджиков у них не было, и Люк решил, что это врачи. Первый — высоченный и с громадным пузом (которое не шло в сравнение с брюшком Гарри Кросса) — сделал шаг навстречу и протянул ему руку:

— Привет, Люк. Меня зовут доктор Хендрикс, я — начальник медицинской службы.

Люк молча посмотрел на его руку и осознал, что не испытывает внутренней потребности ее пожать. Да уж, его тут хорошему научат...

Доктор Хендрикс не то заревел, не то засмеялся — сперва выдохнул, потом вдохнул.

— Понимаю, понимаю. А это доктор Эванс, он у нас главный офтальмолог.

Он снова заревел, как осел, и Люк решил, что это какая-то профессиональная шутка.

Впрочем, доктор Эванс, невысокий мужчина с неопрятными усами, смеяться не стал. Даже не улыбнулся. И руки не подал.

— Значит, вы у нас новобранец, молодой человек. Добро пожаловать. Садитесь.

Люк сел. Сидеть в кресле гораздо приятнее, чем нагибаться над ним с откляченным задом. Кроме того, Люк примерно представлял, что сейчас будет — ему уже не раз проверяли глаза. В кино всякие гении-заучки носят очки с толстыми линзами, но у Люка было отличное зрение. Словом, он не особо нервничал, пока Хендрикс не подошел к нему с очередным шприцем — вот тогда сердце моментально ушло в пятки.

— Не волнуйся, это просто комарик. — Хендрикс опять заревел, обнажая крупные зубы. — Потерпи, ты же у нас солдат. Совсем как в армии!

— Ага. Новобранец, — сказал Люк.

— Верно! Замри и не дергайся.

Люк молча стерпел укол. И сразу начало происходить нечто странное. И страшное. Когда Присцилла склонилась над ним с пластырем, Люк стал задыхаться.

— Я не могу... — «Сглотнуть», — хотел сказать он, но не сумел: горло сдавило.

— Все нормально, — заверил его Хендрикс. — Сейчас пройдет. — Эти слова немного успокоили Люка, но второй врач уже подходил к нему с какой-то трубкой (видимо, чтобы вогнать ее ему в горло при необходимости). Хендрикс положил руку на плечо второго врача. — Подождем немного.

Люк в отчаянии уставился на них. Слюна текла по подбородку. Неужели это последние лица, которые он перед сме... Внезапно горло открылось. Люк с шумом втянул воздух.

— Вот видите? Все хорошо, — сказал Хендрикс. — Интубация не понадобится.

— Что... что вы со мной сделали?

— Ничего-ничего. Все отлично.

Доктор Эванс отдал пластиковую трубку Брэндону и подошел к Люку. Посветил фонариком ему в глаза, затем взял небольшую линейку и измерил расстояние между ними.

— Контактные линзы не носишь?

— Объясните мне, что это было! Я же не мог *дышать!*
И глотать!

— Все в порядке, — сказал Эванс. — Глотаешь прекрасно. Цвет лица почти нормальный. Так ты носишь контактные линзы или нет?

— Не ношу, — ответил Люк.

— Молодец. Очень хорошо. Смотри прямо, пожалуйста.

Люк посмотрел на стену. Ощущение, будто он научился дышать, бесследно исчезло. Брэндон опустил белый экран и приглушил свет.

— Смотри только прямо, в стороны нельзя, понял? — сказал Эванс. — Если помотришь в сторону один раз, Брэндон тебя ударит. Если снова помотришь в сторону, получишь удар током — очень болезненный, ясно?

— Да, — выдавил Люк. И проглотил слюну. Все было нормально, горло даже не болело, зато сердце колотилось как сумасшедшее. — Интересно, Американская медицинская ассоциация знает про ваши методы?

— А ну закрой рот! — рявкнул Брэндон.

Похоже, здесь нужно постоянно держать рот закрытым — это такая настройка по умолчанию для всех подопечных Института. Люк успокаивал себя: самое страшное позади, теперь только проверят зрение — и все. Остальные дети тоже через это проходили, и ничего. Главное, он может дышать и глотать. Сейчас покажут оптометрическую табличку, он все прочтает, и его отпустят.

— Смотрим только вперед, — ворковал под боком Эванс. — На экран и больше никуда.

Заиграла музыка — скрипки, что-то классическое. Наверное, для успокоения нервов, решил Люк.

— Присс, включай проектор, — скомандовал Эванс.

Вместо оптометрической таблицы на экране появился голубой кружок. Он слегка пульсировал. Внизу появился такой же красный кружок, и Люк сразу вспомнил ЭАЛа («Извини, Дейв»). Затем возник зеленый кружок. Красный и зеленый сперва пульсировали в такт голубому, затем каждый начал вспыхивать и гаснуть в своем ритме. Стали появляться новые кружки, сначала по одному, потом по два, потом целыми дюжинами. Вскоре экран был испещрен сотнями мигающих разноцветных пятен.

— На экран, — приговаривал Эванс, — смотрим на *экран-а-ан*. Больше никуда.

— Типа, раз я не вижу точки сам, вы мне их показываете на экране? Такая стимуляция, да? Какой в этом...

— Закрой рот, — на сей раз команду дала Присцилла.

Пятна начали кружить по экрану: одни гонялись за другими, третьи двигались по спирали, четвертые сбились в стайки или формировали круги, которые расширялись, сужались и находили друг на друга. Скрипки заиграли быстрее, легкая классическая мелодия сменилась чем-то вроде хоудауна. Точки на экране теперь не просто двигались, они превратились в эдакий рекламный щит на Таймс-сквер, у которого сперва случилось короткое замыкание, а потом — нервный срыв. Люк боялся, что сейчас нервный срыв будет и у него. Он вспомнил, как Гарри Кросса вырвало на сетку-рабицу; похоже, он и сам скоро блеванет, если эти точки не выключат, а блевать ему не хотелось, ведь все попадет на колени...

Брэндон отвесил ему крепкую затрещину. Звук был такой, словно где-то рядом и одновременно вдалеке разорвались петарды.

— Смотри на экран, дружок.

Что-то теплое потекло по его верхней губе. Сукин сын разбил мне нос, подумал Люк. Почему-то это боль-

ше не имело значения. Кружащие на экране точки захватывали мозг, точно какой-нибудь энцефалит или менингит. Какой-то «-ит», в общем.

— Ладно, Присс, вырубай, — скомандовал Эванс.

Видимо, та его не услышала: точки не исчезли. Они начали расти и тут же съеживаться обратно, потом увеличиваться еще сильнее и снова опадать: *вжу-ух* и *фыюить*, *вжу-у-ух* и *фыюить*. Пятна стали трехмерными, соскочили с экрана и полетели к нему, вперед, и в стороны, и...

Кажется, Брэндон что-то говорит про Присциллу, но это только кажется, да? И еще кто-то кричит... Да? Уж не он ли сам?

— Молодец, Люк, ты умница, все отлично, — доносился откуда-то издалека монотонный голос Эванса, с какого-то дрона в стратосфере или на обратной стороне Луны.

Опять цветные точки. На стенах, на потолке, вокруг, внутри... За несколько секунд до того, как отключиться, Люк понял, что они *вытесняют* его мозг. Он увидел собственные руки: они взлетели в воздух, и точки задрожали и запрыгали на коже. Еще он почувствовал, как бьется и выгибается в кресле.

Он попытался сказать: *У меня припадок, вы меня убиваете!* — однако изо рта вырвалось только какое-то жалкое бульканье. Внезапно точки исчезли, и Люк полетел с кресла вниз, в темноту, чувствуя невероятное облегчение. Боже, какое облегчение!

14

В сознание его вернули пощечины — не сильные (кровь из носа от таких точно бы не пошла, если это вообще случилось, а не примерещилось), но и не сказать чтобы ласковые. Люк открыл глаза и обнаружил, что лежит на полу в какой-то незнакомой комнате. Рядом, опустившись на одно колено, сидела Присцилла. Она

и шлепала его по лицу. Неподалеку стояли врачи — Хендрикс и Эванс, первый по-прежнему с айпадом, второй — с планшетом.

— Очнулся, — сказала Присцилла. — Встать можешь?

Люк не знал. Четыре или пять лет назад он болел ангиной, и у него поднялась очень высокая температура. Сейчас ощущения были похожие: словно какая-то его часть вышла из тела в атмосферу. Во рту стоял дурной привкус, а место укола безумно чесалось. Он помнил, как ему славил горло, помнил тот ужас.

Брэндон не дал Люку возможности прийти в себя — просто схватил его за руки и рывком поставил на ноги.

— Как тебя зовут? — спросил Хендрикс.

— Люк... Лукас... Эллис. — Слова будто шли не изо рта, а из той его половины, что сейчас парила над головой. Сил не было. Лицо пульсировало от пощечин, нос ныл. Люк поднял руку (она поднималась медленно, словно сквозь воду), потер кожу над верхней губой и с удивлением обнаружил на пальце запекшуюся кровь. — Долго я был в отключке?

— Посадите его, — распорядился Хендрикс.

Брэндон взял его за одну руку, Присцилла за другую, и Люка повели к стулу (обычному кухонному стулу, без ремней для рук, слава тебе господи). За столом напротив сидел на таком же стуле Эванс. Перед ним лежали какие-то карточки — крупные, размером с книгу в бумажной обложке, с простыми синими рубашками.

— Я хочу вернуться в свою комнату, — сказал Люк. Голос по-прежнему шел откуда-то сверху, но его источник немного приблизился. Вроде бы. — Хочу прилечь. Мне плохо.

— Дезориентация скоро пройдет, — заверил его Хендрикс. — Хотя ужин на твоём месте я бы пропустил. А пока тебе нужно обратить внимание на то, что покажет доктор Эванс. Это небольшой тест. Как только пройдёшь его, сразу вернешься в свою комнату и сможешь... э-э... снять стресс.

Эванс поднял первую карточку и поглядел на нее.

— Что это такое?

— Карточка, — ответил Люк.

— Шутки прибереги для своего «Ютьюб»-канала, — прорычала Присцилла и вlepила ему пощечину. Намного крепче, чем раньше.

В ухе сразу зазвенело, зато хоть в голове немного прояснилось. Люк взглянул на Присциллу и не заметил на ее лице ни намека на сомнение или раскаяние. Ноль сочувствия. Он понял: для нее он не ребенок, а подопытное животное. Присцилле удалось полностью абстрагироваться, провести важную черту у себя в голове. Если подопытное животное не выполняет приказы, необходимо применить то, что в психологии называется негативным подкреплением. А когда все опыты проведены? Можно выпить кофейку с плюшками в комнате отдыха и поболтать с коллегами о собственных детях (они-то, конечно, настоящие) или повозмущаться новостям политики, спорта и так далее.

Впрочем, это он уже знал. Вот только одно дело — знать правду, а совсем другое — чувствовать, как от нее ноет побитое лицо. Люк чувствовал, что когда-нибудь (и очень скоро) он начнет дергаться при виде поднятой руки — даже если ее поднимут, чтобы дать пять.

Эванс аккуратно положил карточку на стол и взял другую.

— А здесь у нас что, Люк?

— Говорю же: не знаю! Откуда мне...

Снова затрещина. В ухе зазвенело еще громче, и Люк заплакал. Он ничего не мог с собой поделать — слезы сами брызнули из глаз. Он и раньше думал, что Институт — это кошмар, но вот где настоящий кошмар: ты не в себе, а тебя заставляют гадать, что изображено на обратной стороне карточек, и бьют, если ты не знаешь ответа.

— Постарайся, Люк, — сказал Хендрикс ему в ухо (то, которое не звенело).

— Я хочу к себе в комнату. Я устал! Мне плохо.

Эванс отложил вторую карточку и взял третью.

— Что здесь?

— Вы ошиблись! Я не ТЛП, я ТЛК! Может, Калиша и умеет отгадывать, что нарисовано на ваших карточках... Авери тоже наверняка умеет, а я — *нет!*

Эванс показал ему четвертую карту.

— Что у нас тут? На сей раз пощечиной не отделаешься. Отвечай — или Брэндон познакомит тебя с шокером. Будет больно. Надеюсь, твой припадок не повторится, но кто его знает. Ну, отвечай, Люк, что изображено на карте?

— Бруклинский мост! — заорал Люк. — Эйфелева башня! Брэд Питт в смокинге, собачья какашка, «Инди-пятьсот»*, *я понятия не имею!*

Он зажмурился и стал ждать удара шокером — может, раздастся треск или какой-то гул, а может, вообще никаких звуков не будет, он просто шлепнется на пол и задергается в конвульсиях, пуская слюни. Однако удара не последовало. Эванс отложил карточку и жестом велел Брэндону отойти. Только легче Люку почему-то не стало.

Он подумал: вот бы умереть. Умереть и больше не мучиться.

— Присцилла, — распорядился Хендрикс, — отведи Люка в его комнату.

— Хорошо, доктор. Помоги нам дойти до лифта, Брэн.

Возле лифта Люк почувствовал, что начинает приходить в себя: мозги постепенно вставали на место. Выходит, проектор выключили, а он *продолжал* видеть точки?

— Это какая-то ошибка, — прохрипел Люк. Во рту и горле все пересохло. — Я не ТЛП, вы же знаете!

— Ага, — равнодушно ответила Присцилла, а потом повернулась к Брэндону, улыбнулась ему совершенно искренне и стала другим человеком. — Еще увидимся, да?

Брэндон тоже заулыбался.

— А то!

* «Инди-500», или 500 миль Индианаполиса, — популярные ежегодные гонки автомобилей с открытыми колесами.

Потом он посмотрел на Люка. Резко, без всякого предупреждения, Брэндон стиснул кулак и сделал вид, что собирается ударить его по лицу. В дюйме от носа кулак остановился, но Люк успел съежиться и вскрикнуть. Смотритель захохотал, а Присцилла снисходительно улыбнулась — мол, ох уж эти мальчики.

— Расслабься, Люк, — сказал Брэндон и вразвалочку зашагал прочь по коридору. Висевший на поясе зачехленный шокер бил его по бедру.

Вернувшись в главный коридор — в крыло, где помещалось общежитие, — Люк увидел девочек-близняшек, Грету и Герду. Они испуганно таращили глаза и стискивали в руках совершенно одинаковых кукол — прямо близняшки из какого-то старого фильма ужасов.

Присцилла подвела его к двери в комнату и молча ушла. Люк убедился, что компьютер на месте, и без сил, даже не разувшись, рухнул на кровать. Следующие пять часов он проспал.

15

Миссис Сигсби поджидала доктора Хендрикса — Донки-Конга — в комнате, смежной с ее кабинетом, сидя на небольшом диванчике. Он вручил ей папку.

— Знаю, вы любите читать с бумаги, так что вот вам распечатка. Хотя лично я не вижу смысла...

Миссис Сигсби даже не открыла отчет.

— В чем я не вижу смысла, так это в ваших побочных исследованиях, Дэн. Результата — ноль.

Он упрямо стиснул зубы.

— Агнес Джордан. Уильям Гортсен. Вина Пател. Еще двое или трое — забыл, как их зовут. Донна как-бишь-ее... Со всеми этими детьми мы получили положительный результат.

Миссис Сигсби вздохнула и пригладила редеющие волосы. Хендрикс подумал, что у нее птичье лицо: острый

нос, похожий на клюв, и ненасытные глазки-бусинки. Птичье лицо и мозг бюрократа — безнадежно, ей-богу.

— И десятки розовых, с которыми у вас ничего не вышло.

— Допустим, но вы только вдумайтесь! — воскликнул он (хотелось заорать: *Как можно быть настолько тупой?* — но нет, потом проблем не оберешься). — Если телепатия и телекинез взаимосвязаны — а мои эксперименты позволяют предположить такую взаимосвязь, — то у наших подопечных могут быть и другие экстрасенсорные способности, которые пока не пробудились и дремлют где-то в подкорке. То, что умеют эти ребята — даже самые одаренные, — может оказаться лишь верхушкой айсберга! Вдруг они способны лечить болезни? Вдруг глиобластому, убившую Джона Маккейна, можно было вылечить силой мысли? Вдруг мы сумеем направить силы наших подопечных на продление человеческой жизни до ста пятидесяти лет?.. Зачем ограничиваться одной-единственной областью применения?

— Да, да, все это я уже слышала, — сказала миссис Сигсби. — И читала — в отчете, который вы гордо именуете «манифестом».

Читала, однако ничего не поняла, подумал Хендрикс. И Стэкхаус ни хрена не понял. Эванс немного понимает, но все равно не видит всего потенциала.

— И потом, ни Эллис, ни Стэнхоуп особой ценности для нас не представляют. Не зря же их называют розовыми. — Хендрикс снисходительно фыркнул и махнул рукой.

— Двадцать и даже десять лет назад я бы с вами согласилась, — ответила миссис Сигсби. — Но не сегодня.

— Да ладно...

— Хватит, Дэн. Просто скажите: вы обнаружили у Эллиса задатки ТЛП или нет?

— Нет. Однако он продолжал видеть огоньки после того, как проектор выключили, а это добрый знак. Я бы сказал — *верный* знак. Потом, к сожалению, у него начался приступ. Такое иногда случается, как вы знаете.

Миссис Сигсби вздохнула.

— Я не против, чтобы вы и дальше изучали Штази-огоньки, Дэн, но прошу верно расставлять приоритеты. Наша главная задача — готовить подопечных к переводу на Дальнюю половину. Побочные эффекты нас не интересуют. Руководству не нужен экстрасенсорный аналог «Рогена».

Хендрикс отпрянул, словно она ударила его.

— Как можно сравнивать великое открытие, способное изменить ход истории, с лекарственным препаратом для гипертоников, который по чистой случайности еще и стимулирует рост волос на лысынах обывателей?!

— Вероятно, нельзя. Но если бы ваши изыскания почаще приносили плоды, я — и ваши работодатели — давно бы оценили их по достоинству. Сейчас вам совершенно нечем похвастаться, кроме пары случайных попаданий.

Хендрикс хотел возразить, увидел предостерегающий взгляд миссис Сигсби и захлопнул рот.

— Пока вы можете продолжать опыты — и скажите за это «спасибо». По вашей вине мы уже потеряли нескольких детей.

— Розовых. — Хендрикс снова издал презрительное «пф-ф».

— Розовых тоже не так много. Раньше было полно, Дэн, а теперь нет. Да, кстати, вот вам папка.

Папка была красная. Со штампом: «ПЕРЕВОД».

16

Когда тем вечером Люк вошел в комнату отдыха, Калиша сидела на полу, прижавшись спиной к большому окну, выходящему на площадку, и потягивала какой-то алкогольный напиток из торгового автомата.

— Пьешь? — спросил Люк, садясь рядом.

За окном смеркалось, а Хелен и Авери упражнялись на батуте: похоже, она учила его делать кувырок вперед.

Очень скоро темнота загонит их обратно, подумал Люк, потому что фонарей на площадке нет.

— Первый раз пробую. Все жетоны спустила на эту гадость. Чайку? — Калиша протянула ему бутылочку с напитком под названием «Твистед ти».

— Не, я пас. Ша, а чего ты меня не предупредила насчет точек?

— Лучше «Калиша». Ты один тут меня полным именем называешь, и это клево. — Язык у нее чуть-чуть заплетался. Выпила она всего ничего, каких-то пару унций, но, видимо, с непривычки ее быстро накрыло.

— О'кей, Калиша. Чего ж ты сразу не сказала, что это такой мрак?

Она пожала плечами.

— Да вроде не мрак. Смотришь себе на цветные точки. Ну, голова немного кружится, и все.

Последнее слово она почти проглотила.

— Серьезно? Больше с тобой ничего не происходило?

— Не-а. А с тобой что было?

— Сначала мне сделали укол, и я тут же среагировал: не мог дышать и глотать, горло сдавило. Думал, слохну.

— Ого. Мне тоже укол делали, но реакции никакой не было. Слушай, правда мрак! Сочувствую...

— погоди, это только начало. Потом, когда мне стали показывать точки, я потерял сознание. У меня было что-то вроде припадка. — Еще Люк немного обмочился, но решил об этом не рассказывать. — Когда я пришел в себя... — Он умолк и собрался. Еще не хватало разрыдаться перед этой красоткой с обалденными карими глазами и черными кудрями. — Когда я очухался, меня стали лупить по лицу.

Калиша резко выпрямилась.

— Да ладно?!

Люк кивнул.

— А потом один врач... Эванс, знаешь его?

— Ага, усатый такой. — Она поморщилась и сделала еще глоток из бутылочки.

— Да, точно. В общем, он мне стал показывать карточки, а я должен был отгадать, что нарисовано с обратной стороны. Карты явно зенеровские, помнишь, ты про них как-то говорила?

— Ну да. Мне их раз сто уже показывали. Не после точек, а так, отдельно. После точек меня сразу уводили в комнату. — Она хлебнула еще. — Может, они перепутали? Думали, ты ТЛП, а не ТЛК?

— Я тоже так сначала решил — и даже сказал им, — а они все равно меня били. Типа, я притворяюсь.

— Вот бред! — Вместо «бред» у нее получилось «брд».

— По-моему, так вышло, потому что я не положительный, а обыкновенный, рядовой ТЛК. Обыкновенных детей называют «розовыми».

— Да, точно. Розовые.

— А что у остальных? С кем-нибудь такое случилось?

— Я как-то не спрашивала. Точно не хочешь глотнуть?

Люк взял бутылочку и сделал глоток — чтобы Калише досталось поменьше. Ей уже явно было достаточно. Напиток и впрямь оказался гадким. Люк вернул бутылочку.

— Не хочешь спросить, в честь чего я пью?

— В честь чего?

— Я пью за Айрис. Чту ее память. Она, как и ты, обыкновенная — немножко ТЛК. Час назад за ней пришли. И, как сказал бы Джордж, больше мы ее не увидим.

Калиша заплакала. Люк молча ее обнял, потому что не знал, что еще можно сделать, как помочь. Она положила голову ему на плечо.

17

Вечером Люк снова посетил сайт мистера Гриффина, вбил адрес газеты «Стар трибьюн» и целых три минуты тупо глядел на адресную строку. Но клавишу ввода так и не нажал. Трус, выругал он себя. Трус, вот ты кто! Надо

узнать, что случилось с родителями — умерли они или нет. Однако новость может окончательно его подкосить. Допустим, узнает он — а смысл?

Вместо этого Люк снова вбил в строку поиска «кредитный юрист Вермонт». Двадцать минут спустя он выключил ноутбук и стал думать, чем заняться. Может, пройтись и посмотреть, нет ли кого в коридорах? Вот бы встретить Калишу, хотя она, наверное, напилась и спит... В этот самый миг вернулись цветные точки. Они закружились перед глазами, а все остальное начало пропадать, отступать на второй план. *Удаляться*, словно отбывающий поезд, на который смотришь с перрона.

Люк положил голову на закрытый ноутбук, начал делать медленные вдохи и уговаривать себя: держись, держись, только держись. Сейчас все пройдет, обязательно пройдет! Главное, не думать, что будет, если не пройдет. Хорошо хоть глотать получается. Глотать — это хорошо... Мало-помалу странные ощущения — будто он отделился от собственного тела и улетел прочь, во вселенную танцующих огоньков — действительно исчезли. Все закончилось быстро, в считанные минуты, но казалось, что времени прошло гораздо больше.

Люк пошел в ванную и, глядя на себя в зеркало, принялся чистить зубы. Про точки они, может, и знают, *наверняка* знают, а вот про другое — вряд ли. Люк понятия не имел, что было нарисовано на первой карте. И на третьей тоже. А на второй был мальчик на велосипеде. На четвертой — собачка с мячиком в зубах. Черная собачка, красный мячик. Похоже, он все-таки был ТЛП.

Или *стал* им.

Люк прополоскал рот, выключил свет, разделся в темноте и лег на кровать. Цветные точки каким-то образом его изменили. Врачи понимали, что такое возможно. Откуда он это знает?!

Итак, он — подопытный кролик, и все здешние дети, видимо, тоже, однако над ТЛП и ТЛК без особых талантов — розовыми — ставят больше опытов. Почему? Они

представляют меньшую ценность? Ими можно пожертвовать? Не исключено. Врачи считают, что эксперимент с картами Зенера провалился. Хорошо. Они злодеи, а держать злодеев в неведении — хорошо, так ведь? В то же время Люк понимал, что цветные точки нужны не только для того, чтобы усиливать способности розовых, потому что иначе Калише и Джорджу их бы не показывали. Тогда для чего они?

Неизвестно. Известно только, что точек больше нет. И Айрис нет. Точки могут вернуться, а Айрис не вернется никогда. Ее перевели на Дальнюю половину, и больше они ее не увидят.

18

За завтраком в столовой собралось девять детей, но Айрис не было, поэтому никто не болтал и не смеялся. Даже Джордж Айлз не отпускал свои шуточки. Хелен Симмс завтракала сладкими сигаретами. Гарри Кросс навалил себе гору яичницы (а заодно картофеля фри и бекона) и уминал еду, не отрывая глаз от тарелки — сосредоточенно и деловито. Близняшки Грета и Герда Уилкоккс ничего не ели, пока к ним не подошла Глэдис. Сияя фальшивой улыбкой, она уговорила их съесть пару ложек. Девочки обрадовались ее вниманию и немного повеселели, даже хихикнули пару раз. Люк хотел отвести их в сторонку и сказать, что улыбке Глэдис доверять нельзя, но это бы их напугало — а смысл?

А смысл? — стало еще одной его мантрой, причем Люк и сам понимал, что так думать не следует — это еще один шаг навстречу принятию неприемлемого. Он не хотел мириться с происходящим, категорически не хотел, однако против логики не попрешь. Если большая Г. может как-то утешить маленьких Г. и Г., наверное, это к лучшему. И все же Люку плохо при мысли о том, что де-

вочек тоже ждет ректальный термометр и разноцветные огоньки...

— Что с тобой? — спросил Ник. — Ты как будто лимон надкусил.

— Ничего. Думаю об Айрис.

— Она в прошлом, парень. Забудь.

Люк удивленно покосился на него.

— Жестокий ты.

Никки пожал плечами.

— Не я жестокий, а правда. Хочешь, в КОЗЛА сыграем?

— Не-а.

— Да брось хандрить, пойдем. Я себе сразу первую букву запишу и даже прокачу тебя в конце на спине.

— Я пас.

— Слабо? — без малейшего вызова или обиды в голосе спросил Ник.

Люк помотал головой.

— Просто не хочу. Мы с папой всегда в эту игру играли.

Ну, приехали... Уже в прошедшем времени про отца говорит.

— Ладно, понял, понял, — ответил Никки и сделал такое лицо, что Люку стало совсем тошно. Особенно бесит, когда на тебя так смотрит Ник Уилхолм. — Слушай...

— Что?

Никки вздохнул.

— Если передумаешь, я на площадке.

Люк вышел из столовой и побрел по своему коридору — тому, что с постером «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ», — затем заглянул в следующий (мысленно он называл его Коридором с Машиной для Льда). Морин нигде не было, и Люк зашагал дальше, мимо других постеров и других дверей. Он насчитал по девять комнат с каждой стороны: все двери открыты нараспашку, кровати и стены голые. Сразу понятно, что это не детские комнаты, а тюремные камеры. Люк миновал лифт и вошел в соседнее крыло,

где обнаружил похожую картину: пустые коридоры и комнаты. Выводы напрашивались сами собой: когда-то в Институте было гораздо больше «гостей». Ну, или руководство изначально слишком оптимистично смотрело в будущее.

В конце концов Люк добрался до второй комнаты отдыха, где уборщик по имени Фред делал широкие и неторопливые взмахи полотером. Здесь тоже стояли торговые автоматы — пустые и отключенные. Площадки за окном Люк не увидел, только посыпанный гравием двор, такой же забор из рабицы и пару скамеек (видимо, для сотрудников, желающих в перерывах подышать свежим воздухом). Футах в семидесяти стояло невысокое зеленое административное здание — логово миссис Сигсби, сообщившей Люку, что он приехал сюда служить родине.

— Ты что тут делаешь? — спросил Фред.

— Ничего, прогуливаюсь. Ищу, на что поглазеть.

— Не на что тут глазеть. Иди, поиграй с другими детьми.

— А если я не хочу? — жалобно, без намека на дерзость спросил Люк. Лучше бы вообще молчал.

На поясе у Фреда с одной стороны висела рация, с другой — шокер. На него-то он и положил руку.

— А ну марш отсюда! Повторять не буду.

— Ладно, ладно. Хорошего дня, Фред.

— Да пошел ты!

Полотер загудел вновь. Люк поспешил прочь, дивясь тому, как лихо Институт разрушает все его сложившиеся представления о взрослом мире — например, что люди будут с тобой приветливы, если ты приветлив. Он изо всех сил старался не смотреть на пустые комнаты: они наводили жуть. Сколько детей здесь уже побывало? Какая участь ждала их на Дальней половине? И где они теперь? Дома?

— Ага, хрен тебе, — пробормотал он. Вот бы мама это услышала и поругала его. По папе Люк тоже скучал, но

тоска по матери была сродни физической боли — так ноет челюсть, когда вырвут зуб.

В Коридоре с Машиной для Льда возле комнаты Авери стояла дандаковская тележка Морин. Люк заглянул в комнату: экономка разглаживала покрывало на кровати.

— Все хорошо, Люк? — Она улыбнулась.

Дурацкий вопрос, конечно, но ведь Морин желала ему только добра. Откуда он это знал? Может, всему виной вчерашнее световое шоу. А может, и нет.

Морин сегодня выглядела еще бледнее, чем вчера, и морщины вокруг рта казались глубже. У нее явно проблемы со здоровьем, подумал Люк.

— Ага. А вы как?

— Неплохо.

Она лгала. Это была не догадка и не озарение, а не-рушимый факт.

— Вот только малыш — Авери — ночью описался. — Она вздохнула. — Не он первый, конечно, и не он последний. Слава богу, через чехол не прошло. Ну, пока, Люк. Хорошего тебе дня.

Морин смотрела прямо на него. С надеждой. Только надежда была не во взгляде экономки, а в мыслях. Врачи меня изменили, подумал Люк, не знаю, как и зачем. Добавилось что-то новое. Он был очень рад, что додумался соврать про карточки. И что ему все верят. По крайней мере, пока.

Напоследок Люк сказал:

— Пожалуй, возьму себе льда. Меня вчера так по щекам отлупили, что лицо до сих пор ноет.

— Бери, сынок, бери.

И опять от «сынка» у него потеплело на душе. Даже улыбнуться захотелось.

Люк заглянул к себе в комнату, взял ведро, выплеснул воду в раковину и понес его обратно к машине для льда. Морин уже стояла там, согнувшись в три погибели. Люк поспешил к ней, но она замахала руками:

— Все хорошо, я просто потягиваюсь. Разминаюсь.

Люк открыл дверцу машины для льда и взял совок. Передать Морин записку, как Калиша, он не мог: ни бумаги, ни карандаша (даже самого завалящего огрызка!) в его комнате не было. Может, оно и к лучшему. Записки тут — вещь опасная.

— Ли Финк, Берлингтон, — пробормотал Люк, набирая в ведро лед. — Рудольф Дэвис, Монтпилиер. У обоих по пять звезд на «Законоборце». Это такой рейтинг, основанный на отзывах реальных людей. Сможете запомнить имена?

— Ли Финк, Рудольф Дэвис. Спасибо тебе, Люк!

Он понимал, что на этом беседу лучше закончить, но любопытство не давало покоя. Вместо того чтобы уйти, Люк принялся колотить лед совком — никакой необходимости в этом не было, зато звук получался хороший. Громкий.

— Авери говорит, вы копите деньги для ребенка. Понимаю, это не мое дело...

— Малыш Диксон у нас мысли читает, да? Видит людей насквозь — даром что постель до сих пор мочит. Вот уж кому точно не налепили розовый кружок на папку.

— Ага. — Люк продолжал долбить лед.

— Что ж, он прав. У меня был сын — я его родила и сразу пристроила в другую семью, через церковь. Хотела себе оставить, да пастор и мама меня отговорили. А кобель, за которого я потом замуж вышла, детей не хотел, так что сынок у меня единственный. Неужто тебе это интересно, Люк?

— Да. — Ему действительно было интересно, только подолгу разговаривать с Морин не стоило. Может, *они* и не слышат, но точно все видят.

— Когда меня начала беспокоить спина, я вдруг поняла, что хочу все про него узнать. И узнала. Вообще-то это не по закону — сообщать матерям, где их дети, однако церковь хранит всю информацию по усыновлениям

до одна тысяча девятьсот пятидесятого года, и мне удалось раздобыть пароль от пасторского компьютера. Он этот листочек с паролем держит прямо под клавиатурой, представляешь? В общем, сынок мой живет недалеко, тоже в Вермонте, всего в двух городках от Берлингтона. Школу в этом году окончит. Хочет поступать в университет. Да-да, я это тоже разузнала, мой сын будет поступать в университет! Вот зачем я коплю деньги — а приходится долги этого кобеля раздавать.

Она вытерла глаза рукавом — быстро и почти украдкой.

Люк закрыл машину для льда и выпрямился.

— Берегите спину, Морин.

— Постараюсь, спасибо.

Вдруг это рак? Так она подумала. А вслух не сказала. Но Люк все равно слышал.

Когда он собрался уходить, она тронула его плечо и заговорила ему в ухо. У нее дурно пахло изо рта — тяжелой болезнью.

— Ему даже необязательно знать, откуда взялись деньги. Но они должны достаться ему, понимаешь? Люк, послушай моего совета, делай все, что тебе говорят. *Все*. Не сопротивляйся. — Она помедлила. — А если захочешь с кем-нибудь поговорить... говори здесь.

— Я думал, есть еще несколько...

— Нет, только здесь, — повторила Морин, развернулась и покатила свою тележку обратно по коридору.

19

Люк вернулся на площадку и с удивлением обнаружил, что Ник режется в КОЗЛА с Гарри Кроссом. Мальчишки смеялись и так бойко осыпали друг друга бранью, словно дружили с первого класса. Хелен с Авери играли в морской бой за столиком. Люк присел рядом и спросил, кто выигрывает.

— Трудно сказать, — ответила Хелен. — В прошлый раз Авери меня разделал, а сейчас мы с ним идем вровень. Атмосфера накаляется.

— Она думает, что это тоска смертная, но все равно со мной играет. Потому что добрая, — сказал Авери. — Да, Хелен?

— Да, Крескин* ты недоделанный, да. Потом мы с тобой будем резаться в слэпджек**, и поверь — шлепаю я о-очень сильно.

Люк огляделся по сторонам и вдруг почувствовал укол тревоги. Перед глазами расцвели призрачные огоньки — и почти сразу исчезли.

— Где Калиша? Ее ведь не...

— Нет, нет, никуда ее не забрали. В душе она.

— Люку она нравится, — объявил Авери. — *Очень.*

— Авери?

— Что, Хелен?

— Не про все надо говорить вслух.

— Почему?

— По кочану! — Она вдруг отвернулась и взъерошила свои разноцветные волосы — возможно, чтобы отвлечь внимание от дрожащих губ. Если так, ей это не удалось.

— А в чем дело-то? — спросил Люк.

— Лучше спроси маленького Крескина. Он у нас все видит и все знает.

— Ей термометр в попу засунули, — сказал Авери.

— А...

— И это было ужасно, — сказала Хелен. — Такой позор...

* Джордж Крескин — американский шоумен и писатель, ведущий популярной в 1970-х гг. телепередачи «Удивительный мир Крескина». Практиковал гипноз, внушение, чтение мыслей и т.д., писал об этом книги, подчеркивая, что никаких сверхъестественных способностей у него нет.

** Карточная игра, в которой игроки по очереди выкладывают в центр стола карты из колоды. Когда выпадает валет, нужно, опередив соперника, шлепнуть по нему рукой.

— Унизительно, — кивнул Люк.

— При этом божественно и восхитительно, — хихикнула она, и оба захохотали. У Хелен слезы стояли в глазах, но она все смеялась и смеялась. Здорово, что она по-прежнему была на это способна.

— Не понял, — смутился Авери, — как это может быть восхитительно?

— А ты попробуй оближи градусник, когда его достанут, — узнаешь! — ответил Люк, и они с Хелен дружно взвыли.

Она грохнула ладонью по столу, так что все карты разлетелись в стороны.

— Ох, я аж описалась от смеха, не смотрите! Фу-у! — И Хелен бросилась бежать, едва не сбив с ног Джорджа, который выходил на улицу с шоколадкой в зубах.

— Чего это она? — спросил Джордж.

— Описалась, — непринужденно ответил Авери. — Я ночью тоже описался, так что могу понять.

— Спасибо, что поделился, — с улыбкой сказал Люк. — Иди, поиграй в КОЗЛА с Никки и новеньким.

— Спятил? Они вон какие здоровые, к тому же Гарри меня уже один раз толкнул.

— Тогда попрыгай на батуте.

— Надоело.

— А ты все равно попрыгай. Мне надо кое-что обсудить с Джорджем.

— Огоньки, да? А что за огоньки, кстати?

Черт, подумал Люк, это уже совсем жуть.

— Иди попрыгай, говорю. Покажи, как умеешь кувыркаться.

— Только шею не сломай, — напутствовал Джордж. — Если вдруг сломаешь, я спою «Ты так прекрасна»* на твоих похоронах.

Авери пару секунд пристально смотрел на Джорджа и наконец сказал:

* Джордж имеет в виду известную песню Джо Кокера «You Are So Beautiful».

— Ты ведь терпеть не можешь эту песню!

— Ага. Точно. Это называется сарказм. Или ирония — вечно их путаю. Все, мотай отсюда, тебе говорят. Отчаливай!

Они проводили Авери взглядом.

— Парню десять лет, а выглядит и ведет себя как шестилетка. Ну, если не считать телепатии, — сказал Джордж. — Бред, да?

— Ага. А тебе сколько?

— Тринадцать, — мрачно ответил Джордж. — А кажется, что все сто. Слушай, Люк, нам тут говорят, что с нашими родителями все нормально. Мол, они живы-здоровы. Думаешь, это правда?

Вопрос был щекотливый.

— Вообще... вряд ли.

— Угу. А хотел бы узнать наверняка?

— Не знаю.

— Я бы точно не хотел, — покачал головой Джордж. — Мне и так хреново. А если еще про родаков скажут, что они... ну, ты понял... меня это добьет. Хотя я все время об этом думаю. Все время.

Люка подмывало сказать: я могу узнать про твоих родителей. И про своих тоже. Он уже хотел прошептать это на ухо Джорджу, но в последний момент передумал. Ему и так хреново.

— Слушай, а тебе огоньки цветные показывали?

— Конечно. Их всем показывают. И градусник в жопу всем суют. А еще делают ЭЭГ, ЭКГ, МРТ, ХЗТ, анализы всякие, молоточком по коленям стучат — в общем, тут не соскучишься, Люкки.

Люк хотел спросить Джорджа, видел ли тот огоньки, когда проектор уже выключили. Но не спросил.

— А припадок у тебя был? У меня был.

— Не-а. Меня посадили за стол, и какой-то мерзкий усач стал мне карточные фокусы показывать.

— В смысле — спрашивал, что нарисовано на картах?

— Ну да, ну да. Я решил, это карточки Райна, само собой. Мне такие показывали пару лет назад, до того, как я загремел в этот чудесный адок. Родители узнали, что я умею двигать предметы взглядом... А когда поняли, что я их не разыгрываю и не пугаю, решили меня обследовать в Принстоне. Там есть такая программа... Лаборатория аномальных явлений или как-то так. Ну, раньше была. Потом ее вроде прикрыли.

— Аномальных явлений?! Ты серьезно?

— Ну да. Звучит солидно, научно так. Лаборатория была частью принстонского инженерного факультета, представляешь? В общем, тамошние практиканты показывали мне карточки Райна. Естественно, я ничего не отгадал. И ни одного предмета с места не сдвинул. Иногда такое случается. — Джордж пожал плечами. — Они, небось, решили, что я притворяюсь — ну и фиг с ними. Если повезет, я могу силой мысли разбросать по полу кубики, а толку-то? Девчонки на такое не ведутся.

М-да. Скинутыми со стола алюминиевыми подносами их тоже не удивишь, подумал Люк.

— Тебя хлестали по щекам?

— Один раз залепили пощечину. Ужас. Неудачно пошутил. Присцилла мне сразу и всыпала.

— Угу, я с ней уже познакомился. Сука еще та.

Это словцо мама не любила еще больше, чем «хрен». Люк снова отчаянно заскучал по матери.

— Короче, ты не видел, что на карточках нарисовано? Джордж странно на него посмотрел:

— Я же ТЛК, а не ТЛП. Как и ты. Что я мог там увидеть?

— Ну да, ну да.

— Мне раньше уже показывали карточки Райна, в Принстоне... Я и стал гадать: крест, звезда, волнистые линии. А Присцилла велела не врать. Тогда на следующей карточке я «увидел» ее голые сиськи. Тогда-то она мне

и залепила. И меня сразу отвели в комнату. По правде говоря, они без энтузиазма меня расспрашивали. Для галочки, типа.

— Может, они ничего особенного и не ждали? — предположил Люк. — Может, ты был вроде контрольного испытуемого?

Джордж засмеялся.

— Чувак, я здесь ничего не контролирую, ты о чем?!

— Ни о чем. Забей. А потом они возвращались? Огоньки эти? Цветные точки.

— Нет. — Джордж посерьезнел. — А к тебе возвращаются?

— Нет. — Люк порадовался, что Авери далеко. Главное, чтобы он не умел читать мысли на расстоянии. — У меня было что-то типа припадка... так мне показалось... и я почему-то боялся, что точки вернутся.

— Не понимаю я это место. — Джордж совсем помрачнел. — Вроде бы правительственное учреждение... Короче, у моей мамы была такая книжка. Называлась «Парапсихология. Реальные истории и мифы». Я ее тоже прочитал. В одной главе рассказывалось про правительственные исследования наших способностей, которые ЦРУ проводило в пятидесятых. Они изучали телепатию, телекинез, предвидение, даже левитацию и телепортацию. Для опытов использовали ЛСД. Какие-то результаты они получили, но... В общем, ничего особенного. — Тут он наклонился и заглянул Люку прямо в глаза — своими голубыми в его зеленые. — Это ж про нас, чувак. «Ничего особенного». Это мы! Думаешь, мы поможем нашей стране добиться мирового господства, двигая взглядом коробки из-под крекеров — причем пустые — или листая страницы книг?

— А что, пусть зашлют Авери в Россию, — сказал Люк. — Он им расскажет, что Путин ел на завтрак и какие труселя он носит — плавки или семейные.

Джордж наконец улыбнулся.

— Насчет родителей... — начал было Люк, но тут на площадку прибежала Калиша и стала спрашивать, кто хочет поиграть в вышибалы.

Захотели все.

20

В тот день на долю Люка никаких опытов не выпало, если не считать испытания на прочность кишок — его он снова с треском провалил. Дважды он возвращался к компьютеру и заходил на сайт «Стар трибьюн», но всякий раз давал задний ход, хотя на второй успел краем глаза заметить новостной заголовок — про какого-то психа, который из религиозных соображений задавил на машине кучу людей. Конечно, это было ужасно, однако Люк порадовался, что мир за пределами Института никуда не делся, там по-прежнему что-то происходит. В его комнате тоже кое-что поменялось: компьютер теперь приветствовал Люка, а не Донну.

Он сознавал, что рано или поздно ему придется поискать информацию про своих родителей. Теперь-то ему открылся смысл старой пословицы: нет вестей — добрая весть.

На следующий день Люка снова повели на уровень С, где лаборант по имени Карлос взял у него три ампулы крови, сделал укол (никакой реакции), а потом велел сходить в туалет и помочиться в баночку, после чего он и еще одна угрюмая смотрительница по имени Вайнона проводили Люка на уровень D. Про Вайнону все говорили, что она злющая, и Люк даже не стал заводить с ней разговор. Он очутился в просторной комнате с огромным — и наверняка супердорогим — аппаратом МРТ посередине.

Вроде бы правительственное учреждение, сказал Джордж. Интересно, как добропорядочные налогопла-

тельщики отнеслись бы к такому расходованию бюджетных средств? В стране, граждане которой начинали вопить про Большого Брата даже по таким пустякам, как необходимость носить мотоциклетный шлем или получать лицензию на ношение оружия, ответ мог быть только один: плохо.

Возле аппарата их поджидал какой-то незнакомый лаборант, но прежде, чем они с Карлосом запихнули Люка в трубу, в кабинет заскочил доктор Эванс, пощупал ему руку в месте укола, сказал: «Чин чинарем» (что бы это ни значило) — и спросил, не терял ли он сознания и не было ли у него новых припадков.

— Нет.

— А огоньки? Не возвращались? Быть может, на фоне физической нагрузки, за компьютером или во время туалета в туалете? Это когда...

— Я понял. Нет.

— Не ври мне, Люк.

— Я не вру.

Интересно, МРТ может засечь какие-то изменения в его мозгу? *Доказать*, что он врет?

— Ладно, хорошо. — Неправда, ты разочарован, подумал Люк. А я и рад.

Эванс чиркнул что-то в блокноте.

— Ну, за дело, леди и джентльмены, за дело!

С этими словами он выскочил из кабинета, словно белый кролик, опаздывающий на очень важную встречу.

Оператор МРТ (с бейджиком «ДЕЙВ» на груди) спросил Люка, не страдает ли тот клаустрофобией.

— Полагаю, ты знаешь, что это такое.

— Не страдаю, — ответил Люк. — Моя единственная фобия — очутиться взаперти.

Дейв производил впечатление серьезного человека: средний рост, очки, обширная лысина. Ни дать ни взять — бухгалтер. Впрочем, Адольф Эйхман тоже был похож на бухгалтера.

— Просто... если у тебя клаустрофобия... я могу дать тебе валиум. Это разрешается.

— Нет, спасибо.

— Я бы на твоём месте принял, — сказал Карлос. — Лежать придется долго, а с валиумом всяко поприятней. Может, даже поспишь... Только имей в виду, что будет шумно. Грохот и стук.

Люк это знал. МРТ ему никогда не делали, зато он видел немало телесериалов про врачей.

— Я пас.

После обеда (еду принесла Глэдис) он все же принял таблетку валиума — отчасти от любопытства, но главным образом — от скуки. Его уже три раза засовывали в аппарат, и впереди было еще три захода. Люк даже не стал спрашивать, что они ищут или надеются найти. Все равно ответ будет только один: *Не твоё собачье дело*. Может, они и сами толком не знают.

Валиум погрузил Люка в легкую и приятную эйфорию, а во время последнего захода он даже немного вздремнул — несмотря на грохот работающего аппарата МРТ. Когда пришла Вайнона, действие валиума прекратилось, и Люк чувствовал только странное отупение.

Она сунула руку в карман и достала пригоршню жетонов. Когда Люк их забирал, один упал и покатился по полу.

— Поднимай, растяпа.

Люк подобрал жетончик.

— У тебя был тяжелый день, — сказала она. И даже улыбнулась. — Можешь сходить к автоматам и что-нибудь выпить. Расслабиться. Рекомендую «Харвис Бристоль крим».

У Вайноны вполне мог быть ребенок возраста Люка. А то и два. Интересно, им она тоже дает такие рекомендации? Ох, у тебя был тяжелый день, много уроков — глотни винца, а уж потом сядешь за домашку... Люк даже хотел так сказать — ну, подумаешь, пощечину залепит, вот только...

— ...какой смысл?

— Хм? — Вайнона нахмурилась. — Ты про что?

— Про все, — ответил Люк. — Про все на свете, Винни.

Пить не хотелось — ни «Харвис Бристоль крим», ни «Твистед ти», ни «Стамп Джамп Гренаш» (Джон Китс, наверное, что-то такое имел в виду, когда писал про «имя нежное, как бледный месяц на исходе ночи»).

— Советую тебе не умничать, Люк.

— Буду стараться.

Он сунул жетоны себе в карман — целых девять штук. Три он отдаст Авери и по три — каждой из близняшек Уилкокс. На конфеты им хватит, а вот на всякую дрянь уже нет. Самому Люку хотелось только нормальной еды — белков и углеводов, да побольше. Плевать, чем сегодня кормят в столовой, лишь бы добавки дали.

21

На следующее утро Джо и Хадад снова отвели его на уровень С и напоили взвесью сульфата бария. Тони стоял рядом с шокером наготове — вдруг Люк заартачится. Когда он выпил все до капли, его отвели в кабинку размером с придорожный туалет и просветили рентгеном. Эта часть процедуры прошла нормально, однако на выходе из кабинки Люку резко скрутило живот.

— Не смей блевать на пол, — предостерег Тони. — Если тошнит, вон там в углу есть раковина.

Поздно. Непереваренный завтрак Люка вылетел наружу вместе с бариевым пюре.

— Вот дерьмо, — выругался Тони. — Пол мыть сам будешь. И чтоб до блеска, понял?

— Я могу убрать, — предложил Хадад.

— Хрен тебе. — Тони не посмотрел на него и даже голоса не повысил, но Хадад все равно вздрогнул. — Можешь принести ведро и швабру. Остальное сделает Люк.

Хадад принес все необходимое для уборки. Люк умудрился наполнить ведро из крана в углу, однако его по-прежнему мутило, а руки дрожали: он при всем желании не смог бы опустить ведро на пол, не расплескав мыльную воду. Джо пришел ему на помощь, шепнув на ухо: «Держись, парень!»

— Дай ему швабру, — распорядился Тони, и Люк понял — опять новое чутье подсказало, — что тот получает удовольствие от происходящего.

Люк помыл пол. Тони работу не принял — велел все переделать. Живот у Люка больше не крутило, и на сей раз он сумел самостоятельно поднять и опустить ведро. Хадад и Джо сидели неподалеку и оживленно обсуждали шансы «Янкиз» и «Сан-Диего падрес» — своих любимых команд, видимо, — на победу в предстоящем турнире.

По дороге к лифту Хадад похлопал его по спине и сказал:

— Ты молодец, Люк. У тебя жетончики есть, Джо? Я сегодня на мели.

Джо дал Люку четыре жетона.

— Зачем меня обследуют? — спросил Люк.

— Да много зачем, — ответил Хадад. — Ты, главное, не переживай.

Такого тупого совета Люк, пожалуй, еще не получал.

— А домой меня когда-нибудь отпустят?

— Конечно. И память сотрут — все-все забудешь.

Он врал. Люк не назвал бы свою новую способность чтением мыслей. Раньше ему казалось, что слова должны раздаваться у него в голове или отпечатываться перед глазами (вроде как субтитры на бегущей строке под вечерним прогнозом погоды). Однако сейчас он просто *знал*, что Хадад ему врет. Это был простой и непреложный факт, как квадратный корень из двух.

— И много еще обследований будет?

— Ну да, с нами не соскучишься, — ответил Джо.

— Главное, не блей на пол, по которому ходит Тони Фиццале, — сказал Хадад и жизнерадостно загоготал.

22

Вернувшись к себе, Люк обнаружил в комнате новую экономку лет двадцати, пышного телосложения и с именем «ДЖОЛИН» на бейджике. Она пылесосила пол.

— А где Морин? — спросил Люк, хотя прекрасно знал, что у Морин неделя отпуска. Потом она выйдет на работу, но сюда, в эту часть Института, вернется не сразу. Хорошо, если сейчас она в Вермонте, разгребает дерьмо, которое осталось от сбежавшего мужа... Вот бы поскорей вернулась! Ну ничего, они наверняка встретятся на Дальней половине, когда его туда переведут.

— Мо-Мо уехала сниматься в пиратской киношке с Джонни Деппом, — ответила Джолин. — Ты же любишь пиратов? Она играет Веселого Роджера. — Джолин засмеялась и спросила: — Почему бы тебе не погулять, пока я тут прибираюсь?

— Потому что я хочу лечь. Мне нехорошо.

— Ой-ой-ой, бедненький, — передразнила его Джолин. — Какие избалованные дети! За вас тут все делают, комнаты убирают, кормят, у каждого в комнате свой телик... Думаешь, у меня в детской был собственный телевизор? Или собственная ванная? Нет, я росла с тремя сестрами и братом, и за ванную приходилось драться.

— Ага, а еще нас пичкают барием, и мы потом блюем. Хотите попробовать?

С каждым днем я все больше похож на Никки, подумал Люк. Ну и что? Разве это плохо? Приятно все-таки иметь правильный пример для подражания.

Джолин погрозила ему щеткой пылесоса.

— А получить этим по голове не хочешь?

Люк медленно побрел по коридорам общежития. Раз два или три прислонялся к стене, когда схватывало живот — хорошо хоть приступы стали реже и слабее. Не успев дойти до пустой комнаты отдыха с видом на административное здание, Люк завернул в первую попавшуюся свободную комнату, лег на голый матрас и заснул.

Проснулся — впервые — без малейшей надежды увидеть за окном дом Рольфа Дестина.

По мнению Люка, это был шаг в неправильном направлении.

23

На следующее утро сразу после укола Люка подключили к мониторам артериального давления и работы сердца и поставили на беговую дорожку. Карлос и Дейв увеличивали скорость до тех пор, пока он не начал задыхаться и едва не рухнул на пол. Все показания отражались на маленьком экране, и за секунду до того, как Карлос сбавил темп, Люк увидел свою ЧСС: 170 ударов в минуту.

Пока он пил апельсиновый сок и восстанавливал дыхание, в кабинет вошел какой-то лысый верзила и, скрестив руки на груди, прислонился спиной к стене. Он был в коричневом костюме — явно дорогом — и белой рубашке без галстука. Внимательно осмотрев Люка с ног до головы (от потного красного лица до новых кед), незнакомец сказал:

— Мне доложили, что ты демонстрируешь признаки медленной адаптации, молодой человек. Вероятно, к этому имеет какое-то отношение Ник Уилхолм. Он не самая лучшая модель для подражания, поверь мне. Ты ведь понимаешь, что это значит? Модель для подражания?

— Да.

— Он заносчив и груб с людьми, которые делают свое дело.

Люк промолчал. Молчание в таких случаях — самый безопасный ответ.

— Не пытайся на него равняться, мой тебе совет. *Настоятельный* совет. И сведи любые взаимодействия с персоналом к минимуму.

Люк было встревожился, но быстро и с удивительной ясностью понял, что речь не про Морин, а про уборщи-

ка Фреда. Странно, ведь с Морин он общался почти каждый день, а с Фредом — только раз.

— И еще: держись подальше от Западного крыла и пустых комнат. Если хочешь спать — спи в своей комнате. Зачем усложнять себе жизнь? Наоборот, постарайся видеть во всем хорошее.

— Чего тут может быть хорошего? — спросил Люк.

— Ты вправе иметь свое мнение, — сказал лысый. — Мнение, как тебе наверняка известно, может иметь даже идиот — но кому интересно мнение идиота? Ты ведь умный парень и должен понимать: «ничего хорошего» и «чуть-чуть плохого» — разные вещи. Учти это.

Он ушел.

— Кто это? — спросил Люк.

— Стэкхаус, — ответил Карлос. — Начальник службы безопасности. Не советую портить ему настроение.

Подошел Дейв со шприцем.

— Надо взять еще немного крови. Я быстро, обещаю. Будь умницей, хорошо?

24

После беговой дорожки и анализа крови от Люка на пару дней отстали. Да, ему делали уколы — от одного рука битый час жутко зудела, — но на этом все. Близняшки Уилкокс начали обживать, особенно когда с ними подружился Гарри Кросс. Он был ТЛК и хвастал, будто умеет двигать тяжелые предметы, однако Авери сказал, что это блехня.

— Способности у него даже слабее твоих, Люк.

Люк закатил глаза.

— Зачем проявлять такую дипломатичность, Авери, ты же перетрудишься!

— Что такое «дипломатичность»?

— Потратить жетон на компьютер и погугли.

— Извини, Дейв. Боюсь, я не могу этого сделать, — поразительно точно изобразил Авери зловещий голос ЭАЛа и захихикал.

Гарри и в самом деле замечательно поладил с Гретой и Гердой. При виде девчонок он расплывался в широ-
ченной глупой улыбке, садился на корточки и распахивал
объятия, а они с удовольствием в них прыгали.

— Он же их не лапает, а? — спросил Никки однажды
утром, увидев, как Гарри следит за прыгающими на ба-
туте близняшками.

— Как тебе не стыдно! — воскликнула Хелен. — Ка-
жется, кто-то пересмотрел «Лайфтайм».

— Не-а. — Авери жевал «чоко-поп», и у него были
шоколадные усы. — Он не хочет их... — Он поставил свои
крошечные ручонки на поясицу и дернул бедрами впе-
ред. Люк подумал, что это наглядный пример того, как
вредна телепатия для неокрепшей детской психики. Ин-
формации слишком много — и она поступает слишком
рано.

— Ф-фу... — Хелен прикрыла глаза ладонью. — Зачем
ты мне это показал?! Лучше бы я ослепла.

— У него дома были кокер-спаниели, — добавил Аве-
ри. — И эти девочки их ему... ну, напоминают...

— Подменяют, — подсказал Люк.

— Ага, точно.

— Не знаю, как Гарри управлялся с собачками, — за
обедом сказал Никки Люку, — а эти девчата его совсем
заездили. Он для них вроде новой куклы, только с рыжей
шевелюрой и пюзом. Ты глянь!

Девочки сидели по обе стороны от Гарри и по очере-
ди скармливали ему мясо со своих тарелок.

— А по-моему, прелесть, — сказала Калиша.

Никки улыбнулся — той самой улыбкой, от которой
начинало светиться его лицо (и заодно — свеженький
фингал под глазом).

— Еще бы, Ша.

Она тоже улыбнулась в ответ, и Люка кольнула ревность. Глупо, конечно, учитывая обстоятельства... Но что поделать.

25

На следующий день Присцилла и Хадад повели Люка на уровень Е (прежде он там не бывал). Ему поставили капельницу — «успокаивающую», по словам Присциллы, а по факту оказалось, что это наркоз. Когда он пришел в себя, продрогший и голый, его живот, правая нога и правый бок были замотаны бинтами. Над ним склонялась врач с фамилией «РИЧАРДСОН» на бейджике.

— Как ты себя чувствуешь, Люк?

— Что вы со мной сделали?! — хотел заорать он, но смог лишь сдавленно зарычать. В горле тоже было какое-то инородное тело — трубка или вроде того. Он запоздало прикрыл пах руками.

— Просто взяли у тебя несколько анализов. — Доктор Ричардсон стянула хирургическую шапочку в «огурцах», и по ее плечам рассыпались густые черные кудри. — Мы не вырезали почку с целью продать ее на черном рынке, если ты об этом. Какое-то время у тебя будут небольшие боли, особенно между ребрами, но скоро все пройдет. А пока принимай вот это.

Она дала ему коричневый пузырек без этикетки, в котором лежало несколько таблеток, и сразу ушла. Вошел Зик.

— Оденешься, когда голова перестанет кружиться.

Он бросил одежду на пол. Какой заботливый, надо же!..

В конце концов Люк пришел в себя, подобрал с пола вещи и оделся. Присцилла и Глэдис отвели его обратно в общежитие. Когда его уводили на уровень Е, было светло, теперь же за окнами стояла темнота. Поздняя ночь? А хрен знает — Люк напрочь утратил чувство времени.

— Сможешь сам дойти до комнаты? — спросила Глэдис без привычной улыбочки — может, та не работала в ночную смену.

— Да.

— Тогда иди. Выпей одну таблетку оксиконтин. Он облегчит боль. И доставит удовольствие — в качестве бонуса. Утром все как рукой снимет.

Люк сделал несколько шагов по коридору, схватился за дверную ручку и замер. Со стороны дебильного постера «ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ В РАЮ» доносился плач. Калиша? Люк помедлил. Ему не хотелось знать, почему она плачет, да и утешать кого-либо он был не готов. Но это была Калиша. Он подошел к двери и тихонько постучал. Ответа не последовало, поэтому он повернул ручку и осторожно заглянул в комнату.

— Калиша?

Она лежала на кровати, прикрыв глаза ладонью.

— Уходи, Люк. Не хочу, чтобы ты меня видел в таком состоянии.

Он почти ушел, но быстро понял, что Калиша врет: ей хотелось, чтобы он остался.

Люк присел на кровать.

— Что стряслось?

Впрочем, ответ он тоже знал. Хотя и без подробностей.

26

Все гуляли на площадке — кроме Люка, которого забрали на уровень Е и усыпили, чтобы доктор Ричардсон могла спокойно выгрызть у него пару образцов для анализов, — когда из комнаты отдыха на улицу вышло два человека в красной форме (а не в розовой или голубой, как у смотрителей и лаборантов Ближней половины), без бейджиков на груди. Трое «старожилов» — Калиша, Ники и Джордж — сразу поняли, что сейчас будет.

— Я была совершенно уверена, что пришли за мной, — сказала Калиша Люку. — Я ведь тут дольше всех, и надо мной уже дней десять не ставят никаких опытов, хотя я давно поправилась. Даже анализы не брали! А ты знаешь, как эти упыри любят брать кровь!.. Но пришли они за Никки. За *Никки*!

Люку стало грустно от того, как дрогнул голос Калиши на этих словах, но он совсем не удивился. Стоило Нику появиться в зоне видимости, Хелен моментально поворачивалась в его сторону — точно стрелка компаса на север; Айрис тоже; даже Г. и Г. смотрели на него с обожанием. Калиша и Никки здесь дольше всех, они одного возраста... Чему тут удивляться?

— Он сопротивлялся, — сказала Калиша. — *Еще как!* — Она резко села (Люк едва не слетел с кровати), стиснула кулаки на груди и оскалилась. — Я тоже должна была дать им отпор! Мы *все* должны были!

— Ты растерялась, да?

— Никки вмазал одному прямо в кадык, а второй ткнул в него шокером. Видимо, у Ника отнялась одна нога... Он успел зацепиться за веревку на веревочном треке и другой ногой как следует пнул этого второго, пока тот снова не успел взяться за шокер.

— Вышиб шокер у него из рук? — Люк прямо видел, как все происходило, но зря он сказал это вслух. Калише не стоило знать про его новые способности. Впрочем, она как будто ничего не заметила.

— Да. И тогда первый, которому досталось в кадык, ткнул Ника шокером в живот. Видно, мощность была выставлена максимальная, потому что треск услышала даже я — а я стояла далеко, возле стола для шаффлборда. Никки упал, его схватили, снова вкатили ему разряд — он прямо *подскочил*, представляешь, хотя уже лежал на земле без сознания... Тогда Хелен кинулась к ним и стала кричать: «Вы же его убьете, вы его убьете!» Один из них пнул ее по ноге — прямо «кия» сделал, Брюс Ли недоде-

ланный — и заржал. Хелен упала, а они взяли Никки и ушли. В дверях...

Она умолкла. Люк ждал. Вообще-то он знал, что произошло дальше — опять сработало его новое «чутье», — но Калише нельзя об этом догадываться, и никому нельзя.

— Он успел немного очухаться... — Слезы катились по ее щекам. — Он нас увидел... улыбнулся и помахал. *Помахал*, представляешь? Вот какой он был храбрый.

— Угу, — кивнул Люк, обратив внимание на прошедшее время. И больше мы его не увидим, подумал он.

Внезапно Калиша схватила его за грудки и так резко притянула к себе, что они стукнулись лбами.

— Не смей так говорить!

— Прости... — Интересно, что еще она разглядела в его мыслях? Хорошо бы ничего. Пусть лучше думает о головорезах в красной форме, забравших Никки на Дальнюю половину.

К счастью, Калиша сменила тему:

— У тебя опять брали анализы? Образцы тканей? Смотрю, ты весь в бинтах.

— Да.

— Черноволосая гадина? Ричардсон. Сколько?

— Вроде три. Один из ноги, один из живота, один — между ребрами. Ребра болят сильнее всего.

Калиша кивнула.

— У меня один прямо из сиськи взяли, типа биопсии. Болело потом — ужас! Интересно, что они у нас берут? Или наоборот — что вживляют? Говорят, анализы... Только тут везде сплошное вранье!

— Хочешь сказать, это трекеры? Зачем — уже ведь есть один? — Люк потрогал мочку уха с вживленным чипом. Она больше не болела, чип стал частью его организма.

— Понятия не имею, — мрачно ответила Калиша.

Люк достал из кармана пузырек с таблетками.

— Мне вон чего дали. Если хочешь, возьми одну — может, полегчает. Заснешь.

— Окси?

Люк кивнул.

Она потянулась было к пузырьку, потом опустила руку.

— Засада в том, что я хочу не одну и не две — я бы лучше все сразу выпила. Только мне кажется, что правильнее проживать свои чувства, а не прятаться от них. Согласен?

— Не знаю, — ответил Люк. И не соврал. В этих дебрях сам черт ногу сломит, не то что двенадцатилетка (пусть и гений).

— Ну все, уходи, Люк. Хочу погрузиться в одиночестве.

— О'кей.

— Завтра мне станет лучше. А если меня заберут...

— Нет! Не заберут! — Люк сразу осекся. Дебилоид. Ясно же, что Калише пора на Дальнюю половину. Давно пора.

— Если все-таки заберут, подружись с Авери. Ему нужен друг. — Она пристально поглядела ему в глаза. — И тебе тоже.

— Хорошо.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты прелесть. Иди сюда.

Люк наклонился поближе, и Калиша поцеловала его сперва в щеку, а потом — в уголок рта. У нее были соленые губы.

Когда Люк уже открыл дверь и собрался уходить, она сказала:

— Лучше бы забрали меня. Или Джорджа. Только не Никки. Он ведь так и не смирился. Отказывался мириться. — Она подняла голову и прокричала: — *Вы здесь? Подслушиваете? Надеюсь, что да, потому что я вас ненавижу, так и знайте! НЕНАВИЖУ!*

Калиша упала на кровать и зарыдала. Люк хотел вернуться, успокоить ее, но у него не было сил. Очень болели места, по которым прошла черноволосая доктор Ричардсон. Не важно, что она сделала — взяла образцы тканей или, наоборот, что-то ввела в его тело (вряд ли

трекеры, скорее какие-то экспериментальные вещества или вакцины), — все равно Люк ничего не понимал в этих опытах и уколах. Снова пришла мысль о концлагерях, где над людьми ставили бессмысленные, жуткие эксперименты... Их морозили, жгли, заражали всякими болезнями.

Люк вернулся в комнату, хотел принять пару таблеток оксиконтин, однако передумал.

Хотел заглянуть к мистеру Гриффину и на «Стар трибюн» и тоже передумал.

Вместо этого он принялся вспоминать Никки — сердцеда и любимца всех девчонок, который сперва поставил Гарри Кросса на место, а потом с ним подружился (вот где настоящая смелость!). Никки, который сопротивлялся до последнего и навалил сотрудникам Дальней половины, когда те за ним пришли. Никки, который никогда не сдавался.

27

На следующий день Джо и Хадад отвели Люка и Джорджа Айлза в кабинет C-11 и на какое-то время оставили там одних. Когда зрители вернулись — вооруженные стаканчиками кофе, — с ними был Зик, с похмелья и с красными глазами. Он надел Люку и Джорджу резиновые шапочки с электродами, туго затянул ремешки под подбородками и усадил мальчиков за автосимулятор. Вошел доктор Эванс, и Зик стал зачитывать ему какие-то цифры — возможно, имеющие отношение к скорости реакции испытуемых. Люк несколько раз проехал на «красный» и вообще устроил на дороге мясорубку, но в конце концов приноровился и даже начал получать удовольствие от происходящего — впервые за время пребывания в Институте.

Когда все закончилось, к доктору Эвансу присоединилась доктор Ричардсон. Сегодня она была в костюме

и туфлях на каблуках, словно собиралась на какую-то деловую встречу на высшем уровне.

— По шкале от одного до десяти, какой силы была твоя боль сегодня утром, Люк?

— Примерно на два. А вот желание свалить отсюда к чертовой матери — примерно на одиннадцать.

Она хохотнула, словно это была невинная шутка, попрощалась с доктором Эвансом (назвав его Джимом) и ушла.

— Ну, кто из нас выиграл? — спросил Джордж у доктора Эванса.

Тот снисходительно улыбнулся:

— Это не соревнование.

— И все же кто-то выиграл?

— Вы оба реагировали достаточно быстро, когда привыкли к симулятору. От ТЛК мы другого и не ждали. Сегодня больше никаких опытов, мальчики. Классно, правда? Хадад и Джо, проводите молодых людей наверх, пожалуйста.

По дороге к лифту Джордж сказал:

— По-моему, я задавил штук шесть пешеходов, пока не приновился. А ты сколько?

— Трех, зато врезался в школьный автобус. Там явно были пострадавшие.

— Ха, ну даешь! Я автобус за милю объехал.

Открылись двери лифта, и все четверо вошли внутрь.

— Вообще-то я семерых задавил. Последнего нарочно — представил, что это Зик.

Джо с Хададом со смехом переглянулись. Люк даже проникся к ним легкой симпатией.

Когда они вышли, а зрители снова погрузились в лифт (наверное, в комнату отдыха поехали), Люк сказал:

— После огоньков тебе показывали карточки. Это такой тест на телепатию.

— Да, я ж тебе рассказывал.

— А тесты на телекинез ты когда-нибудь проходил? Ну, просили тебя включить лампу силой мысли или сбить доминошки, в таком духе?

Джордж почесал затылок.

— Между прочим, нет. Если подумать, оно им зачем? Они ведь уже знают, на что я способен. В хорошие дни, по крайней мере. А тебя испытывали?

— Нет. Я понимаю твою логику, но все же странно, что они не пытаются проверить границы наших возможностей.

— Да тут все странно, Люкки-Пуки! Зачем нас вообще сюда загнали?.. Ладно, идем есть.

Почти все дети были в столовой и обедали, только Калиша с Авери остались на улице. Они сидели, прислонившись спиной к забору, и смотрели друг на друга. Хорошенькая чернокожая девочка и маленький белый мальчик молчали... и одновременно вели разговор. Люк сразу это понял, хотя и не разобрал, о чем они беседуют.

Вспомнились экзамены и рыжая девчонка, которая спросила Люка про Аарона и гостиницу. Это было словно в прошлой жизни, однако Люк отлично помнил свою растерянность: почему такая простая задача кому-то кажется трудной? Теперь он хорошо понимал ту девчонку. Происходившее сейчас между Калишей и Авери было ему совершенно недоступно.

Калиша обернулась и взмахом руки попросила Люка уйти.

— Ступай ешь. Поговорим позже.

— О'кей, — ответил он.

За обедом поговорить так и не удалось — Калиша не пришла.

Позже, отоспавшись (Люк сдался и все же принял таблетку оксиконтин), он вышел в коридор и замер возле открытой двери в ее комнату. Розового покрывала и подушек с рюшами как не бывало. Фотографии Мартина Лютера Кинга в рамочке — тоже. Несколько минут

Люк стоял, прикрыв рот ладонью, вытаращив глаза и пытаясь как-то свыкнуться с новостью.

Если бы Калиша сопротивлялась, как Никки, шум наверняка бы его разбудил, пусть он и выпил таблетку. Скорее всего, она ушла по своей воле. В любом случае, девчонки, которая дважды поцеловала его в губы, больше здесь нет.

Люк вернулся в свою в комнату и упал лицом в подушку.

28

Ночью Люк махнул жетоном перед веб-камерой ноутбука, разбудил его и отправился напрямик на сайт мистера Гриффина. То, что он по-прежнему *мог* это сделать, вселяло надежду. Но вдруг уроды, которые всем тут заправляют, знают про его хитрость?.. Нет, вряд ли. Они бы уже давно прикрыли лавочку. Люк пришел к выводу, который казался ему единственно логичным: приспешники Сигсби рано или поздно могут положить конец его вылазкам во внешний мир, однако пока не положили. Они не следят за происходящим на экране его компьютера. То есть иногда все же допускают промахи. Оно и понятно: все-таки тут не военнопленных держат, а детей. Напуганных, растерянных детей.

С сайта мистера Гриффина он сразу перешел на сайт «Стар трибьюн». Сегодняшний заголовок имел отношение к битве за здравоохранение, тянувшейся уже много лет. Люка охватил знакомый ужас перед тем, что ждало его в глубинах сайта, и он едва не закрыл браузер. Потом можно очистить недавнюю историю поиска, выключить компьютер и лечь спать. Принять еще одну таблетку. Много будешь знать — плохо будешь спать... А сон ему все же необходим, верно?

Тогда Люк опять вспомнил про Ника. Как бы поступил Никки Уилхолм в данной ситуации? Тоже дал бы

задний ход? Наверное, нет, почти наверняка нет, но что с того? Люк — не Никки.

Он вспомнил, как Вайнона вручила ему горсть жетонов, а один упал на пол. Она назвала его растяпой и велела поднять. Люк даже не пикнул — безропотно повиновался. Никки не стал бы поднимать жетон. *Сама поднимай, Винни*, сказал бы он и спокойно стерпел бы очередную затрещину. Может, даже сдачи бы дал.

Люк Эллис был не такой. Люк Эллис был паинька и делал, что ему говорят. Выполнял все обязанности по дому, играл в школьном оркестре. Он ненавидел чертову трубу, каждая третья нота выходила фальшивой, но мистер Грир сказал, что надо непременно посещать хотя бы одну секцию помимо спортивной — и он посещал. Люк Эллис готов был поступиться своими интересами ради общения, чтобы люди не считали его, в придачу к заучке, еще и шизиком. Выполнив эту повинность — проставив все галки напротив пунктов, связанных с социализацией, — Люк с нетерпением возвращался к книгам. Ибо там его ждала бездна, а в книгах содержались волшебные заклинания, способные поднять из темноты все сокровенное, все великие тайны. Люк придавал большое значение этим тайнам. Когда-нибудь, в будущем, он, возможно, и сам начал бы писать книги.

Здесь ему светило только одно будущее: Дальняя половина. Единственная истина бытия: *А смысл?*

— К черту смысл, — прошептал Люк и принялся изучать раздел местных новостей «Стар трибьюн» под бешеный стук сердца в ушах и пульсацию в ранах, уже начавших затягиваться под повязками.

Долго искать новости не пришлось; увидев свой прошлогодний школьный фотопортрет, Люк сразу все понял. Но заголовок на всякий случай прочитал:

**ПРОДОЛЖАЮТСЯ ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО СЫНА
ЭЛЛИСОВ, УБИТЫХ У СЕБЯ ДОМА В ФОЛКОН-ХАЙТС.**

Тут же перед глазами замелькали цветные огоньки. Люк, шурясь сквозь калейдоскоп, выключил компьютер, с трудом встал — ноги стали чужими, ватными — и в два неверных шага добрался до кровати. Там он лежал в тусклом свете прикроватной лампы, тупо глядя в потолок. Наконец мерзкие точки в стиле поп-арт начали меркнуть.

Убитых у себя дома в Фолкон-Хайтс.

Где-то в его рассудке открылся некий люк, о существовании которого он раньше не догадывался, и только одна-единственная мысль — ясная и страшная — не давала ему туда свалиться: за ним наблюдают. Про сайт мистера Гриффина (и про вылазки Люка во внешний мир) они пока не догадываются. И про фундаментальные перемены в его мозгу, вызванные цветными огоньками, тоже. Эксперимент провалился, так они думают — по крайней мере, пока. Все это ему на руку, подобными козырями разбрасываться нельзя.

Приспешники Сигсби не всемогущи. То, что он снова и снова может заходить на сайт мистера Гриффина, — наглядное тому доказательство. Руководство Института не верит, что их подопечные способны на бунт. Жалкие попытки сопротивления, которые те иногда оказывают сотрудникам, не в счет: они быстро и эффективно пресекаются угрозами, оплеухами и электричеством, а потом присмиревших детей можно и без присмотра оставить — как Джо с Хададом недавно оставили их с Джорджем в кабинете С-11, чтобы сбегать за кофе.

Убитых.

Это слово и было люком, в который он легко мог провалиться. С самого начала он понимал, что ему почти наверняка врут, но вот это «почти» держало люк закрытым. Давало ему крошечную надежду. А газетный заголовок моментально ее уничтожил. Раз родители мертвы — «убиты», — кого сейчас подозревают полицейские? Конечно, «пропавшего сына». К этому времени копы уже выяснили, что парень он непростой, гений, а у ге-

ниев такая хрупкая психика... Шарики то и дело за ро-
лики заходят, верно?

Калиша в ту ночь высказала свое возмущение вслух — заорала прямо в камеры; Люк не станет этого делать. Как бы ему ни хотелось. Мысленно можно орать сколько влезет, но вслух — нет, ни в коем случае. Он не знал, есть ли смысл хранить тайны от сотрудников Института, однако в стенах этого «адка», как метко обозвал его Джордж Айлз, совершенно точно есть трещины. Если использовать тайны в качестве лома (он же умный — должен что-то сообразить), можно эти трещины раздолбать и расширить. Неизвестно, возможен ли побег, но если Люк найдет способ его осуществить, это будет лишь первый шаг на пути к великой цели.

Обрушить чертову машину им на головы, подумал он. Как Самсон. Обрушить храм им на головы и раздавить их. Раздавить всех до единого.

В какой-то момент Люк задремал. Ему снился дом, живые родители. Было хорошо. Папа велел вынести мусор. Мама напекла блинов, и Люк залил свои ежевичным сиропом, а папа съел один с арахисовым маслом, поглядывая новости на Си-би-эс с Гейлом Кингом и красоткой Норой О'Доннелл, после чего поцеловал Люка в щеку, Айлин — в губы и ушел на работу. Хороший сон, да. Мама Рольфа везла мальчиков в школу: с улицы раздался гудок клаксона, Люк схватил рюкзак и побежал к двери. «Не забудь деньги на обед!» — крикнула мама и протянула ему деньги, только на самом деле это были жетоны. Тут Люк проснулся и понял, что в комнате он не один.

29

Он не увидел, кто это, потому что прикроватная лампа была выключена (хотя он не помнил, как ее выключил). Со стороны стола доносилось тихое шарканье, и первым делом Люк решил, что это зрители — при-

шли забирать компьютер. Они с самого начала за ним следили, а он, дурак, решил, что не следят. Дебилоид!

Ярость наполнила его до краев, точно яд. Люк не просто вылез из кровати — он выскочил из нее, намереваясь повалить на пол непрошеного гостя. Пусть лупит и бьет его током сколько душе угодно, уж пару раз Люк ему точно врежет. Они, конечно, не поймут, с чего он так взбесился. Ну и ладно, главное, Люк понимает.

Только это оказался не взрослый. Люк с размаху влетел в маленькое тельце и сшиб его на пол.

— Ой, Люкки, не надо! Не бей меня!

Авери Диксон. Авестер.

Люк наугад протянул руки, поднял мальчугана и подвел к кровати. Включил свет. Лицо у Авери было перепуганное.

— Господи, что ты тут делаешь?

— Я проснулся и испугался. Раньше я пошел бы к Калише, но ее забрали... Можно мне тут остаться? Пожалуйста!..

Он говорил правду, но не *всю* правду. Люк понял это с поразительной ясностью: все прежние его «догадки» померкли в сравнении с этой. Авери был очень сильным ТЛП, гораздо сильнее Калиши, и в данный момент он... ну... *транслировал* свои мысли.

— Хорошо, побудь тут.

Авери полез было к нему в постель. Люк его остановил:

— Ну нет, сперва сходи в туалет. Еще не хватало, чтобы ты в мою кровать надул.

Авери не стал спорить, и вскоре Люк услышал, как моча полилась в унитаз. Много мочи. Мальчик вернулся, Люк выключил свет, и Авери устроился у него под боком. Как же приятно не быть одному, подумал Люк. Просто чудо.

Авери зашептал ему на ухо:

— Мне очень жалко твоих маму и папу, Люк.

Тот на миг потерял дар речи, потом прошептал в ответ:

— Вчера на площадке вы с Калишей про меня говорили, да?

— Да. Она меня позвала. Сказала, что будет посылать тебе письма, а я буду как почтальон. Расскажи Джорджу и Хелен, если считаешь, что можно.

Нет, нельзя, подумал Люк. Здесь даже думать небезопасно, не то что говорить. Он вспомнил свои слова, когда Калиша рассказывала ему про красных смотрителей с Дальней половины: *Вышиб шокер у него из рук?* Калиша не удивилась, даже виду не подавала... Наверняка она уже все знала. Дурачина, как он думал утаить от нее свои новые способности? От других — может быть, но не от Калиши. И не от Авери.

— Смотри! — прошептал мелкий.

На что ему смотреть в крошечной темноте? Лампа выключена, с улицы никакой свет в комнату не поступает — окна-то нет. Однако Люк все равно посмотрел — и, кажется, увидел Калишу.

— С ней все хорошо? — прошептал Люк.

— Пока да.

— А Никки тоже там? Как он?

— Нормально, — ответил Авери. — И Айрис. Только у нее голова часто болит. И у других детей тоже. Ша думает, это из-за фильмов, которые им показывают. И из-за точек.

— Каких фильмов?

— Не знаю, Ша еще не показывали, а Никки уже видел. Айрис тоже. Калиша думает, что там много детей — вроде как на дальней половине Дальней половины. Хотя в том крыле, где они сейчас живут, почти никого. Только Джимми и Лен. И Донна.

Мне достался ее компьютер, подумал Люк. По наследству.

— Бобби Вашингтон тоже поначалу был, потом исчез. Айрис сказала Калише, что видела его.

— Я этих ребят не знаю.

— Донна ушла на Дальнюю половину за пару дней до того, как появился ты. И тебе достался ее компьютер.

— У меня от тебя мороз по коже, — сказал Люк.

Авери, наверное, и так это знал. Он пропустил его слова мимо ушей.

— Им делают болючие уколы. Уколы и точки, точки и уколы. Ша говорит, на Дальней половине творятся всякие ужасы. Но ты можешь что-то сделать, можешь...

Он умолк, однако Люк все равно увидел ослепительно яркую и четкую картинку — наверняка послание от Калиши Бенсон, переданное через Авери Диксона: канарейка в клетке. Дверца клетки открылась, и канарейка вылетела на волю.

— Она говорит, тебе хватит мозгов что-нибудь придумать. Только тебе и хватит.

— Я постараюсь, — пообещал Люк. — Что еще она сказала?

Ответа не последовало. Авери спал.

ПОБЕГ

1

Прошло три недели.

Люк ел. Спал, просыпался, снова ел. Вскоре он выучил меню наизусть и вместе с остальными саркастически хлопал в ладоши, когда в нем что-нибудь менялось. Иногда над ним ставили опыты, иногда ему делали уколы, иногда — и то и другое. Иногда ничего. От некоторых укулов ему становилось плохо, от большинства — нет. Горло больше не сжималось — спасибо и на том. Люк гулял на площадке, смотрел телевизор (подружился с Опррой, Эллен, доктором Филом, судьей Джуди). Искал на «Ютьюбе» прикольные ролики про котиков, разглядывающих себя в зеркало, и собачек, которые ловят фрисби. Иногда к нему кто-нибудь присоединялся. Если в комнату заходил Гарри, с ним почти всегда заходили и близняшки. Для них, естественно, приходилось включать мультики. Когда Люк заглядывал в комнату Гарри, там тоже почти всегда сидели Г. и Г. Кросс не любил мультики, он любил реслинг, видео-ролики с мочиловом и эффектными авариями на наскаровских гонках. Обычно он приветствовал Люка словами: «Зацени видос». Близняшки обожали раскраски, которые в огромных количествах поставляли им сотрудники Ин-

ститута. За контуры они, как правило, не выходили, но однажды принялись калякать и безудержно хохотать. Люк решил, что они либо под кайфом, либо напились. Гарри признался, что сам предложил им бухло — из любопытства. Ему хватило порядочности сделать пристыженное лицо, а когда девочки начали блевать (вместе, разумеется, ведь они все делали вместе), он даже покраснел. И сам быстренько все убрал. Хелен однажды выполнила тройное сальто на батуте, засмеялась, отвесила поклон публике, а в следующий миг безутешно зарыдала. Когда Люк попытался ее утешить, она обрушила на него свои крошечные кулачки: бац-бац-бац-бац. Первое время Люк всех подряд обыгрывал в шахматы, потом ему надоело, и он стал придумывать способы проигрывать — это было гораздо сложнее.

Он жил будто во сне, даже когда бодрствовал, и явственно ощущал, как падает его IQ — словно вода вытекает из незакрытого краника на кулере. В нижнем углу компьютерного экрана менялись дни этого странного лета — так Люк следил за ходом времени. Ноутбук он использовал только для просмотра видеороликов на «Ютьюбе» и изредка — для переписки с Хелен или Джорджем в мессенджере. Сам он чаты никогда не начинал и старался покинуть их как можно быстрее.

«Черт, да что с тобой?» — однажды написала ему Хелен.

«Ничего», — ответил он.

«Как думаешь, почему ты до сих пор на Ближней половине? — спросил Джордж. — Я не жалею, не подумай, просто интересно».

«Не знаю», — напечатал Люк и вышел из чата.

Он обнаружил, что ему не составляет труда скрывать свое горе от зрителей, лаборантов и докторов — те привыкли иметь дело с депрессивными детьми. Но даже в самые черные минуты он иногда видел яркую картинку, которую показал ему Авери: вылетающую из клетки канарейку.

Сонное, пропитанное горем бытие порой озарялось неожиданными воспоминаниями: отец поливает его из садового шланга или делает штрафной бросок, стоя спиной к корзине, а когда мяч все же попадает в цель, Люк валит отца на траву и они оба смеются; мама несет к столу гигантский капкейк с двенадцатью горящими свечами на его день рождения; мама обнимает его и говорит: *Ты уже совсем взрослый*; мама и папа на кухне пляшут, как дураки, под песню Рианны «Поставь на повтор». Прекрасные воспоминания жгли душу как крапива.

Когда Люк не думал про «убитых Эллисов» — когда они ему не снились, — он размышлял о клетке, в которую угодил, и о желанной свободе. Лишь в такие минуты мышление обретало былую остроту и ясность, и он начинал замечать факты, подтверждавшие его смутную догадку: сотрудники Института работали по накатанной. Скользили в пространстве, словно ракета, набравшая необходимую скорость и отключившая двигатели. Взять хоть черные камеры наблюдения на потолке в коридоре. Почти все покрывала пыль, особенно в заброшенном Западном крыле общежития. Сами-то камеры наверняка работают, но изображение получается в лучшем случае размытое. Однако ни Фред, ни прочие уборщики — Морт, Конни, Джавед — даже не пытаются их почистить, а значит, службе безопасности, которая следит за происходящим в коридоре, начхать на четкость картинки.

Люк шатался по коридорам с поникшей головой и безропотно выполнял все приказы; а за пределами своей комнаты наострял уши. Подслушанное почти ничего ему не давало, но он все запоминал и откладывал про запас. Сплетни, например. Эванс якобы мечтал «всунуть» Ричардсон (по выражению смотрительницы Нормы), без конца лез к ней с разговорами и не замечал, что Фелиция Ричардсон на дух его не переносит. А Джо и еще двое смотрителей, Чед и Гэри, иногда покупали себе на лишние жетоны бутылочки с вином и «лимонадом для взрослых» из торговых автоматов в Восточной комнате отды-

ха. Порой они обсуждали свои семьи и некий бар под названием «Аутло кантри», где выступали разные группы. «Они называют это музыкой», — как-то раз сказала одна смотрительница в разговоре с Улыбчивой Глэдис. Бар — в обиходе институтских сотрудников просто «Аут» — находился в поселке под названием Деннисон-Ривер-Бенд. Люк пока не выяснил, далеко ли этот поселок от Института, но догадывался, что не очень — миль двадцать пять, тридцать от силы, потому что по выходным туда наведывался почти весь персонал.

Подслушанные имена и фамилии Люк тщательно запоминал. Доктора Эванса звали Джеймс, доктора Хендрикса — Дэн, Тони был Фиццале, Глэдис — Хиксон, Зик — Ионидис. Если когда-нибудь он отсюда выберется, если канарейка вылетит из клетки, этот внушительный список здорово поможет ему в суде. Люк понимал, что, вероятнее всего, тешит себя пустыми надеждами... и все же они придавали ему сил.

Поскольку он безропотно отмазывал срок и стал пайинькой, смотрители нередко оставляли его одного на уровне С — строго наказывая ждать. Он кивал, дожидаясь, пока смотритель уйдет по своим делам, и уходил сам. На нижних уровнях всюду висели камеры, причем чистенькие, но все было тихо: тревога не срабатывала, и смотрители не бросались толпами по коридору мочить нарушителя шокерами. Дважды Люка поймали и вернули на место: один раз просто отругали, второй — для порядка наградили подзатыльником.

В одну из таких вылазок (он всегда делал скучающее лицо ребенка, коротающего время до следующего опыта) Люк обнаружил сокровище. В пустующем кабинете МРТ на столе под компьютерным монитором лежал забытый ключ-карта из тех, которыми сотрудники приводили в действие лифт. Он прошел мимо стола, незаметно взял карту и спрятал в карман, делая вид, что заглядывает в пустую трубу аппарата МРТ. Казалось, карточка вот-

вот закричит: «Вор! Вор!» (как та волшебная арфа, которую Джек, забравшийся на бобовый стебель, украл у великана), — но ничего не произошло, ни сразу, ни потом. Неужели никто не ведет учет ключей-карт? Похоже на то. Или у карты вышел срок и она стала совершенно бесполезной, как карточка от опустевшего гостиничного номера, когда постоялец съезжает.

На следующий день Люк испытал ключ-карту в лифте и с восторгом обнаружил, что он работает. Доктор Ричардсон нашла его на уровне D в комнате с баком, куда макали детей. Люк стал молча ждать наказания — интересно, она ударит его шокером, который носит под белым халатом, или велит Тони или Зику его избить? Вместо этого она сунула ему в ладошку жетон.

— Спасибо, — сказал Люк. — Меня еще никогда не макали. — Он кивнул на бак. — Это жесть, да?

— Нет, что ты! Наоборот, даже весело, — ответила доктор Ричардсон.

Люк широко улыбнулся, как будто поверил в эту брехню.

— А что ты тут делаешь?

— Да вот, прокатился на лифте с одним из зрителей. Не помню, как его звали... Он, наверное, бейджик забыл.

— Хорошо. Если бы ты запомнил его имя, мне бы пришлось доложить руководству — и ему бы попало. А потом — бумажки, объяснительные... — Она закатила глаза, а Люк покивал — мол, сочувствую.

Доктор Ричардсон проводила его обратно к лифту и спросила, откуда он приехал. Люк сказал, что с уровня В, и она отвезла его наверх. По дороге поинтересовалась самочувствием, ничего ли не болит.

— Да все давно прошло!

Лифт отвез его и на уровень Е, где стояло много всякого оборудования, но когда Люк попробовал спуститься еще ниже — из разговоров персонала он узнал о су-

ществовании уровней F и G, — мисс Голос-из-Лифта вежливо сообщила, что доступ ему запрещен. Ну, ничего. Попытка не пытка.

Письменных тестов детям на Ближней половине не давали, зато часто делали ЭЭГ. Иногда доктор Эванс загонял в кабинет по несколько человек, а как-то раз Люка обследовали одного. Доктор Эванс вдруг поморщился, схватился за живот и сказал, что сейчас вернется. «Ничего не трогай!» И убежал. По большому делу, решил Люк.

Он стал разглядывать компьютерные экраны, погладил пару клавиатур — думал понажимать кнопки, но вовремя понял, что это плохая идея, — и подошел к двери. Когда он высунулся в коридор, там как раз открылись двери лифта. Вышел лысый здоровяк в том же самом дорогом коричневом костюме — или уже в другом? Может, у Стэкхауса целый шкаф дорогих коричневых костюмов, кто его знает... В руках он держал стопку бумаг и листал их, шагая по коридору. Люк быстренько прикрыл дверь. В С-4, кабинете ЭЭГ и ЭКГ, была небольшая ниша с полками, на которых лежали всевозможные расходники. Люк на всякий случай юркнул в эту нишу и затаился — сам не понял, то ли сработало новое ТЛП-чутье, то ли включилась старая добрая паранойя. Сделал он это вовремя: Стэкхаус приоткрыл дверь, засунул голову в кабинет, осмотрелся и ушел. Люк немного выждал, потом тихо вернулся на свое место рядом с аппаратом ЭЭГ и сел.

Минуты через две-три в кабинет влетел Эванс: полы белого халата развевались у него за спиной, лицо было красное, глаза вытаращены. Он схватил Люка за грудки.

— Что сказал Стэкхаус, когда увидел, что ты здесь один?! Отвечай!

— Ничего не сказал. Он меня не заметил. Я стоял под дверью и увидел, как он выходит из лифта. Сразу вон туда спрятался. — Люк указал на нишу, затем перевел на Эванса широко открытые, честные глаза. — Не хотел, чтобы вам из-за меня попало.

— Умница, молодец. — Эванс похлопал его по спине. — Я отлучился по нужде... Потому что знал, что тебе можно доверять. Ну, давай закончим с обследованием, а потом я тебя отпущу поиграть с друзьями.

Прежде чем вызвать Иоланду, смотрительницу (фамилия: Фриман), которая должна была отвести Люка на уровень А, Эванс вручил ему дюжину жетончиков и снова от души хлопнул его по спине.

— Это между нами, да?

— Ага, — ответил Люк.

Вот те раз, да Эванс реально думает, что нравится мне, мысленно подивился Люк. Ну и поворот! Скорей бы рассказать Джорджу.

2

Только Джорджу он ничего рассказать не успел. За ужином в столовой появились двое новеньких, а один старенький исчез. Джорджа забрали на Дальнюю полковину — видимо, примерно в то время, когда Люк прятался от Стэкхауса в кабинете ЭЭГ.

— Он теперь с остальными, — прошептал Авери ночью, когда они с Люком лежали вместе в кровати. — Плачет от страха. Ша говорит, это нормально, потому что им всем очень страшно.

3

В ходе своих вылазок Люк пару-тройку раз останавливался возле комнаты отдыха на уровне В, где велись самые интересные и познавательные разговоры. Обычно здесь отдыхали сотрудники Института, но порой Люк замечал группы каких-то людей с большими дорожными сумками, причем без самолетных стикеров на ручках.

Завидев Люка — в такие минуты он либо пил воду из ближайшего фонтанчика, либо читал плакат о гигиене, — они смотрели сквозь него, словно он был предметом интерьера. Вид у этих людей был суровый, и Люк постепенно пришел к выводу, что это институтские охотники-собиратели. Детей в Западном крыле изрядно прибавилось. Джо как-то раз сказал Хададу (они были друзьями), что Институт чем-то напоминает его родной курортный городок на Лонг-Айленде: вода то приходит, то уходит.

— Последнее время чаще уходит, — сказал Хадад.

Однако в июле явно начался прилив.

Группы состояли из трех-четырех человек. Люку они казались военными — возможно, потому, что у всех мужчин были короткие стрижки, а у женщин — тугие пучки. Однажды Люк слышал, как санитар назвал одну группу Изумрудной, а про другую лаборант сказал, что она — Рубиновая. Последняя состояла из трех человек, двух женщин и мужчины. Именно Рубиновая группа приезжала за ним в Миннеаполис и убила его родителей. Люк изо всех сил напрягал уши и разум, однако сумел разобрать лишь одно имя — той блондинки, что брызнула ему чем-то в лицо. Мишель. Увидев Люка у фонтанчика с водой, она на секунду остановила на нем взгляд.

Мишель.

Надо запомнить.

Вскоре догадка Люка о том, что эти люди поставляют Институту свеженьких ТЛК и ТЛП, подтвердилась. Как-то раз в комнату отдыха зашла Изумрудная группа, а Люк стоял рядом и в сотый раз читал плакат о гигиене. Один из членов группы сказал, что сегодня им надо быстро стогнать за кем-то в Миссури. Наутро в общежитии появилась новенькая четырнадцатилетняя девчонка по имени Фрида Браун.

— Зачем меня сюда привезли?! — ошалело спрашивала она Люка. — Это какая-то ошибка!

— Хотелось бы, — ответил Люк, а потом объяснил новенькой, как зарабатывать жетоны. Та от потрясения не особо соображала. Ничего, рано или поздно до нее дойдет. До всех доходит.

4

Похоже, никому не было дела, что Авери почти каждую ночь приходил спать к Люку. Он стал почтальоном, носил Люку письма с Дальней половины. Почтовая служба США здесь пасовала: послания передавались по телепатическим каналам. Новость об убийстве родителей была еще слишком свежа и мучительна; письма не могли вывести Люка из полусонного ступора, однако он отдавал себе отчет, что они весьма тревожные. И — информативные (хотя Люк предпочел бы вовсе обойтись без такой информации). На Ближней половине над детьми ставили опыты, а за неповиновение всегда следовала кара. На Дальней половине детей заставляли работать. Эксплуатировали. И, судя по всему, мало-помалу убивали.

После просмотра фильмов начинала болеть голова, с каждым разом все сильнее и дольше. У Джорджа поначалу ничего не болело, он — по словам Калиши — был просто напуган, однако после четырех или пяти дней болючих уколов, киносансов и разглядывания цветных точек головные боли начались и у него.

Кино показывали в небольшом зале с удобными мягкими креслами. Сперва включали старые мультики — «Хитрый койот и Дорожный бегун», «Багз Банни», «Гуфи» и «Микки-Маус». После небольшого разогрева начинался собственно фильм. Вроде бы короткий, от силы на полчаса; точно Калиша сказать не могла: сперва голова кружилась, а потом адски болела. Причем у всех.

На первых для нее двух сеансах детям Дальней половины показывали две ленты подряд. Главным героем

первой был мужчина с редеющими рыжими волосами. Он носил черный костюм и ездил на сверкающей черной машине. Авери попытался показать эту машину Люку, но картинка была расплывчатая — такую уж смогла отправить Калиша. Люк предположил, что это лимузин или «линкольн-таун-кар», потому что рыжий возил пассажиров на заднем сиденье и услужливо открывал им дверь. Обычно пассажиры были одни и те же — белые дядьки в возрасте; однажды он подвозил молодого человека со шрамом на лице.

— Ша говорит, что у рыжего есть постоянные клиенты, — прошептал Авери Люку, когда они лежали ночью в кровати. — И что дело происходит в Вашингтоне, потому что машина проезжает мимо Капитолия, Белого дома и этой высоченной белой штуки...

— Мемориала Джорджа Вашингтона, — подсказал Люк.

— Ага, точно.

Ближе к концу фильма рыжий переодевался в обычную одежду. Ездил верхом на лошади, качал на качелях какую-то девочку, ел с ней мороженое на скамейке в парке. Потом на экране появлялся доктор Хендрикс. Он держал в руке незажженный бенгальский огонь.

Второй фильм был про араба с полотенцем на голове (так говорила Калиша, очевидно, имея в виду куфию). Сперва он шел по улице, потом сидел за столиком уличного кафе, попивая чай или кофе, затем выступал с речью, а дома подбрасывал в воздух маленького мальчика. Один раз его показывали по телику. В конце снова появлялся доктор Хендрикс с незажженным бенгальским огнем в руке.

На следующее утро Калише и остальным включили «Сильвестра и Твити» и двадцать минут показывали рыжего. Потом был обед в столовой, где бесплатно раздавали сигареты. Днем — «Порки Пиг» и араб. В конце каждого фильма на экране возникал доктор Хендрикс с незажженным бенгальским огнем. Вечером всем детям

сделали болючие уколы и включили цветные огоньки. Затем их снова отвели в кинозал и двадцать минут показывали видео с автокатастрофами. После каждой аварии появлялся Хендрикс с незажженным огнем.

Люк, хоть и сам не свой от горя, был не дурак. Он начал понимать, что происходит. Да, это безумие, но разве не безумие — время от времени читать мысли других людей? Картинка понемногу складывалась.

— Калиша говорит, что потеряла сознание и видела сон — ну, пока шел фильм про аварии на дорогах, — прошептал Авери на ухо Люку. — Только она не уверена, что это сон. Все дети — она, Никки, Айрис, Донна, Лен, еще несколько человек — стояли среди вихря цветных огоньков, взявшись за руки и прислонившись друг к другу головами. Доктор Хендрикс тоже там был, и на сей раз он зажег бенгальский огонь, было очень страшно. Зато, пока они так стояли, голова ни у кого не болела. А потом Калиша проснулась у себя в комнате. Комнаты на Дальней половине не такие, как здесь. По ночам двери запирают снаружи. — Авери умолк. — Все, больше я не хочу об этом говорить, Люкки.

— Хорошо. Спи.

Мелкий уснул, а Люку еще долго не спалось.

На следующий день он наконец решил воспользоваться ноутбуком не для того, чтобы узнать дату, обменяться парой слов с Хелен или посмотреть мультсериал «Конь Боджек». Люк заглянул к мистеру Гриффину, а оттуда попал на сайт «Нью-Йорк таймс». Его предупредили, что бесплатно можно прочитать только десять статей. Люк и сам толком не знал, что ищет; нужный заголовок должен был броситься ему в глаза. Так и случилось. Заголовок на первой полосе номера от 15 июля гласил: **«ЧЛЕН ПАЛАТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ БЕРКОВИЦ СКОНЧАЛСЯ ОТ ТРАВМ».**

Эту статью Люк читать не стал, зато просмотрел другие заголовки по этой теме: **«МЕТЯЩИЙ В ПРЕЗИДЕНТЫ МАРК БЕРКОВИЦ ПОПАЛ В АВАРИЮ И ПОЛУЧИЛ ТЯ-**

ЖЕЛЫЕ ТРАВМЫ». Под заголовком была фотография: у Берковица, члена палаты представителей из Огайо, были черные волосы и шрам на щеке от ранения, полученного в Афганистане. Люк быстро просмотрел материал. Там было сказано, что Берковиц направлялся на встречу с высокопоставленными чиновниками из Югославии и Польши, когда водитель его «линкольн-таункара» потерял управление и врезался в бетонную опору моста. Водитель погиб на месте, а травмы Берковица некий источник из больницы «Медстар», пожелавший остаться неизвестным, описывал как «очень тяжелые». В статье не говорилось, был ли водитель рыжеволосым, но Люк в этом не сомневался. Еще он был уверен, что скоро умрет и араб — если уже не умер. Или араб убьет какого-нибудь важного политика.

Растущая уверенность в том, что детей (даже безобидного Авери Диксона, который мухи не тронет) готовят к работе дронов-экстрасенсов, начала понемногу приводить Люка в чувство, однако окончательно его разбудил ужастик с Гарри Кроссом в главной роли, который разыгрался на следующий день в столовой.

5

На ужин собралось человек четырнадцать-пятнадцать. Болтали, смеялись, новенькие плакали или кричали. Люку пришло в голову, что Институт — что-то вроде психушки, где безумцев ни от чего не лечат.

Гарри пока не было, и обедать он тоже не приходил. Люк не то чтобы следил за перемещениями этого увальня, но в столовой его сложно было не заметить: по бокам всегда сидели Герда и Грета в одинаковых платьях. Они зачарованно смотрели на своего героя и слушали треп о гонках НАСКАР, реслинге, любимых ТВ-шоу и жизни «в родной Сельме». Когда кто-нибудь просил его за-

ткнуться, Г. и Г. начинали дружно сверлить обидчика испепеляющим взглядом.

В тот вечер девочки ели одни. Вид у них был несчастный. Впрочем, они приберегли для Гарри местечко, и когда он медленно вошел в столовую пузом вперед, сверкая обгоревшими на солнце щеками, Г. и Г. с радостным визгом бросились ему навстречу. Впервые в жизни он не обратил на них никакого внимания — как будто и вовсе не заметил. Глаза у него были пустые и смотрели не в одну сторону, как положено глазам здорового человека, а в разные. На подбородке блестела слюна, в области паха темнело мокрое пятно. Все разговоры моментально смолкли. Новенькие смотрели на Гарри с ужасом и недоумением, старожилы беспокойно переглядывались.

Люк и Хелен тоже переглянулись.

— Да все с ним нормально, — сказала она. — Просто некоторые переносят хуже, чем оста...

Сидевший рядом Авери стиснул ее руку в ладонях и с жутким спокойствием произнес:

— Нет, не нормально. И уже никогда не будет нормально.

Гарри испустил вопль и рухнул сперва на колени, затем — лицом в пол. Из носа и разбитых губ на линолеум брызнула кровь. Он затрясся всем телом, затем выгнулся, поджал ноги, резко поднял их в воздух, замолотил руками и заревел — не как зверь, а как машина с выжатым на низкой передаче газом. Не прекращая реветь и брызгать кровавой пеной изо рта, он хлопнулся на спину и защелкал зубами.

Г. и Г. завизжали. Когда Глэдис уже бежала к ним из коридора, а Норма — из-за витрины с подогревом, одна из близняшек опустилась на колени и попыталась обнять Гарри. Он поднял в воздух огромную лапищу и со страшной силой ударил девочку по лицу. Та отлетела в сторону и с глухим стуком врезалась головой в стену. Вторая близняшка с криком бросилась к ней.

В столовой воцарился хаос. Люк и Хелен сидели на месте — она одной рукой обнимала Авери (скорее чтобы утешить саму себя: у парня вид был совершенно невозмутимый), — но большинство детей толпились вокруг бьющегося в конвульсиях Гарри. Глэдис распихала парочку зевак и рявкнула:

— А ну прочь отсюда, идиоты!

Сегодня большому Г. не подарят пластиковой улыбки.

В столовую подтянулся остальной персонал: Джо и Хадад, Чед, Карлос, пара незнакомых Люку человек, включая одного в штатском (он, видно, только приехал на работу и еще не успел переодеться). Тело Гарри спазматически вздымалось и опадало, словно по полу пусти-ли. высокое напряжение. Чед и Карлос придавили ему руки. Хадад ударил Гарри шокером в солнечное сплетение, однако судороги не прекратились, и тогда Джо прижал шокер к его шее. Электрический треск был отчетливо слышен даже сквозь стену взволнованных голосов. Гарри обмяк. Глаза таращились под полусомкнутыми веками. С губ стекала пена. Рот приоткрылся, и наружу вывалился кончик языка.

— С ним все хорошо, ситуация под контролем! — заорал Хадад. — Расступитесь! Все за стол!

Дети умолкли и начали расходиться по местам. Люк тихо пробормотал на ухо Хелен:

— Кажется, он не дышит.

— Может быть, — ответила Хелен. — Ты лучше на эту глянь! — Она показала пальцем на близняшку, которую отшвырнуло к стене. Глаза у нее остекленели, а голову скособочило. По одной щеке текла и капала на платье кровь.

— *Очнись!* — визжала вторая, тряся сестру за плечи. Со стола вдруг полетели приборы: детям и зрителям пришлось уворачиваться. — *Очнись, Гарри ненарочно тебя ударил! ОЧНИСЬ!*

— Кто из них кто? — спросил Люк у Хелен.

Ответил Авери. Тем же до жути спокойным голосом он произнес:

— Орет и швыряет вилки Герда. Умерла Грета.

— Она не умерла! — потрясенно возразила Хелен. — Не могла умереть!

Ножи, вилки и ложки взлетели под потолок (ого, подумал Люк, я бы так ни за что не сумел) и с оглушительным звоном упали на пол.

— Умерла-умерла, — как ни в чем не бывало ответил Авери. — И Гарри тоже умер. — Он встал, взял в одну руку ладонь Хелен, а в другую — ладонь Люка. — Вообщем-то Гарри мне нравился, хоть он меня и толкнул. Есть больше не хочется. — Авери перевел взгляд с Люка на Хелен. — Вам тоже.

Они незаметно вышли из столовой, держась как можно дальше от вопящей Герды и ее мертвой сестры. Двери лифта открылись, оттуда выскочил доктор Эванс — вид у него был на редкость встревоженный. Наверное, тоже обедал, подумал Люк.

За их спинами Карлос увещевал толпу:

— Все нормально, ребята! Садитесь и доедайте, все хорошо!

— Точки его убили, — сказал Авери. — Доктор Хендрикс и доктор Эванс не должны были показывать ему точки, хоть он и розовый. У него, наверное, НФМ слишком высокий. Или... ну, аллергия какая-то.

— Что такое НФМ? — спросила Хелен.

— Не знаю. Детям с высоким НФМ уколы на Ближней половине не делают. Только на Дальней.

Хелен обернулась к Люку:

— А ты? Ты-то знаешь?

Он помотал головой. Калиша однажды упоминала эту аббревиатуру, и он потом пару раз слышал ее от сотрудников во время своих вылазок. Думал даже погуглить, но испугался, что сработает тревога.

— Тебе их никогда не делали, да? — спросил Люк у Авери. — Уколы, опыты — все это прошло мимо тебя?

— Скоро и мне начнут делать. На Дальней половине. — Мальчик спокойно и серьезно посмотрел на Люка. — Доктора Эванса, наверное, накажут за то, что он натворил с Гарри. Вот бы наказали! Я ужасно боюсь огоньков. И уколов. *Сильных уколов.*

— Я тоже боюсь, — пробормотала Хелен. — Мне хватает и нынешних.

Люк хотел рассказать про тот укол, от которого у него сдавило горло, и про те, от которых он блевал (с каждым позывом видя россыпи чертовых огоньков), но это были цветочки по сравнению с тем, что случилось с Гарри.

— Расступитесь, ребята, — сказал Джо.

Они прижались к стене с постером «ВЫБИРАЮ СЧАСТЬЕ». Джо и Хадад пронесли мимо тело Гарри Кросса. Карлос нес девочку со сломанной шеей. Ее голова со свисающими белокурыми волосами болталась туда-сюда у него на руке. Люк, Хелен и Авери молча проводили их взглядом. Все погрузились в лифт. Интересно, морг находится на уровне E или F?

— Она была похожа на куклу, — услышал Люк собственный голос. — На свою собственную куклу.

Авери, чье жуткое, непоколебимое спокойствие было результатом шока, наконец заплакал.

— Я пошла к себе. — Хелен погладила Люка по плечу и поцеловала Авери в щеку. — Встретимся завтра.

Но они не встретились. Ночью приходили красные смотрители, и больше ребята Хелен не видели.

6

Авери сходил в туалет, почистил зубы, надел пижаму (которую теперь хранил в комнате Люка) и забрался к нему в постель. Люк тоже сделал свои вечерние дела, лег рядом и выключил свет. Затем прижался лбом ко лбу Авери и прошептал:

— Я должен отсюда сбежать.

Как?

Это слово не было произнесено вслух, оно лишь на мгновение вспыхнуло в мозгу и погасло. Люку все лучше удавалось читать мысли Авери — но только если он был близко, и то не всегда. Цветные точки (Авери называл их Штази-огоньками) и впрямь наделили Люка ТЛП-способностями, довольно средними, впрочем, как и способности к телекинезу. Пусть IQ у него зашкаливает, зато по части экстрасенсорики он полный лох. Как бы это исправить? Как, как... Люк припомнил дедушкины слова: «Жопой об косяк и головой об стену».

— Не знаю, — ответил Люк.

Зато он знал, что провел на Ближней половине немало времени — больше, чем Хелен. Скоро придут и за ним.

7

Посреди ночи Авери принялся трясти Люка, которому в тот момент снилась Грета Уилкокс со сломанной шеей и скособоченной головой. От такого сна и просыпаться не жалко. Авестер трясся всем телом, как собака в грозу, и, свернувшись в клубочек, жался к Люку, упираясь в него острыми локтями и коленками. Люк включил лампу. Лицо Авери было залито слезами.

— Что такое? Кошмар приснился?

— Нет. *Они* меня разбудили.

— Кто? — Люк осмотрелся по сторонам: в комнате никого, дверь закрыта.

— Ша. И Айрис.

— Ты и Айрис теперь слышишь? — Ого, вот это новости.

— Раньше не слышал, но... им показывали фильмы, и точки, и еще этот бенгальский огонь, а потом они стояли рядышком, головы вместе, ну, помнишь, я рассказывал...

— Да.

— Обычно после этого им становилось лучше. Голова какое-то время не болела... Сейчас у Айрис она заболела сразу же, да так сильно, что Айрис начала орать и не могла остановиться. — Голос Авери стал высоким, дрожащим и срывающимся. Люк похолодел. — Голова, моя голова, она сейчас взорвется, ах, моя бедная голова, прекратите это, умоляю, сделайте что-нибудь...

Люк хорошенько его встряхнул.

— Тише. Нас могут подслушивать.

Авери сделал несколько глубоких вдохов.

— Вот бы ты слышал мои мысли у себя в голове, как Ша. Тогда я бы быстро все рассказал. А вслух говорить мне трудно.

— Попробуйся.

— Калиша и Никки хотели ее успокоить, но не смогли. Калишу она поцарапала, а Никки ударила. Тут прибежал доктор Хендрикс в одной пижаме и вызвал остальных. Они хотели забрать Айрис...

— На дальнюю половину Дальней половины?

— Наверное. Потом ей стало лучше.

— Они дали ей обезболивающее? Или успокаивающее?

— Нет, ей просто так стало лучше, без лекарств. Может, Калиша помогла?

— Ты меня спрашиваешь? Мне-то откуда знать?

Авери не слушал, просто говорил дальше:

— У них есть способ помочь, способ... — Он умолк и затих. Люк даже подумал, что Авери уснул, когда тот наконец шевельнулся и произнес: — Там есть что-то нехорошее.

— Лучше скажи, чего там хорошего. Эти фильмы, уколы, точки... Один сплошной кошмар.

— Я про другое. Там есть что-то ужасное... Как будто... Не знаю.

Люк прижался лбом к голове Авери, изо всех сил прислушался и различил рев пролетающего над головой самолета.

— Звук? Какой-то постоянный шум?

— Да! Но не самолетный, а что-то вроде... пчелиного улья. Гул такой. По-моему, он исходит из дальней половины Дальней половины. — Авери поерзал в кровати. В свете лампы он казался не ребенком, а обеспокоенным старичком. — Головные боли становятся все хуже и длятся все дольше, потому что им без конца показывают эти точки... ну, огоньки... и постоянно делают уколы, и кино включают.

— И показывают бенгальский огонь, — добавил Люк. — Их заставляют на него смотреть, потому что это такой триггер.

— Чего?

— Не важно. Спи.

— Вряд ли я засну.

— Попробуйся.

Люк обнял Авери и посмотрел в потолок. В голове крутилась старая блюзовая песенка, которую ему пела мама: *Ты меня обворожил, сердце девичье украл молодое. Сливки снял, что ж, забирай тогда и все остальное.*

Люк понял: для этого их здесь и держат. Чтобы снять с них сливки. Способности детей превращают в оружие и используют до последней капли. А пустую оболочку потом запирают на дальней половине Дальней половины, где они присоединяются к общему гулу... чем бы этот гул ни был.

Бред, так не бывает, сказал себе Люк. Вот и остальные думают, что организаций наподобие Института просто не может быть, а если они и есть, то уж точно не в Америке, иначе о них давно уже узнали бы, такой секрет в наши дни не утаишь — рано или поздно кто-нибудь да проболтается. Однако Люк здесь. Все они здесь. Мысль о Гарри Кроссе, изрыгающем кровавую пену на полу столовой, была ужасна; еще страшнее было вспоминать маленькую безобидную девочку с остекленевшими глазами и сломанной шеей; но что может быть хуже постоянных и методичных измывательств над человеческим

разумом, превращающих его в часть общего пчелиного гула? Если верить Авестеру, именно это сегодня чуть не произошло с Айрис, а скоро произойдет и с сердцеедом Никки, и с шутом гороховым Джорджем.

И с Калишей.

Люк наконец уснул. А когда проснулся, завтрак давно закончился и в кровати никого не было. Люк бросился по коридору к комнате Авери, распахнул дверь, представляя, что там обнаружит... Однако все постеры по-прежнему висели на стенах, а стол был заставлен солдатиками (сегодня — в рассыпном строю).

Люк облегченно выдохнул и тут же сжался: сзади ему отвесили очередную затрещину. Он обернулся и увидел Вайнону (фамилия: Бриггс).

— А ну-ка живо одевайтесь, молодой человек. На юнцов в трусах я готова смотреть только при условии, что им не меньше двадцати двух лет и у них роскошное тело. Это все не про тебя.

Вайнона дождалась, пока Люк выйдет из комнаты. Он показал ей средний палец (ну ладно, не показал, а лишь украдкой оттопырил, но все равно приятно) и пошел одеваться. У двери в следующий коридор стояла дандаксовская тележка для белья. Конечно, такая могла быть и у Джолин, и у других экономок, вышедших на работу в связи с большим наплывом «гостей», но Люк сразу понял, что тележка принадлежит Морин. Он ее почувствовал. Она вернулась.

8

Когда через пятнадцать минут они встретились, Люк подумал, что у нее очень плохо со здоровьем — хуже, чем прежде.

Она делала уборку в комнате близняшек: снимала со стен постеры с диснеевскими принцами и принцессами и осторожно складывала их в картонную коробку. Кро-

вати уже стояли голые, а постельное белье лежало в корзине вместе с грязным бельем из других комнат.

— Где Герда? — спросил Люк. Еще бы узнать, где Гарри и Грета, да и все остальные дети, погибшие в результате идиотских экспериментов здешних врачей. Может, в этом аду и крематорий есть? На каком-нибудь уровне F? Если да, то фильтры там, должно быть, стоят нехилые, иначе он бы давно учуял запах горящих детей.

— Не задавай мне вопросов — и я не стану тебе врать. Брысь отсюда, мальчик, займись своими делами. — Морин говорила сухо и грубо, но явно делала это напоказ. Все-таки даже слабые телепатические способности бывают полезны.

Люк заглянул в столовую, взял из миски яблоко и пачку «Раунд-апс» («КУРИ КАК ПАПА!») из торгового автомата. Сладкие сигареты напоминали о Калише — Люку стало грустно и в то же время немного теплее. Он выглянул на площадку. Там играло человек десять — прямо аншлаг по сравнению с той порой, когда поступил Люк. На мате рядом с батутом сидел Авери: свесив голову на грудь, он крепко спал. Неудивительно. Ночью мелкому несладко пришлось.

Кто-то хлопнул его по плечу — сильно, но не больно, по-дружески. Люк обернулся и увидел Стиви Уиппла, новенького.

— Чувак, ну и кошмар вчера в столовой был! Этот рыжий и девчонка...

— Да уж.

— А утром приходили типы в красных формах и утащили на Дальнюю половину ту Панкушку.

Люк ошарашенно уставился на Стиви:

— Хелен?

— Ну да, ее. Черт, что за фигня тут творится?! — Стиви уставился в окно на площадку. — Вот бы мне... не знаю, реактивные сапоги! Я бы мигом отсюда слинял.

— Реактивные сапоги и бомбу, — добавил Люк.

— А?

— Сперва взорвать эту дыру нахрен, а потом слинять. Стиви задумался — его круглое лицо обмякло — и хотнул.

— Точняк! Ну да, бомбануть их и слинять куда подалее на реактивных сапогах. Слушай, у тебя лишнего жетончика не найдется? Жрать вечно хочется, а яблоки я не очень люблю. Мне бы сейчас «Твикс». Или колечек луковых, «Фанианс»... Да, «Фанианс» — самое то!

С тех пор как Люк стал паинькой, жетоны у него водились всегда. Он дал три штуки Стиви и велел ни в чем себе не отказывать.

9

Вспоминая свое знакомство с Калишей — и думая как-то почтить ее память, — Люк уселся в коридоре рядом с машиной для льда и сунул в рот сладкую сигарету. Он доедал уже вторую, когда мимо прошла Морин с тележкой чистого постельного белья.

— Как спина? — спросил ее Люк.

— Хуже, чем раньше.

— Сочувствую. Это плохо.

— Таблетки пока помогают. — Она нагнулась и схватила себя за голени так, чтобы ее лицо оказалось рядом с лицом Люка.

Он зашептал:

— Мою подругу Калишу забрали. И Никки, и Джорджа. А сегодня вот Хелен. — Почти все его друзья ушли на Дальнюю половину. И кто у нас теперь главный институтский старожил? Люк Эллис, кто же еще!

— Знаю, — прошептала Морин в ответ. — Я была на Дальней половине. Нам больше нельзя тут разговаривать, Люк. Начальство заподозрит неладное.

Вроде бы в этом был смысл, однако Люк насторожился. Как Джо и Хадад, Морин постоянно общалась с детьми, подбадривала их и по возможности одаривала

жетонами. К тому же разве Калиша не говорила, что на территории Института есть и другие «слепые» зоны, где прослушка не работает?

Морин встала, потянулась, уперев руки в поясницу, и нормальным голосом сказала:

— Так и будешь тут целый день торчать?

Люк затаился сигаретой, висевшей у него на нижней губе, съел ее и тоже встал.

— Погоди-ка, вот. — Морин достала из кармана платья жетон. — Порадуй себя вкусненьким.

Люк поплелся к себе в комнату и растянулся на кровати. Потом свернулся в клубок и незаметно раскрыл тугой бумажный квадратик, который Морин передала ему вместе с жетоном. Неровный почерк не помешал Люку прочесть записку. Буквы были крошечные. Морин исписала маленький блокнотный листок целиком, с двух сторон, и Люку невольно вспомнились слова его учителя английского, мистера Сируа, который однажды назвал лучшие рассказы Эрнеста Хемингуэя «образцом лаконичности». То же самое можно было сказать и про послание Морин. Интересно, сколько ей потребовалось черновиков, чтобы уместить все необходимое на крошечном листке бумаги? Он невольно восхищался краткостью ее речи, даже когда начал понимать, что творила Морин, кем она на самом деле была.

Люк, избавься от этой записки, как только ее прочитаешь. Видно, Бог мне тебя послал, чтоб я могла искупить свои прежние Грехи. Я обратилась к Ли Финк из Б-на. Все, что ты говорил, — Правда, и с долгами все будет Хорошо. Вот со здоровьем не очень, оказалось, это то самое, чего я так боялась. НО моим накоплениям ничего не грозит, и долги «списали». Я нашла способ передать деньги Сыну, на Учебу. Он никогда не узнает, что деньги от меня, — так я решила. Очень тебе благодарна и обязана!! Люк, выбирайся отсюда. Скоро тебя переведут на Дальнюю половину. Ты розовый, и когда

опыты прекратятся, считай, через 3 дня перевод. Мне надо кое-что тебе передать и сказать что-то Очень Важное, но не знаю как, говорить можно только возле машины для льда, а мы слишком часто там встречаемся. На себя мне плевать, но тебя лишать Единственного Шанса я не хочу. Мне очень совестно за все, что я натворила, глаза бы мои не видели этого Места. Я думала о своем ребенке, но это не Оправдание. Теперь уже слишком поздно. Зря мы с тобой говорили возле машины для льда, но пришлось рискнуть. УМОЛЯЮ, уничтожь эту записку и БУДЬ ОСТОРОЖЕН. Люк, про меня не думай, я все равно скоро умру, думай про себя. СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ. Морин А.

Выходит, Морин — доносчица. Она разговаривает с детьми по душам в «безопасных» местах, а потом передает их тайны Сигсби (или Стэкхаусу). Причем она скорее всего не единственная; два «добрых» зрителя, Джо и Хадад, тоже наверняка стучат. В июне Люк возненавидел бы Морин, но сейчас был июль; Люк повзрослел.

Он пошел в туалет и, спуская штаны, незаметно бросил записку в унитаз — точно так же он в свое время поступил с запиской Калиши. Казалось, это было сто лет назад.

10

Днем Стиви Уиппл затеял на площадке игру в вышибалы. Почти все захотели играть, только Люк отказался. Вместо этого он подошел к шкафчику, взял шахматы (в память о Никки) и сыграл, по мнению некоторых, лучшую партию в истории спорта: Яков Эстрин против Ханса Берлинера, Копенгаген, 1965. Сорок два хода — классика! Люк ходил то белыми, то черными, то белыми, то черными, по памяти, а сам размышлял о записке Морин.

Да, это ужасно, что она стучит, но ее можно понять. Здесь еще есть люди с остатками совести, но Институт разрушает любые моральные принципы своих сотрудников — напроочь сбивает компас. Так что все они обречены. Морин, наверное, тоже. Сейчас значение имеет только одно: действительно ли она знает, как отсюда выбраться? Она должна каким-то образом передать ему эту информацию, не вызвав подозрений у миссис Сигсби и Стэксауса (имя: Тревор). Еще один хороший вопрос: можно ли ей доверять? Вроде бы да. И не только потому, что Люк помог ей в трудной ситуации. Просто у записки Морин был слишком отчаянный тон — ее писала женщина, решившая поставить все фишки на красное. Да и был ли у него выбор?

Авери бегал в круге. Потом ему засветили мячом прямо в лицо, он сел на землю и заплакал. Стиви Уиппл помог мальчугану подняться, осмотрел его нос.

— Крови нет, все хорошо. Хочешь посидеть с Люком?

— Меня вышибли!.. — проныл Авери, все еще хлюпая носом. — Ну и ладно, я еще...

— Авери! — позвал его Люк. — Как насчет крекеров с арахисовой пастой и колы?

Мелкий сразу забыл про все неприятности.

— Я за!

Они пошли в комнату отдыха. Авери сунул жетон в отверстие автомата и нагнулся за добычей, а Люк тоже наклонился и прошептал:

— Поможешь мне отсюда свалить?

Авери протянул ему упаковку «Набс»:

— Угощайся.

В мозгу у Люка вспыхнуло и пропало одно слово: *Как?*

— Мне один, остальные сам ешь, — ответил Люк и мысленно послал Авери два слова: *Скажу вечером.*

Они вели две беседы одновременно: одну вслух, другую — при помощи телепатии. И именно так Люк добудет у Морин всю нужную информацию.

Если получится.

11

На следующий день после завтрака Глэдис и Хадад повели Люка в кабинет с баком. Там он остался наедине с Зиком и Дейвом.

Зик Ионидис сказал:

— Здесь мы проводим опыты, а еще макаем в воду ребят и девочек, которые любят приврать. Ты ведь нам не врешь, Люк?

— Нет, — ответил он.

— ТЛП появились?

— Чего?

— У тебя уже есть телепатические способности?

— Не понял. Я же ТЛК, забыли? Ложки там двигаю, все такое... — Он попытался улыбнуться. — Гнуть их, правда, не могу. Пробовал.

Зик покачал головой:

— Если ты ТЛК и начинаешь видеть точки, значит, у тебя появились ТЛП-способности. А если ты ТЛП и начинаешь видеть точки, значит, ложки тоже можешь двигать. Так оно устроено.

Ни хрена ты не знаешь, как оно устроено, подумал Люк. И никто из вас не знает. То ли Калиша, то ли Джордж предупреждал, что врать насчет точек бесполезно — все равно врачи поймут, что ты их увидел. Да, наверное, так и есть (может, это отражается на ЭЭГ), но вот про появление новых способностей они ничего не знают. Зик блефует.

— Ну да, точки я пару раз видел, однако мысли читать так и не научился.

— Хендрикс и Эванс считают иначе, — покачал головой Дейв.

— Правда, я не ТЛП! — Люк сделал честные-пречестные глаза.

— Сейчас узнаем, — процедил Дейв. — Раздевайся, умник.

Выбора у Люка не было: он разделся и вошел в воду. Бак был около четырех футов в глубину и восьми футов в ширину. Вода прохладная, даже приятная. Ну что ж, вроде это действительно не страшно.

— Я загадал животное, — сказал Зик. — Какое?

Кошку. Люк увидел не картинку, а слово — огромное и яркое, как рекламная вывеска «Будвайзера» в окне бара.

— Не знаю.

— Ладно, умник, будь по-твоему. Сделай глубокий вдох, нырни и досчитай до пятнадцати. Между числами вставляй слово «приветик». Раз привѣтик, два приветик, три приветик, в таком духе.

Люк повиновался. Когда он вынырнул на поверхность, Дейв (фамилия до сих пор не известна) спросил, какое животное загадал он. В голове вспыхнуло слово КЕНГУРУ.

— Не знаю, говорю же! Я ТЛК, а не ТЛП! Даже не положительный!

— Под воду, быстро. Тридцать секунд, и не забывай вставлять приветики. У меня секундомер, умник.

В третий раз его макнули на сорок пять секунд, а в четвертый — на целую минуту. После каждого захода ему задавали вопросы. От животных перешли к именам зрителей — Глэдис, Норма, Пит, Присцилла.

— Да я не знаю! — заорал Люк, вытирая воду с глаз. — Как вы не понимаете?!

— Зато мы понимаем, что в следующий раз ты нырнешь на минуту и пятнадцать секунд, — сказал Зик. — А пока считаешь, подумай заодно, долго ли ты хочешь этим заниматься. Все в твоих руках, умник.

Люк попытался всплыть на шестидесяти семи. Зик схватил его за голову и погрузил обратно под воду. Через несколько секунд Люк вынырнул, задыхаясь и чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди.

— Какую спортивную команду я загадал? — спросил Дейв, и Люк увидел яркую вывеску с надписью «ВИКИНГИ».

— *Не знаю!*

— Врешь, — сказал Зик. — Теперь ныряй на полторы минуты.

— Нет! — крикнул Люк, отодвигаясь подальше от края бака, изо всех сил пытаясь не паниковать. — Не могу!

Зик закатил глаза.

— Все ты можешь, ссыкло! Ныряльщики за жемчугом на девять минут дыхание задерживают, а тебе на каких-то девяносто секунд надо. Или не надо — если скажешь дяде Дейву, какая у него любимая спортивная команда.

— Он мне не дядя, и я не могу сказать! Выпустите меня! — Люк в отчаянии добавил: — Пожалуйста!..

Зик достал из чехла шокер и демонстративно выставил мощностную шкалу на максимум.

— Хочешь, чтобы я сунул это в воду? Затанцуешь, как Майкл Джексон, поверь мне! Ну-ка быстро сюда.

Люк безропотно подошел к краю бака. Как там говорила доктор Ричардсон? *Наоборот, даже весело?*

— Последний шанс, — рявкнул Зик. — Какую команду загадал Дейв?

«Викингов», «Миннесотских викингов», мать твою! Команду моего родного города.

— *Не знаю.*

— Что ж, — с деланой грустью произнес Зик. — Морпех Эллис снова уходит под воду.

— погоди, дай ему пару сек подготовиться, — сказал Дейв. Лицо у него было встревоженное. — Набери побольше воздуха в легкие, Люк. И попробуй успокоиться. Когда ты паникуешь, организм расходует больше кислорода.

Люк раз шесть вдохнул и выдохнул, затем нырнул. Зик крепко схватил его сверху за волосы. Спокойно, спокойно, спокойно, думал Люк. И еще: ах ты сука, Зик, садист ты вонючий, как я тебя ненавижу!

Он досчитал до девяноста и вынырнул, жадно глотая воздух. Дейв вытер ему лицо полотенцем.

— Заканчивай, парень, — пробормотал он Люку на ухо. — Просто скажи, о ком я подумал. Это имя киноактера.

«МЭТТ ДЕЙМОН», — гласила надпись на вывеске.

— Не знаю. — Люк заплакал, слезы побежали по его влажному лицу.

Зик сказал:

— Ладно, теперь не дышим минуту сорок пять секунд. Целых сто пять жирненьких секунд, и не забывай про приветы! Глядишь, скоро сделаем из тебя ныряльщика за жемчугом.

Люк опять надышался как следует, но когда досчитал под водой до ста, понял, что сейчас наберет полные легкие воды. Тогда они вытащат его, откачают и снова макнут. И так до тех пор, пока он не расколется или не утонет.

Наконец Зик убрал руку с его затылка. Люк выскочил на поверхность, глотая воздух и кашляя. Ему дали время отдышаться, а потом Зик сказал:

— Ладно, хрен с этими животными, спортивными командами и прочей ерундой. Просто скажи: «Я телепат, я ТЛП», — и все закончится.

— Хорошо! Я телепат!

— Отлично! — закричал Зик. — Прогресс налицо! Какое число я загадал?!

На вывеске вспыхнуло 17.

— Шесть, — ответил Люк.

Зик изобразил противный гудок из телевикторины.

— Ответ неверный! Я загадал семнадцать. Теперь ныряешь на две минуты.

— Нет! Пожалуйста! Я не могу!

Дейв тихо сказал:

— Последний раз, Люк.

Зик от души толкнул коллегу в плечо.

— Хорош врать-то! — Он переключил внимание на Люка. — Сейчас тридцать секунд дышишь, потом ныряешь. Олимпийским призером будешь, детка!

Люку ничего не оставалось. Он начал быстро вдыхать и выдыхать воздух, но задолго до того как закончились тридцать секунд, Зик схватил его за затылок и сунул под воду.

Люк открыл глаза и уставился на белую стенку бака. Краска в паре мест была содрана — быть может, ногтями детей, которых подвергали этой пытке. Розовых. А почему только розовых? Ясное дело почему: Хендрикс и Эванс считают, что набор экстрасенсорных способностей у детей можно расширить. А розовых не так жалко, они по сути — расходный материал. Пушечное мясо.

Мясо, подумал он, я — мясо. Спокойно, спокойно.

И хотя он изо всех сил пытался достичь дзена, легкие в конце концов потребовали воздуха. Весь его дзен — и так не бог весть какой — развалился на куски при мысли о том, что в следующий раз придется нырнуть на две минуты пятнадцать секунд, потом на две минуты и тридцать, потом...

Он заметался. Зик продолжал крепко держать его за голову. Люк оттолкнулся ногами от дна и почти вынырнул на поверхность, однако Зик прижал его обеими руками. Перед глазами вспыхнули точки — они сперва отделились, потом с огромной скоростью помчались навстречу, затем снова отлетели подальше и завертелись, как взбесившаяся карусель. Люк подумал: *Штази-огоньки. Я умру, глядя на...*

Зик — в насквозь мокрой белой блузе — вытащил его из воды.

— Я ведь снова тебя макну. А потом еще раз. И еще. И буду макать, пока ты не захлебнешься. Тогда мы тебя откачаем и опять макнем, откачаем и опять... Даю последний шанс: какое число я загадал?!

— Не... — Люка вырвало водой, — знаю!

Зик по-прежнему сверлил его испытующим взглядом. Люк выдержал, не отвернулся и не опустил глаза, хотя из них хлестали слезы. Наконец Зик буркнул:

— Ладно, хрен с тобой, умник. Дейв, выпри его, и пусть валит к себе, ссыкло вонючее. Не хочу его больше видеть.

Он ушел, хлопнув дверью.

Люк выбрался из бака, пошатнулся и чуть не упал. Дейв помог ему устоять на ногах и дал полотенце. Люк вытерся и как можно быстрее натянул одежду — скорее к себе, подальше от этого бака и от этого уroda!.. Однако даже полуживой, он осмелился задать вопрос:

— Почему это так важно? Нас же здесь не для этого держат!

— Откуда ты знаешь, зачем вас тут держат? — спросил Дейв.

— Я не тупой.

— На твоём месте я придержал бы язык, Люк. Хотя ты мне нравишься, дерзить тебе не позволено.

— Не знаю, зачем эти цветные точки, но они никому новых способностей не добавляют! Что вы *творите*?! Вы вообще зна...

Дейв отвесил ему оплеуху — со всей дури, так, что Люк шлепнулся в лужу на полу и промочил джинсы.

— На вопросы я не отвечаю. — Дейв нагнулся. — Мы все знаем, умник, заруби это себе на носу. *Мы знаем, что делаем!* — Ставя Люка на ноги, он добавил: — В прошлом году один парень сумел задержать дыхание на три с половиной минуты. Геморроя мы с ним хапнули, это да, но он хотя бы был мужиком.

12

В комнату заглянул встревоженный Авери. Люк сказал, что хочет побыть один.

— Все плохо, да? — спросил мелкий. — Тебя макали. Было очень страшно. Бедный...

— Со мной все нормально, спасибо. Иди, потом поговорим.

— Хорошо.

Авери ушел, заботливо прикрыв за собой дверь. Люк лежал на спине и старался не думать о жутких секундах под водой, но получалось так себе. Он все ждал возвращения цветных огоньков: сейчас они вспыхнут и начнут мелькать перед глазами, нарезать круги, закручиваться в водовороты. Огоньки не появились, и Люк начал успокаиваться. Одна мысль заглушала прочие, даже страх перед огоньками, которые могли вернуться и больше уже не исчезнуть.

Надо валить отсюда. Валить, а если не получится — надо умереть, прежде чем с него снимут сливки на Дальней половине, а потом заберут и все остальное.

13

Мошкары в июле почти не было, и доктор Хендрикс решил поговорить с Зиком Ионидисом на улице, у входа в административное здание, где под раскидистым дубом стояла скамейка. Рядом лениво развевался на летнем ветру американский флаг. На коленях у доктора Хендрикса лежало досье Люка.

— Значит, вы уверены, — сказал он Зику.

— Да. Я этого гада пять или шесть раз макал — каждый раз на пятнадцать секунд дольше, как вы и велели. Если бы он умел читать мысли, то прочел бы, это как пить дать. От такого любой морпех соловьем запоет, не то что пацан с тремя волосинами на яйцах.

Хендрикс хотел возразить, потом вздохнул и покачал головой.

— Ничего страшного. У нас полно других розовых, а скоро и новеньких подвезут — есть где разгуляться. Жаль, конечно. Я возлагал большие надежды на этого мальчика.

Он открыл папку с розовым кружком в верхнем правом углу, достал из кармана ручку и перечеркнул первую страницу по диагонали.

— Ладно хоть здоров. Эванс говорит, с ветрянкой пронесло — эта дура Бенсон его не заразила.

— Он разве не привит? — спросил Зик.

— Привит, но она же его взасос поцеловала — обменялись слюной. А болела она тяжело. Рисковать было нельзя, решили перестраховаться на всякий случай.

— И когда его переведут на Дальнюю половину?

Хендрикс улыбнулся.

— Не терпится сплавить?

— Да уж. Может, ветрянкой его Бенсон и не заразила, зато от Уилхолма он явно подцепил микроб ну-вас-всех-в-жопу.

— Переведем, как только получу добро от Хекла и Джекла*.

Зик театрально передернул плечами.

— Бр-р-р. Жуткие типы.

Хендрикс решил оставить свое мнение о врачах Дальней половины при себе.

— Вы уверены, что телепатических способностей у него нет?

Зик похлопал его по плечу:

— Да, можете быть уверены.

14

Пока Хендрикс и Зик обсуждали его будущее, Люк шел обедать. Он до сих пор не оправился от пережитого ужаса, но его терзал зверский голод. На вопросы Стиви Уиппла о том, где он был и что случилось, Люк лишь помотал головой. Он не хотел говорить о баке — ни сейчас, ни позже. Наверное, это как на войне. Тебя призы-

* Хекл и Джекл — персонажи мультсериала и комиксов «Хекл и Джекл», выпускавшихся в 1950–1970 гг. студией «Двадцатый век Фокс». Две совершенно одинаковые на вид антропоморфные сороки, обманщики и плуты, без конца разыгрывают окружающих и всячески донимают их своими проделками.

вают, ты служишь, а потом ни с кем не хочешь говорить о том, что видел и что с тобой происходило.

Набив живот феттучини альфредо, Люк заснул. После сна ему немного полегчало, он отправился на поиски Морин и обнаружил ее в Восточном крыле. Похоже, Институт ждал свежей поставки детей. Люк подошел к экономке и предложил помочь с подготовкой комнат.

— Хочу заработать пару жетонов, — пояснил он.

— Нет, я сама справлюсь.

Она старела не по дням, а по часам. Скоро ли начальство заметит состояние экономки и запретит ей выходить на работу? И что тогда? Люку не хотелось знать, что в Институте делают с бывшими сотрудниками (да еще по совместительству стукачами). Вряд ли им положена пенсия.

В тележке на сей раз лежало чистое белье, и Люк незаметно бросил туда свою записку. Он нацарапал ее на листочке для напоминалок, который стащил из ниши с расходниками в кабинете ЭЭГ. Там же он украл дешевую шариковую ручку, которую теперь хранил у себя под матрасом. На корпусе ручки обнаружилась ценная надпись: «АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ ДЕННИСОН-РИВЕР-БЕНД». Морин увидела записку, прикрыла ее чистой наволочкой и легонько кивнула. Люк пошел дальше.

В ту ночь он долго перешептывался с Авери, не давая тому заснуть. Плана должно быть два, сказал Люк, одним никак не обойтись. Он полагал, что Авери понял. Или *надеялся* на это.

Потом он еще долго лежал без сна, слушая тихое посапывание мелкого и разрабатывая план. Идея побега казалась ему одновременно нелепой и полностью осуществимой. Камеры давно запылились. А сколько раз Люк болтался по Институту совершенно один, собирая крохи информации и подслушивая чужие разговоры? И никому не было до него никакого дела! Наверняка в коридорах помимо липовых «слепых» зон, о которых Сигсби и ее приспешники на самом деле прекрасно зна-

ли, были и настоящие (по крайней мере он на это надеялся). Уравнение, если вдуматься, очень простое. Попытка не пытка. Иначе — Штази-огоньки, фильмы, головные боли и бенгальский огонь как команда к действию (какому?). А в самом конце — пчелиный гул.

Когда опыты прекратятся, считай, через 3 дня перевод.

15

На следующий день Тревор Стэкхаус пришел в кабинет миссис Сигсби. Она сидела над раскрытой папкой, читая и делая какие-то пометки. Не отрываясь от чтения, она молча подняла вверх указательный палец. Стэкхаус подошел к окну, выходившему на Восточное крыло так называемого Общежития — можно подумать, у них тут настоящий кампус. В глухом лесу на севере штата Мэн, ага. Он увидел, что возле торговых автоматов, которые недавно укомплектовали новыми закусками, пасутся двое-трое детей. Алкоголя и сигарет в той комнате отдыха не было аж с 2005 года. Восточное крыло частенько оставалось полупустым или вовсе простаивало без жильцов, а если жильцы и были, они вполне могли покупать себе спиртное и табак в автоматах Западной комнаты отдыха. Кто-то пробовал и больше не пил, но многие (главным образом те, кого внезапные жизненные перемены вогнали в жестокую депрессию) быстро привыкали. Впоследствии они становились самыми беспроблемными подопечными Института, так как ради жетонов были готовы на что угодно. Карл Маркс называл опиумом для народа религию, однако Стэкхаус имел на этот счет свое мнение. «Лаки страйк» и «Бунс фарм» (излюбленный напиток местных леди) тоже отлично работают.

— Так, все, — сказала миссис Сигсби, закрывая папку. — Теперь я готова побеседовать, Тревор.

— Опаловая команда везет четырех новеньких, — сказал Стэкхаус. Он стоял, широко расставив ноги и сцепив

руки за головой — как капитан на палубе своего корабля, подумала миссис Сигсби. На нем был фирменный коричневый костюм, ужасный выбор для середины лета, но Стэкхаус, по всей видимости, считал эти костюмы неотъемлемой частью своего *имиджа*. — Столько подопечных у нас не было с две тысячи восьмого года.

Он наконец отвернулся от окна — все равно смотреть было не на что. Иногда — а вернее, часто — дети начинали его бесить. Учителя в этом смысле достойны восхищения: годами имеют дело с малолетними уродами, лишённые возможности даже отвесить шлепок или ударить током смутьяна вроде Николаса Уилхолма (ныне, к счастью, нас покинувшего).

Миссис Сигсби сказала:

— Были времена — еще до нас с вами, — когда здесь собиралось больше ста детей. Имелся даже *список очередности*.

— Да, да, список очередности — это прекрасно. А меня вы зачем позвали? Опаловая группа сейчас на выезде. Один случай требует особого внимания, я сегодня и сам туда вылетаю. Ребенок находится на охраняемой территории.

— В реабилитационном центре, вы хотите сказать.

— Верно. — Высокофункциональные ТЛК обычно неплохо социализировались, а вот у ТЛП, наоборот, были проблемы с общением. Они часто становились алкоголиками или наркоманами (чтобы хоть как-то заглушить поток непрерывно поступающей информации, полагал Стэкхаус). — Однако дело того стоит. Она, конечно, не Диксон — у того способности просто феноменальные, — но близко. Говорите, что вас беспокоит, и дайте мне вернуться к работе.

— Не то чтобы беспокоит... Просто хочу обратить ваше внимание на одну вещь. Только не стойте над душой, ради бога, вы меня нервируете! Возьмите стул.

Пока Стэкхаус подтаскивал себе стул, миссис Сигсби нашла на рабочем столе компьютера видеофайл и вклю-

чила его. То была трансляция с видеокамеры над торговыми автоматами — мутная картинка дрожала и примерно каждые десять секунд прерывалась помехами. Во время очередного перерыва миссис Сигсби нажала паузу.

— Во-первых, — противным менторским тоном говорила она, — обратите внимание на качество изображения. Это совершенно неприемлемо. А ведь такую же отвратительную картинку выдает по меньшей мере половина наших камер. В замшелом ночном магазине Бенда камера и то лучше. — Она имела в виду соседний поселок Деннисон-Ривер-Бенд. И была, конечно, права.

— Я передам куда следует, но мы оба прекрасно знаем, какая здесь инфраструктура. Говно, а не инфраструктура! Капитальный ремонт проводился лет сорок назад, когда в стране были совсем другие порядки. Тогда жилось проще, прямо скажем. Между прочим, у нас всего два айтишника, один из которых сейчас в отпуске. Все компьютерное оборудование давно устарело, да и генераторы тоже. И вы в курсе.

Миссис Сигсби была в курсе. Проблема заключалась не в слабом финансировании, а в невозможности набирать персонал со стороны. По сути, этакая уловка-22. Институт — секретная организация, существующая в век социальных сетей и хакеров. Если наружу просочится хоть шепоток о том, что здесь происходит, это будет конец. Не только их жизненно важной деятельности, но и всему персоналу. Поэтому нанимать работников трудно, пополнять запасы расходных материалов и продуктов питания — очень трудно, а производить ремонтные работы — почти невозможно.

— Помехи идут от кухонного оборудования, — сказал Тревор. — Миксеры, измельчители отходов, микроволновки. Я попробую что-нибудь сделать.

— Может, заодно и объективами камер займетесь? Тут высокие технологии не нужны. Это называется «протирка пыли». Уборщики же у нас есть!

Стэкхаус взглянул на часы.

— Ладно, Тревор. Намек я поняла. — Миссис Сигсби снова включила трансляцию. В кадре появилась Морин Алворсон с ведром воды. С ней шли двое: Люк Эллис и Авери Диксон, феноменальный ТЛП, который теперь ночевал у Эллиса. Качество картинки было так себе, но звук хороший.

— Здесь можно поговорить, — сказала Морин. — Микрофон есть, но он давно сломан. Вы, главное, улыбайтесь почаще — как будто спрашиваете у меня жетоны. Ну, что случилось? Только быстро.

Воцарилась тишина. Маленький мальчик почесал предплечья, уцепился за ноздри и посмотрел на Люка. Значит, Диксон тут за компанию, а разговор затеял Эллис. Стэкхауса это не удивило: он же умник. Шахматист.

— Ну, мы насчет случившегося в столовой хотели спросить... Про Гарри и близняшек. Мы волнуемся.

Морин вздохнула и поставила ведро.

— Да, я слышала. Ужас, конечно. Но у ребят все хорошо, насколько я знаю.

— Правда? У всех троих?

Морин молчала. Авери смотрел на нее с тревогой, то и дело почесывался, щипал свой нос и в целом выглядел так, словно вот-вот описается. Наконец она произнесла:

— Ну, может, *в данный момент* и не очень хорошо... Я слышала, как доктор Эванс сказал, что они лежат в медсанчасти на Дальней половине. Врачи там опытные.

— А что еще тут есть, кроме...

— Тихо. — Она подняла руку и оглянулась. Картинка дернулась, но звук по-прежнему был чистый. — Никаких вопросов про Дальнюю половину. Мне запрещено про нее рассказывать, можно только говорить, что там хорошо — лучше, чем на Ближней половине. И что вы проведете там пару-тройку недель, а потом вернетесь домой.

Когда картинка прояснилась, Стэкхаус и Сигсби увидели, что Морин крепко обнимает обоих ребят.

— Нет, вы только посмотрите! — восхищенно произнес Стэкхаус. — Ну прямо мамаша Кураж!* Молодец какая.

Миссис Сигсби шикнула.

Люк спросил Морин, точно ли Гарри и близняшки живы.

— Они ведь были... ну, как мертвые.

— Да, все дети так говорят, — закивал Авери и с силой дернул себя за нос. — У Гарри был припадок, а потом он перестал дышать. У Греты голову скособочило...

Морин не спешила оправдываться — Стэкхаус прямо видел, как она тщательно выбирает слова. А из нее, между прочим, вышел бы неплохой агент разведки — там, где разведка действительно нужна.

Мальчики терпеливо ждали.

Наконец она заговорила:

— Меня, конечно, там не было, и выглядело это наверняка страшно, я вам верю... Но у страха глаза велики, вы же знаете. — Морин снова умолкла. Авери еще разок ушипнул свой нос для успокоения нервов, и она продолжила: — Если с парнем, этим Кроссом, действительно случился припадок, то ему уже дают нужные лекарства. А насчет Греты... я проходила мимо комнаты отдыха для персонала и подслушала доктора Эванса... так вот, у нее растяжение шеи. Придется носить специальный воротник. Сестра, видимо, с ней — ну, для моральной поддержки.

— Хорошо, — с явным облегчением ответил Люк. — Если вы так уверены...

— Конечно, уверена! Больше я тебе ничего не скажу, Люк. Здесь многие врут, да я не из таких. Меня учили не врать людям, а тем более детям. Я правда считаю,

* «Мамаша Кураж и ее дети» — пьеса Бертольта Брехта, написанная в 1938–1939 гг., история предприимчивой маркитантки, которая сопровождает войска и теряет на бесконечной войне сыновей и дочь.

что с вашими друзьями все хорошо. Но почему вы спрашиваете? Просто за друзей переживаете или задумали чего?

Люк посмотрел на Авери. Тот изо всех сил дернул себя за нос и кивнул.

Стэкхаус закатил глаза.

— Господи, если тебе так надо поковыряться в носу — поковырайся уже!

Миссис Сигсби нажала на паузу.

— Ребенок так успокаивается, это нормально. Лучше пусть нос дергает, чем хватается себя за промежность. Таких я тоже немало повидала на своем веку — и мальчиков, и девочек. Слушайте внимательно, сейчас будет самое интересное.

— Если я вам кое-что шепну, вы ведь никому не расскажете? — спросил Люк.

Несколько секунд Морин обдумывала его слова, пока Авери сосредоточенно терзал свой несчастный нос, затем кивнула.

Люк заговорил тише (миссис Сигсби прибавила громкость):

— Кое-кто из детей поговаривает о том, чтобы устроить голодовку. Ничего не есть, пока нам не докажут, что с Гарри и близняшками все хорошо.

Морин тоже понизила голос:

— А кто?

— Я точно не знаю, — ответил Люк. — Кто-то из новеньких.

— Ты им скажи, что это плохая идея. Ты ведь умный мальчик, Люк, очень умный, и наверняка знаешь, что такое меры *пресечения*. Потом объяснишь Авери. — Она пристально поглядела на мальчишку, который выкрутился из ее объятий и с опаской прикрыл нос рукой — словно боялся, что сейчас она сама его схватит и оторвет. — Все, мне пора. Не хочу, чтобы вы попали в беду, и сама на рожон не лезу. Если вас спросят, о чем мы тут болтали...

— Выпрашивали у вас задания, чтобы получить жетончики, — сказал Авери. — Мы поняли.

— Вот и славно. — Она покосилась на камеру, потом вновь перевела взгляд на мальчиков. — Скоро вы вернетесь домой, а до тех пор — не делайте глупостей. Не раскачивайте лодку.

Она схватила тряпку для пыли, быстро протерла лоток торгового автомата с алкоголем, взяла ведро и ушла. Люк и Авери немного постояли в коридоре и тоже двинулись дальше. Миссис Сигсби закрыла видео.

— Голодовка, стало быть. — Стэкхаус улыбнулся. — Что-то новенькое!

— Да, — кивнула миссис Сигсби.

— Одна мысль о голодовке наполняет меня ужасом. — Его улыбка превратилась в широкую ухмылку. Стэкхаус понимал, что Сиггерс это наверняка не нравится, но ничего не мог с собой поделать.

К его удивлению, она тоже засмеялась. Он вообще когда-нибудь слышал ее смех? Пожалуй, нет.

— Согласна, это и впрямь забавно! Из детей получатся худшие в мире забастовщики. Они же едят все, что не приколочено! Однако вы правы, такого прежде не случалось. Как думаете, кому из новеньких пришла в голову такая блестящая идея?

— Ой, да бросьте. Никому. Умник у нас один, остальные вообще не знают, что такое голодовка. И он провел здесь почти месяц.

— Согласна, — кивнула Сиггерс. — Я тоже хочу, чтобы его поскорее перевели на Дальнюю половину. Уилхолм всем надоел, но он хотя бы бунтовал в открытую. А Эллис... *тихушник*. Терпеть не могу тихушников.

— Долго он еще здесь пробудет?

— До воскресенья или понедельника, если Хэллас и Джеймс дадут добро. А они дадут. Хендрикс свои эксперименты над ним закончил.

— Отлично. Так что, вы примете какие-то меры касательно этой голодовки или плюнете? Я бы плюнул.

Они сами быстро забросят идею, если вообще решатся что-то предпринять.

— Я лучше приму меры. Как вы сказали, у нас сейчас много подопечных, и неглупо будет хотя бы раз обратиться к ним публично.

— Тогда Эллис, вероятно, поймет, что Алворсон — стукачка.

Да какое там «вероятно»! Учитывая его IQ, обязательно поймет.

— Не важно. Скоро его переведут, а следом и его дружка с нервным тиком. Да, насчет камер наблюдения...

— Сегодня же черкну Энди Феллоузу записку. Как только вернусь, мы этим займемся. — Стэкхаус наклонился вперед, сцепив руки, и пристально посмотрел карими глазами в ее серые, как сталь. — А вы пока расслабьтесь, не то язву заработаете. Хотя бы раз в день напоминайте себе, что имеете дело с детьми, а не с матерыми преступниками.

Миссис Сигсби не ответила: она, конечно, знала, что он прав. Даже Люк Эллис — всего лишь ребенок, хоть и умный. И после Дальней половины он останется ребенком, а вот умным уже никогда не будет.

16

Когда вечером миссис Сигсби вошла в столовую, стройная и прямая в своем алом костюме, серой блузке и с ниткой жемчуга на шее, ей даже не пришлось стучать ложечкой по стакану и привлекать внимание собравшихся. Все разговоры моментально стихли. У входа в комнату отдыха столпились лаборанты и зрители, персонал столовой собрался за салатной стойкой.

— Большинство из вас знает, — заговорила миссис Сигсби приятным зычным голосом, — о прискорбном инциденте, происшедшем в столовой два дня назад. Ходят слухи, что в результате инцидента погибли двое детей.

Я спешу вас заверить, что это неправда. В Институте детей не убивают. — Она окинула взглядом собравшихся. Дети, забыв о еде, таращились на нее. — На случай, если кто-то увлекся фруктовым салатом и не слушал меня, повторю: *мы не убиваем детей*. — Она помолчала. — Да, вы находитесь здесь не по собственной воле. Мы это понимаем, однако не считаем нужным извиняться. Вы служите на благо своей страны и всего мира! Когда ваша служба подойдет к концу, никто не вручит вам медалей. В вашу честь не будет парадов и салютов, вы не запомните слова нашей искренней благодарности — поскольку все ваши воспоминания об Институте будут ликвидированы. Для тех, кто не знает этого слова, — стерты. — Она на мгновение встретилась взглядом с Люком, как бы говоря: *Уж ты-то, конечно, знаешь*. — Однако будьте уверены: мы глубоко вам благодарны. Хотя здесь на вашу долю выпадет немало тяжелых испытаний, вы останетесь живы, здоровы и вернетесь домой. Мы не потеряли еще ни одного ребенка.

Миссис Сигсби снова умолкла, ожидая вопросов и возражений. Уилхолм бы ей возразил, но Уилхолма больше не было. Эллис тоже возражать не стал, потому что никогда не вступал в открытую конфронтацию. Даже в шахматах он действовал исподтишка и нередко предпочитал прямому нападению какой-нибудь хитрый гамбит. А смысл?..

— У Гарри Кросса случился небольшой припадок, вызванный проверкой остроты и широты поля зрения, которую многие из вас называют «точками» и «огоньками». Он случайно ударил Грету Уилкоккс, пытавшуюся его утешить — поступок девочки, согласитесь, достоин восхищения. Травма привела к серьезному растяжению мышц ее шеи, но пациент уже идет на поправку. Сестра находится с ней. На следующей неделе Гарольд и девочки отправятся домой — и мы, конечно, желаем им всего наилучшего.

Она вновь нашла взглядом Люка, сидевшего за столом у дальней стены. Его маленький друг устроился рядом.

Он слушал, разинув рот (и наконец-то оставив в покое свой многострадальный нос).

— Если кто-то станет утверждать обратное, не сомневайтесь: он лжет. Вы должны немедленно сообщить о распространении недостоверной информации зрителям или лаборантам. Это понятно?

Тишина. Никто даже не кашлянул.

— Если все понятно, скажите: «Да, миссис Сигсби».

— Да, миссис Сигсби, — без энтузиазма ответили дети.

Она сухо улыбнулась:

— Думаю, вы можете громче.

— *Да, миссис Сигсби!*

— А теперь так, чтобы я вам поверила!

— **ДА, МИССИС СИГСБИ!** — На сей раз к детям присоединились даже зрители, лаборанты и работники столовой.

— Прекрасно. — Она улыбнулась. — Нет ничего лучше для очистки легких и разума, чем покричать от души, верно? Можете вернуться к еде. — Она обратилась к поварам в белых халатах: — Сегодня всем положен дополнительный десерт перед сном. У вас ведь найдется торт и мороженое, Дуг?

Шеф-повар Дуг показал кружок из большого и указательного пальцев. Кто-то захлопал, остальные присоединились. Миссис Сигсби кивками поблагодарила собравшихся за аплодисменты и вышла из столовой, высоко подняв голову и слегка размахивая руками (ее руки чертили в воздухе небольшие, точно выверенные дуги, а на губах царила не иначе как улыбка Моны Лизы — так ее описал бы Люк). Белые халаты расступились, освобождая дорогу.

Все еще хлопая в ладоши, Авери прижался к Люку и зашептал:

— Она все *наврала!*

Люк едва заметно кивнул.

— Вот сука, — сказал Авери.

Люк опять кивнул и послал короткое мысленное сообщение: *Ты хлопай, хлопай.*

17

В ту ночь они лежали рядом в кровати Люка, пока Институт готовился ко сну.

Авери шепотом рассказывал все, что сообщила ему Морин. Она посылала мысли по условному сигналу — когда он дергал себя за нос. Люк боялся, что Морин не поймет его указаний (да, очередной предрассудок — подобные опасения невольно вызывала коричневая форма obsługi; надо будет над этим поработать), но та прекрасно все поняла и шаг за шагом выполнила каждую инструкцию. Люк сперва решил, что Авестер перестарался с сигналами — мог бы посылать менее заметно, — однако все прошло как нельзя лучше. Оставался один-единственный вопрос: получится ли провернуть первый пункт плана. Он был до смешного прост.

Мальчики лежали на спине и смотрели в темноту. Люк в десятый — а то и в пятнадцатый — раз проходил-ся по всем пунктам, когда Авери вдруг заполнил его разум тремя словами. Они вспыхнули красным неоновым и потухли, оставив за собой светящийся след:

Да, миссис Сигсби.

Люк пихнул Авери в бок.

Тот захихикал.

Несколько секунд спустя слова вернулись — и на сей раз вспыхнули еще ярче:

Да, миссис Сигсби!

Люк снова его пихнул, но с улыбкой, и Авери наверняка это почувствовал даже в темноте. Улыбка играла в его мыслях, а не только на губах, и Люк считал, что имеет на нее полное право. Возможно, ему не удастся сбежать из Института, но сегодня хороший день. А надежда — такое славное слово и такое славное чувство.

ДА, МИССИС СИГСБИ, ДУРА ТЫ СРАННАЯ!

— Прекрати, не то я тебя защекочу, — прошептал Люк.

— Сработало, так ведь? — спросил Авери. — Ну скажи, сработало? Думаешь, ты сумеешь...

— По крайней мере попробую. А теперь заткнись и спи.

— Я хочу с тобой. *Ужасно* хочу.

— Я тоже хочу взять тебя с собой, — прошептал Люк. И не соврал. Авери здесь будет нелегко. Он лучше социализирован, чем Г. и Г. или Уиппл, однако душой компании его не назвать.

— Возвращайся с тысячей копов, — пробормотал Авери. — И возвращайся поскорей, пока меня не забрали на Дальнюю половину. Пока мы еще можем спасти Калишу.

— Сделаю, что смогу, — пообещал Люк. — И хорош орать у меня в голове! Пошутил, и хватит. Несмешно уже.

— Вот бы твои ТЛП-способности были посильнее... И вот бы тебе не было так больно посылать мысли. Мы бы тогда нормально поговорили...

— Ага, держи карман шире! Последний раз повторяю: засыпай.

Авери наконец заснул, и Люк тоже начал клевать носом. Первый ход Морин был громоздкий и шумный, как старая, дребезжащая машина для льда в коридоре, зато он подтвердил его прежние наблюдения: пыльные камеры, обшарпанные плинтуса, которые некому подкрасить, забытый на столе ключ-карта... Люк снова нарисовал в уме ракету с выключенными двигателями, скользящую в пространстве исключительно по инерции.

На следующий день Вайнона отвела его на уровень С, где врачи еще раз быстренько пробежались по верхам: замерили ему давление, пульс, температуру, уровень кис-

лорода в крови. Когда Люк спросил, что будет дальше, Дейв заглянул в блокнот, солнечно улыбнулся — словно никогда в жизни его не бил — и сообщил, что в плане никаких процедур нет.

— У тебя выходной, Люк. Поздравляю! — Он поднял открытую ладонь.

Люк тоже улыбнулся и дал ему пять, а сам при этом вспомнил записку Морин: *Когда опыты прекратятся, считай, через 3 дня перевод.*

— А завтра что? — спросил он, когда они вернулись к лифту.

— Завтра будет завтра, — ответил Дейв. — Давай решать проблемы по мере их поступления. Иначе никак.

Люку подобная тактика не подходила. Ему требовалось время, чтобы еще разок пройтись по всем пунктам плана Морин — а точнее, чтобы попрокрастинировать, — но время, похоже, было на исходе.

Вышибалы стали ежедневной забавой институтских детей, практически ритуалом, и к игре присоединялись все без исключения — хотя бы ненадолго. Люк тоже вошел в круг и минут десять потолкался, прежде чем подставиться под удар. Однако к вышибалам он не присоединился, а пошел по асфальтированной баскетбольной площадке к забору — мимо Фриды Браун, в одиночку бросавшей мяч в корзину. Люк подумал, что бедняга до сих пор толком не поняла, куда попала. Он сел на гравий спиной к сетке-рабице. Ладно хоть мошкары стало поменьше... Люк опустил руки и принялся невзначай водить ими туда-сюда по гравию.

— Побросаешь со мной? — спросила Фрида.

— Как-нибудь попозже, — ответил Люк. Он незаметно просунул руку за спину и нащупал дыру в нижней части забора, о которой говорила Морин: сетка в том месте неплотно прилегала к земле. Видимо, промоина образовалась весной после схода снега. Неглубокая, всего пару дюймов, однако этого будет вполне достаточно. Люк подсунул руку под сетку — острые концы проволо-

ки уперлись в его раскрытую ладонь. Он пошевелил пальцами на воле, потом встал, отряхнул штаны и предложил Фриде сыграть в КОЗЛА. Та закивала. Ее радостная улыбка словно бы говорила: *Да! Конечно! Давай дружить!* Прямо сердце разрывалось.

19

На следующий день тоже не было процедур, никто даже не стал измерять ему давление и пульс. Люк помог Конни, уборщице, выгрузить из лифта два матраса и растащить их по комнатам в Восточном крыле. За труды ему достался один-единственный жетон (все уборщики были изрядные жмоты, когда дело касалось выдачи жетонов). По дороге в свою комнату он встретил Морин. Та стояла возле машины для льда и пила воду из бутылочки, которую всегда здесь держала. Люк предложил ей помощь.

— Не нужно, спасибо. — Она заговорила тише: — Я видела, как Хендрикс и Зик разговаривали о чем-то на улице возле флагштока. Тебя еще водят на процедуры?

— Нет. Уже второй день не водят.

— Так я и думала. Сегодня пятница. Тебя, наверное, заберут в субботу или в воскресенье. На твоём месте я бы не тянула. — Смесь тревоги и сочувствия на ее осунувшемся лице повергла Люка в ужас.

Сегодня ночью.

Он проговорил это беззвучно, одними губами, прикрыв сбоку рот ладонью — якобы почесался под глазом. Экономка кивнула.

— Морин... а они в курсе, что вы... — Он не смог закончить предложение, но в этом не было нужды.

— Они думают, у меня ишиас, — едва слышным шепотом ответила она. — Хендрикс, может, и догадывается, но ему плевать. Да и остальным тоже, пока я еще в состоянии работать. Ступай, Люк. Во время обеда я при-

берусь у тебя в комнате. Загляни под матрас, когда будешь ложиться спать. Удачи. — Она помедлила. — Так хочу тебя обнять, сынок...

На глаза Люка навернулись слезы. Он торопливо ушел, пока Морин не заметила.

За обедом он хорошенько подкрепился, хотя был почти не голоден. И за ужином надо будет сделать так же. Если план сработает, топливо ему ой как пригодится.

Вечером за ужином они с Авери ели в компании Фриды — та, похоже, запала на Люка. Потом все вышли на площадку. Люк отказался снова бросать мяч с Фридой, сославшись на то, что ему надо страховать Авери на батуте.

Пока мелкий лениво скакал вверх-вниз, приземляясь то на попу, то на живот, в голове Люка опять расцвели красные неоновые слова:

Сегодня ночью?

Люк помотал головой.

— Спи сегодня у себя, хорошо? Мне надо хоть раз проспать восемь часов подряд.

Авери сполз с батута и обратился на Люка серьезный взгляд.

— Не надо мне врать — типа, я загрузу, кто-нибудь это увидит и заподозрит неладное. Я не стану грустить и плакать. — Он выдавил безнадежно неестественную улыбку.

Ладно. Только не запори мне все.

Вернись за мной, если сможешь. Пожалуйста.

Вернусь.

Точки снова замаячили перед глазами, а с ними — яркое воспоминание о купании в баке. Люк подумал, что слишком перегрузил мозг телепатией.

Авери еще секунду сверлил его взглядом, потом убежал на баскетбольную площадку.

— Сыграем в КОЗЛА, Фрида?

Та посмотрела на него сверху вниз и сказала:

— Да я такую мелочь в два счета обыграю.

— А ты дай мне фору, запиши себе «К» и «О» — тогда посмотрим.

Они стали играть; на улице смеркалось. Люк зашагал прочь, напоследок оглянувшись на Авери (которого Гарри Кросс как-то назвал «дружком-пирожком»). Тот попробовал сделать бросок крюком и, конечно, промазал. Наверное, все равно ночью придет, хотя бы за зубной щеткой.

Но Авери не пришел.

20

Люк сыграл пару партий в «Слэп-дэш» и «100 мячей» на ноутбуке, почистил зубы, разделся до трусов и лег в постель. Выключил лампу, сунул руку под матрас. Он мог бы порезать палец ножом, который оставила ему Морин (этот был не пластиковый из столовой, а обычный, для овощей, со стальным лезвием), если бы она не завернула его заботливо в тряпочку. Там лежало кое-что еще, и Люк сумел опознать предмет на ощупь — бог свидетель, он часто пользовался этой штукой на воле. Флешка. Не включая свет, он нагнулся и спрятал оба предмета в карман брюк.

И начал ждать. Дети какое-то время еще носились туда-сюда по коридору — играли в догонялки или просто валяли дурака. Детей стало много, и перед сном в коридорах было шумно: они смеялись, кричали, преувеличенно громко шикали друг на друга, опять смеялись. Словом, выпускали пар. И *страх*. Громче всех орал Стиви Уиппл — видимо, он недавно открыл для себя вино и лимонад для взрослых. Руководство Института даже не пыталось призывать детей к порядку или следить за их режимом.

Наконец в той части общежития, где обитал Люк, наступила тишина. В последний раз проходясь по списку Морин, он слышал только мерный стук своего сердца и шевеление мыслей.

Когда выберешься наружу, беги к батуту, напомнил себе Люк. При необходимости воспользуйся ножом. Потом слегка возьми вправо.

Если выберешься.

Люк с облегчением обнаружил, что на восемьдесят процентов полон решимости и только на двадцать — страха. Решимость объяснялась очень просто: это его шанс, единственный шанс на спасение, и он сделает все, чтобы его не упустить.

Когда тишина в коридоре продержалась около получаса, Люк выбрался из кровати и схватил стоявшее на телевизоре пластиковое ведро для льда. Для зрителей у него была заготовлена правдоподобная история (если, конечно, кто-нибудь вообще следит за камерами в столь поздний час, а не коротает время за солитером).

История была про паренька, который рано засыпает, а потом вдруг просыпается среди ночи — то ли в туалет захотел, то ли кошмар увидел. Паренек бредет по коридору за льдом и прихватывает там заодно и совок. Смотрители решат, что он спросонья забыл вернуть его на место да так и ушел — с ведром в одной руке и совком в другой. Утром он увидит его на столе или раковине в ванной и очень удивится.

Позже, у себя в комнате, Люк положил немного льда в стакан, налил туда воды из-под крана и сразу выпил половину. Хорошо! Во рту и горле жутко пересохло. Он оставил совок на бачке унитаза и вернулся в кровать. Там он ворочался и что-то бормотал себе под нос — парню не спится без своего «дружка-пирожка». Может быть, никто за ним не наблюдает, а может — наблюдает, и на такой случай надо все сделать правильно.

Наконец Люк снова включил лампу, встал и оделся. Пошел в ванную, где не было камер (*вероятно*, не было), сунул совок в штаны и прикрыл его сверху футболкой «Твинс». Если камеры тут все же *есть* и кто-то сейчас за ним следит, то ему конец. Делать нечего — остается только перейти к следующей части истории.

Люк вышел из комнаты и побрел в комнату отдыха. Там прямо на полу храпел Стиви Уиппл, а рядом еще кто-то из новеньких. Вокруг валялось штук шесть пустых бутылочек из-под виски «Файербол». Это ж целая куча жетонов! Утром Стиви и его приятель проснутся с похмельем и пустыми карманами.

Люк перешагнул через Уиппла и вошел в столовую. Там было темно и немного жутко — горели только огни над салатной стойкой. Он взял яблоко из неиссякающей вазы с фруктами и, куснув его, поплелся обратно в комнату отдыха. Хоть бы за ним никто не наблюдал... А если кто-то наблюдает, хоть бы они поняли, какой номер он разыгрывает, и поверили ему! Мальчику не спится, он набирает себе льда и выпивает прохладной водички, отчего просыпается окончательно и решает перекусить. В столовой ему приходит в голову мысль: а почему бы не подышать свежим воздухом на площадке? Не он первый, не он последний. Калиша с Айрис пару раз ходили ночью на улицу — смотреть на звезды. В лесной глуши, вдали от городской засветки, звезды невероятно яркие. А ребята постарше устраивали на площадке свидания. Хорошо бы сегодня там никто не глазел на звезды и не тискался по углам.

Никого не было; стояла безлунная ночь, игровое оборудование казалось черными угловатыми тенями. Маленькие дети обычно боятся темноты, особенно если некому составить им компанию. Дети постарше, впрочем, тоже — просто они в этом не признаются.

Люк зашагал по площадке, морально готовясь познакомиться с ночного зрителя (их он и в лицо-то почти не знал) и ответить на вопрос, что он тут делает среди ночи с пластиковым совком в штанах. Уж не побег ли задумал? А если побег — ну это просто ошизеть, парень!

— Точно, ошизеть, — пробормотал Люк себе под нос и сел спиной к забору. — Я тут первый шизик.

Он стал ждать, не выйдет ли кто на площадку. Никто не выходил. Тишину нарушал лишь стрекот сверчков да

уханье далекой совы. Камера была, но вряд ли сейчас кто-то следит за площадкой, так? Охранники в Институте подзабили на свои обязанности, это ясно. А вот насколько подзабили — сейчас выяснится.

Люк задрал футболку и вытащил из штанов совок. Вообще-то он представлял, что сядет спиной к забору и будет копать правой рукой, изредка перекладывая совок в левую. Вышло иначе. Не глядя, что делает, он несколько раз заехал совком по железной сетке — звук в ночной тишине получился очень громкий. Кроме того, Люк не видел, сколько осталось копать.

Это безумие, подумал он.

Плюнув на камеру, он встал на колени и начал быстро рыть под забором, раскидывая гравий направо и налево. Казалось, прошло уже несколько часов. Интересно, какой-нибудь охранник на посту видеонаблюдения (сам он ни разу этого поста не видел, но очень хорошо представлял) уже хватился мальчика с бессонницей, который вышел подышать свежим воздухом и до сих пор не вернулся? Пошлет ли он кого-нибудь проверить? А ты не думал, Люкки, что на уличной камере может быть функция ночного видения? Как тебе эта мысль?

Он копал. По лицу струился пот, и мошки, дежурившие в ночную смену, уже начали слетаться на запах. Он копал. Из подмышек воняло. Сердце неслось галопом. Люк почувствовал, что сзади кто-то стоит, обернулся и увидел лишь стойку баскетбольной корзины на фоне звезд.

Под забором уже образовалась канавка. Неглубокая, но Люк всегда был тощим, а в Институте сбросил еще пару килограммов. Возможно...

Он лег и попробовал протиснуться под забор. Ничего не вышло. Еще копать и копать.

Надо вернуться. Вернуться и лечь в постель, пока тебя не поймали и не сделали с тобой что-нибудь ужасное в наказание за попытку побега...

Нет, это не вариант. Вообще не вариант. Ты просто трусишь. С тобой и так сделают ужасное — фильмы, Штази-огоньки, головная боль... и наконец — гул.

Люк крихтел и копал — вперед-назад, влево-вправо. Канавка под забором медленно углублялась. Какие идиоты, оставили вокруг голую землю! Не могли закатать ее в асфальт! Или хотя бы пустить по забору ток, пусть и слабый! Так нет, не удосужились! И теперь Люк роет подкоп.

Он снова лег, и снова забор помешал ему выбраться на волю. Но уже почти. Люк встал на колени и стал копать еще быстрее и ожесточенней — влево-вправо, вперед-назад, туда-сюда. В конце концов совок у него в руках треснул. Люк выбросил ручку и продолжил работать без нее, чувствуя, как острый край совка врезается в ладони. Он пригляделся и увидел на них кровь.

Ну все, теперь-то... теперь должно получиться!

Нет... не пролезть... еще чуть-чуть.

И снова за совок. Влево-вправо, лево руля, право руля. Кровь текла по пальцам, потные волосы прилипли ко лбу, в ушах звенели комары. Люк отложил совок в сторону, лег и снова попытался пролезть под забором. Торчащие концы проволоки потянули за футболку и вгрызлись в кожу, царапая лопатки. Это его не остановило.

На полпути Люк застрял. Он смотрел на гравий, видя, как потоки воздуха из его ноздрей взметают крошечные клубы пыли. Надо вернуться и углубить канавку, хотя бы чуть-чуть. Вот только вернуться не получилось. Он застрял намертво. И будет лежать здесь до самого утра, точно кролик в силках.

Перед глазами вновь поплыли точки — красные, зеленые и фиолетовые. Они вылетали со дна вырытой канавки, которое было всего в двух дюймах от его глаз. Точки мчались прямо на него, рассыпались в стороны, снова собирались в стайки, мерцали и кружили. Клаустрофобия сжала в тиски его сердце и голову. Руки пульсировали и немели.

Люк вонзил пальцы в землю и изо всех сил потянулся. На секунду точки заполнили не только поле его зрения, но и весь мозг; он почти растворился в их свете. А потом забор слегка приподнялся. Может, конечно, ему померещилось, хотя вряд ли — сетка даже скрипнула.

Из-за уколов и пыток водой я стал ТЛК-положительным, подумал Люк. Как Джордж.

Не важно. Если забор и приподнялся, то теперь он на прежнем месте. Железные шипы впились уже не только ему в лопатки, но и в ягодицы и в бедра. Наступил мучительный момент, когда Люк снова лишился сил в жадной хватке забора. Однако тут он повернул голову, положил щеку на гравий и увидел впереди куст. Близко. Люк протянул руку, не достал, потянулся еще раз — и схватился за ствол. Куст начал выходить из земли вместе с корнями, но к тому времени Люк уже сдвинулся с мертвой точки, ерзал бедрами и отталкивался ногами от земли. Торчащие концы проволоки поцеловали его на прощанье, обжигаяще чиркнули по голени, и в следующий миг Люк выбрался на другую сторону.

На волю.

Он кое-как встал на колени и ошалело посмотрел назад, думая, что там уже горят все огни — не только в комнате отдыха, но и в коридорах и в столовой, а в их свете бегут зрители с шокерами наголо, выставленными на полную мощность.

Только никого там не было.

Люк вскочил на ноги и помчался прочь сломя голову, забыв в панике о следующем шаге — ему следовало сориентироваться в пространстве. Он запросто мог убежать в лес и заблудиться там, прежде чем разум снова возобладал бы, но, к счастью, левую пятку пронзила резкая боль — он наступил на острый камень и только сейчас заметил, что потерял левый кед.

Люк вернулся к забору, нагнулся, достал кед и надел его. Спину и ягодицы лишь слегка жгло, а вот порез на голени был глубокий и горел, словно к ноге прижали

раскаленный провод. Сердце немного успокоилось, в голове прояснилось. *Когда выберешься наружу, беги к бабуту*, говорил Авери, передавая указания Морин. *Встань к нему спиной и слегка возьми вправо. Двигайся в этом направлении. Идти недолго, около мили, и ничего страшного, если немного отклонишься в сторону. Цель довольно большая, не промахнешься.*

Итак, пора в путь. Только сперва нужно кое-что сделать.

Люк потянулся к правому уху и нащупал вживленный в мочку металлический кружок. Вспомнил, как кто-то — Айрис или Хелен — говорил, что процедура вживления чипа была безболезненной благодаря уже имевшемуся пирсингу. Вот только сережку можно легко расстегнуть. Люк не раз видел, как мама это делает. А чип намертво засел в ухе — его не расстегнешь.

Господи, умоляю, только бы не пришлось резать!

Люк собрался с духом, подлез ногтем под скругленный край чипа-трекера и потянул. Мочка заболела, причем ощутимо; трекер остался на месте. Люк опустил руку, сделал два глубоких вдоха (из-за чего к нему моментально вернулись воспоминания о баке) и снова дернул. Уже посильней. Больно было жуть как, однако трекер не поддавался, а время шло. Западное крыло общежития выглядело непривычно с этой точки обзора, но там по-прежнему царил тишина и темнота. Надолго ли?

Дальше дергать ухо бессмысленно — только откладывать неизбежное. Морин это понимала, потому и оставила ему нож... Люк аккуратно вытащил его из кармана (чтобы не выронить флешку), поднес к глазам и рассмотрел в тусклом свете звезд. Пощупал большим пальцем острое лезвие, затем левой рукой схватил себя за правую мочку и максимально оттянул ее в сторону.

Люк помедлил, осмысливая происходящее: вот она, свобода! Где-то опять сонно ухнула сова. Темноту испещряли огоньки светлячков, и даже в этот страшный момент Люк сумел восхититься их красотой.

Ну, быстро! — скомандовал он самому себе. Представь, что режешь стейк. И не ори, даже если очень больно. Орать нельзя ни в коем случае.

Люк поднес лезвие к самому уху и постоял так несколько секунд — каждая тянулась вечность. Затем опустил нож.

Не могу.

Надо.

Не могу.

Ох, господи, *надо!*

Он снова поднес нож к нежной и уязвимой мочке уха... и тут же резанул, не дав себе времени задуматься, наточено ли лезвие — получится ли отрезать чип одним движением.

Лезвие было наточено, но в последний момент силы, видимо, его покинули: кончик мочки повис на хряще. Поначалу боли не было, только тепло — кровь потекла по шее. А потом уже стало больно. Как будто оса размером с пивную бутылку ужалила его в ухо и впрыснула туда яд. Люк протяжно, с присвистом зашипел, схватил себя за повисшую мочку и дернул вниз — будто сдирая кожу с куриной ножки. Затем поднес мочку к глазам и хорошенько рассмотрел. Надо было убедиться, что с чипом покончено. Перестраховаться.

Люк встал спиной к батуту и сделал шаг вправо — надеясь, что это и есть «взять немного вправо». Впереди высилась темная громада лесов штата Мэн, которые протянулись во все стороны на бог знает сколько миль. Над головой висела Большая Медведица; прямо по курсу была звезда в углу ковша. Иди на нее, сказал себе Люк. Это же так просто. Тем более Морин говорила Авери, что идти недалеко, всего-то около мили. А дальше — второй пункт плана. Не обращай внимания на терпимую боль в лопатках, неприятную — в голени и на совершенно адскую боль в вангоговском ухе. Плюнь на дрожь в руках и ногах. Просто иди. Только сперва...

Люк стиснул правую руку в кулак, замахнулся и метнул через забор огрызок плоти с вживленным чипом. Услышал (или померещилось?) едва различимый стук, когда металлический кружок упал на асфальт вокруг жалкой пародии на баскетбольную площадку. Пусть найдут.

А потом, не сводя взгляда с одной-единственной звезды, Люк зашагал вперед.

21

Двигаться по звездам удавалось примерно секунд тридцать. Дальше он вошел в лес, и звезды пропали. Люк замер на месте. Институт еще частично виднелся сквозь переплетенные ветви деревьев на опушке.

Всего-то миля, и промахнуться невозможно — цель большая, сказал Авери. *«Довольно большая»*, если быть точнее. Так что идти надо медленно. Ты правша, а значит, тебя будет клонить вправо. Учитывай это, но не переусердствуй, иначе отклонишься от курса влево. И считай. Милья — это от двух до двух с половиной тысяч шагов. Ориентировочно, конечно. Точное число зависит от рельефа и особенностей местности. Осторожней, не выколи себе глаз веткой. В твоем теле уже достаточно дырок.

Люк отправился в путь. Ладно хоть в лесу не было густого подлеска — только высокие старые деревья. Под их кронами образовалась густая тень, да и плотный слой опавшей хвои мешал росту кустарников. Всякий раз, огибая какое-нибудь древнее дерево (кажется, это были сосны, но попробуй разбери в такой темноте), Люк изо всех сил старался держаться взятого курса и двигаться строго по прямой. Однако пришлось признать, что прямая эта весьма условная. Все равно что в почти полной темноте пытаться пересечь огромную комнату, заставленную едва различимым хламом.

Вдруг слева что-то фыркнуло и побежало прочь. Одна ветка хрустнула, другие зашуршали. Люк — городское дитя — встал как вкопанный. Олень? Господи, а если медведь?! Олень-то скорей всего убежит, а медведь наверняка не откажется перекусить среди ночи. Вероятно, он учуял запах крови и подкрадывается к Люку... У него же вся верхняя часть футболки насквозь пропитана кровью!

Звуки стихли, только стрекот сверчков да редкое уханье совы нарушали тишину. Так, соберись. Таинственный шум застиг Люка примерно в восьмистах шагах от Института. Теперь надо идти дальше, вслепую шаря руками перед собой и отсчитывая шаги. Тысяча... тысяча двести... Так, опять дерево, настоящий монстр, нижние ветви высоко над головой, даже не видно их отсюда, значит, обходим... тысяча четыреста... тысяча пятьсот...

Он споткнулся о поваленное дерево и растянулся на земле. Что-то — сук? — врезалось в левое бедро, и Люк охнул от боли. Несколько секунд лежал на хвое, переводя дух и тоскуя — какой бред, какой безумный, адский бред! — по своей комнате в Институте, где всему было свое место, и все было на месте, и никакие звери неопределенных размеров не хрустели ветками под боком. Там было... безопасно.

— Ага, до поры до времени, — прошептал он и встал, потирая новую дыру на джинсах и новую ссадину на коже.

Ладно хоть собак у них нет, подумал Люк, вспомнив какую-то старую черно-белую киношку, где скованные цепями заключенные бежали из тюрьмы, преследуемые сворой лающих гончих. А еще они пробирались по болоту, и там были аллигаторы.

Вот видишь, Люкки, услышал он голос Калиши, все хорошо. Просто иди. По прямой. Насколько это возможно, конечно.

На двух тысячах Люк начал вглядываться в темноту — нет ли где огней. *Вообще свет там горит всегда*, сообщила Морин Авери, *однако самые яркие фонари — желтые*. Две тысячи пятьсот шагов. Люк занервничал. Три тысячи пятьсот. Ну все, значит, точно отклонился от курса — причем сильно.

Это из-за поваленного дерева, подумал он. Чертово дерево сбило меня с толку! Видимо, я пошел не в ту сторону, когда встал. А сейчас, может, в Канаду шагаю — запросто! Если Институт меня не разыщет, я помру в этих лесах.

Повернуть назад было нельзя (он при всем желании не смог бы возвратиться по собственным следам), и Люк пошел дальше, на ощупь, чтобы не напороться на ветки и не получить новые ранения. Ухо болезненно пульсировало.

Шаги он считать перестал, но примерно на пяти тысячах (то есть после двух с лишним миль) разглядел впереди, среди деревьев, едва заметный бледно-желтый огонек. Даже решил сперва, что это либо галлюцинации, либо первые предвестники точек и скоро его ждет очередной приступ. Желто-оранжевый огонек становился ярче, рядом появилось еще два тусклых. Несомненно, это были электрические огни. Тот, что поярче, — вероятно, натриевая газоразрядная лампа, какими освещают парковки. Папа Рольфа однажды рассказывал им с Люком (они тогда ездили в кино в «Саутдейл-сентер»), что на такое освещение возлагали большие надежды: думали, яркий свет поможет снизить уровень преступности, сократить число уличных ограблений и взломов автомобилей.

Люка охватило желание броситься навстречу огням, но он сдержался. Меньше всего ему сейчас хотелось споткнуться об очередное упавшее дерево или провалиться в яму и сломать ногу. Огней стало больше, однако он смотрел на один-единственный, первый, и шел прямо на него. Да, Большой Медведицы надолго не хватило, но

эта путеводная звезда еще лучше. Через десять минут Люк вышел на опушку леса. За расчищенной пятидесятифутовой полосой стоял очередной забор из сетки-рабицы, с колючей проволокой поверху и прожекторами через каждые тридцать футов. *Они оборудованы датчиками движения*, сказала Морин. *Вели Люку держаться от них подальше*. Совет явно был лишний — он и сам догадался.

За забором стояли домики. *Очень* маленькие. Душегубки, сказал бы папа. От силы комнаты на три, а то и на две. Все одинаковые. Хотя Морин называла поселение городком, домики скорее напоминали казармы: по четыре дома в одном блоке, в центре каждого блока — крошечная лужайка. Кое-где горел тусклый свет — иногда люди оставляют лампочку в ванной, чтобы ночью, если приспичит в туалет, не споткнуться в темноте.

Единственная улица упиралась в здание покрупней, с двумя небольшими парковками по бокам, битком забитыми легковушками и пикапами. Люк прикинул, что их в общей сложности штук тридцать или сорок. Так вот где стоят личные автомобили сотрудников! Теперь понятно. А вот как сюда привозят еду — по-прежнему загадка. Натриевая газоразрядная лампа освещала две бензоколонки рядом с большим зданием, чем-то напоминавшим магазин.

До Люка понемногу доходило. На выходные сотрудники никуда не уезжали (хотя Морин выделили неделю на поездку в Вермонт), а селились в этих картонных домишках. Рабочие графики составлялись с таким расчетом, чтобы персонал занимал их по очереди. Когда хотелось развлечься, они запрыгивали в свои личные авто и ехали в ближайший поселок — Деннисон-Ривер-Бенд.

Местные наверняка любопытствовали, что все эти люди делают в лесу, и у сотрудников, конечно, была заготовлена легенда на такой случай. Люк не представлял какая (и в данный момент ему было глубоко на это пле-

вать), но, видимо, правдоподобная, раз она за столько лет не вызвала ни у кого подозрений.

Иди вдоль забора, пока не увидишь шарф.

Люк пошел: забор и поселок слева, лесная опушка — справа. И опять ему пришлось бороться с желанием побежать — видимость-то стала лучше! Подробно обсудить все с Морин им не удалось (слишком долгий разговор мог вызвать подозрения руководства, к тому же Люк боялся, что Авери своим нарочитым дерганьем носа сдаст их с потрохами), и теперь он понятия не имел, где может быть шарф. А если пропустит?..

Беспокоился он зря. Морин повязала шарф на низкую ветку сосны, стоявшей аккурат на том месте, где забор поворачивал влево, прочь от леса. Люк снял шарф и завязал вокруг пояса, решив, что глупо оставлять такую очевидную подсказку будущим преследователям. Интересно, скоро Сигсби и Стэкхаус узнают о побеге и поймут, кто помог его организовать? О да. Очень скоро.

Расскажи им, Морин, подумал он. Не надо терпеть пытки. Если ты будешь молчать, без пыток не обойдется, а ты слишком стара и больна для купания в баке.

Яркий фонарь рядом со зданием, которое могло быть торговой точкой, остался довольно далеко, и Люку пришлось попетлять в темноте, прежде чем он вышел на старую дорогу через лес — ею, наверное, пользовались лесорубы прошлого. Начало дороги перегородили густые заросли голубики. Как ни спешил Люк, он все же выделил минутку, чтобы собрать пару горстей ягод и закинуть их в рот. Ягоды были сладкими и восхитительными. У них был вкус *свободы*.

Идти по дороге оказалось легко, даже в темноте. Две колеи поросли сорной травой, по бокам стоял плотный кустарник. Иногда приходилось перешагивать сухие ветки (и спотыкаться о них), но сбиться с пути и уйти в лес было невозможно.

Люк решил снова считать шаги и дошел примерно до четырех тысяч, а потом сдался. Дорога тянулась в основ-

ном под гору и лишь иногда поднималась. Пару раз Люк встретил поваленные деревья, а один раз уперся в кусты и с перепугу решил, что дорога кончилась. Впрочем, продравшись сквозь заросли, он снова ее нашел и двинулся дальше. Счет времени был давно потерян. Час прошел? Скорее два... Одно Люк знал наверняка: еще ночь. И хотя идти ночью по лесу было страшно, особенно ему, городскому ребенку, он все же надеялся, что светать начнет еще очень, очень не скоро. Увы, летом первый свет начинал брезжить на небе около четырех часов утра.

Люк поднялся на очередной холм и на минуту остановился передохнуть. Стоя. Вряд ли он уснет, если сядет, но мысль об этом пугала. От адреналина, который помог ему выбраться из-под забора и пройти через лес к институтскому городку, не осталось и следа. Кровь из порезов на спине, ноге и ухе больше не шла, все эти места неприятно пульсировали и саднили. Больнее всего — ухо. Люк аккуратно его потрогал и тут же, зашипев от боли, отдернул руку. Однако огромный сгусток запекшейся крови нащупать все же успел.

Я себя изувечил, подумал он. Мочка уже никогда не отрастет.

— Сволочи меня заставили... — прошептал он. — *Заставили!*

Сесть Люк так и не решился. Он нагнулся и схватил себя за колени — в этой позе он частенько заставлял Морин. Конечно, поза никак не облегчила боль от ран, зато позволила немного расслабить уставшие мышцы. Люк выпрямился и хотел двинуться дальше, но замер. Спереди доносился едва различимый звук — будто ветер шумел в соснах, вот только никакого ветра не было. Ни дуновения.

Пожалуйста, пусть это будет не галлюцинация, подумал он. Пусть это будет на самом деле.

Еще через пятьсот шагов — их он сосчитал — Люк окончательно убедился, что слышит журчание воды. Дорога стала шире и пошла вниз — в какой-то момент ему

пришлось двигаться боком, хватаясь за ветви деревьев, чтобы не шлепнуться. Когда деревья по обе стороны от дороги исчезли, он замер. Здесь сосны повалили и выкорчевали — получилась полянка, заросшая кустарником. А внизу расстилалась широкая лента черного шелка — спокойная и гладкая настолько, что в ней отражался свет звезд. Люк представил, как лесорубы прошлого, работавшие здесь еще до Второй мировой, подвозили бревна на старых лесовозах марки «Форд» или «Интернешнл харвестер», а может, даже на лошадях. Здесь, на этой поляне, они разворачивались, выгружали древесину и скатывали ее в Деннисон-ривер, откуда та начинала долгий сплав к многочисленным лесозаготавливающим фабрикам ниже по течению.

Люк спустился по этому последнему склону на дрожавших и ноющих от боли ногах. Заключительные двести футов были самыми крутыми: давным-давно бревна проделали себе здесь глубокую колею до самого скального основания. Люк сел и поехал вниз, хватаясь за кусты, чтобы хоть немного контролировать скорость. В конце его ждала зубодробительная остановка на скалистом берегу в трех или четырех футах над водой. Здесь, как и обещала Морин, из-под зеленого брезента, засыпанного хвоей, торчал нос ветхой лодочки, привязанной к кривому пню.

Как Морин узнала про это место? Ей кто-нибудь рассказал? Нет, вряд ли в такой ситуации она поверила бы слухам — все-таки Морин знала, что от лодки зависит жизнь ребенка. Возможно, она нашла ее сама, когда до болезни гуляла в этих местах. Или они с коллегами — подругами-буфетчицами — выбирались сюда на пикник из своего псевдovoенного городка: сэндвичи, кола, бутылочка вина... Не важно. Главное, лодка на месте.

Люк вошел в воду, которая доходила ему до голеней. Нагнулся, набрал пригоршню и жадно выпил. Речная вода была холодной и на вкус показалась ему слаще голубики. Утолив жажду, Люк попытался отвязать лодку

от пня, однако узлы были мудреные, а время шло. В конце концов он просто перерезал веревку ножом, отчего правая ладонь снова начала кровоточить. Что еще хуже, лодку тут же понесло прочь.

Люк бросился следом, схватил ее за нос и подтащил обратно. Теперь кровоточили обе ладони. Он попытался сдернуть брезент, но стоило отпустить нос, как течение сразу подхватило его суденышко. Люк выругал себя за неосмотрительность — что же он сперва не снял брезент?! Вытащить нос лодки на берег было нельзя, так что в конце концов он просто перевалился за борт, под слабо пахнущую рыбой древнюю парусину, ухватился за рассохшуюся центральную банку и подтянулся. В итоге брезент накрыл Люка с головой. Он лежал в луже воды на чем-то твердом, длинном и угловатом. Лодку к тому времени неторопливо несло по реке кормой вперед.

У меня прямо приключение, подумал Люк. Да такое, что закачаешься.

Он сел под брезентом. Тот натянулся, и вонь сразу стала заметно сильнее. Люк толкал брезент и хлопал по нему кровоточащими ладонями, пока не скинул его за борт. Какое-то время брезент плыл рядом с лодкой, а потом начал тонуть. Длинная твердая штука оказалась веслом — причем на вид оно было относительно новое. Морин повязала на дерево шарф; уж не она ли и весло раздобыла? Вряд ли она могла принести его сюда по старой лесовозной дороге в ее нынешнем состоянии... и тем более спуститься по крутому склону к воде. Если она все-таки это сделала, то заслужила по меньшей мере эпическую поэму в свою честь. И все за то, что он нашел в Интернете информацию, которую она и сама бы наверняка нашла, если бы не болезнь? Люк не мог даже осмыслить подобный поступок, не то что понять его. Он знал одно: весло есть и надо им воспользоваться — несмотря на усталость и окровавленные руки.

К счастью, грести он умел. Хоть и городское дитя, он все же был родом из Миннесоты — края десяти тысяч

озер — и частенько ездил рыбачить с дедушкой, называвшим себя «старым рыбарем из Манкейто». Люк сел на банку и с помощью весла развернул лодку носом вперед. Затем выгреб на середину реки (в том месте она была шириной около восьмидесяти ярдов) и убрал весло в лодку. Снял кеды, поставил их сушиться на кормовую банку и заметил там какое-то слово, написанное черной краской. Нагнулся, рассмотрел: «Пароход *Неказистый*». Люк ухмыльнулся. Оперся на локти, посмотрел на безумную россыпь звезд над головой и попытался уверить себя, что это не сон — что он действительно на воле.

Откуда-то сзади и слева раздался громкий двойной гудок. Люк обернулся и увидел среди деревьев яркий головной прожектор локомотива: тот поравнялся с лодкой и помчался дальше. Люк не видел ни локомотива, ни самого поезда — деревья закрывали обзор, — зато слышал громохание вагонов и непокорный лязг стальных колес по стальным рельсам. Вот тогда до Люка дошло окончательно. Все происходящее — не полный подробностей и красок сон, который разворачивается у него в голове, пока сам он спит в Западном крыле общежития. Мимо едет настоящий поезд, и направляется он, по всей вероятности, в Деннисон-Ривер-Бенд. А сам Люк сидит в настоящей лодке, красивая река плавно несет его на юг. Над головой — настоящие звезды. Приспешники Сигсби, конечно, могут его поймать, но...

— На Дальнюю половину они меня не затащат. *Никогда*.

Он перекинул руку через борт «Парохода *Неказистый*», растопырил пальцы и стал смотреть, как от них в темноту уходят четыре крошечные волны. Он и раньше это делал — когда плавал с дедом на маленькой рыбацкой лодке с пыхтящим двухтактным двигателем, — но даже в четырехлетнем возрасте (когда все кажется новым и удивительным) вид этих зыбких волн не вызывал в нем таких сильных чувств. Его посетило прямо-таки озарение: лишь

побывавший в тюрьме способен оценить всю прелесть свободы.

— Я лучше умру, чем позволю им меня поймать.

Он отдавал себе отчет, что до этого вполне может дойти, но в то же время понимал: сейчас, в данный момент, он на свободе. Люк Эллис поднял к небу израненные руки и, ощутив на них ветер свободы, заплакал.

22

Он задремал прямо на банке, уронив голову на грудь и свесив руки между коленей, и мог бы запросто проспять следующую остановку на своем невероятном пути, если бы его не разбудил очередной гудок поезда — на сей раз шедший не с берега, а откуда-то сверху и спереди. Гудок был гораздо громче первого, оглушительное УА-А-А — Люк от страха так дернулся, что чуть не рухнул с банки. В следующий миг он инстинктивно съежился и вскинул руки, понимая при этом, как жалко выглядит. Рев гудка сменился металлическим визгом и гулким громоханием вагонов. Люк схватился за борта лодки и уставился вперед обезумевшим взглядом: сейчас его переедет поезд!

Небо слегка посветлело, и река — ставшая заметно шире — начала поблескивать. Впереди был мост, а по мосту шел товарняк. Люк разглядел вагоны с надписями «Нью-Ингленд лэнд экспресс» и «Массачусетс ред», пару автомобилевозов, несколько цистерн («Канадиан клин газ» и «Виргиния ютил-икс»). Проплывая под мостом, Люк прикрылся рукой от падающих хлопьев сажи. В воду по бокам от лодки плюхнулось несколько кусочков окарины.

Люк схватил весло и начал грести к правому берегу, где стояло несколько унылых зданий с заколоченными окнами и проржавевший, давно простаивающий без дела кран. Берег был усыпан бумажным мусором, дырявыми крышками, жестянками. Оставшийся позади поезд

уже пересек мост и продолжал сбавлять ход, скрипя и грохоча по рельсам. Вик Дестин, отец Рольфа, однажды сказал, что человечество еще не придумало более грязного и шумного транспорта, чем железнодорожный. При чем говорил он это скорее с восхищением, чем с отвращением. Ни Рольф, ни Люк не удивились — поезда были давней и большой любовью мистера Дестина.

Люк практически дошел до последнего этапа из списка Морин; сейчас ему предстояло найти ступени — красного цвета. *Ну, только они уже не совсем красные*, передал Авери. *Скорее розовые*. Примерно через пять минут после моста Люк наконец разглядел ступени на правом берегу. Их уже и розовыми было не назвать — краска сохранилась только на вертикальных поверхностях, а сами ступени давно посерели. Они выходили из воды и вели на береговую насыпь высотой около ста пятидесяти футов. Люк подгреб к лестнице, и его суденышко село на мель, точнее, на ступень, которая спряталась под водой.

Он медленно сошел на берег, чувствуя себя древним стариком. Подумал было привязать «Пароход *Неказистый*» — судя по столбикам по бокам от лестницы, люди (вероятно, рыбаки) так и делали, — но обрезок веревки на носу оказался слишком коротким.

Люк отпустил лодку и стал смотреть, как ее подхватывает течение. Тут он увидел свои кеды с носками на кормовом сиденье, упал на колени на подводную ступеньку и в последний миг успел схватить лодку за борт. Подтащив ее к себе, взял кеды, пробормотал: «Спасибо, *Неказистый*» — и разжал пальцы.

Одолев пару ступеней, Люк присел надеть кеды. Они подсохли, зато вся одежда теперь была мокрая насквозь. От смеха заныла разодранная спина, но Люк все равно посмеялся. Затем начал подъем по некогда красной лестнице, то и дело останавливаясь и давая отдых ногам. Шарф Морин — в предрассветных сумерках стало видно, что он фиолетовый, — начал разматываться. Люк завязал его потуже. Можно и оставить, конечно, вряд

ли институтские сюда доберутся... С другой стороны, город — логичный пункт назначения, и лучше не оставлять за собой столь очевидный след. Кроме того, шарф теперь был ему дорог как... Люк попытался подобрать подходящее слово... талисман. Подарок от Морин, его спасительницы.

Когда он добрался до вершины лестницы, солнце уже встало над горизонтом. Большое, красное, оно проливало яркий свет на путаницу железнодорожных рельс впереди. Товарняк, под которым только что проплыл Люк, стоял в маневровом парке Деннисон-Ривер-Бенда. Сзади подъезжал маневровый паровоз: скоро он затолкает его на сортировочную станцию, где расформировывают и собирают заново составы.

В Бродерике детей не учили разбираться в тонкостях грузоперевозок — тамошних учителей волновали более сложные и необычные предметы: высшая математика, климатология и английская поэзия Викторианской эпохи. О поездках им рассказывал Вик Дестин, железнодорожный маньяк и гордый обладатель огромной железной дороги марки «Лайонел», которая стояла у него в «берлоге». Люк с Рольфом — в качестве его верных слуг — провели там немало увлекательных часов. Рольф любил запускать модели паровозов, а информацию о настоящих поездах обычно пропускал мимо ушей. Люку нравилось и то и другое. Будь Вик Дестин филателистом, Люк с таким же рвением изучал бы его коллекции марок, так уж он был устроен. На кого-то это наводило жуть (по крайней мере, Алиша Дестин порой бросала на Люка весьма красноречивые взгляды), но, выходит, все было не зря: теперь емугодились лекции мистера Дестина.

Морин, напротив, в поездах совершенно не разбиралась. Знала только, что в Деннисон-Ривер-Бенде есть депо и проходящие через него поезда потом отправляются во все уголки страны. Какие именно — неизвестно.

— Она предлагает тебе запрыгнуть в какой-нибудь товарняк, если ты туда доберешься, — сказал Авери.

Ну что же, добрался. А вот получится ли запрыгнуть в товарняк? Люк сто раз видел, как это делается в кино, но в фильмах столько откровенного вранья... Может, лучше отправиться напрямик в этот славный северный городок, найти полицейский участок, если он там есть, или позвонить в полицию штата? Но откуда звонить? Мобильника у него нет, а таксофоны — вымирающий вид. Если даже найти таксофон, то чем расплатиться за звонок? Не институтским ведь жетончиком! Наверное, можно бесплатно вызвать 911, только разумный ли это шаг? Что-то подсказывало ему: нет, не разумный.

Люк стоял на месте, нервно теребил шарф, а вокруг стремительно — слишком стремительно — начинался новый день. У варианта с вызовом полиции в непосредственной близости от Института было несколько минусов, и Люк, несмотря на усталость и страх, отлично это понимал. Полиция быстро выяснит, что его родителей убили, а сам он числится пропавшим без вести и главным подозреваемым по делу. Еще один очевидный минус — сам Деннисон-Ривер-Бенд. Такие поселки могут существовать только при условии материальной помощи со стороны, деньги — их хлеб насущный. Откуда у жителей Деннисон-Ривер-Бенда могли взяться деньги? Вряд ли они гребли их лопатой на железной дороге — там практически все автоматизировано. Вид заброшенных зданий на берегу о многом говорил. Вероятно, когда-то здесь были фабрики, которые давным-давно перестали действовать. А в лесной глуши имелось некое поселение («правительственная организация», говорили местные и многозначительно кивали, встречая друг друга в парикмахерской или на главной площади), и у работавших там людей водились деньги. Они приезжали в город поразвлечься — и спускали деньги не только в баре «Аутло», где по выходным играли разудалое кантри. Возможно, Институт вносил ощутимый вклад в благосостояние поселка: спонсировал какой-нибудь дом культуры, спортивный центр или помогал ремонтировать дороги. Вряд

ли местные жители обрадуются, если кто-то захочет перекрыть им этот поток денег. Такое вмешательство будет воспринято со скептицизмом и неудовольствием. Как знать, вдруг Институт даже приплачивает местным чиновникам, чтобы те отводили любое нежелательное внимание со стороны. Паранойя? Может быть. А может, и нет.

Люку не терпелось сдать миссис Сигсби и ее припешников со всеми потрохами. И все же он решил не торопиться. Разумнее будет уйти от Института как можно дальше.

Маневровый паровоз уже заталкивал партию товарных вагонов на холм, который железнодорожники называли горкой. На опрятном крылечке поста стояли два кресла-качалки. В одном из них человек в джинсах и ярко-красных резиновых сапогах читал газету и пил кофе. Когда машинист маневрового паровоза дал сигнал, он отложил газету и сошел по ступенькам, остановившись на секунду, чтобы помахать человеку в застекленной будке на железных опорах. Тот помахал в ответ. Люк рассудил, что человек в будке — это оператор сортировочной горки, а человек в красных сапогах — составитель поездов.

Отец Рольфа нередко сетовал на упадок американских железных дорог, и теперь Люк понял почему. Рельсы шли во всех направлениях, однако действовало лишь несколько веток; остальные не использовались. Причем давно: между шпалами росли сорняки, рельсы заржавели. Кое-где стояли забытые товарные вагоны и платформы. Перебегая между ними, Люк начал приближаться к посту. На стойке крыльца висела какая-то папка-планшет — Люк решил, что там вполне может быть расписание поездов. Неплохо бы с ним ознакомиться.

Он присел на корточки за заброшенным вагоном неподалеку от поста. Составитель поездов ушел расцеплять вагоны прибывшего товарняка, стоявшего сейчас на вершине горки, — значит, в ближайшее время вни-

мание оператора будет полностью приковано к вагонам. Если даже Люка заметят, то, скорее всего, примут за очередного железнодорожного маньяка вроде мистера Дестина. Конечно, дети нечасто глазят на поезда в пять тридцать утра, маньяки они или нет. А тем более — мокрые и залитые кровью.

Выбора нет. Надо взглянуть на эту папку.

Мистер Красные Сапоги сделал шаг навстречу первому вагону, медленно катящемуся мимо, и отцепил его от следующего. Товарный вагон (с красно-бело-синей надписью «ПРОДУКЦИЯ ШТАТА МЭН») под действием силы тяжести покатился с уклона вниз. Его скорость контролировали управляемые радаром замедлители. Оператор горки дернул рычаг, и вагон ушел на путь № 4.

Люк вышел из укрытия и, сунув руки в карманы, неторопливо зашагал к посту. При этом он затаил дыхание и сумел выдохнуть лишь тогда, когда очутился под будкой, вне поля зрения оператора. Если оператор знает свое дело, успокаивал себя Люк, то сейчас он смотрит только на состав — и больше никуда.

Следующий вагон — цистерна — ушел на путь № 3. Следом отправились два автомобилевоза. Они катились с жутким грохотом и лязгом. Игрушечные поезда Вика Дестина ходили тихо, но на настоящей сортировочной станции царил просто адский шум. Люк невольно пожалел жителей домов, расположенных в радиусе мили от сортировки, — им приходится терпеть этот грохот по три-четыре раза на дню. Может, они уже привыкли... Попробуй к такому привыкни! Впрочем, человек ко всему привыкает: взять хотя бы институтских детей, которые спокойно набивали животы за обедом, попивали винишко и курили, дурачились на детской площадке и орали по ночам в коридорах... Люк пришел в ужас от этой мысли.

Он поднялся на крыльцо. Оператор горки здесь его не видел, а составитель поездов стоял к нему спиной и вряд ли обернулся бы в ближайшее время. «На такой

работе зевать нельзя, — однажды сказал мальчикам мистер Дестин. — Мигом без руки останешься».

Люк стал читать расписание. В колонках для второго и пятого пути стояли три слова: «НИЧЕГО НЕ ЗАПЛАНИРОВАНО». На первом пути был товарняк, направлявшийся в Брансуик, Канада, — он отходил в 17:00. Нет, не годится. Поезд с четвертого пути отходил в Берлингтон и Монреаль в 14:30. Уже лучше, но все-таки не очень хорошо — если Люк не свинтит отсюда до 14:30, пиши пропало. А вот третий путь, куда составитель поездов сейчас отправлял тот самый вагон «Нью-Ингленд лэнд экспресс» (Люк видел его с лодки), выглядел многообещающе. К девяти утра состав должен быть укомплектован, и дежурный по станции прекратит добавлять к нему новые вагоны, а ровно в 10:00 поезд 4297 отправится из Деннисон-Ривер-Бенда в Портленд (штат Мэн), Портсмут (штат Нью-Хэмпшир) и Стербридж (штат Массачусетс). До Стербриджа отсюда не меньше трехсот миль, а то и значительно больше.

Люк вернулся к заброшенному товарному вагону и стал смотреть, как отцепы продолжают катиться с горки по разным путям. Какие-то из них сегодня поедут дальше, другие будут дожидаться своего часа на запасных путях.

Составитель поездов закончил работу и вскочил на подножку маневрового паровоза — перекинуться парой слов с машинистом. К ним вышел и оператор горки. Мужчины засмеялись, и этот смех очень понравился Люку. Конечно, он не раз слышал взрослый смех, доносившийся из комнаты отдыха для персонала на уровне С, но тот был какой-то зловещий — вроде смеха орков из толкиновских книжек. А здесь... здесь смеялись люди, которым никогда не приходилось держать в заточении и пытаться маленьких детей. Которые никогда не носили на поясе электрошокеры.

Машинист маневрового паровоза протянул составителю какой-то пакет, тот взял его и спрыгнул на землю. Паровоз медленно пополз с горки, а составитель и опе-

ратор тем временем достали из пакета по пончику — большому, посыпанному сахарной пудрой, наверняка с начинкой из джема. У Люка заурчало в животе.

Двое уселись в кресла-качалки и принялись жевать. Люк тем временем переключил внимание на третий путь. Там стояло в общей сложности двенадцать вагонов, половина из них — товарные. Пока маловато. С таким грузом поезд вряд ли отправится в Массачусетс; возможно, с запасных путей прикатят еще вагоны — там их штук пятьдесят стоит без дела.

Тем временем к депо подкатила фура, протряслась по нескольким путям и остановилась возле вагона с надписью «ПРОДУКЦИЯ ШТАТА МЭН». Следом за ней подъехал автофургон. Из него вышло несколько работников: они принялись выгружать из вагона бочки и забрасывать их в фуру. Люк услышал испанскую речь и даже разобрал пару слов. Вдруг одна бочка опрокинулась, и из нее посыпался картофель. Раздался добродушный хохот, за которым последовал непродолжительный картофельный бой. Люк с тоской наблюдал за этим весельем.

Составитель поездов и оператор горки тоже немного посмотрели, затем ушли внутрь. Фура уехала, груженная свежей картошкой для «Макдоналдса» или «Бургер Кинга», а следом укатил и фургон. Двор опустел, но ненадолго: скоро снова начнется какая-нибудь разгрузка или погрузка, и машинист паровоза начнет добавлять вагоны к товарняку, отходящему в 10 утра.

Люк решил попытать счастья. Он вышел из-за вагона и тут же юркнул обратно: на горку поднимался машинист с телефоном у уха. Он на секунду остановился — увидел Люка?! Нет, просто закончил разговор, убрал телефон в карман комбинезона и, не глядя на вагон, за которым спрятался Люк, пошел дальше.

Когда он поднялся на крыльцо и скрылся за дверью, Люк не медлил: рванул что есть силы вниз по горке, не обращая внимания на боль в спине и уставших ногах, перепрыгивая через рельсы и замедлители, обегая стол-

бы с датчиками скорости. В составе, идущем на Портленд-Портсмут-Стербридж, обнаружился красный грузовой вагон с надписью «САУТВЭЙ ЭКСПРЕСС», едва различимой под многочисленными граффити, которыми он покрылся за годы службы. Вагон был грязный и невзрачный, но имел одно несомненное преимущество: раздвижная дверь была закрыта не до конца и в щель наверняка смог бы протиснуться тощий отчаявшийся мальчик двенадцати лет.

Люк схватился за ржавый поручень и подтянулся наверх. Щель действительно оказалась достаточно широкой — шире той дыры под забором, в которую он пролез сегодня ночью (а казалось, очень давно, в прошлой жизни). Протискиваться все же пришлось, и от этого порезы на спине и ягодицах снова начали кровоточить, но вскоре Люк проник внутрь. Вагон был полон где-то на три четверти, и если снаружи он выглядел замарашкой, то внутри оказался очень даже уютным. Пахло просто замечательно: деревом, краской, мебелью и машинным маслом.

Груз был разношерстный, отчего Люку сразу вспомнился чердак тетушки Люси. Только там хранилось всякое старье, а здесь — новые вещи. Слева стояли газонкосилки, триммеры, воздуходувки, бензопилы, коробки с автозапчастями и навесными лодочными моторами. Справа — мебель, в коробках или замотанная в защитную пленку. Люк увидел пирамиду из лежащих на боку торшеров в связках по три штуки, стулья, столы, кушетки и даже диваны. Он подошел к большому дивану возле двери и прочитал накладную, приклеенную скотчем к пузырчатой пленке. Его (и, вероятно, всю остальную мебель) надлежало доставить в мебельный магазин «Бендер и Боуэн» в Стербридже, штат Массачусетс.

Люк улыбнулся. Да, поезд 4297 потеряет несколько вагонов в депо Портленда и Портсмута, но уж этот вагон точно доедет до конечной. Выходит, удача пока не отвернулась от него.

— Кто-то наверху меня любит, — прошептал он. Потом вспомнил про родителей и мысленно добавил: *Но не сильно...*

Отодвинув коробки для магазина «Бендер и Боуэн» от дальней стены вагона, Люк с восторгом обнаружил за ними груды мебельных чехлов. Они слегка пахивали пылью, но хоть не плесенью. Люк сел на них и, насколько мог, задвинул коробки на место.

Наконец-то он в относительной безопасности, да еще можно полежать на мягком! Он был без сил — не только из-за сегодняшних приключений, но и потому, что несколько ночей толком не спал от волнения и тревоги. Да и сейчас спать он не осмеливался. В какой-то момент Люк все же задремал, а потом проснулся от звука приближающегося маневрового паровоза. Вагон «Саутвэй экспресс» дернулся и пришел в движение. Люк приподнялся и выглянул в щель на улицу. Мимо проплывало депо. Вагон резко встал, так что Люк едва не свалился с ног. Судя по металлическому лязгу за стенкой, к его грузовому вагону прицепляли еще один.

Целый час все дергалось и грохотало: видимо, все новые и новые вагоны добавляли к поезду, которому предстояло получить номер 4297 и отправиться на юг Новой Англии, прочь от Института.

Прочь, подумал Люк. Прочь, прочь, прочь.

Пару раз до него доносились мужские голоса, один раз говорили совсем близко; из-за грохота ничего было не разобрать. Люк прислушивался и яростно грыз уже сгрызенные под корень ногти. А вдруг они обсуждают его? Машинист паровоза с кем-то болтал по телефону... А вдруг Морин уже раскололи? Вдруг кто-нибудь из людей миссис Сигсби — скорее всего, Стэкхаус — уже позвонил в депо и велел дежурному по станции обыскать вагоны? Если да, то начнут они наверняка с тех, чьи двери неплотно закрыты — это и ежу ясно...

Потом голоса стали удаляться и окончательно стихли. Лязг и грохот все не умолкали: 4297-й набирал груз и вес.

Подъезжали и уезжали грузовики. Иногда они гудели в клаксоны. Люк подскакивал от каждого такого гудка. Господи, вот бы узнать, который час!..

Прошла целая вечность; грохот наконец-то стих. Ничего не происходило. Люка вновь начало клонить ко сну, и он почти задремал, когда самый могучий толчок сотряс вагон. Люка швырнуло в сторону. Еще мгновение — и поезд тронулся.

Люк вылез из своего укрытия и подошел к приоткрытой двери. Как раз в этот момент мимо проплыл выкрашенный зеленой краской пост. Оператор и составитель сидели в креслах-качалках и читали газеты. Поезд 4297 прогрохотал через последнее пересечение путей, затем мимо очередных заброшенных зданий, поросшего травой бейсбольного поля, свалки, пустырей... Мимо трейлерного парка, возле которого играли дети.

Через несколько минут Люк с удивлением глазел на центр Деннисон-Ривер-Бенда. Он видел магазинчики, фонари, парковку, тротуары, заправку «Шелл». Грязный белый пикап стоял на переезде и ждал, когда проедет поезд. Все это было поразительно и произвело на Люка не меньшее впечатление, чем звезды на ночном небе. Он все-таки сбежал. Вот она, свобода. Никаких лаборантов, смотрителей, жетонов и торговых автоматов с куревом и алкоголем для детей. Когда поезд начал входить в пологий поворот, Люк уперся руками в стенку вагона и пошаркал ногами по полу. От усталости ноги не поднимались: победный танец получился не бог весть какой, однако это был именно он.

23

Когда город скрылся за густым лесом, Люка мгновенно сморила усталость: она обрушилась на него, словно лавина. Он с трудом заполз за коробки и лег на спину — так он обычно спал, — однако порезы на лопатках

и ягодицах дали о себе знать. Он перевернулся на живот и тут же заснул. Остановки в Портленде и в Портсмуте он благополучно проспал (хотя 4297-й всякий раз дергался, когда отцепляли одни вагоны и прицепляли другие). Наконец поезд прибыл в Стербридж, а Люк так и не проснулся. Он с трудом пришел в сознание лишь в тот момент, когда дверь вагона отодвинули в сторону и внутрь хлынул жаркий свет июльского дня.

Вошли два грузчика и начали перетаскивать мебель в машину, стоявшую задом к открытому вагону, — сперва диваны, затем связки торшеров, затем стулья. Очень скоро рабочие примутся за коробки и найдут Люка. Слева еще стояли газонокосилки и моторы, за которыми можно было прятаться, но попробуй туда перебеги — сразу заметят...

Один из грузчиков подошел к коробкам — так близко, что Люк учуял запах его лосьона после бритья. Вдруг кто-то окликнул его снаружи:

— Эй, народ, тут заминка вышла... Подождать надо. Успеете кофейку выпить, если хотите.

— Может, лучше пивка? — спросил грузчик, который должен был через три секунды увидеть Люка на ложе из мебельных чехлов.

Все засмеялись, и рабочие ушли. Люк выкарабкался из укрытия и кое-как доковылял до двери на затекших и ноющих ногах. Он осторожно выглянул из-за грузовика: трое рабочих неторопливо шагали к посту. Этот был красный, а не зеленый, и раза в четыре больше поста в Деннисон-Ривер-Бенде. Надпись на табличке гласила: «СТЕРБРИДЖ, МАССАЧУСЕТС».

Люк думал прошмыгнуть между грузовиком и вагоном, однако день был в разгаре: туда-сюда сновали рабочие (в основном мужчины, но попадались и женщины), пешком и на различном транспорте. Люка заметят, начнут расспрашивать, и в своем нынешнем состоянии он точно не сможет выдать правдоподобную историю. Он ощущал смутный голод и *отнюдь* не смутную боль

в ухе, но все эти ощущения меркли перед желанием спать. Быть может, после разгрузки мебели вагон переведут на запасной путь... А уж потом, когда стемнеет, Люк найдет полицейский участок. К тому времени он соберется с мыслями и сумеет изъясняться не как псих, а как нормальный человек. Ну, или хотя бы не как *полный* псих. Полицейские, возможно, ему не поверят, но хотя бы накормят его и дадут тайленол от боли в ухе. А затем он расскажет им про родителей. Родители — его козырь. Эту информацию они точно смогут проверить. И тогда его вернут в Миннеаполис, что хорошо — даже если придется жить в приюте. Пусть там есть замки на дверях, зато хоть в бак с водой не макают.

Конечно, Массачусетс — прекрасное начало, и до сих пор Люку неимоверно везло, но все же Институт слишком близко. А Миннеаполис, как ни крути, — его дом. Там у него есть знакомые. Мистер Дестин наверняка ему поверит. Или мистер Грир из школы. Или...

Больше он никого не вспомнил. Слишком устал. Думать было тяжело — все равно что пытаться разглядеть улицу сквозь закопченное окно. Люк опустил на колени, отполз в дальний правый угол вагона «Саутвэй экспресс» и стал поглядывать на дверь из-за двух мото-блоков. Скоро грузчики вернутся и начнут носить мебель для магазина «Бендер и Боуэн». Да, они могут его найти. Они же парни, а парней обычно интересует техника. Вдруг им захочется взглянуть на садовые тракторы или триммеры, узнать, сколько «лошадей» у нового лодочного мотора «Эвинруд» (они лежат в ящиках, но вся информация должна быть в накладных). Люк затаится и будет ждать, надеясь, что удача, которая и без того улыбалась ему слишком часто, улыбнется еще раз. Если грузчики его не найдут, можно будет поспать.

Вот только ждать Люк не смог. Он подложил руку под щеку и в считанные минуты отключился. Он беспробудно спал, пока грузчики заканчивали работу, спал, когда один из них нагнулся к садовому трактору «Джон

Дир» буквально в четырех футах от того места, где свернулся калачиком Люк. Спал, когда другой рабочий, уходя, задвинул дверь вагона — на сей раз до конца. Спал, пока к составу цепляли новые вагоны, и лишь слегка поерзал, когда заменили локомотив. Но и тогда он не проснулся — маленький двенадцатилетний беглец, которого столько времени мучили, пытали и пугали.

Локомотив 4297-го мог тянуть от силы сорок вагонов. В новом локомотиве Вик Дестин признал бы GE AC6000CW (число 6000 означало лошадиные силы). То был один из самых мощных дизельных локомотивов в Америке, способный тянуть за собой состав больше мили длиной. Отправляясь из Стербриджа — сперва на юго-восток, а затем прямо на юг, — этот экспресс под номером 9956 насчитывал семьдесят вагонов.

Грузовой вагон Люка почти опустел, однако в Ричмонде, штат Виргиния, в него должны были загрузить две дюжины домашних генераторов марки «Кохлер». Большую их часть везли в Уилмингтон; две штуки — а заодно куча всевозможных агрегатов и причиндалов, за которыми сейчас спал Люк, — ехали в центр по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз», что в городке Дюпрей, Южная Каролина. Поезд 9956 останавливался там три раза в неделю.

Великие дела начинаются с малого.

АД ЖДЕТ

1

Когда поезд 4297 выходил из Портсмута, штат Нью-Хэмпшир, в Стербридж, штат Массачусетс, миссис Сигсби изучала досье и уровни НФМ двух детей, которых Рубиновая команда должна была доставить в Институт сегодня вечером. Один мальчик, одна девочка. НФМ у мальчика — десятилетки из Су-Сент-Мари — был всего лишь 80, а вот у четырнадцатилетней девочки из Чикаго — 86. В досье стояла пометка о том, что у нее аутизм. М-да, нелегко с ней придется, причем и персоналу, и подопечным. Будь у нее НФМ ниже 80, они бы даже возиться не стали, но 86 — это большая редкость и удача.

Аббревиатура НФМ расшифровывалась как нейротрофический фактор мозга. Миссис Сигсби мало что смыслила в науке — биохимия была сферой компетенции Хендрикса, — но основную суть термина уловила. Уровень НФМ (как и интенсивность ОО, основного обмена) оценивался по специальной шкале. Показатель определял рост и выживаемость нейронов по всему телу, особенно — в мозгу.

Те немногие, кому повезло иметь высокое содержание НФМ (менее 5 процентов населения), были счастливики; Хендрикс говорил, что именно такими Господь заду-

мал людей. Память редко их подводила, они почти не страдали депрессией, невропатическими болями, обсессивно-компульсивным расстройством, ожирением или крайним истощением, вызванным анорексией и булимией. Они прекрасно социализировались (поступающая сегодня девочка — редкое исключение из правил), старались пресекать беспорядки, а не разжигать их (Никки Уилхолм — еще одно редкое исключение) и имели хорошо поставленную речь. У них не болела голова и никогда не бывало мигреней, а холестерин оставался низким даже при неправильном питании. Из-за нарушений циркадных ритмов они нередко страдали от бессонницы, но старались подремать днем, а не прибегать к помощи снотворных.

Показатель НФМ — относительно стабильная величина, которая, однако, может катастрофически упасть. Самая распространенная причина — то, что Хендрикс называл хронической травматической энцефалопатией, сокращенно ХТЭ. Повторяющиеся сотрясения мозга, проще говоря. В среднем у человека около 60 единиц НФМ на миллилитр сыворотки крови. У профессиональных футболистов, играющих более десяти лет, НФМ падает до 30 и даже до 20. Кроме того, он снижается с возрастом (при нормальном старении медленно, у больных Альцгеймером — гораздо быстрее). Все это совершенно не интересовало миссис Сигсби: ей был важен только результат. И на протяжении долгих лет службы результат неизменно ее радовал.

Единственный факт, имевший значение для Института и тех, кто с 1955 года финансировал и держал в строжайшей тайне его деятельность, заключался в следующем: дети с высоким уровнем НФМ, как правило, обладают определенными экстрасенсорными способностями. ТЛК, ТЛП или (в редких случаях) и то и другое. Сами дети порой даже не догадывались о своих скрытых талантах, а те, кто догадывался — высокофункциональные ТЛП вроде Авери Диксона, — пользовались суперсилами лишь изредка, большую часть времени просто их игнорируя.

Практически у всех новорожденных брали анализ на содержание НФМ. На детей с высоким уровнем заводилось досье. За ними наблюдали, и в итоге они поступали в Институт, где врачи усиливали и оттачивали их экстрасенсорные способности. Доктор Хендрикс полагал, что набор способностей можно расширить: к ТЛК добавить ТЛП и наоборот. Однако это никоим образом не влияло на главную миссию Института, на смысл его существования. Научный труд Хендрикса об успешных экспериментах с розовыми, которых ему предоставляли в качестве подопытных кроликов, вряд ли увидит свет. И Донки-Конг, несомненно, расстраивался по этому поводу, хотя и понимал, что за публикацию в любом медицинском журнале ему светит тюремный срок, а никак не Нобелевская премия.

В дверь осторожно постучали. Заглянула Розалинда — лицо у нее было виноватое.

— Простите за беспокойство, мэм, вас хочет видеть Фред Кларк. Он явно...

— Напомните, кто это? — Миссис Сигсби сняла очки для чтения и потеряла переносицу.

— Уборщик.

— Узнай, что ему надо, и доложи позже. Если мыши опять прогрызли проводку, это не срочно.

— Говорит, срочно. И он явно взволнован.

Миссис Сигсби вздохнула, закрыла папку и убрала ее в стол.

— Ладно, пусть войдет. Надеюсь, повод у него хороший. Повод оказался плохой. Очень плохой.

2

Миссис Сигсби узнала Кларка. Она много раз видела, как он работает шваброй или щеткой в коридорах, но не припоминала, чтобы когда-нибудь у него был такой обеспокоенный вид: лицо побелело, как простыня, во-

лосы торчали в разные стороны, словно он долго их тербил, а губы нервно подергивались.

— Что случилось, Кларк? Вы как будто привидение повстречали.

— Пойдемте со мной, миссис Сигсби. Сами увидите.

— Что именно?

Он помотал головой и повторил:

— Пойдемте со мной!

Она пошла за Кларком по коридору, соединявшему административный корпус и Западное крыло общежития. Два раза она пыталась выведать, что же стряслось; уборщик мотал головой и твердил, что она должна увидеть все сама. Ее раздражение — опять не пойми зачем оторвали от важного дела! — начало сменяться тревогой. Что-то с ребенком? Провалился очередной эксперимент — как было с Гарри Кроссом? Нет, не может быть. Если бы что-то случилось с подопечным, это обнаружили бы зрители, лаборанты или врачи, а не уборщик.

Примерно посередине полупустого Западного крыла они наткнулись на мальчика: тот глазел на листок бумаги, висевший на ручке закрытой двери. Мальчик (кое-как застегнутая рубашка обтягивала приличных размеров пузо) увидел миссис Сигсби и тут же занервничал. Вот и правильно, подумала миссис Сигсби. Так и надо.

— Ты Уиппл?

— Ага.

— Как нужно отвечать?

Стиви прикусил нижнюю губу, поразмыслил и отчетливо:

— Да, миссис Сигсби.

— Так-то лучше. А теперь вон отсюда. Если нет прощедур, займись чем-нибудь.

— О'кей. То есть хорошо, миссис Сигсби.

Стиви ушел, напоследок еще раз покосившись на дверь, однако миссис Сигсби этого уже не заметила. Она смотрела на листок бумаги. «НЕ ВХОДИТЬ», — гласила

надпись простой шариковой ручкой (возможно, той, что торчала из нагрудного кармана Кларка).

— Я бы запер, будь у меня ключ.

Уборщикам выдавали ключи от различных кладовых на уровне А и от торговых автоматов, которые им было поручено загружать, но не от медицинских кабинетов и не от жилых комнат. Последние вообще редко запирались на замок, разве что какой-нибудь бунтарь разгуляется и его надо подержать взаперти денек-другой для острастки. Ключ-карты для лифтов уборщикам тоже не полагались. При необходимости спуститься на нижние уровни они дожидались какого-нибудь зрителя или лаборанта и ехали с ним.

Кларк сказал:

— Если этот жирдяй туда заходил, то впечатлений хапнул на всю жизнь...

Миссис Сигсби, не ответив, открыла дверь и окинула взглядом совершенно пустую комнату — голый матрас на кровати, никаких постеров или картин на стенах. Словом, обыкновенная комната, каких в общежитии в последнее десятилетие (когда постоянный приток новых подопечных с высоким НФМ сошел практически на нет) стало множество. На этот счет у доктора Хендрикса имелась своя гипотеза — мол, высокий НФМ постепенно превращается в рудимент, выпадает из нашего генома как ненужный признак вроде острого слуха и зрения. То же самое произошло, например, с умением шевелить ушами. По крайней мере, так утверждал Донки-Конг, а шутил он или нет — попробуй разбери.

Она вопросительно посмотрела на Фреда.

— Загляните в ванную... — пробормотал тот. — Я дверь прикрыл на всякий случай.

Миссис Сигсби открыла дверь в ванную и окаменела. Она всякое повидала за те годы, что возглавляла Институт — самоубийство одного подопечного, например, и попытки самоубийства еще двоих, — но чтобы с жизнью покончил *сотрудник*?! Нет, это было что-то новенькое.

Экономка — судя по коричневой форме — повесилась на торчавшей из стены душевой лейке. Будь она покрупнее (как Уиппл, например, которого миссис Сигсби только что прогнала), душ обломился бы под тяжестью тела. Лицо покойницы почернело и распухло, а язык торчал изо рта, как будто самоубийца решила напоследок поддразнить начальство. На кафельной стене миссис Сигсби прочла кое-как нацарапанное предсмертное послание.

— Это Морин, — тихо произнес Фред. Он достал из кармана стопку бумажных платков и вытер ими губы. — Морин Алворсон. Она...

Миссис Сигсби вырвалась из ледяного плена потрясения и бросила взгляд через плечо. Дверь в коридор по-прежнему была открыта.

— Закрой.

— Она...

— *Закрой дверь, я сказала!*

Уборщик повиновался. Миссис Сигсби пощупала правый карман пиджака. Пусто. Черт, выругалась она про себя. Черт, черт, черт! Забыла взять с собой рацию, растяпа! С другой стороны, она ведь не знала, что тут такое...

— Сходи в мой кабинет, попроси у Розалинды рацию и немедленно принеси ее сюда.

— Вы...

— Молчать! — Губы миссис Сигсби вытянулись в тонкую нить, а глаза так зловеще таращились на худом лице, что Фред невольно попятился. Да она сошла с ума! — Быстро, быстро за рацией, и никому ни слова о том, что здесь произошло!

— Конечно, конечно.

Он ушел и прикрыл за собой дверь. Миссис Сигсби села на голый матрас и посмотрела на женщину, висевшую на душевой лейке. А потом — на послание, намазанное на стене губной помадой. Открытый футлярчик валялся возле унитаза.

АД ЖДЕТ. Я ВАС ТУТ ВСТРЕЧУ.

3

Стэкхаус был в городке. Судя по осипшему голосу в трубке, вчера он неплохо покутил в «Аутло кантри» (туда он тоже наверняка ходил в коричневом костюме), но спрашивать миссис Сигсби не стала, просто велела ему немедленно явиться в Западное крыло. Он сам поймет, в какую комнату — у входа будет стоять уборщик.

Хендрикс и Эванс были на уровне С и ставили опыты над детьми. Миссис Сигсби приказала им бросить все дела и развести детей по комнатам — их обоих срочно ждут в Западном крыле. Хендрикс, который даже в лучшие дни умел вывести ее из себя, пожелал знать, в чем дело. Миссис Сигсби велела ему заткнуться и немедленно прийти.

Первым прибыл Стэкхаус. Сразу за ним — врачи.

— Джим, — распорядился Стэкхаус, оценив ситуацию, — подхвати-ка ее. Надо ослабить давление на веревку.

Эванс обхватил Морин за талию — в какой-то момент это выглядело так, будто они танцуют, — и приподнял. Стэкхаус начал развязывать узел у покойницы под подбородком.

— Поторопитесь! — прокрихтел Эванс. — Она в штаны наложила.

— Уверен, вы и не такое нюхали на своем веку, — ответил Стэкхаус. — Сейчас... уже почти... Вот так!

Он снял петлю с головы покойницы (выругавшись себе под нос, когда ее рука по-дружески хлопнула его по затылку), вынес труп из ванной и положил на матрас. Петля оставила на шее экономки черно-фиолетовый след. Все четверо молча уставились на Морин. Тревор Стэкхаус был высокий, шесть футов три дюйма, а Хендрикс — еще на четыре дюйма выше. Стоявшая между ними миссис Сигсби казалась совсем малюткой.

Стэкхаус посмотрел на нее и приподнял брови. Она молчала.

На столике рядом с кроватью они увидели коричневый пузырек. Доктор Хендрикс взял его и потряс.

— Окси. Сорок миллиграммов. Не самая убойная доза, но все же высокая. Рецепт выписан на девяносто таблеток, а в пузырьке осталось четыре. Полагаю, вскрытие мы проводить не будем...

Правильно полагаешь, подумал Стэкхаус.

— ...оно показало бы, что она выпила все восемьдесят шесть, прежде чем нацепить петлю себе на шею.

— Такая доза в любом случае ее убила бы, — добавил Эванс. — Эта женщина весит не больше ста фунтов, и совершенно ясно, что страдала она не только ишиасом. В общем, ей недолго оставалось...

— ...поэтому она решила не тянуть, — подытожил Хендрикс.

Стэкхаус взглянул на послание губной помадой.

— Ад ждет, — задумчиво произнес он. — Что ж, учитывая, чем мы тут занимаемся, предположение вполне справедливое.

Миссис Сигсби, обычно не позволявшая себе грубостей, рявкнула:

— Чушь собачья!

Стэкхаус пожал плечами. Его лысина в электрическом свете блестела, словно натертая полиролью «Тертл вакс».

— Я имею в виду людей с улицы, которые не знают толком, что здесь происходит. Ладно, не важно. История в общем-то очень простая. Смертельно больная женщина решила побыстрее свести счеты с жизнью, только сперва покаялась. И нас заодно пнула. — Он указал на стену.

Объяснение было правдоподобное, но миссис Сигсби что-то не нравилось. Да, в своей предсмертной записке Алворсон фактически признала, что попадет в ад за дело. Однако в ее словах чувствовалось какое-то... злорадство.

— Она недавно брала недельный отпуск, — подсказал Фред. Миссис Сигсби совсем забыла о присутствии убор-

щика. Надо было давно его выдворить! Точнее, *ей* следовало его выдворить. — Ездила домой, в Вермонт. Там и таблетки купила, видимо.

— Спасибо, Шерлок, — ответил Стэкхаус. — У тебя работы мало? Иди помой полы.

— И протри все камеры! — приказала миссис Сигсби. — Я еще на прошлой неделе просила это сделать! Больше просить не стану.

— Да, мэм.

— Никому ни слова, Кларк.

— Конечно, мэм, конечно...

— В крематорий? — предложил Стэкхаус, когда уборщик вышел.

— Да. Попросим смотрителей отвезти ее к лифту, пока все на обеде. Обед у нас начнется... — миссис Сигсби взглянула на часы, — через полчаса.

— А в чем, собственно, проблема? — спросил Стэкхаус. — Да, случившееся надо держать в секрете от подопечных, это понятно. Но вы сделали такое лицо... как будто у нас серьезные проблемы.

Миссис Сигсби перевела взгляд с предсмертной записки на черное лицо покойницы с высунутым языком. Затем посмотрела на врачей.

— Выйдите, пожалуйста, в коридор. Мне нужно побеседовать с мистером Стэкхаусом наедине.

Хендрикс и Эванс переглянулись и вышли.

4

— Она была вашим информатором, так? Проблема в этом?

— *Нашим* информатором, Тревор. Да, проблема в этом. Если проблема вообще есть.

Год назад — нет, скорее полтора, тогда еще лежал снег — Морин Алворсон записалась на прием к миссис Сигсби и спросила, не найдется ли для нее какой-нибудь

подработки. А Сигсби уже год раздумывала над одним проектом, но не знала, как воплотить его в жизнь. Она предложила Алворсон втереться в доверие к детям и время от времени рассказывать ей, о чем они болтают. Экономка согласилась, проявила инициативу и даже некоторое коварство: придумала историю про «слепые» зоны, где якобы не работает прослушка.

Стэкхаус пожал плечами.

— Да она же одни слухи приносила! Кто с кем перепихнулся, кто написал «ТОНИ КОЗЕЛ» в столовой, в таком духе... — Он умолк. — Хотя за эти доносы она, наверное, себя не хвалила.

— Она была замужем, но вы могли заметить, что кольца на пальце нет. Что мы знаем о ее жизни в Вермонте?

— Навскидку ничего не скажу, но все наверняка зафиксировано в документах. Могу изучить вопрос.

Миссис Сигсби задумалась. А ведь ей самой почти ничего не известно о Морин Алворсон! Да, когда-то она носила обручальное кольцо. Да, она была военнослужащей в отставке — как и многие сотрудники Института. Да, жила в Вермонте. И на этом все. Почему Сигсби не узнала о своем шпионе всю подноготную? Теперь ладно, Алворсон умерла, но... Напрашивались тревожные мысли — о забытой в кабинете рации (она решила, что уборщик переполошился из-за ерунды!), о пыльных камерах в коридорах, древних компьютерах и двух бестолковых компьютерщиках, о постоянной порче продуктов в столовой, прогрызенной мышами проводке и небрежных отчетах о видеонаблюдении (особенно в ночную смену — с 23:00 до 07:00, когда подопечные спали).

Безалаберность и халатность.

— Джулия? Я сказал, что могу...

— Я вас слышала, не глухая. Кто сейчас на посту видеонаблюдения?

Стэкхаус взглянул на часы.

— Скорее всего, никого. Сейчас середина дня. Допускаю, что дети либо сидят по комнатам, либо заняты своими детскими делами.

Допускаешь, значит, подумала миссис Сигсби. А допущения — мать безалаберности, это же ясно. Институт существует больше шестидесяти лет, и за все эти годы наружу не просочилось никакой информации. Особый телефон — так называемый Нулевой телефон — использовался только для плановых докладов: ни разу у Сигсби не появлялось иных поводов для звонка. Словом, внештатных ситуаций еще никогда не возникало.

В Бенде, конечно, ходили всякие слухи. Самым распространенным среди местных жителей было заблуждение, что Институт — это какая-то ракетная база. Или лаборатория, где разрабатывается биологическое либо химическое оружие. Или некое экспериментальное правительственное учреждение (уже ближе к правде). Слухи — это хорошо. Слухи — это самогенерируемая дезинформация.

Все хорошо, сказала она себе. Все так, как должно быть. Самоубийство больной экономки — лишь препятствие на пути, причем ерундовое. Однако оно недвусмысленно указывает на определенные... нет, не проблемы, еще не хватало удариться в паникерство... скажем, вопросы. И некоторые из этих вопросов возникли по ее вине. В первые годы, когда она только заняла руководящую должность, коридорные камеры пылью не покрывались. Она не выходила из кабинета без рации. И тщательно проверила бы сотрудницу, которой предлагала доплату за стукачество.

В голову пришла мысль об энтропии — тенденции двигаться по инерции, дрейфовать, когда все хорошо.

Тенденции делать допущения.

— Миссис Сигсби? Джулия? Приказы будут?

Она вернулась к реальности.

— Да. Мне нужна вся информация по Алворсон. И если на посту видеонаблюдения никого нет, отправьте туда кого-нибудь как можно скорее! Джерри, например.

Джерри Саймондс был одним из двух институтских компьютерщиков и лучшим специалистом по старому оборудованию.

— Джерри в увольнительной, — сказал Стэкхаус. — Рыбачит в Нассау.

— Тогда Энди.

— Нет. — Он помотал головой. — Энди сейчас в городе. Я его видел в магазине.

— Черт, он должен быть здесь! Тогда Зика. Который Грек. Он ведь раньше работал оператором видеонаблюдения, так?

— Вроде бы.

Ну вот, опять. Неопределенность. Предположения. Допущения.

Пыльные камеры. Грязные плитуса. Болтовня по делу и без дела на уровне В. А на посту видеонаблюдения — ни души.

Пора срочно принимать меры — еще до того, как начнут желтеть и опадать листья. Все-таки самоубийство Алворсон стало неплохой встряской, уже за одно это надо сказать ей «спасибо». Миссис Сигсби не любила разговаривать с человеком, которому можно было позвонить только по Нулевому телефону — от легкой шепелявости в его голосе (не «Сигсби», а всегда «Шигсби») у нее мороз шел по коже, — но надо — значит надо. Письменного отчета в данной ситуации будет недостаточно. У Института есть агенты по всей стране. Частный самолет. Хорошо оплачиваемые сотрудники, которые получают щедрые бонусы. Однако вся организация с каждым годом все больше и больше напоминает захудалый магазинчик в торговом центре, который вот-вот должен закрыться. Это безумие. Пора все менять.

Она сказала:

— Пусть Зик проверит трекары — все ли наши подопечные на месте? Особенно меня волнуют Люк Эллис и Авери Диксон. Морин часто с ними разговаривала.

— Мы знаем, о чем они говорили. О всякой ерунде.

— Просто исполняйте приказ, Тревор.

— С удовольствием. А вам не мешало бы расслабиться. — Он показал пальцем на труп с черным лицом и нагло высунутым языком. — Поймите же, тут все банально: смертельно больная женщина решила поскорей отправиться на тот свет, только и всего.

— Пересчитайте детей, Тревор. Если все будут на месте — сияют от счастья их довольные мордашки или нет, меня не волнует, — вот *тогда* я расслаблюсь.

Нет, это ей не светило. Она и так уже слишком долго расслаблялась.

5

Вернувшись в свой кабинет, миссис Сигсби велела Розалинде не пускать к ней никого, кроме Стэкхауса или Ионидиса (тот в данный момент пересчитывал подопечных на уровне D). Она села и уставилась на скринсейвер своего компьютера — белый песчаный пляж Сиеста-Ки, куда она якобы собиралась уехать жить на пенсии. Так она говорила людям, хотя себя тешить этой мыслью давно перестала: смирилась с тем, что умрет здесь, в лесу, прямо за этим столом или у себя дома в городке. Два ее любимых писателя, Томас Гарди и Редьярд Киплинг, тоже умерли за письменным столом, так чем она лучше? Институт стал смыслом ее жизни, и она не видела в этом ничего дурного.

То же самое относилось к большей части сотрудников Института — бывшим военнослужащим, стражам правопорядка и охранникам из суровых контор вроде «Блэк-уотер» или «Томагавк глобал». Денни Уильямс и Мишель Робертсон из Рубиновой команды пришли из ФБР. Если

Институт не был смыслом их жизни, когда они только устраивались на работу, со временем он им *стал*, и способствовали тому не зарплата, щедрые бонусы или соцпакет, а скорее образ жизни. Привычный настолько, что будто живешь во сне. Институт напоминал маленькую военную базу: в городке, где селился персонал, было подобие военторга с хорошим выбором товаров по приемлемым ценам и заправка, где бензин попроще стоил девяносто центов за галлон, а покруче — один доллар пять центов. Миссис Сигсби в молодости служила на военно-воздушной базе «Рамштайн» в Германии, и поселок Деннисон-Ривер-Бенд оказался очень похож на Кайзерслаутерн, куда они с коллегами время от времени ездили выпускать пар. На базе было все, что душа пожелает, включая кинотеатр и сетевую закусочную «Джонни Рокетс», но иногда людям хотелось сменить декорации. Так и здесь.

Они всегда возвращаются, подумала миссис Сигсби, разглядывая белый пляж, на котором несколько раз загорала — и где ей не суждено было жить даже на пенсии. Они всегда возвращаются. И, несмотря на безалаберность, лишнего не болтают — ясно ведь, что стоит на кону. Если мир узнает об их деятельности, о сотнях уничтоженных в этих стенах детей, расправы не избежать. Их всех ждет смертельная инъекция, как Тимоти Маквея*.

Впрочем, не надо о грустном. Есть и хорошее: все, начиная с доктора Дэна «Донки-Конга» Хендрикса (миссис Сигсби на дух не выносила этого человека, но в его профессионализме не сомневалась), Хекла и Джекла с Дальней половины и вплоть до самого распоследнего уборщика, все сотрудники без исключения понимали, что держат в руках судьбу мира, не меньше. Выживание

* Тимоти Маквей — ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного теракта (после 11 сентября) в истории США, унесшего жизни 168 человек, из которых 19 были дети младше шести лет. Был приговорен к смертной казни, которая состоялась 11 июня 2001 г.

человечества, целой планеты. А на такой войне все средства хороши. Любой, кто понимал суть деятельности Института, никогда не назвал бы их чудовищами.

Жили они хорошо — по крайней мере, неплохо, особенно те, кто наелся песка на Ближнем Востоке, на чьих глазах однополчанам отрывало ноги и выворачивало кишки. Иногда персонал отпускали в увольнительную: съездить домой, повидать семью (при условии, что она была — а у большинства сотрудников семьи не было). Конечно, рассказывать родственникам о работе строго запрещалось, и в какой-то момент они — жены, мужа, дети — понимали, что работа превыше всего. Работа захватывала сотрудников Института полностью. Жизнь их состояла, в порядке убывания значимости, из Института, городка и Деннисон-Ривер-Бенда с тремя барами (один — с живой музыкой). Когда это осознание приходило, обручальное кольцо имело обыкновение исчезать с пальца (как случилось с кольцом Алворсон).

Миссис Сигсби открыла ключом нижний ящик стола и достала оттуда телефон, похожий на те, что брали с собой на выезды группы захвата — большой, увесистый, эдакий пережиток эпохи, когда на смену видеомэгнитофонам пришли CD-проигрыватели, а мобильные только начали появляться на полках магазинов электроники. Его иногда называли Зеленым, а чаще — Нулевым телефоном, потому что ни экрана, ни кнопок с цифрами на нем не было, только три маленьких белых кружка.

Я позвоню, подумала она. Может, меня похвалят за дальновидность и инициативность. А может, решат, что у меня параноя, и начнут подыскивать замену. Так или иначе, это необходимо сделать. Долг зовет (и жаль, что не позвал раньше).

— Позвоню, но не сегодня, — пробормотала миссис Сигсби.

Сначала нужно избавиться от Алворсон. Так что не сегодня. И не завтра, и не на этой неделе. Разговор предстоял важный, к нему необходимо подготовиться, набро-

сать план, чтобы во время звонка излагать свои мысли как можно более доходчиво. Если она действительно воспользуется Нулевым телефоном, ей предстоит отвечать обстоятельно, когда человек на другом конце провода скажет: *Добрый день, мишишии Шигсби, чем я могу вам помочь?*

Это не прокрастинация, сказала она себе. Отнюдь. И я не хочу, чтобы у моих коллег были проблемы, но...

Тихо звякнул внутренний телефон.

— На третьей линии Зик, миссис Сигсби.

Она взяла трубку.

— Ну, чем порадуете, Ионидис?

— Все на месте, — сказал Зик. — Двадцать восемь трекеров на Дальней половине. На Ближней половине два трекера в буфете, шесть на площадке, пять в комнатах.

— Вот и отлично. Спасибо.

— Не за что, мэм.

Миссис Сигсби встала. Ее немного отпустило, хотя никакого чуда не произошло. Конечно, все подопечные на месте, а чего она ждала? Что кто-нибудь из детей укатил в Диснейорлд?

Ладно, пора приниматься за следующее дело.

6

Пока дети обедали, уборщик Фред взял на кухне каталку и подвез ее к двери в комнату, где покончила с собой Морин Алворсон. Вместе со Стэкхаусом они завернули тело в зеленый брезент и быстро покатали к лифту. Из столовой доносились характерные звуки животных на кормежке. На полу возле лифтового холла валялся плюшевый медвежонок, бессмысленно глядя в потолок стеклянными глазками. Фред с досадой пнул его в угол.

Стэкхаус с упреком поглядел на уборщика.

— Ну что ты, дружище! Нехорошо. Это, между прочим, чья-то любимая игрушка.

— А мне все равно. Вечно они разбрасывают свои вещи, а я ходи подбирай.

Когда двери лифта открылись, Фред начал заталкивать туда каталку. Стэкхаус его осадил, причем довольно грубо:

— Дальше мы сами. Подбери медведя и положи на видное место, чтобы хозяин как можно быстрее его нашел. А потом начни протирать камеры, мать их! — Стэкхаус показал пальцем на камеру под потолком, сам затолкал каталку в лифт и махнул ключом-картой.

Фред Кларк дождался, когда двери закроются, и только тогда вытянул средний палец. Но приказ есть приказ, придется почистить камеры.

Рано или поздно.

7

Миссис Сигсби дожидалась Стэкхауса на уровне F. Там было холодно, поэтому она надела поверх пиджака свитер. Они кивнули друг другу, и Стэкхаус повез каталку по туннелю между Ближней и Дальней половиной. Ни о каком декоре или уюте речи здесь не шло, обстановка носила сугубо утилитарный характер: бетонный пол, кафельные стены, люминесцентные лампы под потолком. Некоторые из них моргали, словно в каком-нибудь фильме ужасов, а парочка и вовсе перегорела. Кто-то налепил на стену стикер команды «Нью-Ингленд патриотс».

Миссис Сигсби опять мысленно посетовала на безалаберность персонала.

На двери в Дальнюю половину висела табличка «ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ». Миссис Сигсби приложила свою карточку к сенсору и открыла дверь. За ней был еще один лифтовый холл. После недолгого подъема они оказались в помещении почти столь же утилитарного вида, что и служебный туннель, по которому они прошли

на Дальнюю половину. Их ждал Хекл — доктор Эверетт Хэллас. Он широко улыбался и то и дело дотрагивался до уголка своих губ, чем напомнил миссис Сигсби Авери Диксона с его навязчивым дерганьем носа. Только Диксону было десять лет, а Хэлласу — пятьдесят с лишним. Работа в Дальней половине, подобно постоянному контакту со слабой радиацией, не проходила бесследно.

— *Здравствуйте, миссис Сигсби! Здравствуйте,* начальник службы безопасности Стэкхаус! Как я рад вас видеть! Все-таки надо чаще встречаться! Увы, сегодня повод у нас невеселый! — Он наклонился и погладил зеленый сверток с трупом Морин Алворсон, затем дотронулся до уголка рта — словно там был невидимый герпес. — В расцвете лет и так далее, и тому подобное.

— Давайте к делу, — сказал Стэкхаус.

Миссис Сигсби прекрасно понимала его спешку: ей и самой хотелось поскорей отсюда убраться. Именно здесь, на Дальней половине, происходило самое главное, и труд у Хекла и Джекла (второго доктора на самом деле звали Джоанна Джеймс) был поистине героический. Но легче от этого не становилось. Миссис Сигсби уже ощутила странную атмосферу места — как будто вошла в электрическое поле.

— Да-да, разумеется, дел неувпоровот, тайны и интриги, шестеренки внутри шестеренок, блохи есть у блох* и все такое...

Из комнаты отдыха с ужасными креслами, диваном и древним плоским телевизором на стене они перешли в коридор. На полу лежал толстый синий ковер (на Дальней половине дети иногда падали и ударялись своими драгоценными головами). Колесики каталки оставляли следы на ворсе. В целом коридор мало чем отличался от

* Цитата из стихотворения Джонатана Свифта «Критики» (в переводе С. Маршака). «Натуралистами открыты/У паразитов паразиты./И произвел переполох/Тот факт, что блохи есть у блох./И обнаружил микроскоп,/Что на клопе бывает клоп,/Питающийся паразитом,/На нем — другой, *ad infinitum*».

коридора общежития на Ближней половине, только все двери были заперты на замок. В одну из них кто-то барабанил с внутренней стороны, и доносились приглушенные крики: «Выпустите меня!» и «Дайте хотя бы таблетку аспирина!».

— Айрис Стэнхоуп, — пояснил Хекл. — Она сегодня неважно себя чувствует, увы. Зато остальные недавно поступившие дети держатся молодцом! Вечером у нас очередной киносеанс. А завтра — салют. — Он хихикнул и опять потрогал уголок рта. Миссис Сигсби пришла в голову мысль, что доктор похож на Ширли Темпл.

Она провела рукой по волосам: лежат ли, не встали дыбом? С ними, конечно, все было в порядке. То, что чувствовала миссис Сигсби — едва заметная вибрация на голой коже, дрожание глазных яблок в глазницах, — было вызвано отнюдь не электрическим полем.

Они прошли мимо кинозала с дюжиной мягких кресел. В первом ряду сидели Калиша Бенсон, Ник Уилхолм и Джордж Айлз в красных и синих майках. Бенсон посасывала сладкую сигарету, а Уилхолм курил настоящую — вокруг его головы вился серый дымок. Айлз потирал виски. Бенсон и Айлз обернулись, слышав шаги в коридоре, Уилхолм даже не пошевелился — так и смотрел в пустой экран. Быстро ему тут рога пообломали, с удовлетворением подумала миссис Сигсби.

Сразу за кинозалом, в дальнем конце коридора, находилась столовая — куда меньше той, что была на Ближней половине. Детей здесь всегда было больше, зато ели они мало: аппетит отшибало. Миссис Сигсби подумала, что какой-нибудь студент-филолог назвал бы это иронией. Сейчас в столовой было три человека, двое хлебали что-то вроде овсяной каши, одна — девочка лет двенадцати — просто сидела перед полной миской. Завидев их в коридоре, она сразу оживилась:

— Здравствуйте! Что это вы везете? Труп, да? Ее звали Моррис? Странное имя для девочки. А, наверное, Морин! Можно посмотреть? У нее глаза открыты?

— Не обращайтесь внимания, — сказал Хекл. — Это Донна. Сегодня она еще посмотрит кино, а затем, полагаю, отправится дальше. Уже на этой неделе. Впереди новая жизнь, светлое будущее и так далее. Ну, вы поняли.

Миссис Сигсби, безусловно, поняла. Есть Ближняя половина, есть Дальняя, а еще... еще есть дальняя половина Дальней половины. Конечная остановка. Миссис Сигсби снова дотронулась до волос. По-прежнему лежат. Разумеется. Она вспомнила свой трехколесный велосипед: однажды она каталась на нем вокруг дома и ощутила, как по ногам потекла теплая моча... Вспомнила порванные шнурки. И свою первую машину...

— Называлась «валиум»! — завершала девочка по имени Донна. Она вскочила, опрокинув стул. Остальные двое без особого интереса подняли головы (у одного каша текла по подбородку). — «Плимут-валиум», я знаю! Господи, скорее бы *домой*! Господи, когда уже уймется *голова*!

Двое зрителей в красной форме вышли... не пойми откуда. Да и какая разница, откуда они взялись, подумала миссис Сигсби. Они взяли девочку под руки.

— Правильно, отведите ее к себе, — сказал Хекл. — Таблеток не давайте, она нам сегодня еще нужна.

Донна Гибсон, которая когда-то секретничала с Калишей Бенсон на Ближней половине, начала вопить и вырываться. Смотрители потащили девочку по коридору, волоча мысками кроссовок по ковру. Обрывки мыслей в голове миссис Сигсби начали угасать, затем исчезли. Однако вибрация на коже и в зубных пломбах никуда не делась. Здесь она была вездесущей, словно гул люминесцентных ламп под потолком.

— Все нормально? — спросил ее Стэкхаус.

— Да. — Только уведите меня отсюда поскорее.

— Если вам будет легче, я тоже это чувствую.

Нет, не легче.

— Тревор, можете мне объяснить, почему все трупы надо везти в крематорий именно через жилые коридоры?

— В Бобовом городе целые тонны бобов, — ответил Стэкхаус.

— Что, простите? — не поняла миссис Сигсби.

Стэкхаус помотал головой, словно пытаясь вытряхнуть непрошенные мысли.

— Прощу прощения. В голову какие-то глупости лезут...

— Да, да, — сказал Хэллас. — Сегодня в воздухе особенно много... *посторонних сигналов*, так сказать.

— Я в курсе, — буркнул Стэкхаус. — Оно само вырвалось, как будто...

— Как будто вы поперхнулись едой, — невзначай заметил доктор Хэллас. — А ответ на ваш вопрос, миссис Сигсби, звучит так: *никто не знает*. — Он хохотнул и потрогал губы.

Да мне плевать, только бы убраться отсюда поскорее, снова подумала она.

— А где доктор Джеймс?

— У себя. Ей слегка нездоровится. Тем не менее она просила передать вам горячий привет и выразила надежду, что у вас все замечательно, превосходно, тип-топ и так далее. — Он улыбнулся и вновь приставил палец к уголку рта, как Ширли Темпл: *правда, я милашка?*

8

В кинозале Калиша выхватила сигарету без фильтра из пальцев Никки, затянулась разок, бросила окурочек на пол и растоптала. Приобняла Ника за плечо.

— Совсем плохо?

— Бывало и хуже.

— После кино полегчает.

— Угу. А потом наступит завтра. Теперь я знаю, почему мой папаша был такой злой с похмелья. А ты как, Ша?

— Нормально. — Действительно, голова почти не болела. Беспокоила только легкая пульсация над левым глазом. Сегодня она исчезнет без следа. А завтра вернет-

ся, но перестанет быть легкой. Завтра боль будет такая, что в сравнении с ней все похмелья отца Никки (и эпизодически — ее собственных родителей) покажутся цветочками. Упрямая долбежка — будто в голове засел злобный эльф и изнутри колошматит по черепу кувалдой. Ничего, терпит. Никки страдает гораздо сильнее, Айрис — еще сильнее. И боль с каждым разом уходит все медленнее.

Джорджу повезло. Несмотря на сильный дар телекинеза, он почти не ощущал боли. Лишь слабую ломоту в висках и затылке. Но со временем ему станет хуже. Всем становилось хуже, всем без исключения. А потом? Палата А. Гул. Дальняя половина Дальней половины. Калиша пока не мечтала об этом, мысль о конце, полном уничтожении личности, по-прежнему внушала ей ужас, однако это ненадолго. Айрис уже перестала бояться. Большую часть времени она выглядела как зомби из «Ходячих мертвецов». Хелен Симмс довольно точно описала отношение Калиши к Палате А: мол, это в любом случае лучше, чем Штази-огоньки и адская головная боль без конца и края. Что угодно лучше.

Джордж перегнулся через Ника и посмотрел на нее ясным, почти незамутненным болью взглядом.

— Он сбежал, — прошептал Джордж. — Сосредоточьтесь на этой мысли. И держитесь.

— Мы-то держимся, — сказала Калиша. — Да, Ник?

— Пытаемся, ага. — Ник натянуто улыбнулся. — Хотя мне слабо верится, что парень, так бездарно играющий в КОЗЛА, сумеет привести подмогу.

— Может, в КОЗЛА он играет бездарно, зато в шахматы кого хочешь сделает, — заметил Джордж. — Не списывай его со счетов.

В открытых дверях кинозала возник красный смотритель. На Дальней половине бейджиков ни у кого не было, и смотрители постоянно менялись. Лаборантов тоже не было, только два врача; иногда приходил доктор Хендрикс. Хекл, Джекл и Донки-Конг. Ужасное трио.

— Свободное время закончилось. Если не хотите есть, расходимся по комнатам.

Прежний Никки мог послать этого узколобого качка на хрен; новый Никки молча встал, пошатнулся и ухватился рукой за спинку кресла. У Калиши сжалось сердце. То, что в Институте сделали с Никки, было даже хуже, чем убийство. *Намного* хуже.

— Ладно, — сказала Калиша. — Пойдем все вместе. Да, Джордж?

— Ну, я вообще-то надеялся на дневной сеанс «Парней из Джерси», — произнес Джордж, — но если вы настаиваете...

Пойдем вместе, как три упоротых мушкетера, подумала Калиша.

В коридоре гул был гораздо сильнее. Да, она знала, что Люк выбрался, Авери ей сообщил. Это хорошо. Беззаботные идиоты пока даже не догадываются о его побеге, а это еще лучше. Но головная боль подрывала всякую надежду. Даже когда она отступала, ты начинал ждать ее возвращения — особая извращенная пытка. А гул, который шел от Палаты А, лишал надежду смысла, и это тоже было ужасно. Калиша еще никогда не чувствовала себя такой одинокой, такой загнанной в угол.

Я обязана держаться, подумала она. Что бы они ни творили, как бы ни мучили нас огоньками и этими жуткими фильмами, я буду держаться. Надо сохранить рассудок.

Под надзором смотрителя они медленно побрели по коридору — не как дети, а как инвалиды. Или как старики, доживающие в хосписе последние дни.

9

Вслед за доктором Хэлласом миссис Сигсби и Стэкхаус прошли мимо закрытых дверей Палаты А. Стэкхаус вез каталку. Из палаты не доносилось никаких криков

или воплей, однако ощущение, что они попали в электрическое поле, было здесь еще сильнее; казалось, по коже бегает мыши. Стэкхаус тоже это чувствовал. Одной рукой он толкал импровизированные похоронные носилки с телом Морин Алворсон, а второй без конца потирал свою блестящую лысину.

— Такое впечатление, что я иду сквозь паутину, — сказал он. И спросил Хекла: — Вы ничего не чувствуете?

— Привык, — ответил тот и потрогал уголок рта. — Процесс ассимиляции... — Он умолк. — Нет, не то. *Акклимации*. Или акклиматизации? Не могу вспомнить слово.

Миссис Сигсби внезапно одолело странное, необычное для нее любопытство.

— Доктор Хэллас, а когда у вас день рождения? Помните?

— Девятого сентября. Знаю, почему вы спрашиваете. — Он бросил взгляд через плечо на двери с красной надписью «*Палата А*», затем снова посмотрел на миссис Сигсби. — Со мной все в порядке, правда.

— Девятое сентября... — протянула она. — Стало быть, по гороскопу вы кто? Весы?

— Водолей, — ответил Хекл с лукавой улыбкой, как бы говоря: *Меня просто так не проведешь, миледи!* — Луна в седьмом доме, Меркурий в Марсе и так далее, и тому подобное. Пригнитесь, мистер Стэкхаус, тут низкий потолок.

Они прошли по короткому темному коридору, спустились по лестнице — Стэкхаус подпирал каталку снизу, миссис Сигсби управляла ею сверху — и оказались перед очередной дверью. Хекл приложил свою карточку, и они вошли в неприятно жаркую круглую комнату. Мебели здесь не было, а на стене, под грязным закопченным стеклом, которое не мешало бы протереть с «Уиндексом», висела табличка «**ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ**». В дальнем конце комнаты в стену был вмонтирован стальной люк, как в промышленных мясохранилищах. Слева от него

располагался небольшой дисплей, в данный момент выключенный, а справа — красная и зеленая кнопки.

Здесь обрывки мыслей и воспоминаний наконец прервали беспокоить миссис Сигсби, а неувимая головная боль, парившая где-то в районе висков, почти исчезла. И хорошо, вот только скорей бы отсюда уйти. Она редко посещала Дальнюю половину, поскольку в ее присутствии не было никакой необходимости; командуя армии необязательно бывать на передовой, если война идет успешно. Но хоть миссис Сигсби и стало легче, эта круглая комната страшно ее угнетала.

Хэллас тоже немного пришел в себя; то был уже не Хекл, а человек, двадцать пять лет проработавший военным врачом и получивший Бронзовую звезду. Он расправил плечи и наконец перестал теревить уголок губ, взгляд его стал яснее, вопросы — лаконичнее.

— Украшения, ценные вещи?

— Нет, — ответила миссис Сигсби, снова вспомнив про отсутствующее на пальце Морин Алворсон обручальное кольцо.

— Насколько я понимаю, она одета?

— Разумеется. — Вопрос почему-то показался ей оскорбительным.

— Карманы обыскали?

Она поглядела на Стэкхауса. Тот мотнул головой.

— А хотите? Другого шанса уже не будет.

Миссис Сигсби поразмыслила и решила, что не хочет. Предсмертную записку экономка оставила на стене ванной комнаты, а ее кошелек должен лежать в шкафчике. Это еще предстоит проверить — просто на всякий случай, — но разворачивать труп и снова смотреть на непотребно высунутый язык, только чтобы обнаружить в кармане экономки гигиеническую помаду, упаковку таблеток «Тамс» от изжоги и пару смятых бумажных носовых платков... Нет уж, увольте.

— Не хочу. А вы, Тревор?

Стэкхаус вновь мотнул головой. У него круглый год был бронзовый загар, но сегодня он выглядел бледнее обычного. Визит на Дальнюю половину не прошел даром и для него. Может, стоит делать это почаще, подумала миссис Сигсби. Чтобы быть в курсе, быть в гуще событий, так сказать. Однако потом она вспомнила, как доктор Хэллас назвал себя Водолеем, а Стэкхаус нес какую-то чушь про бобы в Бобовом городе. Нет, быть в гуще событий — все-таки плохая идея. И кстати, разве люди, рожденные 9 сентября, — Весы? Не Девы?

— Ну, приступим, — сказала она.

— Вот и славненько! — Доктор Хэллас улыбнулся широкой, по-настоящему хекловской улыбкой. Затем дернул ручку стального люка и распахнул его. За люком была крошечная тьма, в которую уходила грязная конвейерная лента. Пахло горелым мясом.

Табличку надо почистить, подумала миссис Сигсби. Конвейерную ленту тоже, пока она не забилась сажей и не вызвала поломку оборудования. Всюду безалаберность.

— Надеюсь, вам не составит труда ее поднять, — сказал Хекл, не переставая сверкать улыбкой телеведущего. — Меня сегодня силы что-то подводят. Каши мало ел, наверное.

Стэкхаус поднял завернутое тело и положил его на ленту. Нижний угол брезента отогнулся, обнажив туфлю. Миссис Сигсби неудержимо захотелось отвернуться от этой стертой подошвы.

— Торжественную речь кто-нибудь произнесет? — спросил Хэллас. — Прости-прощай, вечная память и все такое? Дженни, мы тебя почти не знали?..*

— Хватит валять дурака, — отрезала миссис Сигсби.

Доктор Хэллас закрыл люк и нажал зеленую кнопку. Миссис Сигсби услышала дребезг пришедшей в движе-

* Аллюзия на популярную ирландскую антивоенную песню «Джонни, я едва тебя узнала» (Johnny, I Hardly Knew Ya).

ние грязной конвейерной ленты. Когда эти звуки умолкли, доктор Хэллас нажал красную кнопку. Дисплей слева от люка ожил, и на нем замелькали числа: 200, затем 400, 800, 1600 и наконец 3200.

— У нас тут пожарче, чем в обычных крематориях, — заметил Хэллас. — И трупы сгорают быстрее, хотя все равно надо подождать, конечно. Если хотите, устройю вам экскурсию по нашему славному заведению. — На его лице сияла все та же широченная улыбка.

— Не сегодня, — ответила миссис Сигсби. — Очень много дел.

— Так я и думал. Что ж, в другой раз. Знайте, что наши двери всегда для вас открыты.

10

Когда Морин Алворсон отправлялась в последний путь, Стиви Уиппл сидел в столовой Ближней половины и ел макароны с сыром. Вдруг подошел Авери Диксон и схватил его за мясистую веснушчатую руку.

— Пойдем со мной на площадку.

— Я еще не доел!

— Плевать, — буркнул Авери и добавил чуть тише: — Дело важное.

Стиви напоследок запихнул в рот полную вилку, отер рот тыльной стороной ладони и пошел за Авери. На площадке никого не было, кроме Фриды Браун: та рисовала мелками на асфальте возле баскетбольного кольца. Персонажи у нее получались забавные. Улыбчивые.

На мальчиков она даже не взглянула.

Авери показал пальцем на яму под забором и разбросанную кругом землю и гравий. Стиви вытаращил глаза.

— Кто это сделал? Сурок какой-нибудь? — Он осмотрелся по сторонам, словно думал увидеть этого сурка — возможно, даже бешеного — под батутом или столом.

— Нет, не сурок, — ответил Авери.

— Ты туда пролазишь, Авс! Убеги, спрячься!

Как будто мне самому это в голову не приходило, подумал Авери. Вот только в лесу я мигом заблужусь. А даже если нет, лодка-то уже уплыла.

— Забей. Помоги мне лучше все закопать.

— Зачем?

— Надо. И не говори «пролазишь», это безграмотно. *Пролезешь*, Стиви. *Пролезешь*. — Именно это сделал его друг. Где он сейчас? Авери понятия не имел. Телепатическая связь между ними оборвалась.

— Пролезешь, — исправился Стиви. — Понял.

— Отлично. Ну, закапываем.

Мальчики опустились на колени и руками начали заполнять канавку под забором. Пыль стояла столбом, и оба быстро взмокли. Лицо у Стиви стало ярко-красное.

— Вы что тут делаете?

Они подскочили. Рядом стояла Глэдис. На лице — ни намек на широкую улыбку.

— Ничего, — пискнул Авери.

— Ничего, — подтвердил Стиви. — Так, в пыли возмись. Приятно, знаете, в пылище повозиться!

— Ну-ка, брысь.

Мальчики не сдвинулись с места, и Глэдис с силой пнула Авери в бок.

— *Ай!* — закричал тот и свернулся калачиком. — *Ай, больно!*

Стиви хотел заступиться за друга:

— Вы чего? ПМС, что ли, заму... — И тоже получил пинок в плечо.

Глэдис изучила яму, наполовину заполненную землей, потом перевела взгляд на Фриду, которая до сих пор рисовала на асфальте.

— Это ты сделала?

Та, не отрываясь от рисования, помотала головой.

Глэдис выхватила из кармана белых брюк рацию и нажала кнопку.

— Мистер Стэкхаус? Глэдис вызывает мистера Стэкхауса.

Сперва рация молчала, потом раздался голос начальника службы безопасности:

— Говорит Стэкхаус, прием.

— Скорее выходите на площадку. Вам стоит на это посмотреть. Может, конечно, ерунда... Но выглядит подозрительно.

11

Уведомив начальника службы безопасности о своей находке, Глэдис вызвала Вайнону, чтобы та развела мальчиков по комнатам. Выходить им строго запретили.

— Да я ничего не знаю про эту дырку, — ныл Стиви. — Я думал, ее сурок выкопал...

Вайнона велела ему заткнуться и потащила мальчиков в общежитие.

Стэкхаус пришел вместе с миссис Сигсби. Он присел на корточки, она нагнулась, и они стали рассматривать сперва дыру под забором, затем сам забор.

— Сюда бы никто не пролез, — сказала миссис Сигсби. — Ну, может, Диксон бы поместился, он почти такой же мелкий, как близняшки Уилкоксы, но больше никто.

Стэкхаус разгреб руками рыхлую смесь гравия и земли, которой мальчики успели наполовину заполнить дыру. Получилась довольно глубокая канавка.

— Вы уверены?

Миссис Сигсби почувствовала, что кусает губы, и усилием воли заставила себя перестать. Какой бред, подумала она. У нас есть камеры, прослушка, смотрители, уборщики и экономки, охрана в конце концов! И все это для присмотра за горсткой детишек, которые и мухи не обидят.

Встречаются, конечно, исключения. Уилхолму ничего не стоило обидеть муху, и до него такие дети иногда здесь бывали. Тем не менее...

— Джулия. — Очень тихо.

— Что?

— Присядьте.

Она начала опускаться на колени, когда заметила, что за ними наблюдает Фрида Браун.

— А ну марш отсюда! — рявкнула миссис Сигсби. — Сию секунду!

Фрида тут же убежала, отряхивая руки. На асфальте остались ее улыбчивые мультяшные человечки. Когда девочка входила в комнату отдыха, миссис Сигсби заметила, что из дверей выглядывают любопытные дети. Ну и где, спрашивается, пропадают зрители? Ясно где: болтают с оперативниками из группы захвата — обмениваются байками, рассказывают сальные анекдоты...

— Джулия!

Она присела и поморщилась — в колено впился острый камешек.

— На сетке кровь. Видите?

Миссис Сигсби видела, хотя предпочла бы не видеть. Запекшаяся, коричневатая, но, несомненно, кровь.

— А теперь посмотрите сюда.

Стэкхаус просунул палец сквозь сетку и указал на частично выдранный из земли куст. На нем тоже была кровь. Глядя на эти пятна — пятна, которые кто-то оставил *снаружи*, миссис Сигсби на секунду подумала, что сейчас обмочится от страха, совсем как в детстве, когда она каталась на трехколесном велосипеде. Она вспомнила про Нулевой телефон, и вся ее жизнь в Институте пронеслась перед глазами — да-да, именно жизнь, потому что назвать это работой язык не поворачивался. Что скажет шепелявый на том конце провода, когда она позвонит и сообщит ему новость: из самого секретного и тщательно охраняемого учреждения страны (и самого *необходимого* учреждения) сбежал ребенок? Не просто сбежал — а *пролез под забор*!

Разумеется, он скажет, что ей конец.

— Все подопечные на месте, — сипло прошептала миссис Сигсби и впилась ногтями в запястье Стэкхауса. Тот словно и не заметил, зачарованно глядя на выдраный с корнем куст. Для него эта история могла закончиться не лучше, чем для Сигсби. Не хуже — потому что хуже просто не может быть, — но и не лучше. — Тревор, *они все на месте!* Я проверила.

— Значит, надо проверить еще раз, не находите?

На сей раз рация была при ней (в голове мелькнула мысль о кулаках, которыми бесполезно махать после драки), и она ее включила.

— Зик. Миссис Сигсби вызывает Зика.

Попробуй не оказаться на посту, Ионидис. Только попробуй.

Он был на посту.

— Слушаю, миссис Сигсби. Провожу проверку по Алворсон, мистер Стэкхаус поручил ее мне, потому что Энди и Джерри нет. В общем, я дозвонился до соседей...

— Пока отложите. Проверьте еще раз, все ли чипы на месте.

— Хорошо. — Голос стал настороженным. Наверное, Ионидис почувствовал мое напряжение, подумала миссис Сигсби. — Подождите, сегодня система тормозит... пару секунд...

Ей хотелось заорать во весь голос. Стэкхаус все еще пялился сквозь забор. Чего он ждет, мать его? Что из лесу выйдет гребаный хоббит и все ему объяснит?!

— О'кей, — наконец сказал Зик. — Сорок один чип, как и должно быть.

Облегчение холодным ветерком обдало ее лицо.

— Так, прекрасно. Просто прекра...

Стэкхаус выхватил у нее рацию.

— Где они в данный момент?

— Э-э... ну, двадцать восемь человек на Дальней половине, четверо в Восточной комнате отдыха... трое в столовой... двое в комнатах... трое в коридоре...

Ага, эти последние — Уиппл, Диксон и художница Браун, подумала миссис Сигсби.

— ...и один на площадке. Итого сорок один, как я уже сказал.

— Постой-ка, Зик. — Стэкхаус покосился на миссис Сигсби. — Вы видите здесь ребенка?

Она не ответила. Потому что ответ был ясен.

Стэкхаус поднес рацию к губам.

— Зик?

— Да, мистер Стэкхаус, я тут.

— Можешь указать точное местоположение ребенка на площадке?

— Э-э... дайте-ка приближу... для этого была кнопка...

— Не утруждайтесь, — отрезала миссис Сигсби.

На земле в лучах солнца поблескивал какой-то мелкий предмет. Миссис Сигсби подошла к баскетбольному кольцу, встала возле штрафной линии, нагнулась и подобрала предмет. Вернулась к начальнику службы безопасности и протянула ему свою находку: кусок мочки с чипом.

12

Всем проживающим на Ближней половине велели разойтись по комнатам и не высовываться: любого пойманного в коридоре ждало суровое наказание. Служба безопасности Института состояла из четырех человек, включая самого Стэкхауса. Двое сотрудников находились в городке и прибыли сразу же — по дорожке для гольф-каров, на которую, по представлениям Морин, должен был выйти Люк (только он промахнулся буквально футов на сто). Третий член команды находился в Деннисон-Ривер-Бенде, и Стэкхаус не имел ни малейшего намерения его дожидаться. В комнате отдыха сидели Денни Уильямс и Робин Лекс — они ждали следующего задания и с готовностью откликнулись на призыв Стэкхауса.

К ним присоединились два тяжеловеса: Джо Бринкс и Чед Гринли.

— Да это же тот парень из Миннесоты, — сказал Денни, когда импровизированной поисковой группе объяснили, что случилось. — Которого мы в прошлом месяце привезли!

— Именно, — кивнул Стэкхаус. — Тот самый парень из Миннесоты.

— Говорите, он оторвал себе мочку уха, чтобы избавиться от трекера? — уточнила Робин.

— Судя по ровным краям раны — скорее отрезал. Ножом.

— Видать, крепкий орешек, — подивился Денни.

— Я ему лично орешки отобью, когда поймаю, — сказал Джо.

— Сейчас он по лесу бродит... Небось, так заплутал, что полезет к нам обниматься, когда мы его найдем, — добавил Чед. — Если найдем, конечно. Деревьев тут немало.

— У него текла кровь из уха, — сказал Стэкхаус. — И спину он наверняка разодрал, когда пролезал под забором. Руки тоже. Значит, попробуем идти по следам крови.

— Хорошо бы сюда собаку, — вставил Денни Уильямс. — Ищейку или старого доброго кунхаунда.

— Хорошо бы вообще никто не сбегал, — сказала Робин. — Под забор пролез, говорите? — Она едва не засмеялась, но, увидев осунувшееся лицо и яростный взгляд Стэкхауса, передумала.

Тут подоспели Рейф Пуллман и Джон Уолш, два охранника из городка.

Стэкхаус объявил:

— Мы не собираемся его убивать, зарубите это себе на носу, но когда мы его найдем — прожарим электричеством насквозь. Пусть сукин сын попляшет!

— Если найдем, — вставил Чед.

— Найдем, — заверил его Стэкхаус, а сам подумал: иначе мне кранты. А может, и всему этому заведению кранты.

— Я возвращаюсь в кабинет, — заявила миссис Сигсби. Стэкхаус поймал ее за локоть.

— И что вы там будете делать?

— Думать.

— Хорошо. Думайте сколько влезет, главное — никому не звоните. Договорились?

Миссис Сигсби смерила его презрительным взглядом. Судя по тому, как она кусала губы, ей тоже было страшно. Значит, Стэкхаус не один.

— Разумеется.

Впрочем, очутившись в благословенной тишине и прохладе своего кабинета, миссис Сигсби поняла, что думать не в состоянии. Взгляд ее блуждал, то и дело возвращаясь к запертому ящику письменного стола. Как будто внутри лежал не телефон, а ручная граната.

13

Три часа дня.

Поисковая группа, прочесывавшая лес, то и дело докладывала обстановку, однако новостей не было. О победе сообщили всем сотрудникам Института, и задействованы в поисках тоже были все. Кто-то вышел в лес, остальные осматривали пустые дома в городке — в поисках Эллиса или каких-нибудь следов его пребывания. Пересчитали личные автомобили: все на месте. Гольф-кары, на которых персонал иногда перемещался по территории Института, — тоже. Агенты из Деннисон-Ривербенда — включая двух сотрудников местной полиции — получили ориентировку на Эллиса, но в поселке его никто не видел.

Зато поступили новости насчет Алворсон.

Ионидис проявил инициативу и коварство, на которые ни Джерри Саймондс, ни Энди Феллоуз — компьютерщики — не были способны. Воспользовавшись сперва гугловским сервисом «Планета Земля», а затем приложением для поиска по базам телефонных номеров, Зик сумел выйти на связь с соседкой Алворсон из крошечного вермонтского городка, где проживала экономка. Он представился женщине налоговым инспектором, и та моментально ему поверила. Не продемонстрировав ни намека на присущую янки скрытность и немногословность, она поведала «инспектору», что Морин просила ее выступить свидетелем при подписании нескольких документов. На той встрече присутствовала и адвокат. Документы были адресованы коллекторским агентствам — адвокат пояснила, что это запреты на осуществление противоправной деятельности.

— Это все имело какое-то отношение к кредитным карточкам ее мужа, — сообщила соседка Зику. — Мо ничего мне не рассказывала, но я сама поняла. Не вчера родилась! Она хочет разобраться с долгами этого паразита. И если налоговая имеет что-то против, советую вам поторопиться с судом, а то вид у нее был очень больной.

Миссис Сигсби подумала, что соседка зрила в корень. Но зачем Алворсон захотела решить финансовый вопрос таким странным образом? К чему этот мартышкин труд? Все сотрудники Института прекрасно знали, что в случае финансовых трудностей (обычно такие трудности были связаны с азартными играми) могут получить ссуду на очень выгодных условиях, практически без процентов. Каждому сотруднику при приеме на работу рассказывали об этой привилегии. Конечно, на самом деле то была не привилегия, а способ сохранить деятельность Института в тайне. Должникам иногда приходит в голову приоткрывать секретами фирмы.

Проще всего было объяснить поведение Алворсон обыкновенной гордыней (в сочетании с чувством стыда:

муж развел ее как дурочку). Впрочем, миссис Сигсби это казалось маловероятным. Экономка знала, что скоро умрет, — и узнала наверняка не вчера. Перед смертью она захотела очистить совесть. Нельзя же брать для таких целей деньги у организации, которая эту совесть замарала! Да, так уже больше похоже на правду. И предсмертная записка про ад сразу обретает смысл.

Тварь помогла ему сбежать, подумала миссис Сигсби. Искупила таким образом свои грехи. Допросить ее теперь нельзя, она об этом позаботилась. Разумеется, позаботилась — она же в курсе, какие методы мы используем при ведении допросов. И что теперь делать? Что делать, если мы не сумеем вернуть этого умника до наступления темноты?

Миссис Сигсби знала ответ, и Тревор, конечно, тоже знал. Придется достать из запертого ящика Нулевой телефон и нажать все три кнопки. Трубку возьмет шепелявый. И что этот человек скажет, когда она сообщит ему, что впервые за историю Института подопечный совершил побег — среди ночи, выкопав яму под забором?! Гошподи, какой ужас! Очень шаль? Ни о чем не волнуйтесь?

Черта с два!

Думай, велела она себе. Думай, думай, думай. Кому могла проболтаться несчастная экономка? И кстати, кому мог проболтаться *Элис*?

— Черт. *Черт!*

Ответ был прямо у них перед носом с той самой секунды, когда обнаружилась дыра под забором. Миссис Сигсби села прямо, как штык, широко распахнула глаза и наконец забыла на минуту о Нулевом телефоне — впервые с тех пор, как Стэкхаус доложил ей об исчезновении кровавых следов в пятидесяти ярдах от забора.

Она включила компьютер и нашла нужный файл. Кликнула по нему и нажала кнопку «воспроизведение». На экране появилось видео: Алворсон, Элис и Диксон беседуют возле торговых автоматов.

Здесь можно поговорить. Микрофон есть, но он давно сломан.

Говорил в основном Люк Эллис. Он выразил тревогу за судьбу девочек-близняшек и Кросса. Алворсон его успокоила. Диксон просто стоял рядом, почесывался и тербил нос.

Господи, если тебе так надо поковыряться в носу — поковыряйся уже! — не выдержал тогда Стэкхаус. Теперь миссис Сигсби смотрела на происходящее новым взглядом. И все поняла.

Захлопнув крышку ноутбука, она нажала кнопку на аппарате внутренней связи.

— Розалинда, приведи мне Диксона. Пусть это сделают Тони и Вайнона. Немедленно!

14

Авери Диксон в футболке с Бэтменом и грязных шортах, из-под которых торчали ободранные коленки, стоял перед письменным столом миссис Сигсби и испуганно смотрел на нее. Он и без того не вышел ростом, а рядом с Тони и Вайноной казался совсем малышом — чуть ли не дошкольником.

Миссис Сигсби натянуто улыбнулась.

— Мне следовало побеседовать с вами гораздо раньше, мистер Диксон. Видно, теряю бдительность.

— Да, мэм, — прошептал Авери.

— Да? По-твоему, я теряю бдительность?

— Нет, мэм! — Авери нервно облизнулся. А вот к носу не притронулся, надо же.

Миссис Сигсби сцепила ладони и подалась вперед.

— Даже если я действительно на время потеряла бдительность, этого больше не повторится. Мы примем меры. Но сперва у нас есть одно дело... *первостепенной* важности!.. Нам надо вернуть Люка домой.

— Да, мэм.

Она кивнула.

— Тут мы с тобой согласны, это радует. Хорошее начало. Куда же он отправился?

— Не знаю, мэм.

— А по-моему, знаешь. Вы со Стивеном Уипплом пытались засыпать дыру под забором, через которую он выбрался наружу. Какая глупость. Лучше бы вы ее не трогали.

— Мы подумали, что яму прорыл сурок, мэм.

— Врешь. Ты прекрасно знал, кто ее прорыл — твой друг Люк Эллис. Итак. — Миссис Сигсби широко расставила руки и улыбнулась. — Он умный мальчик, а умные мальчики не уходят в лес без подготовки. Вероятно, он сам додумался сделать подкоп, но ему нужно было знать, что находится за забором. И Алворсон дала подробные инструкции, куда и как бежать. Ты дергал себя за нос, а она говорила. Посылала информацию прямо в твою талантливую головку, верно? А ты потом передал все Эллису. Не отнекивайтесь, мистер Диксон, я видела запись вашего разговора. Вы задумали — уж простите старухе глупый каламбур — оставить нас с носом. Как же я сразу не поняла!

И Тревор не понял. Он ведь смотрел видео вместе со мной! Когда все закончится, будет разбор полетов, и какими слепыми идиотами мы себя выставим...

— Теперь говори: куда он отправился?

— Я правда не знаю!

— А глазки-то забегали! Значит, врешь. Смотри мне в глаза. Иначе Тони выкрутит тебе руку — будет больно.

Она кивнула Тони. Он схватил мальчика за тоненькое запястье.

Авери посмотрел ей в лицо — лицо злое и страшное, лицо мерзкой директрисы, которая желает *знать все*. И все-таки он посмотрел. По его щекам сразу покатались слезы. Он всегда был плаксой; старшие сестры называли его Ревой-Коровой, и в школьном дворе на переменах его постоянно травили. Здесь, на площадке, было

получше. Да, он скучал по маме с папой, *ужасно* скучал, зато в Институте у него хотя бы появились друзья. Гарри сперва его толкнул, а потом стал ему другом. И был им, пока не умер. Пока его не угробили эти дурацкие опыты... Ша и Хелен ушли на Дальнюю половину, зато теперь есть новая девочка — Фрида, — которая сыграла с ним в КОЗЛА и нарочно поддалась. Один разок, но все-таки. И еще Люк. Люк лучше всех. Самый лучший друг.

— Куда его отправила Алворсон, мистер Диксон? Какой она придумала план?

— Не знаю.

Миссис Сигсби кивнула Тони, и тот заломил ему руку — дотянул запястье аж до самых лопаток. Боль была невыносимая. Авери закричал.

— Куда он побежал? Какой был план?

— *Я не знаю!*

— Отпусти его, Тони.

Тони повиновался, и Авери в слезах рухнул на колени.

— Мне очень больно, пожалуйста, не делайте так больше, я вас прошу! — Он хотел добавить «это несправедливо», но ясно же, что этим людям было плевать на справедливость.

— Да я и сама не рада, — отозвалась миссис Сигсби. Это можно было назвать правдой только с очень большой натяжкой. А истинная правда заключалась в том, что годы службы сделали ее черствой и совершенно равнодушной к детским страданиям. Хотя надпись на табличке в крематории не лгала — дети действительно были героями, пусть и против собственной воли, — некоторые из них умели испытывать терпение. И порой ее терпение лопалось.

— Я не знаю, где он, честное слово!

— Когда дети говорят «честное слово», это верный признак вранья. Итак, отвечай: где Люк и какой у него план?

— Не знаю!

— Тони, подними ему футболку. Вайнона, включи шокер на среднюю мощность.

— Нет! — закричал, отбиваясь, Авери. — Только не шокер! Пожалуйста, только не шокер!

Тони поймал его за пояс и задрал футболку. Вайнона поместила шокер над пупком Авери и нажала кнопку. Он завизжал, на ковер полилась моча.

— Где он, мистер Диксон? — Лицо мальчика было покрыто красными пятнами и соплями, под глазами темнели круги, он обмочился, но говорить по-прежнему не спешил, гаденыш. Миссис Сигсби не верила своим глазам. — Где он и какой был план?

— *Не знаю!*

— Вайнона, еще раз.

— Мэм, вы уве...

— И немного увеличьте мощность, будьте так любезны. Бьем прямо под солнечное сплетение.

Руки Авери стали скользкими от пота, и он вывернулся из хватки Тони. Без того неприятная ситуация чуть не стала еще хуже: мальчишка мог замеситься по кабинету, как случайно залетевшая в гараж птица, сбивая предметы и врезаясь в стены. Однако Вайнона успела поставить Авери подножку и рывком подняла его. На сей раз шокером поработал Тони. Авери закричал и обмяк.

— Он потерял сознание? — спросила миссис Сигсби. — Если да, позовите доктора Эванса, пусть сделает ему укол. Нам нужны ответы — и быстро.

Тони схватил Авери за щеку (когда-то пухлую, а теперь заметно похудевшую) и крутанул. Мальчишка распахнул глаза.

— Не потерял.

Миссис Сигсби сказала:

— Мистер Диксон, ваши мучения совершенно бессмысленны. Просто ответьте на наши вопросы, и они прекратятся. Где Люк и какой был план?

— Не знаю, — прошептал Авери. — Я правда-правда ничего не зна...

— Вайнона? Пожалуйста, снимите ему шорты и приложите шокер к яичкам. Мощностъ на максимум.

Хотя Вайноне ничего не стоило раздавать пощечины обитателям общежития, приказ ее не обрадовал. Тем не менее она потянулась к висевшему на поясе шокеру. И тогда Авери сдался.

— Ладно, ладно! Я расскажу! Только не делайте мне больно, пожалуйста!

— Рада слышать.

— Морин велела ему идти прямо через лес, пока не упрется в дорожку для гольф-каров. Даже если он промахнется, то рано или поздно впереди покажутся огни. Самый яркий — желтый. Когда он увидит дома, пусть идет вдоль забора. На ветке куста или дерева... не помню точно... будет висеть шарф. За ним должна быть тропа... или дорога... это я тоже забыл... По ней он выйдет к реке. Там его ждет лодка.

Авери умолк. Миссис Сигсби кивнула и выдавила улыбку, однако сердце у нее в груди колотилось втрое быстрее обычного. Так, новости одновременно хорошие и плохие. Команде Стэкхауса можно больше не рыскать по лесам, но лодка? Эллис добрался до реки?! И ведь уже давно!

— Что потом, мистер Диксон? Где он должен был сойти на берег? В Бенде, так? В Деннисон-Ривер-Бенде?

Авери помотал головой, сделал самое честное лицо и посмотрел ей в глаза.

— Нет, это слишком близко. Она велела ему плыть до Преск-Айла.

— Вот и славно, мистер Диксон, теперь можете возвращаться к себе. Если я узнаю, что вы мне соврали...

— Пеняй на себя, — закончил за нее Авери, дрожащими руками размазывая по лицу слезы.

Тут миссис Сигсби, подумать только, засмеялась.

— Прямо читаешь мои мысли!

15

Пять часов дня.

Эллис сбежал по меньшей мере восемнадцать часов назад, может, раньше. Камеры на площадке ничего не записывали, поэтому точное время побега установить не удалось. Миссис Сигсби и Стэкхаус сидели в ее кабинете, следили за развитием событий и слушали отчеты агентов. Свои люди у них были по всей стране. Обычно они занимались подготовительной работой: наблюдали за детьми с высоким НФМ, составляли досье на их друзей, родных, соседей, собирали информацию о школах. И о домах, разумеется, — особенно об охранной сигнализации в этих домах. Такие наработки со временем очень пригождались группам захвата. Кроме того, агенты разыскивали особых детей, которые до сих пор не попали в поле зрения Института. Да, анализ на содержание НФМ брали поголовно у всех новорожденных (это было такое же обязательное исследование, как пяточный тест на ФКУ и оценка ребенка по шкале Апгар), но не все дети рождались в больницах, и многие родители (все более громкоголосый антипрививочный контингент, например) отказывались от анализов.

Агенты на местах ничего не знали о своем руководстве и даже не понимали, с какой целью собирают сведения; многие полагали (ошибочно), что это какая-то государственная программа слежки за населением. Большой Брат и все такое. Как правило, они просто откладывали лишние пятьсот долларов в месяц на черный день, в нужное время отчитывались начальству и не задавали вопросов. Конечно, иногда кто-нибудь все же начинал любопытствовать — и быстро понимал, что любопытство губительно не только для кошек, но и для благосостояния.

Самая высокая концентрация агентов была в непосредственной близости от Института. Здесь работало около пятидесяти человек, и все они не столько следили за детьми, сколько грели уши: не начнет ли кто задавать

неудобные вопросы. То была своеобразная проволока, растянутая у входа, — система раннего оповещения.

Стэкхаус предусмотрительно уведомил о случившемся пять-шесть человек в Деннисон-Ривер-Бенде — вдруг Диксон ошибся или соврал («Он не врал, я детское вранье сразу чувую», — настаивала миссис Сигсби), — однако большую часть агентов он отправил в район Преск-Айла. Одному из них было поручено связаться с местной полицией и сообщить, что он видел мальчишку, которого показывали в новостях на Си-эн-эн, — Люка Эллиса. Там говорили, будто его разыскивают в связи с убийством родителей. Агент сказал, что не уверен на сто процентов, но паренек был очень похож на этого Эллиса. Он кланчил у прохожих деньги, причем вел себя крайне агрессивно. Миссис Сигсби и Стэкхаус понимали: если мальчишку подберет полиция, проблему удастся решить, пусть и не идеально; с полицией всегда можно договориться. Кроме того, его рассказы примут за бред психически неуравновешенного ребенка.

Мобильной связи в Институте и городке не было (если точнее — в радиусе двух миль от Института), поэтому поисковики пользовались рациями. Ну и городские телефоны никто не отменял. Как раз такой телефон сейчас зазвонил на столе у миссис Сигсби. Стэкхаус схватил трубку.

— Да? Кто говорит?

То была доктор Фелиция Ричардсон, сменившая Зика на наблюдательном посту. Она сделала это без малейшего сопротивления, так как отлично понимала: на кону стоит и ее судьба.

— У меня тут один агент на связи. Жан Левек. Говорит, он нашел лодку, на которой плыл Люк Эллис. Вас соединить?

— Немедленно!

Миссис Сигсби стояла перед Стэкхаусом. Она вопросительно развела руками и беззвучно спросила: *Что?*

Стэкхаус не ответил. В трубке щелкнуло, и на связь вышел Левек. Его могучим мэнским акцентом при же-

лании можно было рубить деревья. Стэкхаус никогда не видел этого человека, но сразу представил себе загорелого старикана в шляпе с блеснами на полях.

— Нашел я вашу лодку, значит.

— Да, мне сказали. Где?

— Ее вынесло на берег милях в пяти вверх по течению от Преск-Айла. Воды она набрала изрядно, но весло на месте, целехонько. Всего одно весло там было, значит. Я еще никому не говорил. На весле кровь. В тех краях есть пороги, и если ваш мальчишка мелкий и с лодкой обращаться не умеет...

— Он мог вывалиться за борт, — закончил Стэкхаус. — Оставайтесь на месте, я пришлю людей. И спасибо вам.

— А за что ж мне деньги платят! — сказал Левек. — Вы мне, небось, не расскажете, чего этот парень натворил?..

Стэкхаус бросил трубку, тем самым ответив на глупый вопрос Левека, и сразу ввел миссис Сигсби в курс дела:

— Если нам повезло, гаденыш утонул, и сегодня-завтра на берегу найдут его тело. Однако рассчитывать на такую удачу нельзя. Надо немедленно отправить в Преск-Айл Рейфа и Джона — других охранников у меня нет, и с этим тоже надо что-то делать, когда все уляжется. Если Эллис идет пешком, то туда он отправится первым делом. А если он сядет в транспорт, его заметут местные копы или полиция штата. Он же сумасшедший гений, который убил своих родителей и сбежал в Мэн!

— Я действительно слышу надежду в вашем голосе? — с неподдельным любопытством осведомилась миссис Сигсби.

— Нет.

Детям разрешили покинуть комнаты и пойти на обед. Со стороны казалось, что едят они в тишине и унынии: по залу, точно акулы, кружили смотрители и лаборанты.

Все они явно были на взводе и не задумываясь наградили бы пощечиной или ударом тока любого, кто осмелился бы им хамить. Однако тишина была проникнута такой эйфорией, что Фрида Браун чувствовала себя слегка пьяной. Один из них сбежал! Все дети радовались и тщательно это скрывали. Радовалась ли она? Отчасти...

Рядом сидел Авери. Он закапывал сосиски в печеную фасоль, потом их раскапывал. Погребал и эксгумировал. Фрида была не такой начитанной, как Люк Эллис, но знала, что такое «погребение» и «эксгумация». А вот что будет, если Люк проболтался о своем плане кому-нибудь из присутствующих, она не знала. И что теперь будет с ними? Их отпустят? Отправят домой, к родителям? Остальным, конечно, хотелось в это верить — отсюда и скрытые течения в воздухе, — однако Фрида что-то сомневалась. В свои четырнадцать лет она уже была закорюченным циником. Ее мультяшные человечки улыбались, а сама она — нет.

И еще она кое-что разузнала: Авери отвели в кабинет миссис Сигсби и благополучно раскололи.

Выходит, план Люка обречен на провал.

— Ты съешь эту дрянь или будешь с ней играть?

Авери отодвинул тарелку и встал. После визита в кабинет миссис Сигсби у него было такое лицо, будто он увидел привидение.

— На десерт яблочный пирог с мороженым и шоколадный пудинг, — сказала Фрида. — И здесь не как дома — не как у меня дома, по крайней мере, — необязательно сперва есть все, что на тарелке!

— Что-то не хочется, — ответил Авери и вышел из столовой.

Через два часа, когда детей разогнали по комнатам (в тот вечер им запретили ходить в комнату отдыха, столовую и на площадку), он пришлепал к Фриде в одной пижаме, сказал, что проголодался, и спросил, не найдется ли у нее жетончика.

— Шутишь? Меня же только привезли!

На самом деле у нее было три жетона, но с Авери она делиться не собиралась. Не настолько он ей нравился.

— А. Ну ладно.

— Иди спать. Пока спишь, голод не мучает, а когда проснешься, будет уже завтрак.

— Можно мне поспать с тобой, Фрида? Люка-то нет...

— Ты должен спать в своей комнате. Из-за тебя у нас будут проблемы.

— Не хочу спать один... Мне сделали больно. Били током. А вдруг ночью они придут и снова будут меня мучить? Они могут, если узнают...

— Что?

— Так, ничего.

Фрида пораскинула мозгами. Она вообще часто это делала. Фрида Браун из Спрингфилда, штат Миссури, отлично соображала.

— Ладно. Залезай в кровать. Я еще не скоро лягу, хочу посмотреть по телику передачу про диких животных. Ты знал, что некоторые звери едят своих детей?

— Правда? — Авери был ошарашен. — Ужасно!

Она похлопала его по плечу.

— Не волнуйся, это большая редкость.

— А. Ну хорошо.

— Все, ложись спать и помалкивай. Ненавижу, когда я смотрю телик, а вокруг разговаривают.

Авери забрался в кровать. Фрида стала смотреть передачу про животных. На экране аллигатор боролся со львом. Или это был крокодил? Словом, передача была интересная. Авери тоже был ей интересен. Потому что Авери хранил какую-то страшную тайну. Будь у нее такие же сильные ТЛП-способности, как у него, она бы уже давно все поняла. Пока же она просто видела, что тайна есть.

Когда он заснул (и засопел — тихо и вежливо), Фрида выключила свет, забралась в кровать и потрясла его.

— Авери.

Он заворчал и попытался отвернуться.

Она ему не позволила.

— Авери, куда отправился Люк?

— Прекайл, — пробормотал мальчик.

Она понятия не имела, что такое «Прекайл», но сразу поняла, что Авери врет.

— Ну же, не ври! Я никому не расскажу!

— По красным ступенькам, — ответил Авери в полусне. Может быть, он думал, что ему это снится.

— По каким таким красным ступенькам?

Он промолчал и вновь попытался отвернуться. На сей раз Фрида не стала ему мешать. Она узнала, что хотела. В отличие от Авери (и, по хорошим дням, от Калиши) Фрида не умела читать мысли, а лишь улавливала суть этих мыслей. Иногда, если сознание собеседника оказывалось необычайно открытым (как у полусонного маленького мальчика, например), перед глазами вспыхивали мимолетные, очень яркие картинки.

Она легла и, глядя в потолок, принялась думать.

17

Десять часов вечера. В Институте стояла тишина.

Софи Тернер, ночная смотрительница, сидела за столиком на детской площадке, курила (что было строго запрещено) и стряхивала пепел в бутылку из-под «Витаминной воды». Рядом, положив руку ей на бедро, устроился доктор Эванс. Он нагнулся и поцеловал ее в шею.

— Не надо, Джимми, — сказала она. — Только не сегодня. Все на ушах, мало ли кто за нами наблюдает.

— Ты сотрудница Института и куришь на детской площадке, зная, что все на ушах, — пробормотал доктор Эванс. — Брось, ты же плохая девочка — вот и будь плохой-девочкой!

Он положил руку чуть выше, и Софи не спешила ее убирать. Вдруг она заметила за стеклянной дверью новенькую. Та стояла, положив ладони на стекло, и смотрела прямо на них.

— Черт побери, — прошипела Софи. Она скинула руку Эванса, затушила сигарету, быстро подошла к двери, рывком открыла ее и схватила любопытную за шиворот.

— Ты почему не спишь? Сегодня вам запретили ходить по коридорам! Что неясно? Комната отдыха и столовая под запретом! Если не хочешь схлопотать, живо...

— Мне надо поговорить с миссис Сигсби, — сказала Фрида. — Прямо сейчас.

— Ты с ума сошла? Последний раз повторяю...

Доктор Эванс подлетел к девочке, оттолкнув Софи (и даже не извинился, гад! Сегодня больше не дам себя лапать, решила та).

— Фрида! Тебя ведь зовут Фрида?

— Да.

— Расскажи-ка мне, в чем дело.

— Нет, мне надо поговорить с вашей начальницей. Она тут главная.

— Все верно, и у нашей главной был очень тяжелый день. Скажи сперва мне, а я решу, стоит ли ее беспокоить.

— Ой, да брось, — фыркнула Софи. — Она тебя разводит, не видишь?

— Я знаю, куда отправился Люк. Вам я не скажу, только ей.

— Вранье! — отрезала Софи.

Фрида на нее даже не посмотрела. Она не сводила глаз с доктора Эванса.

— Не вру.

Долго думать Эвансу не пришлось. Люка Эллиса нет уже почти двадцать четыре часа, он может быть где угодно, говорить что угодно и кому угодно — полиции или, прости господи, репортерам. Решать, врет девчонка или нет, — дело не Эванса, а миссис Сигсби. А его дело нехитрое — не рыть себе яму.

— Надеюсь, ты говоришь правду, Фрида, иначе тебя ждет наказание. Будет о-очень больно, ты понимаешь?

Она лишь молча посмотрела на него.

18

Десять часов двадцать минут.

Вагон «Саутвэй экспресс», в котором среди косилок, мотоблоков и коробок с лодочными моторами спал Люк, выезжал из штата Нью-Йорк в Пенсильванию. Поезд на следующие три часа приобретал статус скоростного: он двигался со скоростью 79 миль в час, и не дай бог вам было оказаться у него на пути — застрять на переезде или уснуть на рельсах.

Фрида Браун в этот момент стояла у письменного стола в кабинете миссис Сигсби. Фрида надела розовую пижаму-комбинезон — куда лучше той, в которой спала дома, — убрала волосы в аккуратные хвостики, как днем, а руки сцепила за спиной.

Стэкхаус отдыхал в небольшой личной комнате, смежной с кабинетом, — дремал на диванчике. Миссис Сигсби решила его не будить. По крайней мере, пока. Она окинула девочку взглядом и не заметила ничего примечательного. Карие глаза, темно-русые волосы, загорелая кожа цвета кофе с молоком... Вот уж действительно Браун!*

НФМ у нее, по меркам Института, был не бог весть какой. И все-таки миссис Сигсби разглядела что-то необычное во взгляде карих глаз: так смотрит игрок в бридж или вист, у которого полная рука старших козырей.

— Доктор Эванс сказал, вы знаете, где наш беглец, — произнесла миссис Сигсби. — Откуда у вас такие сведения?

— От Авери Диксона, — ответила Фрида. — Он пришел ко мне спать.

Миссис Сигсби улыбнулась.

— Боюсь, вы немного опоздали, милая. Мистер Диксон уже все нам рассказал.

— Он вам наврал. — Девочка по-прежнему сохраняла внешнее спокойствие и стояла, сцепив руки за спиной,

* Brown — коричневый (англ.).

но миссис Сигсби повидала немало детей на своем веку и знала, что Фрида ни жива ни мертва от страха. Девчонка отлично понимала риски. Однако ее уверенность — поразительное дело! — не дрогнула.

В кабинет, заправляя рубашку в брюки, вошел Стэкхаус.

— Кто это?

— Фрида Браун. Маленькая девочка, которая любит сочинять. Ты ведь знаешь, что это такое, милая?

— Знаю. Сочинять — это врать. Только я не вру.

— И мистер Диксон нам не врал. Я уже говорила мистеру Стэкхаусу, скажу и тебе: у меня прекрасный нюх на вранье.

— Почти все, что он вам рассказал, — правда. Поэтому вы ему и поверили. Но насчет Прекайла он соврал.

Миссис Сигсби нахмурилась.

— Какого еще Пре...

— Преск-Айл? — Стэкхаус подошел к Фриде и взял ее за предплечье. — Ты это хотела сказать?

— Да, только не я, а Диксон! И это вранье!

— Откуда... — начала миссис Сигсби, но Стэкхаус жестом ее остановил.

— Если он врал насчет Преск-Айла, то какова же правда?

Она лукаво улыбнулась.

— Если я скажу, что мне за это будет?

— Мы не забудем тебя током до полусмерти, вот что! — рывкнула миссис Сигсби.

— Если вы ударите меня шокером, я, наверное, что-то и скажу... Однако с Авери этот фокус не прокатил. Он ведь не все вам выдал.

Миссис Сигсби ударила кулаком по столу.

— А ну прекрати нас дурить, девочка! Если тебе есть что сказать...

Стэкхаус вновь поднял руку. Затем опустился на одно колено перед Фридой. Он был очень высокий, и потому

даже в таком положении их глаза оказались на разных уровнях. Но хотя бы рядом.

— Чего ты хочешь, Фрида? Вернуться домой? Сразу скажу: это невозможно.

Фрида едва не засмеялась. Домой?! К своей отмороженной мамочке и ее отмороженным друзьям? Последний ухажер просил Фриду показать ему сиськи — мол, надо посмотреть, как она «развивается».

— Нет, домой я не хочу.

— Хорошо, а чего хочешь?

— Остаться здесь.

— Необычная просьба.

— Только чтобы без всяких уколов, опытов и без перевода на Дальнюю половину. Я хочу остаться здесь, вырасти и стать смотрительницей, как Глэдис или Вайнона. Или лаборантом, как Тони и Эван. А может, поваром, как Дуг.

Стэкхаус покосился на миссис Сигсби — она так же потрясена, как и он? Судя по ее лицу — да.

— Что ж, допустим, постоянное проживание мы тебе устроить можем... Вернее, мы тебе его устроим, если ты скажешь правду и нам удастся поймать Эллиса.

— А вот это уже нечестно! Поймать его — ваше дело, а не мое. Такое условие нельзя ставить. Если я говорю правду — это да. Ведь я действительно не вру.

Стэкхаус снова поглядел на миссис Сигсби. Та едва заметно кивнула.

— Хорошо, договорились. Выкладывай.

Фрида опять лукаво улыбнулась, и Стэкхаусу неудержимо захотелось вцепить ей пощечину. Желание возникло только на секунду, но было очень сильным.

— И пятьдесят жетонов, — добавила Фрида.

— Нет.

— Сорок?

— Двадцать, — отрезала стоявшая за ее спиной миссис Сигсби. — И только если твоя информация подтвердится.

Фрида поразмыслила.

— Хорошо. А откуда мне знать, что вы сдержите обещание?

— Придется поверить нам на слово.

Фрида вздохнула.

— Ну ладно.

Стэкхаус не выдержал:

— Все, хватит торговаться! Если тебе есть что сказать, говори!

— Он сошел на берег до Прекайла. На каких-то красных ступенях. — Она помедлила, затем выдала все остальное — самое главное: — Если подняться по этим ступеням, попадешь на железнодорожную станцию. Вот туда он и отправился. На станцию.

19

После того как Фриду с жетонами (и угрозой, что все обещания отменяются, если она сболтнет кому-нибудь про разговор в кабинете миссис Сигсби) отправили к себе, Стэкхаус позвонил компьютерщикам. Энди Феллоуз прибыл из городка и сменил на посту Фелицию Ричардсон. Стэкхаус объяснил Феллоузу, что ему нужно, и спросил, можно ли это сделать тихо и незаметно. Компьютерщик ответил, что можно, однако ему понадобится несколько минут.

— Времени в обрез, — сказал Стэкхаус и по личному боксфону позвонил Рейфу Пуллману и Джону Уолшу, охранникам, которым было велено оставаться на связи.

— Не лучше ли отправить в депо местных прикормленных копов? — предложила миссис Сигсби, когда он повесил трубку. Два сотрудника полиции Деннисон-Ривер-Бенда — то есть двадцать процентов всего ее личного состава — были агентами Института.

— Это быстрее, но не так безопасно. Не хочу, чтобы какие-то лишние люди узнали обо всей этой хрени.

— Если Люк сел на поезд, он может быть где угодно!

— Мы пока даже не знаем, добрался ли он до депо или нет. Девчонка может дурить нам голову.

— Не похоже.

— Про Диксона вы так же говорили.

Да, камень в ее огород был по делу, однако сейчас бессмысленно на этом заикливаться. Сейчас у них проблемы посерьезней.

— Ваша правда, Тревор. Но если он остался в Бенде, таком крошечном поселке, его бы уже давным-давно кто-нибудь заметил!

— Он парень умный. Мог затаиться.

— И все-таки скорее всего он сел в поезд.

Вновь зазвонил телефон.

— Да, Энди. Готово? Отлично, диктуй.

Стэкхаус схватил блокнот с ручкой и принялся быстро записывать. Миссис Сигсби перегнулась через его плечо и прочитала:

4297 в 10:00.

16 в 14:30.

77 в 17:00.

Он обвел строчку «4297 в 10:00», спросил, где будут остановки, затем подписал справа: *Порт, Порте, Стер.*

— Во сколько поезд прибывает в Стербридж?

Ответ он тоже записал: *около 16–17 часов.* Миссис Сигсби в смятении смотрела на его записи. Она знала, о чем думает Стэкхаус: мальчишка захочет убраться от Института как можно дальше (если он все-таки сел в поезд). Значит, Эллис поехал до Стербриджа. При самом удачном раскладе он прибыл туда по меньшей мере пять часов назад.

— Спасибо, Энди, — сказал Стэкхаус. — Стербридж у нас на западе Массачусетса, так?

Он молча выслушал ответ, кивая.

— Да, он стоит на магистрали, но городишко наверняка небольшой. Может, там какая-то железнодорожная развязка... Узнай, идет ли состав дальше — или какая-нибудь его часть. И не меняют ли там локомотив.

Стэкхаус снова молча выслушал Энди.

— Нет, просто гадаю. Если Эллис все же сел на поезд, Стербридж может показаться ему не самым безопасным местом. Он захочет уехать еще дальше — я бы на его месте захотел. Разузнай все и тут же мне позвони.

Он повесил трубку.

— Энди добыл всю информацию на сайте депо, — сказал он. — Без проблем. С ума сойти, правда? В Интернете нынче есть все.

— Кроме нас, — ответила миссис Сигсби.

— Это временно, — парировал Стэкхаус.

— Какой план?

— Ждем Рейфа и Джона.

Они стали ждать. Миновала полночь. Примерно в половине первого зазвонил телефон на столе миссис Сигсби. Она пролаяла в трубку свое имя и стала слушать, кивая.

— Хорошо. Поняла. Теперь поднимайтесь к депо... станции... сортировке... или как там это называется... и посмотрите, нет ли там кого. А, хорошо. Спасибо.

Она повесила трубку и повернулась к Стэкхаусу.

— Звонила ваша служба безопасности. — В ее голосе слышался сарказм, поскольку служба безопасности Стэкхауса сегодня состояла из двух пожилых дядек в скверной физической форме. — Браун не соврала. Они нашли ступени и следы Эллиса на земле. Даже пару кровавых отпечатков на лестнице. Рейф пустился теоретизировать: мальчишка, наверное, присел отдохнуть или завязать шнурки. У них есть фонари, но Джон говорит, что при свете дня они наверняка обнаружили бы больше следов. — Миссис Сигсби помолчала. — Станцию они тоже проверили. Там никого, даже ночного сторожа нет.

Хотя в комнате благодаря кондиционеру стояла приятная прохлада — семьдесят два градуса*, — лоб Стэкхауса покрылся испариной.

— Дело плохо, Джулия. Впрочем, у нас по-прежнему есть шанс все исправить, не прибегая к радикальным мерам. — Он посмотрел на нижний ящик ее стола, где хранился Нулевой телефон. — Конечно, если он уже посетил полицию Стербриджа, наша ситуация становится несколько щекотливее. У него было на это целых пять часов.

— Он мог и не обратиться в полицию. Даже если сошел в Стербридже.

— Почему? Он же не в курсе, что его подозревают в убийстве родителей. Он даже не знает, что они умерли!

— Наверняка догадывается. Эллис очень умен, опасно его недооценивать. Сойдя в Стербридже... — онаглянула на записи, — около четырех-пяти часов дня, я бы первым делом отправилась в библиотеку и вышла в Интернет. Узнала бы, что происходит дома.

Тут они оба покосились на ящик с Нулевым телефоном.

Стэкхаус сказал:

— Ладно, давайте расширять круг посвященных. Ох, не нравится мне это... Кто у нас в Стербридже? Пусть узнают, там он или нет.

Миссис Сигсби села за стол, чтобы отдать соответствующие распоряжения, но тут зазвонил телефон. Она сняла трубку, послушала секунду-другую и передала трубку Стэкхаусу.

Звонил Энди Феллоуз. Без дела он не сидел. В Стербридже (в отличие от Деннисон-Ривер-Бенда) ночная бригада была. Феллоуз представился начальником службы инвентаризации транспортной компании «Даун-ист фрейт»: мол, потеряли груз с живыми лобстерами, не поможете ли найти? Ночной дежурный станции оказал-

* 22°C.

ся рад помочь. Нет, живых лобстеров в Стербридже не выгружали. Да, основная часть состава 4297 отправилась дальше, только локомотив заменили на гораздо более мощный, а состав получил номер 9956 и поехал на юг — через Ричмонд, Уилмингтон, Дюпрей, Брансуик и Тампу в Майами.

Стэкхаус все записал, затем уточнил информацию по двум городам, названия которых слышал впервые.

— Дюпрей находится в Южной Каролине, — сказал Феллоуз. — Так, деревня на отшибе, три крыльца, два мальчика, но там есть развязка. И складские помещения. Видимо, только благодаря им город до сих пор существует. Брансуик находится в Джорджии, он побольше. Там на поезда грузят в основном сельскохозяйственную продукцию и морепродукты.

Стэкхаус повесил трубку и взглянул на миссис Сигсби.

— Что ж, допустим...

— Допустим! Опять это слово! Оно выставляет идиотом и вас, и ме...

— Хватит уже, Джулия.

Никто больше не мог осадить миссис Сигсби (да еще так грубо!), но никому кроме него и не разрешалось называть ее по имени. Стэкхаус принялся расхаживать по кабинету туда-сюда, сверкая лысиной.

— Какими ресурсами мы располагаем? — заговорил он. — Я вам расскажу. Около сорока сотрудников работают на Ближней половине и еще две дюжины — на Дальней, не считая Хекла и Джекла. У нас тут узкий семейный круг, иначе мы бы не выжили. Сегодня это нам не поможет. Один звонок по телефону, который хранится в вашем столе, обеспечил бы нам поддержку самых высоких чинов, но если мы им воспользуемся... нашим жизням грозят большие перемены, и отнюдь не к лучшему.

— Мы рискуем вовсе лишиться жизни, — добавила миссис Сигсби.

Стэкхаус пропустил эти слова мимо ушей.

— Далее. У нас есть агенты по всей стране — приличная информационная сеть, включающая сотрудников гостиниц, полицейских низшего звена и медработников, новостных репортеров местных газетенок и пенсионеров, у которых много свободного времени на прочесывание Интернета. Также в нашем распоряжении две группы захвата и самолет «Челленджер», который может быстро доставить нас практически куда угодно. А еще у нас есть мозги, Джулия, мозги! Да, Эллис шахматист, они с Уилхолмом постоянно играли на детской площадке — наблюдатели видели. Но тут ему придется сыграть в шахматы в реальной жизни, а это парню в новинку. Так что позволим себе делать допущения.

— Хорошо.

— Попросим нашего агента в Стербридже связаться с местной полицией. История та же, которую рассказывали в Преск-Айле: он якобы видел парнишку, похожего на Люка Эллиса. Такую же проверку надо на всякий случай провести в Портленде и Портсмуте, хотя вряд ли он слезет с поезда так рано. Стербридж куда вероятнее, однако и там наши люди вряд ли кого-нибудь обнаружат.

— Не выдаете ли вы желаемое за действительное?

— О, еще как выдаю, но если Эллис поработал не только ногами, но и головой, он наверняка поступит именно так.

— Полагаете, когда состав поменял номер с сорок два девяносто семь на девяносто девять пятьдесят шесть, Эллис поехал дальше?

— Да. Девяносто девять пятьдесят шесть остановится в Ричмонде около двух часов ночи. Надо, чтобы наш человек — а лучше несколько — внимательно наблюдал, не сойдет ли кто с поезда. То же самое в Уилмингтоне, там поезд будет между пятью и шестью утра. Хотя Эллис вряд ли сойдет.

— Полагаете, он едет до конечной? — спросила мисс Сигсби, а сама подумала: Тревор, ты взбираешься

все выше и выше по дереву допущений и предположений. Каждая следующая ветвь — тоньше предыдущей.

Впрочем, больше им ничего не оставалось, парень-то сбежал. Позвони она по Нулевому телефону, ей бы непременно намекнули, что следовало заранее подготовиться к такому развитию событий. Легко сказать! Двенадцатилетний ребенок дошел до такого отчаяния, что отхватил себе вместе с чипом пол-уха — кто мог такое предвидеть?! А экономка помогла ему сбежать! Немыслимо! Потом миссис Сигсби сказали бы, что персонал Института обленился и утратил бдительность... Что она ответит на эти обвинения?

— ...конечной.

Миссис Сигсби вернулась к реальности и попросила Тревора повторить.

— Я говорю, он необязательно поедет до конечной. Раз ему хватило ума сесть на поезд, он наверняка сообщит, что там его будут ждать наши люди. В большие города посреди ночи его тоже вряд ли потянет, тем более в Ричмонд. Уилмингтон — да, возможно. Он меньше, девяносто девять пятьдесят шесть прибывает туда средь бела дня. И все же я склоняюсь к мелким городишкам на отшибе. Либо Дюпрей, Южная Каролина, либо Брансуик, Джорджия. Если он вообще запрыгнул на поезд, конечно.

— Вероятно, Эллис не знает, через какие города пойдет состав после Стербриджа. В таком случае он действительно доберется до конечной.

— Груз в вагоне должен быть подписан. Все он знает.

Миссис Сигсби поняла, что уже много лет ей не было так страшно. А может, вообще никогда. Чем они занимаются? Предполагают, допускают — или просто гадают? Если последнее, то сколько удачных догадок подряд может сделать человек?

Миссис Сигсби кивнула.

— Если он сойдет на промежуточной станции, можно отправить туда группу захвата. Господи, Тревор, это было бы идеально!

— *Две группы. Опаловую и Рубиновую. Кстати, именно Рубиновая группа изначально доставила его в Институт. Символично, правда?*

Миссис Сигсби вздохнула.

— Вот бы как-то удостовериться, что он все-таки сел на поезд.

— Ну, удостовериться мы не можем, придется довольствоваться моим чутьем — оно меня обычно не подводит. — Стэкхаус улыбнулся. — Хватайте телефон. Пора будить народ. Начнем с Ричмонда. Сколько мы в общей сложности платим нашим агентам на местах? Около миллиона долларов в год? Пусть отрабатывают.

Тридцать минут спустя миссис Сигсби вернула телефонную трубку на место.

— Если он в Стербридже, то затаился в какой-нибудь канаве или заброшенном доме — полиция его не нашла. А к этому времени хоть что-то должно было появиться на их радарх. В Ричмонде и Уилмингтоне наши люди будут внимательно следить за поездом. Правдоподобную историю я им предоставила.

— Да, слышал. Прекрасно сработано, Джулия.

Она устало подняла руку, принимая похвалу.

— Тем, кто его увидит, обещана премия. И еще более весомую награду — целое состояние, по правде говоря — получит тот, кто сможет поймать мальчишку и доставить в надежное место, откуда мы его заберем. В Ричмонде нам такая радость не светит, там простые смертные работают, но один из наших агентов в Уилмингтоне — коп. Молите Бога, чтобы это произошло там.

— А что с Дюпреем и Брансуиком?

— В Брансуике двое агентов, пастор местной методистской церкви и его жена. В Дюпрее только один, зато он там живет. Ему принадлежит единственный городской мотель.

20

Люк снова очутился в баке. Зик держал его под водой, перед глазами плыли Штази-огоньки. В голове они тоже были, а это в десять раз хуже. Он утонет, глядя на них...

Сперва Люку показалось, что визг, который он услышал, с ужасом приходя в себя, издает он сам. Но как можно издавать такие невообразимые звуки под водой?! Наконец он вспомнил, что находится в вагоне, а вагон прицеплен к движущемуся составу и весь этот состав сейчас стремительно тормозит. Визжали стальные колеса поезда.

Цветные точки еще пару секунд повисели перед глазами, затем исчезли. В вагоне стояла крошечная тьма. Люк попытался потянуться, размять затекшие мышцы и понял, что со всех сторон зажат коробками: несколько лодочных моторов перевернулись. Хотелось бы верить, что он случайно сшиб их, когда метался во сне... Но ведь он мог раскидать их и силой мысли, пока его терзали эти чертовы огоньки. Раньше его телекинетический дар ограничивался листанием книжных страниц и сбрасыванием пустых алюминиевых подносов со стола... Но времена изменились. *Он* изменился. А вот насколько — Люк пока не знал. И не хотел знать.

Поезд сбросил скорость и затрясся, проходя по стрелкам. Люк осознал, что чувствует себя неважно. Тело пока не било тревогу, но еще чуть-чуть — и забудет. Очень хотелось есть, однако голод был сущим пустяком по сравнению с жаждой. Люк вспомнил, как скатился к реке, побрызгал прохладной водой на лицо и зачерпнул ее в рот. Сейчас он все отдал бы за глоток той речной воды. Он облизнулся, но легче не стало — язык тоже пересох.

Поезд встал, и Люк, работая на ощупь, с трудом поставил тяжелые коробки на место. Он понятия не имел, где находится, потому что в Стербридже дверь вагона задвинули до конца. Люк вернулся в свое укрытие за

коробками с лодочными моторами и стал ждать, чувствуя себя очень несчастным.

Несмотря на голод, жажду, полный мочевой пузырь и пульсирующее болью ухо, он все-таки начал клевать носом. В этот миг дверь вагона с грохотом отъехала в сторону, и внутрь хлынул лунный свет. По крайней мере, Люку так показалось — ведь до сих пор он сидел в полной темноте. К двери задом подъезжал грузовик, и какой-то мужик орал:

— Еще немного... еще... тихо... давай... Хорош!

Водитель грузовика заглушил двигатель. Задремезжала, поднимаясь, дверь кузова, а потом в вагон прыгнул человек в рабочем комбинезоне. Люк учуял запах кофе, и живот у него заурчал. Очень громко — наверняка грузчик услышит... Люк осторожно выглянул в щель между газонокосилкой и садовым трактором и увидел в ушах у парня наушники.

К нему на помощь подоспел второй, с квадратным фонарем на батарейках. Он поставил его на пол — к счастью, луч бил в сторону открытой двери, а не в сторону Люка. Грузчики положили стальной трап и начали завозить в вагон ящики. На каждом стояли печати: «КОХЛЕР. ЭТОЙ СТОРОНОЙ ВВЕРХ» и «НЕ КАНТОВАТЬ». Значит, это еще не конечная, сообразил Люк.

Погрузив десять или двенадцать ящиков, грузчики решили передохнуть и стали есть пончики из бумажного пакета. Люку потребовалось собрать в кулак всю волю — а еще вспомнить про Зика, который безжалостно его топил, про близняшек Уилкокс, про Калишу, Никки и про бог знает скольких детей, рассчитывающих на его помощь, — чтобы не выскочить из укрытия и не заорать: «Умоляю, дайте кусочек, хотя бы один кусочек!» Возможно, он бы все равно это сделал, но слова одного из грузчиков пригвоздили его к полу.

— Тут мальчишка, случайно, не пробегал?

— Чего? — с набитым ртом переспросил второй грузчик.

— Да мальчишка, парень. Ты ж ходил к инженеру, относил ему термос. Никого не видел?

— Откуда здесь взяться ребенку — в полтретьего ночи?!

— А, не знаю, меня какой-то тип спросил, когда я за пончиками бегал. Сказал, ему позвонил шурин из Мас-сачусетса — разбудил прямо среди ночи! — и попросил сбежать на станцию, поискать мальчишку. У этого шурина сын сбежал из дома. Говорит, последнее время парень грозился прыгнуть в товарняк и уехать от них в Калифорнию.

— На другой конец страны?

— Я-то в курсе, что на другой. И ты в курсе. А мелкий, может, и не очень.

— В школе его не учили, что от Ричмонда до Лос-Анджелеса полсвета?

— Все-таки у нас тут железнодорожный узел. Мальчишка мог приехать на этом поезде, а потом перепрыгнуть на другой и укатить на запад.

— Ну, я мальчишек не видал.

— Тот тип сказал, что готов выплатить щедрое вознаграждение.

— Да хоть миллион долларов, Билли, все равно я никаких детей не видел!

Если мой живот опять заурчит, мне конец, подумал Люк. Крышка. Вешалка.

Снаружи кто-то заорал:

— Билли! Дуэйн! Закругляйтесь! Осталось двадцать минут!

Билли и Дуэйн погрузили в вагон еще несколько ящиков «Кохлер», затем втащили трап в кузов и уехали. Люк успел разглядеть очертания города — неизвестно какого, — а потом подошел человек в комбинезоне и кепи железнодорожника и задвинул дверь вагона «Саутвэй экспресс»... на сей раз не до конца; видимо, в каком-то месте она заедала. Прошло еще пять минут, поезд дрогнул и поехал — сперва медленно, одолевая стрелки и пересечения путей, затем все быстрее и быстрее.

Какой-то тип, у которого шурин живет в Массачусетсе.

Говорит, последнее время парень грозился прыгнуть в товарняк.

Значит, в Институте уже знают о его побеге. И даже если они нашли «Неказистого» вниз по течению от Деннисон-Ривер-Бенда, это не сбило их со следа. Видимо, Морин все-таки раскололи. Или Авери. Мысль о том, что они пытали Авери, была невыносима, и Люк выбросил ее из головы. Если у Института даже здесь есть свои люди, то наверняка кто-нибудь поджидает его и на следующей станции, а туда поезд прибудет уже при свете дня. Может, они не захотят привлекать лишнее внимание, просто увидят беглеца и доложат куда следует, а может, попытаются его схватить. Зависит от того, сколько вокруг будет народу, конечно. И от того, насколько сильно их припекло.

Похоже, я сам себя перехитрил, подумал Люк. А что мне оставалось? Они не должны были так *быстро* напасть на след!

Тем временем он придумал, как избавиться от одного из неприятных ощущений в своем теле. Схватившись за сиденье садового трактора, чтобы удерживать равновесие, он отвинтил крышку бензобака на мотоблоке «Джон Дир», расстегнул ширинку и вылил, по ощущениям, галлона два мочи в пустой бак. Не самый хороший поступок — и ужасная подлость по отношению к тому, кто в итоге купит мотоблок, — но в чрезвычайных обстоятельствах и не такое сделаешь. Люк вернул крышку на место и плотно ее завинтил. Затем оседлал садовый трактор, положил руки на свой пустой живот и закрыл глаза.

Подумай лучше об ухе, сказал он себе. Подумай о порезах на спине. Подумай, как ужасно это все болит, и голод с жаждой покажутся тебе цветочками...

Сперва голод действительно отступил. А потом стало еще хуже. В голову полезли картинки: через несколько часов дети в Институте выйдут из комнат и пойдут в сто-

ловую завтракать. Как ни старался Люк развеять морок, перед глазами вставали полные кувшины прохладного апельсинового сока и фонтанчик с красным гавайским пуншем. Вот бы сейчас туда!.. Он бы выпил по стакану того и другого, а потом подошел бы к витрине с подогревом и навалил себе гору яиц и жареного бекона.

Не вздумай об этом мечтать. Не вздумай, дурак!

И все же в глубине души он мечтал.

Люк открыл глаза, чтобы избавиться от непрошенных образов. Кувшины с апельсиновым соком попались упертые, никак не хотели исчезать. Тут Люк подскочил: на полу в щели между новыми ящиками и садовой техникой лежали... Поначалу он даже решил, что это игра лунного света, падающего в приоткрытую дверь вагона, а то и попросту галлюцинация. Он поморгал раз, другой, но они не исчезли. Тогда Люк слез с трактора и подполз поближе. Справа, за дверью вагона, проносились залитые луной поля. Покидая Деннисон-Ривер-Бенд, он жадно, с восхищением и потрясением впитывал все, что видел, но сейчас окружающий мир его не интересовал. Люк не сводил глаз с того, что лежало на полу вагона.

Крошки от пончиков.

И один кусок покрупнее, чем крошка.

Сперва он поднял его. Затем послунывил большой палец и подобрал крошки помельче. Побоявшись, что самые маленькие завалятся в трещины, Люк припал к полу и слизал их языком.

21

Пришла очередь миссис Сигсби дремать на диване в смежной комнате. Стэкхаус закрыл дверь, чтобы звонки по городскому телефону и на его личный боксфон ее не разбудили. Без десяти три позвонил Энди Феллоуз.

— Девяносто девять пятьдесят шесть выехал из Ричмонда, — сказал он. — Мальчика никто не видел.

Стэкхаус вздохнул и потер щетинистый подбородок.

— Понял.

— Жаль, нельзя просто перевести поезд на запасной путь и хорошенько обыскать. Так бы мы закрыли вопрос, едет на нем Эллис или нет.

— А еще жаль, что все люди планеты не могут встать в круг и хором спеть «Дайте миру шанс». Когда поезд прибывает в Уилмингтон?

— К шести должен быть там. Или чуть раньше, если повезет.

— Сколько там наших людей?

— Сейчас двое, еще один едет из Голдсборо.

— Они понимают, что слишком рьяно расспрашивать местных не надо? Особо рьяные вызывают подозрение.

— Думаю, все будет хорошо. История правдоподобная. Мальчишка сбежал из дома, родственники волнуются.

— Будем надеяться. Держи меня в курсе.

В кабинет без стука вошел доктор Хендрикс. Под глазами у него темнели круги, одежда помялась, серо-стальные волосы стояли торчком.

— Новости есть?

— Пока нет.

— Где миссис Сигсби?

— Отдыхает. — Стэкхаус откинулся на спинку кресла и потянулся. — Диксона ведь ни разу не макали, так?

— Конечно, нет! — Донки-Конг как будто даже оскорбился. — Он же не розовый! Рисковать таким высоким НФМ — безумие. Равно как и пытаться расширить арсенал его способностей. Что, кстати, возможно, хоть и маловероятно. Сигсби меня бы живьем съела.

— Не съест. Сегодня же отправьте его в бак, — распорядился Стэкхаус. — Макайте до тех пор, пока малец не решит, что сдох. А потом макните снова.

— Вы бредите! Диксон — ценнейший ресурс! Таких сильных ТЛП-положительных у нас не было много лет!

— Да мне плевать, пусть хоть по воде ходит и стреляет молниями из задницы, когда пердит! Он помог Эллису сбежать. Отправьте за ним Грека, как только тот выйдет на смену. Он у нас спец по маканию, с душой все делает. Только скажите, чтобы не убивал. Мальчик ценный, я это понимаю, но он должен получить опыт, который запомнит на всю жизнь. А потом переведите его на Дальнюю половину.

— Но миссис Сигсби...

— Миссис Сигсби полностью согласна.

Оба резко развернулись. Она стояла в дверях между кабинетом и комнатой отдыха. Стэкхаус сперва подумал, что она выглядит так, будто увидела привидение. Затем понял: она *сама* была как привидение.

— Сделайте все, как сказал Тревор. Если его НФМ от этого пострадает — что ж, пусть. Его нужно наказывать.

22

Поезд снова тронулся, и Люку вспомнилась еще одна бабушкина песня. Кажется, там было про какой-то поезд... Полуночный особый?* Нет, не вспомнить. Крошки от пончиков только раззадорили голод, и пить захотелось в десять раз сильнее. Рот превратился в пустыню, язык — в песчаную дюну. Люк дремал, однако уснуть не мог. Время шло, он совершенно потерял ему счет, но наконец в приоткрытую дверь вагона начали просачиваться пред-рассветные сумерки.

Пол под ногами ходил ходуном. Люк подполз к двери и выглянул наружу: мимо пролетали какие-то облезлые деревья, молодые сосны, мелкие городишки, поля, опять деревья... Поезд въехал на мост, и Люк с вожде-

* «Полуночный особый» (Midnight Special) — народная песня, появившаяся в тюрьмах южных штатов США. В основе сюжета лежит легенда, что заключенный, которому посчастливится увидеть огни Полуночного особого экспресса, выйдет на свободу.

нием уставился на воду внизу. На сей раз вспомнилась не песня, а стихи Кольриджа: «Кругом вода, одна вода, но сухо на борту... Кругом вода, одна вода — ни капли нет во рту»*.

Туда наверняка всякую гадость сбрасывают, ее и пить-то нельзя, подумал Люк. И все равно он напился бы. Пил бы и пил, до одурения, до рвоты. Даже выbleвaть ее было бы приятно — ведь тогда можно пить снова!

Незадолго до того, как над горизонтом поднялось раскаленное красное солнце, Люк почувал в воздухе соль. Теперь мимо пролетали не фермы, а по большей части склады и старые кирпичные фабрики с заколоченными окнами. На фоне светлеющего неба высились подъемные краны. Поблизости взлетали самолеты. Какое-то время поезд ехал вдоль четырехполосной дороги. Люк с тоской смотрел на людей, которым не о чем было тревожиться, кроме работы и домашних хлопот. В воздухе отчетливо пахло илом или тухлой рыбой — или тем и другим сразу.

Я бы сейчас и тухлую рыбу съел, подумал он. Если без опарышей. А может, и с опарышами. По «Нэшнл географик» как-то рассказывали, что они очень богаты белком.

Поезд начал сбрасывать скорость, и Люк уполз обратно в укрытие. Прогромыхав по стрелкам и пересечениям путей, состав наконец остановился.

Ранним утром на станции кипела жизнь. Люк слышал, как подъезжают грузовики, смеются и разговаривают люди. Кто-то врубил на бумбоксе или в салоне машины песню Канье Уэста — зазвучали и почти сразу утихли глубокие басы, похожие на сердцебиение. По соседнему пути, оставляя за собой вонь дизеля, прошел локомотив без вагонов. Несколько раз поезд Люка страшно дергался — это отцепляли и прицепляли вагоны. Кричали

* С. Т. Кольридж. Баллада о старом моряке. Перевод И. Меламеда.

по-испански грузчики, и Люк разобрал несколько ругательств: *puta mierda, hijo de puta, chupapollas**.

Время тянулось медленно. Вроде бы прошел час, не меньше... А может, минут пятнадцать. Наконец к вагону «Саутвэй экспресс» подъехал еще один грузовик. Рабочий в комбинезоне откатил дверь. Люк осторожно выглянул в щель между мотоблоком и садовым трактором. Грузчик залез внутрь и положил между кузовом и вагоном стальной трап. На сей раз бригада состояла из четырех татуированных здоровяков — двух чернокожих и двух белых. Они смеялись и болтали с сильным южным акцентом — прямо как кантри-певцы на радио Би-ю-зет-эн-102 у Люка дома, в Миннеаполисе.

Один белый парень заявил, что вчера вечером танцевал с женой чернокожего. Последний сделал вид, что ударил его, а белый театрально отшатнулся и сел на коробки с навесными моторами, которые Люк недавно вернул на место.

— Ну все, за дело, — сказал другой белый. — Жрать охота.

А мне-то как охота, подумал Люк. Просто сдохнуть можно.

Когда они начали грузить ящики «Кохлер» в кузов грузовика, Люку пришло в голову, что это похоже на видеозапись с прошлой остановки, только ее проигрывают задом наперед. Сразу вспомнились фильмы, которые заставляют смотреть на Дальней половине, и тут же перед глазами вспыхнули точки — жирные, яркие. Внезапно вагон дернулся на рельсах, словно хотел сам хлопнуть дверь.

— Ого! — воскликнул второй чернокожий грузчик. — Там кто-то есть? — Он выглянул на улицу. — Хм. Никого.

— Полтергейст! — воскликнул первый чернокожий, который изображал, что бьет своего белого напарника. —

* Дерьмо собачье, сукин сын, членосос (исп.).

Ладно, ребят, закругляемся. Начальник станции сказал, что поезд и так опаздывает.

Все еще не конечная, подумал Люк. Значит, я не умру здесь от голода — потому что сперва умру от жажды.

Он читал, что человек может протянуть без воды трое суток — только потом он потеряет сознание и умрет. Сейчас в это верилось с трудом.

Бригада грузчиков вытащила все ящики «Кохлер», кроме двух больших. Люк думал, они примутся за технику — и тогда, конечно, обнаружат его, — но они убрали свой трап обратно в кузов и рывком опустили заднюю дверь.

— Вы езжайте, — сказал один из белых грузчиков (тот самый, что пошутил насчет танцев), — а я сбегаю в служебный вагон. Надо зайти кое-куда.

— Да брось, Мэтти, подожди очко!

— Не могу, — ответил грузчик. — Уже полезла — такая громадная, что мне с нее слезать придется.

Грузовик уехал. Рабочий — Мэтти — подождал минуту, а потом поднялся обратно в вагон, поигрывая мощными оголенными бицепсами. *Все пушки заряжены*, как сказал бы Рольф Дестин, некогда лучший друг Люка.

— Ну ладно, бандит. Я тебя видел, когда сел на те коробки. Выходи.

23

Секунду-другую Люк не шевелился: если сидеть тихо, как мышка, грузчик решит, что ошибся, и уйдет... Нет, так думают дети, а Люк уже не ребенок. Давно не ребенок. Он выполз из укрытия и попытался встать, но ноги сильно затекли, а голова кружилась. Если бы не грузчик, Люк бы упал. Тот подхватил его и воскликнул:

— Ну ни хрена себе! Кто порвал тебе ухо, парень?

Люк попытался ответить, изо рта вырвался хрип. Он откашлялся и выдавил:

— Я попал в беду, сэр. Нет ли у вас чего-нибудь поесть? Или попить? Ужасно хочется есть и пить!

Не сводя глаз с его изувеченного уха, грузчик — Мэтти — вытащил из кармана полпачки «Лайф сейверс». Люк схватил их, разодрал обертку и закинул в рот сразу четыре штуки. Раньше ему казалось, что слюны у него больше нет, обезвоженное тело полностью ее впитало, но влага брызнула из слюнных желез, и в голове разорвалась сахарная бомба. На секунду вспыхнули, пронеслись по лицу грузчика и исчезли цветные точки. Мэтти обернулся, словно ощутил чье-то присутствие, затем вновь посмотрел на Люка.

— Когда ты последний раз ел?

— Не знаю. Точно не помню.

— Давно едешь?

— Примерно сутки. — Ну да, около того. А кажется — гораздо дольше.

— Держишь путь из Янкиленда, значит?

Да уж, штат Мэн — самый что ни на есть Янкиленд, подумал Люк.

Мэтти показал на его ухо:

— Кто это сделал? Отец? Или отчим?

Люк с тревогой посмотрел на него:

— Что? С чего вы взяли? — Впрочем, даже в своем нынешнем состоянии он понимал, что ответ очевиден. — Меня ищут. На предыдущей станции тоже искали. Сколько их? Что они говорят? Что я сбежал из дому?

— Ага. Тебя ищет дядя. Прихватил с собой пару друзей, один — коп из Райтсвилл-Бич. Они не говорили почему, но да, сказали, что ты бежишь из Массачусетса. И, судя по уху, повод для побега у тебя был веский.

Один из них — местный коп! Люка это очень напугало.

— Я сел на поезд в штате Мэн, а не в Массачусетсе. Мой отец умер, мама тоже. Все, что они говорят, — вранье!

Мэтти задумался.

— Кто ж тебе ухо оттяпал, беглец? Какая-нибудь приютская сволочь?

Что ж, это не так далеко от истины, подумал Люк. Да, Институт вполне можно назвать приютом. И да, там заправляют сволочи.

— Долгая история. И запутанная. Вы только... сэр, если они меня увидят, то заберут обратно! Может, без копа они бы не рискнули... Но теперь точно заберут! Туда, где со мной сделали это. — Он показал на свое ухо. — Умоляю, никому про меня не рассказывайте! Дайте мне поехать дальше!

Мэтти почесал затылок.

— Ну, даже не знаю. Ты совсем малец... И выглядишь ужасно.

— Если они меня поймают, я буду выглядеть еще ужасней.

Верь мне, подумал он изо всех сил. *Верь мне, верь!*

— Даже не знаю, — повторил Мэтти. — Хотя эта троица мне не очень понравилась, ей-богу. Какие-то они были нервные, особенно коп. И потом, я ведь и сам три раза сбежал из дома... пока не сбежал окончательно. Первая попытка была как раз в твоём возрасте.

Люк молчал. Мэтти, по крайней мере, двигался в правильном направлении.

— Сам хоть знаешь, куда едешь?

— Туда, где можно поесть, попить и *подумать*, — ответил Люк. — Мне надо очень хорошо подумать, потому что моей истории никто не поверит. Тем более если ее будет рассказывать ребенок.

— *Мэтти!* — проорал кто-то. — *Заканчивай, а! Не то поедешь зайцем до Южной Каролины!*

— Парень, тебя похитили, что ли?

— Да. — Люк заплакал. — И они... этот мой, типа, «дядя»... да еще с копом...

— *МЭТТИ! Вытирай зад и ПОЕХАЛИ!*

— Я вам правду говорю, — просто сказал Люк. — Если хотите помочь, отпустите.

— Черт. — Мэтти сплюнул за борт. — Вроде нехорошо это... И ухо, конечно... Слушай, так эти типы — они точно плохие?

— Хуже некуда, — ответил Люк. Если точнее, от самых плохих он пока ушел, а сможет ли и дальше от них скрываться — зависит от решения этого человека.

— Ты хоть знаешь, где ты?

Люк помотал головой.

— Это Уилмингтон. Поезд остановится в Джорджии, потом в Тампе, а конечная — Майами. Если ты в розыске, если они разослали ориентировки, план «Перехват» ввели, или как там это называется, то на всех перечисленных станциях тебя будут ждать. А вот *следующая* остановка... Там не город даже, а так — птичка на карту нагадила. Ты лучше...

— Мэтти, да где тебя черти носят? — На сей раз голос раздался гораздо ближе. — Хорош фигней страдать, нам отметиться надо.

Грузчик еще раз с сомнением поглядел на Люка.

— Пожалуйста! — взмолился тот. — Меня макали в бак с водой, чуть не утопили! Знаю, в это трудно поверить, но я говорю правду!

Шаги приближались — вот уже и гравий захрустел под ногами. Мэтти спрыгнул на землю и задвинул дверь вагона примерно на три четверти. Люк заполз обратно в укрытие.

— Ты ж вроде срать собирался. Что ты там делал?!

Люк ожидал услышать что-то вроде: *Да там в коробках паренек прятался, навешал мне какой-то лапши про штат Мэн и как его в баке с водой топили... Потому что не хочет домой с дядей возвращаться.*

— Я сходил в туалет, а потом решил глянуть на эти куботовские газонокосилки, — ответил Мэтти. — Мой «Лоунбой» вот-вот сдохнет.

— Ладно, поехали уже, поезд и так опаздывает. Слышь, тут мальчишка не пробегал? Типа, запрыгнул в поезд

где-нибудь на севере, а потом вдруг надумал посетить славный город Уилмингтон?

Воцарилась тишина. Наконец Мэтти ответил:

— Нет.

Люк все это время сидел прямо, как штык. Услышав одно-единственное последнее слово, он прислонился спиной к стене вагона и закрыл глаза.

Примерно минут через десять 9956-й резко содрогнулся всем составом — вагонов теперь было ровно сто, — и станция поехала мимо. Сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. По полу вагона проплыла тень станционного поста, а затем возникла другая тень — силуэт человека. В следующий миг на пол шлепнулся бумажный пакетик с жирными пятнами на боках.

Люк не видел Мэтти, только слышал его прощальные слова:

— Удачи, беглец!

Тень исчезла.

Люк выполз из своего укрытия так быстро, что треснулся здоровым ухом о корпус садового трактора. И даже этого не заметил. В пакете его ждал рай. Люк уже чувал запах.

Рай состоял из соленой булочки с сыром и колбасой, яблочного пирожка фирмы «Хостесс» и родниковой воды «Каролина суитуотер». Люку потребовалась вся сила воли, чтобы не опустошить пол-литровую бутылку в один присест. Он оставил примерно четверть, опустил бутылку на пол, но тут же схватил ее и завинтил крышку: не дай бог поезд дернется и вода прольется! Он же с ума сойдет! Люк умял булочку за пять жадных укусов и запил ее большим глотком воды, слизал с пальцев жир, взял яблочный пирожок с водой и уполз обратно в укрытие. Впервые с тех пор, как Люк плыл на «Пароходе *Неказистом*» по реке и любовался звездами, ему показалось, что жизнь — хорошая штука. И хотя в Бога он не особо верил (аргументы в пользу его существования казались не та-

кими убедительными, как факты, доказывающие обратное), Люк все же прочел молитву. Не за себя. Он просил гипотетически существующую высшую силу благословить того доброго человека, что назвал его беглецом и подкинул в вагон пакет с едой.

24

Набив живот, Люк снова захотел спать, но заставил себя взбодриться.

Поезд остановится в Джорджии, потом в Тампе, а конечная — Майами. Если ты в розыске, если они разослали ориентировки, ввели план «Перехват», или как там это называется, то на всех перечисленных станциях тебя будут ждать. А вот следующая остановка... Там не город даже, а так — птичка на карту нагадила.

Да, его могут поджидать и в маленьком городке, однако выходить в Тампе или Майами в планы Люка не входило. С одной стороны, затеряться в большом городе несложно, в этом есть свои плюсы, но и полиции в таких городах слишком много. К тому времени всем местным копам уже покажут фото мальчика, подозреваемого в убийстве родителей. Кроме того, Люк не может ехать на поезде вечно. И так фантастически повезло, что Мэтти его не сдал; рассчитывать на второй столь же щедрый подарок судьбы будет только идиот.

Люк подумал, что один старший козырь у него все-таки есть. Ножик для чистки овощей, который Морин оставила под матрасом, где-то потерялся, а вот флешка — на месте. Люк понятия не имел, что на ней... Может, какое-нибудь путаное и слезливое признание в грехах, невнятная околесица — про брошенного ребенка, например. А может быть, факты. Доказательства. Документы.

Наконец поезд снова начал сбавлять ход. Люк подошел к двери, схватился за нее и выглянул наружу. Впе-

реди было много деревьев, двухполосная асфальтированная дорога, несколько домов и зданий, стоявших задом к железной дороге. Поезд проехал мимо железнодорожного светофора, на котором горел желтый сигнал. Возможно, они приближаются к тому городку, о котором говорил Мэтти («птичка на карту нагадила»), или поезд просто притормаживает — ждет, когда другой состав освободит ему путь, к примеру. Так даже лучше, ведь на станции его может поджидать очередной встревоженный дядюшка. Впереди замелькали складские помещения с блестящими на солнце железными крышами. Сразу за складами начиналась двухполосная дорога, а за ней — снова лес.

Твоя задача, сказал себе Люк, прыгнуть с поезда и скрыться в том лесочке, причем как можно быстрее. Не забудь, что приземлиться надо на ноги, иначе рискуешь пропахать лицом щебенку.

Люк начал раскачиваться вперед-назад, не отпуская дверь и сосредоточенно поджав губы. Да, в самом деле, это та остановка, о которой рассказывал Мэтти: впереди показался пост. На выцветшей зеленой кровле было написано: «ДЮПРЕЙ ЮГ И ЗАПАД».

Все, теперь точно прыгаю, сказал себе Люк. Не хватало еще повстречать дядюшку.

— Раз...

Он качнулся вперед.

— Два...

Затем назад.

— Три!

Люк прыгнул и прямо в воздухе начал перебирать ногами, однако его тело встретилось с землей на скорости поезда, а бежать с такой скоростью он не мог. Верхняя часть тела подалась вперед. Чтобы удержаться на ногах, Люк резко вытянул руки назад, напоминая в тот момент конькобежца перед финишем.

Когда он уже начал думать, что приземление прошло удачно, кто-то заорал:

— *Эй, берегись!*

Люк вскинул голову и увидел человека за рулем вилочного погрузчика — где-то посередине между станцией и складами. Второй человек (с журналом в руках) вскочил с кресла-качалки на крыльце поста. Он закричал:

— *Берегись столба!*

Тут Люк увидел впереди второй светофор — на сей раз мигавший красным. Слишком поздно. Он инстинктивно опустил голову и попытался прикрыть ее рукой, но не успел и на полном ходу врезался в стойку светофора правым — больным — ухом. Оно приняло на себя всю силу удара. Люка отшвырнуло назад, и он покатился по щебню прочь от железной дороги. Сознания он не потерял, однако на секунду утратил связь с реальностью: перед глазами замелькали земля и небо. По щеке хлынул теплый ручей — Люк понял, что это вскрылось его бедное, многострадальное ухо. Внутренний голос орал: вставай, беги в лес. Но одно дело слышать, а другое — прислушаться. Вскочить на ноги Люку не удалось.

Вскакивалка сломалась, подумал он. Черт. Вот засада.

Над ним уже стоял оператор вилочного погрузчика. Лежавшему на земле Люку показалось, что он высоченный — футов шестнадцать ростом. Стекла его очков сверкали на солнце, и разглядеть за ними глаза было невозможно.

— Господи, парень, ты чего творишь-то?

— Пытаюсь сбежать. — Люк не до конца понимал, говорит ли вслух или только думает. Вроде бы говорит. — Они меня поймают! Пожалуйста, не сдавайте меня!

Человек нагнулся.

— Перестань болтать, я все равно не понимаю. Тебя сильно приложило тем столбом — кровь хлещет, как из борова. Ну-ка, пошевели ногами.

Люк пошевелил.

— А теперь руками.

Он поднял руки в воздух.

Подошел тот, кто сидел в качалке. Люк хотел с помощью новоприобретенных ТЛП-способностей прочитывать мысли обоих работников, узнать, что им известно. Не вышло: видно, сегодня не лучший день для чтения мыслей. А может, столбом ему начисто отшибло телепатию, кто знает.

— Мальчик цел, Тим?

— Вроде цел. Надеюсь. Вообще-то по правилам оказания первой помощи человека с подозрением на травму головы перемещать нельзя... Но я рискну.

— Кто из вас, типа, мой «дядя»? — спросил Люк. — Может, вы оба?

Тот, что сидел в качалке, нахмурился.

— Чего он лопочет, понимаешь?

— Нет. Отнесу-ка я его в комнату мистера Джексона.

— Давай вместе. Я возьмусь за ноги.

Люк потихоньку приходил в себя. В этом деле ему, кстати, очень помогало ухо. Оно словно пыталось просверлить голову и ввинтиться туда. Спрятаться, что ли, хотело?..

— Не надо, я сам, — сказал оператор погрузчика. — Он не тяжелый. А вы сбегайте, позвоните доку Роуперу. Вызовите его на дом.

— На склад, точнее, — поправил его коллега и засмеялся, обнажив сточенные пожелтевшие зубы.

— Да куда угодно, лишь бы пришел. Звоните со станционного телефона.

— Так точно, сэр!

Он вяло отсалиютовал оператору погрузчика и удалился. Оператор подхватил Люка на руки.

— Опустите, я дойду, — сказал Люк.

— Думаешь? Ну, попробуй.

Люк пошатнулся, но все же смог устоять на ногах.

— Тебя как зовут, сынок?

Люк на секунду задумался. Стоит ли выдавать этому человеку свое настоящее имя? А вдруг он тоже дядюшка?

С виду не скажешь, конечно, но ведь и Зик — в редкие моменты хорошего настроения — напоминал нормального человека.

— А вас как? — ответил Люк вопросом на вопрос.

— Тим Джемисон. Ну, идем, спрячемся от солнца.

25

Норберт Холлистер, хозяин захудалого мотеля, до сих пор не загнущегося только благодаря ежемесячному пособию от Института, вызвал по станционному телефону дока Роупера. Но сперва достал мобильник и позвонил по номеру, который ему продиктовали рано утром. Тогда он ворчал, что его разбудили ни свет ни заря, зато теперь чуть не приплясывал от радости.

— Прибыл ваш парень, — сказал он в трубку.

— Одну секунду, — ответил Энди Феллоуз. — Я вас переключу.

Последовала непродолжительная тишина, затем уже другой голос спросил:

— Вы Холлистер? Из Дюпрея, Южная Каролина?

— Да. Парень, которого вы ищете, только что спрыгнул с товарняка. Ухо себе разодрал. Награда за него еще полагается?

— Да. И мы ее увеличим, если мальчишка пробудет в городе до нашего приезда.

Норберт засмеялся:

— А куда он денется! Малой влетел башкой в столб и теперь ничего не соображает.

— Не выпускайте его из виду, — распорядился Стэкхаус. — И звоните мне каждый час. Ясно?

— Докладывать обстановку, что ль?

— Да, совершенно верно. Остальное мы берем на себя.

АД

1

Тим провел окровавленного мальчика (тот, хоть и был оглушен, шел сам) в офис Крейга Джексона. Владелец «Складов и хранилищ Дюпрея» жил в соседнем городке Даннинг, но уже пять лет как развелся с женой, и просторное помещение с кондиционером позади кабинета служило ему запасной квартирой. Сейчас Джексона тут не было, что Тима не удивило: в те дни, когда 9956-й не проносился мимо станции, а останавливался на ней, Крейг обычно куда-то исчезал.

За кухонным уголком с микроволновкой, электроплиткой и крошечной раковиной начиналась «гостиная»: мягкое кресло перед большим плоскопанельным телевизором. Дальше со стены смотрели на аккуратно застланную раскладушку фотографии из старых «Плейбоев» и «Пентхаусов». Тим собирался до прихода дока Роупера уложить мальчика на раскладушку, но тот мотнул головой.

— В кресло.

— Точно?

— Да.

Мальчик сел. Подушка устало вздохнула. Тим опустился перед ним на одно колено.

— Как насчет представиться?

Мальчик глянул на него недоверчиво. Кровь уже не текла, но щека была в запекшейся корке, а порванное в клочья правое ухо являло собой жуткое зрелище.

— Вы поджидали меня?

— Я поджидал поезд. Я здесь работаю по утрам — и дольше, если должен прийти пятьдесят шестой. Так как тебя зовут?

— А кто был тот другой?

— Все вопросы — после того, как назовешь свое имя.

Мальчик задумался, облизнул губы и сказал:

— Ник. Ник Уилхолм.

— Ладно, Ник. — Тим сделал знак мира. — Сколько пальцев ты видишь?

— Два.

— А теперь?

— Три. Тот другой говорил, что он мой дядя?

Тим нахмурился.

— Норберт Холлистер, хозяин здешнего мотеля? Если он чей-то дядя, мне ничего про его племянников не известно. — Тим поднял один палец. — Следи за пальцем. Хочу посмотреть, как ты двигаешь глазами.

Мальчик повел глазами влево-вправо, затем вверх-вниз.

— Вроде ты не очень сильно голову ушиб, — сказал Тим. — По крайней мере, можно на это надеяться. От кого ты убегал, Ник?

Мальчик глянул встревоженно и попытался встать.

— Кто вам сказал?

Тим легонько толкнул его обратно в кресло.

— Никто. Просто всякий раз, как мальчишка в драной грязной одежде и с драным ухом у меня на глазах выпрыгивает из товарняка, я думаю, а не сбежал ли он откуда-нибудь? Так от кого...

— Из-за чего крики? Я слышала... ой, боже, что с мальчиком?

Тим обернулся и увидел Сиротку Энни Леду. Она, наверное, дремала в палатке за депо, у нее была привыч-

ка отдыхать там в середине дня. Несмотря на то что в десять утра градусник на здании станции показывал восемьдесят пять градусов*, Энни была в «полном мексиканском прикиде», как это называл Тим: серапе**, сомбреро, браслеты из разноцветных бусин и расползающиеся по швам ковбойские сапоги, не иначе как с помойки.

— Это Ник Уилхолм, — сказал Тим. — Он прибыл в наш замечательный поселок неведомо откуда. Спрыгнул с пятьдесят шестого и с размаху впечатался в светофор. Ник, это Энни Леду.

— Очень приятно с вами познакомиться, — ответил Люк.

— Спасибо, сынок, и мне с тобой. Пол-уха ему тоже светофор оторвал, а, Тим?

— Не думаю, — сказал Тим. — Я надеялся услышать, когда и как это случилось.

— А вы тоже ждали поезда? — спросил ее мальчик. Похоже, у него это была навязчивая идея. Может, оттого, что он крепко приложился лбом, а может, и по какой-то другой причине.

— Я жду только возвращения Господа нашего Иисуса Христа, — объявила Энни. Она огляделась. — У мистера Джексона на стене гадкие картинки. И меня это нисколько не удивляет.

Вошел смуглый мужчина в комбинезоне поверх белой рубашки с темным галстуком. На голове у него было кепи железнодорожника.

— Привет, Гектор, — сказал Тим.

— Привет, — отозвался Гектор. Он без особого интереса глянул на окровавленного мальчишку в кресле Крейга Джексона и снова повернулся к Тиму. — Мой помощник говорит, у меня для вас пара генераторов, партия мини-тракторов и всего такого, примерно тонна

* 30 °C.

** Традиционная длинная накидка мексиканских крестьян с ярким национальным орнаментом.

консервов и тонна свежих продуктов. Тимми, малыш, я опаздываю, и если ты меня не разгрузишь, будешь забирать свое добро из Брансуика колонной грузовиков, которых у твоего городишки нет.

Тим встал.

— Энни, составите молодому человеку компанию до прихода доктора? Мне надо пойти немножко поработать автопогрузчиком.

— Справлюсь. Если закатит истерику, заткну ему чем-нибудь рот.

— Я не закачу истерику, — сказал мальчик.

— Все они так говорят, — загадочно изрекла Энни.

— Сынок, ты ехал зайцем на моем поезде? — спросил Гектор.

— Да, сэр. Извините.

— Ну, раз ты сошел, мне больше до этого дела нет. Как я понимаю, копы с тобой разберутся. Тим, вижу, что у тебя тут ЧП, но груз не ждет, так что выручай. Где твоя чертова команда? Я видел только одного — в офисе на телефоне.

— Это Холлистер из местного отеля, и он ничего не разгружает. Разве что свой кишечник по утрам.

— Фи, — сказала Сиротка Энни, хотя, возможно, ее возмущение относилось к журнальным картинкам, которые она по-прежнему разглядывала.

— Должны были прийти Бимены, но эти раздолбаи, похоже, опаздывают. Как и ты.

— О черт. — Гектор снял кепи и провел рукой по густым черным волосам. — Ненавижу эти рейсы. В Уилмингтоне тоже медленно разгружали — на одной из платформ застрял чертов «лексус». Ладно, посмотрим, что можно сделать.

Тим вслед за Гектором пошел к двери, на пороге оглянулся.

— Тебя ведь не Ником зовут?

После паузы мальчик ответил:

— Пока пусть Ником.

— Не разрешайте ему двигаться, — сказал Тим Энни. — Если попытается встать, зовите меня. — И добавил, обращаясь к окровавленному мальчику, который выглядел очень маленьким и замученным: — Обсудим все, когда я вернусь. Согласен?

Мальчик обдумал его слова и устало кивнул:

— Наверное, мне ничего другого не остается.

2

Когда мужчины ушли, Сиротка Энни взяла из ведра под мойкой две чистые тряпки, намочила их и выжала одну сильно, другую чуть-чуть. Сильно выжатую она протянула Люку:

— Приложи к уху.

Люк послушался. Ухо сразу зашипало. Другой тряпкой Энни принялась вытирать кровь с его лица — так ласково и заботливо, что ему вспомнилась мама. Энни остановилась и спросила его — так же ласково и заботливо, — отчего он плачет.

— По маме скучаю.

— Я уверена, она тоже по тебе скучает.

— Нет, если только сознание не продолжает каким-то образом существовать после смерти. Мне бы хотелось в это верить, но эмпирические данные не дают оснований для подобного утверждения.

— Продолжает существовать? Ну конечно же. — Энни подошла к раковине и стала под струей отполаскивать тряпку от крови. — Некоторые говорят, что ушедшим душам нет до нас дела, как нам нет дела до муравьев, но у меня иное мнение. Я уверена, мы им безразличны. Очень тебе сочувствую, сынок, что она умерла.

— Вы думаете, их любовь живет?

Люк знал, что такие представления — глупость, но это была *хорошая* глупость.

— Конечно. Сынок, любовь не умирает с земным телом. Просто смешно так думать. Давно она скончалась?

— Может, месяц назад, может, полгода. Я потерял счет времени. Их убили, а меня похитили. Знаю, в это трудно поверить...

Энни снова принялась вытирать ему лицо.

— Не так и трудно, если ты в курсе. — Она постучала себя по виску под полем сомбреро. — Эти люди приехали на черных машинах?

— Не знаю, — ответил Люк. — Не удивлюсь, если так.

— И они ставили на тебе опыты?

Люк от изумления открыл рот.

— Откуда вы знаете?

— Джордж Оллмен, — объяснила она. — У него программа на Дабл-ю-эм-ди-кей с полуночи до четырех утра. Про НЛО, и приходящих, и экстрасенсорные способности.

— Экстрасенсорные способности? Правда?

— Да. И про заговор. Ты знаешь про заговор, сынок?

— Что-то слышал, — ответил Люк.

— Программа Джорджа Оллмена называется «Чужаки». Люди звонят в студию, но по большей части он сам вещает. Конечно, прямо не говорит, что это инопланетяне, или там правительство, или правительство в сговоре с инопланетянами, он осторожен, потому что не хочет исчезнуть или схлопотать пулю, как Джек и Бобби*, но у него все время про черные машины и опыты. Такое, что и поседеть недолго. Ты знал, что Сын Сэма** был приходящим? Нет? Так знай. Потом дьявол, который в него вселился, вышел, оставив пустую оболочку. Подними голову, сынок, у тебя на шее кровь, и если она засохнет, придется отскребать.

* Джон и Роберт Кеннеди.

** Дэвид Берковиц, известный как Сын Сэма (р. 1953) — американский серийный убийца.

3

Бимены, двое громадных парней из трейлерного парка на южной стороне города, явились в пятнадцать минут первого — обычно в это время у Тима был ланч. К их приходу почти вся продукция для центра по продаже и ремонту садовой техники «Фромиз» уже ждала на потрескавшемся бетоне рядом с путями. Тим, будь его воля, вышвырнул бы обоих без разговоров, но они состояли в каком-то дальнем родстве с мистером Джексонсом, так что такой вариант не рассматривался. К тому же без них сейчас было не обойтись.

В половине первого Дел Бимен задом подогнал грузовик к вагону «Каролина продьюс», и все вместе принялись разгружать ящики с помидорами, салатом, огурцами и патиссонами. Гектор и его помощник, которых заботило лишь одно — как бы побыстрее свалить из Южной Каролины, — взялись помогать. Норб Холлистер стоял в тени под навесом депо и ничего не делал, только напряженно зыркал по сторонам. Тим не мог понять, что тот здесь потерял — раньше Холлистер не проявлял интереса к прибытию и отбытию поездов, — но задумываться об этом не было времени.

Старый «форд»-универсал въехал на стоянку без десяти час, как раз когда Тим автопогрузчиком переставлял последние ящики на платформу грузовика, который доставит их в дюпрейский продмаг... при условии, что Фил Бимен туда доберется. Между станцией и магазином меньше мили, однако сегодня с утра речь у Фила была замедленная, а глаза — красные, как у зверька, бегущего от лесного пожара. Не требовалось быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять: Фил дунул косячок. И братец его тоже.

Из «форда» вылез док Роупер. Тим приветственно махнул ему рукой и указал на складское помещение, в котором располагался жилой офис мистера Джексона. Роупер махнул в ответ и двинулся в указанном направ-

лении. Это был почти карикатурный типаж врача старой закалки из тех, что до сих пор сохраняются в нищих районах, где до ближайшей больницы миль пятьдесят, «Обамакер»* считается либерастической ересью, а поездка в «Уолмарт» рассматривается как событие. Доктору было за шестьдесят, он был грузный твердолобый баптист и носил Библию вместе со стетоскопом в черном чемоданчике, передававшемся от отца к сыну на протяжении трех поколений.

— Что с мальцом? — спросил помощник машиниста, утирая банданой лоб.

— Не знаю, — ответил Тим, — надо выяснить. Давайте, ребята, двигайте отсюда, если только ты не хочешь оставить мне один из «лексусов», Гектор. Если так, я охотно сам скачу его с платформы.

— *Chira mi polla***, — буркнул Гектор и, пожав Тиму руку, зашагал к локомотиву, рассчитывая наверстать задержку на перегоне между Дюпреем и Брансуиком.

4

Тревор Стэкхаус планировал сам отправиться на «Челленджере» с двумя группами захвата, но миссис Сигсби решила по-своему. Как старшая она имела на это полное право; тем не менее на лице Стэкхауса было явственно написано недовольство.

— Нечего кривиться, — сказала она. — По-вашему, чья голова покатится, если все выплывет на свет?

— И моя, и ваша. И нами дело не ограничится.

— Да, но чья покатится первой и быстрее всех?

* Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении — федеральный закон США, подписанный президентом Бараком Обамой 23 марта 2010 г., предполагающий значительное увеличение государственного регулирования в сфере здравоохранения и субсидии при медицинском страховании малоимущих.

** Пососи мой член (*исп.*).

— Джулия, это полевая операция, у вас нет никакого опыта в таких делах.

— Со мной будут Рубиновая и Опаловая группы, четверо надежных мужчин и три крепких женщины. И еще Тони Фиццале, бывший морпех, доктор Эванс и Вайнона Бриггс. Она бывшая военнослужащая, владеет навыками первой медицинской помощи. С началом операции командование перейдет к Денни Уильямсу, но я намерена быть там и написать рапорт с точки зрения непосредственного участника. — Миссис Сигсби помолчала и добавила: — Если надо будет писать рапорт, а мне все больше кажется, что без него не обойдется. — Она глянула на часы. Двенадцать тридцать. — Разговор окончен, пора приступать. Вы остаетесь за главного. Если все будет хорошо, я вернусь завтра к двум часам ночи.

Стэкхаус прошел с ней до выхода и дальше по грунтовой дороге с воротами, которая тремя милями дальше выходила на двухполосное шоссе. День был жаркий. В лесу, через который как-то пробрался чертов мальчишка, стрекотали сверчки. У ворот ждал семейный минивэн «форд-уиндстар», за рулем сидела Робин Лекс, рядом — Мишель Робертсон. Обе были в джинсах и черных футболках.

— Отсюда до Преск-Айла девяносто минут, — сказала миссис Сигсби. — От Преск-Айла до Эри, штат Пенсильвания, примерно семьдесят минут. Там забираем Опаловую группу. От Эри до Алколу, штат Южная Каролина, два часа, плюс-минус. Если все пойдет хорошо, прибудем в Дюпрей сегодня к семи вечера.

— Будьте на связи и не забывайте, что боевой частью операции командует Уильямс, а не вы.

— Не забуду.

— Джулия, я правда считаю, что ехать надо мне, а не вам.

Миссис Сигсби резко повернулась к нему:

— Повторите это еще раз, и я вам двину.

Она зашагала к минивэну. Денни Уильямс распахнул боковую дверцу. Миссис Сигсби уже начала влезать в машину, затем оглянулась на Стэкхауса:

— Проследите, чтобы до моего возвращения Авери Диксона хорошенько притопили и сгрузили на Дальнюю половину.

— Донки-Конг против.

Она жутковато улыбнулась:

— Думаете, мне есть до этого дело?

5

Тим дождался, когда поезд тронется, и вернулся под навес депо. Рубашка взмокла от пота. К его удивлению, Норберт Холлистер стоял на прежнем месте. Как всегда, на нем были жилет в огурцах и грязные брюки цвета хаки, сегодня затянутые плетеным ремнем под самой грудиной. Тим подивился (не в первый раз), как можно носить штаны так высоко и не подавить себе яйца к чертям собачьим.

— Чего ради вы тут торчите, Норберт?

Холлистер пожал плечами и широко улыбнулся, показав зубы, на которые Тим предпочел бы до ланча не смотреть.

— Да просто время убиваю. На ранчо в обед дел особых нет.

Утром и вечером тоже, подумал Тим.

— Ну так убивайте время где-нибудь подальше отсюда.

Норберт вытащил из заднего кармана кисет с табаком «Ред мен» и сунул щепоть в рот. Это вполне объясняло цвет его зубов.

— Кто умер и назначил вас папой римским?

— Думаете, я вас попросил? — скривился Тим. — Зря. Проваливайте.

— Ладно, ладно, я понимаю намеки. Всего хорошего, мистер Ночной Обходчик.

Норберт вразвалку побрел прочь. Тим, нахмуясь, проводил его взглядом. Он иногда видел Холлистера в закусочной «У Беверли» или в «Зоунис», где тот покупал вареный арахис, но вообще-то Холлистер редко выходил из офиса мотеля — смотрел там спортивные матчи и порнушку по спутниковым каналам на своем телевизоре. Который в отличие телевизоров в номерах работал.

Сиротка Энни ждала Тима в кабинете мистера Джексона: сидела за столом и перебирала бумаги в лотке для входящих и исходящих документов.

— Это не ваше, Энни, не трогайте, — мягко заметил Тим. — Если что-нибудь перепутаете, влетит мне.

— Да тут и нет ничего интересного, — ответила она. — Только счета, накладные и все такое. Хотя у него есть карточка того топлес-кафе. Еще две дырочки пробить, и будет бесплатный шведский стол. Впрочем, смотреть за едой на чью-то голую писю... бр-р.

Тим никогда не задумывался об этом в таких выражениях и сейчас пожалел, что задумался.

— Док с мальчиком?

— Ага. Кровь я остановила, но ему придется носить длинные волосы, потому что ухо уже прежним не станет. А теперь слушайте меня. У мальчика убили родителей, а его самого похитили.

— Тайная организация? — Тим с Энни много беседовали о теории заговора во время его ночных обходов.

— Да. Приехали за ним на черных машинах, и если узнают, где он, приедут сюда.

— Учту. И поговорю с шерифом Джоном. Спасибо, что умыли его и посидели с ним. А теперь, полагаю, вам лучше уйти.

Она встала и расправила сарапе.

— Обязательно поговорите с шерифом Джоном. Вам всем надо быть начеку. Эти типы приедут вооруженные до зубов. В штате Мэн есть город, Салемс-Лот, тамошние жители много чего могли бы рассказать про людей в черных машинах. Если бы этих жителей удалось найти. Они

все исчезли лет сорок назад. Джордж Оллмен частенько про этот город толкует.

— Понял.

Энни, взмахнув серапе, пошла к выходу, затем обернулась.

— Вы мне не поверили, и я нисколько не удивляюсь. Чему тут удивляться? Я была городской сумасшедшей задолго до вашего приезда и, если Бог меня не приберет, останусь городской сумасшедшей, когда вас здесь не будет.

— Энни, я никогда не...

— Ш-ш-ш. — Энни яростно зыркнула из-под сомбреро. — Все в порядке. И все же слушайте внимательно. Говорю я... но *мне* сказал *он*. Мальчик. Так что нас уже двое, верно? И запомните мои слова: *они приезжают на черных машинах*.

6

Доктор Роупер убирал в чемоданчик немногочисленные инструменты, которые использовал при осмотре. Мальчик по-прежнему смирно сидел в кресле мистера Джексона. Ухо было перевязано, лицо отмыто от крови. На правой стороне после встречи со светофором наливался здоровенный синяк, но глаза смотрели ясно и настороженно. Док нашел в холодильнике бутылку имбирного эля, и мальчик стремительно ее приканчивал.

— Сидите здесь и не дергайтесь, молодой человек. — Роупер защелкнул чемоданчик и подошел к Тиму, стоявшему у двери.

— С ним все в порядке? — шепотом спросил Тим.

— У него обезвоживание, он голоден, потому что долго ничего не ел, но в остальном, на мой взгляд, вполне здоров. Дети в таком возрасте быстро поправляются. Он говорит, что ему двенадцать лет, что его зовут Ник Уилхолм, что он забрался в поезд на конечной станции,

в северной части штата Мэн. Я спросил зачем, он ответил, что не может мне сказать. Я спросил его адрес, он ответил, что не помнит. Сильный удар по голове и впрямь может вызвать временную дезориентацию и потерю памяти, но я не вчера родился и могу отличить амнезию от скрытности, особенно у ребенка. Он что-то утаивает. Возможно, многое.

— Ясно.

— Мой совет. Пообещайте как следует угостить его в кафе — и услышите всю историю.

— Спасибо, док. Пришлите мне счет.

Роупер отмахнулся.

— Угостите *меня* как следует в каком-нибудь заведении получше «Бeverли», и будем квиты. — Док говорил с сильным диксилендским акцентом, раскатывая «р». — А когда выведаете всю историю, перескажите мне.

Док ушел. Тим закрыл дверь, чтобы остаться с мальчиком наедине, и достал из кармана мобильный. Позвонил Биллу Уиклоу, помощнику шерифа, который должен был занять место ночного обходчика после Рождества. Мальчик пристально смотрел на него, допивая остатки имбирного эля.

— Билл? Это Тим. Ты, случаем, не хочешь сегодня для тренировки выйти ночным обходчиком? Обычно я в это время сплю, но тут на станции кое-какие проблемы. — Он выслушал ответ. — Отлично, за мной должок. Табельные часы оставлю в полицейском участке. Не забудь, их надо заводить. И спасибо.

Он дал отбой и внимательно посмотрел на мальчика. Синяк на лице будет еще наливаться, однако недели через две сойдет. А вот выражение глаз так быстро не изменится.

— Чувствуешь себя лучше? Головная боль проходит?

— Да, сэр.

— Обойдемся без сэров. Зови меня Тим. А мне как тебя называть? Как твое настоящее имя?

Люк немного помялся, потом сказал.

7

В плохо освещенном туннеле между Ближней и Дальней половинами было холодно, и мокрого до нитки Авери сразу затрясло. После того как Зик и Карлос вытащили его маленькое бесчувственное тело из бака, никто не предложил ему переодеться. Зубы Авери выбивали дробь. Тем не менее он держался за то, что узнал. Это было важно. Теперь все было важно.

— Прекрати стучать зубами, — рывкнула Глэдис. — Слушать противно.

Она везла его в кресле-каталке, и ее обычная улыбочка отсутствовала. Все уже знали, что выкинул этот мелкий говнюк, и Глэдис, как и остальные сотрудники Института, была напугана. С облегчением она вздохнет, только когда Люка Эллиса приволокут обратно.

— Н-н-не м-м-могу, — выговорил Авери. — Я з-з-за-мерз.

— А мне насрать! — Голос Глэдис эхом отражался от кафельных стен. — Ты хоть понимаешь, что наделал? У тебя есть хоть малейшее понятие, что ты натворил?

Вообще-то понятие у Авери было. Кое-что он почерпнул из сознания Глэдис (страх метался у нее в голове, как крыса в колесе), кое до чего додумался сам.

За дверью с табличкой «ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ» стало чуть теплее, а в обшарпанном холле, где ждала доктор Джеймс (белый халат застегнут не на ту пуговицу, волосы всклокочены, на лице застыла идиотская ухмылка) — еще теплее.

Авери перестал дрожать, зато вернулись цветные Штази-огоньки. Это было не страшно, ведь теперь он мог прогнать их в любой момент. Зик чуть не утопил его в баке совсем, и прежде чем потерять сознание, Авери думал, будто уже умер, однако бак что-то в нем изменил. У других ребят после бака тоже случались изменения, но с Авери произошло нечто большее. Да, он теперь ТЛК,

а не только ТЛП, причем это еще наименьшее из его приобретений. Глэдис боялась того, что может случиться из-за Люка, но Авери не сомневался: он и сам может ее напугать, если захочет.

Впрочем, время еще не пришло.

— Здравствуйте, молодой человек! — воскликнула доктор Джеймс. Тон у нее был как у политика в рекламном телеролике, а мысли носились, словно клочки бумаги на сильном ветру.

С ней что-то очень сильно не так, подумал Авери. Вроде радиационного поражения, только в мозгу, а не в костях.

— Здравствуйте, — ответил он.

Доктор Джекл запрокинула голову и расхохоталась, как будто слышала невероятно смешной анекдот.

— Мы не ждали тебя так скоро... Добро пожаловать, добро пожаловать! Здесь некоторые твои друзья!

Знаю, подумал Авери, и мне не терпится их увидеть. Думаю, они будут рады.

— Во-первых, надо переодеть тебя в сухое.

Она укоризненно посмотрела на Глэдис, но та сосредоточенно чесала руки, силясь избавиться от гудящего зуда под кожей. Ну-ну, желаю успеха, подумал Авери.

— Я позову Генри, он покажет тебе твою комнату, — продолжала доктор Джекл. — У нас тут замечательные зрители. Сам идти можешь?

— Да.

Доктор Джекл снова расхохоталась, запрокинув голову и дергая шеей. Авери слез с кресла-каталки и наградил Глэдис долгим выразительным взглядом. Та перестала чесаться. Теперь ее пробила дрожь. Не от мокрой одежды и не от холода. Из-за него. Глэдис почувствовала Авери, и ей это не понравилось.

А вот Авери понравилось. Это было по-своему прекрасно.

8

Поскольку кресло в жилой комнате мистера Джексона было одно, Тим принес из кабинета стул и сперва хотел поставить его напротив мальчика, но решил, что так будет слишком похоже на полицейский допрос. Поэтому он пристроил стул рядом с креслом и сел, как сидят друзья, например, когда смотрят вместе любимую телепрограмму. Только телевизор мистера Джексона был выключен.

— Итак, Люк, — начал он, — по словам Энни, тебя похитили... Но Энни не всегда... скажем так, правильно соображает.

— Тут она все сообразила правильно, — ответил Люк.

— Ладно. Откуда тебя похитили?

— Из Миннеаполиса. Меня вырубили. И убили моих родителей. — Он провел рукой по глазам.

— Похитители увезли тебя из Миннеаполиса в Мэн. На чем?

— Не знаю. Я был без сознания. Возможно, на самолете. Я действительно из Миннеаполиса. Можете проверить, для этого достаточно позвонить в мою школу. Она называется Бродерикская школа для одаренных детей.

— Как я понимаю, это значит, что ты умный.

— Само собой, — без тени гордости ответил Люк. — Я умный. А сейчас еще и очень голодный. За два дня я съел только булочку с сыром и пирожок. Вроде бы за два дня — я потерял счет времени. Еду мне дал человек по имени Мэтти.

— И больше ничего?

— Кусок пончика, — ответил Люк. — Не очень большой.

— Господи! Надо тебя накормить.

— Да, — сказал Люк. — Пожалуйста.

Тим достал из кармана мобильный.

— Венди? Это Тим. Ты не могла бы сделать мне одолжение?

9

Комната Авери на Дальней половине была совершенно голая. Самая простая койка. Никаких никелодеоновских постеров на стенах, никаких солдатиков на столе. Авери ничуть не огорчился. Ему было всего десять, но сейчас требовалось быть взрослым, а взрослые не играют в солдатиков.

Только мне одному не справиться, подумал он.

Вспомнилось прошлое Рождество. Думать об этом было больно. Ему подарили замок «Лего», который он просил, только Авери глядел на высыпанные детальки и не понимал, как собрать из них нарисованный на коробке красивый замок с башенками, воротами и подъемным мостом, и потому заплакал. Тогда отец (которого наверняка уже нет в живых) встал рядом с ним на колени и сказал: *Мы будем смотреть в инструкцию и делать все вместе. Шажок за шажком.* И они собрали. Замок стоял на столе у Авери в комнате, а солдатики его охраняли. Этот замок — единственное, чего не сумели повторить к его пробуждению на Ближней половине.

Сейчас он лежал на койке в голой комнате, одетый в сухое, и вспоминал, каким красивым был замок, когда его собрали. И слушал гул. Гул на Дальней половине слышался постоянно. В комнатах громко, в коридорах очень громко, а громче всего — за столовой, там, где запертые двойные двери позади комнаты отдыха смотрителей вели в дальнюю половину Дальней половины. Смотрители часто называли эту часть здания Овощебазой, потому что дети, жившие в ней (если это можно назвать жизнью), были овощами. Гудунами. Авери догадывался, что они еще полезны. Как бывает полезна обертка от батончика «Херши», пока не вылижешь ее дочиста. Тогда ее можно выбросить.

Дверь комнаты была заперта. Авери сосредоточился и попробовал открыть замок. За дверью ничего не было, кроме коридора с синим ковром; Авери хотел проверить,

получится ли, просто ради эксперимента. Он чувствовал, что механизм *пытается* повернуться, однако сладить с ним все-таки не сумел. Интересно, сумел бы Джордж Айлз? Джордж с самого начала был сильный ТЛК-положительный. Наверное, сумел бы, если ему немного помочь. Авери вновь вспомнил отцовские слова: *Будем делать вместе. Шажок за шажком.*

В пять часов дверь открылась, и в комнату заглянул не улыбчивый смотритель, одетый в красное. Здесь сотрудники бейджиков с именами не носили, однако Авери и не нуждался в бейджике. Это был Джейкоб, известный среди коллег как Джейк-Змей*. Служил на флоте. Ты хотел стать «морским котиком», подумал Авери, да не вышло. Тебя вышвырнули. Наверное, ты слишком любил делать людям больно.

— Обед, — сказал Джейк-Змей. — Если хочешь есть, иди в столовую. Если нет, я запру тебя до киносеанса.

— Я хочу есть.

— Хорошо. Любишь кино, малыш?

— Да, — сказал Авери и подумал: Но эти фильмы мне не понравятся. Они убивают людей.

— Тебе понравится, — сказал Джейк. — В начале всегда показывают мультик. В столовку вон туда, налево. И пошевеливайся.

Джейк крепко шлепнул его по задку, чтобы шел быстрее.

В столовой — угрюмом помещении, выкрашенном той же темно-зеленой краской, что и жилой коридор на Ближней половине, — дети, человек десять-двенадцать, ели что-то пахнущее как говяжье рагу «Динти Мур». Мама подавала «Динти Мур» не реже двух раз в неделю, потому что его любила младшая сестренка Авери; ее, наверное, тоже убили. Дети по большей части выглядели как зом-

* Джейк-Змей — имя на ринге знаменитого американского рестлера Аурелиана Смита-младшего (р. 1955), часто приносившего на ринг змей.

би, у многих по подбородку текли слюни. Одна девочка курила за едой. На глазах у Авери она стряхнула пепел себе в тарелку, обвела столовую пустым взглядом и продолжила есть.

Калишу он почувствовал еще в туннеле и сейчас увидел ее за столом у дальней стены. Авери поборол желание подбежать и обнять ее. Это привлекло бы внимание, чего Авери никак не хотел. Рядом с Ша сидела Хелен Симмс, безвольно положив руки на стол по обе стороны от тарелки. Взгляд ее был устремлен в потолок. Когда она впервые появилась на Ближней половине, волосы у нее были ярко выкрашены; сейчас они тусклыми лохмами свисали на исхудалое лицо. Калиша кормила подругу с ложечки, вернее, пыталась кормить.

— Ну же, Хелен, ешь. Хелендваген, ну давай же.

Ша затолкнула ложку рагу Хелен в рот, а когда кусок неведомого мяса начал падать у нее с нижней губы, той же ложкой подтолкнула его обратно. На этот раз Хелен проглотила еду, и Ша улыбнулась:

— Вот и умница.

Ша, подумал Авери. *Привет, Ша.*

Та растерянно огляделась, увидела его и расплылась в улыбке.

Авестер!

По подбородку Хелен стекала струйка бурой мясной подливки. Никки, сидевший по другую сторону от Хелен, вытер ей подбородок бумажной салфеткой. Джордж, который сидел напротив Никки, обернулся.

— Эй, гляньте-ка, Авестер, — сказал Джордж. — *Ша* говорила, что ты, наверное, придешь. Добро пожаловать в наш счастливый дом, маленький герой.

— Если будешь есть, бери тарелку, — сказала пожилая женщина с недобрым лицом. Авери знал, что ее зовут Коринна и она любит раздавать оплеухи. Получает от этого удовольствие. — Я сегодня закрываю столовую пораньше, из-за кино.

Авери взял тарелку и половником зачерпнул себе рагу. Да, это был «Динти Мур». Авери положил сверху кусок белого хлеба и пошел за стол к друзьям. Ша улыбнулась ему. Голова у нее сегодня болела сильнее обычного, но она все равно улыбнулась, и от этого ему захотелось смеяться и плакать одновременно.

— Ешь, приятель, — сказал Никки, хотя сам своему совету не последовал; его тарелка была почти полная. Он то и дело потирал левый висок, глаза у него налились кровью. — Знаю, с виду похоже на дрисню, но лучше не смотреть кино на пустой желудок.

Люка поймали? — транслировала Калиша.

Нет. Они все напуганы до потери пульса.

Отлично. Отлично.

Нам перед кино будут делать болючие уколы?

Сегодня вряд ли. Кино еще новое, мы его только один раз видели.

Джордж смотрел на них понимающим взглядом. Он слышал. Когда-то, на Ближней половине, Джордж был только ТЛК; теперь он умел больше. Как и они все. Ближняя половина усиливает те способности, что у тебя есть, однако того, что появилось у Авери из-за бака, нет ни у кого. Он теперь многое знает. Например, про опыты на Ближней половине. В основном это побочные проекты доктора Хендрикса, а вот уколы делают с практической целью. Некоторые из них служат триггерами; их Авери не получал. Он попал прямиком в бак и там приблизился к самым вратам смерти, а то и прошел в них; теперь он способен вызывать Штази-огоньки практически когда пожелает. Ему не нужно кино, не нужно участвовать в групповом мышлении, ради которого и существует Дальняя половина.

Но ему всего десять. И это осложняет дело.

Авери начал есть и одновременно попытался нащупать Хелен. К его радости, она все еще была здесь. Хелен ему нравилась. Она не такая, как эта гадина Фрида. Ведь

и без всякой телепатии ясно: Фрида обманом вытянула у него правду, а потом наступала.

Хелен?

Нет. Не разговаривай со мной, Авери, мне надо...

Хотя фраза оборвалась, Авери вроде бы все равно понял. Хелен надо прятаться. В голове у нее губка с болю, от которой она прячется, как может. Прятаться от боли вполне разумно, да вот беда: губка набухает и набухает. Скоро губка займет всю голову и раздавит Хелен о заднюю стенку черепа, как муху на стене. И тогда Хелен перестанет существовать. Во всяком случае, она будет уже не Хелен.

Авери вошел в ее голову. Это оказалось легче, чем повернуть замок в двери комнаты, ведь он изначально был сильным ТЛП, а с ТЛК еще не освоился и легко мог напортачить. Он понимал, что не сумеет совсем убрать боль, но вдруг удастся ее облегчить? Так будет лучше для Хелен и для всех остальных... потому что им потребуются все силы, какие удастся собрать.

Глубоко у Хелен в голове он отыскал болевую губку и велел ей не пухнуть. Велел уйти. Она не послушалась. Он стал на нее давить. Перед глазами начали появляться цветные огоньки, они медленно клубились, как сливки в кофе. Авери надавил сильнее. Губка была упругая и очень тугая.

Калиша, помоги мне.

Чем? Что ты делаешь?

Он объяснил. Она вошла в голову Хелен, поначалу неуверенно. Они надавили вместе. Болевая губка немного поддалась.

Джордж, транслировал Авери, Никки, помогите нам.

Никки сумел немного помочь. Джордж сперва глянул ошарашенно, потом присоединился к ним, но тут же отпрянул.

— Не могу, — шепнул он. — Там темно.

Не бойся темноты! — вступила Калиша. *Мы сумеем помочь!*

Джордж вернулся. Нехотя, да и помочь он толком не мог. Но по крайней мере был с ними.

Это всего лишь губка, сказал им Авери. Он уже больше не видел своей тарелки с рагу — все скрыло кружение Штази-огоньков. Она вам ничего сделать не может. Давите на нее! Все вместе!

Они налегли, и кое-что произошло. Хелен перевела взгляд с потолка на Авери.

— Надо же, кто здесь, — хрипло проговорила она. — У меня голова чуть меньше болит. Слава богу.

И принялась есть сама.

— Вот черт, — сказал Джордж. — Охренеть. Получилось.

Ник широко ухмыльнулся и поднял раскрытую ладонь.

— Дай пять, Авери.

Авери хлопнул его по ладони, но хорошее чувство исчезло вместе с огоньками. Голова у Хелен снова заболит и будет болеть сильнее всякий раз, как она смотрит кино. И то же самое будет с Ша. И с Никки. И с ним самим. Рано или поздно все их голоса присоединятся к гулу, идущему из Овощебазы.

Может быть... если они объединятся... и создадут собственное групповое мышление... если есть способ создать щит...

Ша.

Она глянула на него. Прислушалась. Никки и Джордж тоже слушали, насколько могли. Ощущение было, что они почти глухие. А вот Ша слушала. Съела немного рагу, потом отложила ложку и мотнула головой.

Нам не убежать, Авери. Если ты об этом думаешь, то забудь.

Знаю, что не убежать, однако что-то надо делать. Надо помочь Люку. И себе. Я вижу детали, но не знаю, как собрать их вместе. Я не...

— Ты не знаешь, как построить замок, — тихо, задумчиво проговорил Никки. Хелен опять перестала есть

и уставилась в потолок. Болевая губка у нее в мозгу снова разбухала. Никки положил ей в рот еще ложку рагу.

— Сигареты! — кричал один из зрителей, протягивая пачку. Здесь, судя по всему, курение было бесплатным и даже поощрялось. — Кто хочет сигаретку перед кино?

Нам отсюда не убежать, транслировал Авери, поэтому помогите мне построить замок. Стену. Щит. Наш замок. Нашу стену. Наш щит.

Авери глянул на Калишу, потом на Никки, потом на Джорджа и снова на Калишу, умоляя ее понять. Взгляд Калиши просветлел.

Она поняла, подумал Авери. Слава богу, она поняла.

Калиша начала было говорить, но тут же закрыла рот, когда зритель — его звали Клинт — прошел мимо них с криком:

— Сигареты! Кто хочет сигаретку перед кино?

Как только зритель отошел, Калиша сказала:

— Раз мы не можем сбежать, надо захватить это место.

10

Помощник шерифа Венди Галликсон значительно потеплела к Тиму после их первого свидания в хардивиллском мексиканском ресторане. Настолько, что теперь они были официально вместе. Войдя в жилую комнату мистера Джексона с большим бумажным пакетом в руке, она чмокнула Тима сперва в щеку, а потом, быстро, в губы.

— Это помощник шерифа Галликсон, — сказал Тим, — но ты можешь называть ее Венди, если она не против.

— Не против, — отозвалась Венди. — Как тебя зовут? Люк глянул на Тима, тот легонько кивнул.

— Люк Эллис.

— Рада знакомству, Люк. Ну у тебя и синячище.

— Да, мэм. Ударился.

— *Венди*. И ухо перевязано. Ты еще и порезался?

— Типа того, — улыбнулся Люк.

— Тим сказал, что ты голодный, и я прихватила еды из кафе на Мэйн-стрит. Тут у меня кока-кола, курица, бургеры и картошка фри. Что ты хочешь?

— Все, — ответил Люк.

Тим с Венди рассмеялись.

Они смотрели, как мальчишка умял две куриные голени, гамбургер, почти всю картошку и, наконец, большой стакан рисового пудинга. Тим, который сегодня остался без ланча, доел остальную курицу и выпил кока-колу.

— Теперь все в порядке? — спросил Тим, когда с едой было покончено.

Вместо ответа Люк разрыдался.

Венди обняла его и стала гладить по голове, одновременно распутывая колтуны в волосах. Когда всхлипывания Люка утихли, Тим сел рядом с ним на корточки.

— Простите, — сказал Люк. — Простите меня. Простите.

— Ничего страшного. Можешь поплакать.

— Я просто снова почувствовал себя живым. Не понимаю, отчего я расплакался.

— Думаю, это называется «облегчение», — кивнула Венди.

— Люк уверяет, будто его родителей убили, а его самого похитили, — сообщил Тим.

У Венди расширились глаза.

— Я не уверяю! — выкрикнул Люк, сидевший в кресле мистера Джексона. — Это чистая правда!

— Может быть, я неудачно выразился. Рассказывай, Люк.

Люк задумался, потом проговорил:

— А не могли бы вы прежде кое-что для меня сделать?

— Если сумею, — ответил Тим.

— Выгляните за дверь. Посмотрите, там ли еще тот тип.

— Норберт Холлистер? — Тим улыбнулся. — Я велел ему проваливать. Сейчас он, наверное, в «Гоу-Марте», покупает лотерейные билеты. Планирует стать следующим южно-каролинским миллионером.

— Просто гляньте.

Тим посмотрел на Венди, и та пожала плечами.

— Я проверю.

Через минуту она вернулась, хмурая брови.

— Между прочим, он сидит в кресле-качалке рядом с депо. Читает журнал.

— Думаю, он дядя, — тихо произнес Люк. — Меня ждали дяди в Ричмонде и Уилмингтоне. Наверное, в Стербридже тоже. Я и не знал, что у меня столько дядек.

Он рассмеялся металлическим смехом.

Тим встал, подошел к двери и как раз успел увидеть, как Норберт Холлистер встает и вразвалку направляется к своему задрипанному мотелю.

— Он ушел, сынок.

— Возможно, звонить им, — сказал Люк и отодвинул пустую банку из-под колы. — Я им не дам. Меня там чуть не убили.

— Где? — спросил Тим.

— В Институте.

— Начни с начала и Расскажи нам все, — попросила Венди.

И Люк рассказал.

11

Когда он закончил — на рассказ ушло около получаса, и Люк за это время выпил вторую банку колы, — наступило молчание. Наконец Тим очень тихо произнес:

— Невозможно. Для начала, столько похищений нас сторожили бы полицию.

Венди мотнула головой:

— Ты был полицейским, тебе ли не знать. Несколько лет назад провели исследование, и в его результатах сказано, что ежегодно в Штатах пропадает без малого пол-миллиона детей. Жутковатое число, а?

— Я знаю статистику. В округе Сарасота за последний год, когда я там служил, было подано почти пятьсот заявлений о пропаже детей. Но большинство — подавляющее большинство — вернулись домой сами.

Тим вспомнил близнецов Роберта и Роланда Билсонов, которых поймал среди ночи на пути к Даннингской сельскохозяйственной ярмарке.

— И все равно остаются тысячи, — сказала Венди. — *Десятки тысяч.*

— Согласен, но во многих ли случаях родители были убиты?

— Не знаю. Вряд ли кто-нибудь считал. — Венди снова посмотрела на Люка, который переводил взгляд с нее на Тима и обратно, словно наблюдал за теннисным матчем. Руку он держал в кармане, сжимая флешку, будто кроличью лапку.

— Наверное, иногда они инсценируют несчастные случаи.

Тиму внезапно представилось, как мальчик живет с Сироткой Энни в палатке и они вместе слушают по радио ее полуночного психа. Беседуют о теории заговора. О *них*.

— Ты говоришь, что отрезал себе мочку уха, потому что в ней было следящее устройство, — сказала Венди. — Это правда, Люк?

— Да.

Венди явно не могла придумать, что спрашивать дальше, и глянула на Тима: *Давай теперь ты.*

Тим взял у Люка банку из-под колы и бросил ее в пакет, где теперь были только обертки и куриные кости.

— Некое секретное учреждение ведет секретную программу здесь, в Америке, невесть сколько лет... Наверное, когда-то такое было возможно — теоретически, — но не

в эпоху компьютеров. Самые большие правительственные секреты сливает в Интернет сволочная организация под названием...

— «Викиликс». Я знаю про «Викиликс». — В голосе Люка послышалось нетерпение. — Знаю, как трудно сохранять секреты, знаю, насколько невероятно это звучит. С другой стороны, у немцев во Вторую мировую войну были концлагеря, в которых убили семь миллионов евреев. А еще цыган и геев.

— Люди в окрестностях лагерей знали, что там происходит, — сказала Венди и попыталась взять мальчика за руку.

Люк не дался.

— А я готов поспорить на миллион баксов, что люди в Деннисон-Ривер-Бенде, это ближайший поселок, тоже знают. Они знают, *что-то* происходит. Что-то плохое. Что именно, не знают, потому что не хотят знать. А зачем им? Они с этого кормятся, к тому же кто им поверит? Да что там, и сегодня есть люди, которые не верят, что фашисты убили столько евреев. Это называется отрицанием.

Да, подумал Тим, мальчишка умен. Его выдумка абсолютно сумасшедшая, но чтобы такое сочинить, нужна тонна мозгов.

— Скажи, правильно ли я поняла, — начала Венди. Она говорила ласково, Тим тоже. Люк понимал: так разговаривают с тем, кого считают психованным. Неудивительно. Собственно, чего он ждал? — Они как-то находят детей-телепатов и теле-как-там...

— Телекинетиков. ТЛК. Обычно способности слабые. Даже ТЛК-положительные дети мало что могут. Институтские врачи усиливают эти способности. Уколы для прикола, так они выражаются. От этих уколов появляются точки, Штази-огоньки, я вам рассказывал. Уколы должны усиливать способности, которые у нас есть изначально. Другие, думаю, нужны, чтобы мы продержались дольше. Или... — У него мелькнула новая мысль. —

Или чтобы мы не стали слишком сильны. Потому что тогда мы будем для них опасны.

— Что-то вроде прививок? — спросил Тим.

— Пожалуй.

— До того как тебя забрали, ты мог двигать предметы силой мысли, — сказал Тим все тем же ласковым голосом, каким говорят с психами.

— *Маленькие* предметы.

— А после того как чуть не утонул в баке, ты можешь и мысли читать.

— Это еще раньше началось. Бак... только усилил. Но я все равно...

Люк потер затылок. Объяснять было трудно, а тихие и спокойные голоса действовали ему на нервы, которые и без того были на грани срыва. Скоро он и впрямь превратится в такого психа, каким его считают. И все же надо попробовать их убедить.

— Я все равно довольно слабый. Мы все слабые, кроме, может быть, Авери. Он обладает какой сильный.

Тим сказал:

— Давай проверим, правильно ли я понял. Они похищают детей со слабыми экстрасенсорными способностями, накачивают их ментальными стероидами и заставляют убивать людей. Вроде того политика, который собирался баллотироваться в президенты. Марка Берковица.

— Да.

— Почему не бен Ладена? — спросила Венди. — Я бы сочла его главным претендентом на... телепатическое убийство.

— Не знаю, — устало ответил Люк. Синяк наливался на глазах. — Не имею ни малейшего понятия, как они выбирают цели. Я как-то говорил об этом с моей приятельницей Калишей. Она тоже понятия не имеет.

— А почему эта таинственная организация не наймет киллеров? Разве это не проще?

— В фильмах это выглядит просто, — сказал Люк. — В реальной жизни, думаю, у киллеров ничего не получается или их ловят. Как тех ребят, которые убили бен Ладена. Их ведь чуть не поймали.

— Давай проверим, — сказал Тим. — Я задумал число. Назови его.

Люк попытался. Он сосредоточился и стал ждать цветных точек, но они не возникли.

— Не могу.

— Тогда передвинь что-нибудь. Это ведь твоя основная способность, за нее тебя и похитили?

Венди покачала головой. Тим не был телепатом, но знал, что она думает: *Отстань от ребенка, он растерян, ему плохо*. Однако Тим хотел поскорее разделаться с этой нелепой сказочкой — тогда, возможно, удастся понемногу вытянуть у Люка, что же случилось на самом деле.

— Может, бумажный пакет? Еды в нем не осталось, его должно быть легко переместить.

Люк посмотрел на пакет и сильнее сдвинул брови. На мгновение Тим вроде бы что-то почувствовал — как будто по коже пробежал ветерок, словно от сквозняка. Однако ощущение прошло, а пакет так и не сдвинулся. Разумеется.

— Ладно, — сказала Венди. — Думаю, достаточно на се...

— Я знаю, что вы — пара, — заявил Люк. — Это я про вас знаю.

Тим улыбнулся.

— Не впечатляет! Она меня поцеловала, когда вошла.

Люк перевел взгляд на Венди:

— Вы собираетесь куда-то ехать. К сестре, да?

Она распахнула глаза:

— Как...

— Просто не ведись, — сказал Тим. — Старый трюк ярмарочных медиумов — обоснованное предположение. Хотя, должен признать, очень ловкое.

— Как я мог обоснованно предположить, что Венди едет к сестре? — спросил Люк, впрочем, без особой надежды. Он разыгрывал карты по одной, осталась последняя. А тут еще усталость! В поезде он спал беспокойно, и его мучили кошмары. В основном про бак.

— Подождешь минутку? — спросил Тим и, не дожидаясь ответа, подвел Венди к двери в кабинет. Там он сказал несколько слов, и Венди вышла, на ходу доставая из кармана мобильный.

Тим вернулся к Люку.

— Думаю, надо отвести тебя в отделение.

Поначалу Люк вообразил, что речь про багажное отделение. Его засунут в другой товарняк, чтобы Тиму и его девушке не пришлось возиться с малолетним беспризорником и его дикой историей. Потом он сообразил, про какое отделение говорит Тим.

Люк подумал: ну и что с того? Я с самого начала понимал, что окажусь в полиции. И может быть, маленькое отделение лучше, чем большее, где у полицейских сотни разных людей... разных задержанных.

Только плохо, что они считают, будто он все себе напридумывал про этого Холлистера. Пока остается надеяться, что они правы и Холлистер ни при чем. Скорее всего, они действительно правы. Не могут же люди Института быть повсюду? Или могут?

— Ладно, только прежде я должен кое о чем предупредить и кое-что показать.

— Валяй. — Тим подался вперед, пристально глядя Люку в лицо. Может, просто подыгрывал чокнутому парнишке, но по крайней мере слушал, а на большее Люк сейчас и не рассчитывал.

— Если они знают, что я здесь, то явятся за мной. Вероятно, с оружием. Поскольку до смерти бояться, что вы мне поверите.

— Учтем, — сказал Тим. — Знаешь, Люк, у нас тут нормальные полицейские. Тебе ничто не грозит.

Вы понятия не имеете, с кем вам предстоит иметь дело, подумал Люк, однако больше убеждать не стал, просто сил уже не было. Вернулась Венди и кивнула Тиму.

— Женщина, которая помогла мне сбежать из Института, дала мне две вещи. Нож, которым я отрезал кусок уха с трекером. И вот это. — Люк достал из кармана флешку. — Не знаю, что на ней. Полагаю, вам стоит первым делом ее посмотреть, а потом уже что-то предпринимать.

Он протянул флешку Тиму.

12

Обитатели Дальней половины — точнее, ближней половины Дальней половины, поскольку восемнадцать овощей по-прежнему были заперты на Овощебазе и гудели хором, — получили двадцать минут свободного времени до кино. Джимми Куллум походкой зомби побрел в свою комнату, ничего не видя и не слыша от головной боли. Хэл, Донна и Лен сидели в столовой. Мальчики уставились на свой недоеденный десерт (сегодня это был шоколадный пудинг), Донна разглядывала тлеющую сигарету в руке и, кажется, не могла вспомнить, как ее курить.

Калиша, Ник, Джордж, Авери и Хелен ушли в комнату отдыха, где стояла обшарпанная мебель, по виду — с благотворительной распродажи, и висел старый плоскопанельный экран, по которому показывали только доисторические ситкомы вроде «Моя жена меня приворожила» и «Счастливые дни». Здесь была Кэти Гивенс. Она ни на кого не смотрела, только таращилась в включенный телевизор. Зато к компании присоединилась Айрис, что очень удивило Калишу. Айрис выглядела лучше, чем в последние дни. Живее.

Калиша напряженно думала — сейчас она могла думать, потому что ей тоже полегчало. То, что они (по большей части Авери, но все остальные участвовали по мере сил) проделали с головной болью Хелен, помогло и самой Калише. И Никки с Джорджем. Она отчетливо это видела.

Захватить это место.

Смелая и заманчивая идея, однако тут же возникли вопросы. Первый и очевидный: как это сделать, если тут всегда дежурит не меньше двенадцати зрителей, а в дни киносеансов и больше? Второй: почему такая мысль никогда не приходила им в голову?

Мне приходила, сказал Ник... и его мысленный голос вроде бы прозвучал громче обычного. Да, да, громче, и это тоже благодаря Авери. Потому что он стал сильнее. *Я думал об этом, когда меня сюда запихнули.*

Больше Никки ничего мысленно передать не смог и, наклонившись к ее уху, шепотом договорил остальное:

— Я ведь никогда не сдавался, верно?

Да, верно. Никки с его фингалами. Никки с вечно разбитыми губами.

— Мы недостаточно сильны, — прошептал он. — Даже здесь, даже после огоньков, у нас слишком ограниченные способности.

Авери тем временем с отчаянной надеждой смотрел на Калишу. Он посылал ей мысли, но этого почти и не требовалось: его глаза говорили достаточно выразительно. *Вот детали, Ша. Я практически уверен, что они все здесь. Помоги мне их собрать. Помоги мне выстроить замок, где мы будем в безопасности, хотя бы на время.*

Ша вспомнила старую, выцветшую наклейку на бампере маминого «субару». Лозунг предвыборной кампании Хиллари Клинтон: «ВМЕСТЕ СИЛЬНЕЕ». Так оно и работало на Дальней половине. Для этого их и сажали вместе смотреть кино. Чтобы они были сильнее. Именно так им удавалось дотянуться за тысячи миль, иногда до другого конца земного шара, до людей в кино. Допустим,

пятеро из них (или даже шестеро, если удастся победить головную боль Айрис) сумеют создать общую ментальную силу, что-то вроде вулканского слияния разумов*, — разве этого не хватит, чтобы взбунтоваться и захватить Дальнюю половину?

— Хотя идея классная, боюсь, что ничего не выйдет, — сказал Джордж. Он взял руку Калиши и на мгновение ее стиснул. — Допустим, нам удастся залезть им в голову ненадолго, даже напугать их до потери пульса... У них шокеры. Шибанут разок кого-нибудь из нас — и игре конец.

Калиша ответила Джорджу, что он, наверное, прав.

Авери: *По шажочку.*

Айрис сказала:

— Я не слышу, о чем вы там все думаете. Знаю, что-то думаете, но у меня голова по-прежнему раскалывается.

Авери: *Давайте попробуем ей помочь. Все вместе.*

Калиша глянула на Ника. Тот кивнул. На Джорджа. Он пожал плечами и тоже кивнул.

Авери повел их в голову Айрис, как исследователь ведет отряд в пещеру. Губка у нее в сознании была огромная. Авери представилось, что она кровавого цвета, и все дети увидели ее такой. Они выстроились в кружок и стали давить. Губка немного поддалась... еще немного... но больше не сжималась, сколько они ни давили. Первым отступил Джордж, потом Хелен (та вообще толком ничем не помогла), за нею Ник и Калиша. Авери ушел последним, напоследок мысленно пнув болевую губку.

— Хоть чуть-чуть лучше, Айрис? — без особой надежды спросила Калиша.

— Что лучше? — спросила Кэти Гивенс.

— Голова, — ответила Айрис. — Да, лучше. По крайней мере, чуть-чуть.

* В телесериале «Звездный путь» — процедура, позволяющая представителям вулканской расы разделить мысли, чувства, воспоминания и знания с другим индивидуумом.

Она улыбнулась Кэти — и на мгновение стала прежней девочкой, выигравшей Абилиновский конкурс грамотности.

Кэти снова повернулась к телевизору.

— Где Ричи Каннингем и Фонз? — спросила она и принялась тереть виски. — Вот бы и моей голове стало лучше, она болит, как сволочь.

Вы видите проблему, подумал Джордж.

Калиша видела. Да, вместе они сильнее, но все равно недостаточно сильны. Как Хиллари Клинтон, когда несколько лет назад баллотировалась в президенты. У команды ее противника был политический аналог электрошокеров зрителей.

— Мне помогло, — сказала Хелен. — Голова почти не болит. Просто чудо какое-то.

— Не волнуйся, — ответил Ник, и Калишу напугала безнадежность в его голосе. — Снова заболит.

Вошла Коринна, смотрительница, любившая раздавать оплеухи. Одну руку она держала на кобуре шокера, как будто что-то чувствовала. Может, она и чувствует, подумала Калиша, только сама не знает что.

— Кино начинается, — сказала она. — Ну-ка, детки, пошевеливайтесь.

13

Два зрителя, Джейк и Фил (Змей и Мокрица**, соответственно) стояли перед открытыми дверьми кинозала с корзинками в руках. Курящим детям полагалось класть сигареты и спички (зажигалками на Дальней половине пользоваться не разрешали) в корзинки, а на

* Друзья-подростки, герои телесериала «Счастливые дни».

** Фил-Мокрица (Phil the Pill) — герой одноименной аркады с элементами головоломки, задача которого — выбраться из канализации.

обратном пути забирать. Если вспомнят, конечно. Хэл, Донна и Лен сидели в последнем ряду, пялясь на пустой экран. Кэти Гивенс уселась в среднем ряду по соседству с Джимми Куллумом, который лениво ковырял в носу.

Калиша, Ник, Джордж, Хелен, Айрис и Авери устроились в первом ряду.

— Начинаем наш очередной увлекательный вечерок, — громким дикторским голосом произнес Никки. — Гвоздь нынешнего сезона, лауреат премии Оскар в категории самый говенный документальный фильм...

Фил-Мокрица отвесил ему подзатыльник.

— Заткнись, придурок, и смотри кино.

Он ушел. Свет погас, и на экране появился доктор Хендрикс. От одного вида незажженного бенгальского огня в его руке у Калиши пересохло во рту.

Она чувствовала: чего-то не хватает. Какой-то существенной детальки для замка Авери. Деталька не потерялась, просто Калиша ее пока не видела.

Вместе мы сильнее, но этого все равно мало. Даже будь с нами несчастные полуовощи вроде Джимми, Хэла и Донны, этого бы все равно не хватило. Однако в те вечера, когда зажигают бенгальский огонь, мы сильны. В такие вечера мы превращаемся в убийц. Что же я упускаю?

— Добро пожаловать, девочки и мальчики, — говорил доктор Хендрикс. — Спасибо, что помогаете нам! Давайте сперва посмотрим смешной мультик и попохочем от души, а потом я к вам вернусь.

Он помахал незажженным бенгальским огнем и подмигнул. Калише захотелось блевануть.

Если мы в состоянии убить человека на другой стороне земного шара, то почему нельзя...

Калиша чувствовала, что вот-вот найдет ответ, когда Кэти громко завопила — не от боли или огорчения, а от радости:

— *Дорожный Бегун! Обожаю!*

И она запела визгливым фальцетом, который буравил Калише мозг:

— *Дорожный Бегун! Дорожный Бегун! Койот бежит за ТОБОЙ! Дорожный Бегун! Дорожный Бегун! Спасайся, пока ЖИВОЙ!*

— Заткнись, Кэти, — без злобы сказал Джордж.

Дорожный Бегун, бип-бипнув, припустил по шоссе посреди пустыни. Хитрый Койот глянул на Бегуна и вообразил обед в День благодарения, а Калиша поняла, что догадка, которая была так близка, улетучилась.

Когда мультик закончился и Хитрый Койот вновь остался ни с чем, на экране возник дядька в костюме и с микрофоном в руке. Калиша сперва приняла его за бизнесмена и не сильно ошиблась, однако славился он другим. На самом деле он был проповедником; когда камера отъехала, стал виден огромный, очерченный красными неоновыми лампами крест у него за спиной. Дальше камера дала круговой обзор, и Калиша поняла, что выступает этот дядька на арене или даже на стадионе, заполненном тысячами людей. Они вскакивали, некоторые махали руками, другие поднимали над головой Библию.

Сперва он произносил обычную проповедь, с номерами глав и стихов из Библии, затем перешел на то, как страна рушится из-за о-пи-о-идов и блу-до-дей-ства. Затем началось про политику, судей и то, что Америка — сияющий город на верху горы*, который безбожники хотят запятнать грязью. Он говорил про то, как волхование изумляло народ Самарийский (Калиша так и не поняла, какое это имеет отношение к Америке), когда появились цветные точки. Они вспыхивали и гасли. Гул то вздымался, то опадал; Калиша чувствовала его даже по вибрации волосков в носу.

Когда точки исчезли, дети увидели, как проповедник садится в самолет вместе с женщиной, вероятно, миссис

* Ср. Мф. 5:14: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы». Первым Америку назвал сияющим городом на верху горы губернатор Колонии Массачусетского залива пуританин Джон Уинтроп; эти слова любил повторять Рональд Рейган.

Проповедник. Снова появились точки. Гул то вздымался, то опадал. Калиша услышала у себя в голове Авери, он говорил что-то вроде «они это видят».

Кто это видит?

Авери не ответил, наверное, кино его затянуло. Вот в чем роль Штази-огоньков — они затягивают не по-детски. Проповедник снова орал, теперь из кузова грузовика в мегафон. Мелькали надписи: «ХЬЮСТОН ЛЮБИТ ТЕБЯ», и «БОГ ДАЛ НОЮ РАДУГУ КАК ЗНАК»*, и «ОТ ИОАННА 3:6». Потом точки. И гул. Несколько пустых сидений в кинозале начали хлопать сами по себе, как незапертые ставни на сильном ветру. Двери распахнулись. Джейк-Змей и Фил-Мокрица захлопнули их и подперли плечом.

Теперь проповедник был в каком-то приюте для бездомных. Нацепив фартук, он поварешкой размешивал соус для спагетти в огромном котле, рядом стояла его жена, оба улыбались. На сей раз в голове Калиши раздался голос Никки: *Улыбайтесь на камеру!* Она смутно ощущала, что волосы у нее встали дыбом, как наэлектризованные.

Точки. Гул.

Проповедник в новостной телепрограмме с какими-то другими людьми. Один из этих других людей обвинял проповедника в... длинные слова, ученые слова, которые Люк бы точно понял... а проповедник хохотал так, будто в жизни не слышал ничего смешнее. У него был очень заразительный смех. Хотелось смеяться вместе с ним. Если, конечно, ты не сходил с ума.

Точки. Гул.

С каждым новым появлением Штази-огоньки становились ярче и каждый раз как будто глубже проникали Калише в голову. В таком состоянии все фрагменты фильма завораживали. Они были *рычагами*. Когда придет

* Из негритянской духовной песни: «Бог дал Ною радугу как знак: больше воды не будет, а будет огонь».

время — быть может, завтра вечером, быть может, послезавтра, — дети Дальней половины потянут за эти рычаги.

— Ненавижу это все, — жалобно, тоненько проговорила Хелен. — Когда оно уже кончится?

Проповедник на вечеринке в шикарном особняке. Проповедник участвует в автопробеге. Проповедник на барбекю, дома у него за спиной украшены гирляндами красных, белых и синих флажков. Люди едят сосиски в тесте и большие куски пиццы. Он говорит об извращении установленного Богом порядка вещей. Внезапно его голос сменяется голосом доктора Хендрикса:

— Дети, это Пол Уэстин. Он живет в Дирфилде, штат Индиана. Пол Уэстин. Дирфилд, штат Индиана. Пол Уэстин, Дирфилд, штат Индиана. Повторяйте со мной, девочки и мальчики.

Отчасти потому, что выбора не было, отчасти потому, что это обещало конец вспыхивающим точкам и вздымающимся волнам гула, а главным образом потому, что кино *по-настоящему их затянуло*, десять детей в кинозале принялись скандировать. Калиша присоединилась к общему хору. Она не знала насчет других, но для нее это была самая мерзкая часть киносеансов. Почему так приятно скандировать?! Ее злило это ощущение: будто *рычаги* только и ждали, когда за них потянут. Сами напрашивались! Она чувствовала себя куклой чревовещателя на колене проклятого доктора.

— Пол Уэстин, Дирфилд, штат Индиана! Пол Уэстин, Дирфилд, штат Индиана! ПОЛ УЭСТИН, ДИРФИЛД, ШТАТ ИНДИАНА!

На экране появился доктор Хендрикс, улыбающийся, с незажженным бенгальским огнем.

— Правильно, дети. Пол Уэстин, Дирфилд, штат Индиана. Спасибо, детки, и хорошего вам вечера. Увидимся завтра!

Штази-огоньки вернулись в последний раз, замерцали и закружились вихрем. Калиша, стиснув зубы, ждала,

когда они исчезнут. Она ощущала себя крошечной капсулой, летящей сквозь шквал исполинских астероидов. Гул сделался оглушительным... потом огоньки пропали, и гул разом оборвался, словно выключили колонку.

Они это видят, сказал Авери во время сеанса. Может, вот она, недостающая деталька? И если да, кто эти *они*?

В кинозале зажегся свет. Двери открылись. У одной стоял Джейк-Змей, у другой — Фил-Мокрица. Большинство детей вышли, однако Донна, Лен, Хэл и Джимми остались на своих местах. Калиша подумала, что они, возможно, так и будут сидеть в удобных креслах, пока зрители не загонят их в спальни. И двое из них, если не все четверо, могут оказаться на Овощебазе после завтрашнего сеанса. Главного события. Во время которого они сделают с проповедником то, чего от них хотят.

Им разрешили еще полчаса провести в комнате отдыха до того, как всех запрут в комнатах. Калиша пошла туда, Джордж, Никки и Авери — за ней. Через несколько минут припелась, шаркая ногами, Хелен и села на пол с незажженной сигаретой в руке. Ее некогда яркие волосы свисали на лицо. Последними явились Айрис и Кэти.

— Голова болит не так сильно, — объявила Кэти.

Да, подумала Калиша, после киносансов головная боль слабеет... на время. И с каждым разом время это короче.

— Очередная классная киношка, — пробормотал Джордж.

— Итак, дети, что мы узнали? — спросил Никки. — Что кто-то где-то не особо любит преподобного Пола Уэстина из Дирфилда, штат Индиана.

Калиша приложила палец к губам и указала взглядом на потолок. *Жучки*, подумала она, обращаясь к Никки. *Осторожнее!*

Никки поднес палец к виску и шелкнул языком, как будто застрелился. Остальные заулыбались. Калиша знала, что завтра все будет иначе. Им станет не до улыбок. В конце сеанса появится доктор Хендрикс с зажженным

бенгальским огнем, гул превратится в оглушительный белый шум, в нестерпимый рев. Они потянут за рычаги. Наступит неопределенный промежуток времени, разом упоительный и жуткий, когда головная боль исчезнет совсем. Не пятнадцать-двадцать минут прояснения, как после обычного сеанса, а целых шесть-восемь часов блаженства. А Пол Уэстин из Дирфилда, штат Индиана, совершит нечто такое, что изменит или оборвет его жизнь. Для детей на Дальней половине жизнь потянется своим чередом... если это можно назвать жизнью. Головная боль вернется и будет хуже прежней. Хуже с каждым разом. И рано или поздно они присоединятся к гулу. Станут такими же, как...

Овощи!

Авери. Только он умел транслировать так четко. Будто жил у нее в голове. *Вот как это работает, Ша! Потому что они...*

— Они это видят, — прошептала Калиша.

Бинго! Недостающая деталь. Калиша прижала ладони ко лбу — не оттого, что голова снова заболела, а оттого, что все было восхитительно очевидно. Она ухватила Авери за щуплое плечико.

Овощи видят то же, что и мы. Иначе зачем бы их тут держали?

Никки обнял Калишу и зашептал ей на ухо. От прикосновения его губ ее пробила дрожь.

— О чем вы говорите? Они давно перестали сообщать. И мы скоро перестанем.

Авери: *Тем-то они и сильны. Сознание ушло. Они — аккумулятор. А мы только...*

— Переключатель, — прошептала Калиша. — Ключ зажигания.

Авери кивнул.

— Нам надо их использовать.

Когда? — слабеньким голоском напуганного ребенка спросила Хелен. *Хорошо бы поскорее, потому что долго я не выдержу.*

— Никто из нас не выдержит, — сказал Джордж. — К тому же сейчас эта гадина...

Калиша предостерегающе мотнула головой, и Джордж продолжил мысленно. У него получалось с трудом, по крайней мере пока, но суть Калиша уловила. И остальные уловили. Сейчас эта гадина миссис Сигсби целиком занята Люком. И Стэкхаус тоже. Все в Институте думают только о Люке, потому что он сбежал. Они растеряны и напуганы. Другого такого удачного случая не будет.

Губы Никки тронула улыбка.

Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Как? — спросила Айрис. — Как сделать?

Авери: *Кажется, я знаю, но нам нужны Хэл, Донна и Лен.*

— Ты уверен? — спросила Калиша и добавила: — Они уже почти ничего не соображают.

— Я их приведу, — сказал Никки, вставая. Он улыбался. *Авестер прав. Чем нас больше, тем лучше.*

Калиша слышала его мысленный голос четче прежнего. Это он стал лучше транслировать или она — лучше воспринимать?

И то и другое, ответил Авери. Он тоже улыбался. *Потому что теперь мы делаем это для себя.*

Да, подумала Калиша. Потому что теперь они делают это для себя. Им не нужно быть безмозглыми куклами чревоушателя. Какое простое и в то же время неожиданное открытие: когда делаешь что-то для себя, это придает тебе силы.

14

Примерно в то время, когда мокрого, дрожащего Авери катили в кресле по служебному туннелю между Ближней и Дальней половинами, институтский «Челленджер» (с надписью «940NF» на хвосте и «МЭН ПЕЙПЕР ИНДА-

СТРИЗ» на фюзеляже) вылетел из города Эри, штат Пенсильвания, теперь уже с полной группой захвата на борту. Как раз когда самолет достиг крейсерской высоты и взял курс на городок Алколу, Тим Джемисон и Венди Галликсон ввели Люка в управление шерифа округа Фэрли.

Много разных шестерен вращалось в одном и том же механизме.

— Это Люк Эллис, — сказал Тим. — Люк, познакомься с помощниками шерифа Фарадеем и Уиклоу.

— Очень приятно, — без особого энтузиазма произнес Люк.

Билл Уиклоу разглядывал синяк у него на физиономии и перевязанное ухо.

— Надеюсь, ты своего противника так же отметелил?

— Долгая история, — вмешалась Венди, не дав Люку ответить. — Где шериф Джон?

— В Даннинге, — сказал Билл. — У него там мать в доме престарелых. Она... ну, сами понимаете. — Он покрутил пальцем у виска. — Обещал быть часам к пяти, если только у нее не случится просветление. Тогда ему придется остаться и пообедать с ней. — Билл глянул на Люка, избитого мальчишку в грязной одежде, на котором разве что не было таблички «СБЕЖАЛ ИЗ ДОМА». — Что-то срочное?

— Хороший вопрос, — ответил Тим. — Тэг, ты нашел сведения, которые просила Венди?

— Ага, — кивнул тот, которого звали Фарадеем. — Если хочешь услышать, пойдем в кабинет шерифа Джона.

— Незачем, — сказал Тим. — Вряд ли ты расскажешь что-нибудь такое, чего Люк еще не знает.

— Ты уверен?

Тим глянул на Венди (та кивнула) и на Люка (тот пожал плечами).

— Да.

— Ладно. Родители этого мальчика, Герберт и Айлин Эллис, были убиты у себя дома примерно семь недель назад. Застрелены в спальне.

Люк почувствовал себя так, будто сознание отделилось от тела. Именно такое ощущение было, когда возникали точки. Он преодолел два шага до вращающегося кресла перед столом дежурного и рухнул на сиденье. Кресло откатилось назад и опрокинулось бы вместе с ним, если бы раньше не врезалось в стену.

— Люк, ты как? — спросила Венди.

— Плохо. Нормально. Насколько возможно. Эти институтские гады — доктор Хендрикс, миссис Сигсби и зрители — говорили, что у моих родителей все хорошо, просто отлично, но я знал, что их убили, даже до того, как посмотрел в компьютере. Я знал, и все равно это... ужасно.

— У тебя там был *компьютер*? — удивилась Венди.

— Да. В основном для игрушек или чтобы посмотреть на «Ютьюбе» музыкальные видео. Всякую такую ерунду. Новостные сайты были заблокированы. Я нашел обход. Вообще-то меня застукали бы, если бы мониторили мои поисковые запросы, но они там попросту расслабились. Утратили бдительность. Иначе бы я не сбежал.

— Что он такое несет? — спросил помощник Уиклоу.

Тим мотнул головой, по-прежнему пристально глядя на Тэга.

— Ты ведь не в полиции Миннеаполиса эти сведения раздобыл?

— Нет, но не потому, что ты велел к ним не обращаться. Шериф Джон решит, с кем связываться и когда. Такой здесь порядок. А для начала и в «Гугле» есть предостаточно. — Уиклоу посмотрел на Люка с некоторой долей подозрения. — Он числится в национальной базе пропавших детей, и о нем полно сообщений в миннеаполисской «Стар трибьюн» и сент-полской «Пайонир пресс». Если верить газетам, он, типа, как вундеркинд.

— Верю, — кивнул Билл. — Он знает много умных слов.

Я здесь, подумал Люк. Вы говорите так, будто меня здесь нет.

— Полиция не называет его подозреваемым, — продолжал Тэг, — по крайней мере в газетных сообщениях, но они, безусловно, хотели бы его допросить.

— Еще бы, — сказал Люк. — И, думаю, первым вопросом будет: «Где ты раздобыл пушку?»

— Это ты их убил, малыш? — Билл задал вопрос спокойно, словно от нечего делать. — Скажи правду, сынок. Это пойдет тебе на пользу.

— Нет. Я люблю своих родителей. Убийцы — воры, и я знаю, зачем они приходили. Меня украли не потому, что у меня тысяча пятьсот восемьдесят баллов по SAT, и не потому, что я решаю в уме комплексные уравнения или знаю, что Харт Крейн* покончил с собой, спрыгнув с корабля в Мексиканский залив. Моих маму и папу убили, а меня похитили, потому что я иногда могу взглядом погасить свечу или сбросить на пол поднос для пиццы в «Рокет-пицце». *Пустой* поднос. Полный бы и с места не сдвинулся. — Люк посмотрел на Тима с Венди и хохотнул. — Из меня бы даже самый паршивый ярмарочный фокусник не получился.

— Не вижу тут ничего смешного, — нахмурился Тим.

— Я тоже, — ответил Люк, — и все равно иногда смеюсь. Мы с моими друзьями Калишей и Ником много смеялись, несмотря ни на что. Долгое выдалось лето. — На сей раз он не рассмеялся. — Вы даже не представляете, какое долгое.

— Думаю, тебе не мешало бы отдохнуть, — сказал Тим. — Тэг, у тебя в камерах кто-нибудь есть?

— Никого.

— Отлично. Тогда...

Люк встревоженно попятился:

— Нет. Ни за что.

Тим вскинул руки:

— Никто не собирается тебя запирать. Оставим дверь широко открытой.

* Харт Крейн (1899–1932) — американский поэт.

— Нет. Пожалуйста, не надо. Пожалуйста, не отправляйте меня в камеру.

Тревога переросла в панику, и впервые Тим хотя бы отчасти поверил в рассказ мальчика. Про экстрасенсорику, конечно, все чушь, но такое выражение лица Тим видел в бытность полицейским. Так затравленно вели себя дети, испытывавшие жестокое обращение.

— Ладно, а как насчет дивана в приемной? — предложила Венди. — Жесткий, но терпимо. Я сама иногда на нем дремлю.

Тим никогда не видел, чтобы она дремала на диване, однако мальчишку ее слова определенно успокоили.

— Хорошо. Мистер Джемисон... Тим... флешка ведь по-прежнему у вас?

Тим вынул флешку из нагрудного кармана и показал:

— Вот она.

— Отлично. — Люк пошел к дивану. — И было бы замечательно, если бы вы узнали, где тот мистер Холлистер. Я почти уверен, что он — дядя.

Тэг и Билл устремили на Тима одинаковые вопросительные взгляды. Тим тряхнул головой.

— Люди, которые за мной следят, — объяснил Люк. — Они притворяются моими родственниками либо просто друзьями семьи. — Он заметил, как Тэг с Биллом разом закатили глаза, и снова улыбнулся, устало и трогательно. — Да, я знаю, как это звучит.

— Венди, может быть, отведешь коллег в кабинет шерифа Джона и перескажешь им то, что мы слышали от Люка? Я побуду здесь.

— Вот именно, — сказал Тэг. — Пока шериф Джон не вручил тебе жетон, ты всего лишь ночной обходчик.

— Принято к сведению, — ответил Тим.

— Что на флешке? — поинтересовался Билл.

— Не знаю. Когда придет шериф, посмотрим вместе.

Венди провела обоих помощников в кабинет шерифа Эшворта и закрыла дверь. До Тима донесся гул голосов. Обычно в это время он спал, но сейчас сна не было ни

в одном глазу. Он не чувствовал себя таким бодрым лет сто — наверное, с тех пор, как ушел из сарасотской полиции. Ему хотелось знать, что кроется за дикой историей, которую рассказывает мальчишка, и где тот был, и что произошло на самом деле.

Он налил себе кофе из кофемашины в углу, взял чашку и уселся в кресло дежурного. Мальчик то ли заснул, то ли исключительно ловко притворялся спящим. Под влиянием странного порыва Тим взял каталог дюпрейских учреждений и позвонил в мотель. Трубку никто не взял. Холлистер, похоже, так и не вернулся в свою крысиную нору. Что, разумеется, ровным счетом ничего не значило.

Тим положил трубку, достал из кармана флешку и принялся ее рассматривать. Скорее всего она тоже ничего не значила, но, как не преминул напомнить Тэг Фарадей, судить об этом мог только шериф Эшворт. Ладно, можно подождать.

А пока пусть мальчик выспится. Если он и правда приехал на товарняке из самого Мэна, сон ему не мешает.

15

«Челленджер» с одиннадцатью пассажирами — миссис Сигсби, Тони Фицале, Вайнона Бриггс, доктор Эванс и совмещенные Рубиновая и Опаловая группы — сел в Алколу в четверть шестого. Для краткости переговоров со Стэкхаусом эти одиннадцать человек именовались теперь Золотой группой. Денни Уильямс из Рубиновой и Луи Грант из Опаловой остались в самолете заниматься весьма специфическим багажом Золотой группы. Несмотря на одуряющую жару, миссис Сигсби прямо со взлетной полосы позвонила по мобильному на свой рабочий телефон. Розалинда сняла трубку и переключила ее на Стэкхауса.

— Есть что-нибудь... — начала она и тут же умолкла, пропуская пилота и второго пилота.

Те прошли, не сказав ни слова. Один был бывший военный летчик, другой — из ВВС Нацгвардии, и оба, в точности как фашистские охранники из старого ситкома «Герои Хогана»*, ничего не видели и ничего не слышали. Их дело маленькое: забрать и доставить.

Как только они ушли, она спросила Стэкхауса, есть ли новости от их человека в Дюпрее.

— Есть. Эллис, когда прыгал с поезда, ушибся головенкой. Впечатался в светофор. Мгновенная смерть от субдуральной гематомы устранила бы значительную часть наших проблем, но Холлистер говорит, Эллис даже сознания не потерял. Оператор автопогрузчика увидел его, отвел на склад рядом с путями, вызвал местного костоправа. Тот пришел. Чуть позже заявила помощница шерифа. Она и оператор автопогрузчика увели нашего мальчика в участок. Ухо, в котором было следящее устройство, перебинтовано.

Денни Уильямс и Луи Грант показались из самолета, держа за два конца длинный стальной ящик, стащили его вниз по трапу и занесли в здание.

Миссис Сигсби вздохнула:

— Что ж, этого следовало ожидать. Да мы, собственно, и ожидали. Городок ведь маленький? С маленьким полицейским участком?

— В глуши, — согласился Стэкхаус. — И это хорошая новость. Причем не последняя. Наш человек говорит, у шерифа старый большой серебристый пикап «титан», и его сейчас нет ни рядом с участком, ни на стоянке муниципальных служащих. Так что Холлистер зашел в ближайший магазинчик. Он говорит, работающие там арабы — его слово, не мое — знают про всех все. Араб за прилавком сказал, что шериф купил пачку сигарилл и по-

* Американский комедийный сериал, выходивший в 1965—1971 гг., об американских военных в немецком концлагере во время Второй мировой войны.

ехал к матери, которая не то в доме престарелых, не то в хосписе в соседнем городке. А до соседнего городка миль тридцать.

— И почему же это хорошая новость? — Миссис Сигсби подергала ворот блузки, обмахивая шею.

— Нет твердой уверенности, что копы в городишке с одним светофором будут точно следовать протоколу, но если будут, то просто задержат мальчишку до возвращения большого босса. Пусть тот решает, как быть дальше. Сколько времени у вас займет дорога?

— Два часа. Можно доехать быстрее, но у нас столько маменькиных помощников, что не стоит превышать скорость.

— Правильно, — сказал Стэкхаус. — Послушайте, Джулия. Дюпрейские копы могут связаться с миннеаполискими в любой момент. Может быть, уже связались. Это ничего не меняет, вы же понимаете?

— Конечно.

— Как замечать следы, будем думать потом. Сейчас надо просто разобраться с нашим маленьким любителем путешествий.

«Разобраться» означало убить. Эллиса и любого, кто станет у них на пути. Чтобы замести такие следы, придется звонить по Нулевому телефону. Но если она сообщит мягкому, пришепетывающему голосу в трубке, что главная проблема решена, то, возможно, сумеет сохранить себе жизнь. Не исключено, что даже работу. Впрочем, с работой уж как получится, лишь бы остаться в живых.

— Я знаю, что делать, Тревор.

Она дала отбой и зашла в здание. Кондиционированный воздух в маленьком зале ожидания наотмашь ударил по вспотевшему лицу. Денни Уильямс стоял у входа.

— Все готово? — спросила миссис Сигсби.

— Да, мэм. Оттянемся по полной программе. Приму командование, когда скажете.

Во время перелета из Эри миссис Сигсби изучала маршрут на своем айпаде.

— Мы ненадолго остановимся на выезде сто восемьдесят один. Там я и передам вам командование операцией. Годится?

— Вполне.

Остальные стояли снаружи. На парковке не было черных джипов с тонированными стеклами, только три семейных минивэна неприметных цветов: синий, зеленый и серый. Сиротка Энни была бы разочарована.

16

За развязкой на выезде 181 Золотая группа очутилась практически в чистом поле. Автозаправка, «Ваффл-Хаус», и ничего больше; до ближайшего городка, Латта, двенадцать миль. В пяти минутах от «Ваффл-Хауса» миссис Сигсби, которая сидела в первой машине, велела Денни остановиться за ресторанчиком, который, судя по виду, разорился примерно в начале президентского срока Обамы. Даже щит с надписью: «УЧАСТОК СДАЕТСЯ В АРЕНДУ. СТРОИТЕЛЬСТВО ПОД ЗАКАЗ АРЕНДАТОРА», — выглядел заброшенным.

Стальной ящик, который Луи и Денни вынесли из самолета, открыли, и Золотая группа вооружилась. Семь членов Рубиновой и Опаловой команд получили 37-е «глоки», которые всегда брали на выезды. Такой же выдали Тони Фиццале. Денни с удовольствием наблюдал, как тот сразу отвел затвор и убедился, что в патроннике нет патрона.

— Кобура бы не помешала, — заметил Тони. — Не хочу засовывать его за пояс, словно какой-нибудь мексиканский бандюган.

— Пока что сунь его под сиденье, — сказал Денни.

Миссис Сигсби и Вайнона Бриггс получили «зиг-зауэр Р238», достаточно маленькие, чтобы их можно было

убрать в дамскую сумку. Когда Денни предложил такой же доктору Эвансу, тот поднял руки и попятился. Том Джонс из Опаловой группы нагнулся к переносному арсеналу и вытащил две автоматические винтовки «ХК37».

— Может, такой, доктор? Магазин на тридцать патронов, убивает корову через стену хлева. А еще светомушкетерские гранаты есть.

Эванс замотал головой:

— Заявляю протест. Я здесь против своей воли. Если вы намерены убить мальчика, я вообще не понимаю, зачем я вам.

— Засуньте свой протест себе в жопу, — сказала Элис Грин, тоже из Опаловой группы.

Остальные рассмеялись — тем резким, чуть истерическим смехом, какой бывает лишь перед операциями, в которых ожидается перестрелка.

— Хватит, — оборвала их миссис Сигсби. — Доктор Эванс, вполне возможно, мы возьмем мальчика живым. Денни, у вас в планшете есть карта Дюпрея?

— Да, мэм.

— Тогда с этого момента вы командуете операцией.

— Очень хорошо. Давайте все ко мне, ребята. Вы тоже, доктор. Не дрейфите.

В дрожащем от жары воздухе все сгрудились вокруг Денни Уильямса. Миссис Сигсби глянула на часы. Четверть седьмого. До цели еще час или чуть больше. Они идут с небольшим отставанием от графика, впрочем, вполне приемлемым, учитывая, что все пришлось организовывать на ходу.

— Вот центр Дюпрея, — сказал Денни Уильямс. — Всего одна главная улица. Вот управление окружного шерифа, между муниципалитетом и «Тысячей мелочей».

— Что за «Тысяча мелочей»? — спросил Джош Готфрид из Опаловой группы.

— Вроде хозяйственного, — ответила Робин Лекс.

— Больше похоже на старые «Все по десять центов», — вставил Тони Фиццале. — Я десять лет прожил в Алаба-

ме, когда служил в армейской полиции, и скажу вам, эти южные городки такие, будто отправился в машине времени на пятьдесят лет назад. Если не считать «Уол-мартов». Они теперь почти в каждом городишке есть.

— Отставить разговоры, — скомандовала миссис Сигсби и кивнула Денни, чтобы тот продолжал.

— Собственно, это почти все, — сказал Денни. — Машины ставим здесь, за неработающим кинотеатром. Источник миссис Сигсби подтвердил, что наша цель по-прежнему в полицейском участке. Мы с Мишель изобразим супружескую пару, поехавшую в отпуск по мало-посещаемым городкам американского юга...

— Психов, короче, — заметил Том, вызвав новый взрыв того же нервного смеха.

— Пройдемся не спеша по улице, оценим обстановку...

— Держась за руки, мы же такие влюбленные голубки. — Мишель Робертсон взяла Денни за руку и улыбнулась ему с робким обожанием.

— А не безопаснее будет, если обстановку проверит местный агент? — спросил Луи Грант.

— Я его не знаю и потому не доверяю его разведдан-ным. К тому же он штатский, — ответил Денни.

Он глянул на миссис Сигсби, та кивнула, чтобы он продолжал.

— Может быть, мы зайдем в участок и спросим до-рогу. Может, нет. Решим на месте. Надо понять, сколько там полицейских и где они. Потом... — Он пожал плечами. — Проведем захват. Если будет перестрелка, чего не жду, ликвидируем мальчишку на месте. Если не будет, возьмем живым. Проще замести следы, если это будет выглядеть как похищение.

Покуда Денни объяснял остальным, где будет ждать «Челленджер», миссис Сигсби позвонила Стэкхаусу узнать последние новости.

— Только что говорил с нашим приятелем Холлисте-ром, — сказал тот. — Шериф подъехал к участку минут

пять назад. Сейчас его знакомят с нашим маленьким путешественником. Надо пошевеливаться.

— Да. — Миссис Сигсби ощутила, как в животе и паху все напряглось. Это было отчасти даже приятно. — Позвоню, когда все закончится.

— Давайте, Джулия. Вытащите нас из этой задницы. Она отключилась.

17

Шериф Эшворт вернулся в Дюпрей примерно в двадцать минут седьмого. В тысяче четырехстах милях к северу отупелые дети складывали сигареты и спички в корзинки на входе в кинозал, где им предстояло смотреть фильм с проповедником мегацеркви и другом многих влиятельных политиков в главной роли.

Шериф, уперев руки в мощные бедра, с порога оглядел помещение и увидел, что все его люди на месте, за исключением Ронни Гибсон, которая отдыхала в сент-питерсбургском таймшере своей матери. Тим Джемисон тоже был здесь.

— Всем привет. Вряд ли вы собрались, чтобы устроить мне сюрприз, поскольку сегодня не мой день рождения. А это еще кто? — Шериф указал на мальчика, который спал в маленькой приемной. Люк свернулся калачиком, насколько позволяла ширина дивана. Эшворт посмотрел на Тэга Фарадея, замещавшего его на время отсутствия. — И кстати, кто его отметелил?

Вместо ответа Тэг повернулся к Тиму и сделал жест, будто пропускал его вперед.

— Его зовут Люк Эллис, и никто его здесь не бил, — сказал Тим. — Мальчик прыгнул с товарняка и врезался в светофор. От этого синяки. С ухом так: он говорит, его похитили и вживили ему в ухо следящее устройство. По его словам, он отрезал себе мочку, чтобы избавиться от устройства.

— Ножом для овощей, — добавила Венди.

— Его родители умерли. Убиты, — сказал Тэг. — Тут он, по крайней мере, не врет. Я проверил. Это случилось в Миннесоте.

— Но место, откуда он сбежал, в штате Мэн, — вставил Билл Уиклоу.

Мгновение Эшворт молчал, по-прежнему упираясь руками в мощные бедра, затем перевел взгляд со своих помощников и ночного обходчика на мальчишку. Люк спал как убитый, несмотря на то что рядом разговаривали. Наконец шериф Джон вновь посмотрел на полицейских:

— Я начинаю жалеть, что не остался обедать с мамой.

— Как она? Плохо? — спросил Билл.

Шериф Джон оставил вопрос без ответа.

— Допустим, все разом обкуриться вы не могли. Так будьте добры, расскажите мне по порядку.

— Сядьте, — предложил Тим. — Я введу вас в курс дела, а затем, думаю, можно будет посмотреть вот это. — Он положил флешку на стол дежурного. — Тогда и решите, что делать дальше.

— И, возможно, вы сочтете нужным позвонить в миннеаполисскую полицию либо в полицию штата в Чарлстоне, — добавил помощник Баркетт. — Или и туда и туда. — Он кивнул на Люка. — Пусть они думают, как с ним быть.

Эшворт сел.

— Беру свои слова назад. Все-таки хорошо, что я вернулся пораньше. Это интересно, верно?

— Очень, — сказала Венди.

— Вот именно. Тут, как правило, ничего интересного не происходит, так что разнообразие нам не помешает. Миннеаполиссские копы считают, что он пришел своих родителей?

— Газетчики на это намекают, — сказал Тэг, — хотя очень осторожно, он же несовершеннолетний и все такое.

— Он страшно умный, — заметила Венди, — но в остальном вроде бы славный мальчуган.

— Хм-хм, славный он или нет, разбираться будут другие, а сейчас у меня просто разыгралось любопытство. Билл, поставь на место табельные часы, пока не сломал, и принеси мне из кабинета колы.

18

Пока Тим пересказывал шерифу Эшворту историю, которую они с Венди услышали от Люка, а Золотая команда приближалась к хардивиллской развязке магистрали I-95, где им предстояло свернуть к Дюпрею, Ник сгонял детей из кинозала в маленькую комнату отдыха Дальней половины.

Некоторые дети держались на удивление долго, вот Джордж Айлз, например. Некоторые начинали рассыпаться почти сразу — похоже, именно это происходило с Айрис Стэнхоуп. На этот раз у нее не наступило того, что дети на Дальней половине называли «отскоком», — короткой передышки от головной боли после кино. Глаза у девочки были пустые, рот открыт. Она стояла у стены, опустив голову, волосы падали ей на лицо. Хелен подошла и обняла ее за плечи. Айрис этого словно не заметила.

— Что мы здесь делаем? — спросила Донна. — Я хочу к себе в комнату, спать. Ненавижу киношные вечера.

Она говорила плаксиво и раздраженно, однако по крайней мере понимала, кто она и где находится. Джимми и Хэл вроде бы тоже. Они выглядели осоловелыми, но не такими раздавленными, как Айрис.

Кино больше не будет, сказал Авери. *Никогда.*

Его голос у Калиши в голове звучал громче обычного, и для нее это почти однозначно доказывало, что вместе они и правда сильнее.

— Смелое предсказание, — заметил Никки. — Особенно от такого мелкого сопляка, как ты, Авестер.

Хэл и Джимми улыбнулись этим словам, а Кэти даже хихикнула. Только Айрис смотрела в никуда и отрешенно чесала у себя в паху. Лен уставился в телевизор, хотя там ничего не шло. Калиша подумала, что он, наверное, разглядывает свое отражение.

У нас мало времени, сказал Авери. Скоро кто-нибудь придет разогнать нас по комнатам.

— Наверное, Коринна, — предположила Калиша.

— Ага, — согласилась Хелен. — Сучья ведьма Запада*.

— И что нам делать? — спросил Джордж.

На мгновение Авери как будто опешил, и Калиша испугалась. Потом мальчик, который сегодня утром думал, что его жизнь окончится в баке с водой, протянул руки.

— Беритесь за меня, — сказал он. *Встанем в круг.*

Все, за исключением Айрис, прошаркали к нему. Хелен Симмс взяла Айрис за плечи и направила в составленный другими неровный кружок. Лен с большим сожалением оглянулся через плечо на телевизор, затем со вздохом тоже протянул руку.

— А, пофиг.

— Правильно, пофиг, — сказала Калиша. — Терять нам нечего.

Левой рукой она взяла правую руку Лена, а правой — левую руку Никки. Айрис присоединилась к ним последней и, взявшись за руки с Джимми Куллумом и Хелен, вдруг резко вскинула голову.

— Где я? Что мы делаем? Кино закончилось?

— Тс-с, — шикнула Калиша.

— У меня голова не так сильно болит!

— Хорошо. А теперь тихо.

Остальные подхватили:

Тс-с... тс-с... Айрис, тс-с.

Каждое следующее «тс-с» звучало громче. Что-то менялось. Что-то *нарастало*.

* Злая ведьма Запада — персонаж «Волшебника из страны Оз» Фрэнка Баума, в русском варианте Волкова — Бастинда.

Рычаги, подумала Калиша. *Вот рычаги, Авери.*

Он кивнул ей с противоположной стороны круга.

Это была еще не сила, пока еще не сила, и Калиша знала, как опасно принимать это за силу, однако *потенциал* силы уже чувствовался. Будто вдыхаешь воздух за мгновение до того, как разразится мощнейшая летняя гроза.

— Ребята? — робко проговорил Лен. — У меня голова прояснилась. Уж и не помню, когда она последний раз была такой ясной. — Он почти в панике посмотрел на Калишу. — Не бросай меня, Ша!

Все хорошо, мысленно передала она ему. *Тебе ничего не угрожает.*

Это было неправдой. Опасность угрожала им всем.

Калиша знала, что будет дальше, что должно произойти дальше, и боялась этого. Боялась и в то же время хотела. Даже не просто хотела. Жаждала всей душой. У них в руках взрывчатка, и все может закончиться плохо, однако у Калиши было чувство, что это правильно.

Авери заговорил тихо и четко:

— Думайте. Думайте вместе со мной, ребята.

Его мысль и вызванный ею образ тоже были четкими. К нему присоединился Никки. Потом Кэти, Джордж и Хелен. И Калиша. И все остальные. Они скандировали, как в конце кино.

Думай о бенгальском огне. Думай о бенгальском огне. Думай о бенгальском огне.

Появились точки, более яркие, чем обычно. Послышался гул, громкий, как никогда. Возник бенгальский огонь, рассыпающий искры.

И внезапно их стало не одиннадцать, а двадцать восемь.

Зажигание, подумала Калиша. Ее охватил страх. И ликование. И ощущение внутренней чистоты, почти святости.

О БОЖЕ МОЙ

19

Тим закончил пересказывать историю Люка. Некоторое время шериф Эшворт молча сидел в кресле дежурного, сцепив пальцы на объемистом животе. Потом взял флешку, поглядел на нее, будто впервые видел такое устройство, и положил обратно.

— Он не знает, что на ней? Так он тебе сказал, да? Просто получил ее от экономки вместе с ножом, которым провел себе операцию на ухе?

— Да, по его словам — так.

— Пролез под оградой, прошел через лес, спустился в лодке по реке, совсем как Гек и Джим, а потом проехал на товарняке большую часть Восточного побережья.

— Если ему верить, то да, — сказала Венди.

— Что ж, увлекательная история. Мне особенно понравилось про телепатию и воздействие мыслью на физические предметы. Похоже на то, что рассказывают старухи на своих посиделках — про кровавые дожди и чудодейственные свойства воды, скопившейся в старых пнях. Венди, разбуди мальчика. Поласковой. Что бы с ним ни произошло на самом деле, видно, что он здорово натерпелся. Но я хочу смотреть эту штуку вместе с ним.

Венди прошла через комнату и потрясла Люка за плечо. Сперва чуть-чуть, потом посильнее. Он забормотал, застонал и попытался откатиться от нее. Она взяла его за руку.

— Ну же, Люк, открой глаза и...

Он вскочил так резко, что Венди попятилась. Глаза у Люка были открыты, но ничего не видели, волосы стояли торчком, словно иглы дикобраза.

— *Они что-то делают! Я видел бенгальский огонь!*

— Чего это он? — спросил Джордж Баркетт.

— Люк, — начал Тим, — все хорошо, тебе просто присни...

— *Убейте их!* — заорал Люк, и в отделении для задержанных с грохотом захлопнулись двери всех четырех камер. — *Уничтожьте гадов!*

Бумаги стайкой перепуганных птиц взлетели со стола дежурного. Тим ощутил, как мимо него пронесся поток воздуха, достаточно сильный, чтобы взъерошить волосы. Венди тихонько вскрикнула. Шериф Джон поднялся на ноги.

Тим разок сильно встряхнул Люка:

— Проснись, Люк, *проснись!*

Порхавшие по комнате бумаге упали на пол. Все полицейские, включая шерифа Джона, смотрели на Люка, открыв рот.

Люк размахивал руками перед лицом.

— Прочь! — бормотал он. — Подите прочь!

— Хорошо, — сказал Тим и выпустил его плечо.

— Я не вам, я точкам. Штази-о... — Люк выдохнул и провел рукой по грязным волосам. — Все. Исчезли.

— Это ты сделал? — спросила Венди, указывая на разбросанные бумаги. — Ты правда это сделал?

— Что-то тут безусловно похозяйничало, — заметил Билл Уиклоу. Он смотрел на табельные часы ночного обходчика. — Стрелки крутились... как сумасшедшие... а теперь встали.

— Они что-то делают, — сказал Люк. — Мои друзья. Я это чувствую даже здесь. Как такое может быть? Господи, моя голова!

Эшворт подошел к нему и протянул руку. Тим отметил, что другая его рука лежит на рукояти пистолета в кобуре.

— Я шериф Эшворт, сынок. Пожмешь мне руку?

Люк пожал.

— Отлично. Хорошее начало. А теперь говори правду. Это все сейчас ты сделал?

— Не знаю, я или они, — ответил Люк. — Не знаю, как это могут быть они, на таком расстоянии, но сам бы я так не смог. В жизни ничего такого не вытворял.

— Ты у нас спец по подносам от пиццы. Пустым, — сказала Венди.

Люк слабо улыбнулся:

— Да. А вы видели огоньки? Кто-нибудь видел? Такие точки цветные.

— Я видел только порхающие бумаги, — объявил шериф Джон. — И слышал, как захлопнулись двери камер. Фрэнк, Джордж, подберите это все с пола, хорошо? Венди, дай мальчику аспирин. Мы посмотрим, что на этой маленькой компьютерной штучке.

Люк сказал:

— Сегодня вечером ваша мама говорила только про свои заколки. Она все время повторяла, что кто-то крадет ее заколки.

У шерифа Джона отвалилась челюсть:

— Как ты это узнал?

Люк мотнул головой:

— Без понятия. В смысле, даже не пытаюсь понять. Господи, хотел бы я знать, что они делают. И хотел бы я быть с ними.

Тэг сказал:

— Я вот думаю, может, он и не все выдумал.

— Я хочу посмотреть флешку. Немедленно, — произнес шериф Эшворт.

20

Первым делом они увидели старое кресло у стены, на которой висела старинная литография с изображением парусного корабля. Затем в кадре появилось женское лицо.

— Это она, — сказал Люк. — Морин, та женщина, которая помогла мне убежать.

«Запись идет? — спросила Морин. — Огонек горит, значит, наверное, и запись идет. Надеюсь. Потому что вряд ли я найду в себе силы сделать это дважды».

Ее лицо исчезло с экрана ноутбука, перед которым сидели полицейские. Тим испытал нечто сродни облегчению — так хотя бы не было ощущения, что женщину запахнули в аквариум.

Голос стал чуть тише, но остался различимым.

«Впрочем, если придется записывать снова, я запишу».

Она села в кресло и одернула на коленях подол юбки в цветочек. Сверху на ней была красная блузка. Люк, видевший Морин только в форме, подумал, что сочетание красивое, но даже яркие цвета не могут скрыть худобу ее осунувшегося лица.

— Прибавьте громкость, — сказал Фрэнк Поттер. — Ей надо было микрофон на одежду прицепить.

Морин произнесла что-то еще. Тэг отмотал назад, увеличил громкость и снова пустил запись. Морин вернулась в кресло и снова одернула подол юбки. Потом заговорила прямо в камеру.

«Люк?»

От неожиданности он чуть не ответил, однако она продолжила без паузы, и следующие ее слова вонзились ему в сердце ледяным ножом. Хотя на самом деле он знал. Так же, как без всякой «Стар трибьюн» знал о своих родителях.

«Если ты это смотришь, значит, ты выбрался, а меня уже нет в живых».

Помощник шерифа по фамилии Поттер сказал что-то другому по фамилии Фарадей. Люк их не слушал. Он полностью сосредоточился на женщине, которая была его единственным взрослым другом в Институте.

«Я не стану рассказывать всю историю моей жизни, — продолжала мертвая женщина в кресле. — Времени не хватит, да оно и к лучшему, потому что мне стыдно почти за все. Только за сына не стыдно. Я горжусь тем, каким он вырос. Он будет учиться в университете и никогда не узнает, что деньги прислала я. Так правильно, и так должно быть, раз уж я его бросила. Без твоей помощи, Люк, я лишилась бы этих денег и своего шанса загладить вину

перед сыном. Теперь я попытаюсь загладить вину перед тобой».

Она на миг умолкла, очевидно, собираясь с духом.

«Про одно я все-таки расскажу, потому что это важно. Я была в Ираке во время Второй войны в Персидском заливе и была в Афганистане, и я участвовала в том, что называют допросами с пристрастием».

Для Люка ее спокойная, правильная речь — без эканья и меканья, без «ну» и «это» — стала неожиданностью. Ему сделалось грустно и даже немножко неловко. Морин казалась гораздо умнее, чем во время их разговоров возле машины для льда. Она нарочно разыгрывала дурочку? Возможно. А скорее всего он просто видел женщину в коричневой форме экономки и воспринимал ее как обслугу.

То есть человека низшего сорта, подумал Люк и сообразил, что слово «неловко» слишком слабо для описания его чувств. На самом деле ему было стыдно.

«Я видела пытки водой, видела, как мужчины... и женщины тоже стояли в воде с электродами, подведенными к пальцам или вставленным в прямую кишку. Я видела, как вырывают клещами ногти. Видела, как человеку прострелили коленную чашечку за то, что он плюнул следователю в лицо. Поначалу я была в ужасе, потом привыкла. Иногда это были люди, ставившие растяжки, на которых взрывались наши ребята, или отправлявшие шахидов на людные рынки, и тогда я радовалась. А по большей части я была... сейчас вспомню слово...»

— Десенсибилизирована, — сказал Тим.

«Десенсибилизирована», — сказала Морин.

— Господи, такое чувство, будто она тебя услышала, — проговорил Баркетт.

— Тс-с, — шикнула Венди, и Люка передернуло, словно он слышал этот звук раньше, секунду назад. Он вновь сосредоточился на экране ноутбука.

«...не принимала участия после первых двух или трех раз, потому что мне дали другую работу. Когда заклю-

ченные отказывались отвечать на вопросы, я была доброй женщиной-сержантом, которая приходит и дает им воды или украдкой вынимает из кармана какую-нибудь еду, шоколадку или печенье. Я говорила, что следователи ушли на обеденный перерыв и микрофоны выключены. Что мне их жалко и я хотела бы им помочь. Что если они не станут отвечать на вопросы, их убьют, хоть это и запрещено законом. Я не говорила, что это против Женевской конвенции, потому что они по большей части про нее не слышали. Я уверяла, что если они не станут отвечать на вопросы, то убьют их близких, а мне этого очень не хочется. Обычно уловка не работала — заключенные о ней догадывались, — но иногда следователь возвращался, и заключенный выкладывал ему все — то ли потому, что поверил мне, то ли потому, что хотел поверить. Иногда они рассказывали что-то мне, потому что были дезориентированы... и потому что мне доверяли. Да простит меня Бог, у меня очень честное лицо».

Я знаю, почему она мне это говорит, подумал Люк.

«Как я попала в Институт? Для усталой, больной женщины это слишком долгий рассказ. Если совсем коротко, то ко мне пришли. Не миссис Сигсби, Люк, и не мистер Стэкхаус. И не правительственный агент. Старик. Назвался рекрутером. Спросил, не нужна ли мне работа после окончания срока. Легкая работа, сказал он, — для человека, который умеет держать рот на замке. Я думала возобновить контракт, однако этот вариант представлялся более удачным. Тем более что тот человек сказал, там я буду помогать своей стране куда больше, чем в пустыне. В общем, я согласилась, и меня назначили экономкой. Меня это вполне устроило. Я знала, что происходит в Институте, но поначалу меня и это устраивало, поскольку я понимала, ради чего все делается. Оно было и к лучшему, потому что Институт — как мафия: если вступил, уже не уйдешь. Когда мне стало нечем платить по счетам мужа и я испугалась, что у меня отнимут деньги, собранные для моего мальчика, я попросила работу, которую

выполняла в армии. Миссис Сигсби и мистер Стэкхаус разрешили мне попробовать».

— Работу информатора, — пробормотал Люк.

«Это оказалось легко, как влезть в пару старых, разношенных туфель. Я проработала в Институте двенадцать лет, но осведомительницей была лишь последние месяцы шестнадцать, и под конец мне стало стыдно за то, чем я занимаюсь. И не только за доноительство. Я была десенсибилизированной в Ираке и в Афганистане, и я оставалась десенсибилизированной в Институте, однако постепенно это сошло, как сходит краска с автомобиля, если ее не подновлять. Мы имели дело с детьми. С детьми, хотевшими доверять доброму взрослому. Они никого не взрывали. Это их жизнь взрывали. Наверное, я сумела бы и дальше с этим мириться. Если быть честной... а мне уже поздно врать... вероятно, сумела бы. Однако тут я заболела, а потом встретила тебя, Люк. Ты мне помог, но я помогла тебе не поэтому. Во всяком случае, не только поэтому. Главная причина в другом. Я видела, какой ты умный, намного умнее других детей, намного умнее тех, кто тебя похитил. Я знала, что им нет дела до твоего ума, до твоего тонкого чувства юмора, до твоей готовности помочь больной старухе вроде меня, даже если тебе это грозит неприятностями. Для них ты был очередным винтиком в машине, который они используют и выбросят. Как сотни других до тебя. Тысячи, если брать с самого начала».

— Она сумасшедшая? — спросил Джордж Баркетт.

— Тихо! — рявкнул Эшворт. Он подался вперед, перегнувшись через свое объемистое пузо, и, не отрываясь, смотрел на экран.

Морин отпила воды и потеряла глубоко запавшие глаза. Больные глаза. Печальные. Глаза умирающей, подумал Люк, глядящие прямо в лицо вечности.

«Решение все равно было трудным, и не только из-за того, что они могли сделать со мной или с тобой, Люк. Трудным оно было потому, что я знала: если ты выбе-

решься, если тебя не поймают в лесу или на реке и ты найдешь кого-нибудь, кто тебе поверит... если ты преодолеешь все эти «если», то сумеешь вытащить на свет все, что происходило здесь лет пятьдесят-шестьдесят. Обрушить это на их головы».

Как Самсон в храме, подумал Люк.

Морин подалась вперед, глядя прямо в камеру. Прямо на него.

«И тогда, наверное, случится конец света».

21

Садящееся солнце превратило железнодорожные рельсы, идущие параллельно магистрали 92, в розоватые огненные полосы и словно прожектором высветило щит впереди:

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДЮПРЕЙ,
ШТАТ ЮЖНАЯ КАРОЛИНА
СТОЛИЦУ ОКРУГА ФЭРЛИ
НАСЕЛЕНИЕ 1369 ЧЕЛОВЕК
МЕСТО, ГДЕ ПРИЯТНО ГОСТИТЬ,
А ЖИТЬ ЕЩЕ ПРИЯТНЕЕ!**

Денни Уильямс остановил ведущую машину на грунтовой обочине. Другие остановились следом. Он поговорил с теми, кто был в его автомобиле — миссис Сигсби, доктором Эвансом, Мишель Робертсон, — затем подошел к двум другим машинам.

— Рации выключить, наушники снять. Мы не знаем, какие частоты прослушивают местные или федералы. Мобильные выключить. С этого момента операция автономна и останется таковой до нашего возвращения на аэродром.

Он прошел к первой машине, сел за руль и обратился к миссис Сигсби:

— Все в порядке, мэм?

— Да.

— Я заявляю протест, — повторил доктор Эванс.

— Заткнитесь, — ответила миссис Сигсби. — Денни, чего вы ждете?

Они въехали в округ Фэрли. По одну сторону шоссе тянулись поля, амбары и сосновые рощи, по другую — железная дорога и деревья за ней. До городка оставалось всего две мили.

22

Коринна Роусон болтала с Джейком «Змеем» Хоулендом и Филом «Мокрицей» Чаффитцем перед входом в кинозал. Работа на Дальней половине давалась ей легко; саму ее в детстве насиловал отец и двое из четверых старших братьев, так с какой стати она будет кого-то жалеть? Прозвище Коринна-Оплеуха тоже ничуть ее не огорчало. Девчонкой в трейлерном парке она получила немало оплеух и теперь их раздавала. К тому же ради высокой цели. Одни плюсы, как ни посмотри.

Конечно, работа на Дальней половине была не сахар. Например, Коринну раздражало, что голова все время забита лишней информацией. Она знала, что Фил хочет ее трахнуть, а Джейк — нет, потому что Джейк любит баб с огромными жопами и сиськами. И еще ей было известно, что оба знают: она ни одного из них не хочет, поскольку после семнадцати лет спит только с женщинами.

В кино телепатия кажется чем-то замечательным, но в реальной жизни это просто геморрой. Она сопровождается гулом, что уже паршиво. И ее эффект накапливается, что еще паршивей. Экономкам и уборщицам было легче, потому что они переходили из одной Половины в другую, а красные зрители работали только здесь, и нигде больше. Они делились на две команды, Альфа

и Бета, которые сменялись каждые четыре месяца. У Коринны как раз подходил к концу очередной четырехмесячный срок. Она планировала две недели провести в ближайшем поселке, восстановиться после Института, а затем поехать в Нью-Джерси. Там у нее были собственный дом и партнерша Андреа, убежденная, что Коринна работает в сверхсекретном военном проекте. Проект и впрямь был сверхсекретный, вот только не военный.

За две недели в поселке низкоуровневая телепатия ослабеет, а ко времени встречи с Андреа исчезнет совсем. Затем, в первые дни следующего четырехмесячного срока, начнет понемногу возвращаться. Умей Коринна испытывать сочувствие (эту способность из нее практически выбили к тринадцати годам), она бы жалела докторов Джеймс и Хэлласа. Они находились тут почти постоянно, а значит, почти все время слышали гул, и на них это заметно сказывалось. Коринна знала, что главный врач Института, доктор Хендрикс, прописал врачам Дальней половины уколы, которые вроде бы замедляют разрушение личности. Однако замедлить не значит остановить.

Хорас Келлер, смотритель в красном, с которым Коринна была в приятельских отношениях, говорил, что Хекл и Джек — высокофункциональные психи. Рано или поздно оба слетят с катушек, и тогда начальству придется искать новых врачей. Коринну это не тревожило. Ее дело — чтобы дети вовремя ели, вовремя расходились по своим комнатам (а что они там делают — не ее забота), не пропускали киносеансы и не нарушали правил. Если они нарушали правила, она отвешивала им оплеухи.

— Овощи чего-то беспокойные сегодня, — заметил Джейк-Змей. — Даже здесь слышно. Будем держать шокеры наготове, когда пойдем на восьмичасовую кормежку.

— К вечеру они всегда хуже, — сказал Фил. — Я не... Эй, что за фигня?

Коринна тоже почувствовала что-то странное. Они все привыкли к гулу, как привыкаешь к шумному холо-

дильнику или кондиционеру. Теперь он внезапно вырос до уровня, который им приходилось слышать только в кино вечера бенгальских огней. В кино вечера гул шел из-за крепко запертых дверей Палаты А, называемой также «Овощебаза». Сейчас он шел и с другой стороны. Из комнаты отдыха, куда дети пошли после сеанса. Сперва туда отправилась компания высокофункциональных, затем те, кого Коринна называла полуовощами.

— Что за фигню они там затеяли? — заорал Фил, хватаясь за голову.

Коринна бросилась в комнату отдыха, на ходу вытаскивая шокер. Джейк бежал за ней. Фил — возможно, более чувствительный к гулу, а может, просто напуганный — остался стоять, стискивая виски, как будто его мозг сейчас взорвется.

В комнате отдыха Коринна увидела детей, много детей. Даже Айрис Стэнхоуп, которая после сегодняшнего сеанса точно должна была отправиться на Овощебазу, была здесь. Они встали в круг, держась за руки. Гул сделался таким сильным, что у Коринны заслезились глаза. Ей казалось, будто пломбы вибрируют в зубах.

Вырубить новенького, подумала она. Козьявку. Наверняка все это затеял он. Вырубить его, и безобразие прекратится.

Однако не успела она это подумать, как пальцы разжались и шокер выпал на ковер. За спиной у нее, почти тонущие в гуле, слышались крики Джейка. Он приказывал детям прекратить глупости и разойтись по комнатам. Чернокожая девчонка смотрела на Коринну и нагло улыбалась.

Сейчас я тебе так хлопну по щеке, что ты разом перестанешь улыбаться, подумала Коринна и занесла руку. Чернокожая девчонка кивнула.

Давай-давай, хлопай.

И другой голос подхватил: *Хлоп!*

И все разом: *Хлоп! Хлоп! Хлоп!*

Коринна Роусон принялась хлопать себя по щекам, сперва правой рукой, потом левой, все сильнее и сильнее. Лицо горело от боли, но она этого почти не ощущала, поскольку гул теперь превратился в мощный рев внутренней обратной связи.

Она рухнула на колени. Мимо пробежал Джейк с криком:

— Прекратите сейчас же, засранцы...

Его рука взметнулась, послышался треск электрического разряда: Джейк двинул себе электрошокером промеж глаз. Он враскоряку шагнул назад и тут же резко свел ноги, словно в диковинном танце. Глаза вылезли из орбит, челюсть отвисла, и он сунул шокер себе в рот. Треск электричества утих, однако результаты были видны. Горло раздулось, как пузырь. Из ноздрей на миг блеснул голубой свет. Затем Джейк рухнул ничком, заталкивая шокер себе в рот по самую рукоять; его палец продолжал судорожно давить на спуск.

Калиша повела детей в жилой коридор. Они шли цепочкой, держась за руки, как первоклашки на школьной прогулке. Фил-Мокрица увидел их и попятился, держа в правой руке шокер, а левой вцепившись в дверь кинозала. Дальше по коридору, между столовой и Палатой А, стоял, открыв рот, доктор Эверетт Хэллас.

По закрытым двойным дверям Овощебазы с внутренней стороны забарабанили кулаки. Фил выронил шокер и поднял правую руку, показывая детям, что в ней ничего нет.

— Я вас не трону! — крикнул он. — Что бы вы ни затеяли, я вас не трону...

Дверь кинозала захлопнулась, отхватив ему три пальца и разом оборвав его крики.

Доктор Хэллас развернулся и припустил наутек.

Еще два красных зрителя появились из комнаты персонала за лестницей в крематорий. Оба были с электрошокерами, оба бежали в сторону Калиши и вереницы детей. Перед закрытыми дверями Палаты А они остано-

вились, нанесли друг другу удар током и рухнули на колени. Обмены электрическими ударами продолжались, пока оба зрителя не распластались на полу без сознания. Выбежали и другие зрители, увидели либо почувствовали, что происходит, и отступили — некоторые по лестнице в крематорий (где был тупик, безнадежный во всех смыслах), остальные в комнату персонала или в комнату медиков за ней.

Давай туда, Ша. Авери смотрел в коридор, мимо Фила, который вопил, глядя на хлещущую из обрубленных пальцев кровь, и двух бесчувственных зрителей.

Мы разве не хотим выбраться на свободу?

Хотим. Но прежде мы выпустим на свободу их.

Вереница детей двинулась по коридору к Палате А, туда, откуда шел гул.

23

«Не знаю, как они выбирали цели, — говорила Морин. — Я часто об этом гадала. Так или иначе, система работала, поскольку за семьдесят пять с лишним лет никто не сбросил атомную бомбу и не начал глобальную войну. Только подумай, какое это великое достижение. Да, некоторые говорят, что Бог нас бережет, другие — что дипломатия или «взаимное гарантированное уничтожение»... Я в это не верю. Нас бережет Институт».

Она снова отпила воды и продолжила:

«Детей они отбирали по анализу, который делают большинству младенцев при рождении. Мне не положено знать, что это за анализ, я всего-навсего экономка, мелкая сошка, но я не только стучала, но и слушала. И подглядывала. Это называется НФМ, что расшифровывается как нейротрофический фактор мозга. Детей с высоким НФМ отмечали, отслеживали, а со временем похищали и привозили в Институт. Среди них бывали даже шестнадцатилетние, хотя тех, у кого НФМ по-на-

стоящему высокий, выкрадывают как можно раньше. У нас и восьмилетки были».

Теперь мне понятно про Авери, подумал Люк. И про близняшек Уилкоксы.

«Их готовят на Ближней половине. Часть подготовки состоит в уколах, часть — в воздействии чем-то, что доктор Хендрикс называет Штази-огоньками. Некоторые из привезенных детей изначально обладают телепатическими способностями — умеют читать мысли. Другие — телекиневики, двигают мыслью физические предметы. После уколов и воздействия Штази-огоньками некоторые остаются на прежнем уровне, однако у большинства имеющаяся способность возрастает. А есть немногие, которых доктор Хендрикс называет розовыми; они проходят больше опытов и уколов, и у них порой развиваются обе способности. Как-то я слышала, доктор Хендрикс говорил, что могут существовать и другие способности. По его словам, если эти способности научатся выявлять, все очень сильно изменится к лучшему».

— ТЛП вдобавок к ТЛК, — пробормотал Люк. — Так было со мной, только я это скрыл. По крайней мере, пытался скрыть.

«Когда они готовы к... готовы приступить, их переводят с Ближней половины на Дальнюю. Там им показывают фильмы с одним и тем же человеком, снова и снова. На работе, дома, на отдыхе, в кругу семьи. Потом идет изображение-триггер, которое вызывает Штази-огоньки и объединяет детей между собой. Понимаешь, это так действует... у каждого поодиночке способности слабые даже после подготовки, но когда они вместе, сила возрастает... есть какое-то математическое слово...

— Экспоненциально, — сказал Люк.

«Не помню. Я устала. Главное, что с помощью этих детей устраняют некоторых людей. Иногда это выглядит как несчастный случай. Иногда как самоубийство. А на самом деле их ликвидируют дети. Например, тот политик, Марк Берковиц. Его ликвидировали дети. Или Джанги

Гафура, который якобы случайно подорвался при изготовлении взрывчатки в провинции Кундуз года два назад. Так вот, это тоже сделали дети. А до того были сотни других, только за то время, что я в Институте. На первый взгляд — никакой связи и смысла, как с тем аргентинским поэтом шесть лет назад, который выпил щелок... То есть я не вижу никакой связи, но она есть, потому что мир до сих пор существует. Миссис Сигсби, шефиня, как-то сравнила нас с людьми, постоянно вычерпывающими воду из лодки, которая иначе потонет. И я ей верю».

Морин снова потеряла глаза и подалась вперед, пристально глядя в камеру.

«Нужно постоянно пополнять запас детей с высоким НФМ, потому что на Дальней половине они долго не живут. У них начинаются головные боли, которые все усиливаются и усиливаются. И всякий раз, как дети видят Штази-огоньки или доктора Хендрикса с бенгальским огнем, они теряют часть своей личности. Под конец, когда их отправляют на Овощебазу — так персонал называет между собой Палату А, — они уже выглядят так, будто у них деменция или последняя стадия Альцгеймера. А потом они умирают. Обычно от воспаления легких, потому что на Овощебазе специально поддерживают низкую температуру. Иногда такое впечатление... — она пожала плечами, — что они просто забывают, как сделать следующий вдох. А для избавления от трупов в Институте есть ультрасовременный крематорий».

Эшворт чуть слышно охнул.

«Персонал Дальней половины работает вахтовым методом — несколько месяцев в Институте, потом несколько месяцев отпуск. Иначе нельзя, потому что атмосфера действует разрушающе. Но поскольку среди них нет никого с высоким НФМ, у них это разрушение идет медленнее, а некоторых и вовсе не затрагивает».

Она перевела дух и отпила воды.

«Два врача находятся там почти постоянно, и оба сходят с ума. Я знаю, поскольку бывала там. Экономки

и уборщицы работают более короткими вахтами — сколько-то на Ближней половине, сколько-то на Дальней. Персонал столовых тоже. Понимаю, это трудно уложить в голову, да и рассказала я не все, но уж сколько смогла. Мне пора идти, однако прежде я кое-что тебе покажу, Люк. Тебе и тем, кто это с тобой смотрит. Зрелище тяжелое; надеюсь, ты досмотришь до конца, потому что ради этих кадров я рисковала жизнью».

Она судорожно вдохнула и попыталась выдавить улыбку. Люк заплакал, поначалу беззвучно.

«Люк, помочь тебе бежать было самым трудным решением в моей жизни, хотя смерть уже смотрит мне в лицо, а после смерти, не сомневаюсь, меня ждет ад. Трудным, потому что если теперь лодка затонет, то по моей вине. Я должна была выбирать между тобой и, возможно, миллиардами людей, которые, сами того не зная, живут благодаря Институту. Я выбрала тебя, и да простит меня Бог».

Экран стал синим. Тэг потянулся к клавиатуре ноутбука, но Тим схватил его за руку:

— Погоди.

По экрану побежали линии, послышался треск, затем началось новое видео. Камера двигалась по коридору, застеленному толстым синим ковром. Постоянно слышался громкий шорох, и время от времени картинка сменялась темнотой, словно захлопывалась створка.

Морин снимает видео, подумал Люк. Снимает через дырку, прорезанную в кармане формы. А шорох оттого, что ткань трется о микрофон.

Он сомневался, что мобильные ловят сигнал в глухих лесах северного Мэна, но был почти уверен, что в Институте они настрого запрещены, поскольку камера будет работать и там. Если бы Морин поймали, дело бы не ограничилось вычетом из зарплаты или увольнением. Она и впрямь рисковала жизнью. От этой мысли слезы у Люка полились еще сильнее. Венди Галликсон обняла его за плечи, и мальчик с благодарностью прижался к ней,

не отрывая взгляда от экрана. Вот она, Дальняя половина. То, чего он избежал. Место, где сейчас Авери.

Камера миновала двустворчатые двери справа. Морин на мгновение повернулась, показывая зрителям кинозал с двумя десятками плюшевых кресел. Там сидели двое детей.

— Девочка что, *курит*? — изумилась Венди.

— Да, — ответил Люк. — На Дальней половине сигареты тоже наверняка разрешены. Девочку я знаю. Ее зовут Айрис Стэнхоуп. Ее забрали до того, как я сбежал. Жива ли она? И если жива, способна ли еще думать?

Камера вновь показала коридор. Еще двое детей прошли, глянув на Морин без всякого интереса. Появился зритель в красном. Его голос был приглушен карманом, в котором лежал телефон, однако это не помешало разобрать слова. Он спросил Морин, рада ли та возвращению. Морин в ответ спросила, похожа ли она на ненормальную, и зритель рассмеялся. Он что-то сказал про кофе, но за шуршанием ткани Люк не разобрал, что именно.

— У него пистолет, что ли? — спросил шериф Джон.

— Шокер, — ответил Люк. — Ну, знаете, электрошокер. Там есть регулятор, который повышает напряжение.

— Не может быть! — воскликнул Фрэнк Поттер.

Камера миновала еще одни двустворчатые двери, на сей раз слева, сдвинулась еще немного вперед и остановилась перед закрытой дверью с надписью красной краской: «ПАЛАТА А». Морин тихо проговорила: «Это Овощебаза».

На экране появилась ее рука в синей латексной перчатке, держащая ключ-карту. Если не считать цвета (ярко-оранжевого), карта выглядела в точности как та, которую украл Люк. Впрочем, он подозревал, что на Дальней половине за картами следят бдительнее. Морин приложила карту к электронному квадратику над дверной ручкой, раздался щелчок, и экономка открыла дверь.

За дверью был ад.

24

Сиротка Энни болела за «Светлячков», колумбийскую бейсбольную команду из низшей лиги, и теплыми летними вечерами обычно слушала у себя в палатке их матчи. Она радовалась за игроков, которых забирали в бингемтонскую команду класса АА, «Громкие пони», хотя ей было жаль с ними расставаться. После игры она немного спала, затем просыпалась и настраивалась на передачу Джорджа Оллмена — узнать, что происходит в «увлекательном мире сверхъестественного», как выражался Джордж.

Сегодня, впрочем, ее занимал спрыгнувший с поезда мальчик. Она решила сходить к управлению шерифа и по возможности что-нибудь выяснить. В участок ее, вероятно, не пустят, но Фрэнки Поттер и Билли Уиклоу иногда выходили покурить в проулок, где у нее был надувной матрас и съестные припасы. Если очень попросить, возможно, Фрэнки и Билли расскажут историю мальчика. В конце концов, она его отмыла и какое-то время утешала, так что ее любопытство вполне обоснованно.

Тропинка от палатки возле складов вела через лес на западной окраине городка. Когда Сиротка Энни шла в проулок ночевать на матрасе (а после того, как она помогла Тиму соорудить растяжку для остротки лихачей, в холодную погоду ее даже пускали в участок), она доходила по тропе до задворок городского кинотеатра «Алмаз», где в свои молодые и чуть более нормальные дни посмотрела столько замечательных фильмов. Старый добрый «Алмаз» закрылся пятнадцать лет назад, и стоянка за ним превратилась в пустырь, заросший бурьяном и золотарником. Энни обычно срезала путь через стоянку и вдоль осыпающейся кирпичной стены кинотеатра выходила на асфальт. Полицейский участок и «Тысяча мелочей» были на другой стороне Мэйн-стрит, а проулок, который Энни называла своим, втиснулся между ними.

Сегодня Энни дошла до стоянки и уже собиралась свернуть, когда с Пайн-стрит выехала машина, а за ней другая и третья. Три минивэна, один за другим. И хотя уже смеркалось, ни один не включил габаритные огни. Энни из-за деревьев наблюдала, как они въехали на стоянку. Все три машины слаженно повернули и встали рядом, капотами к Пайн-стрит, как будто для того, чтобы при необходимости быстро рвануть с места.

Дверцы открылись. Вышли несколько мужчин и женщин. Один мужчина был в спортивном пиджаке и пижонских брюках с заутюженной складкой. Одна из женщин, старше остальных, — в темно-красном брючном костюме. Другая — в платье с цветочным рисунком. Она единственная держала в руках сумочку. Остальные четыре женщины были в джинсах и темных футболках.

Все, помимо мужчины в спортивном пиджаке, который стоял в сторонке и наблюдал, двигались быстро и уверенно, как на задании. Энни подумала, что они похожи на военных, и это впечатление вскоре подтвердилось. Двое мужчин и женщина в джинсах распахнули задние дверцы минивэнов. Мужчины вытащили из одного длинный стальной ящик. Из другого достали кобуры, которые женщина раздала всем, кроме мужчины в спортивном пиджаке, еще одного мужчины (блондина) и женщины в цветочном платье. Стальной ящик открыли, из него вынули два длинных ружья, точно не охотничьих. Энни Леду подумала, что из таких-то и устраивают пальбу в школах.

Женщина в цветочном платье убрала к себе в сумочку миниатюрный пистолет. Мужчина, стоявший рядом с ней, сунул за пояс пистолет побольше, а маленький — за спину и прикрыл их сверху рубашкой. Все остальные надели ремни с кобурой. Выглядели они как налетчики. Ясное дело, налетчики, кто ж еще?

Нормальный человек — например такой, который получает вечерние новости не от Джорджа Оллмена, — скорее всего просто замер бы в растерянности, гадая, что группа вооруженных людей делает в сонном южно-ка-

ролинском городке, где всего один банк, да и тот закрылся на ночь. Нормальный человек, возможно, позвонил бы по мобильному на номер 911. Энни не была нормальной, поэтому точно знала, что на уме у этих вооруженных типов — их было человек десять, если не больше. Да, они приехали не на черных джипах, однако определенно за мальчиком. Без вариантов.

Позвонить на номер 911 полицейским в участке Энни тоже не могла, поскольку не пользовалась бы мобильным, даже будь у нее деньги его купить. Мобильные телефоны излучают волны в мозг, это каждый дурак знает; к тому же *они* могут тебя по мобильному отследить. Так что Энни продолжила путь по тропинке, теперь уже бегом, пока не оказалась с задней стороны парикмахерской через два дома от стоянки. В квартиру на втором этаже вела шаткая лестница, по которой Энни взлетела, придерживая серапе и длинную юбку, чтобы не споткнуться и не упасть. Добравшись до верхней площадки, она замолотила кулаками в дверь и не останавливалась, пока не увидела сквозь драную занавеску, что к ней, выпятив огромный живот, ковыляет Корбетт Дентон. Он отодвинул занавеску и, сверкая лысиной в свете засиженного мухами кухонного плафона, посмотрел, кто за дверью.

— Энни? Чего тебе? Если ты еды пришла просить, ступай своей дорогой...

— Там мужчины, — запыхавшись, выговорила Энни. Она могла бы добавить: «И женщины», — но просто «мужчины» звучали более зловеще, по крайней мере для нее. — Припарковались за «Алмазом»!

— Уходи, Энни. У меня нет времени на твои бредни.

— Там мальчик! Они собираются в участок, чтобы его забрать! Как пить дать будет стрельба!

— Что за чушь ты...

— Пожалуйста, Барабанщик, очень тебя прошу! У них, кажется, автоматы, а мальчик — он хороший!

Дентон открыл дверь.

— Ну-ка дыхни.

Энни ухватила его за пижаму.

— Я десять лет ни капли в рот не брала! Пожалуйста, Барабанщик! Они приехали за мальчиком!

Он потянул носом, нахмурился.

— Перегаром не пахнет. У тебя галлюцинации?

— Нет!

— Автоматы, говоришь... Винтовки типа Эй-ар-пятнадцать, что ли? — На лице Барабанщика Дентона проступил интерес.

— Да! Нет! Не знаю! Но у тебя есть огнестрельное оружие! Возьми его!

— Ты рехнулась, — сказал он, и тут Энни начала плакать.

Барабанщик был знаком с ней почти всю жизнь, по молодости они даже танцевали пару раз, но он ни разу не видел, чтобы Энни плакала. Она явно верила, что происходит нечто нехорошее. Барабанщик решил, что не развалится, если пойдет и посмотрит. В конце концов, сегодня он занимался ровно тем же, что и в остальные вечера, то есть размышлял о бессмысленности жизни.

— Ладно, пошли посмотрим.

— А оружие? Ты возьмешь оружие?

— Нет, конечно. Я сказал, что пойду посмотреть.

— Барабанщик, пожалуйста!

— *Слушай*, — твердо сказал он. — Я готов пойти и посмотреть. Без оружия. Не хочешь, не соглашайся.

Выбора у Сиротки Энни не было, и она согласилась.

25

— О боже, что это? — Слова Венди прозвучали невинно, поскольку она рукой зажала себе рот.

* Американская полуавтоматическая винтовка, самое распространенное «гражданское» (то есть разрешенное для продажи населению) оружие. Является также штатным оружием полиции.

Никто не ответил. Все, включая Люка, смотрели на экран, застыв от ужаса и изумления.

Дальняя половина Дальней половины — Палата А, Овощебаза — представляла собой длинное помещение с высоким потолком. Люку оно напомнило заброшенную фабрику — в таких обычно случались перестрелки под конец боевиков, которые они с Рольфом любили смотреть сто лет назад, когда он еще был настоящим ребенком. Закрытые сеткой флуоресцентные лампы под потолком отбрасывали тени, создавая жутковатое ощущение подводного мира. Длинные, узкие окна тоже были затянуты сеткой, более толстой. Ни единой кровати, только голые матрасы, частью вытолкнутые в проходы, частью перевернутые. На матрасах желтели потеки, возможно, рвоты.

Вдоль одной шлакоблочной стены текла по желобу вода, а выше по трафарету было написано: «ВЫ СПАСИТЕЛИ!» Девочка, совершенно голая, если не считать грязных носков, сидела над желобом на корточках, спиной к стене, положив руки на колени, и испражнялась. Раздался шорох ткани о телефон, вероятно, закрепленный в кармане скотчем; щелочка, в которую выглядывала камера, исчезла. Когда изображение появилось снова, девочка пьяной походкой шла прочь, а ее фекалии плыли по желобу.

Женщина в коричневой форме экономки моющим пылесосом чистила пол от блевоты, дерьма, пролитой каши и еще бог весть чего. Она увидела Морин, помахала рукой и что-то сказала. Что именно, никто не разобрал — не только из-за пылесоса, но и потому, что в Палате А стояла непрекращающаяся какофония голосов и криков. В одном из проходов кувыркалась девочка. Мимо прошаркал прыщавый мальчик в грязных трусах и сползающих с носа заляпанных очках. Он выкрикивал «ай-я-я-я-я-я-я», на каждом слоге ударяя себя по макушке. Люк вспомнил, что Калиша как-то упомянула прыщавого очкарика. В его первый день в Институте. Ка-

жется, что Пити нет уже целую вечность, хотя прошла всего неделя, сказала она. И вот он сам. Или то, что от него осталось.

— Литлджон, — пробормотал Люк. — Я знаю, как его зовут. Пит Литлджон.

Никто его не услышал. Все как загипнотизированные смотрели на экран.

Напротив канализационного желоба стояло длинное корыто на стальных ножках. Две девочки горстями зачерпывали из него бурю кашу и заталкивали себе в рот. Тим с омерзением, едва веря своим глазам, подумал, что это похоже на быстрорастворимую овсянку его детства. Мальчик лежал в каше лицом, держа руки по швам, и щелкал пальцами. Несколько детей лежали на матрасах и смотрели в потолок, тени от сетки на лампах расчерчивали их лица, словно татуировка.

Морин двинулась к женщине с пылесосом, вероятно, чтобы ее сменить. Тут видео оборвалось, экран стал синим. Все ждали, что снова появится Морин в кресле и, может быть, добавит какие-нибудь пояснения, однако экран остался пустым.

— Господи, что это? — проговорил Фрэнк Поттер.

— Дальняя половина Дальней половины, — ответил Люк. Он был бледнее обычного.

— Что за люди загоняют детей...

— Чудовища, — сказал Люк. Он встал, приложил ладонь ко лбу и покачулся.

Тим схватил его за плечи.

— Сознание теряешь?

— Нет. Не знаю. Мне надо на улицу. Подышать свежим воздухом. На меня как будто стены давят.

Тим глянул на шерифа Джона, тот кивнул.

— Выйди с ним в проулок и помоги ему прийти в себя.

— Я с вами, — сказала Венди. — Все равно я вам нужна, чтобы дверь открыть.

На двери в дальнем конце отделения для задержанных было большими буквами написано: «АВАРИЙНЫЙ ВЫ-

ХОД. ПРИ ОТКРЫТИИ СРАБОТАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ». Венди ключом из своей связки отключила сигнализацию. Тим ладонью нажал ручку-штангу. Другой рукой он придерживал Люка, который уже не шатался, однако по-прежнему был белым как полотно. Тим знал, что такое посттравматический синдром, но никогда не видел его в жизни, только по телевизору. Сейчас он наблюдал его у мальчика, который и бриться-то начнет не раньше чем через три года.

— Не наступай на вещи Энни, — предупредила Венди. — Особенно на ее надувной матрас. Она тебе за это спасибо не скажет.

Люк не стал спрашивать, что делают в проулке надувной матрас, два рюкзака, магазинная тележка на трех колесах и свернутый спальный мешок. Он медленно двинулся в сторону Мэйн-стрит, глубоко дыша. Один раз остановился, нагнулся и упер руки в колени.

— Лучше? — спросил Тим.

— Мои друзья их выпустят, — сказал Люк. Он по-прежнему стоял, нагнувшись.

— Кого? — спросила Венди. — Этих?..

Она не знала, как закончить, да это и не имело значения, поскольку Люк ее как будто не слышал.

— Я их не вижу, но откуда-то все знаю. Не могу понять, как у меня это получается, просто знаю. Думаю, дело в Авестере. Авери то есть. Калиша с ним. И Никки. Джордж. Господи, как они сильны! Они так сильны вместе!

Люк распрямился и пошел дальше. Когда он остановился в начале проулка, загорелись все шесть фонарей на Мэйн-стрит. Люк ошарашенно посмотрел на Тима и Венди:

— Это я сделал?

— Нет, что ты, — негромко рассмеялась Венди. — Они всегда в это время зажигаются. А теперь пошли назад. Давай возьмем у шерифа Джона еще бутылочку колы?

Она взяла Люка за плечо, но тот вырвался.

— Подождите.

Пустую улицу переходили, держась за руки, двое. Коротко стриженный блондин и молодая женщина в платье с цветочным рисунком.

26

Когда Никки выпустил руки Калиши и Джорджа, генерируемая детьми энергия ослабела, но лишь ненадолго, поскольку большая ее часть исходила от тех, кто собрался за дверью Палаты А.

Это как качели, подумал Ник. ТЛП и ТЛК растут по мере того, как исчезает способность соображать. А у тех, за дверью, мозгов почти не осталось.

Так и есть, сказал Авери. Они — аккумулятор.

Голова у Никки прояснилась — боли не было совсем. Глядя на других, он догадывался, что с ними произошло то же самое. Вернется ли головная боль — и если вернется, то когда, — он не знал. Просто радовался.

В бенгальском огне они больше не нуждались.

Никки склонился над зрителями, которые вырубili друг друга шокерами, и пошарил у них в карманах. Нашел, что искал, и протянул Калише, а та передала Авери.

— Открывай ты, — сказала она.

Авери Диксон — которому сейчас следовало ужинать дома с родителями, отдыхая после очередного трудного дня, потому что тяжело быть самым малорослым пятиклассником в школе, — взял оранжевый ключ-карту и приложил к сенсорной панели. Замок щелкнул, дверь открылась. Обитатели Овощебазы сгрудились по другую сторону, словно овцы в грозу. Они были грязные, ошалелые, по большей части раздетые. У нескольких по подбородку текли слюни. Пити Литлджон стучал себя по голове и тянул: «Йа-я-я-я-я-я».

Они никогда не оправятся, подумал Авери. Сознание у них полностью разрушено. У Айрис, скорее всего, тоже.

Джордж: *Но у нас, остальных, еще есть надежда.*

Да.

Калиша, понимая, что это жестоко: *И мы попытаемся их использовать.*

— Что теперь? — спросила Кэти. — Что теперь, что теперь?

Мгновение все молчали, потому что никто не знал ответа. Заговорил Авери:

Ближняя половина. Выпустим остальных детей и будем отсюда выбирать.

Хелен: *И куда мы пойдем?*

Завыла сигнализация. Никто из детей не обратил на нее внимания.

— Об этом подумаем позже. — Никки снова взялся за руки с Калишей и Джорджем. — А первым делом зададим им жару. Отплатим за все. Возражения есть?

Возражений не было. Вновь взявшись за руки, одиннадцать зачинщиков мятежа двинулись обратно по коридору в сторону лифтового холла. Обитатели Палаты А побрели за ними, как зомби, привлеченные, возможно, магнетизмом детей, которые по-прежнему могли думать. Гул стал тише, но не исчез.

Авери Диксон попытался дотянуться до Люка, надеясь, что тот далеко-далеко, в таком месте, откуда ничем не может им помочь. Ведь это бы означало, что по крайней мере один из институтских невольников в безопасности. Очень может быть, они, все остальные, погибли, поскольку работники этого ада постараются не выпустить их любой ценой.

Любой ценой.

27

Тревор Стэкхаус расхаживал взад-вперед по своему кабинету. Он не находил себе места и знал, что не успокоится, пока не позвонит Джулия. Она может сообщить

хорошие новости или дурные, но любые новости лучше ожидания.

Зазвонил телефон, однако это был не привычный трезвон стационарного аппарата и не треньканье его боксфона; то были требовательные двойные гудки красного телефона службы безопасности. Последний раз красный аппарат звонил, когда в столовой приключилась хрень с Кроссом и двойняшками Уилкоксом. Стэкхаус взял трубку и не успел сказать: «Алло», — как ему в ухо зататорил доктор Хэллас:

— Они вырвались, те, что смотрели кино, и овощи вроде тоже, по меньшей мере три зрителя пострадали, нет, четыре, Коринна говорит, Джейк Хоуленд мертв, поражение электрото...

— *МОЛЧАТЬ!* — заорал Стэкхаус в трубку. Потом, убедившись (точнее, надеясь), что доктор Хекл его слушает, сказал: — Приведите свои мысли в порядок и доложите, что произошло.

Хэллас, к которому от неожиданного окрика почти вернулось былое здравомыслие, начал излагать, что видел. Когда он приближался к концу рассказа, по всему зданию завыл сигнал тревоги.

— Господи, Эверетт, это вы включили?

— Нет, нет, не я. Джоанна, наверное. Доктор Джеймс. Она была в крематории. Ходит туда медитировать.

Стэкхаус почти отвлекся на яркий образ, возникший у него в голове: доктор Джекл сидит по-турецки перед дверью печи, возможно, молится о душевном просветлении, — и усилием воли вернул себя к насущной ситуации. Дети из Дальней половины учинили какой-то идиотский бунт. Как такое могло случиться? Ничего похожего прежде не бывало. И почему именно сейчас?

Хекл продолжал говорить, но Стэкхаус уже услышал все, что нужно.

— Вот что, Эверетт. Соберите все оранжевые карты, какие найдете, и сожгите их. Сожгите их, поняли?

— Да как... как я их сожгу?

— Вашу мать, у вас там печь на уровне Е! — заорал Стэкхаус. — Так спалите в ней для разнообразия карточки вместо детей!

Он повесил трубку и по стационарному телефону позвонил Феллоузу в компьютерный центр. Энди тут же спросил, из-за чего включилась сигнализация. Голос у него был напуганный.

— У нас проблема на Дальней половине, я с ней разбираюсь. Дайте изображение с камер на мой компьютер. Без вопросов, просто делайте.

Стэкхаус включил компьютер — неужели это старье всегда так медленно грузится? — и щелкнул по значку «КАМЕРЫ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ». Увидел почти пустую столовую Ближней половины... нескольких детей на площадке...

— Энди! — заорал он. — Не Ближнюю половину! Дальнюю! Хватит тупить!

Картинка сменилась. Стэкхаус через пыльный объектив увидел Хекла в его кабинете, как раз когда туда вошла Джек, надо думать, после прерванной медитации в крематории. Она оглядывалась через плечо.

— Ладно, так лучше. Дальше я сам.

Он переключил изображение и увидел комнату зрителей, где спрятались несколько человек. Дверь в коридор была закрыта и, вероятно, заперта. На этих рассчитывать не приходилось.

Щелк. Застеленный синим ковром главный коридор, по меньшей мере три зрителя выведены из строя. Нет, даже четыре. Фил Чаффитц сидел на полу перед кинозалом, прижимая руку к пропитанной кровью форменной рубашке.

Щелк. Столовая, пустая.

Щелк. Комната отдыха. Коринна Роусон на коленях рядом с Джейком Хоулэндом, что-то говорит в рацию. Джейк и впрямь, похоже, покойник.

Щелк. Лифтовый холл, дверь лифта как раз начала закрываться. Кабина (размером примерно с больничную

для перевозки пациентов) до отказа забита детьми, по большей части раздетыми. Значит, это овощи из Палаты А. Если бы удалось остановить их здесь... запереть...

Щелк, и через тот же досадный слой пыли Стэкхаус увидел еще детей на уровне Е, человек десять. Они толпились перед дверьми лифта, ожидая, когда те откроются и выйдет следующая партия малолетних бунтовщиков. Причем все это перед входом в туннель, ведущий к Ближней половине. Нехорошо.

Стэкхаус взял со стола трубку стационарного телефона. Тишина — Феллоуз положил трубку на своем аппарате. Злясь из-за потерянного времени, Стэкхаус заново набрал его номер.

— Получится отключить электричество в лифтах Дальней половины? Чтобы кабина остановилась в шахте?

— Не знаю, — ответил Феллоуз. — Возможно. Что-то такое сказано в руководстве по чрезвычайным процедурам. Сейчас гляну...

Однако время уже ушло. Двери лифта на уровне Е распахнулись, и беглецы с Овощебазы вышли из кабины, таращась на кафельный лифтовой холл, словно там было на что смотреть. Стэкхаус заметил и нечто куда более неприятное. Хекл и Джекл могут собрать и сжечь десятки ключей-карт Дальней половины, но это ничего не изменит. У одного мальчика — коротышки, который вместе с экономкой подстроил Эллису побег, — был в руках оранжевый ключ-карта. Она откроет дверь в туннель, а также на уровень F Ближней половины. А если они доберутся до Ближней половины, может произойти что угодно.

На миг, показавшийся вечностью, Стэкхаус окаменел. Феллоуз что-то вещал ему в ухо, но звук шел словно издалека. Потому что да, мелкий соплик приложил оранжевую карточку и повел веселую компанию в туннель. Двести ярдов — и они на Ближней половине. Дверь за последним закрылась, лифтовой холл опустел. Стэкхаус переключился на следующую камеру и увидел, как дети идут по кафельному туннелю.

В кабинет ворвался доктор Хендрикс — старый добрый Донки-Конг: рубашка не заправлена, ширинка наполовину расстегнута, под глазами мешки.

— Что творится? Что за...

И тут, в довершение безумия, затренькал боксфон. Стэкхаус поднял руку, прося Хендрикса помолчать. Боксфон продолжал настойчиво звонить.

— Энди. Они идут по туннелю, и у них ключ-карта. Их надо остановить. Есть мысли?

Он ждал паники и уж точно не ждал дельного ответа, однако Феллоуз его удивил:

— Наверное, можно вырубить замки.

— Что?

— Дезактивировать карты нельзя, но можно блокировать замки. Входные коды генерируются компьютером, поэтому...

— Вы хотите сказать, что можете их там запереть?

— Ну да.

— Так давайте! Прямо сейчас!

— Что там? — спросил Хендрикс. — Господи, я только собрался уйти, а тут сирена...

— Заткнитесь, — рявкнул Стэкхаус. — Но не уходите. Вы мне еще понадобится.

Боксфон по-прежнему тренькал. Продолжая смотреть на идущих по туннелю придурков, Стэкхаус принял звонок. Теперь он держал по телефону у каждого уха, как персонаж в старой кинокомедии.

— Что? *Что?*

— Мы здесь, мальчишка тоже здесь, — сказала миссис Сигсби. Связь была отличная, как будто она говорила из соседней комнаты. — Думаю, скоро он будет в наших руках. — Она сделала короткую паузу. — Или на том свете.

— Отлично, Джулия. У нас тут ЧП. Произошел...

— Разбирайтесь. Мне не до разговоров. Позвоню, когда будем уезжать из городка.

Она отключилась. Стэкхаусу было все равно. Он знал: если Феллоуз не сотворит компьютерную магию, Джулии некуда будет возвращаться.

— Энди? Вы еще на проводе?

— Да.

— Получилось?

Стэкхаус с леденящей уверенностью предчувствовал ответ Феллоуза: именно в этот критический момент старая компьютерная система зависла.

— Да. То есть я почти уверен. У меня на экране сообщение: «ОРАНЖЕВЫЕ КЛЮЧИ-КАРТЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ. ВВЕДИТЕ НОВЫЙ КОД АВТОРИЗАЦИИ».

Слова «почти уверен» ничуть не успокоили Стэкхауса. Он подался вперед в кресле, сцепив руки, и вперился в экран компьютера. Хендрикс подошел и стал смотреть ему через плечо.

— Господи, что они делают?

— Идут по нашу душу, если я правильно понимаю, — ответил Стэкхаус. — Сейчас увидим, получится ли у них.

Процессия потенциальных беглецов вышла из поля зрения камеры. Стэкхаус переключил изображение. Мелькнула Коринна, держащая на коленях голову Джейка. Со второго раза удалось попасть на камеру, которая показывала дверь из туннеля на уровень F Ближней половины. Дети как раз до нее дошли.

— Решающий момент. — Стэкхаус так стиснул кулаки, что на ладонях остались отметины.

Диксон приложил оранжевую карту к считывающей панели. Подергал ручку. Ничего не произошло. Тревор Стэкхаус наконец-то расслабился. За спиной Хендрикс с шумом выдохнул, обдав его запахом перегара. Алкоголь был под таким же строгим запретом, как и мобильные телефоны, но Стэкхаус не собирался сейчас на это отвлекаться.

Мухи в банке, подумал он. Вот вы кто теперь, мальчики и девочки. А что до вашего будущего...

Это, к счастью, была не его забота. Что делать с ними после того, как разрешится проблема в Южной Каролине, пусть ломает голову миссис Сигсби.

— За это тебе и платят большие бабки, Джулия. — Он откинулся в кресле и стал смотреть, как дети (теперь возглавляемые Уилхолмом) вернулись к двери, из которой вышли, и попытались открыть ее. Безрезультатно. Уилхолм запрокинул голову. Его рот раскрылся. Стэкхаус пожалел, что камеры не дают звука. Хотелось бы услышать этот вопль отчаяния.

— Мы локализовали проблему, — сказал он Хендриксу.

Тот хмыкнул.

Стэкхаус повернулся к нему:

— Что это значит?

— Возможно, не совсем.

28

Тим положил ладонь Люку на плечо.

— Если тебе лучше, давай вернемся и будем думать. Выпьешь колы и...

— Подождите.

Люк смотрел на парочку, которая, держась за руки, переходила улицу. Мужчина и женщина еще не заметили троих в проулке Сиротки Энни; их взгляды были устремлены на полицейский участок.

— Свернули с магистрали и заблудились, — сказала Венди. — Спорим на что угодно. У нас таких в месяц с полдюжины бывает. Ну, пошли назад?

Люк не обращал на нее внимания. Он по-прежнему чувствовал других детей, и теперь в их мыслях сквозило отчаяние, но они были где-то далеко, словно голоса, долетающие через вентиляцию из другой комнаты. Женщина... платье в цветочек...

Что-то падает и будит меня. Наверное, кубок Северозападного дискуссионного турнира — он самый тяжелый.

Грохот очень громкий. Надо мной кто-то склонился. Я говорю: «Мама», — хотя знаю, что это не мама. Просто я вижу над собой женщину, а «мама» — первое слово, возникшее в моем полусонном мозгу. А она говорит...

— Ага, — произнес Люк. — Как скажешь, детка.

— Отлично! — воскликнула Венди. — Мы только...

— Нет, это *она* сказала. — Люк указал на женщину.

Парочка как раз добралась до тротуара перед полицейским участком. За руки эти двое уже не держались. Люк в панике повернулся к Тиму:

— Это она меня похитила! Я ее потом видел в Институте! В комнате отдыха! Они здесь! Я вам говорил, они за мной приедут!

Люк развернулся и припустил к двери, которая со стороны проулка не запиралась, чтобы Сиротка Энни могла зайти ночью, если захочет.

— Что... — начала Венди.

Тим ее не слушал. Он бежал за мальчишкой, спрыгнувшим с товарняка, и думал, что, возможно, тот все-таки был прав насчет Норберта Холлистера.

29

— Ну? — Сиротка Энни шептала так яростно, что это трудно было назвать шепотом. — Теперь-то ты мне веришь, мистер Корбетт Дентон?

Барабанщик поначалу не ответил, потому что силился переварить увиденное. Три припаркованных бок о бок машины, за ними кучка мужчин и женщин. Вроде бы девять человек, целая бейсбольная команда, черти ее дери! И да, Энни оказалась права, они были вооружены. Уже наступили сумерки, но летом темнеет поздно, к тому же зажглись уличные фонари. Барабанщик различал кобуры с пистолетами и два длинноствольных орудия, похожих на «хеклер-кох». Серьезные винтовки. Бейсбольная команда собралась у старого кинотеатра, под кир-

пичной стеной, так что с тротуара их было почти не видно. Очевидно, они чего-то ждали.

— Отрядили лазутчиков! — прошипела Энни. — Видишь, переходят улицу? Хотят узнать, сколько в участке полицейских! Ну что, сходишь за своим чертовым оружием, или мне самой его принести?

Барабанщик повернулся и впервые за двадцать, а то и за все тридцать лет припустил бегом. Он взлетел по лестнице в квартиру над своей парикмахерской и только на площадке остановился перевести дух. При этом он успел подумать, выдержит ли его сердце такую нагрузку или разорвется.

Винтовка .30—06, из которой он планировал застрелиться в одну прекрасную южно-каролинскую ночь (и, наверное, уже застрелился бы, если бы не занятые разговоры с новым ночным обходчиком), стояла в стенном шкафу, заряженная. Заряжен был и автоматический пистолет 45-го калибра, а также револьвер 38-го калибра на верхней полке.

Барабанщик взял винтовку, пистолет и револьвер. Сбежал обратно по лестнице, пытая, обливаясь потом и, вероятно, воняя, как свинья в парилке, но впервые за долгие годы чувствуя себя живым. Прислушался. Вроде бы пока не стреляли.

Может быть, это копы, подумал он. Хотя вряд ли. Копы сразу бы двинулись куда нужно, показали удостоверения и сообщили, что им надо. И приехали бы они на черных внедорожниках.

По крайней мере в телевизоре они всегда так делали.

30

Ник Уилхолм отвел жалкий отряд мальчишек и девчонок обратно по немного наклонному туннелю к запертой двери на Ближнюю половину. Некоторые обитатели Палаты А последовали за ним, другие разбрелись. Пит

Литлджон вновь принялся стучать себя по макушке, выкрикивая: «Йа-я-я-я-я». Из-за эха в туннеле его ритмичные вопли не просто раздражали, а бесили.

— Возьмемся за руки, — сказал Ник. — Все.

Он кивнул в сторону разбредшихся овощей и добавил: *Думаю, это их привлечет.*

Слетятся, как мотыльки на свет, подумала Калиша. Недобрая мысль... истина вообще редко бывает доброй.

И впрямь, овощи потянулись к остальным детям. По мере того, как они вставали в общий круг, гул становился громче. В узком туннеле получился не столько круг, сколько овал, однако делу это не мешало. Сила росла.

Калиша знала, о чем думает Никки, и не только потому, что читала его мысли. Просто ничего другого им не оставалось.

Вместе сильнее, подумала она и вслух обратилась к Авери:

— Взломай замок, Авестер.

Гул перерос во всепоглощающий рев, и если у кого-нибудь из них оставалась боль, она наверняка умчалась в страхе. Калиша вновь ощутила упоительную мощь, приходившую с бенгальским огнем, только та была гадкой, а эта — прекрасной и чистой, *их* мощь. Дети из Палаты А молчали и улыбались. Они тоже чувствовали общую силу, и она им нравилась. Калиша подумала, что для них это хоть какое-то напоминание об утраченной способности мыслить.

Дверь тихонько скрипнула, и они увидели, как она вновь вернулась на место, но больше ничего не произошло. Авери стоял на цыпочках, сосредоточенно морща худое личико. Потом он ссутулился и выдохнул.

Джордж: *Не получается?*

Авери: *Не получается. Думаю, будь она просто заперта, я бы справился. Но такое ощущение, что замка вообще нет.*

— Тра-та-та, тра-та-та, дверка крепко заперта, — пропела Айрис. — Тра-та-та, тра-та-та, не откроешь ни черта.

— Их как-то заблокировали, — сказал Никки. *А вышибить мы ее не сможем?*

Авери: *Нет, там сплошная сталь.*

— Где Супермен, когда он тебе нужен? — спросил Джордж и ладонями потянул щеки вверх, изображая улыбку.

Хелен села, закрыла лицо руками и заплакала.

— Ничего-то мы не можем. — И повторила это снова, на сей раз мысленным эхом: *Ничего-то мы не можем.*

Никки повернулся к Калише: *Есть идеи?*

Нет.

Он повернулся к Авери: *А у тебя?*

Авери помотал головой.

31

— Что значит «не совсем»? — спросил Стэкхаус.

Вместо ответа Донки-Конг торопливо прошел через кабинет к интеркому. На аппарате лежал толстый слой пыли. Стэкхаус ни разу им не пользовался — у него не было обыкновения сообщать о предстоящих танцах или корпоративных викторинах. Доктор Хендрикс нагнулся, изучил примитивную панель управления и щелкнул тумблером: зажегся зеленый огонек.

— Что вы собрались...

Хендрикс велел ему заткнуться. Вместо злости Стэкхаус почувствовал нечто вроде восхищения. Что бы ни затеял добрый доктор, он определенно считает это важным.

Хендрикс взял микрофон, обернулся и спросил:

— Есть способ сделать объявление так, чтобы сбегавшие дети точно меня не услышали? Не хочется давать им подсказку.

— В туннеле репродукторов нет, — сказал Стэкхаус, от всей души надеясь, что не ошибается. — А на Дальней половине вроде бы отдельная система громкой связи. Что вы задумали?

Хендрикс глянул на него как на слабоумного:

— Телом они взаперти, но для мыслей это не преграда.

Черт, подумал Стэкхаус. Я забыл, на что они способны.

— Как эта штука... не важно, я сообразил. — Хендрикс вдавил кнопку на микрофоне, прочистил горло и начал: — Внимание. Внимание, весь персонал. Это доктор Хендрикс. — Он провел рукой по редющим волосам, взъерошив и без того дикую прическу. — Сбежали дети из Дальней половины. Поводов для опасений нет. Повторяю, поводов для опасений нет. Они заперты в туннеле между Ближней и Дальней половинами. Впрочем, не исключено, что они попытаются воздействовать на вас, как... — он сделал паузу, облизнул губы, — как воздействуют на определенных людей в ходе своей работы. Возможно, они будут внушать вам желание причинить увечье себе самим. Или обратиться друг против друга.

О черт, подумал Стэкхаус. Радужная перспектива.

— Слушайте внимательно, — продолжал Хендрикс. — Преуспеть они могут в одном случае: если цель не знает о попытке ментального проникновения. Если вы что-нибудь ощутите... если почувствуете, что мысли у вас в голове не ваши, сохраняйте спокойствие и не поддавайтесь. Изгоняйте их. Есть смысл говорить вслух. Сказать: «Я вас не слушаю».

Хендрикс собрался положить микрофон на место, но Стэкхаус его перехватил.

— Говорит Стэкхаус. Сообщение для персонала Ближней половины. Все подопечные должны немедленно вернуться в свои комнаты. В случае сопротивления применяйте электрошокеры.

Он выключил интерком и повернулся к Хендриксу:

— Возможно, говнюки в туннеле об этом не подумают. В конце концов, они всего лишь дети.

— Подумают, и еще как, — ответил Хендрикс. — В конце концов, у них большая практика.

32

Тим нагнал Люка, когда мальчик открывал дверь в отделение для задержанных.

— Стой здесь, Люк. Венди, ты со мной.

— Ты же не думаешь...

— Не знаю, что я думаю. Пистолет не вынимай, но убедись, что кобура расстегнута.

Спеша по короткому проходу между четырьмя пустыми камерами, Тим с Венди услышали мужской голос. Довольно приятный. Даже добродушный.

— Нам с женой сказали, что в Бофорте есть интересные старые здания, и мы решили проехать напрямик, но наш навигатор облажался.

— Я сказала, надо остановиться и спросить дорогу, — произнесла женщина, и Тим, входя, увидел, как она глянула на мужа (если блондин действительно был ее мужем) с шутливым негодованием. — Он не хотел. Мужчины всегда уверены, будто знают, куда едут, верно?

— Вот что. Мы сейчас немного заняты, — сказал шериф Джон, — и у меня нет времени...

— Это *она!* — выкрикнул Люк за спиной Тима и Венди, так что оба чуть не подпрыгнули.

Другие полицейские обернулись. Люк протиснулся мимо Венди так стремительно, что чуть не сбил ее с ног.

— Это она прыснула мне в лицо из баллончика! *Ты убила моих родителей, сука!*

Он рванул к ней. Тим поймал мальчишку за шиворот и дернул обратно. Блондин и женщина в платье с цветочным рисунком озадаченно переглянулись. Как самые нормальные люди. Только Тим вроде бы успел заметить, как на лице женщины промелькнуло другое выражение. Успел заметить ее пристальный взгляд.

— Тут какая-то ошибка, — сказала она, выдавливая растерянную улыбку. — Кто этот мальчик? Он сумасшедший?

Хотя сейчас Тим был всего лишь ночным обходчиком, он мгновенно переключился в режим полицейского, как тогда, когда подростки ворвались в «Зоунис» и подстрелили Абсимила Добиру.

— Предъявите документы, — сказал он.

— Послушайте, в этом нет никакой надобности, — ответила женщина. — Не знаю, за кого нас принял мальчик, но мы заблудились, а мама мне в детстве говорила: если заблудишься, обращай к полицейскому.

Шериф Джон встал.

— Хм-хм. Возможно, так оно и есть, и в таком случае вам же нетрудно будет показать водительские удостоверения?

— Конечно, — сказал мужчина. — Вот только бумажник достану.

Женщина с досадой сунула руку в сумочку.

— *Берегитесь!* — крикнул Люк. — *У них оружие!*

Тэг Фарадей и Джордж смотрели изумленно, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу — растерянно.

— Секундочку! — прогремел шериф Джон. — Руки держать на виду!

Ни он, ни она не замедлились ни на мгновение. Мишель Робертсон вытащила из сумочки не водительские права, а «зиг-зауэр найтмер майкро». Денни Уильямс выхватил из-за спины «глок», а вовсе не бумажник. И шериф, и помощник шерифа Фарадей потянулись к табельному оружию, однако слишком медленно.

Зато не промедлил Тим. Он выхватил пистолет из кобуры у Венди и навел его двумя руками.

— *Бросайте оружие!*

Они не подчинились. Робертсон прицелилась в Люка, и Тим выстрелил в нее. Ее отбросило спиной на двустворчатую дверь участка с такой силой, что матовое стекло треснуло.

Уильямс упал на одно колено и наставил «глок» на Тима. Тот едва успел подумать: этот тип — профи, мне

крышка. Но тут пистолет дернулся вверх, словно на невидимой ниточке, и предназначенная Тиму пуля ушла в потолок. Шериф Джон двинул блондина ногой в висок, и тот рухнул на пол. Билли Уиклоу наступил ему на запястье.

— Брось пистолет, ублюдок!

В это мгновение миссис Сигсби, поняв, что все идет не по плану, велела Луи Гранту и Тому Джонсу пустить в ход автоматы. Уильямс и Робертсон значения не имели.

Значение имел только мальчик.

33

Два «ХК-37» наполнили мирные дюпрейские сумерки оглушительным грохотом. Грант и Джонс поливали автоматным огнем кирпичный фасад полицейского участка, выбивая из стен облачка розоватой пыли, круша окна и стеклянные панели дверей. Оба стрелка стояли на тротуаре, остальные члены Золотой группы рассредоточились позади них на улице. Доктор Эванс отошел в сторонку и зажал руками уши.

— *Давай!* — орала Вайнона Бриггс, приплясывая на месте, как будто ей приспичило в сортир. — *Мочи их!*

— Вперед! — крикнула миссис Сигсби. — Все разом! Мальчишку захватить или убить! Захва...

И тут сзади раздалось:

— Никто не тронется с места, мэм. Клянусь Спасителем, если хоть кто-нибудь сделает шаг, мы уложим всех до одного. Вы двое там впереди, бросайте оружие сию секунду.

Луи Грант и Том Джонс обернулись, но автоматы не бросили.

— Живо, — приказала Энни, — не то вы покойники. Это не игрушки, ребята. Вы на Юге.

Грант и Джонс переглянулись, затем аккуратно положили автоматы на асфальт.

Миссис Сигсби хорошо видела двоих под покосившимся навесом «Алмаза»: лысого толстяка в пижаме и встрепанную женщину в чем-то вроде мексиканского серапе. У толстяка была винтовка. Женщина в серапе держала одной рукой пистолет, другой — револьвер.

— Теперь остальные, — потребовал толстяк. — Вы под прицелом.

Миссис Сигсби смотрела на двух провинциальных дурачков перед заброшенным кинотеатром и устало думала: неужели это никогда не кончится?

Выстрел в полицейском участке, затем, после недолгой тишины, второй. Когда провинциальные дурачки глянули в ту сторону, Грант и Джонс наклонились поднять автоматы.

— А ну прекратить! — крикнула женщина в серапе.

Робин Лекс, которая не так давно застрелила через подушку отца Люка, воспользовалась этим моментом, чтобы вытащить свой «зиг-зауэр». Остальные члены Золотой группы опустили на одно колено, чтобы освободить Гранту линию огня. Так их учили. Миссис Сигсби осталась стоять как стояла, словно ярость из-за неожиданной помехи уберегла бы ее от пуль.

34

Когда началось столкновение в Южной Каролине, Калиша и ее друзья сидели, обреченно понурясь, у двери на Ближнюю половину. Айрис оказалась права: дверь ни черта не открывалась.

Никки: *Может, мы все равно можем что-нибудь сделать. Вырубить персонал на Ближней половине, как вырубили красных зрителей.*

Авери мотнул головой. Сейчас он походил не столько на маленького мальчика, сколько на усталого старичка. *Я пытался. Пробовал дотянуться до Глэдис, потому*

что ненавижу ее. Ненавижу ее лживую улыбочку. Она сказала, что не слушает, и вытолкнула меня.

Калиша глянула на детей из Палаты А, которые снова разбрелись, словно тут было куда идти. Девочка ходила колесом, мальчик в грязных шортах и рваной футболке легонько бился головой о стену, Пит Литлджон по-прежнему тянул свое «йа-я-я». Однако на зов они придут, и сила все так же велика.

Калиша взяла Авери за руку.

— А если все вместе...

— Нет, — ответил Авери. *Мы можем вызвать у них легкий страх, головокружение, сосущее чувство под ложечкой...*

Калиша: *Но почему? Почему? Если мы смогли убить того бомбиста в Афганистане...*

Авери: *Потому что бомбист не знал. И тот проповедник, Уэстин, не знал. А когда они знают...*

Джордж: *Они могут не впустить нас себе в голову.*

Авери кивнул.

— Так способны мы на что-нибудь? — спросила Хелен.

Авери помотал головой. *Не знаю.*

— Кое на что способны, — сказала Калиша. — Мы взаперти, но Люк-то на свободе. Только нам понадобятся все. — Она кивнула в сторону разбредшихся беглецов из Палаты А: — Давайте их позовем.

— Не знаю, Ша, — ответил Авери. — Я здорово устал.

— Ну пожалуйста, последний разочек, — попросила она.

Авери вздохнул и протянул руки. Калиша, Никки, Джордж, Хелен и Кэти составили кружок. Через секунду к ним присоединилась Айрис. И снова, как в прошлые разы, подтянулись остальные. Они встали овалом, и гул начал нарастать. На Ближней половине зрители, лаборанты и уборщики ощутили его, а вместе с ним и страх, однако гул был направлен не на них. В тысяче четырехстах милях от Института Тим только что всадил пулю

между грудей Мишель Робертсон; Грант и Джонс только что подняли автоматы, готовясь обстрелять полицейский участок; Билли Уиклоу придавил ногой руку Денни Уильямса.

Дети в Институте обращались к Люку.

35

Люк не думал о том, чтобы силой мысли вздернуть пистолет в руке у блондина вверх. Это получилось само. Перед глазами возникли Штази-огоньки, на мгновение закрыв все остальное. Когда они начали меркнуть, он увидел, что один из полицейских наступил блондину на запястье, вынуждая того выпустить пистолет. Блондин скалился от боли, по щеке у него текла кровь, однако пистолет он не выпускал. Шериф занес ногу, очевидно, намереваясь еще раз двинуть его башмаком.

Тут Штази-огоньки вернулись, яркие, как никогда, и на него обрушились голоса друзей. Люк зашатался, попятился через открытую дверь в отделение для задержанных и вскинул руки, словно защищаясь от удара, но оступился и плюхнулся на задницу в тот самый миг, когда Грант и Джонс открыли огонь из автоматов.

Люк видел, как Тим бросил Венди на пол и прикрыл ее собой. Видел, как пули изрешетили шерифа Джона и полицейского, придавившего ногой руку блондина. Оба упали. Полетело стекло. Кто-то визжал, судя по всему — Венди. Снаружи громкий женский голос, неприятно похожий на голос миссис Сигсби, кричал что-то вроде «вперед, все разом!».

Для Люка, ошарашенного двойной дозой Штази-огоньков и контактом с друзьями, время будто замедлилось. Он увидел, как другой полицейский (раненый, по руке у него текла кровь) повернулся к разбитым главным дверям. Видимо, хотел посмотреть, кто стреляет. Казалось, он движется медленно-медленно. Блондин вставал

на колени, тоже медленно. Ощущение было, будто смотришь подводный балет. Блондин выстрелил в спину полицейскому, потом начал разворачиваться к Люку. Уже быстрее. Время вновь ускорилося. Блондин не успел нажать спусковой крючок: рыжий полицейский нагнулся, почти отвесил поклон, и выстрелил ему в висок. Блондин отлетел в сторону и рухнул на свою «жену».

Снаружи женский голос — не тот, что походил на голос миссис Сигсби, а другой, с южным акцентом — крикнул: «А ну прекратить!»

Снова раздались выстрелы, потом первая женщина заорала: *Мальчишка! Надо захватить мальчишку!*

Это *она*, подумал Люк. Не знаю, как такое может быть, но это она. Миссис Сигсби здесь.

36

Робин Лекс стреляла метко, но сумерки сгушались, а расстояние для такого маленького пистолета было большое. Робин целила Дентону в центр тяжести, а попала в плечо, довольно высоко. Его отбросило к заколоченной кассе, и следующие две пули ушли «в молоко». Сиротка Энни даже не попятилась. Так воспитывал ее в тростниковых дебрях Джорджии отец, говоривший: «Никогда не отступай, девочка, что бы ни случилось». Жан Леду стрелял без промаха что трезвый, что пьяный, и уроки его пошли дочери на пользу. Сейчас Энни открыла огонь с обеих рук, без всяких мысленных усилий компенсируя отдачу более тяжелого пистолета. Она уложила одного автоматчика (Тони Фиццале, больше ему не держать в руках шокер), не обращая внимания на просвистевшие рядом три-четыре пули, одна из которых игриво дернула край серапе.

Барабанщик вновь шагнул вперед и прицелился в ранившую его женщину. Робин стояла на одном колене посередине улицы, проклиная свой заклинивший «зиг».

Барабанщик упер приклад винтовки в то плечо, из которого не текла кровь, и уложил Робин на разделительную полосу.

— *Прекратить стрельбу!* — кричала миссис Сигсби. — *Надо захватить мальчишку! Это наша главная задача! Том Джонс! Элис Грин! Луи Грант! Ждите меня! Джош Готфрид! Вайнона Бриггс! Приготовились!*

Барабанщик и Энни переглянулись.

— А нам стрелять или нет? — спросила Энни.

— Фиг его знает, — ответил Барабанщик.

Том Джонс и Элис Грин стояли по бокам раскороченных дверей в полицейский участок. Джош Готфрид и Вайнона Бриггс пятились, прикрывая миссис Сигсби с флангов и держа на прицеле двух местных, которые так неожиданно их подкараулили. Доктор Эванс, которому не назначили роли в операции, назначил ее себе сам. Он поднял руки и с умиротворяющей улыбкой двинулся мимо миссис Сигсби к Барабанщику и Сиротке Энни.

— Назад, идиот! — рявкнула миссис Сигсби.

Доктор Эванс, не обращая внимания на окрик, обратился к толстяку в пижаме (тот выглядел более вменяемым, чем спутница):

— Я в этом не участвую. Я изначально не хотел в этом участвовать, так что я просто...

— Присядьте, — сказала Энни и выстрелила ему в ногу. Она человеколюбиво сделала это из револьвера 38-го калибра, что должно было причинить меньше вреда. По крайней мере, в теории.

Осталась женщина в красном брючном костюме, та, что командовала. Если бы перестрелка возобновилась, ее изрешетило бы перекрестным огнем, однако выглядела она не испуганной, а злой и сосредоточенной.

— Сейчас я войду в участок, — объявила она Барабанщику и Сиротке Энни. — А вы прекратите эти свои глупости. Откройте огонь — Джош и Вайнона вас уложат. Ясно?

— Барабанщик, что нам делать? — спросила Энни.

— Может, и не надо ничего делать, — ответил он. — Посмотри налево. Голову не поворачивай, только глаза скоси.

Энни скосила глаза и увидела, что по дорожке крадется один из братьев Добира. В руке у него был пистолет. Позже он расскажет полиции штата, что они с братом люди мирные, но после налета на магазин сочли разумным завести оружие.

— А теперь направо. Голову не поворачивай.

Энни скосила глаза в другую сторону и увидела вдову Гулсби и мистера Билсона, отца близнецов. Эдди Гулсби была в халате и шлепанцах, Ричард Билсон — в клетчатых бермудах и красной футболке с надписью «Crimson Tide». Оба держали охотничьи винтовки. Группа перед полицейским участком, занятая предстоящей операцией, их не замечала.

Вы на Юге, сказала Энни вооруженным налетчикам. И ей думалось, что скоро они оценят правоту ее слов.

— Том и Элис, — приказала миссис Сигсби. — Вперед. Главное — мальчишка.

Они ворвались в участок.

37

Тим поднял Венди на ноги. Та глядела ошарашенно, в волосах запутался обрывок бумаги. Стрельба прекратилась, по крайней мере на время, вместо нее с улицы доносились голоса, но у Тима в ушах звенело, и он не разбирал слов. Да это было и не важно. Если там договариваются о перемирии, хорошо, однако разумнее ожидать дальнейших враждебных действий.

— Венди, ты как?

— Тим... шерифа Джона убили! И скольких еще?

Тим встряхнул ее.

— *Как ты сама?*

— Н-нормально. Вроде бы.

— Уведи Люка через заднюю дверь.

Венди протянула руку, но Люк метнулся от нее к столу шерифа, увернувшись по пути от Тэга Фарадея, который тоже попытался его схватить. Треснувший экран по-прежнему показывал заставку, и оранжевый светодиод флешки по-прежнему мигал. У Люка тоже звенело в ушах, но он был ближе к двери и отчетливо разобрал слова миссис Сигсби: *Главное — мальчишка.*

Ах ты сука, подумал он. Упрямая сука.

Люк схватил ноутбук и, прижав его к груди, упал на колени в тот самый миг, когда через двери с выбитым стеклом вошли Элис Грин и Том Джонс. Тэг поднял пистолет, однако выстрелить не успел — автоматная очередь прошила его насквозь. «Глок» выпал из его руки и, крутясь, отлетел по полу. Из помощников шерифа лишь один — Фрэнк Поттер — еще оставался на ногах. Он даже не сделал попытки обороняться, просто стоял в растерянности. Элис Грин выстрелила ему в голову и тут же пригнулась, поскольку снаружи снова началась пальба. Кто-то кричал, кто-то вопил от боли.

Крики и выстрелы на миг отвлекли автоматчика. Том Джонс обернулся к двери, и Тим всадил в него две пули: одну в шею, одну в голову. Элис Грин выпрямилась и, переступив Джонса, решительно шагнула вперед. Теперь Тим увидел сразу за ней другую женщину, постарше, в красном брючном костюме и тоже с пистолетом в руке. Господи, подумал он, сколько же их? Неужели за одним мальчишкой выслали целую армию?

— Элис, он за столом, — сказала женщина постарше. Среди крови и разрушений ее голос звучал неестественно спокойно. — Я вижу, край повязки торчит. Вытащи его оттуда и пристрели.

Женщина, которую называли Элис, двинулась в обход стола. Тим даже не крикнул: «Стоять!» — время церемоний миновало, — а просто поднял «глок» Венди и нажал спусковой крючок. Раздался щелчок, и больше ничего, хотя в обойме должен был оставаться еще патрон, если

не два. Очевидно, Венди не до конца перезарядила пистолет после учебных стрельб в Даннинге. Тим даже успел подумать, как уже думал раньше, что зря Венди пошла работать копом.

Лучше бы она осталась диспетчером, но теперь поздно. Нас всех здесь перебьют.

Люк вскочил, по-прежнему сжимая в руках ноутбук, и с размаху ударил им Элис Грин прямо в лицо. Треснувший экран разлетелся вдребезги. Грин попятилась, налетев на женщину в красном костюме, затем вновь подняла пистолет. Из разбитого носа и губ у нее текла кровь.

— *Брось оружие! Брось оружие!* — завопила Венди.

Она успела поднять «глок» Тэга Фарадея.

Элис, не обращая на нее внимания, целилась в Люка, который, вместо того чтобы юркнуть в укрытие, вытаскивал из ноутбука флешку Морин Алворсон. Венди выстрелила три раза, сузив глаза и пронзительно вскрикивая при каждом выстреле. Первая пуля вошла Элис Грин в лоб чуть выше переносицы. Вторая усвистела через дыру в двери, где две с половиной минуты назад еще было матовое стекло.

Третья попала в ногу миссис Сигсби. Та выронила пистолет и с растерянным видом осела на пол.

— Зачем? Зачем вы в меня стреляли?

— Еще спрашивает! Совсем, что ли, дура? — Венди, хрустя битым стеклом, подошла к сидевшей у стены женщине. Пахло порохом, в разгромленном помещении участка висел голубоватый дым. — Ты велела им убить мальчика.

Миссис Сигсби изобразила терпеливую улыбку, предназначенную для непроходимых идиотов:

— Вы не понимаете. Да и откуда вам знать? Он мой. *Моя собственность.*

— Уже нет, — вмешался Тим.

Люк встал на колени рядом с миссис Сигсби. Его щеки были забрызганы кровью, в одной брови застрял осколок стекла.

— Кого вы оставили за себя в Институте? Стэкхауса?
Она смотрела на него и не отвечала.

— *Стэкхауса?*

Молчание.

Барабанщик Дентон шагнул в дверь и обвел взглядом помещение. Его пижамная куртка была в крови, однако, несмотря на это, он выглядел на удивление собранным. Из-за его плеча ошалело выглядывал Гутаале Добира.

— Мать моя женщина, — сказал Барабанщик. — Ну и бойня.

— Мне пришлось выстрелить в человека, — сообщил Гутаале. — Миссис Гулсби выстрелила в женщину, которая пыталась выстрелить в нее. Это была необходимая самооборона.

— Сколько их снаружи? — спросил Тим. — Всех уложили?

Энни оттеснила Гутаале Добиру и встала рядом с Барабанщиком. В серапе, с дымящимися пистолетами в руках, она походила на героиню спагетти-вестерна. Тим не удивился. Он вообще утратил способность удивляться.

— Думаю, со всеми, кто вылез из машин, разобрались. Двое ранены. Один серьезно — это его Добира подстрелил. Другой в ногу. Остальные сукины дети вроде здесь и убиты. — Энни оглядела помещение. — Господи, а в полицейском участке-то кто остался?

Венди, подумал Тим, но вслух этого не сказал. Надо полагать, теперь Венди — и.о. шерифа. Или это место займет Ронни Гибсон, когда вернется из отпуска. Скорее Ронни. Венди не согласится.

Подошли Эдди Гулсби и Ричард Билсон и встали рядом с Гутаале, за Энни и Барабанщиком. Билсон в ужасе оглядел участок — стены в дырках от пуль, стекла выбиты, на полу лужи крови и распростертые тела — и зажал рукой рот.

Эдди оказалась покрепче.

— Док уже едет сюда. На улице собралось полгорода, почти все вооружены. Что тут произошло? И кто

это? — Она указала на тощего мальчишку с перевязанным ухом.

Люк не обращал на нее внимания. Он смотрел только на женщину в красном брючном костюме.

— Стэкхауса, точно. Больше некого было. Мне надо с ним связаться. Как это сделать?

Миссис Сигсби молча глядела на него. Тим встал на колени рядом с Люком. В глазах женщины он видел боль, отказ верить в происходящее и ненависть. Он не знал, какое из этих чувств сильнее, но если бы его вынудили ответить, сказал бы, что ненависть. Она всегда бывает сильнее, по крайней мере первое время.

— Люк...

Мальчик не слушал. Все его внимание сосредоточилось на раненой женщине.

— Миссис Сигсби, я должен с ним связаться. Он держит в заточении моих друзей.

— Они не в заточении, они *собственность*!

К ним подошла Венди:

— Похоже, мэм, вы пропустили школу в тот день, когда рассказывали, что Линкольн отменил рабство.

— Приехали сюда, устроили у нас в городе перестрелку, — вставила Энни. — Полагаю, теперь-то вы поняли?

— Помолчите, Энни, — сказала Венди.

— Миссис Сигсби, мне нужно с ним связаться. Заключить сделку. Скажите, как это сделать.

Когда она не ответила, Люк ткнул большим пальцем в пулевое отверстие на ее красных брюках. Миссис Сигсби завопила:

— *Нет, о нет! Мне БОЛЬНО!*

— От шокеров тоже бывает больно! — заорал Люк.

По полу со звоном заструились осколки стекла. Энни смотрела на них как зачарованная.

— От уколов больно! Когда тебя топят, еще хуже! — орал Люк. — А когда калечат твой мозг?

Он вновь с силой вжал палец в рану. Дверь в отделение для задержанных захлопнулась с таким звуком, что все вздрогнули от неожиданности.

— А хуже всего, когда убивают твой мозг!

— *Уберите его!* — завизжала миссис Сигсби. — *Он меня мучает!*

Венди нагнулась, чтобы оттащить Люка, но Тим мотнул головой и удержал ее.

— Нет, — сказал он.

— Это заговор, — зашептала Энни Барабаншику. Глаза у нее расширились. — Она работает на тайную организацию. И все остальные тоже. Я с самого начала знала, я всем говорила, а мне никто не верил!

Звон в ушах у Тима понемногу затихал. Он не слышал сирен, и его это удивляло. Возможно, полиция штата еще не знает о перестрелке в Дюпрее. А если кто-нибудь звонил в службу спасения, то звонок переключается не на полицейскую службу Южной Каролины, а в управление шерифа округа Фэрли, то есть сюда. Тим глянул на свои часы и с изумлением обнаружил, что все было нормально лишь пять минут назад. Максимум шесть.

— Миссис Сигсби, если не ошибаюсь? — спросил он, вставая на колени рядом с Люком.

Она не ответила.

— Вы угодили в очень серьезные неприятности, миссис Сигсби. Советую вам сказать Люку все, что он хочет знать.

— Мне нужна помощь врача.

Тим мотнул головой:

— Вам нужно ответить на вопросы. Тогда мы подумаем насчет врачебной помощи.

— Люк говорил правду, — сообщила Венди, ни к кому в особенности не обращаясь. — Про все.

— А я что сейчас сказала? — спросила Энни.

В помещение протиснулся док Роупер.

— Господи Иисусе! — воскликнул он. — Кто здесь еще живой? Сильно ли ранена эта женщина? Тут что, была террористическая атака?

— Они меня пытаются, — сказала миссис Сигсби. — Если вы врач, а судя по вашему черному чемоданчику это так, вы обязаны их остановить.

Тим сказал:

— Мальчик, которого вы сегодня перевязывали, бежал от этой женщины и группы захвата, с которой она тут появилась. Не знаю, сколько убитых на улице, но мы потеряли пятерых, включая шерифа, и все по приказу этой женщины.

— С этим разберемся позже, — ответил Роупер. — Сейчас я должен оказать ей медицинскую помощь. И пусть кто-нибудь вызовет скорую, черт побери.

Миссис Сигсби глянула на Люка, оскалила зубы в торжествующей улыбке и снова посмотрела на Роупера:

— Спасибо, доктор. Спасибо.

— Тетка — кремень, — произнесла Энни с некоторым восхищением. — Малый, которого я подстрелила, послабее будет. На вашем месте я бы поговорила с ним. Думаю, он за укол морфия сейчас родную бабулю в рабство продаст.

Глаза миссис Сигсби испуганно расширились:

— Оставьте его в покое. Я запрещаю вам с ним говорить.

Тим встал.

— Засуньте свой запрет куда подальше. Не знаю, на кого вы работаете, мадам, но, думаю, больше вам детей не похищать. Люк, Венди, за мной.

38

По всему городу зажглись окна, на главной улице Дюпрея толпился народ. Убитых накрыли первым, что попало под руку. Кто-то принес из проулка спальный мешок Сиротки Энни и расстелил его поверх Робин Лекс.

Про доктора Эванса совершенно забыли. Он вполне мог бы доковылять до одного из минивэнов на стоянке и укатить, но не двинулся с места. Тим, Венди и Люк нашли его сидящим на тротуаре перед «Алмазом». Щеки Эванса блестели от слез. Он сумел снять ботинок и теперь разглядывал ногу в окровавленном носке. Выглядела она сильно изуродованной, но что из этого перелом костей, а что отек, который со временем сойдет, Тим не знал и не интересовался.

— Как вас зовут, сэр? — спросил Тим.

— Не важно, как меня зовут. Я требую адвоката. И врача. В меня стреляла женщина, и я требую ее арестовать.

— Его зовут Джеймс Эванс, — сказал Люк. — Он врач. Такой же, каким был Йозеф Менгеле*.

Эванс как будто впервые заметил Люка и дрожащим пальцем указал на него:

— Это все ты виноват.

Люк метнулся к Эвансу, но на сей раз Тим его удержал и подтолкнул к Венди, которая взяла мальчика за плечи.

Тим присел на корточки, чтобы взглянуть бледному, перепуганному человеку прямо в глаза.

— Слушайте меня, доктор Эванс. Слушайте внимательно. Вы и ваши товарищи ворвались в наш город с оружием, чтобы захватить этого мальчика, и убили пять человек. Все погибшие — полицейские. Возможно, вы раньше не знали, так знайте: в Южной Каролине существует смертная казнь. И если вы думаете, что вас не казнят в два счета за убийство окружного шерифа и пятерых его помощников...

— Я тут ни при чем! — пискнул Эванс. — Меня привезли сюда против моей воли... Я протестовал...

— Молчать! — рявкнула Венди. В руке у нее по-прежнему был «глок» покойного Тэга Фарадея, и теперь она

* Йозеф Менгеле (1911–1979) — немецкий врач, проводивший опыты на узниках Освенцима.

навела его на уже простреленную ногу Эванса. — Вы убили моих друзей. Если думаете, будто я стану зачитывать вам права или еще что, то вы чокнутый придурок. Учтите: если вы сейчас же не скажете Люку все, что он хочет знать, я всажу вам пулю в другую...

— Хорошо! Хорошо! Да! — Эванс двумя руками закрыл здоровую ногу, из-за чего Тиму стало его почти жалко. Почти. — Что? Что ты хочешь знать?

— Мне нужно поговорить со Стэкхаусом, — сказал Люк. — Как это сделать?

— Телефон, — ответил Эванс. — У нее есть специальный телефон. Она ему звонила, до того, как они приступили к... ну, вы знаете... захвату. Я видел, она убрала телефон в карман пиджака.

— Я принесу. — Венди повернулась, чтобы идти в участок.

— Телефона мало, — сказал Люк. — Приведите ее саму.

— Люк... она ранена.

— Она может нам понадобиться, — настаивал Люк. Глаза у него были безжалостные.

— Зачем?

Затем, что теперь это шахматы, а в шахматах мало думать о ходе, который делаешь, или даже о следующем. Ты обязан думать на три хода вперед. И для каждого знать три альтернативных, в зависимости от ходов противника.

Венди посмотрела на Тима, тот кивнул:

— Приведи ее. Если потребуется, в наручниках. В конце концов, ты представитель закона.

— Господи, ну и мысль, — ответила Венди и ушла.

Теперь наконец Тим услышал сирену. Может быть, даже две. Слабые, очень далеко.

Люк схватил его за руку. Тим подумал, что мальчик выглядит очень собранным и при этом смертельно усталым.

— Нельзя, чтобы меня сейчас забрали. Моим друзьям больше некому помочь.

— Твоим друзьям в Институте?
— Да. Вы же теперь мне верите?
— Трудно не поверить после флешки и всего остального. Кстати, она у тебя?

Люк похлопал себя по карману.

— Миссис Сигсби и ее люди планируют сделать с твоими друзьями что-то, после чего они станут как те дети на флешке?

— Они уже это делали, но мои друзья вырвались. В основном благодаря Авери, который туда попал за то, что помог мне сбежать. По-моему, это называется ирония судьбы. Я почти уверен, что они снова угодили в ловушку. Стэкхаус их убьет, если я не сумею сторговаться.

Вернулась Венди. В руке она держала прямоугольный предмет — видимо, телефон. По тыльной стороне ладони тянулись три кровавые царапины.

— Не хотела отдавать. А сильная какая, хоть и с простреленной ногой!

Венди протянула устройство Тиму и обернулась. Сиротка Энни и Барабанщик Дентон тащили миссис Сигсби под руки, та, несмотря на бледность и перекошенное болью лицо, упиралась изо всех сил. За ними шли не меньше тридцати дюпрейцев во главе с доком Роупером.

— Вот она, Тимми, — запыхавшись, объявила Сиротка Энни. Судя по красным отметинам на щеке и виске, миссис Сигсби успела ударить ее по лицу, и не раз, однако Энни вовсе не выглядела огорченной. — Что велишь с ней делать? Я так понимаю, вздернуть ее нам не разрешат, а вообще хотелось бы.

Док Роупер поставил свой чемоданчик, схватил Энни за сарапе и отодвинул в сторону, чтобы не мешала говорить с Тимом.

— Вы соображаете, что делаете, ради всего святого? Эту женщину нельзя никуда везти! Вы ее убьете!

— Думаю, она вовсе не на пороге смерти, док, — вмешался Барабанщик. — Двинула мне так, что чуть нос не сломала.

Он рассмеялся, и Тим подумал, что впервые слышит его смех.

Венди, не обращая внимания ни на доктора, ни на Барабанщика, сказала:

— Тим, если мы хотим куда-то ехать, нам стоит тронуться до появления полиции штата.

— *Пожалуйста.* — Люк посмотрел сперва на Тима, потом на доктора Роупера. — Без нашей помощи мои друзья погибнут, я точно знаю. А с ними и другие, те, кого называют овощами.

— Я требую доставить меня в больницу, — сказала миссис Сигсби. — Я потеряла много крови. И я требую адвоката.

— Заткни рот, или я его тебе заткну. — Сиротка Энни глянула на Тима. — Не так ей плохо, как она притворяется. Кровь уже не течет.

Тим ответил не сразу. Он вспомнил, как еще относительно недавно заскочил в сарасотский «Вестфилд-молл» всего-то купить ботинки и женщина бросилась к нему, потому что он был в форме. Она сказала, парнишка размахивает пистолетом у входа в кинотеатр. Тим пошел проверить и оказался перед выбором, изменившим его жизнь. Собственно, тогдашнее решение и привело его сюда. И теперь ему опять нужно принять решение.

— Перевяжите ее, док. Мы с Венди и Люком возьмем этих двоих прокатиться на машине и посмотрим, удастся ли уладить дело.

— И дайте ей обезболивающее, — добавила Венди.

Тим мотнул головой:

— Нет. Обезболивающее отдайте мне. Я решу, когда она его получит.

Док Роупер смотрел на Тима — и на Венди, — как будто видел их впервые в жизни.

— Так поступать нельзя.

— Нет, док, — с неожиданной мягкостью произнесла Энни и, взяв Роупера за плечо, указала сперва на

прикрытые чем попало тела посреди улицы, потом на полицейский участок с выбитыми стеклами. — *Так* нельзя поступать.

Доктор мгновение стоял, глядя на тела и на изрешеченный пулями участок. Затем принял решение.

— Давайте посмотрим, что там. Если кровотечение по-прежнему сильное или если раздроблена бедренная кость, я не позволю ее никуда везти.

Еще как позволите, подумал Тим. Потому что у вас нет способа нас остановить.

Роупер встал на колени, открыл чемоданчик и достал хирургические ножницы.

С криком: «Нет!» — миссис Сигсби вырвалась из рук Барабанщика. Тот сразу снова ее поймал, но Тим успел отметить, что она смогла перенести вес на раненую ногу. Увидел это и Роупер. Несмотря на преклонный возраст, он по-прежнему мало что упускал.

— Я не позволю оперировать меня посреди улицы! — выкрикнула миссис Сигсби.

— Я прооперирую только штанину ваших брюк, — ответил Роупер. — Если вы не будете дергаться. Если дернетесь, я за последствия не отвечаю.

— Нет! Я запрещаю...

Энни схватила ее за горло.

— Женщина, мне надоело слушать твои вопли. Стой смирно, а не то нога станет наименьшей из твоих забот.

— Руки прочь!

— Только если будешь стоять смирно. А иначе я сверну твою цыплячью шею.

— Советую ее слушаться, — вмешалась Эдди Гулсби. — Она, когда не в себе, совсем бешеная.

Миссис Сигсби перестала сопротивляться, быть может, не столько от угроз, сколько от усталости. Роупер аккуратно обрезал ей брюки в двух дюймах выше раны. Штанина сползла к щиколотке, обнажив белую кожу, варикозные вены и что-то, больше похожее на ножевой порез, чем на пулевое ранение.

— Ну, милочка, — с облегчением произнес Роупер, — все не страшно. Хуже царапины, но ненамного. Вам повезло, мэм. Ранка уже затягивается.

— *Я тяжело ранена!* — выкрикнула миссис Сигсби.

— Будешь тяжелораненой, если не заткнешься, — пригрозил Барабанщик.

Доктор продезинфицировал рану, перевязал ее и закрепит бинт заколками-бабочками. К тому времени как он закончил, вокруг собрался весь Дюпрей. Тим, не обращая внимания на зрителей, занялся телефоном миссис Сигсби. Он нажал кнопку на боку устройства. Экран засветился, зажглась надпись: «УРОВЕНЬ ЗАРЯДА 75%».

Тим выключил телефон и протянул Люку:

— Пусть пока у тебя будет.

Когда Люк убирал телефон в карман, где лежала флешка, кто-то потянул его за штаны. Это был Эванс.

— Осторожнее, юный Люк. Если что, ты будешь виноват.

— В чем? — спросила Венди.

— В конце света, мисс. В конце света.

— Заткнись, идиот, — буркнула миссис Сигсби.

Тим мгновение смотрел на нее, затем повернулся к доку:

— Я не знаю, с чем именно мы столкнулись, но это определенно что-то необычное. Нам нужно поговорить с этими двумя без посторонних. Когда приедет полиция штата, скажите, что мы будем здесь через час, максимум через два. Тогда и вернемся к более или менее нормальной полицейской процедуре.

Он сильно сомневался, что сдержит обещание. Судя по всему, его жизни в Дюпрее, штат Южная Каролина, пришел конец. А жаль.

Я ведь мог бы остаться тут насовсем, подумал Тим. Возможно, с Венди.

39

Глэдис Хиксон стояла перед Стэкхаусом по стойке «вольно» — ноги на ширине плеч, руки за спиной. Фальшивая улыбка, которую знали (и ненавидели) все дети в Институте, отсутствовала.

— Глэдис, ситуация вам ясна?

— Да, сэр. Подопечные из Дальней половины находятся в переходном туннеле.

— Именно так. Выбраться они оттуда не могут, но и мы сейчас не можем до них добраться. Правильно ли я понимаю, что они пытались влиять на сознание персонала с помощью своих экстрасенсорных способностей?

— Да, сэр. У них не получилось.

— Но это неприятно.

— Да, сэр, немного. Это вроде... гула. Отвлекает мысли. Здесь, в административной части, этого пока нет, но на Ближней половине все его чувствуют.

Вполне объяснимо, подумал Стэкхаус. Расстояние от Ближней половины до туннеля куда меньше. Собственно, она расположена прямо над ним.

— И, похоже, гул усиливается, сэр.

Возможно, ей просто мерещится. Стэкхаус мог надеяться, что это так. Мог надеяться, что Донки-Конг прав и Диксон с товарищами не сумеют воздействовать на подготовленный мозг даже с помощью овощей, в чьих силах сомневаться не приходится. Однако, как говорил его дедушка, надежды на скачках не выигрывают.

Глэдис, смущенная его молчанием, добавила:

— Но мы знаем, чего они добиваются, сэр, так что это не проблема. Мы крепко держим их за яйца.

— Отлично сказано, Глэдис. Теперь к тому, зачем я вас вызвал. Как я понимаю, вы учились в Массачусетском университете.

— Только три семестра, сэр. Потом мне разонравилось, и я пошла в морскую пехоту.

Стэкхаус кивнул. Незачем унижать Глэдис, напоминая, что причины ухода есть в ее досье: год она училась неплохо, потом вляпалась в серьезные неприятности. В студенческом кабаке неподалеку от кампуса она повздорила с однокурсницей, положившей глаз на ее парня, и такхватила ее пивной кружкой по голове, что девушка потеряла сознание. После этого Глэдис вышибли не только из кабака, но и из университета. Случай агрессивного поведения был не первый. Немудрено, что она выбрала морскую пехоту.

— Как я понимаю, вашей специальностью была химия.

— Не совсем, сэр. Я не успела выбрать специальность до того, как меня... до того, как решила уйти.

— Но собирались выбрать химию?

— М-м, да, сэр, тогда собиралась.

— Глэдис, предположим, нам потребуется — если употребить несправедливо демонизированное выражение — окончательно решить вопрос подопечных в туннеле. Я вовсе не говорю, что потребуется, но предположим.

— Вы спрашиваете, можно ли отравить их газом, сэр?

— Допустим.

На сей раз Глэдис улыбнулась совершенно искренне. Пожалуй, даже приободрилась. Если подопечных не станет, исчезнет и мерзкий гул.

— Нет ничего проще, сэр, — при условии, что туннель подключен к системе ОВКВ, а я уверена, что подключен.

— ОВКВ?

— Отопление, вентиляция, кондиционирование воздуха. Нужны только отбеливатель и чистящее средство для унитазов. У хозчасти всего этого завались. Если их смешать, получится хлор. Поставить несколько ведер под воздухозабор ОВКВ, идущий в туннель, обернуть брезентом, чтобы тяга была получше, и готово. Разумеется, надо прежде эвакуировать персонал Дальней половины. У всей той части здания может быть один воздухозабор.

Точно не знаю. Могу посмотреть планы вентиляции, если вы...

— Не нужно, — сказал Стэкхаус. — Недурно будет, если вы с Фредом Кларком из хозчасти приготовите... э... необходимые компоненты. На самый крайний случай, вы понимаете.

— Да, сэр, прекрасно понимаю, — с энтузиазмом ответила Глэдис. — Можно спросить, где миссис Сигсби? Ее кабинет пуст, а Розалинда не ответила, где она, сказала обратиться к вам.

— Дела миссис Сигсби вас не касаются, — отрезал Стэкхаус, а поскольку Глэдис упорно держалась по-военному, добавил: — Свободны.

Она отправилась искать уборщика Фреда и добывать компоненты, которые положат конец и детям, и гулу на Ближней половине.

Стэкхаус сел, гадая, потребуется ли такая радикальная мера. И вправду ли она настолько радикальная, учитывая, чем они тут занимались последние лет семьдесят. В их деле смерть неизбежна, и бывает, что нехорошая ситуация требует начать все сначала.

Удастся ли начать сначала, зависит от миссис Сигсби. Ее поездка в Южную Каролину — довольно отчаянная затея, но часто именно такие планы срабатывают. Стэкхаусу вспомнились слова Майка Тайсона: как только начинают сыпаться удары, стратегия летит ко всем чертям. Во всяком случае, стратегия ухода давно разработана. Много лет назад. Деньги отложены, фальшивые паспорта (три штуки) готовы, маршруты просчитаны, место назначения ждет. Однако он будет оставаться здесь, сколько сможет, отчасти из преданности Джулии, отчасти потому, что верит в их общее дело. Сделать мир безопасным для демократии* — не главная задача. Главная — сделать мир безопасным. Точка.

* Из выступления Вудро Вильсона перед конгрессом 2 апреля 1917 г. накануне вступления США в Первую мировую войну.

Пока еще нет причин рвать когти, убеждал он себя. Лодка лишь накренилась. Стоит побороться. Посмотрим, за кем останется победа.

Стэкхаус ждал, когда раздастся пронзительный звонок боксфона. Как только Джулия расскажет, что там у нее, он решит, как быть дальше. Если телефон не звонит вовсе, это и будет ответом.

40

На пересечении шоссе US-17 и SR-92 стоял заброшенный салон красоты. Тим остановил минивэн, обошел его, открыл пассажирскую дверцу со стороны миссис Сигсби, затем отодвинул сдвижную дверь. Люк и Венди расположились по обеим сторонам доктора Эванса, который сидел, мрачно уставясь на раздувшуюся ступню. Венди держала «глок» Тэга Фарадея, Люк — боксфон миссис Сигсби.

— Люк, со мной, — скомандовал Тим. — Венди, останься, пожалуйста, в машине.

Люк вышел. Тим попросил у него телефон, включил и нагнулся к миссис Сигсби:

— Как эта штукавина работает?

Миссис Сигсби, не отвечая, смотрела на заколоченное здание с выцветшей вывеской «Хэйрпорт-2000». Стрекотали сверчки, со стороны Дюпрея доносилось завывание полицейских сирен. Уже ближе, но еще не в городе, прикинул Тим. Скоро доедут.

Он вздохнул.

— Не осложняйте дело, мэ. Люк сказал, что у нас есть шанс сторговаться, а он малый головастый.

— Чересчур головастый, до добра его это не доведет, — ответила миссис Сигсби и вновь плотно сжала губы. Она смотрела через ветровое стекло, скрестив руки на плоской груди.

— Учитывая вашу позицию, я бы сказал, что до добра это не доведет вас. Когда я просил не усложнять дело, я имел в виду: не заставляйте меня применять к вам методы физического воздействия. Для садистки, которая мучила детей...

— Мучила и убивала, — вставил Люк. — И других людей тоже.

— Для садистки, которая все это проделывала, вы сами на удивление чувствительны к боли. Так что заканчивайте играть в молчанку и покажите мне, как эта штука работает.

— Она активируется голосом, верно? — спросил Люк. Миссис Сигсби изумленно посмотрела на него:

— Ты ТЛК, не ТЛП. Да и ТЛК не такой уж сильный.

— Все изменилось, — ответил Люк. — Из-за Штази-огоньков. Активируйте телефон, миссис Сигсби.

— Предлагаешь сделку? — Она хрипло хохотнула. — Что мне проку от твоей сделки? Я в любом случае покойница, потому что проиграла.

Тим нагнулся в салон:

— Венди, дай мне пистолет.

Она подчинилась без возражений.

Тим приставил пистолет Тэга Фарадея к необрезанной штанине чуть ниже колена.

— Это «глок», мэм. Если я нажму спусковой крючок, вы никогда больше не будете ходить.

— Болевой шок и кровопотеря ее убьют! — взвизгнул доктор Эванс.

— На ее совести пять убитых здесь, — сказал Тим. — Думаете, мне хоть сколько-нибудь ее жалко? Итак, миссис Сигсби. Это ваш последний шанс. Возможно, вы сразу потеряете сознание, хотя вряд ли. Боль будет такая, что царапина на другой ноге покажется вам ласковым поцелуем на ночь.

Миссис Сигсби молчала.

— Не надо, Тим, — вмешалась Венди. — Ты не можешь вот так, хладнокровно...

— Могу. — Тим не знал, правду ли говорит, и уж точно не хотел проверять. — Помогите мне, миссис Сигсби. Помогите себе.

Молчание. А время поджидает. Энни не скажет полиции штата, в какую сторону они поехали. И Барабанщик не скажет. И Эдди Гулсби. А вот док Роупер может сказать. Еще более вероятный кандидат — Норберт Холлистер, который во время перестрелки благоразумно держался подальше от главной улицы.

— Ладно. Вы — подлая убийца, но мне все равно жаль, что приходится так поступать. До трех считать не буду.

Люк зажал уши руками, ожидая выстрела, и это ее убедило.

— Не надо. — Она подняла руку. — Дайте мне телефон.

— Это вряд ли.

— Тогда поднесите его к моим губам.

Тим приблизил телефон к ее лицу. Миссис Сигсби что-то пробормотала, и телефон отозвался: «В активизации отказано. У вас еще две попытки».

— Вы можете лучше, — сказал Тим.

Миссис Сигсби прочистила горло и на сей раз заговорила почти нормальным голосом:

— Сигсби-один. «Канзас-Сити чифс»*.

Экран был почти как у айфона. Тим ткнул в значок с телефонной трубкой, затем вкладку «НЕДАВНИЕ». Фамилия СТЭКХАУС была в самом верху списка.

Тим протянул телефон Люку:

— Звони. Пусть он услышит твой голос. Потом передашь мне.

— Потому что вы взрослый и вас он станет слушать.

— Надеюсь, ты прав.

* Профессиональный клуб по американскому футболу из Канзас-Сити, выступающий в Национальной футбольной лиге.

41

С последнего звонка Джулии прошел почти час — слишком много времени, — когда наконец раздалось знакомое резкое треньканье. Стэкхаус схватил боксфон со стола.

— Вы поймали его, Джулия?

Голос, прозвучавший в ответ, так ошеломил Стэкхауса, что тот чуть не выронил телефон.

— Нет, — сказал Люк Эллис. — Все наоборот.

Стэкхаус отчетливо слышал удовольствие в тоне маленького засранца.

— Это мы ее поймали.

— Что... что... — В первый миг Стэкхаус не нашелся что сказать. Ему не понравилось слово «мы». Успокаивала только мысль о трех паспортах в сейфе и тщательно продуманная стратегия ухода.

— Не врубаетесь? — спросил Люк. — Наверное, вас нужно макнуть в бак. Это удивительно повышает умственные способности. Я — живой пример. И Авери, готов спорить, тоже.

У Стэкхауса было сильнейшее желание дать отбой, схватить паспорта и тихонько, по-быстрому свалить. Останавливал сам факт, что мальчишка позвонил. Значит, ему есть что сказать. А может, есть что предложить.

— Люк, где миссис Сигсби?

— Здесь, — ответил Люк. — Она разблокировала для нас телефон. Правда, очень мило с ее стороны?

«Для нас». Опять это плохое местоимение. *Опасное.*

— Произошло недопонимание, — сказал Стэкхаус. — Если есть способ его устранить, необходимо это сделать. Ставки выше, чем ты думаешь.

— Возможно, способ есть, — ответил Люк. — Это было бы хорошо.

— Прекрасно! Если ты дашь мне миссис Сигсби на минуту-другую, чтобы я убедился, что у нее все в порядке...

— Давайте вы лучше поговорите с моим другом. Его зовут Тим.

Стэкхаус ждал, струйки пота текли по его щекам. Он глянул на экран компьютера. Дети, затеявшие бунт — Диксон и остальные, — вроде бы спали. Овощи не спали. Они бесцельно бродили, изредка натываясь друг на друга, как старые электромобильчики в аттракционе «Автодром». Один писал на стене чем-то вроде мелка. Стэкхаус удивился. Он не думал, что кто-нибудь из них еще способен писать. Может, просто каракули рисует. Чертова камера не позволяла разобрать. Треклятое допотопное оборудование.

— Мистер Стэкхаус?

— Да. С кем я говорю?

— Меня зовут Тим. Больше вам пока ничего знать не нужно.

— Я хочу поговорить с миссис Сигсби.

— Скажите что-нибудь, но быстро, — произнес человек, назвавшийся Тимом.

— Тревор, я здесь, — сказала Джулия. — Прости, у нас ничего не вышло.

— Как...

— Не важно как, мистер Стэкхаус, — перебил человек, назвавшийся Тимом, — и не важно, что говорит эта суперстерва. Нам надо заключить сделку, причем быстро. Так что заткнитесь и слушайте.

— Хорошо. — Стэкхаус придвинул себе блокнот. Капли пота упали на бумагу. Он вытер рукавом лоб, открыл чистую страницу и взял ручку. — Говорите.

— Люк привез из вашего Института флешку. Ее записала женщина по имени Морин Алворсон. Эта женщина рассказала такое, во что почти невозможно поверить, однако она подкрепила свои слова видеозаписью происходящего в Палате А, или на Овощебазе, как вы ее называете. Вы меня слушаете?

— Да.

— Люк говорит, что вы держите в заложниках некоторое количество его друзей, а также некоторое количество детей из Палаты А.

До сей минуты Стэкхаус не думал о них как о заложниках, но, возможно, с точки зрения Эллиса...

— Хорошо, назовем это так, Тим.

— Да, назовем это так. А теперь главное. На данный момент историю Люка и то, что записано на флешке, знают лишь двое. Я и моя коллега Венди. Мы оба сейчас с Люком. Запись видели и другие люди, полицейские, но по милости вашей суперстервы и ее боевиков все эти люди мертвы. И почти все ее головорезы тоже.

— Не может быть! — вырвалось у Стэкхауса. Кучка провинциальных копов уничтожила объединенные Опаловую и Рубиновую команды? Бред какой-то!

— Шефиня чуток поторопилась, и ее застали врасплох. Однако не будем отвлекаться. Флешка у меня. Еще у меня миссис Сигсби и доктор Эванс. Оба ранены, но, если выйдут из этой истории благополучно, жить будут. У вас дети. Махнемся?

Стэкхаус ошеломленно молчал.

— Стэкхаус? Я жду ответа.

— Все зависит от того, сумеем ли мы сохранить в тайне существование этого учреждения, — сказал Стэкхаус. — Без таких гарантий любые сделки бессмысленны.

Пауза. Затем Тим заговорил снова:

— Люк считает, это возможно. Куда мне ехать, Стэкхаус? Как ваша пиратская команда умудрилась так быстро добраться сюда из Мэна?

Стэкхаусу волей-неволей пришлось рассказать о «Челленджере», который стоит в Алколу.

— Как доедете до Бофорта, миссис Сигсби даст вам подробные указания. А теперь мне надо снова поговорить с Люком.

— Это правда нужно?

— Совершенно необходимо.

Вновь короткая пауза, затем голос мальчика:

— Что?

— Полагаю, ты был на связи со своими друзьями, — сказал Стэкхаус, — и даже с одним конкретным другом, мистером Диксоном. Не надо отрицать или подтверждать, время поджидает. На случай если ты не знаешь в точности, где они...

— В туннеле между Дальней и Ближней половинами. Стэкхаус неприятно удивился.

— Верно. Если мы договоримся, они могут выйти оттуда живыми. Если не договоримся, я пушу в туннель хлор, и они умрут медленной, мучительной смертью. Я не увижу, как это произойдет; отдав приказ, я через две минуты покину Институт. Тебе я это рассказываю, потому что уверен: твой новый приятель Тим хотел бы вывести тебя из предстоящей сделки. Этому не бывать. Понял?

Наступило молчание, потом Люк сказал:

— Да. Понял. Я еду с ним.

— Отлично. На данный момент. Мы все обсудили?

— Не совсем. Будет ли телефон миссис Сигсби работать из самолета?

Стэкхаус расслышал, как миссис Сигсби отвечает, что да, будет.

— Не отходите от телефона, мистер Стэкхаус, — сказал Люк. — Возможно, нам понадобится поговорить. И даже не думайте сбежать. Если вы сбежите, я узнаю. С нами коллега Тима, и если я попрошу ее обратиться в Министерство национальной безопасности, она это сделает. Ваши фотографии попадут во все аэропорты страны, и никакие фальшивые документы вам не помогут. Вы будете у всех на виду, как кролик в чистом поле. Поняли?

Второй раз за время разговора Стэкхаус утратил дар речи.

— Поняли?

— Да, — ответил он.

— Хорошо. Мы позвоним для уточнения деталей.

Мальчик отключился. Стэкхаус аккуратно положил телефон на стол и заметил, что рука легонько дрожит. Отчасти его трясло от страха, но куда сильнее от ярости. *Мы позвоним для уточнения деталей!* Как будто мальчишка — занятой миллионер из Кремниевой долины, а Стэкхаус — его подчиненный.

Ну, это мы еще посмотрим, подумал он. Это мы еще посмотрим.

42

Люк вернул Тиму боксфон с таким выражением, словно был рад от него избавиться.

— Откуда ты знаешь, что у него фальшивые документы? — спросила Венди. — Мысли прочел?

— Нет, — ответил Люк. — Но готов поспорить, у него их куча — паспорта, водительские права, свидетельства о рождении. Думаю, у многих там они есть. Вряд ли у зрителей, лаборантов и столовской obsługi, но у начальства точно. Они как Эйхман и Вальтер Рауфф*, который придумал передвижные газовые камеры. — Люк посмотрел на миссис Сигсби. — Рауфф отлично вписался бы в ваш коллектив.

— У Тревора, может, и есть фальшивые документы, — ответила миссис Сигсби. — У меня нет.

И хотя Люк не мог прочесть ее мысли — миссис Сигсби закрыла от него сознание, — она наверняка не

* Отто Адольф Эйхман (1906–1962) — оберштурмбаннфюрер СС, начальник отдела гестапо, отвечавшего за «окончательное решение еврейского вопроса». После войны бежал в Южную Америку. Там агенты «Моссада» выследили его, похитили и вывезли в Израиль, где суд приговорил его к смертной казни; Херманн Юлиус Вальтер Рауфф (1906–1984) — штандартенфюрер СС, возглавлял подразделение СС, в задачу которого входило массовое уничтожение евреев в Северной Африке. После войны бежал в Чили, где и умер в преклонном возрасте своей смертью.

лгала. Для таких, как она, есть слово, и слово это — «фанатики». Эйхман, Менгеле и Рауфф бежали, потому что были трусами и приспособленцами; их фанатичный фюрер остался и покончил с собой. Люк был убежден, что миссис Сигсби поступила бы так же. При условии, что сумеет покончить с собой безболезненно.

Он уселся обратно в машину, следя, чтобы не задеть раненую ногу Эванса.

— Мистер Стэкхаус думает, я еду к нему, но это не так.

— Да? — спросил Тим.

— Да. Я еду по его душу.

В сумерках перед глазами Люка вспыхнули Штази-огни, и сдвижная дверь микроавтобуса захлопнулась сама по себе.

БОЛЬШОЙ ТЕЛЕФОН

1

До Бофорта в салоне почти не разговаривали. Доктор Эванс попытался еще раз объяснить, что он ни в чем не виноват. Тим предложил ему выбор: заткнуться и получить две таблетки обезболивающего, выданного доктором Роупером, или болтать дальше и терпеть боль в простреленной ноге. Эванс выбрал молчание и таблетки. В коричневом пузырьке осталось еще несколько. Тим предложил одну миссис Сигсби. Та проглотила ее, не запивая, и не удосужилась поблагодарить.

Тим хотел обеспечить тишину Люку, который теперь был мозгом операции. Почти любой сказал бы, что это идиотизм — поручать двенадцатилетнему ребенку разработку сложного плана: как вызволить детей из туннеля и не погибнуть самим. Однако Венди, судя по ее молчанию, так не думала. Они знали, чего Люку стоило добраться сюда, видели его в деле и не сомневались.

В чем именно не сомневались? В том, что мальчишка не только отчаянно смелый, но и невероятно умный — настоящий, стопроцентный гений. Институтские сволочи похитили его ради способности, которая (по крайней мере до того, как ее усилили) годилась разве что для салонных фокусов; гениальность была лишь ненужным

довеском. Они вели себя как браконьеры, убивающие слона весом двенадцать тысяч фунтов ради девяноста фунтов слоновой кости.

Тим сомневался, что Эванс мог бы оценить иронию, а вот миссис Сигсби, наверное, могла бы... если бы допустила в свое сознание эту мысль: тайный проект, существовавший десятилетиями, сгубило то, чему исполнители не придавали значения, — феноменальный интеллект ребенка.

2

Часов в девять, когда они въехали в Бофорт, Люк попросил Тима найти мотель.

— Только перед входом не останавливайтесь. Припаркуйтесь сзади.

На Баундери-стрит обнаружился «Эконо-лодж» с парковкой в тени магнолий. Тим остановился у ограды и выключил двигатель.

— Здесь вы нас покинете, Венди, — объявил Люк.

— Тим? — спросила та. — Что он хочет сказать?

— Что тебе надо снять номер. И он прав, — ответил Тим. — Мы едем, ты остаешься.

— Возвращайтесь, как возьмете ключ, — сказал Люк. — И захватите листок бумаги. Ручка у вас есть?

— Конечно. И блокнот. — Венди хлопнула по карману форменных брюк. — Хотя...

— Я объясню, что смогу, когда вы вернетесь, но суть в том, что вы — наш страховой полис.

Миссис Сигсби впервые с остановки у закрытого салона красоты обратилась к Тиму:

— То, что придумал этот мальчик, сумасшествие, а вы сумасшедшие, если его слушаете. Самое разумное для вас троих — оставить меня и доктора Эванса здесь, а самим сделать ноги, и побыстрее.

— То есть бросить моих друзей на смерть, — заметил Люк.

Миссис Сигсби улыбнулась:

— Подумай головой, Люк. Ты им ничем не обязан.

— Вам этого не понять. Даже за миллион лет, — ответил Люк.

— Давай, Венди. — Тим крепко стиснул ее руку. — Сними номер и возвращайся.

Она посмотрела на него с некоторым сомнением, но отдала «глок», вылезла из машины и пошла к мотелю.

Доктор Эванс сказал:

— Прошу учесть, что я здесь против воли. Я заявил...

— Протест. Да, мы поняли, — ответил Тим. — А теперь заткнитесь.

— Мы можем выйти? — спросил Люк. — Хочу поговорить с вами без...

Он кивнул в сторону миссис Сигсби.

— Конечно.

Тим открыл обе дверцы — пассажирскую и сдвижную, — затем встал у ограды, отделявшей территорию мотеля от закрытого салона по продаже автомобилей. Люк подошел к нему. Со своего места Тим видел обоих пассажиров и мог остановить любого из них, если тот попытается сбежать. Впрочем, он не слишком этого опасался, учитывая, что у одного была прострелена стопа, а у другой — бедро.

— Что такое?

— Вы в шахматы играете?

— Правила знаю, но играть никогда толком не умел.

— Я умею. — Люк понизил голос. — И сейчас я играю с ним, со Стэкхаусом. Понимаете?

— Да.

— Пытаюсь думать на три хода вперед, плюс заранее учитывать его будущие ходы.

Тим кивнул.

— В шахматах время важно, только если это быстрые шахматы, а у нас как раз они. Нам надо добраться отсю-

да до аэропорта, где стоит самолет. Дальше до места под названием Преск-Айл, базы самолета. Оттуда до Института. У меня получается, что там мы будем никак не раньше двух ночи. А как по-вашему?

Тим прикинул в уме и кивнул.

— Наверное, чуть позже, но будем считать, в два.

— Значит, у моих друзей есть пять часов, чтобы предпринять что-нибудь самостоятельно. Однако и у Стэкхауса есть пять часов, чтобы заново осмыслить ситуацию и переменить решение. То есть отравить детей газом и сбежать. Я сказал, что его фотография будет в каждом аэропорту, и он вроде бы поверил. Скорее всего это значит, что его фотографии есть где-то в открытом доступе. В Институте много бывших военных. Может, он тоже из них.

— Может, его фото есть даже в телефоне этой суперстервы, — заметил Тим.

Люк кивнул, а сам подумал, что миссис Сигсби наверняка не из тех, кто ставит фотографии на контакты.

— Он может попытаться уйти пешком через канадскую границу. Я уверен, что у него заранее разведан по меньшей мере один маршрут — по заброшенной дороге через лес или вдоль ручья. Это один из вероятных будущих ходов, которые я должен учитывать. Только...

— Только что?

Люк основанием ладони потер щеку — этот жест усталости и нерешительности выглядел на удивление взрослым.

— Только мне нужны ваши подсказки. Мне мои соображения кажутся логичными, но я всего лишь ребенок и не могу быть уверен. Вы взрослый, и вы из хороших парней.

Тима тронули эти слова. Он глянул на мотель. Венди еще не показалась.

— Расскажи, что ты думаешь.

— Я оставил его в дураках. Поломал весь его мир. Думаю, он останется, чтобы меня убить. Он заманивает

меня, используя в качестве приманки моих друзей. Как по-вашему, похоже на правду? Ответьте честно.

— Похоже, — согласился Тим. — Точно сказать нельзя, но месть — сильный мотив, и Стэкхаус будет не первым, кто ради нее поступится собственными интересами. Могу навскидку назвать и еще один повод остаться.

— Какой? — Люк взволнованно смотрел ему в лицо. Из мотеля вышла Венди с ключом-картой в руке.

Тим кивнул на открытую пассажирскую дверцу минивэна, затем нагнулся поближе к Люку.

— Сигсби — шефиня, верно? Стэкхаус — просто исполнитель?

— Да.

Тим чуть заметно улыбнулся:

— А кто *ее* шеф? Об этом ты подумал?

Глаза у Люка расширились, рот приоткрылся. Он понял. И улыбнулся.

3

Двадцать один пятнадцать.

В Институте все было тихо. Подопечные на Ближней половине крепко спали благодаря снотворному, которое дали им Джо и Хадад. В туннеле пятеро зачинщиков тоже спали, но едва ли крепко. Стэкхаус от души надеялся, что их мучает нестерпимая головная боль. Бодрствовали только овощи — они слонялись по туннелю так, словно им правда было куда идти. Иногда они вставали в кружок, как будто собирались водить хоровод.

Стэкхаус вернулся в кабинет миссис Сигсби и отпер нижний ящик стола полученным от нее дубликатом ключа. Теперь он держал в руках особый боксфон, тот, который называли Зеленым, или Нулевым телефоном. Стэкхаус вспоминал слова Джулии про это устройство. Дело было в городке, в прошлом году, когда Хекл и Джекл еще не окончательно расстались со своим серым веще-

ством. Подопечные из Дальней половины только что завалили саудовского бизнесмена, снабжавшего деньгами террористические ячейки в Европе, причем выглядело это как несчастный случай. Жизнь была прекрасна. Джулия пригласила его отпраздновать. Они выпили сначала одну бутылку вина, потом вторую, и у Джулии развязался язык.

— Ненавижу отчитываться по Нулевому телефону. Этот человек с пришепетывающим голосом... Мне он всегда представляется альбиносом. Не знаю почему. Может, из-за комикса, который читала в детстве. Там был злодей-альбинос с рентгеновским зрением.

Стэкхаус понимающе кивнул.

— Где он? *Кто* он?

— Не знаю и знать не хочу. Я звоню, отчитываюсь, потом иду принимать душ. Только одно может быть хуже, чем звонить по Нулевому телефону: если он *сам* зазвонит.

Стэкхаус глянул на телефон с почти суеверным страхом, как будто тот мог зазвонить из-за одних лишь мыслей о тогдашнем разговоре...

— Нет, — сказал он. Пустой комнате. Молчащему телефону. *Пока* молчащему, во всяком случае. — Суеверие ни при чем. Ты позвонишь. Простая логика.

Безусловно. Потому что шепелявый и организация, в которой он состоит, узнают о впечатляющем провале в южно-каролинском городке. Это будет на первых страницах газет по всей стране и, возможно, по всему миру. Может, они уже знают. Если им известно про Холлистера, осведомителя в Дюпрее, ему могли позвонить и выяснить жуткие подробности.

Однако Нулевой телефон не звонил. Выходит, они не знают? Или знают, но дают ему, Стэкхаусу, время исправить положение?

Он сказал человеку по имени Тим, что любая сделка зависит от того, сумеют ли они сохранить в тайне существование Института. Стэкхаус не питал глупых надежд,

что работа будет продолжаться; во всяком случае, не думал, что она продолжится здесь, в мэнских лесах. Однако если он сумеет удержать ситуацию под контролем, чтобы на первые полосы не выплеснулись заголовки о замученных детях-экстрасенсах... или о том, ради чего все делалось... это уже будет результат. Возможно, его даже наградят, если он предотвратит утечку сведений, хотя просто сохранить жизнь — уже вполне достаточная награда.

По словам Тима, знают всего трое. Остальные, видевшие записанное на флешке, мертвы. Кто-то из злополучной Золотой команды мог остаться в живых, но они флешки не видели, а про остальное будут молчать.

Шаг номер один: заманить Эллиса и его сообщников сюда, думал он. Они доберутся до Института к двум часам ночи. Пусть даже к половине второго — все равно хватит времени подготовить западню. Да, в моем распоряжении только лаборанты, но среди них есть крепкие парни — взять хоть Зика по кличке Грек. И когда шепелявый позвонит — а он точно позвонит — спросить, как я разбираюсь с ситуацией, я смогу сказать...

— Я смогу сказать, что уже разобрался, — произнес Стэкхаус вслух.

Он положил Нулевой телефон на стол миссис Сигсби и послал мысленный приказ: «Не звони. Не смей звонить до трех часов завтрашнего утра. А лучше до четырех или пяти».

— Дай мне вре...

Зазвонил телефон, и Стэкхаус вскрикнул от неожиданности. Потом рассмеялся, хотя сердце по-прежнему бешено стучало. Звонил не Нулевой телефон, а его собственный боксфон. Значит, звонок из Южной Каролины.

— Алло. Это Тим или Люк?

— Люк. Слушайте меня, и я расскажу, как все будет происходить.

4

Калиша заблудилась в очень большом доме и не понимала, как выбраться, поскольку не знала, как там очутилась. Коридор был примерно как на Ближней половине, где она какое-то время жила, пока ее не забрали оттуда, чтобы убить ее мозг. Только в этом коридоре были секретеры, зеркала, одежные вешалки и зонтики в подставке, сделанной, судя по виду, из слоновьей ноги. А еще журнальный столик с телефонным аппаратом, точно таким же, как у нее дома на кухне. И этот телефон звонил. Калиша взяла трубку и, поскольку не могла ответить так, как ее учили с четырех лет («Дом Бенсонов»), сказала просто: «Алло?»

— *Hola? Me escuchas?* — произнесла в трубке незнакомая девочка. Голос был слабый, едва различимый за треском помех.

Калиша знала, что *hola* означает «здравствуй», поскольку учила испанский в школе, но слова *escuchas* в ее скудном словаре не было. Тем не менее она поняла, что сказала девочка, и осознала, что все это происходит во сне.

— Да, э-э... я тебя слышу. Где ты? *Kто* ты?

Девочка не отвечала.

Калиша положила трубку и пошла дальше по коридору. Заглянула в комнату, похожую на гостиную из старого кино, потом в бальный зал. Глядя на пол из черных и белых квадратов, Калиша вспомнила, как Люк и Ник играли на площадке в шахматы.

Зазвонил другой телефонный аппарат. Калиша пошла быстрее и оказалась в аккуратной современной кухне. На холодильнике были картинки, магнетики и наклейка на бампер с надписью: «БЕРКОВИЦА В ПРЕЗИДЕНТЫ!» Калиша понятия не имела, кто такой Берковиц, но почему-то знала, что это его кухня. Телефон висел на стене. Он был больше, чем на журнальном столике, точно больше, чем на кухне Бенсонов, почти как игрушечный. Калиша сняла трубку.

— Алло? *Hola?* Меня зовут... *me llamo...* Калиша.

Но это была не испанская девочка. А мальчик.

— *Bonjour, vous m'entendez?*

Французский. *Bonjour* — это по-французски. Разные языки, один и тот же вопрос, и связь на этот раз была лучше. Ненамного, но лучше.

— Да, уи-уи, я тебя слышу! Где...

Мальчик отключился, и зазвонил другой телефон. Калиша пробежала через буфетную в комнату с тростниковыми стенами и земляным полом, почти целиком закрытым цветной циновкой. Это был последний приют африканского полевого командира Баду Бокассy, которому перерезала горло одна из любовниц. Только на самом деле его убили дети в тысячах миль от того места. Доктор Хендрикс взмахнул своей волшебной палочкой — которая была всего-то бенгальским огнем, — и господин Бокасса лишился жизни. Телефон на циновке был еще больше, почти с настольную лампу. Калиша взяла трубку. Та была очень тяжелая.

Снова девочка, голос звонкий, как колокольчик. Видимо, чем больше телефон, тем лучше связь.

— *Zdravo, čuješ li me?*

— Да, я отлично тебя слышу, что это за место?

Девочка отключилась. Звонил другой телефон. В спальне с люстрой. И этот телефон был размером со скамеечку для ног. Калише пришлось брать трубку двумя руками.

— *Hallo, hoor je me?*

— Да! Отлично слышу! Говори!

Ничего. Даже гудков не было. Просто тишина.

Следующий аппарат в комнате со стеклянным потолком был размером со стол, на котором стоял. Звук резал Калише уши, как будто раздавался через усилитель на рок-н-рольном концерте. Калиша подбежала к телефону, выставив руки ладонями вперед, и сбросила трубку с рычажков — не потому, что надеялась услышать в этот раз что-нибудь вразумительное, а просто чтобы прекратить трезвон, пока не лопнули барабанные перепонки.

— *Ciao!* — раздался оглушительный мальчишеский голос. — *Mi senti? MI SENTI?*

И это ее разбудило.

5

Она была со своими друзьями — Авери, Никки, Джорджем и Хелен. Те еще спали. Джордж и Хелен постанывали. Никки что-то бормотал и тянул руки — Калише вспомнилось, как она бежала к огромному аппарату, чтобы прекратить трезвон. Авери ворочался и шептал слова, которые она уже слышала: «*Hoor je me? Hoor je me?*»

Им снилось то же, что и ей. Учитывая, кто они сейчас — кем сделал их Институт, — удивляться нечему. Они генерируют некую общую энергию, как телепатическую, так и телекинетическую, так почему бы им не видеть один сон? Вопрос только в том, с кого все началось? Калиша предполагала, что с Авери, ведь он из них самый сильный.

Пчелиный улей, подумала она. Вот мы кто. Улей пчел-экстрасенсов.

Калиша встала и огляделась. Они были по-прежнему заперты в туннеле, но вот уровень групповой энергии вроде бы изменился. Может, потому, что дети из Палаты А, несмотря на поздний час, бодрствовали. У Калиши всегда было развито чувство времени; она догадывалась, что сейчас никак не раньше половины десятого.

Гул звучал громче обычного и приобрел циклический ритм: *ммм-МММ-ммм-МММ*. Калиша с интересом отметила, что лампы дневного света над головой мигают в такт гулу: разгораются, блекнут, снова разгораются.

Зримый ТЛК, подумала она. А что проку...

К ней ковылял Пит Литлджон, мальчик, который бился головой и повторял «йа-я-я-я-я». На Ближней половине Пит был одновременно забавным и надоедливым, вроде младшего братишки, который повсюду та-

скается за тобой и подслушивает, когда вы с девчонками секретничаете. Сейчас больно было смотреть на его открытый слюнявый рот и пустые глаза.

— *Me escuchas?* — спросил он. — *Hörst du mich?*

— Тебе тоже это снилось, — сказала Калиша.

Пит, не обращая внимания на ее слова, побрел к своим товарищам, бормоча на ходу что-то, что звучало примерно как *styzez minny*. Бог знает, что это был за язык, но Калиша не сомневалась: значение у фразы такое же, как и у остальных.

— Я тебя слышу, — сказала Калиша в пространство. — Чего тебе надо?

Примерно на середине туннеля кто-то оставил на стене надпись. Калиша подошла глянуть, уворачиваясь от бесцельно слоняющихся детей из Палаты А. Огромными малиновыми буквами на стене было выведено: «ЗВОНИ ПО БАЛЬШОМУ ТИЛЕФОНУ. ВАЗЬМИ БАЛЬШОЙ ТИЛЕФОН». Значит, овощи видят тот же сон, хотя и бодрствуют. А может, они с их почти разрушенным мозгом постоянно живут во сне. Какой ужас — видеть бесконечный сон, из которого не вырваться в реальность.

— И ты тоже?

Спрашивал Ник. Глаза у него были заспанные, волосы стояли торчком, как иголки у ежика, и Калиша ощутила внезапную нежность. Она вопросительно приподняла бровь.

— Сон, — сказал Ник. — Огромный дом, телефоны с каждым разом все больше и больше. Типа, как в «Пятистах шляпах Бартоломью Каббинса».

— В чьих шляпах?

— Это книга Доктора Сьюза. Бартоломью пытается снять шляпу перед королем, но всякий раз под ней оказывается другая, больше и навороченней.

— Не читала, но сон был такой же. Думаю, это все Авери. — Калиша указала на мальчика, который по-прежнему спал в полном изнеможении. — Или, по крайней мере, началось с него.

— Не знаю, с него ли началось, или он получает этот сон, усиливает и передает дальше. Да это и не важно, наверное. — Ник прочел послание на стене. — Овощи что-то волнуются.

Калиша нахмурилась:

— Не называй их так. Это злое слово. Все равно что назвать меня черномазой.

— Ладно, — сказал Ник. — Альтернативно одаренные что-то волнуются. Так лучше?

— Да. — Калиша улыбнулась.

— Как твоя голова, Ша?

— Терпимо. На самом деле вообще не болит. А у тебя?

— У меня тоже.

— И у меня. — К ним подошел Джордж. — Спасибо, что спросили. Вам снился сон? Телефоны все больше и вопрос: «Ты меня слышишь?»

— Ага, — сказал Ник.

— Последний телефон, перед тем как я проснулся, был больше меня. И гул сейчас сильнее. — Без всякого перехода, тем же спокойным тоном, Джордж добавил: — Интересно, нас скоро траванут газом? Странно, что они до сих пор этого не сделали.

6

Двадцать один сорок пять. Парковка за мотелем «Эко-но-лодж» в Бофорте, штат Южная Каролина.

— Я слушаю, — сказал Стэкхаус. — Если ты позволишь тебе помочь, давай обсудим...

— Давайте не будем обсуждать, — отрезал Люк. — Ваше дело — слушать. И записывать, потому что я не хочу повторять дважды.

— А твой друг Тим сейчас бли...

— Вам нужна флешка или нет? Если не нужна, болтайте дальше. Если нужна, *заткните пасть, вашу мать!*

Тим положил ладонь Люку на плечо. На переднем сиденье минивэна миссис Сигсби печально покачала головой. Люк не мог прочесть ее мысли, но знал, что она думает: ребенок пытается выполнить взрослую работу.

Стэкхаус вздохнул.

— Говори. Я записываю.

— Первое. Флешка не останется у офицера Венди, а поедет с нами, однако Венди знает имена и фамилии моих друзей — Калиши, Авери, Ника, Хелен, еще двух-трех, — а также из каких они мест. Если их родители, как и мои, убиты, этого будет достаточно для начала расследования, даже и без флешки. Ей не придется говорить о детях-экстрасенсах и всей вашей бандитской шайке. Полиция найдет Институт. Даже если вы сбежите, Стэкхаус, ваше начальство вас выследит. Мы — ваша единственная надежда на спасение. Ясно?

— Не трать времени на рекламу. Как фамилия офицера Венди?

Тим, который наклонился к телефону, чтобы слышать обоих, мотнул головой. Люк в этом совете не нуждался.

— Не важно. Второе: позвоните в самолет, на котором прилетели ваши бандиты. Скажите пилотам, пусть закроются в кабине, как только увидят, что мы подъезжаем.

Тим шепнул два слова. Люк кивнул.

— Прежде пусть спустят трап.

— Как они узнают, что это вы?

— Мы будем в минивэне, одном из тех, на которых приехали ваши наемные убийцы. — Люк порадовался, что может это сказать и еще раз напомнить Стэкхаусу, что миссис Сигсби потерпела фиаско. — Мы не увидим пилота и второго пилота, они не увидят нас. На месте посадки мы выйдем, они останутся в кабине. Пока все ясно?

— Да.

— Третье. Нас должен ждать девятиместный минивэн, такой же, как тот, на котором мы приехали из Дюпрея.

— У нас нет...

— Не пудрите мне мозги, в вашем казарменном городке целый автопарк. Я его видел. Так вы будете сотрудничать, или мне отказаться от всей затеи?

Люк обливался потом, и не только из-за влажной духоты. Он радовался, что Тим держит его за плечо, радовался заботе, которую читал в глазах Венди. Хорошо, когда ты больше не один. До сих пор Люк и не понимал, до чего же тяжело ему было одному.

Стэкхаус вздохнул, как человек, которого заставляют делать что-то лишнее и неприятное.

— Продолжай.

— Четвертое. Вы раздобудете автобус.

— *Автобус? Ты серьезно?*

Люк решил, что вопрос оправдан и не надо отвечать на него резкостью, тем более что Венди и Тим тоже смотрели на него с удивлением.

— Уверен, что у вас есть друзья повсюду, в частности, кто-нибудь в полиции Деннисон-Ривер-Бенда. Может, даже все отделение. Сейчас лето, дети на каникулах, автобусы на муниципальной стоянке вместе с тракторами, мусоровозами и всем прочим. Скажите вашему другу-полицейскому открыть здание, где лежат ключи. Пусть вставит ключ в замок зажигания автобуса как минимум на сорок мест. Кто-нибудь из ваших лаборантов или смотрителей подгонит автобус к Институту и оставит рядом с флагштоком у административного корпуса. Ключ должен быть в зажигании. Все понятно?

— Да.

Теперь Стэкхаус говорил деловым тоном, не возмущаясь и не перебивая. Люк, даже не разбираясь в психологии и мотивах так же хорошо, как Тим, сообразил, отчего такая перемена. Стэкхаус думает, что его план — это детский лепет, полный идиотизм. Та же мысль выражалась на лицах Тима и Венди. Миссис Сигсби слышала весь разговор и с трудом сдерживала смех.

— Обмен простой. Вы получаете флешку, я — детей. Тех, что из Дальней половины, и тех, что из Ближней половины. К двум часам ночи вы готовы посадить их в автобус. Венди молчит. Такова сделка. Ах да, еще вы получите свою сраную шефиню и сраного доктора.

— Можно задать вопрос, Люк? Это дозволяется?

— Задавайте.

— Ты получишь без малого сорок детей в большом школьном автобусе с надписью «ДЕННИСОН-РИВЕР-БЕНД». Куда ты намерен их везти? Не забывай, что по большей части они совершенно безмозглые.

— В Диснейленд, — ответил Люк.

Тим взялся за лоб, как будто у него внезапно разболелась голова.

— Мы будем держать связь с Венди. Перед взлетом. После посадки. Когда доедем до Института. Если она не дожидется звонка, то начнет звонить сама. Сперва в полицию штата Мэн, затем выше и выше вплоть до ФБР и Министерства национальной безопасности. Понятно?

— Да.

— Отлично. И последнее. Когда мы подъедем, вы должны стоять там. Одна рука на капоте автобуса, другая — на флагштоке. Как только дети будут в автобусе, а мой друг Тим — за рулем, я отдам вам флешку Морин и сам сяду в автобус. Все ясно?

— Да. — Отрывисто. Пытаясь не выдать свое торжество.

Люк подумал: Стэкхаус понимает, что Венди может быть опасна, поскольку знает имена нескольких пропавших детей, но уверен, что эту проблему он сумеет решить. Флешка, которую не так легко объявить фейковой новостью, куда важнее. Я предлагаю ему ее почти что на блюдечке. Сможет ли он отказаться? Ответ: не сможет.

— Люк... — начал Тим.

Люк затряс головой: не отвлекайте меня, я думаю.

Да, дела по-прежнему плохи, однако возник проблеск надежды. Спасибо Тиму, он напомнил о том, до чего

я сам не додумался: Стэкхаусом и Сигсби все не заканчивается. Над ними есть начальство. Когда разразится скандал, Стэкхаус сможет заявить, что предотвратил худшее; ему еще и спасибо скажут.

— Ты позвонишь перед взлетом? — спросил Стэкхаус.

— Нет. Надеюсь, вы все подготовите, — сказал Люк, хотя «надежда» была совсем не тем словом, которое приходило ему на ум при мысли о Стэкхаусе. — В следующий раз будем говорить лично в Институте. Минивэн в аэропорту. Автобус у флагштока. Нарушите договоренность хоть на каком-нибудь этапе — Венди начинает звонить и сообщать информацию.

Он дал отбой и обмяк.

7

Тим вручил Венди «глок» и указал на пленников. Она кивнула. Перепоручив охрану ей, Тим отвел Люка в сторону. Они стояли у ограды, в островке магнолиевой тени.

— Люк, ничего не выйдет. Допустим, мы прилетим и в аэропорту нас действительно будет ждать минивэн, но если Институт и впрямь таков, как ты говоришь, нас там расстреляют из засады. Твоих друзей тоже убьют. Венди постарается сделать, что сможет, однако пройдут дни, прежде чем кто-нибудь доберется до Института. Я знаю, как работает полиция в любой нештатной ситуации. Если Институт и найдут, там останутся только трупы. А может, и трупов не останется. Ты сказал, у них есть система для уничтожения... — Тим не знал, как лучше выразиться, — отработанных детей.

— Я все это знаю, — ответил Люк. — Дело не в нас, а в детях. Я выгадываю для них время. Там что-то происходит. И не только там.

— Не понимаю.

— Я теперь сильнее, — сказал Люк, — а мы в тысяче миль от Института. Я — часть институтских детей, и теперь это не только они. Будь это только они, я не смог бы силой мысли развернуть пистолет в руке у того парня. Помните, у меня получалось только с подносами для пищи?

— Люк, я просто не...

Люк сосредоточился. На мгновение перед глазами возник образ: приходя в их доме, звонит телефон. Люк знал, если взять трубку, то в ней спросят: «Ты меня слышишь?» Затем картинку сменили цветные точки и слабый гул. Точки были скорее тусклые, и это его обрадовало. Он хотел показать их Тиму, не причиняя тому вреда, а причинить вред так легко...

Тим качнулся к ограде, будто его толкнула невидимая рука, и еле успел выставить ладони, чтобы не врезаться лицом в сетку.

— Тим? — окликнула Венди.

— Все хорошо, — отозвался Тим. — Приглядывай за ними, Венди. — Он посмотрел на Люка. — Это ты сделал?

— Это пришло не *от* меня, а *через* меня, — сказал Люк. И поскольку теперь у них было время (по крайней мере чуть-чуть), а ему стало любопытно, спросил: — Как это было?

— Как сильный порыв ветра.

— Конечно, сильный, — ответил Люк. — Потому что вместе мы сильнее. Так говорит Авери.

— Тот малыш.

— Да. В Институте давно не было такого сильного экстрасенса. Может быть, много лет. Не знаю, что именно произошло; думаю, его макнули в бак. То есть он пережил околосмертные ощущения, усиливающие Штази-огни, без сдерживающих уколов.

— Ничего не понимаю.

Люк как будто не слышал.

— Уверен, это было наказание за помощь в моем побеге. — Он кивнул в сторону минивэна. — Миссис

Сигсби наверняка знала. Не исключено, что она и распорядилась. Так или иначе, они добились обратного эффекта. Дети взбунтовались. Настоящая сила у детей из Палаты А. И Авери выпустил ее на волю.

— Но этой силы не хватает, чтобы выбраться из западни, в которой они сейчас.

— Пока не хватает, — согласился Люк. — Полагаю, ситуация изменится.

— Как? Почему?

— Вы навели меня на мысль, когда сказали, что над миссис Сигсби и Стэкхаусом есть начальство. Мне бы самому следовало додуматься, просто я никогда не заглядывал так далеко. Наверное, потому, что для детей все начальство — родители и учителя. Если есть другие начальники, то почему не быть другим Институтам?

Мимо проехал автомобиль и исчез, мигнув красными задними фонарями. Люк продолжил:

— Может, в Америке всего один, в Мэне, а может, есть еще на Западном побережье. Но могут быть еще Институты в Великобритании... России... Индии... Китае... Германии... Корее. Логично, если задуматься.

— Гонка разумов вместо гонки вооружений, — сказал Тим. — Ты это хочешь сказать?

— Вряд ли гонка. Думаю, все Институты работают сообща. Общая цель. Типа, хорошая — убить несколько детей, чтобы не дать всему человечеству себя уничтожить. Компромиссный вариант. Фиг его знает, как давно это происходит, но бунтов до сих пор не было. Авери и мои друзья начали бунт, и он может распространиться. Или даже уже распространяется.

Тим Джемисон не был историком или социологом, однако за современными событиями следил. Он подумал, что Люк, возможно, прав. Бунт — или, если использовать более уважительный термин, революция — распространяется как вирус. Особенно в информационную эпоху.

— Способности каждого из нас — то, из-за чего нас похитили и доставили в Институт, — очень невелики.

Вместе мы гораздо сильнее. Особенно дети из Палаты А. С утратой рассудка у них остается только эта энергия. Если есть другие Институты, и тамошние дети знают, что происходит у нас, и все они объединятся...

Люк потрянул головой. Ему вновь представился телефон в прихожей, только выросший до исполинских размеров.

— Если такое случится, получится огромная энергия, чудовищная. Вот почему нам нужно время. А если Стэксаус думает, что я дурачок и ради спасения друзей заключил идиотскую сделку, то и пусть, прекрасно.

Тим не забыл фантомный порыв ветра, бросивший его на ограду.

— Так мы не едем их спасать?

Люк серьезно посмотрел на Тима. Чумазый, избитый, перевязанный, он казался самым безобидным ребенком на свете. А потом он улыбнулся, и впечатление безобидности исчезло.

— Нет. Мы едем собирать то, что останется.

8

Калиша Бенсон, Авери Диксон, Джордж Айлз, Николас Уилхолм, Хелен Симмс.

Пятеро детей сидели в конце туннеля у запертой двери на уровень F Ближней половины. Кэти Гивенс и Хэл Леонард какое-то время были с ними, затем присоединились к детям из Палаты А: ходили, когда те ходили, брались за руки, когда те решали составить круг. Там же был Лен, и надежда Калиши, что Айрис не окончательно утратила разум, быстро таяла, хотя пока Айрис только поглядывала, как дети из Палаты А встают в круг, расходятся и вновь собираются. Хелен полностью восстановилась и была с ними. А вот для Айрис, похоже, все уже потеряно. Так же, как для Джимми Куллума и Донны Гибсон, которых Калиша знала на Ближней полови-

не — благодаря ветрянке она оказалась там старожилом. На детей из Палаты А смотреть было больно, но при виде Айрис у нее просто сердце разрывалось. Мысль, что рас-судок Айрис разрушен бесповоротно... сама мысль...

— Ужасна, — сказал Никки.

Калиша глянула на него с шутливой укоризной:

— Ты у меня в голове?

— Не тревожься, в твоём ментальном нижнем белье я не роюсь, — ответил Ник.

Калиша фыркнула.

— Мы все теперь друг у друга в голове. — Джордж указал пальцем на Хелен. — Думаете, мне правда охота знать, что она на чьей-то пижамной вечеринке описалась от хохота? Типичный случай избыточной информации.

— Все лучше, чем узнать, как ты психанул из-за псо-риаза у тебя на... — начала Хелен, и Калиша на нее шик-нула.

— Который час? — спросил Джордж.

Калиша глянула на пустое запястье:

— Без пяти как свистнули.

— Часов одиннадцать, — сказал Никки.

— Знаете, что смешно? — вмешалась Хелен. — Я все-гда ненавидела гул. Знала, что он вымывает мозги.

— Мы все знали, — сказал Джордж.

— А теперь он мне типа как нравится.

— Потому что это сила, — ответил Никки. — Была их сила — стала наша.

— Несущая волна, — добавил Джордж. — Теперь она есть постоянно. Осталось только начать передачу.

Привет, ты меня слышишь? — подумала Калиша, и ее пробил дрожь, не то чтобы совсем неприятная.

Несколько детей из Палаты А взяли за руки. Гул ритмично запульсировал, нарастая, и в такт ему замига-ли лампы на потолке. Потом круг распался, и гул вер-нулся к прежнему уровню.

— Он взлетел, — сказала Калиша.

Никому не требовалось объяснений, кто «он».

— Хотелось бы мне снова полетать на самолете, — мечтательно протянула Хелен. — Вот было бы здорово.

— Они будут его дожидаться, Ша? — спросил Ники. — Или просто пустят сюда газ? Как думаешь?

— Кто назначил меня профессором Ксавье?* — Калиша ткнула Авери локтем в бок... но ласково. — Прогни, Авестер, и вдохни запах кофе**.

— Я не сплю, — ответил Авери. Это была не совсем правда; он по-прежнему дремал под приятный гул. Думал о телефонах, которые становятся все больше, как шляпы Бартоломео Каббинса становились все больше и навороченной. — Они будут ждать. Должны ждать, потому что Люк узнает, если с нами что-нибудь случится. А мы будем ждать, пока он не доберется сюда.

— А потом? — спросила Калиша.

— Мы позвоним по телефону, — ответил Авери. — По большому телефону. Все вместе.

— А насколько он большой? — встревоженно спросил Джордж. — А то последний, который я видел, был огромный. Почти с меня.

Авери только помотал головой. Глаза у него закрылись. В сущности, он по-прежнему был мальчиком, которому давно пора спать.

Дети из Палаты А — даже Калише было трудно мысленно не называть их овощами — все еще держались за руки. Лампы вспыхнули ярче, одну даже закоротило. Гул стал сильнее и ниже. Калиша не сомневалась, что все на Ближней половине его ощущают — Джо и Хадад, Чед и Дейв, Присцилла и этот гад Зик. И остальные тоже. Напуганы ли они? Возможно, немного напуганы, но...

* Профессор Икс (Чарльз Ксавье) — супергерой, созданный писателем Стэном Ли и художником Джеком Керби, лидер Людей Икс, наделенный мощнейшим интеллектом и телепатическими способностями.

** «Wake Up and Smell the Coffee» — пятый студийный альбом ирландской рок-группы «The Cranberries», вышедший 23 октября 2001 г., и песня из этого альбома.

Они считают, что мы в ловушке, подумала она. Уверены, что им ничто не грозит. Что мятеж локализован. Пусть и дальше так считают.

Где-то есть большой телефон — самый-пресамый большой, — к которому подключены параллельные телефоны в разных комнатах. Если они позвонят по этому телефону (*когда* позвонят, потому что иного выбора нет), здесь, в туннеле, высвободится энергия мощнее любой бомбы, когда-либо взорванной на земле или под землей. Гул, сейчас лишь несущая волна, перерастет в вибрацию, способную рушить здания, уничтожать целые города. Сколько детей, в чьих головах не осталось ничего, кроме энергии, из-за которой их похитили, ждут звонка по большому телефону? Сто? Пятьсот? Может, и больше, если Институты есть по всему миру.

— Никки?

— Что? — Он тоже уже задремывал, так что ответил немного раздраженно.

— Наверное, мы сумеем это включить, — сказала Калиша, и вновь не было нужды уточнять, что она имеет в виду. — А вот сумеем ли мы... сумеем ли мы это выключить?

Никки на мгновение задумался, потом улыбнулся:

— Не знаю. Но после того, что с нами сделали... Честно говоря, моя дорогая, мне наплевать*.

9

Пятнадцать минут двенадцатого.

Стэкхаус вернулся в кабинет миссис Сигсби, Нулевой телефон, по-прежнему молчащий, все так же лежал на столе. Еще сорок пять минут, и закончится последний день работы Института. Завтра здесь не останется нико-

* Знаменитая фраза Ретта Батлера (Кларка Гейбла) в фильме «Унесенные ветром».

го, вне зависимости от исхода истории с Люком Эллисом. Программу в целом можно будет продолжать, несмотря на эту Венди, которую Люк с Тимом оставили на юге, однако данный конкретный объект раскрыт. Сегодня важно добыть флешку и ликвидировать Люка Эллиса. Спасти Джулию было бы неплохо, но совершенно не обязательно.

По сути, эвакуация Института уже началась. Со своего места Стэкхаус видел в окно дорогу, ведущую из Института сперва в Деннисон-Ривер-Бенд, а дальше во все нижние сорок восемь штатов... не говоря уже о Канаде и Мексике для тех, у кого есть паспорта. Стэкхаус дал поручения Зику, Чеду, шеф-повару Дугу (двадцать лет в «Халлибертон»*) и доктору Фелиции Ричардсон, которая пришла в Институт из «Хок секьюрити групп». Им он доверял.

А что до остальных... Стэкхаус видел за деревьями удаляющийся свет фар. По его прикидкам, уехало пока человек десять, за ними последуют и другие. Вскоре на Ближней половине останутся только подопечные. Может, там уже нет никого из персонала. Однако Зик, Чед, Дуг и доктор Ричардсон не бросят свой пост. У этих людей есть чувство долга. А Глэдис Хиксон не сбежит, даже если сбегут все. Глэдис не просто любит распускать руки; Стэкхаус все больше убеждался, что она настоящий психопат.

Я и сам псих, раз остаюсь здесь, подумал Стэкхаус. Но мальчишка прав: меня выследят. И он идет прямо в ловушку. Или...

— Или водит меня за нос, — пробормотал Стэкхаус.

В приоткрытую дверь заглянула Розалинда, секретарь миссис Сигсби. Ее обычно безупречный макияж за по-

* «Халлибертон» — американская транснациональная корпорация, одна из крупнейших в мире компаний, оказывающих сервисные услуги в нефте- и газодобывающей отрасли. С компанией был связан ряд коррупционных скандалов, в том числе с участием Пентагона.

следние двенадцать часов изрядно поблек, а обычно идеально уложенные седые волосы торчали по бокам.

— Мистер Стэкхаус?

— Да, Розалинда.

Она заметно нервничала.

— По-моему, доктор Хендрикс уехал. Я видела его машину десять минут назад.

— Ничуть не удивляюсь. Вам тоже стоило бы уехать. Отправляйтесь домой. — Он улыбнулся. Странно было улыбаться в такую ночь, по-хорошему странно. — Я только сейчас понял, что знаю вас, сколько здесь работаю — давным-давно, — но не знаю, где ваш дом родной.

— Мой родной дом был в Мизуле, штат Монтана, — ответила Розалинда, сама удивляясь своей откровенности. — А так у меня есть коттедж на территории Миссурийского университета. Я там пять лет не была. Просто плачу за него налог. На выходные остаюсь в городке, в отпуск езжу в Бостон. Мне нравятся «Ред сокс», «Брюинз»* и артхаусный кинотеатр в Кембридже. Но я всегда готова вернуться на рабочее место.

Стэкхаус внезапно осознал, что это самая длинная речь, какую произнесла в его присутствии Розалинда за пятнадцать с лишним лет их знакомства. Она была здесь, усердная помощница миссис Сигсби, когда Стэкхаус ушел в отставку с должности следователя в военно-юридической службе США, и за все эти годы практически не изменилась. Сколько ей лет? Шестьдесят пять? Или все семьдесят?

— Сэр, вы слышите гул?

— Да.

— Это трансформатор или что-то вроде того? Я никогда его прежде не слышала.

— Трансформатор. Да, полагаю, можно назвать и так.

— Очень действует на нервы. — Она потеряла уши, еще сильнее растрепав волосы. — Наверняка это дети

* «Бостон брюинз» — профессиональный хоккейный клуб.

устроили. Скажите, Джулия... миссис Сигсби... возвращается сюда?

Стэкхауса скорее позабавило, чем раздосадовало, что Розалинда, всегда такая правильная и незаметная, держит ухо востро, невзирая на гул.

— Да, насколько мне известно.

— Тогда я предпочла бы остаться. Я хорошо стреляю. Каждый месяц, иногда дважды в месяц посещаю тир в Бенде. У меня есть значок клуба — аналог ОС, и в прошлом году я выиграла соревнования по стрельбе из малокалиберных пистолетов.

Скромная помощница Джулии не только прекрасно стенографирует, у нее еще и знак «Отличного стрелка»... или, как она сказала, его аналог. Мир полон чудес.

— Какой у вас пистолет, Розалинда?

— «Смит-вессон эм-энд-пи» сорок пятого калибра.

— Отдача вам не мешает?

— С фиксатором запястья не мешает. Сэр, если вы намерены отбить миссис Сигсби у похитителей, я бы очень хотела принять участие в операции.

— Хорошо, — ответил Стэкхаус, — вы в деле. Тут ни один человек лишним не будет.

Однако про себя он отметил, что с ней надо быть осторожным, поскольку Джулией, возможно, придется пожертвовать. Главное — флешка. И чертов умник.

— Спасибо, сэр. Я не подведу.

— Верю, Розалинда. Я объясню, что вам делать, но прежде у меня вопрос.

— Да?

— Знаю, дамам такие вопросы не задают, и все же... сколько вам лет?

— Семьдесят восемь, сэр.

Розалинда Доусон ответила сразу, глядя ему в глаза, однако она солгала. На самом деле ей был восемьдесят один год.

10

Четверть двенадцатого.

Самолет «Челленджер» с надписью «940NF» на хвосте и «МЭН ПЕЙПЕР ИНДАСТРИЗ» на фюзеляже летел на север к штату Мэн на высоте тридцать девять тысяч футов. Реактивные двигатели развивали скорость от пяти-сот двадцати до пятисот пятидесяти миль в час.

Прибытие в Алколу и взлет прошли как по маслу, главным образом потому, что у миссис Сигсби был VIP-пропуск «Регалэйр», эксплуатанта со стационарной базой, и та охотно пустила его в ход. Она почуяла шанс — пусть мизерный, но хоть какой-то — выбраться из переделки живой. «Челленджер» красовался на поле в гордом одиночестве, трап был спущен. Тим сам поднял трап, загерметизировал салон и постучал в дверь кабины рукоятью «глока» убитого полицейского.

— Закрылись. Если есть разрешение диспетчера, взлетайте.

Из-за двери не ответили, но двигатели заработали. Через две минуты самолет уже был в воздухе. Сейчас, если верить монитору в передней части салона, они летели над Западной Виргинией, Дюпрей остался позади. Тим не предполагал покинуть его так скоро, а тем более при таких чрезвычайных обстоятельствах.

Эванс дремал, Люк спал как убитый. Только миссис Сигсби бодрствовала — сидела выпрямившись, пристально глядя Тиму в лицо. В ее глазах, лишенных всякого выражения, было что-то змеиное. От таблетки доктору Роупера она отказалась, хотя, вероятно, испытывала сильную боль. Ее рана была несерьезной, но даже царапины бывают очень болезненными.

— Полагаю, вы служили в правоохранительных органах, — сказала она. — Это видно и по тому, как вы держитесь, и по вашей быстрой реакции.

Тим молча смотрел на нее. «Глок» лежал рядом на сиденье. Стрелять в самолете на высоте тридцати девяти

тысяч футов крайне неразумно, да и вряд ли понадобится. Он везет эту гадину ровно туда, где ей хочется окаться.

— Не понимаю, почему вы согласились на его план. — Она кивнула в сторону Люка — чумазого, перевязанного, выглядящего куда младше своих двенадцати лет. — Мы оба знаем, что он хочет спасти друзей. И, думаю, мы оба видим, что план глупый. Даже идиотский. Однако вы согласились. Почему, Тим?

Тим не ответил.

— Для меня загадка, зачем вы вообще влезли в эту историю. Помогите мне понять.

Он не собирался отвечать на ее вопросы. Еще во время четырехмесячного испытательного срока ему, стажеру, чуть ли не первым делом объяснили: ты допрашиваешь задержанных. Никогда не позволяй задержанным допрашивать тебя.

Даже будь у него настроение поболтать, Тим все равно не нашел бы слов, которые не показались бы бредом умалишенного. Мог ли он сказать ей, что его присутствие в таком навороченном самолете, который обычно видят изнутри только богатеи, — случайность? Что однажды в куда более скромном самолете человек поднялся с места, согласившись уступить его за денежную компенсацию и гостиничный ваучер? Что все — дорога на север, пробка на I-95, ночлег в Дюпрее, работа ночного обходчика — стало следствием этого единственного необъяснимого порыва? Или можно считать, что это была судьба? Что в Дюпрей его передвинула рука некоего космического шахматиста, чтобы спасти мальчика от похитителей, хотевших использовать и выбросить этот гениальный мозг? И если да, то кто в таком случае шериф Джон, Тэг Фарадей, Джордж Баркетт, Фрэнк Поттер и Билл Уиклоу? Пешки, которыми можно пожертвовать в большой игре? И какая фигура он сам? Хотелось бы считать себя конем, вернее, рыцарем на коне, хотя скорее всего он ровно такая же пешка.

- Вы точно не хотите таблетку? — спросил он.
- Вы не намерены отвечать на мой вопрос, да?
- Да, мэм, не намерен. — Тим отвернулся и стал смотреть на лиги тьмы внизу. Редкие огоньки казались светлячками на дне колодца.

11

Полночь.

Боксфон издал пронзительную трель. Стэкхаус принял вызов. Звонил свободный от дежурства смотритель, Рон Черч: затребованный минивэн уже в аэропорту. Дениз Оллгуд, смотрительница, тоже свободная от дежурства (хотя теоретически они все сейчас были при исполнении), ехала позади Черча в институтском седане. Предполагалось, что Рон, оставив минивэн у посадочной полосы, вернется вместе с Дениз. Однако у этих двоих был роман, о чем Стэкхаус знал; как-никак, знать о таких вещах — его прямая обязанность. Он был уверен, что, подогнав минивэн к аэропорту, эти двое рванут куда угодно, только не в Институт. Ничего не попишешь. В данном случае массовое дезертирство, возможно, было к лучшему. Пора подводить черту под операцией. Для финального акта людей хватит, а все остальное не важно.

Что Люка и Тима удастся ликвидировать, Стэкхаус не сомневался. Пришепетывающий голос в Нулевом телефоне либо удовлетворится этим, либо нет. Тут от Стэкхауса ничего не зависело, что странным образом успокаивало. Видимо, он носил в себе латентный вирус фатализма со дней Ирака и Афганистана, просто не осознавал этого раньше. Он сделает все, что может, все, что в человеческих силах. Собаки лают, караван идет.

В дверь постучали, заглянула Розалинда. Она что-то сделала с волосами, и это явно пошло на пользу ее внешности, чего нельзя было сказать о наплечной кобуре.

Кобура на Розалинде выглядела слегка сюрреалистично, как праздничный колпак на собаке.

— Пришла Глэдис, сэр.

— Пригласите.

Вошла Глэдис. На шее у нее болтался респиратор, глаза были красные. Вряд ли она плакала, так что раздражение скорее всего возникло из-за химии, которую она смешивала.

— Все готово. Осталось добавить только жидкость для чистки унитаза. Отравим их по первому вашему слову. — Она резко, решительно тряхнула головой. — Гул сводит меня с ума.

Стэкхаус подумал, что с ума она сошла уже давно, хотя насчет гула права. Самое страшное, что к нему невозможно притерпеться. Только вроде бы свыкся, как он становится громче — и не в ушах, а в голове. Затем резко падает до прежнего, чуть более сносного уровня.

— Я говорила с Фелицией, — сказала Глэдис. — То есть с доктором Ричардсон. Она наблюдала за ними по своему монитору. По ее словам, гул нарастает, когда они берутся за руки, и стихает, когда они расходятся.

Стэкхаус и сам сделал такое же наблюдение. Как говорится, для этого не надо быть семи пядей во лбу.

— Скоро уже, сэр?

Он глянул на часы:

— Часа через три. Система ОВКВ расположена на крыше?

— Да.

— Возможно, я смогу отдать вам приказ, когда придет время, а возможно, и нет. События могут развиваться довольно быстро. Если услышите стрельбу перед административным зданием, травите их, даже если я не успею отдать распоряжение. И назад. В здание не спускайтесь, просто пробегите по крыше до Восточного крыла Ближней половины. Понятно?

— Так точно, сэр! — Она ослепительно улыбнулась. Той самой улыбкой, которую ненавидели дети.

12

Двенадцать тридцать.

Калиша наблюдала за детьми из Палаты А и думала про Марширующий оркестр штата Огайо. Отец болел за футбольную команду университета, и Калиша всегда смотрела соревнования с ним за компанию, но на самом деле ей нравился только перерыв между первой и второй половинами игры, когда оркестр («Гордость Каштанников!» — всегда объявлял комментатор) выходил на поле. Музыканты одновременно играли на инструментах и выстраивались в фигуры, которые можно было увидеть только сверху. Фигуры были самые разные, от «S» на груди Супермена до фантастического динозавра из «Парка Юрского периода». Динозавр вышагивал, кивая рептильей головой.

У детей из Палаты А музыкальных инструментов не было, и, берясь за руки, они составляли всего лишь круг — неправильной формы, ведь туннель был узкий, — однако в них чувствовалась такая же... как-то это называется...

— Синхронность, — подсказал Никки.

Калиша вздрогнула и обернулась. Он с улыбкой отбросил рукой челку, чтобы Калиша могла заглянуть ему в глаза. Завораживающе красивые глаза, надо признать.

— Очень сложное слово даже для белого мальчика.

— От Люка услышал.

— Ты с ним на связи?

— Типа того. Временами. Трудно сказать, какие мысли мои, а какие — его. Во сне лучше слышно. Когда не сплю, мои мысли все забивают.

— Вроде помех?

Ник пожал плечами:

— Наверное. У тебя тоже получится, если ты откроешь сознание. Когда они встанут в круг, слышно лучше. — Он кивнул на детей из Палаты А, которые вновь бесцельно

* Каштанники — прозвище жителей штата Огайо.

бродили по туннелю. Джимми и Донна ходили вместе, взявшись за руки и покачивая ими туда-сюда. — Хочешь попробовать?

Калиша попыталась не думать. Поначалу оказалось неожиданно трудно, но когда она прислушалась к гулу, стало легче. Гул был вроде ополаскивателя, только не для рта, а для мозга.

— Чего смешного, Ка?

— Ничего.

— А, усек, — сказал Никки. — Промывание мозгов вместо промывания рта. Неплохо.

— Я что-то слышу, еле-еле. Наверное, он спит.

— Скорее всего. Хотя, думаю, скоро проснется. Потому что мы проснулись.

— Синхронность, — сказала она. — Мудреное слово, как раз в его духе. Помнишь, нам давали жетоны для автоматов? Люк называл их «вознаграждением». Еще одно мудреное слово.

— Люк исключительный, потому что жутко умный. — Никки глянул на Авери, который спал, привалившись к спящей Хелен. — А вот Авестер исключительный, потому что он... ну...

— Просто потому что он Авери.

— Ага. — Никки ухмыльнулся. — Здешние придурки разогнали его двигатель, а регулятор поставить забыли. — Улыбка у него, надо признать, была такая же завоораживающая, как и глаза. — Это они вдвоем все сделали. Люк — шоколад, Авери — арахисовая паста. Каждый сам по себе ничего бы не изменил. А вместе они — конфеты «Ризес» и взорвут нахрен эту лавочку!

Калиша рассмеялась. Сравнение было глупое, но точное. По крайней мере, так она надеялась.

— Мы по-прежнему заперты. Как крысы в заткнутой трубе.

Его голубые глаза смотрели в ее карие.

— Это ненадолго. Сама знаешь.

— Мы умрем, верно? Если они не отравят нас газом, то... — Она кивнула на детей из Палаты А, которые снова водили хоровод. Гул нарастал, лампы на потолке разгорались все ярче. — Все произойдет, когда они — и остальные, из других стран — разойдутся на полную катушку.

Телефон, мысленно передала она ему. Большой телефон.

— Очень может быть, — сказал Никки. — Люк говорит, мы обрушим на них Институт, как Самсон — храм на филистимлян. Я не знаю, что там за история, у нас в семье Библию не читали, но общий смысл уловил.

Калиша знала, что там за история, и поежилась. Она снова взглянула на Авери и вспомнила еще кое-что из Библии: *И малое дитя будет водить их**.

— Можно, я тебе кое-что скажу? — спросила Калиша. — Ты, наверное, посмеешься, но мне все равно.

— Выкладывай.

— Мне хочется, чтобы ты меня поцеловал.

— Не такое уж трудное задание, — улыбнулся Ник.

Она потянулась к нему, он нагнулся ей навстречу. Они поцеловались среди гула.

Хорошо-то как, подумала Калиша. Я думала, будет хорошо, оказалось, и правда хорошо.

И тут же на волне гула услышала мысль Никки:

Давай повторим. И посмотрим, будет ли в два раза лучше.

13

Час пятьдесят.

«Челленджер» сел на частном аэродроме, принадлежавшем фиктивной компании «Мэн пейпер индастриз», и подкатился к маленькому неосвещенному ангару. Датчики движения включили три прожектора на крыше, и те выхватили из тьмы приземистый аэродромный силовой агрегат и гидравлический контейнеропогрузчик. Возле

* Ис. 11:6.

ангара стоял не минивэн, а «шевроле-субурбан» на девять пассажиров, черный, с тонированными стеклами. Сиротке Энни понравился бы.

«Челленджер» остановился напротив «субурбана», двигатели стихли. В первый миг Тим даже не понял, включились ли они, поскольку слышал слабый гул.

— Это не самолет, — пояснил Люк. — Это дети. Он еще усилится по мере того, как будем подъезжать.

Тим прошел в начало салона, повернул большой рычаг открывания двери и спустил трап. Нижняя ступенька оказалась меньше чем в четырех футах от водительской стороны «субурбана».

— Ладно, — сказал Тим, возвращаясь к остальным. — Мы на месте. Прежде чем мы выйдем из самолета, у меня, миссис Сигсби, кое-что для вас есть.

На столике в салоне «Челленджера» лежали глянцевые буклеты с рекламой разнообразных чудес несуществующей компании «Мэн пейпер индастриз» и полдюжины сувенирных бейсболок. Тим протянул одну миссис Сигсби, а другую взял себе.

— Наденьте. Надвиньте пониже. Волосы у вас короткие, убрать их под нее не проблема.

Миссис Сигсби брезгливо глянула на бейсболку:

— Зачем?

— Вы спуститесь первой. Если там засада, вызовете огонь на себя.

— Зачем им устраивать засаду *здесь*, если мы едем *туда*?

— Согласен, это маловероятно. Значит, вы без опаски можете идти первой.

Тим надел бейсболку, причем задом наперед. Люк подумал, что ему такая манера не по возрасту (это детская мода), однако промолчал, решив, что Тим так храбрится.

— Эванс, вы следующий.

— Нет, — ответил Эванс. — Я не покину самолет. И вряд ли смог бы, если бы захотел. Нога болит очень сильно, я не могу на нее наступать.

Тим задумался, потом посмотрел на Люка:

— Что скажешь?

— Он не врет. Ему пришлось бы прыгать по трапу на одной ноге, а ступеньки крутые.

— Мне вообще не следовало здесь быть, — ныл Эванс. Большая слеза выкатилась у него из глаза. — Я врач.

— Чудовище вы, а не врач, — ответил Люк. — При вас детей топили, а вы смотрели и записывали. Некоторые дети умирали от ваших с Хендриксом уколов, а те, что выжили... Знаете, я бы с удовольствием наступил вам на ногу. Со всего маху, каблуком.

— Нет! — взвизгнул Эванс. Он вжался в кресло и спрята-
л раненую ступню за здоровой.

— Люк, — предостерегающе сказал Тим.

— Не волнуйтесь, не буду я этого делать, еще не хватало стать таким же, как он. — Люк посмотрел на миссис Сигсби: — А вот у вас выбора нет. Давайте, спускайтесь по трапу.

Миссис Сигсби напаялила бейсболку «Мэн пейпер индастриз» и встала, стараясь сохранять достоинство. Люк пристроился было за ней, но Тим его остановил:

— Ты важнее, а значит, пойдешь за мной.

Люк не стал спорить.

Миссис Сигсби замерла на верхней ступеньке трапа и подняла руки.

— *Я миссис Сигсби! Если тут кто-нибудь есть, не стреляйте!*

Люк отчетливо услышал мысль Тима: *Смотрю, уверенности у нее поубавилось.*

Никто не ответил; слышался только стрекот насекомых да тихий гул. Миссис Сигсби медленно сошла по трапу, держась за перила и оберегая больную ногу.

Тим постучал в дверь кабины рукояткой «глока».

— Спасибо, джентльмены, полет был отличный. У вас на борту остался пассажир. Доставьте его куда хотите.

— Доставьте его в ад! — крикнул Люк. — Перелет в один конец.

Тим начал спускаться по трапу, морально готовясь к тому, что грянут выстрелы; он не ожидал, что миссис Сигсби назовет себя. А следовало бы. Но выстрелов не прозвучало.

— На переднее пассажирское сиденье, — приказал он миссис Сигсби. — Люк, ты за ней. У меня пистолет, ты боишься. Если она попытается на меня напасть, применяй свою ментальную магию. Понял?

— Ага, — ответил Люк и сел в машину.

Миссис Сигсби села и пристегнулась. Когда она хотела захлопнуть дверцу, Тим мотнул головой:

— Погодите.

Придерживая дверцу рукой, он позвонил Венди в номер бофортского «Эконо-лодж».

— «Орел» совершил посадку*.

— У вас все хорошо? — спросила она.

Связь была отличная: Венди как будто стояла рядом. Тиму захотелось, чтобы она и впрямь была рядом. А потом он вспомнил, куда они едут.

— Пока все отлично. Будь наготове. Позвоню, когда все закончится.

Если буду жив, мысленно добавил он.

Тим обошел машину и сел на водительское место. Ключи были в подставке для стакана. Тим кивнул миссис Сигсби:

— Теперь можете захлопнуть дверцу.

Она послушалась, затем кинула на него презрительный взгляд и озвучила то, что подумал Люк:

— В бейсболке задом наперед у вас исключительно глупый вид, мистер Джемисон.

— Что тут скажешь, я — фанат Эминема. А теперь помолчите.

* Историческая фраза, произнесенная Армстронгом в рапорте Хьюстону после посадки на Луну.

14

В темном здании аэропорта «Мэн пейпер индастриз» человек, стоя на коленях у окна, следил, как «субурбан» включил фары и покатил к открытым воротам. Безработный Ирвин Моллисон был одним из многих институтских осведомителей в Деннисон-Ривер-Бенде. Стэкхаус мог бы приказать остаться Рону Черчу, но по опыту знал: не стоит отдавать приказы людям, у которых есть возможность не подчиниться. Лучше использовать человека, который всего лишь хочет заработать несколько долларов.

Моллисон позвонил по номеру, заранее вбитому в телефон.

— Выехали, — сообщил он. — Мужчина, женщина, мальчик. У женщины волосы убраны под бейсболку, лица не разглядеть, но в двери самолета она остановилась и выкрикнула свое имя. Миссис Сигсби. На мужчине такая же бейсболка, только задом наперед. У мальчика перевязано ухо и синячище на пол-лица.

— Хорошо, — ответил Стэкхаус.

Второй пилот «Челленджера» уже позвонил ему и сообщил, что доктор Эванс остался в самолете. Это было к лучшему.

Пока все складывалось удачно... насколько возможно в нынешних обстоятельствах. Автобус стоял у флагштока, как и потребовал Люк. Стэкхаус собирался поставить шеф-повара Дуга и зрителя Чеда в лесу за административным зданием, где начиналась подъездная дорога. Зик Ионидис и Фелиция Ричардсон будут на крыше административного здания, за парашютом. Глэдис запустит отравляющий газ в вентиляцию, затем присоединится к Зику и Фелиции. Таким образом «субурбан», остановившись, попадет под перекрестный огонь. Сам Стэкхаус, стоящий у флагштока с рукой на капоте автобуса, будет по меньшей мере в тридцати ярдах от летящих пуль. Конечно, остается риск схлопотать шальную пулю, но это приемлемый риск.

Розалинда будет охранять дверь из туннеля на уровень F Ближней половины. Здесь она точно не сумеет сообразить, что ее обожаемая начальница тоже попадет под перекрестный огонь, однако у Стэкхауса была и другая причина поставить ее в этом месте. Он понимал, что постоянный гул — сила. Пока его недостаточно, чтобы высадить дверь, но кто знает. Может, они просто ждут, когда приедет Эллис, после чего атакуют с тыла и учинят такой же хаос, как вчера на Дальней половине. Розалинда будет поджидать их со «смит-вессоном» 45-го калибра, и те, кто первым выбежит в дверь, сильно об этом пожалеют. Стэкхаус очень надеялся, что атаку возглавит треклятый Уилхолм.

Он спросил себя: готов ли я? Вроде бы да. Готов, насколько это возможно в такой ситуации. Все еще может завершиться благополучно. В конце концов, снаружи против них лишь Люк Эллис. Ребенок. И какой-то героический идиот, которого Эллис подцепил по дороге. Через полтора часа с этим бардаком будет покончено.

15

Три часа ночи. Гул стал громче.

— Стоп, — сказал Люк. — Сверните там.

Он указал на едва различимую за соснами грунтовую дорогу.

— Ты здесь шел, когда убежал? — спросил Тим.

— Нет, конечно. Меня бы поймали.

— Так откуда ты...

— Она знает, — ответил Люк. — Поэтому знаю и я.

Тим повернулся к миссис Сигсби:

— Там есть ворота?

— Его спросите. — Миссис Сигсби только что не выплюнула эти слова.

— Ворот нет, — сказал Люк. — Только большой щит с надписью: «Мэн пейпер индастриз. Экспериментальная лаборатория. Посторонним вход воспрещен».

На лице миссис Сигсби отразилась такая досада, что Тим невольно улыбнулся.

— Мальчонке следует работать в полиции, да, миссис Сигсби? Любое ложное алиби разоблачит.

— Не сворачивайте туда. Подставьте под пули нас всех. Стэкхаус не остановится ни перед чем. — Она обернулась к Люку. — Ты читаешь мысли и знаешь, что я говорю правду, так скажи ему!

Люк молчал.

— Сколько до вашего Института? — спросил Тим.

— Десять миль, — ответила миссис Сигсби. — Может, чуть больше.

Видимо, она поняла, что играть в молчанку бессмысленно.

Тим свернул. Поначалу по крыше машины хлестали ветки деревьев, но в целом дорога была ровная и в хорошем состоянии. Над деревьями проглянула ущербная луна; в ее свете грунт казался светлым, как кость. Тим погасил фары и поехал дальше.

16

Три двадцать.

Авери Диксон холодными пальцами схватил Калишу за руку. Девочка спала у Никки на плече. Теперь она подняла голову.

— Авестер?

Разбуди их. Хелен, Джорджа и Никки. Разбуди их.

— Что...

Если хочешь жить, разбуди их. Скоро начнется.

Ник Уилхолм уже проснулся.

— А мы правда можем остаться в живых? — спросил он. — По-твоему, это возможно?

— Я вас слышу! — раздался голос Розалинды, лишь чуть-чуть приглушенный стальной дверью. — О чем вы там разговариваете? Чего разгуделись?

Калиша разбудила Джорджа и Хелен. Перед глазами снова возникли цветные точки, хоть и слабые. Они проносились взад-вперед по туннелю, словно ребятишки с горки. Ничего удивительного, подумала Калиша, ведь в каком-то смысле они и *есть* дети. Или то, что от них осталось. Ставшие зримыми мысли, порхающие и скачущие среди детей, которые бродят туда-сюда по туннелю. А сами дети? Калише казалось, что они немного ожили. Взгляд стал осмысленнее. Или она принимает желаемое за действительное? В Институте такое случается сплошь и рядом.

— Имейте в виду, у меня пистолет!

— У меня тоже, мадам, — крикнул Джордж и ухватился за пах. Потом глянул на Авери. *В чем дело, Босс-молокосос*?*

Авери обвел их всех взглядом, и Калиша увидела, что он плачет. Живот свело, как будто она съела что-то плохое и ее вот-вот стошнит.

Когда это произойдет, вам надо будет торопиться.

Хелен: *Что произойдет, Авери?*

Когда я заговорю по большому телефону.

Никки: *С кем?*

С другими детьми. С теми, кто далеко.

Калиша кивнула на дверь. *У нее пистолет.*

Авери: *Это последнее, о чем стоит тревожиться. Главное — бегите. Вы все бегите, ясно?*

— Не вы, а мы, — сказал Никки. — *Мы, Авери. Нам всем надо будет бежать.*

Однако Авери только мотнул головой. Калиша попыталась проникнуть в его мысли, узнать, что там происходит, что ему известно. И услышала лишь три слова, повторяемые вновь и вновь:

Вы мои друзья. Вы мои друзья. Вы мои друзья.

* «Босс-молокосос» (2017) — американский мультфильм по одноименной книге Марлы Фрэйзи. Младший брат героя, мальчика Тима, сверхразумный младенец, борется с заговором, цель которого — уничтожить любовь во всем мире.

17

Люк сказал:

— Они его друзья, но он не может бежать вместе с ними.

— Кто не может бежать с кем? — спросил Тим. — О чем ты?

— Я про Авери. Ему придется остаться. Он будет звонить по большому телефону.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, Люк.

— Я хочу спасти их, и его тоже! — крикнул Люк. — Я хочу спасти *всех*! Так нечестно!

— Он сумасшедший, — вмешалась миссис Сигсби. — Вы же понимаете, что ни...

— Молчать! — рявкнул Тим. — Последний раз предупреждаю.

Миссис Сигсби посмотрела на Тима, прочла выражение его лица и прикусила язык.

Тим медленно въехал на подъем и остановил машину. Впереди дорога расширялась. За деревьями можно было различить огни и темный силуэт здания.

— Мы на месте, — сказал Тим. — Люк, не знаю, что происходит с твоими друзьями, но в данную минуту мы им ничем помочь не можем. Ты должен взять себя в руки. Сумеешь?

— Да. — Ответ прозвучал хрипло, Люк откашлялся и повторил: — Да. Хорошо.

Тим вышел, обошел машину и открыл пассажирскую дверцу.

— Что теперь? — спросила миссис Сигсби. Голос у нее был сварливый, однако даже в слабом свете Тим видел, что она боится. И правильно делает.

— Выходите. Дальше машину поведете вы. Я буду сзади с Люком. Если попытаетесь выкинуть какой-нибудь фокус, например, въехать в дерево, я через спинку кресла всажу пулю вам в позвоночник.

— Нет! Не надо!

— Отлично. Если Люк прав насчет того, что вы делали с детьми, за вами изрядный должок. Пришло время его платить. Садитесь за руль и поезжайте. Медленно. Десять миль в час. — Он сделал паузу. — И поверните бейсболку задом наперед.

18

Из компьютерного центра наблюдений позвонил Энди Феллоуз. Голос у него звенел от возбуждения:

— Они здесь, мистер Стэкхаус! Остановились ярдах в ста от подъездной дороги! Фары выключены, но в свете луны и окон их видно. Если хотите, могу вывести вам на монитор изображение с камеры, чтобы вы сами убедились...

— Не нужно. — Стэкхаус бросил боксфон на стол, последний раз глянул на Нулевой телефон — тот, слава богу, по-прежнему молчал — и направился к двери. Рация, включенная на максимальную громкость, была у него в кармане, наушник рации — в ухе.

— Зик?

— Здесь, босс. Доктор со мной.

— Дуг? Чед?

— На месте, — отозвался Дуг, шеф-повар, который в лучшие дни иногда сидел с детьми за обедом и смешил малышей фокусами. — Мы тоже видим автомобиль. Черный девятиместный, верно? «Субурбан» либо «тахо»?

— Верно. Глэдис?

— На крыше, мистер Стэкхаус. Все готово. Осталось смешать ингредиенты.

— Приступайте, если услышите стрельбу.

Правильнее было сказать не «если», а «когда», и это «когда» наступит через три-четыре минуты. Может, раньше.

— Есть!

— Розалинда?

— На позиции. Гул тут очень громкий. Похоже, они о чем-то *сговариваются*.

Стэкхаус ничуть в этом не сомневался. Что ж, скоро им станет не до того. Как только начнут задыхаться.

— Держитесь, Розалинда. Не успеете оглянуться, как будете на стадионе «Фенуэй» болеть за «Сокс».

— Поедете со мной, сэр?

— Только если разрешите мне болеть за «Янкиз».

Он вышел из здания. После жаркого дня прохладный воздух приятно освежал. Стэкхаус ощутил прилив нежности к своей команде. К людям, которые рядом. Он постарается, чтобы их наградили, как бы ни обернулось дело. Они не уклонились от опасного долга. Героический идиот за рулем «субурбана» не понимает главного: все, кто когда-либо был ему дорог, живы лишь благодаря тому, что делалось здесь. А теперь это в прошлом. И героическому идиоту осталось одно: умереть.

Стэкхаус подошел к школьному автобусу у флагштока и в последний раз обратился к своему войску:

— Снайперы, стрелять в первую очередь по водителю. Тому, кто в бейсболке задом наперед. Затем прочешите всю машину. Цельте выше, по окнам, выбейте тонированное стекло, стреляйте по головам. Подтвердите.

Они подтвердили.

— Огонь открывайте, когда я подниму руку. Повторяю, когда я подниму руку.

Стэкхаус встал перед автобусом. Положил правую руку на холодный, мокрый от росы металл. Левой взял за флагшток. И стал ждать.

19

— Вперед, — приказал Тим.

Он был на полу за водительским креслом, Люк — рядом с ним.

— Пожалуйста, не заставляйте меня, — выговорила миссис Сигсби. — Дайте хотя бы объяснить, почему наша деятельность так важна...

— Вперед, — повторил Тим.

Она нажала педаль газа. Огни приближались. Стали видны автобус, флагшток и Стэкхаус между ними.

20

Пора, сказал Авери.

Он думал, ему будет страшно. Ему было страшно с самого пробуждения в комнате, похожей на его собственную. А когда Гарри Кросс свалил его с ног, он испугался, как никогда в жизни. Но теперь Авери не чувствовал страха. Он чувствовал только восторг. Мама, когда убиралась в доме, всегда ставила одну песню, и сейчас ему вспомнилась строчка оттуда: «Я обрету свободу»*.

Он подошел к детям из Палаты А, которые уже составили круг. Калиша, Никки, Джордж и Хелен последовали за ним. Авери протянул руки. Калиша взялась за него и за Айрис — бедную Айрис, которая могла бы сохранить разум, случись это все днем раньше.

Женщина, дежурившая за дверью, громко о чем-то спросила, однако вопрос утонул в усилившемся гуле. Возникли точки. Они были уже не тусклые, а яркие и разгорались все ярче. Штази-огни заполнили центр круга, они вились, как полосы на столбике у входа в парикмахерскую, возникали из некоего глубинного вместилища силы, вновь уходили в него и возвращались еще более мощными.

ЗАКРОЙТЕ ГЛАЗА.

Уже не мысль, а *МЫСЛЬ* на волне гула.

Авери убедился, что все послушались, и тоже закрыл глаза. Он надеялся увидеть свою комнату в родном доме,

* «I Shall Be Released», песня Боба Дилана (1967).

а может, двор с качелями и надувным бассейном, который папа накачивал каждый год в День памяти... А увидел — все они увидели — институтскую игровую площадку. И, наверное, удивляться не стоило. Да, тут его толкнули и довели до слез — не лучшее начало последних недель его жизни, — но тут у него появились и друзья, хорошие друзья. Дома у него друзей не было. В школе Авери считали чудиком, коверкали его имя, подбегали к нему и кричали: «Аврик-Аврик-Шмакодьяврик!» — прямо в лицо. Здесь ничего такого не случилось, потому что их объединило общее несчастье. Здесь друзья заботились о нем, относились к нему как к нормальному. Теперь он позаботится о них. О Калише, Никки, Джордже и Хелен.

А главное, о Люке. Если сумеет.

С закрытыми глазами Авери увидел большой телефон.

Он стоял рядом с батутом, перед канавкой, в которую Люк протиснулся, чтобы пролезть под оградой. Старомодный телефон высотой не меньше пятнадцати футов, черный, как смерть. Авери, его друзья и дети из Палаты А стояли вокруг огромного телефона. Штази-огни, яркие, как никогда, то вились над диском телефона, то скользили над его исполинской бакелитовой трубкой.

Калиша, ВПЕРЕД! На площадку!

Она без возражений выпустила руку Авери, но прежде чем разрыв круга ослабил силу и уничтожил видение, за его ладонь ухватился Джордж. Гул теперь был повсюду, наверняка его слышали и дети в дальних странах, которые точно так же стояли в кругу. Слышали дети, как слышали жертвы, для убийства которых их доставили в Институт. И, подобно жертвам, дети подчинялись. С одной разницей: подчинялись они сознательно и охотно. Восстание охватило весь мир.

Джордж, ВПЕРЕД! На площадку!

Джордж разжал руку, и Никки занял его место. Никки, вступившийся за Авери, когда Гарри его толкнул. Никки, называвший его Авестером — особым именем, только для друзей. Авери крепко стиснул его ладонь

и почувствовал ответное пожатие. Никки, вечно ходивший в синяках. Никки, который не прогибался и не брал их паршивые жетоны.

Никки, ВПЕРЕД! На площадку!

Никки подчинился. Теперь руку Авери сжимала Хелен. Хелен с поблекшими панковскими волосами. Хелен, которая учила его кувыркаться на батуте и страховала, чтобы он «не свалился и не раскроил свою дурацкую башку».

Хелен, ВПЕРЕД! На площадку!

Хелен, последняя из его друзей, отпустила руку, но ее сменила Кэти. Еще чуть-чуть, и было бы поздно.

Снаружи слабо донеслись звуки стрельбы.

Только бы не опоздать!

Это была его последняя сознательная мысль как личности, как Авери. Затем он присоединился к огням и гулу.

Пришло время международного звонка.

21

За редкими деревьями Стэкхаус видел подъезжающий «субурбан». Отблески света из окон административного корпуса скользили по хромированной стали. Автомобиль двигался очень медленно. Стэкхаусу пришла в голову мысль (запоздалая — уже ничего не исправить), что мальчик мог все-таки оставить флешку Венди. Или спрятать по пути сюда из аэропорта, чтобы героический идиот в последний миг позвонил своей коллеге Венди и сказал, где тайник.

Но что я мог поделать, подумал он. Ничего. Других вариантов все равно не было.

«Субурбан» въехал на последний отрезок дороги. Стэкхаус по-прежнему стоял между автобусом и флагштоком, раскинув руки, как Христос на кресте. Гул сделался почти оглушительным. Стоит ли еще Розалинда на посту, или ей пришлось сбежать? Готова ли Глэдис смешать ингредиенты? Будем надеяться.

Он прищурился, силясь рассмотреть человека за рулем. Дуг с Чедом ни черта не увидят через тонированные задние стекла. Однако лобовое стекло было прозрачное, и когда расстояние сократилось до двадцати ярдов — меньше, чем он надеялся, — Стэкхаус четко увидел на водителе бейсболку задом наперед и убрал руку с флагштока. В тот же миг водитель отчаянно затряс головой и, оторвав левую руку от руля, прижал к стеклу растопыренную пятерню. Только тут Стэкхаус понял, что его провели. Трюк был не сложнее трюка с подкопом — и сработал так же хорошо.

За рулем был не героический идиот. За рулем была миссис Сигсби.

«Субурбан» вновь остановился и дал задний ход.

— Извини, Джулия, ничего не попишешь, — сказал Стэкхаус и поднял руку.

Из-за деревьев и с крыши административного здания начали стрелять. Глэдис Хиксон сняла крышки с двух баков хлорки, установленных под воздухозабором вентиляционной системы Дальней половины и переходного туннеля. Задержала дыхание, вылила в баки чистящее средство для унитаза, помешала шваброй, закрыла воздухозабор и баки брезентом и припустила к Восточному крылу Ближней половины. Глаза щипало. На бегу Глэдис почувствовала, как крыша заходила у нее под ногами.

22

— *Нет, Тревор, нет!* — завопила миссис Сигсби, тряся головой.

Из-за кресла Тим видел, как она прижала к стеклу растопыренную пятерню, а свободной рукой включила задний ход.

Только автомобиль тронулся, как началась стрельба — справа из лесу и спереди; Тим почти не сомневал-

ся, что стреляют сверху. В лобовом стекле возникли дырки, оно помутнело и просело внутрь. Миссис Сигсби превратилась в дергающуюся марионетку, сдавленно вскрикивающую от каждой пули.

— Лежать, Люк! — крикнул Тим, когда мальчик попытался из-под него выбраться. — *Лежать!*

Пули пробили заднее стекло, на спину Тиму сыпались осколки. С водительского кресла текла кровь. Вместе со всепроникающим гулом Тим слышал свист пролетающих над ним пуль.

Пули корежили металл. Капот открылся сам собой. Тим поймал себя на том, что вспоминает финальную сцену из какого-то старого гангстерского фильма: Бонни Паркер и Клайд Бэрроу отплясывают танец смерти под пулями, решетящими их машину. Какой бы план ни был у Люка, все пошло наперекосяк. Миссис Сигсби убита; Тим видел брызги ее крови на остатках лобового стекла. Следующие на очереди — они с Люком.

Тут справа и спереди завопили. Еще две пули прошли правый борт автомобиля, одна из них задела Тиму воротник. Но они были последние. Теперь Тим слышал оглушительный скрежет.

— Пустите! — прохрипел Люк. — Я дышать не могу!

Тим отпустил его и выглянул между передними сиденьями. В любой миг ему могло выстрелом снести голову, но удержаться было невозможно. Люк начал приподниматься. Тим крикнул было мальчику, чтобы тот лег, однако слова застряли у него в горле.

Такого не может быть, думал он.

И все же это происходило.

Авери и остальные стояли, взявшись за руки, вокруг большого телефона. За Штази-огнями, такими яркими и красивыми, почти ничего видно не было.

Бенгальский огонь, подумал Авери. *Мы зажжем бенгальский огонь.*

Он сгустился из пляшущих точек, десятифутовый, сыплющий искры во все стороны. Поначалу бенгальский огонь колыхался, затем групповое сознание полностью взяло его под контроль, ударило им по трубке огромного телефона и сбilo ее с аппарата. Та упала на веревочный парк, из динамика понеслись голоса на разных языках, и все задавали одни и те же вопросы: *Алло, ты меня слышишь? Алло, где ты?*

ДА, в один голос ответили институтские дети. *ДА, МЫ ВАС СЛЫШИМ! ДАВАЙТЕ!*

Их услышал круг детей в испанской Сьерра-Неваде. Услышал круг боснийских детей в Динарских горах. Услышал круг голландских детей на острове-форте Пампус, охраняющем Амстердам со стороны моря. Услышал круг немецких детей в лесистых горах Баварии.

В Пьетрапертозе, Италия.

В Намвоне, Южная Корея.

В десяти километрах от сибирского города-призрака Черский.

Они слышали. Ответили. И слились воедино.

24

Калиша и ее друзья добежали до запертой двери на Ближнюю половину. Теперь они отчетливо слышали пальбу, поскольку гул оборвался, как будто где-то опустили заслонку.

Он по-прежнему звучит, подумала Калиша. *Только не для нас.*

Стены застонали почти по-человечески, затем стальная дверь между туннелем и уровнем F Ближней половины вылетела наружу, мгновенно раздавив насмерть Розалинду Доусон. Дверь с раскученными петлями упала за лифтом. Наверху проволоочная сетка ламп днев-

ного света пошла волнами, в туннеле заматались безумные подводные тени.

Стон нарастал. Он шел почти со всех сторон, казалось, здание силится разорвать себя на части. В «субурбане» Тим вспомнил фильм «Бонни и Клайд»; Калиша подумала о «Падении дома Ашероу» Эдгара По.

Бежим, мысленно скомандовала она остальным. Быстрее!

Они пробежали мимо раздавленной женщины под искореженной дверью в расплывающейся луже крови.

Джордж: *Погодите, лифт же там!*

Никки: *Рехнулся? Не знаю, что происходит, но в лифт я точно не лезу!*

Хелен: *Это землетрясение?*

— Нет, — ответила Калиша.

Мыслетрясение. Не знаю, как...

— ...как они это делают, но это оно... — Она вдохнула и ощутила кислый вкус, от которого сразу закашлялась. — Это оно.

Хелен: *Что-то не так с воздухом.*

— Думаю, нас травят, — сказал Никки. *Чертовы сволочи никак не уймутся.*

Калиша толкнула дверь с надписью «ВЫХОД», и они побежали по лестнице. Теперь кашляли все. Между уровнями D и C ступени под ногами начали дрожать. Стены пошли трещинами. Люминесцентные лампы погасли, зажглось тусклое желтое аварийное освещение. Калиша остановилась, согнулась пополам от рвотного позыва, побежала дальше.

Джордж: *Как же Авери и остальные? Они задохнутся!*

Никки: *И что с Люком? Он здесь? Он еще жив?*

Калиша не знала ответов на их вопросы, знала лишь, что надо выбраться наверх, пока они не задохнулись. Или пока их не завалило.

Мощная дрожь прошла по всему зданию. Лестница накренилась вправо. Калиша представила, что было бы, окажись они сейчас в лифте, и тут же прогнала эту мысль.

Уровень В. Калиша судорожно хватала ртом воздух; впрочем, дышалось тут чуть легче, и она смогла бежать быстрее. Хорошо все-таки, что она не подседа на сигареты из автомата. Стон, идущий от стен, превратился в низкий вой. Слышался металлический хруст — видимо, рвались трубы и электропроводка.

Все рушилось. Ей вспомнился жуткий ролик на «Ютьюбе», от которого она не могла отвести глаз: стоматолог щипцами вырывает зуб. Зуб качался, пытаясь остаться в десне, из-под него сочилась кровь, но наконец он выскочил вместе со всеми корнями. Сейчас происходило что-то похожее.

Она добралась до лестницы на первый этаж. Дверной проем перекосило. Калиша толкнула — дверь не открылась. Подбежал Никки и налег плечом вместе с ней — без толку. Пол под ногами вздыбился, затем рухнул вниз. От потолка оторвался кусок, разбился о ступени и, крошась, покатился вниз.

— Если мы не выберемся, нас раздавит! — закричала Калиша.

Никки: *Джордж. Хелен.*

Он протянул руки. Хотя лестница была узкая, они кое-как втиснулись вчетвером, плечом к плечу. Волосы Джорджа лезли Калише в глаза, дыхание Хелен, гадко пахнущее страхом, обдавало лицо. Они взялись за руки. Возникли точки, дверь со скрежетом вылетела, прихватив верхний косяк. Коридор за дверью пьяно перекосился. Калиша первая выскочила из дверного проема, как пробка из бутылки шампанского, и упала на колени, порезав руку о рухнувшую с потолка и разлетевшуюся лампу. На стене, хоть и криво, по-прежнему висел плакат с тремя бегущими детьми на лугу и подписью «Еще один день в раю».

Калиша кое-как встала, огляделась и увидела, что остальные тоже оглядываются. Вместе они побежали к комнате отдыха, мимо комнат, где уже никогда не будут жить похищенные дети. Двери комнат хлопали, как

будто сумасшедшие устроили овацию. В буфете несколько автоматов упали, содержимое высыпалось. От разбитых бутылочек резко пахло спиртным. Дверь на площадку перекорежило и заклинило, но сквозь выбитое стекло тянуло свежим летним ветерком. Калиша подбежала к двери и замерла. На миг она забыла, что здание вокруг них рушится.

Первая ее мысль была, что остальные все-таки выбрались через другую дверь туннеля. Потому что они все были здесь: Авери, Айрис, Хэл, Лен, Джимми, Донна и дети из Палаты А. Тут Калиша сообразила, что видит не их, а проекции. Аватары. И большой телефон, вокруг которого они стояли, тоже был проекцией, иначе он раздавил бы батут и бадминтонную сетку. Калиша видела ограду не только за большим телефоном, но и *сквозь* него.

Затем дети и телефон исчезли. Пол под ногами вновь начал вздыматься и на сей раз не опустился обратно. Калиша видела медленно растущий провал между комнатой отдыха и краем площадки. Пока всего лишь дюймов девять, но он рос. Ей пришлось прыгнуть, как со второй ступеньки лестницы.

— Сюда! — крикнула она остальным. — Скорей! Пока не поздно!

25

Стэкхаус услышал крики со стороны административного корпуса, и стрельба оттуда прекратилась. Он обернулся и не поверил своим глазам. Ближняя половина поднималась в воздух. Одинокая фигурка на крыше, черная на фоне луны, отчаянно размахивала руками, силясь удержать равновесие. Очевидно, это была Глэдис.

Такого не может быть, подумал он.

Однако это происходило. Ближняя половина поднялась выше, с хрустом отдираясь от земли. Она заслонила

луну, затем накренилась, словно нос огромного неуклюжего вертолета. Глэдис полетела кувырком; Стэкхаус слышал крики, с которыми она исчезла в темноте. На крыше административного корпуса Зик и доктор Ричардсон бросили оружие и съежились за парашютом, глядя на то, что возможно только во сне: здание медленно взмывало в небо, роняя куски шлакоблоков и битое стекло. Оно утащило за собой почти всю ограду игровой площадки. Из разорванных труб хлестала вода.

Из открытой двери комнаты отдыха Западного крыла на площадку вывалился сигаретный автомат. Джорджа Айлза, который ошалело смотрел на уходящую в небо Ближнюю половину, раздавило бы насмерть, не дерни его Никки за руку.

Из-за деревьев выбежали повар Дуг и смотритель Чед. У того и другого рты были открыты, оружие болталось в руке. Либо они сочли, что в изрешеченном пулями «субурбане» живых не осталось, либо (и более вероятно) позабыли обо всем от изумления и ужаса.

Низ Ближней половины висел уже над административным корпусом. Она надвигалась величаво и тяжеломерно, словно многопушечный военный парусник при несильном ветре. Изоляция и провода, которые частью еще искрили, болтались оборванными пуповинами. Зазубренный кусок трубы проскрежетал по вентиляционному коробу. Грек Зик и доктор Фелиция Ричардсон бросились к люку, через который выбрались на крышу. Зик добежал, доктор Ричардсон не успела. Она жалким инстинктивным жестом закрыла голову руками.

В это самое мгновение переходный туннель, ослабленный годами без ремонта и стремительной левитацией Ближней половины, рухнул, похоронив детей, которые и без того уже умирали от хлорного отравления и ментальной перегрузки. Они держались за руки до конца, и когда потолок начал оседать, у Авери Диксона мелькнула одна последняя мысль, ясная и спокойная: *С друзьями мне было хорошо.*

26

Тим не помнил, как вылез из машины. Голова была полностью занята перевариванием увиденного: исполнинское здание плывет в воздухе и скользит над зданием поменьше, скрывая его из виду. Он видел, как фигурка на крыше здания поменьше закрыла голову руками. И тут за этой невероятной иллюзией в духе Дэвида Копперфилда раздался приглушенный хруст, поднялось облако пыли... и плывущая громада камнем рухнула вниз.

Могучий удар сотряс землю. Тим зашатался. Маленькое здание — очевидно, офисное — разлетелось фонтанами дерева, стекла и бетона. Дым за клубился, скрывая луну. Включилась сигнализация автобуса (надо же, у них есть сигнализация!): УУУ-УУУ-УУУ. Человек на крыше, без сомнения, погиб, а тех, кто оставался в здании, расплющило в лепешку.

— Тим! — Люк схватил его за руку. — *Тим!*

Мальчик указывал на двоих, показавшихся из-за деревьев. Один смотрел на развалины, а другой поднимал большой пистолет. Медленно-медленно, как во сне.

Тим поднял свой пистолет куда быстрее.

— Бросай оружие!

Они ошалело глянули на него и подчинились.

— А теперь подойдите к флагштоку.

— Все закончилось? — спросил один. — Пожалуйста, скажите, что все закончилось.

— Думаю, да, — ответил Люк. — Делайте, что велел мой друг.

Среди клубящейся пыли двое добрались до автобуса и флагштока. Люк поднял их пистолеты, хотел бросить в «субурбан», потом сообразил, что никуда они в этой изрешеченной пулями, залитой кровью машине не поедут. Он оставил один пистолет в руке, а другой зашвырнул в лес.

27

Мгновение Стэкхаус смотрел на идущих к нему Чеда и повара Дуга, затем повернулся обозреть крах всей своей жизни.

Кто мог такое предвидеть? — подумал он. Кто мог знать, что у детей хватит силы поднять в воздух целое здание? Этого не знали ни миссис Сигсби, ни доктор Эванс, ни Хекл и Джекл, ни Донки-Конг, где бы он сейчас ни был, ни тем более я сам. Мы думали, что работаем с высоким напряжением, а на самом деле использовали лишь малый ток. Чертовски смешно.

Его тронули за плечо. Он обернулся и увидел героического идиота. Тот был широкоплеч (как и положено героическому типуажу), но в очках, что не соответствовало стереотипу.

Хотя есть же Кларк Кент*, подумал Стэкхаус.

— Вы вооружены? — спросил человек, которого мальчишка назвал Тимом.

Стэкхаус мотнул головой и слабым жестом указал на Чеда и Дуга:

— Предполагалось, что стрелять будут они.

— Вы трое — последние?

— Не знаю. — Стэкхаус никогда еще не чувствовал такой усталости. Видимо, это шок. Не каждый день видишь, как дома взмывают в небо и заслоняют собой луну. — Может, из персонала Дальней половины кто-нибудь еще жив. И тамошние доктора, Хэллас и Джеймс. Что до детей из Ближней половины... вряд ли кто-нибудь мог пережить *это*...

Он указал на развалины. Даже такое простое движение потребовало невероятных усилий. Рука была как будто свинцовая.

— А что с остальными детьми? — спросил Тим. — Они ведь были в другом здании?

* В комиксах о Супермене никто не узнает Супермена в образе журналиста Кларка Кента, поскольку тот носит очки.

— Они были в туннеле, — сказал Люк. — *Он* пытался отравить их газом, но туннель обрушился раньше. Когда Ближняя половина поднялась в воздух.

Стэкхаус даже не начал отпираться. Что толку, если мальчишка Эллис читает его мысли? К тому же он чувствовал себя ужасно вымотанным. Выжатым как лимон.

— Твои друзья... тоже? — спросил Тим.

Люк открыл было рот, чтобы сказать: точно не знаю. И вдруг обернулся, словно его окликнули. Если так, оклик прозвучал внутри его головы, потому что Тим услышал голос секундой позже:

— *Люк!*

По замусоренному газону, огибая обломки рухнувшего здания, бежала девочка. За ней — два мальчика и еще одна девочка.

— *Люкки!*

Люк подбежал к первой девочке и крепко ее обнял. Остальные трое присоединились к ним, и когда все пятеро обнялись, Тим снова слышал гул, только негромкий. Мусор на газоне зашевелился, куски дерева и камни отрывались от земли и снова падали. И что это у него в голове, не шепот ли их голосов? Может, ему просто мерещится...

— Они все еще вырабатывают мысленную энергию, — заметил Стэкхаус равнодушным тоном человека, убивающего время за разговором. — Я их слышу. И вы тоже. Осторожнее. Эффект накапливается. Хэллас и Джеймс из-за этого превратились в Хекла и Джекл. — Он хохотнул. — В пару мультяшных сорок с дорогостоящими медицинскими дипломами.

Тим не слушал его и не мешал детям обниматься — видит бог, они заслужили эту радостную встречу. Он приглядывал за тремя выжившими сотрудниками Института, хотя не похоже было, что они доставят ему хлопоты.

— Что мне с вами, уродами, делать? — спросил Тим, не столько обращаясь к ним, сколько думая вслух.

— Пожалуйста, не убивайте нас. — Дуг указал на обнимающихся детей. — Я их кормил. Поддерживал в них жизнь.

— Не советую оправдываться, если не хотите попроситься со *своей* жизнью, — сказал Тим. — Разумнее всего сейчас заткнуться. — Он посмотрел на Стэкхауса. — Автобус, похоже, нам не понадобится, поскольку вы убили почти всех детей...

— Не мы.

— Вы глухой? Я велел заткнуться.

Стэкхаус видел выражение его лица. Не героическое и не идиотское. Это было лицо человека, который готов убивать.

— Мы должны уехать, — сказал Тим, — и мне совершенно не хочется конвоировать вас троих через лес в городок, про который рассказывал Люк. Предложения будут?

Стэкхаус как будто не слышал. Он смотрел на развалины Ближней половины и раздавленные ими остатки административного корпуса.

— И все это... — медленно проговорил он, — и все из-за одного беглого мальчишки.

Тим несильно пнул его в щиколотку.

— Слушай меня, сволочь. Как мне их отсюда вывезти?

Стэкхаус не ответил. Не ответил и человек, утверждавший, что кормил детей. Заговорил третий, в форме больничного медбрата:

— Если я предложу идею, вы меня отпустите?

— Как тебя зовут?

— Чед, сэр. Чед Гринли.

— Что ж, Чед, это смотря насколько хороша твоя идея.

28

Последние выжившие узники Института все обнимались и обнимались. Люк чувствовал, что мог бы обниматься с ними вечно, ведь он и не надеялся увидеть их

снова. Сейчас все самое главное для них сосредоточилось в этом тесном кружке на замусоренном газоне. Самые дорогие, самые близкие люди. А мир с его проблемами пусть катится к черту.

Авери?

Калиша: *Погиб. И он, и остальные. На них обрушился туннель.*

Никки: *Оно и к лучшему, Люк. Он бы уже не был собой. То, что он сделал... что они сделали... уничтожило бы его личность. Он бы стал таким же, как они все.*

А что с детьми из Ближней половины? Кто-нибудь выжил? Если да, то надо...

Ответила Калиша — мотнула головой и мысленно передала не слова, а картинку: покойный Гарри Кросс из Сельмы, штат Алабама. Мальчик, который умер в столовой.

Люк схватил ее за плечи.

Все? Ты хочешь сказать, они умерли от приступа еще до того, как здание рухнуло?

Он указал на развалины Ближней половины.

— Думаю, когда дом оторвался от земли, — сказал Никки. — Когда Авери заговорил по большому телефону. — И поскольку Люк все еще не понимал, добавил мысленно: *Когда к нам присоединились другие дети.*

— Издалека, — добавил Джордж. — Из других Институтов. Дети на Ближней половине были просто слишком... не знаю, как это называется.

— Слишком уязвимы, — произнес Люк. — У них случилась перегрузка, как от тех гнусных укулов.

Остальные кивнули.

— Я уверена, они умерли, глядя на точки, — прошептала Хелен. — Ужасно!

Люк ответил детским восклицанием, над которым взрослые цинично посмеиваются, и только дети могут по-настоящему его понять: *Так нечестно! Нечестно!*

Да, согласились они. Нечестно.

Кружок распался. В пронизанной лунным светом пыли Люк оглядел друзей: Хелен, Джорджа, Никки... и Калишу. Ему вспомнилась их первая встреча. Она понарошку курила конфетку-сигаретку.

Джордж: *Что теперь, Люкки?*

— Тим придумает, — ответил Люк. Хотелось верить, что это правда.

29

Чед повел их за развалины, Стэкхаус и повар Дуг понуро плелись следом. Сзади шел Тим, держа пистолет. Люк и его друзья замыкали шествие. Сверчки, смолкшие на время катаклизма, снова застрекотали.

Чед остановился на краю асфальтовой дороги, где были припаркованы полдюжины автомобилей и три-четыре пикапа, в том числе небольшой грузовой фургон «тойота» с надписью «МЭН ПЕЙПЕР ИНДАСТРИЗ» на боку. Чед указал на него:

— Годится, сэр?

Тим решил, что годится, по крайней мере для начала.

— А что с ключами?

— Служебными машинами пользуются все подряд, так что ключи оставляют под козырьком.

— Проверишь, Люк? — попросил Тим.

Люк пошел к машине, остальные дети — за ним: они не хотели расставаться ни на секунду. Люк открыл водительскую дверцу и опустил козырек. Что-то выпало ему в руку. Он протянул Тиму ключи.

— Отлично, — сказал Тим. — Теперь откройте заднюю дверцу. Если внутри что-нибудь есть, выбросите.

Рослый мальчик по имени Ник и другой, поменьше, Джордж, выбросили из фургона грабли, мотыги, ящик с инструментами и несколько мешков удобрений для газона. Стэкхаус тем временем сел на землю и уткнулся лбом в колени. То была поза полной обреченности, но

Тим не испытывал к нему жалости. Он постучал Стэкхауса по плечу.

— Мы уезжаем.

Стэкхаус не поднял головы.

— Куда? Мальчик вроде бы говорил про Диснейленд. — Он горестно рассмеялся.

— Вас это не касается. Но мне любопытно, куда поедете вы?

Стэкхаус не ответил.

30

Кресел в задней части фургона не было, так что дети сидели на переднем пассажирском по очереди, начиная с Калиши. Люк втиснулся на полу между ней и Тимом. Никки, Джордж и Хелен сгрудились у задних дверей и смотрели сквозь пыльные окошки на мир, который не надеялись больше увидеть.

Люк: *Отчего ты плачешь, Калиша?*

Она ответила мысленно, затем повторила вслух, чтобы слышал и Тим:

— Оттого, что все так прекрасно. Даже в темноте, все равно прекрасно. Жаль лишь, что Авери этого не видит.

31

Заря еще только занималась, когда Тим свернул на шоссе 77 и покатыл на юг. Калишу на пассажирском сиденье сменил мальчик по имени Никки. Люк вместе с ней ушел в заднюю часть фургона, и теперь все четверо спали вповалку, как новорожденные щенята. Никки тоже вроде бы уснул, его голова билась о стекло всякий раз, как машина подпрыгивала на ухабе... а ухабов было много.

После указателя, что до Миллинокета пятьдесят миль, Тим глянул на свой телефон и увидел, что у него две па-

лочки сигнала и девять процентов зарядки. Он позвонил Венди. Та ответила с первого гудка и сразу спросила, все ли у него хорошо. Он ответил, что да. Она спросила, все ли хорошо у Люка.

— Да. Мальчик спит. Со мной еще четверо детей. Были и другие — не знаю сколько, но порядочно. Они погибли.

— Погибли? Господи, Тим, что случилось?

— Не сейчас. Я расскажу, когда смогу, и, может быть, ты даже мне поверишь, но сейчас я еду через какую-то адскую глушь, в бумажнике не больше тридцати баксов, а карточкой я пользоваться не хочу. Там такое творилось, что нам лучше не оставлять следов. Да и устал я, как не знаю кто. Бензина еще полбака, что хорошо, но сам я на последнем издыхании. Мать-мать-мать.

— А ты... у тебя... есть...

— Венди, ты пропадаешь. Слышишь меня? Я перезвоню. Люблю тебя.

Тим не знал, услышала ли она, и если услышала, то как это восприняла. Он еще никогда не признавался ей в любви.

Он выключил телефон и положил на переднюю панель рядом с пистолетом Тэга Фарадея. События в Дюпрее казались далекими-далекими, словно из чужой жизни. Значение имели только дети: что с ними делать?

И еще: начнут ли за ними охотиться?

— Тим.

Он повернулся к Никки.

— Я думал, ты спишь.

— Нет, просто размышляю. Можно вам кое-что сказать?

— Конечно. Говори, не стесняйся. Не давай мне заснуть.

— Хотел поблагодарить. Не стану уверять, будто вы вернули мне веру в человечество, но приехать туда с Люкки... черт, это сильно.

— Скажи, ты читаешь мои мысли?

Ник помотал головой.

— Сейчас не могу. Да и вообще вряд ли сумею конфетный фантик с полу поднять, хотя по фантикам я спец. А вот когда мы объединялись... — он кивнул на детей в дальней части фургона, — тогда было совсем другое дело. Хоть и ненадолго.

— Думаешь, твои способности ослабнут? Станут как раньше?

— Понятия не имею. Да мне и без разницы. Меня всегда интересовали только футбол и уличный хоккей. — Он посмотрел на Тима. — Ну и мешки у вас под глазами!

— Да, мне бы не мешало поспать, — согласился Тим. Часиков двенадцать. Вспомнился задрипанный мотель Норберта Холлистера, где не работал телевизор и бегали тараканы. — Подозреваю, здесь есть несетевые мотели, куда за наличку пустят без лишних вопросов. К сожалению, с наличкой у меня напряженка.

Никки улыбнулся, и Тим увидел, каким красивым парнем он станет через несколько лет, если все будет хорошо.

— Думаю, мы с друзьями можем решить проблему налички. Бензина хватит доехать до ближайшего города?

— Да.

— Остановитесь там, — сказал Никки и снова прижал лоб к стеклу.

32

Незадолго до того, как в девять утра открылся миллинокетский филиал «Сименс траста», кассир Сандра Робишо вызвала начальника из его кабинета.

— У нас проблема, — сказала она. — Взгляните.

Она просматривала записи с видеокамер банкомата. Брайан Стернс сел рядом с ней. Между транзакциями камера не работала, а в маленьком мэнском городке Миллинокет это означало, что обычно она не работала всю

ночь, пока часов в шесть утра не появлялись первые клиенты. На фрагменте, который они просматривали, стояло время 5:18. К банкомату подошли пятеро. У четверых рубашки закрывали нос и рот — как маски у бандитов в старых вестернах. Пятый надвинул на глаза сувенирную бейсболку с надписью «МЭН ПЕЙПЕР ИНДАСТРИЗ».

— Это же дети!

Сандра кивнула.

— Ну да, на карликов вроде не похожи. Смотрите дальше, мистер Стернс.

Дети взялись за руки и составили круг. По экрану побежала рябь, как от помех. Потом из банкомата посыпались деньги, словно из игрового автомата в казино.

— Что за черт?

Сандра мотнула головой.

— Не знаю, что за черт, но они сняли две тысячи долларов, а банкомат не должен выдавать более восьмисот. Он так настроен. Наверное, надо кому-то позвонить, только не соображу кому.

Стернс не ответил. Он зачарованно смотрел, как маленькие бандиты — по виду даже не старшеклассники — забирают деньги.

Потом они исчезли.

ШЕПЕЛЯВЫЙ

1

Прохладным октябрьским утром месяца три спустя Тим Джемисон шагал от места под названием «Ферма Катавба-Хилл» к Южно-каролинскому шоссе 12-А. Путь был неблизкий — почти полмили. Еще немного, шутил Тим в разговорах с Венди, и пришлось бы называть их подъездную дорогу Южно-каролинским шоссе 12-В. На Тиме были потертые джинсы, грязные ботинки «Джорджия джайнт» и огромный свитшот, закрывавший бедра, — подарок от Люка, заказанный через Интернет. Спереди сияли большие золотые буквы: «АВЕСТЕР». Тим никогда не видел Авери Диксона, но свитшот носил с благодарностью. Лицо Тима покрывал густой загар. На ферме «Катавба» уже лет десять ничего не выращивали, зато за амбаром сохранился акр сада, и сейчас как раз наступило время собирать урожай.

Он дошел до почтового ящика, повернул ключ, начал перебирать рекламный мусор (в последние годы люди совсем перестали получать настоящую почту) и внезапно замер. Желудок, до того совершенно здоровый, свело. По дороге подъехала машина, сбавила скорость и остановилась. Ничего особенного в ней не было, просто «шевроле-малибу» в рыжей дорожной пыли, с дохлыми

насекомыми на решетке радиатора. Это были не соседи, их машины Тим знал. Может, коммивояжер или просто заблудившийся путник хочет спросить дорогу? Нет. Чутье его не обманывало. Неизвестно, кто за рулем, но Тим чувствовал, что ждал этого человека. И вот дождался.

Тим запер почтовый ящик и сунул одну руку за спину, будто хотел поддержать ремень. Ремень был на своем месте, как и «глок», принадлежавший некогда рыжему помощнику шерифа по имени Тэггарт Фарадей.

Приехавший заглушил мотор и вышел. Он был в джинсах намного новее, чем у Тима, — еще с магазинными складками по бокам — и застегнутой доверху белой рубашке. Лицо у незнакомца было одновременно привлекательное и невзрачное — сочетание, которое кажется невозможным, пока не встретишь такого субъекта. Глаза голубые, волосы — того нордического оттенка, который кажется почти белым. Собственно говоря, именно таким воображала его покойная Джулия Сигсби. Мужчина пожелал Тиму доброго утра, Тим ответил тем же, не убирая руку из-за спины.

— Тим Джемисон? — Гость протянул ладонь.

Тим глянул на нее, но пожимать не стал.

— Да. А вы кто?

Блондин улыбнулся:

— Давайте скажем, что меня зовут Уильям Смит. Это имя значится на моем водительском удостоверении. — «Смит» прозвучало нормально, а вот «удостоверение» больше напоминало «удоштоверение». — Зовите меня Билл.

— Чем могу быть полезен, мистер Смит?

Человек, назвавшийся Биллом Смитом — имя и фамилия такие же заурядные, как и его седан, — сощурился от бьющего в глаза утреннего солнца, чуть заметно улыбнулся, словно обдумывал несколько ответов на заданный вопрос, все как один приятные, затем снова посмотрел на Тима. На губах по-прежнему играла улыбка, однако глаза не улыбались.

— Мы можем ходить вокруг да около, но я уверен, что у вас много дел, так что не стану понапрасну тратить ваше время. Давайте сразу заверю, что не намерен причинять вам неприятности, так что если вы не просто чешете поясницу, а держитесь за пистолет, можете убрать руку из-за спины. Полагаю, мы согласимся, что в этой части мира стрельбы для одного года было достаточно.

Тиму хотелось спросить, как мистер Смит его нашел. Но зачем сотрясать воздух? Дело не такое уж и сложное. Ферма «Катамба» принадлежала Гарри и Рите Галликсон, живущим сейчас во Флориде. Последние три года за домом приглядывала их дочь. Кто лучше справится с охраной, чем заместитель шерифа?

Да, она *была* заместителем шерифа и по-прежнему получала зарплату от штата, однако перечислить ее нынешние обязанности было трудно. Ронни Гибсон, отсутствовавшая в ночь нападения, исполняла обязанности шерифа округа Фэрли, однако надолго ли это, никто не брался даже гадать; поговаривали, что участок переведут в соседний городок Даннинг. А Венди изначально не была создана для черной полицейской работы.

— Где ваша коллега Венди? — спросил Смит. — В доме, я полагаю?

— Где Стэкхаус? — парировал Тим. — Про «коллегу Венди» вы могли услышать только от него, поскольку ваша Сигсби мертва.

Смит пожал плечами, сунул руку в задний карман новых джинсов, покачался на каблуках.

— Надо же, какая у вас вокруг красота!

«Красота» прозвучала как «крашота», но вообще шепелявость была очень слабая, почти незаметная.

Тим решил не настаивать на своем вопросе. Все равно ничего не добьется, к тому же Стэкхаус — вчерашний день. Может, он в Бразилии, может — в Аргентине или в Австралии, может — убит. Какая разница? И шепелявый сказал правильно: нечего ходить вокруг да около.

— Заместитель шерифа Галликсон в Колумбии, на закрытых слушаниях о перестрелке, которая была тут летом.

— Полагаю, для комитета у нее заготовлена правдоподобная история.

Тим не стал подтверждать это предположение.

— Кроме того, она посетит заседание, на котором будет обсуждаться будущее полицейских сил в округе Фэрли, поскольку ваши головорезы уничтожили их почти полностью.

Смит развел руками:

— Люди, с которыми я работаю, не имели к этому ни малейшего отношения. Миссис Сигсби действовала по собственной инициативе.

Может, это правда — и в то же время неправда, подумал Тим. Она действовала так, потому что боялась вас и людей, с которыми вы работаете.

— Насколько я понимаю, Джордж Айлз и Хелен Симмс уехали, — продолжал гость. «Симмс» прозвучало как «Симмш». — Юный мистер Айлз у дяди в Калифорнии, мисс Симмс у бабушки с дедушкой в Делавэре.

Тим не знал, откуда у шепелявого эти сведения. Норберт Холлистер давно исчез, мотель стоял на замке, и на нем висела табличка «ПРОДАЕТСЯ», которая, вероятно, будет висеть еще долго. Впрочем, сведения были ценные. Тим не рассчитывал спрятаться, не настолько он был наивен, однако осведомленность мистера Смита неприятно его удивила.

— Следовательно, Николас Уилхолм и Калиша Бенсон по-прежнему здесь. И Люк Эллис, разумеется. — Улыбка вернулась, чуть более кривая. — Причина всех наших несчастий.

— Что вам нужно, мистер Смит?

— Вообще-то сушая малость. Мы скоро к этому перейдем. А сперва позвольте выразить вам мое восхищение. Не только храбростью, с какой вы практически в одиночку штурмовали Институт, но и той осторожностью, которую вы с Венди проявили впоследствии. Вы

ведь отсылаете их постепенно, да? Сперва отослали Айлза, примерно через месяц после возвращения в Южную Каролину. Затем Симмс — через две недели после него. У обоих была легенда, что их похитили по неведомой причине, держали неизвестно сколько неизвестно где, а потом отпустили... тоже по неведомой причине. Вы с Венди ухитрились повернуть отправку детей в то самое время, когда в отношении вас самих велось разбирательство.

— Откуда вы все это знаете?

Теперь пришла очередь шепелявого не отвечать на вопрос. Впрочем, Тим не огорчился. Очевидно, по крайней мере часть сведений была почерпнута напрямую из Интернета и газет. Возвращение похищенного ребенка всегда попадает в новости.

— Когда уезжают Бенсон и Уилхолм?

Тим подумал и решил ответить.

— Никки едет в эту пятницу. К дяде и тете в Неваду. Его брат уже там. Ник не рвется уезжать, но понимает, что не может остаться. Калиша пробудет здесь еще неделю или две. У нее есть сестра, на двенадцать лет старше, в Хьюстоне. Калиша ждет не дожидается, когда снова ее увидит.

Это была и правда, и неправда. Как и остальные, Калиша страдала посттравматическим синдромом.

— А их легенды выдержат полицейское разбирательство?

— Да. Легенды довольно простые, и, конечно, дети боятся того, что с ними будет, если они скажут правду. — Тим помолчал. — Да им и не поверили бы.

— А что юный мистер Эллис? Какова его судьба?

— Люк останется со мной. У него нет близких родственников, и ехать ему некуда. Он уже вернулся к занятиям. Они помогают ему забыться. Мальчик горюет, мистер Смит. О родителях, о друзьях. — Тим помолчал, глядя на блондина в упор. — Подозреваю, он горюет и о детстве, которое ваши люди у него украли. — Тим

подождал ответа, не дождался и продолжил: — Со временем мы придумаем достаточно надежную историю, и он продолжит с того места, где остановился. Учеба в Колледже Эмерсон и в Массачусетском технологическом. Он очень умный. — Тим не стал добавлять: «Как вы и сами прекрасно знаете». — Мистер Смит... вас это когда-нибудь волновало?

— Не особенно. — Смит достал из нагрудного кармана пачку «Американ спирт». — Сигарету?

Тим мотнул головой.

— Я сам почти не курю, — сказал мистер Смит, — но прошел логопедический курс в связи с шепелявостью и вознаграждаю себя сигаретой, когда удастся успешно контролировать свой дефект в разговоре, особенно в таком долгом и напряженном, как наш. Вы заметили, что я шепелявлю?

— Очень слабо.

Мистер Смит с довольным видом кивнул и закурил. В прохладном утреннем воздухе приятно запахло табаком. Запах, казалось, был создан для страны курильщиков, которой эти края по-прежнему оставались... хотя на ферме «Катавба» не курили с восьмидесятых.

— Надеюсь, вы объяснили им, как важно держать рот на замке. Если проболтается хоть один, последствия достигнут всех пятерых. Несмотря на ту флешку, которая у вас якобы есть. Не все мои... коллеги... верят в ее существование.

Тим улыбнулся, не разжимая губ.

— Вашим... коллегам... не стоит проверять эту гипотезу.

— Согласен. И все же крайне нежелательно, чтобы дети болтали о своих приключениях в мэнских лесах. Если вы на связи с мистером Айлзом и мисс Симмс, пожалуйста, доведите мои слова до их сведения. Или, может быть, Уилхолм, Бенсон и Эллис сообщат им это другим способом.

— Вы про телепатию? Вряд ли. Она ослабевает и постепенно возвращается к доинститутскому уровню. То же и с телекинезом. — Тим пересказывал Смигу слова детей, хотя сам не слишком в это верил. Одно он знал точно: жуткий гул больше ни разу не звучал. — Как вам удалось замести следы, Смит? Мне любопытно.

— Боюсь, я не вправе удовлетворить вашу любознательность, — улыбнулся блондин. — Скажу, что нашего внимания потребовал не только объект в штате Мэн. Было двадцать других Институтов в других частях мира, и ни один больше не функционирует. Два — в странах, где детям послушание внушают с колыбели, — продержались месяца полтора, затем в обоих произошли массовые самоубийства.

Слово прозвучало как «шамоубийства».

Массовые самоубийства или массовые убийства? Тим не хотел спрашивать. Чем быстрее он избавится от этого типа, тем лучше.

— Эллис — с вашей помощью и в значительной части благодаря ей — нас погубил. Мелодраматично, но факт.

— Думаете, мне есть до этого дело? — спросил Тим. — Вы убивали детей. Если существует ад, вы в него попадете.

— А вы, мистер Джемисон, безусловно, полагаете, что попадаете в рай, при условии, что он существует. Кто знает, может, вы и правы. Какой бог отвергнет человека, бросившегося на помощь беззащитным детям? Если мне позволено процитировать Христа на кресте, вас простят, поскольку вы не ведали, что творите. — Он бросил окурок на землю. — Но я вам скажу. Я для этого приехал, с разрешения коллег. Из-за вас и Эллиса мир сейчас на грани самоубийства.

На сей раз слово прозвучало чисто.

Тим молча ждал.

— Первый Институт, хотя он назывался иначе, создали в фашистской Германии.

— Почему меня это не удивляет? — сказал Тим.

— Не спешите осуждать. Фашисты открыли ядерную реакцию раньше Америки. Они создали антибиотики, которыми мы пользуемся и сегодня. Они, можно сказать, изобрели современное ракетостроение. А некоторые немецкие ученые, при горячей поддержке Гитлера, занимались изучением экстрасенсорных способностей. Они почти случайно обнаружили, что группа одаренных детей может сделать так, чтобы некоторые неудобные люди — помехи на пути прогресса — перестали доставлять неудобства. Эти дети закончились к сорок четвертому, поскольку не было надежного метода, научного метода для поисков замены, когда они, выражаясь институтским жаргоном, становились овощами. Самый надежный анализ на скрытые экстрасенсорные способности появился позже. Вы знаете, о чем я говорю?

— НФМ. Нейротрофический фактор мозга. Люк мне говорил, что это маркер.

— Да, он действительно умный мальчик. Очень умный. Все заинтересованные лица теперь жалеют, что не оставили его в покое. У него и НФМ-то был не очень высокий.

— Люк, вероятно, тоже жалеет, что его не оставили в покое. И его родителей. А теперь расскажите уже, что собирались.

— Хорошо. Перед концом Второй мировой войны и позже состоялся ряд конференций. Если вы хоть что-нибудь помните из истории двадцатого века, вы про некоторые знаете.

— Я знаю про Ялту, — сказал Тим. — Рузвельт, Черчилль и Сталин встретились, чтобы поделить земной шар.

— Да, это самая известная. А самая важная прошла в Рио-де-Жанейро и обошлась без участия высших руководящих лиц... если только вы не хотите считать собравшихся и их преемников в последующие годы своего рода теневым правительством. Они — мы — знали про немецких детей и занялись поисками новых. В пятиде-

сятых мы узнали о полезности НФМ. Были учреждены Институты, один за другим, в малонаселенных районах. Технологии совершенствовались. Эти Институты действовали семьдесят с лишним лет и, по нашим оценкам, спасли мир от ядерной войны более пятисот раз.

— Чушь, — хрипло проговорил Тим. — Нелепость.

— Нет. Позвольте привести один пример. Когда дети в мэнском Институте подняли бунт, распространившийся, как вирус, на все остальные Институты, там как раз готовили самоубийство проповедника Пола Уэстина. По милости Люка Эллиса он до сих пор жив. Через десять лет он близко сойдется с министром обороны США, ревностным христианином. Уэстин убедит министра, что война неизбежна, министр убедит президента, что приведет к упреждающему ядерному удару. Выпустят всего одну ракету, а дальше все может пойти по принципу домино. Эта часть за пределами наших предсказательных способностей.

— Откуда вам знать?

— Как, по-вашему, мы выбирали цели, мистер Дже-мисон? Вытаскивали бумажки с фамилиями из шляпы?

— Телепатически, я полагаю.

Мистер Смит посмотрел на него, как терпеливый учитель на тупого ученика.

— ТЛК двигают предметы, ТЛП читают мысли. Ни те ни другие не способны предсказывать будущее. — Он снова вытащил пачку. — Точно не хотите?

Тим мотнул головой.

Смит закурил.

— Такие дети, как Люк Эллис и Калиша Бенсон, редки, но есть еще более редкие люди. Ценнее самого ценного металла. А знаете, что их выгодно отличает? Их талант не слабеет со временем и не уничтожает мозг своего носителя.

Тим краем глаза поймал какое-то движение и оглянулся. По дороге в их сторону шел Люк. Выше на холме стояла Энни Леду с переломленным ружьем на руке,

рядом с ней — Калиша и Никки. Смит их еще не заметил; он смотрел сквозь туманную дымку на далекий Дюпрей и разрезающую городок блестящую нитку железной дороги.

Энни почти все время проводила на ферме. Она души не чаяла в детях, да и им вроде бы нравилось ее общество. Тим указал на нее, затем похлопал рукой по воздуху: мол, стой где стоишь. Энни кивнула и осталась стоять, наблюдая. Смит по-прежнему любовался видом.

— Давайте скажем так. Существует еще один Институт, очень маленький, совершенно особенный, где все сверхсовременное и по высшему разряду. Никаких устаревших компьютеров и полуживой инфраструктуры. Расположен он в полностью безопасном месте. Другие Институты стоят на том, что мы считаем враждебной территорией, но только не этот. Там нет ни шокеров, ни уколов, ни наказаний. Нет надобности притапливать подопечных до полусмерти, чтобы раскрыть их глубинные способности.

Будем считать, что он в Швейцарии. К примеру. Нейтральная территория выбрана потому, что многие государства заинтересованы в его работе. Очень многие. На сегодня там проживает шесть чрезвычайно уважаемых гостей. Они уже не дети. В отличие от ТЛК и ТЛП в других Институтах они не утрачивают свой талант к восемнадцати — двадцати годам. Двое так вообще старики. Их экстраординарные способности не коррелируют с уровнем НФМ. В этом они уникальны, и найти их очень трудно. Мы постоянно ищем замену, но сейчас поиск приостановлен, поскольку лишился смысла.

— Кто эти люди?

— Провидцы, — сказал Люк.

Смит вздрогнул и резко обернулся.

— А, здравствуй, Люк. — Он отступил на шаг. Неужели испугался? Похоже, что да. — Провидцы, совершенно верно.

— Что вы имеете в виду? — спросил Тим.

— Экстрасенсорное провидение, — кивнул Люк. — Эти люди видят будущее.

— Вы шутите, да?

— Я не шучу, и он тоже, — ответил Смит. — Шестерых провидцев можно назвать нашей линией ДЗО — эта устаревшая аббревиатура времен холодной войны означает дальнейшее заблаговременное обнаружение. Или, если хотите что-нибудь посовременней, они наши беспилотники, которые летают в будущее и выслеживают места, где полыхнет пожар. Мы тушим только самые большие. Мир выжил лишь потому, что мы принимали превентивные меры. При этом погибли тысячи детей, зато миллиарды детей были спасены. — Он улыбнулся Люку. — Разумеется, ты догадался. Это не так сложно вывести. И ты, насколько я знаю, силен в математике, так что видишь соотношение издержки — прибыль. Даже если оно тебе не нравится.

Энни и двое детей вновь двинулись вниз с холма. Тим не стал их останавливать, он был слишком ошеломлен услышанным.

— Я могу поверить в телепатию, могу поверить в телекинез, но предсказывать будущее? Это не наука, а ярмарочные враки!

— Уверяю вас, это не так, — возразил Смит. — Наши провидцы находили мишени. А ТЛК и ТЛП, работая в группах, чтобы усилить свои способности, уничтожали их.

— Провидение существует, Тим, — тихо сказал Люк. — Я догадался еще до того, как сбежал из Института. И почти уверен, что Авери тоже. Иначе картинка не складывается. Я читал об этом с тех пор, как мы здесь. Все, что смог найти. Статистика неопровержима.

Подошли Калиша и Никки. Они с любопытством разглядывали блондина, который представился Биллом Смитом, однако в разговор не вступали. Энни стояла

у них за спиной. Несмотря на теплую погоду, она была в серапе и больше обычного походила на мексиканскую разбойницу. Взгляд у нее был ясный и осмысленный. Дети ее изменили. Тим полагал, что дело не в их способностях, которые только разрушают разум. Просто они принимали Энни такой, какая она есть, и это пошло ей на пользу. Так или иначе, он за нее радовался.

— Видите? — сказал Смит. — Ваш домашний гений подтверждает. Наши шесть провидцев — какое-то время их было восемь, а в семидесятых оставалось всего четыре, очень опасное было время — постоянно ищут неких людей, которых мы называем *стержнями*. Они — оси, на которых может повернуться дверь самоистребления человечества. Стержни — не агенты разрушения, а его векторы. Уэстин — один из таких. Как только провидцы их выявляют, мы начинаем слежку, собираем досье, снимаем видео. Затем материалы передаются в различные Институты, и дети так или иначе устраняют этих людей.

Тим затряс головой:

— Не верю.

— Как сказал Люк, статистика...

— Статистика докажет что угодно. Никто не в силах видеть будущее. Если вы и ваши сообщники в это верите, то вы не организация, а секта.

— У меня тетушка умела предсказывать будущее, — вмешалась Энни. — Однажды она не отпустила сыновей в бар на танцульку, и там взорвался газ. Двадцать человек обгорели, как мыши в дымоходе, а ее мальчики сидели дома и не пострадали. — Энни помолчала и добавила, видимо, только что вспомнив: — А еще она знала, что Трумэна выберут президентом, хотя никто не верил в такой бред.

— А про Трампа ваша тетя знала? — спросила Калиша.

— Она умерла, когда этого говнюка и в помине не было, — сказала Энни и, когда Калиша подняла руку, звонко хлопнула ее по раскрытой ладони.

Смит не обратил на Энни внимания.

— Тим, мир по-прежнему существует. Это не статистика, а факт. Семьдесят лет прошло после Хиросимы и Нагасаки, а мир по-прежнему существует. Хотя у многих государств есть атомные бомбы, примитивные человеческие чувства все так же берут верх над разумом, а суеверия под видом религий все так же направляют политику. Почему? Потому что мы его оберегали. А теперь защиты нет. Вот что сделал Люк Эллис, и вот в чем вы участвовали.

Тим глянул на Люка:

— Ты в это веришь?

— Нет, — ответил Люк. — И он тоже. Во всяком случае, не до конца.

Тим не знал, что Люк сейчас вспоминает девчонку, которая спросила его про экзаменационную задачу (ту, что про Аарона и гостиницу). Девчонка выбрала неправильный ответ. Здесь было то же самое, только масштабы куда серьезнее: неверный ответ, полученный из ошибочной формулы.

— Конечно, можешь и дальше себя обманывать, — сказал Смит.

— Энни права, — продолжал Люк. — У некоторых людей бывают озарения, и, возможно, ее тетя была из таких. Что бы ни утверждал этот человек, во что бы он сам ни верил, это явление на самом деле не такое уж редкое. Быть может, озарения случались и у тебя, Тим, только ты называл их иначе. Интуицией, например.

— Или чутьем, — вставил Никки. — По телику копы всегда чуют нутром.

— Телефильмы — не жизнь, — возразил Тим, который тоже думал о прошлом, когда без всякой причины решил выйти из самолета и отправиться на север.

— Жаль, — заметила Калиша. — Я обожаю «Ривердэйл»*.

* Американский подростковый телесериал, в котором ребята расследуют мрачные тайны своего города. Выходит с 2017 г.

— В рассказах о таких событиях постоянно используется слово «озарение», — продолжил Люк, — поскольку оно похоже на вспышку молнии. Я в это верю — и верю, что некоторые люди умеют извлекать из провидения практическую пользу.

Смит поднял руки.

— Ровно так я и сказал.

Только «сказал» прозвучало как «шказал». Шепелявость вернулась. Тим нашел это занятным.

— Он кое о чем умалчивает, — объявил Люк. — Возможно, потому, что не хочет признаваться в этом самому себе. Как наши генералы отказывались признавать, что войну во Вьетнаме не выиграть, даже когда все уже было очевидно.

— Не понимаю, о чем ты, — сказал Смит.

— Понимаете, — возразила Калиша.

— Понимает, — подтвердил Никки.

— Лучше не завирайтесь, мистер, — сказала Сиротка Энни. — Эти постреляты читают ваши мысли. Досадно, да?

Люк повернулся к Тиму.

— Как только я понял, что в основе этого дела лежит провидение, и добрался до настоящего компьютера...

— То есть до такого, за который не надо платить жетонами, — вставила Калиша.

Люк ткнул ее в бок:

— Помолчи минуту, а?

Никки ухмыльнулся:

— Берегись, Ша. Люк озверел.

Она рассмеялась. Смит — нет. С появлением Люка и его друзей Смит перестал управлять разговором, и по выражению его лица — сжатые губы, сдвинутые брови — видно было, что он к такому не привык.

— Как только я добрался до настоящего компьютера, — продолжил Люк, — я посчитал распределение Бернулли. Вы знаете, что это такое, мистер Смит?

Блондин мотнул головой.

— А вот Люк знает, — сказала Калиша. Глаза ее смеялись.

— Ага, — подхватил Ник. — Знает и не любит. Не дружит он с этим самым распределением.

— Распределение Бернулли — точный способ выразить вероятность, — сказал Люк. — Оно применяется, когда возможны два исхода некоторых эмпирических событий: выпадение орла либо решки, выигрыш либо проигрыш команды в матче. Исход можно обозначить как p для положительного результата и n для отрицательного. Не буду утомлять вас подробностями; если коротко, на выходе вы получаете булеву величину, которая четко выражает разницу между случайным и неслучайным.

— Да-да, не утомляй нас ерундой, — сказал Ник. — Давай сразу к сути.

— Выпадения орла и решки случайны. Счет матчей на маленькой выборке тоже выглядит случайным, но если взять выборки побольше, то видно, что он не случаен, поскольку присутствуют другие факторы. И тут вступает в дело вероятность. Если вероятность A больше вероятности B , то скорее всего произойдет A . Вы это знаете, если делали ставки на матчи, да?

— Конечно, — ответил Тим. — Анонс матчей с шансами команд печатают в газете.

Люк кивнул:

— На самом деле все очень просто, и когда применишь распределение Бернулли к статистике предвидений, намечается интересная тенденция. Энни, когда случился пожар, который заранее почувствовала ваша тетя?

— В тот же вечер, — ответила Энни.

Люк довольно улыбнулся:

— Отличный пример. Распределение Бернулли показывает, что вспышки предвидения — или озарения,

если вам так больше нравится, — работают точнее всего, когда предсказанное событие должно случиться через несколько часов. По мере того как время между предвидением и предсказанным событием растет, вероятность, что пророчество сбудется, падает. Если речь о неделях, она сходит практически до нуля, и *p* превращается в *n*. — Он снова посмотрел на блондина: — Вы это *знаете*, и люди, с которыми вы работаете, тоже знают. Уже много лет. Даже десятилетий. Любой математик с компьютером способен применить распределение Бернулли. Может, это было неочевидно, когда вы начинали в конце сороковых, однако к восьмидесятым вы должны были понять. А то и к шестидесятым.

Смит покачал головой:

— Ты очень умен, Люк, но ты всего лишь ребенок, а дети склонны к магическому мышлению — они подгоняют истину под желаемое. Думаешь, мы не проверяли провидческие способности нашей группы? — Он шепелявил все сильнее. — Мы тщательно испытываем каждого нового провидца. Они должны предсказать исход случайных событий, таких как прибытие определенного самолета... новостные события вроде смерти Тома Петти*, результаты голосования по Брекситу... даже проезд машин через конкретные перекрестки. Такого рода испытания проводятся уже почти три четверти столетия. И они всегда успешны!

Всегда успешны.

— Ваши испытания касаются событий, которые должны произойти *скоро*, — вмешалась Калиша. — Не отрицайте, у вас это светится в голове, как неоновая вывеска. Оно и понятно. Какой смысл в проверке, результаты которой можно получить только через пять или десять лет?

* Американский рок-музыкант. Умер в 2017 г. от остановки сердца.

Она взяла Никки за руку. Люк отступил на шаг и взял за руку Калишу. И Тим снова услышал гул. Тихий, но знакомый.

— Конгрессмен Берковиц в день своей смерти был ровно там, где предсказали провидцы, — заявил Смит. — А они предсказали это за год.

— Пусть так, — не сдавался Люк. — Но вы выбираете жертв — того же Пола Уэстина, например, — исходя из предсказаний о том, что случится через десять, через двадцать, даже через двадцать пять лет. Вы знаете, что прогнозы ненадежны, что события могут повернуться в другую сторону из-за сущего пустяка вроде пропущенного телефонного звонка... И все же гнете свое.

— Скажем так, в твоих словах есть здоровое зерно, — признал Смит. — Но разве не стоит перестраховаться? — *Штоит. Перештраховаться.* — Подумай о сбывшихся предсказаниях, а потом о возможных результатах бездействия!

У Энни нашлось возражение, а то и два.

— Как вы можете быть уверены, что предсказания сбудутся? Вы же убиваете людей, к которым они относятся! Не понимаю!

— Он тоже не понимает, — сказал Люк, — просто не хочет мириться с мыслью о стольких напрасных жертвах. Они все продолжают себя обманывать.

— «Чтобы спасти деревню, нам пришлось ее уничтожить», — вставил Тим. — Кажется, так сказал кто-то во Вьетнаме?

— Если вы намекаете, что наши провидцы все это время нас дурачили, выдумывали опасности...

— Откуда вы знаете, что это не так? — парировал Люк. — Предположим, не специально, тем не менее... Им ведь хорошо живется, да? Не то что нам в Институте. А может, предсказания и были верными на тот момент, когда их делали. Это все равно не отменяет фактора случайности.

— О боже, — внезапно произнесла Калиша.

Смит, который бог весть сколько времени играл роль Господа Бога, иронически улыбнулся.

Люк сказал:

— Вы понимаете, о чем я говорю. Знаю, что понимаете. *Слишком много переменных.*

Смит некоторое время молчал, глядя вдаль. Потом ответил:

— Да, у нас есть математики, и да, в рапортах и обсуждениях упоминается распределение Бернулли. Уже много лет. Так что, допустим, ты прав. Допустим, наша сеть Институтов спасла мир от гибели не пятьсот раз, а всего пятьдесят. Или даже пять. Разве оно того не стоило?

Тим очень тихо произнес:

— Нет.

Смит уставился на него как на сумасшедшего:

— Нет?! Вы сказали «нет»?

— Нормальные люди не приносят детей на алтарь вероятности. Это не наука, а суеверие. А теперь, я думаю, вам пора отсюда убираться.

— Мы восстановим систему, — сказал Смит. — Если успеем, при том что весь мир катится в пропасть, как старый драндулет без водителя. Я приехал еще и для того, чтобы вас предупредить. Никаких интервью. Никаких статей. Никаких постов в «Фейсбуке» или «Твиттере». Большинство посмеется над такими рассказами, но мы отнесемся к ним очень серьезно. Если хотите жить, молчите.

Гул нарастал, и когда Смит доставал из кармана сигареты, рука у него дрожала. Человек, вылезший из невзрачного «шевроле», был уверен в себе. Он привык отдавать приказы, которые исполняются быстро и беспрекословно. Но сейчас перед ними стоял определенно другой человек — сильно шепелявящий, с пятнами пота, расплзающимися от подмышек рубашки.

— Ты бы ехал отсюда, сынок, — посоветовала Энни. Очень мягко. Возможно даже, по-доброму.

Пачка сигарет выпала у Смита из рук. Когда он нагнулся ее поднять, она отскочила в сторону, хотя ветра не было.

— Курение вредит вашему здоровью, — сказал Люк. — Без всякого провидения можно сказать, что с вами будет, если не бросите.

«Дворники» автомобиля задвигались. Зажглись фары.

— Советую вам уехать, — сказал Тим. — Пока не поздно. Понимаю, вы злитесь из-за того, что произошло, но вы даже не представляете, как злятся эти дети. Они побывали в эпицентре.

Смит подошел к машине и открыл дверцу. Потом указал пальцем на Люка:

— Ты выдаешь желаемое за действительное. Мы все таковы, юный мистер Эллис. Со временем ты в этом убедишься. К большому своему огорчению.

Он тронулся с места, облако пыли из-под задних колес поплыло к Тиму и остальным... и свернуло, словно от порыва ветра, которого никто не ощутил.

Люк улыбнулся: даже у Джорджа не вышло бы лучше.

— Стоило бы от него избавиться, — деловито произнесла Энни. — Зарыли бы тело в огороде — места там навалом.

Люк покачал головой:

— Есть другие. Он всего лишь координатор.

— К тому же, — сказала Калиша, — тогда бы мы стали как *они*.

— И все равно... — мечтательно проговорил Никки.

Он не закончил фразу, но Тим и без телепатии угадал остальное: *Было бы здорово.*

2

Тим ждал, что Венди вернется из Колумбии к ужину, но она позвонила и сказала, что задержится. На следующее утро назначили еще одно заседание касательно будущего правоохранительных сил округа Фэрли.

— Господи, когда это кончится?

— Я почти уверена, что слушание будет последнее. Ситуация непростая, сам понимаешь, да еще чиновничья волокита тормозит дело. У вас все в порядке?

— Все отлично, — ответил Тим, надеясь, что не ошибается.

На ужин он сварил большую кастрюлю спагетти. Люк сделал соус болоньезе, Калиша и Никки вдвоем нарезали салат. Энни, как с ней это частенько случалось, куда-то исчезла.

Поели с удовольствием. Разговаривали, много смеялись. Потом Тим достал из холодильника торт «Пепперидж фарм» и понес к столу, как официант в мюзикле. Тут он заметил, что Калиша плачет. Ник и Люк обнимали ее за плечи, но утешительных слов не говорили (по крайней мере таких, какие мог бы услышать Тим). Лица у обоих были задумчивые, сосредоточенные, словно их угнетали собственные мысли.

Тим поставил торт на стол.

— Что стряслось, Ка? Ребята наверняка знают, а я — нет. Просвети меня.

— А вдруг он прав? Вдруг тот человек прав, а Люк ошибается? Вдруг мир погибнет через три года... или через три месяца... потому что мы его не защищаем?

— Я не ошибаюсь, — сказал Люк. — У них есть математики, но я соображаю лучше. Это не похвальба, а правда. А тема с магическим мышлением... Она и к ним относится. Они не хотят признавать, что были не правы.

— Ты не уверен до конца! — воскликнула она. — Я же слышу! *Люкки, ты не уверен до конца!*

Люк просто уставился в тарелку.

Калиша посмотрела на Тима:

— Вдруг они были правы хотя бы в одном случае? Тогда мы виноваты!

Тим ответил не сразу. Не хотелось думать, что от его слов в значительной мере зависит, как девочка проживет оставшуюся жизнь. Не хотелось взваливать на себя такую

ответственность. И все же придется. Мальчики тоже слушали. Слушали и ждали. Тим не обладал экстрасенсорными способностями, но он был взрослым. Большим. Они ждали, что он скажет: под кроватью никаких чудовищ нет.

— Ты не виновата. Никто из вас не виноват. Этот человек приехал не для того, чтобы потребовать от тебя молчания. Он приехал отравить тебе жизнь. Не дай ему этого добиться, Калиша. И вы тоже. У нас как у биологического вида есть одна главная задача, и вы, ребята, ее выполнили. — Он двумя руками вытер слезы со щек Калиши. — Вы смогли выжить. Вы проявили смекалку и доброту. И сумели выжить. А теперь давайте есть торт.

3

Наступила пятница. Очередь Ника уезжать.

Тим и Венди стояли с Люком и глядели, как Ник с Калишей в обнимку идут по дороге. Венди должна была отвезти его на автобусную станцию в Брансуик, но все понимали, что Калише и Нику нужно немного побыть наедине. Проститься. И что они заслужили эти последние минуты вместе.

— Давай повторим еще раз, — сказал Тим часом раньше, после ланча, за которым Ник и Калиша почти не ели. Тим с Никки вышли на заднее крыльцо, а Люк и Калиша остались мыть немногочисленные тарелки.

— Незачем, — ответил Ник. — Я все усвоил. Правда.

— И все равно, — настаивал Тим. — Это важно. Из Брансуика в Чикаго, верно?

— Да. Автобус уходит сегодня в девятнадцать пятнадцать.

— С кем ты можешь говорить в автобусе?

— Ни с кем. Не привлекаю к себе внимания.

— А что потом?

— Звоню дяде Фреду с Военно-морского пирса*. Потому что там похитители меня высадили. На том же месте, где Джорджа и Хелен.

— Но ты этого не знаешь.

— Не знаю.

— Знаком ли ты с Джорджем и Хелен?

— Никогда о них не слышал.

— А что за люди тебя похитили?

— Не знаю.

— Чего они хотели?

— Не знаю. Загадка. Меня не трогали. Мне не задавали вопросов. Я не слышал и не видел других детей, вообще ни фига не знаю. Когда полицейские меня допрашивают, ничего другого не говорю.

— Правильно.

— В конце концов копы от меня отстают, я еду в Неваду и живу долго и счастливо с тетей, дядей и Бобби.

Бобби, брат Ника, в ночь похищения гостил у друга.

— А когда тебе скажут, что твоих родителей убили?

— Для меня это полная неожиданность. И не волнуйтесь, я буду плакать. Непритворно. С этим никаких проблем, поверьте. Давайте закончим уже!

— Почти закончили. Только сперва разожми кулаки. Вот эти свои кулаки, и те, что в голове, тоже. Дай себе шанс жить не только долго, но и счастливо.

— Не так это просто. — Глаза Никки блеснули от слез. — Не так, черт возьми, просто.

— Знаю, — сказал Тим и рискнул его обнять.

Ник сперва просто терпел, затем тоже обнял Тима. Из всех сил. Тим подумал, что это хорошее начало. И еще подумал, что мальчик выстоит, сколько бы вопросов ни задавали ему в полиции, как бы ни упрекали его в бредовости истории.

Больше всего Тим опасался за Джорджа Айлза — тот был известным говоруном и любителем приукрасить.

* Развлекательный парк в Чикаго.

Тим, впрочем, считал — *надеялся*, — что сумел убедить Джорджа: незнание — сила, с ним ты крепко стоишь на ногах. А добавишь что-нибудь сверху — полетишь кувырком.

Теперь Ник с Калишей обнимались возле почтового ящика в конце дороги, там, где мистер Смит укорял их шепелявыми словами, пытаясь заронить сознание вины в детей, которые всего-навсего хотели остаться в живых.

— Он правда ее любит, — сказал Люк.

И ты тоже, подумал Тим.

Впрочем, Люк не первый, кто оказался лишним в любовном треугольнике. И не последний. Да и можно ли тут говорить о любви? Люк — вундеркинд, но ему всего двенадцать. Его чувства к Калише пройдут, как детская болезнь, хотя сейчас говорить об этом бесполезно. Впрочем, он будет помнить, — как Тим помнит девочку, по которой сходил с ума в двенадцать (ему было до нее, шестнадцатилетней, как до звезды на небе). А Калиша будет помнить Никки, красивого мальчика, который не сдавался.

— Тебя она тоже любит, — ласково сказала Венди и легонько сжала Люку плечо.

— Не так, — мрачно ответил Люк, потом улыбнулся. — Ладно, фигня. Жизнь продолжается.

— Пора выводить машину, — произнес Тим. — Автобус ждать не будет.

Венди вывела машину. Люк доехал с ней до почтового ящика, потом постоял с Калишей. Когда машина тронулась, они замахали руками. Ник высунул руку в окно и помахал в ответ. Затем машина скрылась из виду. У Ника в нагрудном кармане — куда воришкам на автобусной станции труднее всего добраться — лежали семьдесят долларов наличными и телефонная карточка. В ботинке — ключ.

Люк и Калиша шли по дороге рядом. На полпути Калиша закрыла лицо руками и зарыдала. Тим двинулся было к ней, но передумал. Теперь это дело Люка. И тот

исполнил свою обязанность. Обнял Калишу. Поскольку она была выше, то припала головой к его голове, а не к плечу.

Тим уловил гул, теперь всего лишь легкий шепоток. Они разговаривали, но он не слышал слов. И правильно, потому что слова эти были не для него.

4

Еще через две недели пришло время уезжать Калише. Не в Брансуик, а на другую автобусную станцию, в Гринвилле. Ей предстояло добраться до Чикаго завтра к вечеру и позвонить сестре в Хьюстон с Военно-морского пирса. Венди подарила Калише вышитую бисером сумочку. Там лежали семьдесят долларов и телефонная карточка, а в одном кроссовке — ключ, как у Никки. Деньги и карточку могли украсть, ключ — точно не могли.

Калиша крепко обняла Тима.

— Даже не знаю, как еще вас отблагодарить.

— Этого вполне достаточно, — ответил Тим.

— Надеюсь, мир не погибнет из-за нас.

— В последний раз тебе говорю, Ша, если кто-нибудь нажмет большую красную кнопку, вы не виноваты.

Она слабо улыбнулась.

— У нас ведь была большая красная кнопка, чтобы покончить со всеми красными кнопками*. И было приятно на нее нажать. Это меня и мучает. Насколько мне было приятно.

— Все в прошлом.

— Да. И хорошо, что так. Никто не должен получать такую власть. Особенно дети.

* Намек на фразу: «Война за то, чтобы покончить со всеми войнами». Этот идеалистический лозунг времен Первой мировой войны теперь используется только иронически.

Тим подумал, что некоторые из тех, кому доверены большие красные кнопки, — дети если не телом, то умом, однако вслух этого не сказал. Калише предстоит неведомое и неопределенное будущее, незачем еще сильнее ее пугать.

Калиша повернулась к Люку и сунула руку в новую сумочку.

— У меня кое-что для тебя есть. Было в кармане, когда мы сбежали из Института, а я и не заметила. Пусть хранится у тебя.

Она протянула ему мятую сигаретную пачку. Над картинкой с ковбоем, крутящим лассо, шла надпись: «КОНФЕТКИ «СИГАРЕТКИ», — а под ней — «КУРИ КАК ПАПА!»

— Там всего несколько штук осталось. Поломанные и наверняка засохшие, но все равно...

Люк заплакал. Теперь пришла очередь Калиши обнять его.

— Не плачь, солнышко, — сказала она. — Пожалуйста, не плачь. Ты ведь не хочешь разбить мне сердце?

5

Когда Венди и Калиша уехали, Тим спросил Люка, не настроен ли тот сыграть в шахматы. Мальчик помотал головой:

— Я пойду посижу под большим деревом. У меня так пусто на душе. Никогда так пусто не было...

Тим кивнул:

— Это пройдет. Поверь мне.

— Иначе никак, видимо. Думаете, кому-нибудь из них придется воспользоваться ключом?

— Нет.

Ключи открывали депозитную ячейку в Чарлстонском банке. В ячейке лежало то, что передала Люку Мо-

рин Алворсон. Если что-нибудь случится с любым из детей, уехавшим с фермы «Катавба», либо с Люком, Тимом или Венди, один из них поедет в Чарлстон и откроет ячейку. Может, приедут все, если сохранится связь, возникшая в Институте.

— А кто-нибудь поверит тому, что на флешке?

— Энни точно поверит, — улыбнулся Тим. — Она верит в призраков, НЛО, приходящих, во что угодно.

Люк не улыбнулся в ответ.

— Да, но она немножко... ну, вы знаете, не в себе. Хотя ей вроде стало получше, когда она начала часто видаться с мистером Дентоном.

У Тима брови полезли вверх.

— С Барабанщиком? Хочешь сказать, они *встречаются*?

— Да, наверное, если про старых людей так говорят.

— Ты читаешь ее мысли?

Люк чуть заметно улыбнулся.

— Нет. Я снова могу только двигать подносы из-под пиццы и шевелить книжные листы. Она мне сама рассказала. — Люк задумался. — И, наверное, не беда, что я вам сказал. Она не брала с меня клятву хранить тайну.

— Ну ничего себе! А насчет флешки... знаешь, как можно потянуть за ниточку и распустить целый свитер? Думаю, флешка способна оказаться такой ниточкой. Люди узнают детей из Палаты А. Многих детей. Начнется расследование, и все надежды шепелявого возродить программу накроются медным тазом.

— По-моему, у него в любом случае ничего не выйдет. Он может думать иначе, но это просто магическое мышление. С пятидесятих годов прошлого века мир сильно изменился. Знаете, я все-таки пойду...

Он махнул рукой в сторону дома и сада.

— Иди, конечно.

Люк зашагал прочь, точнее, поплелся, опутив голову.

Тим почти было его отпустил, однако в последний миг передумал. Догнал Люка и взял за плечо. Когда мальчик обернулся, Тим его обнял. Он обнимал и Никки... черт, да он всех детей обнимал, когда по ночам их мучили кошмары, но сейчас это значило намного больше. Несравненно больше. Тим хотел сказать Люку, что тот храбрый, быть может, самый храбрый мальчик — причем в жизни, а не в приключенческих книжках. Что он сильный, порядочный, и родители им гордились бы. Хотел сказать, что любит его. Только слов не находил. Впрочем, в них и не было нужды. Как и в телепатии.

Иногда объятие — это телепатия.

6

За домом — между задним крыльцом и огородом — рос красивый старый дуб. Люк Эллис, который когда-то жил в Миннеаполисе, штат Миннесота, с любящими родителями Гербом и Айлин Эллис, который когда-то дружил с Морин Алворсон, и Калишей Бенсон, и Ником Уилхолмом, и Джорджем Айлзом, сидел под этим дубом. Он уперся локтями в колени и смотрел на то, что Венди называла Крутыми горками.

А еще я когда-то дружил с Авери, подумал он. Именно Авери их на самом деле освободил. Если кто и герой, то не я. Герой — Авестер.

Люк достал из кармана мятую сигаретную пачку и выудил конфету. Ему вспомнилось, как он впервые увидел Калишу, когда девочка сидела на полу с такой же конфетой в зубах. *Хочешь?* — спросила она. *Может, сахар немного поднимет тебе настроение. Мне всегда поднимает.*

— Как по-твоему, Авестер? Поднимет мне это настроение?

Люк сгрыз кусок сигареты. Настроение и впрямь стало чуточку лучше, хотя он не знал почему. Тут точно не было никакого научного объяснения.

Люк заглянул в пачку. Там оставалось еще две или три штуки. Можно было съесть их сейчас, но он решил подождать.

Оставить немножко на потом.

23 сентября 2018 года

От автора

Своего позволения, постоянный читатель, несколько слов о Рассе Дорре.

Я познакомился с ним больше сорока лет назад — много больше сорока — в городе Бриджтон, штат Мэн. Тогда он был единственным фельдшером в местной больнице, где работали три врача. Расс лечил почти все хвори нашего семейства, от кишечного гриппа до отита у детей. Его стандартной шутиливой рекомендацией от простуды были чистые жидкости — «просто джин и водка». Он спросил меня, чем я занимаюсь, я ответил, что пишу романы и рассказы, по большей части страшные, про паранормальные явления, вампиров и прочих чудовищ.

— Извини, я такого не читаю, — сказал Расс.

Ни он, ни я тогда не знали, что со временем Расс будет читать все, что я пишу, — как правило, в рукописи и часто в процессе работы. Кроме моей жены, только он видел мои книги непринужденными и не готовыми показаться на людях.

Я начал задавать ему вопросы, поначалу на медицинские темы. Это Расс объяснил мне, как грипп меняется год от года, в результате чего каждая новая вакцина со временем перестает действовать (для «Противостояния»).

Он дал мне список упражнений для того, чтобы мышцы коматозного больного не атрофировались (для «Мертвой зоны»). Он терпеливо растолковывал, как животные заражаются бешенством и как развивается эта болезнь (для «Куджо»).

Его участие постепенно расширялось, и, выйдя на пенсию, он стал моим помощником-консультантом на полный рабочий день. Мы вместе посетили Техасское школьное книгохранилище при работе над «11/22/63» — книгой, которую я буквально не смог бы без него написать, — и пока я проникался атмосферой места (искал призраков... и нашел их), Расс делал фотографии и проводил измерения. А когда мы поехали в Техасский кинотеатр, где полиция задержала Ли Харви Освальда, именно Расс спросил, что шло там в тот день (двойной сеанс, включавший фильмы «Боевой клич» и «Война — это ад»).

Для «Под Куполом» он собрал тонны информации про микроэкосистему, которую я пытался создать, от мощности генераторов до того, на сколько хватит продуктов. Однако больше всего он гордился тем, что сумел помочь, когда я попросил придумать запас воздуха для моих героев — что-то вроде баллона для дайвинга, — которого хватило бы минут на пять. Это было нужно для кульминационного момента книги, и я тщетно ломал голову. И Расс тоже, пока не застрял в автомобильной пробке и не пригляделся к машинам вокруг.

— Шины, — сказал он мне. — Шины наполнены воздухом. Он будет затхлым и вонючим, но дышать им можно.

И так, дорогие читатели, там появились шины.

Он очень многое подсказал мне для книги, которую вы только что прочли, от анализа новорожденных на НФМ (да, он существует на самом деле, только чуточку приукрашен литературно) до того, как получить отравляющий газ из бытовой химии (не пытайтесь повторить

этого в домашних условиях, дети). Он проверял каждую строчку и факт, помогая мне добиться того, к чему я всегда стремлюсь: сделать невозможное правдоподобным. Расс был крупный, широкоплечий, светловолосый, любил шутить, пить пиво и запускать бутылочные ракеты на Четвертое июля. Он вырастил двух замечательных дочерей и был с женой на протяжении долгой болезни, которая свела ее в могилу. Мы работали вместе, но он был еще и моим другом. Мы прекрасно ладили. И никогда не спорили.

Расс умер от почечной недостаточности осенью 2018-го, и мне чудовищно его не хватает. Не хватает, когда мне нужна информация (в последнее время это были лифты и айфоны первого поколения), но гораздо сильнее, когда я забываю, что его нет, и думаю: *Надо бы звякнуть Рассу или написать ему по электронке, спросить, как дела*. Эта книга посвящена моим внукам, потому что она в основном о детях, но сейчас, готовясь выпустить ее в мир, я думаю о Рассе. Очень трудно расставаться со старыми друзьями.

Я скучаю по тебе, дружище.

Прежде чем попрощаться, постоянный читатель, хочу поблагодарить обычных подозреваемых: Чака Веррилла, моего агента; Криса Лоттса, который занимается продажей прав за рубеж и нашел десяток способов сказать: «Ты меня слышишь?»; Рэнда Холстена, который заключает контракты на экранизацию (в последнее время их было много), и Кэти Монагэн, которая организует пиар для издательства «Scribner». И *огромное* спасибо Нэн Грэм, редактировавшей книгу, в которой так много шестеренок, параллельных временных линий и персонажей. Она сделала эту книгу лучше. Еще надо поблагодарить Маршу Дефилиппо, Джули Югли и Барбару Макинтайр, которые звонят по телефону, договариваются о встречах и высвобождают для меня бесценные часы, чтобы писать.

Последними (по порядку, а не по значению) благодарю моих детей — Наоми, Джо и Оуэна. И жену. Если мне можно процитировать Джорджа Р. Р. Мартина, она — мое солнце и звезды.

17 февраля 2019 года

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

Институт

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*

Редакторы *К. Егорова, С. Тихоненко*

Компьютерная верстка: *Р. Рыдалин*

Технический редактор *Т. Полонская*

Подписано в печать 17.02.2020. Формат 84х108 ¹/₃₂.

Печать офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 31,92. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1781.

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные

Произведено в Российской Федерации

Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. 1, 7 этаж.

Наш электронный адрес: www.ast.ru. Интернет-магазин: www.book24.ru.

E-mail: neoclassic@ast.ru. ВКонтakte: vk.com/ast_neoclassic.

«Баспа Аста» деген ООО

129085, г. Мәскеу, Жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 кұрылым, 705 бөлме, пом. 1, 7-кабат

Біздің электрондық мекенжаймыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий
в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.

Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында
наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл — «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы
қ., Домбровский көш., 3«а», Б літері офіс 1. Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91,
факс: 8 (727) 251 59 92 шкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz, www.book24.kz

Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2020

Өнімнің жарамдылық; мерзімі шектелмеген.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

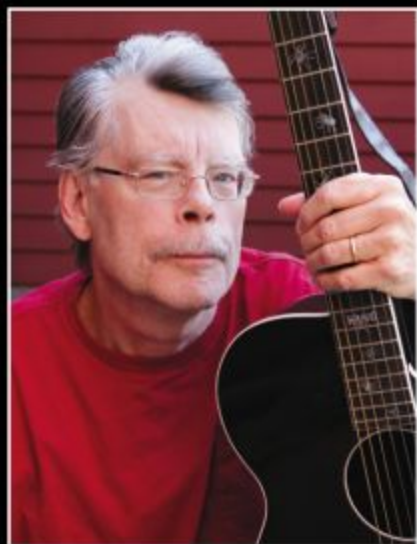
СТИВЕН КИНГ

и его легендарный цикл

Темная Башня

- Стрелок
- Извлеченные трюхи
- Бесплодные земли
- Колдун и кристалл
- Ветер снесет замочную скважину
- Волны Кальи
- Песнь Сюзанны
- Темная Башня

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Еще недавно у двенадцатилетнего Люка Эллиса была вполне привычная жизнь: школа, обеды с родителями в любимой пиццерии, вечера в компании лучшего друга... Пока одним июньским утром он не просыпается в собственной комнате, вот только в ней нет окон и находится она в тщательно укрытом от всего мира месте под названием «Институт».

Здесь над похищенными из разных городов детьми, обладающими даром телепатии или телекинеза, проводят жестокие эксперименты с целью максимально развить их паранормальные способности.

Бежать невозможно. Будущее предопределено, и это будущее — загадочная Дальняя половина Института, откуда не возвращался еще никто...

Однако Люк не намерен сдаваться. Он уверен: в любой системе есть слабое место и он дождется часа, когда сможет вновь оказаться на свободе...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-120968-1

9 785171 209681